

# ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ ТИШАЙШИЙ



Вячеслав  
Козляков



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

## Annotation

Царь Алексей Михайлович — главный человек XVII века в России. В его судьбе сошлись начала и концы столетия, названного «бунташным», а прозвище первого наследника династии Романовых у современников оказалось — «Тишайший». Обычно если его и вспоминают, то как отца Петра Великого: действует магия контраста двух веков — XVII и XVIII. Но ведь и само тридцатилетнее царствование Алексея Тишайшего (1645–1676) стало эпохой великого переустройства. Центральные его события — так называемое «воссоединение» России с Белоруссией и Украиной (увы, как выясняется, совсем не «навек») и почти забытая ныне Русско-польская война 1654–1667 годов, предопределившая исходную расстановку сил в международных отношениях, доставшуюся Петру I, и сделавшая возможным «европейский выбор» России. Царствование Алексея Михайловича — это и время расцвета Русской церкви, реформ патриарха Никона, движения к превращению Москвы в Новый Иерусалим и центр вселенского Православия, но еще и время трагического Раскола церкви, Разинщины... В книге известного историка и постоянного автора серии «ЖЗЛ» Вячеслава Николаевича Козлякова предложен новый, современный взгляд на эти и другие ключевые события русской истории XVII века, равно как и на личность самого «Тишайшего» государя.

[Адаптировано для AlReader]



FB2 книгу сделал mefysto

- 
- [Вячеслав Козляков](#)
    - 
    - [«ТИШАЙШИЙ»](#)
    - [Часть первая](#)
      - [НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ](#)
        - [Венчание на царство](#)
        - [Ранние годы](#)

- [Правительство боярина Морозова](#)
  - [«Государская радость»](#)
  - [«На Москве продадут власть»](#)
  - [Соборное уложение](#)
- [ВЫБОР ПУТИ](#)
  - [Мечта об Иерусалиме](#)
  - [«Высокая рука»](#)
  - [Самозванец Тимошка Анкудинов](#)
  - [«Мятеж и воровской завод»](#)
  - [Никон — патриарх](#)
  - [«За царскую честь война вестъ»](#)
- [«НА БОЖЬЕЙ СЛУЖБЕ»](#)
  - [Смоленский поход](#)
  - [«Моровое поветрие»](#)
  - [Месяц в Москве](#)
  - [«Лихо против рожна прати»](#)
  - [Рижский поход](#)
- [Часть вторая](#)
  - [НОВАЯ СТЕПЕНЬ РОССИЙСКОГО ЦАРСТВИЯ](#)
    - [166-й год](#)
    - [Уход патриарха Никона](#)
    - [«А миру война не помешка»](#)
    - [«Промысл учинить над Аршавою»](#)
    - [Чудновская катастрофа](#)
    - [«Господь Бог путь показывает мирной»](#)
  - [«ВНУТРЕННИЕ ССОРЫ»](#)
    - [«Белые» и «красные»](#)
    - [«Коломенский шум»](#)
    - [После бунта](#)
    - [«Дело Никона»](#)
    - [Церковный собор](#)
  - [ОРЕЛ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ](#)
    - [Поход короля Яна Казимира](#)
    - [Путь к миру](#)
    - [Триумф новой России](#)
    - [Обновление царства](#)
- [Часть третья](#)
  - [ИСПЫТАНИЯ](#)

- Измена «черкас»
- Семейный крах
- Разинская война
- «И да погибнет память их...»
- ОСЕНЬ ВЛАСТИ
  - «Время» Артамона Матвеева
  - «Поход на Турского салтана»
  - «...Короне Польской уступлены не будете»
  - «Войну готовить на Крым...»
  - Уход «Тишайшего»
- «ТИШАЙШИЙ» В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ
- ПРИЛОЖЕНИЕ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ





- [INFO](#)
- [НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [comments](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)



- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)

- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)

- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)

- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)

- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)

- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)

- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)

- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)



- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)

- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)

- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)

- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)

- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)

- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)

- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)

- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)



- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)

- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)

- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)



ЖИЗНЬ<sup>®</sup>  
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ  
ЛЮДЕЙ

*Серия биографий*

Основана в 1890 году  
Ф. Павленковым  
и продолжена в 1933 году  
М. Горьким



**ВЫПУСК**

**1885**

---

**(1685)**

**Вячеслав Козляков**

**ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ ТИШАЙШИЙ:  
ЛЕТОПИСЬ ВЛАСТИ**



МОСКВА  
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

\*

© Козляков В. Н., 2018

© Издательство АО «Молодая гвардия»,  
художественное оформление, 2018

## «ТИШАЙШИЙ»

Царь Алексей Михайлович — главный человек XVII века в России. В его судьбе сошлись начала и концы столетия, названного «бунташным», а прозвище первого наследника династии Романовых у современников оказалось — «Тишайший». Обычно если его и вспоминают, то как отца Петра Великого. Действует магия контраста двух веков — XVII и XVIII. С отцом — Алексеем Михайловичем — связан расцвет Московского царства, сын — Петр Алексеевич — расстался с отцовским наследством и построил свой дом — Российскую империю. К старине относятся косность, рутина, неповоротливость, доморощенные обычаи и сам облик людей, к новизне — европейский порыв, гром оружия, административный переворот и петровские символы — царь-плотник, царь-мореходец, царь-преображенец, и, венец нашей истории, — Медный всадник. В новой имперской столице — Петербурге, не существовавшем в допетровскую эру, уже не нужно было рассматривать, что там позади. Лишь Москва, лелеявшая свою древность, помнила «царя-батюшку», именно в таком, прямом смысле. И еще бы ей не помнить, видя оставшиеся на века зримые символы правления царя Алексея Михайловича, его главные царские резиденции и дворцы в Коломенском и Измайлове. Мы чаще всего узнаем нашу московскую старину XVII века именно по тем храмам и «палатам», что построены во времена царя Алексея Михайловича.

Впрочем, тридцатилетнее царствование «Тишайшего» царя само оказалось эпохой великого переустройства. В советской исторической традиции вспоминались, прежде всего, городские восстания и «крестьянские войны» — мятеж 1648 года, «Медный бунт» 1662 года, Степан Разин. Слова из работы 24-летнего Ленина о «новом периоде» русской истории в XVII веке, связанном с формированием «всероссийского рынка», породили целое направление исследований «генезиса капитализма» — но кто о них сейчас помнит, кроме историографов? Современным историкам приходится выбираться из этих «завалов» устаревших концепций и смыслов, стремясь вернуться на столбовую дорогу изучения русской истории, связанную с именами Соловьева, Ключевского, Платонова. При этом странно было бы думать всего лишь о реставрации взглядов науки XIX — начала XX века.

Сегодня существуют новые вызовы для историков при обращении к биографии царя Алексея Михайловича. Достаточно привести одну цитату

из «Курса русской истории» Василия Осиповича Ключевского, чтобы представить, насколько глубоко уходят в прошлое корнями иные исторические события, оставаясь при этом в политической повестке: «... малороссийский вопрос, так криво поставленный обеими сторонами, затруднил и испортил внешнюю политику Москвы на несколько десятилетий, завязил ее в невылазные малороссийские дрязги, раздробил ее силы в борьбе с Польшей, заставил ее отказаться и от Литвы, и от Белоруссии с Волынью и Подолией и еле-еле дал возможность удержать левобережную Украину с Киевом на той стороне Днепра. После этих потерь Москва могла повторить про себя самое слова, какие однажды сказал, заплакав, Б. Хмельницкий в упрек ей за неподание помощи вовремя: «Не того мне хотелось и не так было тому делу быть»<sup>{1}</sup>. Речь о «воссоединении» России и Украины в 1654 году! За этим последовали забытая тринадцатилетняя война (или даже войны) с Речью Посполитой и Швецией, возвращение Смоленска. Царь Алексей Михайлович первым из русских царей получил титул царя «всея Великия и Малыя и Белья России». Несколько лет московское войско оккупировало столицу Великого княжества Литовского — Вильно, а царь лично принимал участие в безуспешной осаде Риги. События эти известны, но всё равно изучены мало, создавая поле для противоположных трактовок в исторической науке разных стран — России, Белоруссии и Украины. Пиком внешней политики царя Алексея Михайловича стало Андрусовское перемирие с Речью Посполитой 1667 года. Оно открыло дорогу к укреплению России в Левобережной Украине и Киеве, завершению долгого противостояния с Крымом и созданию новой антитурецкой коалиции. Именно царь Алексей Михайлович и его дипломаты предопределили исходную расстановку сил в международных отношениях, доставшуюся Петру I, и сделали возможным европейский выбор России.

Времена царя Алексея Михайловича — период расцвета церкви, реформ патриарха Никона, движения к превращению Москвы в Новый Иерусалим и центр вселенского Православия, личного противостояния царя и патриарха Никона, споров о правах и преимуществах священства и царства. Сейчас происходит своеобразная «реабилитация» Никона, некогда покинувшего патриарший трон, а потом низведенного с него соборным решением с участием вселенских патриархов. Имена других московских святителей в царствование Алексея Михайловича, предшественника Никона патриарха Иосифа и тех, кто сменил Никона на патриаршем престоле — Иоасафа, Питирима и Иоакима, вспоминаются реже. Но Никон

и его преемники виноваты в трагическом Расколе Русской церкви<sup>[2]</sup>. Именно тогда начался продолжающийся до сих пор вечный спор о церковной «старине и новизне», появились жертвы религиозной войны — протопоп Аввакум, боярыня Морозова, соловецкие старцы, многие другие.

На царствование Алексея Михайловича приходится много новых явлений, одно их перечисление может занять немало места. Вспомним про Соборное уложение 1649 года, провозгласившее принцип равного «суда и рос-правы», но и завершившее движение к крепостному праву. Появляются первый рубль, первая печатная Библия, начинаются попытки строительства кораблей, заведения почт и бумажных мануфактур, происходит целенаправленное собирание иноземных новостей в «Вестях-курантах». Возникают новые культурные традиции, благодаря воспитателю царских детей Симеону Полоцкому процветает силлабическое стихотворство, при дворе происходят первые театральные постановки. К сожалению, культурные нововведения оказались в тени важных политических событий: войн и бунтов, церковного раскола. Мало исследована частная жизнь царя — отца шестнадцати детей от двух браков с царицами Марией Ильиничной Милославской и Натальей Кирилловной Нарышкиной (четверо детей царя умерли в младенческом или раннем детском возрасте). Его сыновья — Федор, Иван и Петр — становились русскими царями, а дочь Софья — правительницей царства. Именно семейная история царя Алексея Михайловича заложила основу для политического столкновения кланов Милославских и Нарышкиных, предопределившего дальнейшую дворцовую историю в конце XVII века.

Вспоминая о царе Алексее Михайловиче, говорят и о его ближайших советниках и сотрудниках. В первую очередь о боярине Борисе Ивановиче Морозове, оказавшем заметное влияние на историю первых лет царствования юного царя. Яркие имена дипломатов, приближенных царем Алексеем Михайловичем и возглавлявших Посольский приказ — Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина и Артамона Сергеевича Матвеева тоже не случайно прославлены по их уму и заслугам. Князь Никита Иванович Одоевский — создатель Соборного уложения; известны и полководцы — князья Яков Куденетович Черкасский, Алексей Никитич Трубецкой, Иван Андреевич Хованский, Григорий Григорьевич Ромодановский. Перечислением этих бояр не исчерпывается ряд «замечательных людей» царствования Алексея Михайловича. Удивительно, как мало рассказывают про подвиги бесшабашного в своей храбрости князя Семена Романовича Пожарского, погибшего после трагической битвы под Конотопом в 1659 году. Не вспоминается судьба пленного боярина Василия Борисовича



Шереметева, на долгие десятилетия оказавшегося в крымском плену. Произнося имя предводителя «крестьянской войны» Степана Разина, не упоминают о главе правительственной армии и победителе разинцев боярине князе Юрии Алексеевиче Долгоруком. Сыну-императору можно было брать пример с отца — царя Алексея Михайловича, пестуя потом своих «птенцов гнезда Петрова».

Возрождение интереса к личности «Тишайшего» царя оказалось тесно связано со спорами западников и славянофилов в середине XIX века. Хотя противопоставление Московского царства и Российской империи только мешало понять общую связь времен. Пока в дни 200-летнего юбилея Петра Великого в 1872 году не были произнесены слова Сергея Михайловича Соловьева о «знаменитом» царствовании Алексея Михайловича: «Необходимость движения на новый путь была признана, обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»<sup>[3]</sup>.

Художественные мотивы «русского стиля» конца XIX столетия опирались на шедшие из глубины традиции допетровской Руси. Историческая живопись Аполлинария Васнецова, Сергея Иванова, Александра Литовченко, Андрея Рябушкина и других художников возвращала в культурный контекст изображения исторических героев, известных событий и картин жизни времен «Тишайшего». Показательно участие Николая II в образе царя Алексея Михайловича на костюмированном балу в Зимнем дворце в 1903 году. И во время празднования 300-летнего юбилея Дома Романовых было написано немало популярных трудов, рассказывавших о начале династии. Но далее, по известным революционным обстоятельствам, имя царя Алексея Михайловича оказалось забытым. Александр Иванович Заозерский — автор последней дореволюционной диссертации о временах «Тишайшего», говорил об этом уже на своем докторском диспуте в 1917 году: «...я не уверен, не звучит ли при настоящих условиях имя Алексея Михайловича так же глухо, как, например, имя какого-нибудь из египетских царей»<sup>[4]</sup>.

Традиция создания биографических портретов царя Алексея Михайловича возобновилась в отечественной историографии на рубеже 1980—1990-х годов. (Отражением интереса к этой «забытой» исторической фигуре стало издание в серии «ЖЗЛ» книги Игоря Львовича Андреева, где содержатся интересные психологические характеристики и общий обзор основных событий царствования «Тишайшего»<sup>[5]</sup>.)

Конечно, перед каждым автором при обращении к изучавшейся ранее биографии исторического героя стоит вопрос: зачем нужна еще одна книга, какой интерес она будет представлять для читателя? Работа историка всегда начинается с изучения «литературы вопроса»<sup>[1]</sup>. И оказалось, что целостного рассказа о тридцатилетнем правлении «Тишайшего» до сих пор не создано. Народные восстания, история церкви, войны и международные отношения, царская жизнь во дворце, культурные новшества и борьба придворных партий рассматриваются по отдельности, не пересекаясь друг с другом. Большие пласты документального материала в архивах только начинают вводиться в научный оборот, особенно это касается историографических прорывов последних лет, связанных с изучением Государева двора, военной истории и дипломатии середины XVII века.

Рассказ о событиях царствования Алексея Михайловича, конечно, не должен подменять собой обычную биографическую канву (хотя иногда бывает очень трудно провести грань между властью и жизнью царей). Поэтому, наряду с общим повествованием о делах царства, в книге рассказывается об участии Алексея Михайловича в управлении государством, и этот рассказ составлен по его письмам, запискам, грамотам и указам. Однако между героем этой книги и нами лежит не просто большая историческая дистанция. Необходимо перевести на современный язык понятия, символику и ритуалы переходной эпохи от Средневековья к Новому времени. Только памятуя о некогда существовавшей системе ценностей, можно понять, например, как споры дипломатов о царских титулах соответствовали возраставшему самосознанию страны и ее значению в Европе. Решения о посылке войск или заключении мира тоже напрямую зависели от Алексея Михайловича, но еще важнее, что настоящие мотивы царских поступков во многом имели религиозное обоснование и были обусловлены его стремлением к торжеству Православия. Существовала и обычная, повседневная жизнь, в которой без царя и самодержца не решалось ни одно дело об устройстве суда, введении налогов, установлении правил торговли и денежного обращения. Наконец, совсем закрытый внутренний мир царя, впервые создавшего Тайный приказ, — можно ли историку проникнуть в него, разбирая немногие оставшиеся в архиве царские автографы и правку Алексея Михайловича на документах?..

Эпоха Московского царства каждый раз явственно напоминает о себе — даже тогда, когда преемственность с прошлыми временами считается утраченной. И тогда снова и снова приходится задумываться о традиции власти, роли Земли и земских соборов, цене реформ, бунтах и войнах.

Поэтому обращение к своеобразной «летописи власти» царя Алексея Михайловича может помочь выявить «поворотные» точки, как в биографии «Тишайшего», так и во всей истории России накануне петровских преобразований.

**Часть первая**

**УТВЕРЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ**



# НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ

## Венчание на царство

В ночь с 12 на 13 июля 1645 года умер царь Михаил Федорович<sup>[6]</sup>. Детство и отрочество его сына царевича Алексея закончились. Как бы ни готовил он себя к будущему правлению, смириться с ранним уходом отца было тяжело. А вскоре вслед за этим, 18 августа, ушла из жизни и его мать, царица Евдокия Лукьяновна<sup>[7]</sup>. Два траурных летних месяца, наступающих друг на друга, завершили трагичное время. Венчание царя Алексея Михайловича на царство состоялось в воскресенье 28 сентября 1645 года, в день Харитона исповедника.

Переход власти к царю Алексею Михайловичу произошел по династическим основаниям — иначе, чем избрание на царство его отца, царя Михаила Федоровича. По замечанию историка Павла Петровича Смирнова, в 1613 году был «избран на трон Михаил Романов-Юрьев, но не династия Романовых, как это обычно думают и говорят», а «обычай был не за наследование, а за избрание»<sup>[8]</sup>. Новому царю, такому же шестнадцатилетнему юноше, каким некогда был при вступлении на престол Михаил Романов-Юрьев, предстояло принять власть и доказать, что трон принадлежал ему по праву наследства. В грамотах о присяге говорилось, что он «учинился» царем «по благословению отца своего», и это решение было освящено авторитетом патриарха Иосифа и Боярской думы, первой присягнувшей царю. С 1645 года и началось династическое время правления Романовых.

Присяга царю Алексею Михайловичу, организованная в Москве и городах, проходила быстро, сразу после смерти прежнего царя. В Москве приводили жителей «к кресту» архимандрит кремлевского Чудова монастыря Кирилл, боярин князь Никита Иванович Одоевский, окольный князь Семен Васильевич Прозоровский и «думный разрядный дьяк» Михаил Волошенинов. Согласно заведенному порядку имена присягавших записывали в крестоприводные книги, чтобы ни у кого не было соблазна нарушить клятву на верность, данную на кресте новому самодержцу.

Надо было сразу добиться присяги войска, поэтому из Москвы разослали доверенных людей для приведения к кресту служилых людей, находившихся летом на полковой службе в Туле, Мценске, Веневе,

Переславле-Рязанском, Крапивне и Одоеве, а также по всем основным городам государства<sup>191</sup>. В дворцовых разрядах осталась запись о посылке 22 июля 1645 года к главному воеводе Большого полка Украинного разряда на Туле стольнику князю Якову Куденетовичу Черкасскому комнатного стольника князя Бориса Ивановича Троекурова «с милостивым словом» и «о здоровье спрашивать». Из документов Разрядного приказа выясняется, что это одно из первых самостоятельных распоряжений царя Алексея Михайловича, ставшее его благодарностью за скорую присягу. Как ранее писал царю князь Алексей Никитич Трубецкой, присяга служивших в Большом полку членов Государева двора, уездных дворян и «всяких чинов служилых и жилецких людей» состоялась в тульской соборной церкви 17 июля в присутствии игумена местного Предтеченского монастыря и соборного протопопа. Собранным «полчанам» объявили о благословении царем Михаилом Федоровичем, «отходя сего света», на престол сына — царя Алексея Михайловича и призвали к присяге новому царю и вдовствующей царице Евдокии Лукьяновне, чтоб они им «служили и прямили и добра хотели во всем». Единственная проблема, возникшая с этой присягой, была связана со служилыми иноземцами — протестантами и татарами, бывшими в Большом полку в Туле: они должны были присягать «по своей вере». Потребовалось дополнительное обращение в Москву к царю Алексею Михайловичу, после чего состоялся государев указ: «государь, слушав сей отписки, указал послать на Тулу для тех немцев люторские веры по па и евангелъе, которое немцы целуют; а для мурз и татар куран, на чем им шертовать (присягать. — В. К.), и переводчика из Посольского приказу». Несколько дней спустя в Тулу от царя приехал стольник князь Троекуров. Служилых людей Большого полка снова собрали в соборную церковь, чтобы объявить царскую благодарность стольнику князю Якову Куденетовичу Черкасскому и другим воеводам. От имени царя их спрашивали, «как вас на его государеве службе Бог милует», и «похваляли» воевод «за правду». Успешно проведший присягу князь Алексей Никитич Трубецкой — представитель одного из самых заметных аристократических родов князей-Гедиминовичей, первым в царствование Алексея Михайловича был пожалован в боярский чин.

Присяга в полках не везде проходила спокойно. Известен казус с главным воеводой передового полка в Мценске стольником Василием Борисовичем Шереметевым. Шереметевы, как и князья Черкасские, входили в круг близких родственников Романовых, поэтому речь не шла о прямом неповиновении новому царю. Произошел обычный местнический спор: представитель рода Шереметевых отказался подчиняться приказу,

переданному через князей Лыковых, хотя стольник князь Иван Федорович Лыков имел наказ о присяге новому государю. Шереметев отчитался о присяге новому царю Алексею Михайловичу, якобы проведенной в его полку в Мценске еще накануне приезда князя Лыкова. Уловка не очень помогла: ведь Шереметев нарушил царское распоряжение, и ему выговорили в особой грамоте: «то он учинил негораздо, что государева указа не послушал». Впрочем, и наказывать не стали, наоборот, похвалили за скорую присягу, хотя и потребовали повторить ее «вдругорядь», как положено<sup>[10]</sup>. В этом уже была явлена черта характера царя Алексея Михайловича, стремившегося к «порядку», но в итоге смирявшего свой гнев. Он прощал людей из своего ближнего и родственного окружения и давал им возможность искупить свою вину. Таких примеров во времена правления царя Алексея Михайловича будет достаточно.

Справившись с организацией присяги в войске и по всем городам, приняли меры для извещения окрестных правителей об изменениях, произошедших в Московском царстве. 3 августа 1645 года были «наряжены» гонцы «в Турки, Ибрагим салтану царю», «в Кизылбаши, к персидскому и ширванскому Аббас шаху», «в Полшу и в Литву к королю Владиславу», «в Дацкую землю, к королю Христианусу», «в Свицкую землю, к королевне Христине», «в Аглинскую землю, к королю Карлусу». Иерархия стран, о реакции которых в Москве заботились в первую очередь, получилась очень наглядной — Турция, Персия, Речь Посполитая, Дания, Швеция, Англия. Гонцы должны были договориться «для подкрепленья землям» об обмене «великими послами». Но каждого из них ожидала непростая миссия. Следовало еще разрубить сложные дипломатические узлы, без чего трудно было бы рассчитывать на достойную встречу гонцов, отосланных из Посольского приказа с грамотами о царском избрании. В Москве уже пол года пребывал посол Речи Посполитой брацлавский воевода Гаврила Стемпковский. Все традиционные вопросы о титулах, разграничении земель, союзе против крымского хана и о торговле отступали перед проблемой, упиравшейся в самозванца, находившегося в то переходное время в самой Москве на посольском дворе. Имя его — Ян Фастин Луба; говорили, что он сын царя Дмитрия — «Тушинского вора» — и Марины Мнишек. Сам Иван Луба не участвовал в самозванческих интригах, его шляхетское происхождение было хорошо известно. Родителей его тоже звали Дмитрием и Мариной, и он несколько лет ребенком провел в московском плену, что роковым образом сказалось на его судьбе. В Москве, в отличие от Речи Посполитой, где вся история с Лубой родилась как шутка, серьезно относились к любым намекам на

самозванство. Послы царя Михаила Федоровича добились от короля Владислава IV разрешения привезти Яна Лубу в Москву, но при условии его возвращения на родину. 9 августа 1645 года состоялся «отпуск» посла Гаврилы Стемпковского. Новый царь впервые участвовал в подобной церемонии в Золотой палате Кремля<sup>[11]</sup>. Отъезд посла означал и конец истории с Лубой, уезжавшим-таки домой в посольской свите.

Была поставлена точка и в другом деле, тоже имевшем отношение к проблеме престолонаследия. 13 августа царь Алексей Михайлович был на «отпуске» (прощальной дипломатической церемонии) несостоявшегося жениха своей старшей сестры царевны Ирины — датского королевича Вальдемара и сопровождавших его послов. Причиной неудачного сватовства, как известно, оказался неразрешимый вопрос о смене веры. Рушились планы возможного династического союза с Данией, ни к чему оказалась и посредническая роль Речи Посполитой. Но, несмотря на недовольство датского короля Христиана, более чем прохладно встретившего московского гонца в Копенгагене, особых последствий эта история не имела. Всё списали на недавнюю смерть царя Михаила Федоровича. Царь Алексей Михайлович устроил принцу торжественные проводы и сделал всё, чтобы королевич Вальдемар не чувствовал себя уязвленным из-за оказанного ему в Москве приема. Как записано в дворцовых разрядах, «государь сам встречал королевича у своего государева места». Мало кто мог рассчитывать на такую честь. Королевич Вальдемар сохранил теплые чувства к царю Алексею Михайловичу и несколько лет спустя писал ему об этом в личном послании<sup>[12]</sup>. Словом, никакой ревности царя Алексея Михайловича к королевичу Вальдемару, при известных обстоятельствах получавшему права на русский трон, не было.

Оставшись единственным мужчиной в семье, царь должен был позаботиться о своих сестрах — царевнах Ирине, Анне и Татьяне. Царицын двор жил отгороженной от мира жизнью в особых палатах в Кремле. Сохранились письма царя Алексея Михайловича сестрам (правда, чуть более позднего времени), в них он раскрывается как заботливый и любящий брат. Скорее всего, дети царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны вместе решили «построить» покров на гробницу матери. Его начали шить на девятый день после похорон, 28 августа 1645 года<sup>[13]</sup>.

Первоначально венчание на царство Алексея Михайловича хотели приурочить к новолетию — 1 сентября 154-го (1645) года, однако его



пришлось перенести до окончания нового траура — по матери царице Евдокии Лукьяновне.

Пока готовился церемониал венчания, царь Алексей Михайлович совершил традиционный для московских царей сентябрьский поход в Троице-Сергиев монастырь. Новый царь и его свита отправились в путь 10 сентября. Поклонение мощам преподобного Сергия Радонежского создавало особый настрой перед венчанием на царство.

Главная роль в обряде отводилась патриарху Иосифу, как когда-то митрополиту Макарию, венчавшему на царство Ивана Грозного, а затем патриарху Иову при избрании на трон Бориса Годунова и казанскому митрополиту Ефрему в памятном для Романовых 1613 году. Чин венчания на царство Алексея Михайловича сохранился в нескольких списках; в самом раннем из них приведены речи царя и патриарха, которые обращались друг к другу. В речи царя говорилось о «старине» порядка перехода престола от отца к сыну, поминались «прадед» Иван Грозный и отец Михаил Федорович. «А меня, сына своего Алексея, при себе еще, и после себя, благословил царством и великим княжеством», — должен был сказать о своем вступлении на престол новый царь. Патриарх, среди прочего, желал царю: «...да в тишости твоей тихо и безмолвно житие проживем во всяком благочестии и чистоте».

Идеал «тишайшего» царя, как видим, обозначался чуть ли не с самого начала царствования Алексея Михайловича. Но... дело в том, что эти ритуальные фразы всего лишь дословно повторяли текст Чина венчания прежних государей, начиная с самого первого венчания на великое княжение Дмитрия, внука великого князя Ивана III, в 1498 году! Отсюда и неловкое, не соответствующее действительности упоминание о благословении царевича Алексея на царство его отцом «при себе еще», то есть во времена его царствования. Среди придворных, участников церемонии, упомянут высший придворный чин «конюшего», но после Смуты он уже никому не присваивался. В этой же рукописи упоминается и о пожеланиях патриархом здоровья царю и его матери — царице Евдокии Лукьяновне<sup>{14}</sup>. Следовательно, составление Чина относится к самым первым неделям после вступления на престол царя Алексея Михайловича, до смерти его матери 18 августа того же года, и за образец царского венчания был выбран Чин, связывавший новую династию Романовых с предшествующими русскими царями. Главным образом — повторенный во всех деталях Чин венчания на царство отца, царя Михаила Федоровича, в 1613 году<sup>{15}</sup>.

В другом, украшенном Чине венчания, составленном после завершения церемонии, описаны все этапы царского венчания, от выхода царя Алексея Михайловича в Успенский собор, речей царя и патриарха, возложения царских регалий, миропомазания до переходов в Архангельский и Благовещенский соборы и возвращения царя в свои покои. Впервые текст Чина венчания царя Алексея был опубликован еще в составе «Древней российской вивлиофики» в конце XVIII века<sup>[16]</sup>. Рукопись дает своеобразный «эффект присутствия» на торжествах, позволяет «увидеть» церемонии, происходившие в Кремле. В документе содержалась роспись имен придворных царя Алексея Михайловича, принявших участие в торжествах. Венчал коронационную церемонию пир в присутствии царя и патриарха в Грановитой палате, где были все бояре и придворные (оговаривалось их участие в торжествах «без мест», чтобы не было ссор). Патриарх произносил молитвы над «богородичным хлебом» (частью просфоры, вынутой на проскомидии в память о Богородице), благословляя за здравные чаши новому царю. Биограф царя Алексея Михайловича И. Л. Андреев проникательно заметил о значении венчания на царство: «...та мистическая предрасположенность, которая всегда отличала царя Алексея Михайловича, его серьезность в восприятии всего, что было связано с верой, — все это говорит в пользу того, что происходящее в Успенском соборе было принято, впитано и пропущено им через ум и сердце. Для него все этапы венчания... означали вступление в особый царский чин... Ведь весь богословский смысл земного православного царства — это образ и путь к Царству небесному, и ему, новопоставленному по благоволению Божьему на государство, следовало по тогдашним представлениям весь этот путь пройти, опекая и заботясь о подданных»<sup>[17]</sup>.

Значимость таких торжеств всегда была велика еще и с земной точки зрения, они наглядно позволяли увидеть, кто находится в царском приближении. Иногда можно заметить отличия от первоначального плана церемонии, что дает возможность изучения скрытой борьбы за влияние в окружении юного царя. Например, в черновом столбце Чина венчания сначала было записано, что взять царский венец — шапку Мономаха — и поднести ее царю полагалось боярину Федору Ивановичу Шереметеву — многолетнему главе правительства царя Михаила Федоровича. Но потом его имя было зачеркнуто, вместо него почетную миссию исполнил дед царя по матери — боярин Лукьян Степанович Стрешнев. Возможно, перемены были вызваны преклонным возрастом Федора Ивановича. К тому времени

он уже 40 лет служил в боярском чине и скоро вообще отошел отдел. Зато другие Шереметевы, Василий Петрович и Иван Петрович, были в числе главных действующих лиц на церемонии царского венчания. Правда, с ними (а еще с их «сватом», думным разрядным дьяком Иваном Гавреневым) Федор Иванович Шереметев был в ссоре из-за того, что хотел передать часть своих огромных владений внукам — князьям Одоевским, а не оставить исключительно в роду Шереметевых. Федор Иванович вынужден был даже в 1645 году пожаловаться юному царю Алексею Михайловичу, что Иван Петрович Шереметев со своими родственниками «умышляет всякое зло и разоренье» его дому и вотчинам. Такая родственная вражда могла проявиться во время царского венчания. В итоге одного боярина Шереметева заменили на другого — Стрешнева. Другую царскую регалию — скипетр — поручили сопровождать боярину Василию Ивановичу Стрешневу, долгое время остававшемуся «главным комнатным» человеком царя Михаила Федоровича, «дружбы которого», по замечанию одного из иностранных наблюдателей, «обыкновенно старались приобрести»<sup>{18}</sup>.

Чин венчания отразил холодность царя в отношении к семье Ивана Никитича Романова. Холодность эта сопровождала царскую семью давно, а ее истоки уходят во времена избирательного собора 1613 года. Иван Никитич, дядя царя Михаила Федоровича, видимо, не очень желал видеть на престоле своего племянника, что впоследствии и повлияло на его, как пишут исследователи, «известную удаленность от дел». Хотя во время царского венчания 1613 года ему отдали должное, и он как раз и был тем, кому поручили сопровождать в Успенский собор главную царскую регалию — шапку Мономаха. К моменту вступления на престол царя Алексея Михайловича Ивана Никитича уже не было в живых, но его сын Никита Иванович приходился двоюродным братом прежнему царю Михаилу Федоровичу и, следовательно, был близким родственником нового царя и претендовал на особый статус в коронационной церемонии. Никита Иванович получил боярский чин в самый торжественный и почетный момент царского венчания, 28 сентября: «А идучи в соборную церковь, был государь в Золотой полате и пожаловал государь из стольников в бояре Никиту Ивановича Романова-Юрьева»<sup>{19}</sup>. Еще трижды Никита Иванович исполнял заметный обряд осыпания царя золотыми и серебряными деньгами: на выходе из Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов. Конечно, благодаря этому пожалованию все могли видеть, что в доме Романовых полное согласие. И только отзвуком каких-то неясных

противоречий в церемониале венчания осталось вычеркнутое имя другого боярина, князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, ведь именно ему первоначально и хотели поручить осыпать царя золотыми. И это право он имел как первый боярин в Думе<sup>{20}</sup>. Возможно, здесь опять, как и в случае с боярином Федором Ивановичем Шереметевым, сказался преклонный возраст активного участника событий Смутного времени, каким был князь Черкасский. Началась ли смена поколений в Думе сразу же после вступления на престол царя Алексея Михайловича, остается только догадываться, хотя предпосылки для этого были созданы еще раньше самой жизнью<sup>{21}</sup>.

В Чине венчания прежде всего стремились не нарушить принцип достойного представления родов ближних людей, поэтому Романовы, Стрешневы, Шереметевы и князья Черкасские по-прежнему были на первых ролях. Настолько, что можно было подумать, что другой ближний боярин царя Алексея Михайловича — всем хорошо известный Борис Иванович Морозов — мало повлиял на подготовку к царскому венчанию. Однако это не совсем так. В беловом варианте Чина «дядька» (воспитатель) царя Борис Иванович Морозов упоминается дважды. Во время церемонии царского венчания в Успенском соборе он стоял на почетном месте с «десной», то есть с правой стороны от «чертожного места» — специально устроенного возвышения для трона царя. Рядом с ним находились также новый царский постельничий Иван Михайлович Аничков и стряпчие<sup>{22}</sup>. Но самое заметное участие боярина Морозова в ходе церемонии видим в чине миропомазания на царство, когда «дядька ж его государев и ближний боярин Борис Иванович Морозов, приняв у одного из стряпчих ручник платен чист (полотенце. — В. К.) и опоясуя царя и великого князя по его царской порфире по персем под пазухи»<sup>{23}</sup>.

Показательно, что ни до, ни после венчания на царство Алексея Михайловича подпоясывание «ручником» не встречалось! Даже в первоначальных редакциях Чина было по-другому, и роль царского воспитателя никак не оговаривалась. В черновике Чина венчания об этом говорилось просто: стряпчий подает царю «ручник», чтобы ни одна капля драгоценного венчального мира не упала на землю. Царь «до осми ден» должен был хранить при себе это полотенце. Намеренное вмешательство боярина Морозова в Чин венчания видно из того, что в дворцовых разрядах его имя так и не было упомянуто (говорилось только, что у «места царского» стоял постельничий Иван Михайлович Аничков). В еще одной рукописи Чина венчания царя Алексея Михайловича, переписанной много

лет спустя для царевны Софьи, имена каких-либо царских помощников также не упоминались: «и имеяй в руце своей плат чист и сим утираяся, и когда ял ли и пил, и не омывался же до 8 дней ни-какоже»<sup>{24}</sup>. Следовательно, Морозов поступил по-своему, выставив напоказ особую заботу воспитателя о своем воспитаннике. В таком жесте, конечно, никто ему не смог отказать, учитывая еще влияние боярина на главного распорядителя церемонии думного дьяка Григория Львова<sup>{25}</sup>.

Венчание царя Алексея Михайловича «по древнему чину» московских царей связало династии Рюриковичей и Романовых. В Чине венчания вспоминали имена Рюрика, Владимира Святого и Владимира Мономаха. Идея «Сказания о князьях Владимирских» о происхождении московских царей от рода римских императоров стала такой же официальной идеологией царя Алексея Тишайшего, как раньше — Ивана Грозного. Власть прежних московских царей переходила к царю Алексею Михайловичу, провозгласившему себя ее наследником.

## Ранние годы

Царевич Алексей стал первым мальчиком в семье царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны. Сначала в царской семье рождались одни девочки<sup>{26}</sup>. По сообщению дворцовых разрядов, царевич родился «марта в 10 день, во вторник, во 8 часу ночи, на память святых мученик Кондрата иже с ним». Часы считали от восхода солнца или перед наступлением темноты, поэтому «по нашему счету», как писал известный исследователь дворцового быта Иван Егорович Забелин, рождение царевича произошло «во 2-м часу по полуночи» 10 (20) марта 1629 года<sup>{27}</sup>.

Свидетельства о появлении на свет царских детей обычно бережно записывались в документах, а сведения о дворцовых торжествах по этому поводу обязательно попадали в Разрядную книгу. Уже 11 марта первые подарки царице Евдокии Лукьяновне и самому царевичу сделала мать царя Михаила Федоровича — великая государыня инокиня Марфа Ивановна, подарившая роженице и новорожденному «отлас золотной». В свою очередь, от имени новорожденного царевича Алексея ей был передан через царя Михаила Федоровича серебряный кубок «золочен»<sup>{28}</sup>. «Государская радость» по случаю рождения царевича была велика, в тот же день по царскому указу послали «с вестью» о рождении сына ко всем боярам. Известили также находившихся в Москве «кизылбашских» послов иранского шаха Аббаса I. Скоро к царю Михаилу Федоровичу прибыли еще

два посольства — из Швеции и Нидерландов. Поэтому весть о появлении на свет царевича как в Московском царстве, так и за его пределами разнеслась быстро. По городам разослали известительные грамоты о рождении наследника, повсюду в течение трех дней пели молебны «со звоном», а имя царевича Алексея отныне должно было поминаться на всех церковных службах<sup>{29}</sup>.

12 марта царь Михаил Федорович, патриарх Филарет и вся знать присутствовали на «родинах» — праздничном столе в Грановитой палате в честь появления наследника. Туда пригласили первых бояр и царских родственников — князя Ивана Борисовича Черкасского, Федора Ивановича Шереметева, а также Семена Васильевича Головина. Родители царя «благословили» своего внука особыми подарками: от патриарха Филарета пожалован «крест золот с мощами, в окладе у креста яхонт лазорев, на кресте вырезан образ Пречистые Богородицы Воплощение», а от великой государыни иноки Марфы Ивановны — «образ Пречистые Богородицы Умиление», в киоте, украшенном резьбой, золочением, драгоценными камнями и жемчугом. Свои подарки подносили царевичу приглашенные на «родинный» стол бояре, а также гости и купцы гостиной и суконной сотен. В этот и последующие дни новорожденный получал подарки и от жителей дворцовых слобод в Москве, присутствовавших в столице представителей греческого и молдавского духовенства, английских и голландских купцов, московских иноземцев и докторов, персидских послов. Отдельные подарки поднесли дворцовые боярыни Ульяна Федоровна Романова, княгиня Авдотья Васильевна Черкасская, княгиня Анастасия Никитична Лыкова. Вскоре в Москву «подтянулись» и представители разных городов — Углича, Калуги, Ростова, Нижнего Новгорода, также спешившие поздравить царя Михаила Федоровича с рождением наследника царства.

Крещение царевича Алексея пришлось «от рожения его во второе воскресенье», то есть почти через две недели после 10 марта и пять дней спустя после «наречения» 17 марта, когда царевич и получил имя в честь приходящейся на этот день памяти Алексея человека Божия. 22 марта 1629 года «нареченного» царевича Алексея крестили в Чудовом монастыре: «Того ж месяца марта в 22 день ходил государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси в Чюдов монастырь, для крещения сына своего царевича и великого князя Алексея Михайловича»<sup>{30}</sup>. Крещение не случайно проходило в Алексеевской церкви кремлевского Чудова монастыря и воспроизводило традиции крещения царских детей, возникшие в царствование Ивана Грозного. Тем самым подчеркивалась



преемственность с временами царей династии Рюриковичей.

Царь Михаил Федорович и патриарх Филарет вместе присутствовали в трапезной Алексеевской церкви, а обряд проводил царский духовник, благовещенский протопоп Максим. Его роль вообще была очень велика. Именно он ранее «говорил» положенную после родов очистительную молитву «родительнице» и «колыбельную» молитву младенцу, а также «нарекал» имя новорожденному царевичу<sup>[31]</sup>. Восприемниками царевича стали троицкий келарь Александр Булатников и сестра патриарха Филарета Ирина Никитична, вдова окольного Ивана Ивановича Годунова. Келарь Александр Булатников в свое время посоветовал царю Михаилу Федоровичу обратиться к старцу Елеазару из далекой, связанной с Соловками северной Анзерской пустыни, и тому, согласно преданию, удалось «вымолить» царю наследника. И если выбор келаря Троице-Сергиева монастыря в восприемники был действительно связан с историей, упомянутой в Житии Елеазара Анзерского, то он повторял сходную историю переяславского игумена Даниила, в Житии которого также упоминалось моление о даровании наследника в семье великого князя Василия III и Елены Глинской. Как игумен Даниил присутствовал на крещении будущего царя Ивана Грозного, так и келарь Александр Булатников крестил будущего царя Алексея Тишайшего<sup>[32]</sup>.

Крещение царевича стало большим придворным праздником. Царевич и его родители продолжали получать подарки, составившие основу собственной казны будущего наследника царства. Наряду с серебряными и золочеными, хрустальными и яшмовыми кубками, братинами, бархатами, «отласами» и камками среди подарков царевича были замысловатые «суды серебряные» в виде кораблей. Один из них подарила родная тетка царя Михаила Федоровича княгиня Анастасия Никитична Лыкова — жена боярина князя Бориса Михайловича Лыкова. Возможно, этот подарок отозвался интересом к строительству собственного флота у царя Алексея Михайловича: «Корабль серебрян золочен с тремя парусы, на трех шоглах<sup>[2]</sup> прапоры цветные. В корабле десять человек литых серебряных, на десницах шесть человек, наверху у шегл два человека серебряных литые». «Аглинские земли гося Фабин Ульянов» выбрал в подарок серебряный сосуд: «Лев на поддоне серебрян золочен, в передних лапах держит змею». «Единорог на поддоне серебрян золочен» — знак царской власти — символический дар Никиты Ивановича Романова; от его отца Ивана Никитича Романова царевич Алексей получил также игрушки — «пистолеты маленькие». В казне царевича оставили только один из двух

подаренных «пистолетиков», и скоро забыли, кто подарил эту золотую игрушку; составители «Описи» царской казны 1640 года написали просто: «А откуда взят, тово на ерлыке не написано»<sup>{33}</sup>.

Начало жизни царевича Алексея Михайловича проходило в окружении «мамок» из числа близких родственников и знатных боярынь, а также нянек и других слуг. Первой «мамкою» была крестная мать царевича вдова Ирина Никитична Годунова, затем ее сменила Ульяна Степановна Собакина. К ней Алексей Михайлович, даже став царем, испытывал особое чувство привязанности, помнил о ней и справлялся у сестер о ее здоровье. Первой казначеей 26 марта 1629 года назначили Аксиныю Баранцову, а постельницами — Ефросинью Сабурову, Аксиныю Грекову, Антониду Колокольцеву. «Мамок» не следует путать с «кормилицами», бывшими у царских детей. Кормилицу царевича Алексея звали Анна, она прослужила, как положено, примерно год. За это время ей, по обычаю, справили богатую телогрею и сапоги, подарили зеркало, гребень и другие вещи.

Известия о царевиче в начале 1630-х годов связаны с царскими выездами в подмосковные дворцовые села и традиционными сентябрьскими троицкими походами. В них участвовала уже другая казначея царевича — Татьяна Комынина<sup>{34}</sup>. Со временем детский «двор» сильно разросся; в семье царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны родилось еще несколько детей, сестер и братьев царевича Алексея<sup>{35}</sup>.

После рождения царским детям строили сначала деревянные хоромы, или «избушки». Сохранилось известие о подарках от царя и царицы, патриарха Филарета и «иноки Марфы», сделанных «на новоселье в новые хоромы» царевича Алексея 20 сентября 1629 года<sup>{36}</sup>. В десять месяцев царевичу подарили игрушечного коня, зимой покупали «санки», летом делали «потешные качельки». Трехлетнего наследника «тешили» соколами (покупали ему и живых «птичек потешных» в клетках); не отсюда ли родилась любовь царя Алексея Михайловича к соколиной охоте? 17 августа 1634 года царевич был упомянут в «Книге царских выходов». Тогда в воскресный день, отстояв службу, царь Михаил Федорович «ходил с сыном своим государевым с царевичем со князем Алексеем Михайловичем, в Оптикорской сад»<sup>{37}</sup>, располагавшийся в современном Александровском саду у стен Кремля. Конечно, это появление царевича Алексея рядом с отцом на глазах других людей было скорее исключением. Царевич продолжал свои детские игры, у него были «плеть маленькая» для игрушечных лошадок, «мечик» и детский лук. На Пасху ему покупали



«яйца варенные золоченные курочки» и «яйца деревянные золоченные и крашеные» для известной игры в «катание яиц». По постоянным тратам на царевичевых «накращеев» (музыкантов, игравших на бубнах) и «Метальников» (акробатов, танцоров и канатоходцев) можно представить и другие его любимые развлечения.

На пятом году жизни произошли серьезные перемены в воспитании наследника царства. Вместо «мамок» к царевичу были приставлены «дядьки». Так впервые в его окружении появляется Борис Иванович Морозов, служивший в то время комнатным стольником царя Михаила Федоровича. В связи с назначением 6 января 1634 года он был пожалован чином боярина и денежным окладом в 500 рублей, сразу поставившим его выше многих других бояр. Выбор в дядьки Бориса Ивановича Морозова произошел уже после смерти патриарха Филарета 1 октября 1633 года. Остается неизвестным, успел ли крестный отец царевича Алексея как-то повлиять на это назначение, или важнейшее решение принадлежало царю Михаилу Федоровичу. Вторым «дядькой» назначили Василия Ивановича Стрешнева, пожаловав ему оклад в 370 рублей<sup>[3]</sup>.

В 1635 году для царевичей Алексея и Ивана были построены новые «каменные хоромы», по замечанию И. Е. Забелина, «существующие доныне и известные под названием *терема*». У царевича Алексея появился свой «малый» двор, где служили комнатные стольники или спальники из числа его сверстников, принадлежавших к родственным царице родам. Известны имена первых царевичевых стольников: Родион Матвеевич Стрешнев (он был, видимо, чуть старше остальных, его имя записано также среди царских стольников в Боярской книге 1639 года), Василий Богданович Голохвастов, Афанасий и Дмитрий Ивановичи Матюшкины (двоюродные братья царя по матери). По одному из перечней, в число царевичевых стольников входили 20 человек, в том числе князя Михаил Никитич и Федор Никитич Одоевские (они также записаны в царских стольниках в Боярской книге 1639 года), Андрей Никифорович и Василий Никифорович Собакины, Федор Львович и Михаил Львович Плещеевы, князь Алексей Алексеевич Лыков, Петр Михайлович Салтыков, Михаил Иванович Морозов (младший брат царского «дядьки») и представители других родов. Так постепенно формировался круг доверенных людей будущего царя.

Подданных приучали к мысли о наследовании царства еще и тем, что каждый сын боярский, вступая в службу, давал присягу и обязывался «служити и прямити и добра хотети безо всякие хитрости» царю Михаилу и его сыновьям царевичам Алексею и Ивану (родившемуся в 1633 году).

«Ради своих государских чад» царь Михаил Федорович пожаловал «нетчиков», уехавших со службы до завершения переговоров об окончании Смоленской войны в 1634 году, велел им «помесья отдать»<sup>{38}</sup>.

Управление полностью закрытым от посторонних взглядов «малым» двором царевича Алексея лежало на боярине Борисе Ивановиче Морозове. Он взялся за дело основательно, с присущим ему размахом. Были заведены особые книги, где фиксировались все траты, шедшие на обиход царевичей. Благодаря этим материалам, обобщенным в исследовании Забелина, можно многое узнать о бытовой стороне жизни сыновей царя Михаила Федоровича. Известно, как выглядела колыбель царевича Алексея, какие одежды готовили для него («шапочки», «шубы», «башмачки»). Царская детская одежда готовилась из драгоценных тканей и бархата, украшалась жемчугом. Иногда царевича и его стольников наряжали в иноземное платье, гусарские шубы, жупаны, шляпы «немецкие», «рукавицы немецкие персчатые», чулки и чижмы (сапоги) немецкие. Царевичу и его стольникам скроили «башмаки на немецкое дело, сафьян желт». «Немецкое платье» — «епанча и курта» — было в гардеробе как царевича Алексея, так и его младшего брата царевича Ивана (неожиданная картина для тех, кто убежден, что любовь к иноземному пришла к нам только со времени Петра)<sup>{39}</sup>.

Боярин Морозов, наблюдавший за царским воспитанием, был ответствен и за обучение царевича грамоте. Азбуку маленькому Алексею подарил еще в 1633 году дед — патриарх Филарет. По описанию, она представляла собой печатный лист с буквами и слогами: «большая печать, у азбуки на столбце указ, сверху речь золочена». Покупали царевичам и царевнам и «немецкие печатные листы», а также «листы писанные немецкие и русские», то есть гравюры и рисунки. Обучение пятилетнего царевича Алексея поручили подъячему (а потом дьяку) Василию Сергеевичу Прокофьеву. Он служил «подъячим с приписью» (свидетельствовал подлинность документов) в Царской Мастерской палате, обычно находившейся в ведении царского постельничего. В 1633 году этот приказ на короткое время поручили Борису Ивановичу Морозову (перед его назначением в царские воспитатели), и главный судья приказа мог хорошо узнать Василия Прокофьева<sup>{40}</sup>.

Порядок обучения царевича Алексея грамоте можно восстановить по собранным И. Е. Забелиным сведениям о наградах царского учителя: за каждый успех своего подопечного дьяк Василий Прокофьев получал в подарок драгоценные ткани и пару соболей. Первой была освоена азбука,

затем царевич начал учить Часовник и продолжал изучать его с сентября 1635-го по февраль 1636 года, когда перешел к Псалтыри. Эту книгу семилетний царевич смог освоить уже к концу мая 1636 года, после чего перешел к изучению Апостола — книги апостольских деяний. Наряду с книжной премудростью Алексей учился еще и шахматной игре. 4 января 1636 года царевичу в хоромы купили сначала деревянные шахматы вместе с шахматной доской, а потом, 13 января, уже «двои шахмоты костяные» (тоже с досками). Уже спустя неделю токарю Оружейного приказа пришлось точить новые костяные фигурки: мастер «доделывал шахмоты царевича белые рыбы, которые поистерялись, и наводил золотом». Шахматы явно понравились не только царевичу Алексею, но и его младшему брату Ивану. В 1638 году «шахматник Кирило Кузмин» сделал царевичам «шахматы слоновые», то есть уже настоящие, вырезанные из слоновой кости<sup>[41]</sup>.

После того как царевичу Алексею исполнилось восемь лет, его перевели спать в особый «чулан», или «альков». Возможно, именно это обстоятельство позволило сохранить жизнь наследника, когда в начале 1639 года при дворе произошла трагедия. 9 января на шестом году жизни умер царевич Иван Михайлович, а 25 марта — новорожденный царевич Василий Михайлович<sup>[42]</sup>. Угроза возникла и для здоровья царевича Алексея, но дядька Борис Иванович Морозов сделал всё, чтобы спасти его жизнь и остановить распространившуюся во дворце болезнь. Став царем, Алексей Михайлович никогда не забывал об этом.

Пришло время готовить Алексея к будущему царствованию. К нему был приставлен дьяк Посольского приказа Григорий Васильевич Львов. Обучение премудрости письма началось с какого-то особенного приготовления гусиных перьев. Видимо, они были настолько удобны, что еще и в начале своего царствования Алексей Михайлович просил прислать ему для переписки чернильницу и чернила, взятые у Григория Львова, он же должен был «очинить» перья. Дьяк Львов так и не смог привить своему ученику любовь к каллиграфии: царский почерк не был ровным. И всё же в отличие от прежних правителей царь Алексей Михайлович много писал сам и был по своему воспитанию «книжным человеком».

Первые описания небольшой библиотеки царевича Алексея в полтора десятка книг датируются началом 1640-х годов. Составлялась она по преимуществу из даров. Например, патриарх Филарет успел позаботиться не только об азбуке, но подарил царевичу два Апостола — печатную и рукописную книги. Патриарх Иосиф «благословил» царевича книгой

«Главизны наказательны о нравоучительстве — царя Василья Греческого сыну своему царю Льву» — переводом византийского памятника IX века, использовавшегося церковными иерархами для поучения московских царей при их венчании на царство. Для обучения церковной службе использовались книги Октоих и Стихиры, «купленные у Строгановых». Петь стихиры царевича Алексея, скорее всего, тоже учил дьяк Василий Прокофьев; он подарил царевичу Псалтырь «с песньми», Стихирарь и Триоди «знаменные» (то есть нотные рукописи со знаменным письмом). Имелась в библиотеке царевича и четья книга — «Космография», подаренная думным дьяком Михаилом Даниловым. Но самыми заметными были дары боярина князя Алексея Михайловича Львова. Он один из тех, кто заключал Поляновский мир в 1634 году, и его подарки царевичу подчеркивали значимость отношений с Литвой. Так у царевича Алексея появились в детской библиотеке «Грамматика, литовская печать, в осмушку», а также «Лексикон, литовская печать, в осмушку». 29 ноября 1636 года царевич получил в подарок от боярина князя Львова письменные принадлежности — вероятно, какое-то пресс-папье: «книжка — листье каменное, доски серебрены камфарены; по доскам на сторонах стоят немки; застежки серебрены ж, на переплетке четыре репейка на шурупах». Еще одна «книжка каменная ж, доски серебряные резные, по зеленой земле» была подарена воспитателем царевича Алексея дьяком Григорием Львовым. Вместе с печатными и письменными книгами сохранилось упоминание о замысловатых, особенно украшенных «писчих» перьях, одно — «с финифтом», а другое — «серебрено с карандашем» (также подарки боярина князя Алексея Михайловича Львова), а также «черниленка кизылбашская», купленная царевичу Алексею в 148-м (1639/40) году<sup>[43]</sup>.

Когда царевич достиг тринадцатилетнего возраста, пришло время официальной церемонии объявления наследника царства. Приурочена она была к новолетию — 1 сентября 1642 года. Царь Михаил Федорович и царевич Алексей Михайлович вместе были «у действия многолетнего здравия». Книга царских выходов сохранила описание их одежд, повторявшихся как у царя, так и его сына: однорядка, кафтан, зипун (украшения были пожалованы царем Михаилом Федоровичем с одного из своих нарядов) и соболья «шапка горлатная». У обоих в руках были резные «индейские» посохи, украшенные драгоценными камнями, а сидели они на специально выданных из Казенного приказа «стульях» — подобиях трона. С этого времени царевич Алексей Михайлович становится уже полноправным участником дворцовых церемоний. Например, в ближайшем осеннем троицком походе 21 сентября 1642 года у него, как и у царя

Михаила Федоровича, был свой личный «рында у саадака» Иван Меньшой Федорович Стрешнев (в рынды — хранители оружия — обычно назначали юных стольников из аристократических родов и родственников царской семьи). Появился царевич Алексей и на еще одной ежегодной церемонии с участием царя — в день Богоявления 6 января 1643 года. После службы в Успенском соборе царевич ходил вместе с отцом «на ердань» на Москвереке. Однако в течение следующего года он не участвовал ни в каких других царских выходах; новая запись о царевиче встречается только год спустя, опять в день Богоявления, 6 января 1644 года, когда царевич Алексей заменил отца, молившегося у себя «в Передней избе», а не в соборной церкви. Как сказано в «Книге царских выходов», «государь за кресты на ердани не был; а ходил за кресты государь царевич Алексей Михайлович»<sup>[44]</sup>.

Царь Михаил Федорович готовился в это время к приему датского королевича Вальдемара и думал об организации будущего брака дочери, царевны Ирины Михайловны, и датского принца. История эта напрямую затрагивала интересы царевича Алексея Михайловича, так как при определенных обстоятельствах она могла иметь отношение к престолонаследию. Говорили о существовании целой партии при дворе, сопротивлявшейся свадьбе. Однако царь Михаил Федорович и его сын искренне желали заключения брака с представителем датской династии, о чем свидетельствуют сохранившиеся источники. Во время переговоров с датским королем Христианом IV предварительно обсуждалось несколько пунктов, среди которых и будущее положение королевича Вальдемара в Московском государстве. Датский король заботился, чтобы его сын, став зятем московского царя, подчинялся и имел «своими государи» только царя Михаила Федоровича и царевича Алексея Михайловича. В ответ в грамоте царя Михаила Федоровича 9 июля 1643 года королевича называли не только зятем, но и «государским сыном» и обещали, что «над собою ему никакова началу не имети, oprичь нас, великого государя, и сына нашего, государя царевича князя Алексея Михайловича»<sup>[45]</sup>.

Участие в приемах датского посольства стало первым дипломатическим опытом царевича Алексея. И здесь ему помогал его учитель дьяк Григорий Львов, получивший к тому времени думное дьячество и назначенный ведать Посольским приказом. После въезда королевича Вальдемара со своей свитой в Москву 21 января 1644 года имя царевича Алексея стало часто упоминаться в разрядных книгах: подчеркивалось, что королевич приехал к царю и царевичу, поздравления с



приездом также передавались не только от имени царя, но и от имени царевича Алексея. Более того, 25 января, не дожидаясь первого официального приема, царь Михаил Федорович, обрадованный приездом будущего зятя, тепло приветствовал королевича, пройдя «крытым ходом». Кто-то из членов свиты датского королевича оставил любопытное известие — записку «Поездка в Россию Вольдемара Християна Гильденлеве», где представлена вся история посольства от начала до конца. В этом сочинении содержится интересный рассказ о первом неофициальном приеме царем Михаилом Федоровичем королевича Вальдемара, когда царь «несколько раз обнимал его, очень ласкал, часто повторял, что лишился одного сына (речь о смерти царевича Ивана в 1639 году. — В. К.) и на место его возьмет в сыновья его графскую милость, который так же будет мил и дорог ему, как остальной родной сын, а тот так же будет чтить, любить и уважать его графскую милость, как своего любезного брата». Царевич Алексей, который был младше королевича на семь лет, действительно питал к нему братские чувства. На первом приеме в Грановитой палате 28 января 1644 года он встречал королевича Вальдемара «почти в пяти шагах от двери и, обняв его очень приветливо, тотчас отошел с правой стороны, поставил графа на прекрасный персидский ковер против царя и воротился к отцу», приветствовавшему королевича на троне. Через день, 30 января 1644 года, царевич Алексей один приходил в покои королевича Вальдемара «и пробыл у него часа два»<sup>[46]</sup>.

Затем начались знаменитые «прения о вере». Королевича уговаривали перейти в православие. 9 мая он решился на неудачный побег, но и после этого в Москве пытались повлиять на него, устраивая приемы во дворце или развлекая его охотой. Царевич Алексей помогал отцу, искренне стремившемуся к обретению еще одного «сына». Особенно заметным событием стал прием, устроенный самим королевичем Вальдемаром в Москве 17 сентября 1644 года, куда были приглашены царь Михаил Федорович, царевич Алексей и бояре. В описании этого пира обращает на себя внимание красноречивая деталь, говорящая о выдержке и хорошем знании царевичем Алексеем этикета. На «столах» царя Михаила Федоровича подача блюд начиналась только по царскому распоряжению, поэтому царевич не притронулся к еде, пока королевич Вальдемар не заметил, что сын царя ничего не ест, и не передал ему блюдо из своих рук. Только тогда Алексей смог присоединиться к общей трапезе. Позже во время приема случился и показательный инцидент с «дворецким» царевича боярином Борисом Ивановичем Морозовым. Боярин дважды, в опьянении, приступал к королевичу с неприятными ему разговорами о перемене веры.

Во второй раз уже самому царевичу пришлось успокоить своего воспитателя: он «схватил его за кафтан на груди и велел идти вон, а двое дворян тотчас же и увели его». Выразительная деталь для описания характера будущего «Тишайшего» царя.

«Неформальное» участие царевича в делах проявилось, например, в том, что он устроил развлечение для королевича Вальдемара и смотрел вместе с ним на проезд посольства иранского шаха Аббаса I. После официальной встречи «кизылбашских» послов в Грановитой палате 29 декабря 1644 года царевич принимал королевича в своих покоях (туда пришел и царь Михаил Федорович для очередного объяснения с женихом дочери по вопросу о смене веры). На следующий день царевич Алексей порадовал королевича охотничьим развлечением — «медвежьей травлей».

Деликатная миссия посредника между королевичем Вальдемаром и царевной Ириной тоже лежала на царевиче. 1 марта 1645 года он в очередной раз передавал королевичу в знак внимания сестры «обед от нее». Хотя королевича так и не удалось убедить переменить веру, отношение к нему царевича оставалось неизменно добрым. После скоропостижной смерти царя Михаила Федоровича одним из первых решений юного царя стала посылка доверенного человека к королевичу Вальдемару, взятому им под свое покровительство<sup>[47]</sup>.

С 1644 года официальные упоминания о присутствии царевича на придворных церемониях встречаются чаще. В большинстве случаев он заменяет на них отца, Михаила Федоровича. 17 марта 1644 года, в день своих именин, царевич Алексей был один на службе в Алексеевском монастыре. 14 апреля 1644 года, в Вербное воскресенье, «ходил за кресты к Покрову Пресвятей Богородицы, что на Рву», причем царь Михаил Федорович «за кресты не ходил и стола у государя не было». Пятнадцатилетний царевич также «выручил» отца, когда один «ходил за кресты на иердань» 6 января 1645 года. Самостоятельно участвовал он и в церемониях «у действия Страшного Суда» 9 февраля, и «у многолетия» на Соборное воскресенье в конце первой недели Великого поста 23 февраля 1645 года. Отсутствовал царь Михаил Федорович даже на праздничных службах 1 марта в день ангела царицы Евдокии Лукьяновны; сын один был «у праздника» в дворцовой церкви Евдокии, «что в Верху у государя на Сенех». Никаких «столов» не было не только 1 марта, но и в следующие дни — 14 марта, в праздник Федоровской иконы Богоматери, и 17 марта, в именины царевича. 17 марта 1645 года сыну опять пришлось одному, без отца, быть у обедни в Алексеевском монастыре.

Скорее всего, в то время царь был уже болен. Болезнь его усилилась

после приема «литовского посла» Гаврилы Стемпковского 21 февраля 1645 года. В дипломатических делах, в отличие от придворных церемоний, царевич не мог заменить отца. Как только царь Михаил Федорович смог на время вернуться к делам, 19 марта в Кремле, с участием царевича Алексея, принимали «крымских послов и гречан», а 17 мая провожали «кизылбашских» послов. В это время записи царских выходов и разрядных книг становятся всё более отрывочными, по ним мало что можно понять о происходившем во дворце. Разве что никак не разрешалось дело королевича Вальдемара. Царь Михаил Федорович отказывался дать разрешение на брак без перехода королевича в православие и не был готов отпустить его домой, настаивая, что король Христиан IV прислал королевича «состоять в царской воле и быть сыном его царского величества».

Еще 4 июля 1645 года намечался новый публичный диспут с участием царя Михаила Федоровича, но он так и не состоялся<sup>[48]</sup>.

Последний день жизни царя Михаила Федоровича совпал с его именинами. Тогда, 12 июля 1645 года, никто не мог и подумать, что в этот день шестнадцатилетний царевич Алексей превратится в нового царя...

## **Правительство боярина Морозова**

Когда вспоминают первые годы царствования Алексея Михайловича, всегда говорят о правительстве во главе с его прежним «дядькой» и ближним боярином Борисом Ивановичем Морозовым. Но в какое время сложилось и стало действовать это правительство, из кого оно состояло, что стало с прежними «министрами», то есть судьями московских приказов? Термины «правительство» и «министры», конечно, условные и несколько модернизируют описание событий. В самих же тяжеловесных московских политических понятиях разобраться иногда бывает сложно. Они основаны не на ясно сформулированных программах и манифестах, а на церемониях и движениях по лестнице чинов, влиянии «сильных» людей на царя и их борьбе в Думе. Движущей пружиной перестановок во власти часто были родственные связи, глубоко уходящие корнями в генеалогию того или иного рода. Поэтому и «партия» в Московской Руси — это всегда какой-то «сильный» человек во власти, близкий к царю, вокруг которого и собирались родственники, друзья и «хлебояжцы»<sup>[49]</sup>.

Изучение Чина венчания показывает, что по крайней мере в самом начале царствования Алексея Михайловича на первых ролях оказался



совсем не боярин Борис Иванович Морозов, а ближайшее родственное окружение царя. Однако состав Боярской думы был реформирован стремительно, еще в дни торжеств по поводу царского венчания. На следующий день, 29 сентября, в бояре пожаловали стольника князя Якова Куденетовича Черкасского (накануне на пиру в Грановитой палате он «вина нарежал»). Вместе с ним чин окольничего получили Иван Иванович Салтыков и князь Петр Федорович Волконский. Им была оказана честь быть главными гостями у еще одного «царского стола» в Грановитой палате. В третий день, 30 сентября, боярством были пожалованы князь Федор Семенович Куракин и Федор Степанович Стрешнев, а окольничеством — Федор Борисович Долматов-Карпов, и их также пригласили на пир в Грановитую палату. 1 октября, на праздник Покрова Богородицы, боярский чин получил князь Михаил Михайлович Темкин-Ростовский, а чин окольничего — Никифор Сергеевич Собакин (еще один царский «дядька», наряду с боярином Морозовым)<sup>[50]</sup>. Назначения в Думу сразу четырех новых бояр и трех окольничих заметно увеличили ее состав<sup>[51]</sup>; они показали, кого из своих ближних людей хотел видеть в правительстве царь Алексей Михайлович. Кроме того, 2 октября Борису Ивановичу Морозову был пожалован исключительный боярский оклад в 900 рублей<sup>[52]</sup>, а в Москву вернули находившегося на воеводстве в Новгороде Великом его младшего брата боярина Глеба Ивановича Морозова<sup>[53]</sup>. Последовавшие важные перестановки в руководстве приказами еще больше укрепили морозовский клан. 11 октября в важнейший Владимирский судный приказ, ведавший судом по делам членов Государева двора, снова назначили боярина Ивана Васильевича Морозова, руководившего этим приказом в середине 1630-х годов. Он сменил заметного участника церемонии царского венчания боярина Ивана Петровича Шереметева (к тому времени тот уже около шести лет был судьей приказа). В Московском судном приказе оставили недавно назначенного боярина Михаила Михайловича Салтыкова, но в товарищах у него появился князь Ефим Федорович Мышецкий.

Первым делом боярин Морозов стремился сосредоточить в своих руках управление ключевыми приказами, определявшими его положение своеобразного «регента Московского государства». Как писал историк Павел Петрович Смирнов, исследовавший состав морозовского «правительства», уже при царе Михаиле Федоровиче наблюдалось соединение «в одних руках» — сначала боярина князя Ивана Борисовича Черкасского, а потом боярина Федора Ивановича Шереметева — «трех

основных должностей»: «начальника Стрелецкого приказа, т. е. командующего московским гарнизоном, начальника Большой казны, или управляющего финансами государства, и начальника Аптекарского приказа, являвшегося доверенным оберегателем царского здоровья»<sup>{54}</sup>. В 1646 году все эти должности получил боярин Борис Иванович Морозов, потеснив Федора Ивановича Шереметева еще из приказа Новой чети, ведавшего важной статьей государственных доходов от питейного дела, и Иноземского приказа, распоряжавшегося делами о службе иноземцев. Сменен был и другой Шереметев — Василий Петрович (тоже заметный участник венчания на царство Алексея Михайловича), стоявший во главе Разбойного приказа. Вперед пошли родственники боярина Б. И. Морозова — его шурин Тихон Никитич Траханиотов (а за ним и шурин самого Траханиотова, Леонтий Степанович Плещеев), друзья — Григорий Гаврилович и Борис Иванович Пушкины. К ним перешло управление упомянутым Разбойным приказом, Оружейной палатой и Земским приказом, ведавшим управлением Москвы. Пушкиных и Траханиотовых пожаловали в бояре и окольничие.

Значительно меньше, чем о перестановках во власти, известно о деятельности московского правительства в первые месяцы правления царя Алексея Михайловича. Но и сохранившиеся указы показывают степень решительного обновления, предпринятого при участии нового царя. Первый указ Алексея Михайловича, вошедший в фундаментальную научную публикацию законодательных актов Русского государства XVI–XVII веков, относится к 15 августа 1645 года. Конечно, не стоит думать, что это был, образно говоря, «указ № 1» и только с этого момента царь приступил к рассмотрению дел. Выявленный публикаторами документ касался частного вопроса о величине поместных окладов «нови́ков» из ростовского служилого «города». Гораздо важнее другой указ, тоже датированный августом 1645 года и затрагивавший имущественные права патриарха, монастырей и торговых людей — «тарханщико́в», обладателей жалованных грамот на льготы. В нем отменялись прежние права «тарханщико́в» на беспошлинную торговлю — а ведь они могли пользоваться правом не уплачивать проезжую и торговую пошлины еще по грамотам прежних царей. Такое серьезное изменение потребовало принятия совместного решения царя и Боярской думы. В августовском указе говорилось: «Указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси и бояре приговорили...» Перемены, начатые в новое царствование, обосновывались необходимостью «пополнения казны на жалование ратным людям». Все это происходило наряду с

традиционными и очень жесткими «правежами» и взысканием недоимок. Впрочем, проявлялась и известная осторожность. По докладу царю Алексею Михайловичу о сборе неуплаченных судебных пошлин «с вершенных дел» было принято решение не взыскивать деньги с умерших ответчиков или членов их семей, что было явным проявлением царской «милости»<sup>[55]</sup>.

В рутинной практике управления в Московском царстве был выработан порядок «доклада» царю в «комнате», когда он сам или с советниками — «комнатными» людьми — рассматривал дела и принимал решения — «указы», одобрявшиеся боярами<sup>[56]</sup>. (В этом случае при объявлении решения могла быть ссылка только на государев указ или на его одобрение «общим советом» или боярским «приговором».) Члены Думы могли самостоятельно рассматривать подготовленные в приказах перечневые выписки по спорным делам, но слово царя оставалось решающим во всем. Ратное дело, налоги, суд, дворцовое управление, пожалование чинами, назначение на должности — все это требовало участия царя, поэтому надо было еще добиться, чтобы то или иное дело попало на рассмотрение «в Верх». Многие зависело от умения и желания московских управленцев — судей и дьяков приказов. Отсюда происходила знаменитая «московская волокита», процветали «посулы» (взятки) и «поминки» (подарки) тем, от кого зависело движение дел. Иногда дело «вылеживалось» без движения где-то в приказном архиве, в какой-то известной только дьяку «коробье» (отсюда известные идиоматические выражения: отложить «в долгий ящик» или, как станут говорить позже, положить «под сукно»). Проходило много времени, прежде чем издержавшиеся на разные траты челобитчики правдами и неправдами добивались рассмотрения царем своих дел. В начале правления, насколько можно судить по документам, царь Алексей Михайлович с юношеской резкостью вмешивался в дела, не скрывая эмоций. Например, он указывал переписчикам посада Вязьмы на их ошибку: написали только имена, а количество дворов не указали и «зделали не гораздо, своею простотою и о государеве деле не радея». Царь хорошо понимал причины таких «ошибок» и сам объяснил их в своем решении нерадением дьяков, действовавших «для своей бездельной корысти»<sup>[57]</sup>.

Каким администратором был молодой царь, определить трудно. Поначалу события во многом управляли им; он не отбирал для рассмотрения дела, а следовал докладам думных дьяков и просьбам своих приближенных. Сохранился примечательный (и единственный от времени

начала царствования Алексея Михайловича) документ: «потешная» челобитная царя своим ближайшим советникам и друзьям, которых он звал вместе с собою и своими «полчанами» охотиться на медведя. Речь шла о зимней охоте. Царю доложили, что медведь «лежит» в 40 верстах от назначенного места сбора охоты в Озерецком. Немудрено, что не все горели желанием откликнуться на царский зов. Поэтому веселый и ироничный тон царя, ехавшего на одну из первых своих самостоятельных царских охот, кажется, перемешан с обидой на бояр и окольничих, не спешивших покидать столицу ради охотничьих забав. Царь Алексей Михайлович вынужден был напомнить, что сам успел сделать для каждого из них. Во главе списка приближенных, конечно, упомянут боярин Борис Иванович Морозов. Он бил челом о пожаловании чином стряпчего Дмитрия Санбека (?!): «...и я тотчас пожаловал». Оказывается, речь шла о пожаловании в феврале 1646 года «Дмитрия Семенова сына Албекова Грузинца»<sup>[58]</sup>. Боярин Никита Иванович Романов ходатайствовал за назначение в воеводы Протасия Неплюева (дальнего родственника Романовых, происходившего из одного с ними рода Андрея Кобылы), «и я пожаловал», — говорил царь Алексей Михайлович. И так было с каждой просьбой царю о решении спорных дел, назначениях или освобождении от службы, пожалованиями поместьями, поданной боярами князем Яковом Куденетовичем Черкасским, дворецким князем Алексеем Михайловичем Львовым, князем Михаилом Михайловичем Темкиным-Ростовским и другими. Боярину князю Федору Семеновичу Куракину царь, например, припоминал отлучки от двора: «бывал челом почаству в деревню, и я тебя всегда жаловал, отпускал». Можно даже удивиться просительному тону царя: «...и вы помяните все скорую мою милость к себе, а поступитесь мне и полчаном моим, о чем у вас просим». Но все это, конечно, было шуткой царя, заставлявшего приближенных «рукоприкладствами» (подписями) подтверждать выезд на охоту: «любо так быть, как ваш государь и наш изволил, всегда мирских речей слушают»<sup>[59]</sup>.

Правительство боярина Морозова прославилось введением знаменитого соляного налога. Первым шагом в этом направлении стал царский указ 7 февраля 1646 года, вводивший пошлину с продажи соли. По указу полагалось взимать соляную пошлину «на тех местах, где та соль родитца». Новый налог, по задумке его авторов, имел конечной целью замену двух других сборов — стрелецких и ямских денег и устранение изъянов прежней системы «неровного» сбора этих прямых налогов: «иным тяжело, а иным легко». Солью же пользовались все, поэтому новый налог

представлялся более справедливым, тем более что, по словам окружной грамоты, сбор пошлин с соли был связан с необходимостью обороны государства: «...чтоб против поганных бусурманов крымских и нагайских людей стать и православных крестьян от тех поганных заступать, положить на соль новую пошлину»<sup>[60]</sup>. Однако воплощение фискальной меры оказалось далеким от первоначальных целей. Морозов воспользовался обстоятельствами, чтобы закрепить сбор пошлин с продажи соли исключительно за Приказом Большой казны, где он был главным судьей (вместе с Иваном Павловичем Матюшкиным и дьяком Назарием Чистым). Введение новых пошлин остановило производство соли, цены на нее взлетели, потребление уменьшилось. Классическая картина! Не случайно соляной налог пришлось отменить уже в конце 1647 года, но вызванная им анархия повлияла на последующие события.

Войско тоже не получило тех средств, которыми чаще всего оправдывались налоговые нововведения. Дворяне и дети боярские, служившие в Большом полку в Туле и в других полках Украинного разряда, воспользовавшись переменами на троне, подали коллективную челобитную царю Алексею Михайловичу о своих нуждах. Кроме тяжелых условий службы, были два главных вопроса, волновавшие провинциальных дворян, составлявших основу сотенного строя русской армии. Им редко удавалось добиться справедливого суда в спорах с «сильными людьми», поэтому крестьяне постепенно уходили от неимущих и мелкопоместных дворян и детей боярских в богатые боярские вотчины, где могли найти ссуду на обзаведение хозяйством и сохранить свои семьи в случае неурожая и голода. Крестьянам оставалось только прожить «урочные года», в течение которых оставалась возможность сыска беглых. Известный парадокс складывавшегося российского крепостничества состоял в том, что в нем были заинтересованы прежде всего рядовые дворяне из многих уездов Московского государства, а не столичное дворянство и бояре! Царь Алексей Михайлович и его бояре даже сдерживали «крепостников». Указ 19 октября 1645 года сначала подтвердил прежнюю норму о десятилетнем сыске крестьян, ссылаясь на ее совсем недавнее увеличение вдвое, с пяти до десяти лет, при отце царя в 1641 году. Однако коллективные протесты уездных дворян 1630—1640-х годов, настаивавших на отмене «урочных лет», сделали свое дело. Правительство царя Алексея Михайловича хотя и не сразу, но вынуждено было пойти на уступки.

В феврале 1646 года было принято решение о составлении «для подлинного ведома» переписных книг дворов по всем городам и уездам Русского государства. Перепись имела целью сыск дворов беглых крестьян

и бобылей за последние десять лет, после чего они навсегда прикреплялись к своим владельцам («будут крепки без урочных лет»). В отличие от прежних описей, основанных на «сошном письме» (подсчетах количества пахотной земли), вводился подворный принцип учета всех владельческих дворов. Обычно эту реформу тоже связывают с именем боярина Бориса Ивановича Морозова, однако, как показал исследователь истории земельного кадастра в XVI–XVII веках Степан Борисович Веселовский, главной задачей переписных книг было введение принципа «крепости» для лучшего сыска беглых крестьян, что больше отвечало интересам не крупных, а мелких землевладельцев. Только потом правительство стало вводить подворный принцип для сбора чрезвычайных налогов<sup>{61}</sup>.

Перепись 1646–1647 годов давала самое близкое по времени и, следовательно, наиболее полное представление о населении уездов Русского государства, по сравнению с описаниями, проводившимися на рубеже 1620—1630-х годов. Переписные книги использовали для решения еще одного застарелого вопроса русской жизни, связанного с существованием на посадах «беломестцев». Под этим названием известны жители городов, пользовавшиеся льготами и иммунитетом по праву их поселения на «белых», то есть освобожденных от уплаты налога и тягла, местах. Беломестцы наряду с посадскими людьми могли вести торговлю, но при этом не участвовать в раскладке общих налогов и повинностей на посаде. Поэтому в городах сложился институт «закладничества», когда не только крестьяне, но и сами посадские люди уходили жить на «свободные» от сбора налогов места. Иногда рядом с посадскими сотнями располагались целые слободы беломестцев (происхождение слова «слобода» связано с освобождением от податей), заведенные царским боярином, патриархом или крупным монастырем. Земское самоуправление на посадах не могло повлиять на «сильных» владельцев, выигрывавших судебные тяжбы в приказах. Время от времени, еще с «посадского строения» Бориса Годунова и царя Михаила Федоровича, принимались за решение проблемы «беломестцев» и «закладчиков». Правительство стремилось выяснить, кто из жителей посадских сотен, занимавшихся каким-либо ремеслом или торговавших в лавках, происходил из крестьян и монастырских служек, но так и не могло добиться их повсеместного зачисления в посад.

Торговые люди, по примеру служилых людей, тоже подавали свои челобитные царю Алексею Михайловичу по его вступлении на престол. Они просили гарантировать их монопольное право торговли и защиту от «беломестцев»<sup>{62}</sup>. Отсутствие необходимости нести общие с посадом



повинности, конечно, помогало торговле, поэтому часто «беломестцы» превосходили других торговых людей своими капиталами, вызывая дополнительное раздражение и желание заставить их тянуть общее тягло с посадскими людьми. Конечно, при этом богатые и «сильные» люди, заинтересованные в сохранении существовавшего порядка, имели возможность помешать посадскому «строению».

Попутно торговые люди добивались ликвидации льгот иностранным купцам. Но здесь все было сложнее. Иностранцы помогали с заведением металлургических заводов, поисками золотой и серебряной руды, участвовали в зарубежной торговле хлебом, куда не пускали русских купцов. Иногда иностранные купцы находились, можно сказать, на русской службе, помогая набирать специалистов для работы в России, выполняя деликатные поручения, например, в делах о поимке самозванцев. Словом, допуск иностранных купцов к торговле в России происходил с учетом принесенной ими пользы в разных государственных делах. Хотя, как покажут будущие события, время для торгового меркантилизма и защиты интересов своего купечества уже пришло. Гости и торговые люди верно уловили изменившиеся настроения и желание правительства боярина Морозова любыми способами наполнить казну, освобождаясь от исторически сложившихся торговых льгот.

В действиях морозовского правительства была определенная логика. Все нововведения оправдывались одной из важных задач начала царствования — отражением набегов крымцев на южную Украину Русского государства. Крымские ханы обычно давали шерть (присягу) русским царям, обязались не нападать на русские земли, а в ответ получали от послов своеобразную крымскую дань — «поминки» деньгами и мехами, компенсировавшие недополученные доходы от набегов. Более того, только в декабре 1644 года русские посланники добились того, чтобы царя в такой записи называли «самодержцем». Однако общий порядок постоянно нарушался, крымцы всё равно ходили через степи в походы на южные уезды и уводили пленных. Особенно сильной угрозой походов крымских татар становилась в периоды междоцарствия или смены царей на русском престоле, когда крымские цари начинали считать себя свободными от прежних обязательств. Не было исключением и время, наступившее при вступлении на царство Алексея Михайловича. По расспросным речам служащих Посольского приказа, оказавшихся в тот момент в Крыму, хан Ислам-Гирей говорил своим мурзам: «ныне де на Московском государстве царя не стало, а царевич молод и царство де теперво здержать еще не сможет. И мы де пойдем войною на Московское государство и повоюем, и

он нам даст казну большую». В разговорах с московскими посланниками, приехавшими в Крым после вступления на престол царя Алексея Михайловича, даже не скрывали, что «покаместа не шертуют, и в те де поры бывает война»<sup>{63}</sup>. Турецкий султан разрешил своему вассалу начать войну, приток рабов на «каторги» — турецкие весельные суда — не должен был иссякать. Летом 1645 года татары, собирая силы, кочевали в степях Причерноморья, но было неясно, куда они направят свой удар — на Литву или Русь.

1 декабря 1645 года, в наступивший Рождественский пост, царь отправился в зимнее богомолье по подмосковным монастырям — в Можайск, Боровск и Звенигород. Звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь станет одним из любимых мест паломничества царя. Заметно, что уже в самом начале своего правления царь Алексей Михайлович стремился часто бывать в монастыре «на Стороже», ходил туда даже в пешие царские походы из Хорошева и охотился в звенигородских лесах. Все это послужило основой для истории, которую рассказывали еще в XIX веке, как царь Алексей Михайлович, охотясь в одиночестве, случайно вышел на медведя; зверь уже готов был напасть на царя, но его отогнал неизвестно откуда появившийся старец. Царь благодарил его за спасение и спрашивал, кто он такой. Старец отвечал, что он монах Савва. Вернувшись в монастырь, царь Алексей Михайлович стал рассказывать об этом происшествии игумену, но оказалось, что никакого монаха с именем Савва в монастыре не было. И только оказавшись у гробницы основателя монастыря — преподобного Саввы Сторожевского и увидев древнюю икону, также некогда написанную «по видению» самого старца, царь Алексей Михайлович признал в нем своего спасителя. С тех пор и началось особое покровительство царя звенигородской обители<sup>{64}</sup>.

На Москве, по принятому порядку, были оставлены ведать дела бояре Иван Васильевич Морозов, Михаил Михайлович Салтыков и окольный Петр Федорович Волконский. В те же дни пришли «вести» о готовящемся походе крымских людей: «Турской царь писал к крымскому царю, а велел ему со всеми людьми быть на его государевы украины». Обычно зимой на границе оставались пограничные и сторожевые отряды, а основное войско распускалось со службы. На это и был расчет крымцев, находившихся в сложном положении из-за внутренних усобиц и «меженины» — нескольких лет неурожая, приведших к голоду в Крыму. В поход собрались все, кто мог. Московские послы в Турции доносили, что в Крыму остались «старые да малые, которые на лошади не могут сидеть, да самые бедные люди,



которым итти не на чем»<sup>[65]</sup>.

По распределению полков русского войска сначала назначили воевод «на Украйну» по городам: в Мценск окольничего князя Семена Васильевича Прозоровского, а в Курск — князя Семена Романовича Пожарского. В канун Рождества, 24 декабря, в Москве получили новые тревожные вести от воеводы князя Пожарского о первых боях под Курском с крымцами во главе с царевичами Казы-Гиреем и Мурат-Гиреем, калгой и нурадином (главными крымскими военачальниками и правителями). Позднее стало известно, что в Русское государство вторглось около 30 тысяч татарского войска, собранного не только в Крыму, но в Азове и других турецких городах; в его состав входили также ногайские отряды. Тогда пришло время для общего сбора войска. Армию в Туле возглавили боярин князь Алексей Никитич Трубецкой и окольничий Андрей Федорович Литвинов-Мосальский. Были сделаны назначения воевод в местах наиболее вероятных прорывов крымской конницы, в городах по засечной черте — Переяславле-Рязанском, Веневе, Крапивне и Одоеве.

Основные военные действия в конце декабря 1645-го — начале января 1646 года шли на территории Курского, Рыльского и Путивльского уездов и в Комарицкой волости. Но война доходила и до «орловских и карачевских мест». Такая угроза потребовала призыва на службу всего наличного дворянства. Из Москвы оно двинулось в поход 31 декабря. Уездные дворяне из дальних, замосковных служилых «городов», правда, так и не успели собраться на службу. Зимняя война оказалась тяжелой для всех, поэтому крымское войско, повоевав и пограбив южные уезды, поспешило повернуть назад. Планировавшийся поход главного войска во главе с боярином князем Алексеем Никитичем Трубецким к Белгороду тоже не состоялся. Крымцы ушли, преследуемые малыми силами во главе с местными воеводами.

Пока готовился поход, главные воеводы занимались местническими счетами. Второй воевода Большого полка, князь Мосальский, счел себя оскорбленным и не захотел идти «в сход» из Тулы к главному воеводе полка в Мценске князю Прозоровскому. Царь Алексей Михайлович ответил резко: «А будет не пойдет, и ему быть в великой опале». Но в таких случаях служилые люди оставались непреклонными, не соглашаясь на назначение, наносившее ущерб местнической чести. Князь Мосальский тоже предпочел тюрьму бесчестию, чтобы его потомки не были ниже по службе князей Прозоровских.

По итогам этой короткой зимней войны 1645/46 года немало воевод попало в опалу за нерасторопность. Правда, наказали и отличившегося в

тех боях с крымцами курского воеводу князя Семена Романовича Пожарского. Он первым встретил крымское войско, а потом преследовал его во время отхода в Крым и отбил значительный полон. И за эту свою службу... был посажен на несколько дней в тюрьму, пострадав без всякой вины. Складывается впечатление, что Разрядный приказ, постоянно опаздывавший с распоряжениями, искал виноватых в своей неудаче.

Царь Алексей Михайлович и Боярская дума сделали свои выводы. Они решили не оставлять без последствий болезненное крымское вторжение. 1646 годом датируется исторический поворот в системе обороны Московского государства. Прежде она строилась на идее сдерживания татар, создании трудностей для прохода отрядов татарской конницы во внутренние уезды и к самой Москве. Теперь же впервые был подготовлен и проведен с помощью донских казаков наступательный поход в Крым. Царь Алексей Михайлович прислал донцам свое государственное знамя. Они снова, как во времена азовского осадного сидения, могли почувствовать себя героями! Разобравшись в невинности князя Семена Романовича Пожарского, храбро воевавшего с крымцами в Курском уезде, именно его поставили во главе собранных полков. Он и осуществил карательный поход в Крым летом и осенью 1646 года. Впрочем, организация похода легла своей тяжестью не как обычно на поместную конницу, а на «приборное» войско из донских казаков и «вольных» людей, собиравшихся на службу в Воронеже и Астрахани. Дополнительную помощь оказали ногаи, кочевавшие в астраханских степях, и враждовавшие со своими соплеменниками, осевшими в Крыму, а также кабардинский князь Муцал Черкасский. Пестрый состав войска, большая роль в нем казачьей вольницы не позволили в полной мере реализовать идею войны на территории Крыма. Донские казаки больше думали о том, чтобы повторить знаменитую историю 1636–1642 годов и снова захватить Азов, ставший камнем преткновения во взаимоотношениях Москвы и Турции.

Один из царских воевод, Ждан Васильевич Кондырев, посланный прибирать «охочих вольных людей» в Воронеж, позже подробно рассказывал в своей челобитной о своем участии в походе. Разрядный приказ планировал собрать в Воронеже наемное войско из трех тысяч человек, выдав каждому мушкет и деньги — 5 рублей с полтиной. Кондырев умудрился сэкономить и с тем же бюджетом «прибрать» в войско на 200 человек больше. Сделать это иначе, как сократив выдачу денежного жалованья, своеобразных «боевых», остальным «охочим людям» было невозможно, но Разряд, видимо, вполне одобрил такое самоуправство воеводы. Дальше его путь лежал к казакам на Дон, куда воевода повез

посланные из Москвы деньги, порох и свинец, а также воронежские хлебные запасы. Там же на службу набрали еще тысячу «вольных людей» и «черкасов» (так обобщенно называли в русских источниках казаков, живших на территории Войска Запорожского и в Сечи). Кстати, запорожские казаки в этой войне были как на московской, так и на крымской стороне. Они не только воевали с татарами, но и помогали им на территории Крымского ханства готовить пешее войско для обороны Перекопа. Отряд Кондырева пришел на помощь главному воеводе — князю Семену Романовичу Пожарскому, когда крымские царевичи подошли «близко козачья Черкасского городка на станы» — то есть к тогдашней столице Донского войска, нынешнему Старочеркасску. А затем воевода Ждан Кондырев «по государеву указу» ходил в шестинедельный морской поход в Крым во главе набранного им войска в две с половиной тысячи человек. Впрочем, морская экспедиция казачьего войска не удалась. Лишь немногие смельчаки на стругах попытались совершить плавание к крымским берегам, но их разметало штормом. Казаки и вольные люди лучше сражались на земле, чем на море. Поэтому в челобитной Ждана Кондырева царю Алексею Михайловичу подробно рассказывалось не о морских приключениях, а о заслугах в бою около Азова, на обратном пути от крымских берегов<sup>{66}</sup>.

Крымская война стала причиной ряда перемен в организации русского войска, были приняты меры к усилению Белгородской засечной черты и строительству новых городов. Примечательно, что среди них был названный в честь царя Алексея Михайловича «Царев-Алексеев» город (Новый Оскол), начатый строительством в 1647 году и ставший одним из важных пунктов обороны юга Русского государства. Наступление на Крым продолжалось и средствами дипломатии. Состоялись переговоры с польским королем Владиславом IV об оборонительном союзе против крымского царя. Совместные действия русских и поляков против крымских татар изменили расстановку сил. До этого политика османов и крымцев строилась на умелом использовании противоречий между соседями: нападай на сильнейшего и не давай укрепиться слабому. Когда наметились очертания военного союза между Варшавой и Москвой, турецкий султан запретил своему вассалу походы на московскую Украину<sup>{67}</sup>. Это позволило переключиться на другие важные и неотложные дела внутри Московского царства.

Устойчивость династии лучше всего гарантировалась возможностью передачи власти от отца к сыну. Пришло время для выбора невесты царю Алексею Михайловичу.

Известная традиция «смотра» невест должна была помочь царю сделать верный выбор, основанный на сердечной склонности, а не на закулисных расчетах придворных. Впрочем, соблюсти эту тонкую грань оказалось непросто. Царь угодил в ту же «ловушку», что и его отец Михаил Федорович, брак которого с первой выбранной невестой Марьей Хлоповой был расстроен.

Приготовления к свадьбе царя Алексея Михайловича шли с конца 1646 года. Его первой избранницей стала дочь московского дворянина Рафа Родионовича Всеволожского — Евфимия Федоровна (возможно, принявшая отчество от крестильного имени отца или по отсылке к Федоровской иконе Божьей Матери). Сами Всеволожские выводили свой род чуть ли не от Рюриковичей, связывая свое происхождение со смоленскими князьями (отсюда и «княжеский» вид фамилии). Но при московском дворе надо было опираться не на далекие воспоминания, а на «ближних» к царю людей. За три дня до свадьбы, назначенной на 14 февраля 1647 года, Евфимия Всеволожская была введена во дворец, составлен подробный Чин венчания царя и царицы... И вдруг всё разрушилось, и дальше черновика Чина венчания дело не пошло, невеста и ее семья попали в опалу и были отправлены в ссылку в Сибирь<sup>[68]</sup>.

О причинах отмены свадебного торжества можно только догадываться. Существуют весьма правдоподобные рассказы об обмороках будущей царицы, напугавших царское окружение. Одни говорили, что Евфимия Всеволожская лишилась чувств, получив от царя кольцо и платок на самом смотре невест. Другие склонны видеть в случившемся чей-то злой умысел. Якобы когда уже царская невеста оказалась во дворце, то к очередному выходу ей намеренно так туго заплели волосы, что она не могла этого выдержать и упала в обморок. Именно такую версию событий передавал придворный доктор царя Алексея Михайловича Самуэль Коллинс, прямо обвинивший во всем боярина Бориса Ивановича Морозова: «Как скоро царю наступила пора жениться, к нему свезли всех лучших красавиц из государства; одной, которая ему понравилась, он дал платок и кольцо, но, когда она в другой раз явилась перед ним в царской одежде, Борис приказал так крепко завязать ей венец на ее голове, что она упала в обморок. Тотчас объявили, что у ней падучая болезнь; ее старый отец, бедный дворянин, был, после мучительной пытки, сослан в Сибирь и с горя умер по дороге, а семья его осталась в немилости. Эта девушка еще жива, и с тех пор никто

за ней не знал никаких припадков. У ней было много женихов из высшего сословия, но она всем отказывает, а бережет платок и кольцо. Царь ей дает ежегодное содержание, чтобы загладить оскорбление ее отца и семейства»<sup>{69}</sup>. Однако придворный врач-англичанин не был свидетелем описываемых событий и писал об этой истории по чьим-то рассказам. Он даже не знал подлинно о судьбе отца невесты, служившего на воеводстве в Тюмени и Верхотурье.

Конечно, сама по себе подобная интрига с дальним прицелом на брак царя с другой избранницей возможна (как и месть родственников других, «проигравших», невест). Выбор царя Алексея Михайловича в невесты Евфимии Федоровны со временем (при удачном стечении обстоятельств) мог позволить уездным дворянам Всеволожским, ранее служившим по Владимиру, рассчитывать на боярские должности и высшие чины, войти в Ближнюю думу. Желających оказаться на их месте было предостаточно, борьба, видимо, не остановилась даже в тот момент, когда дьяки Посольского приказа уже набрасывали церемониал царской свадьбы.

Вопреки позднейшим слухам, боярину Борису Ивановичу Морозову в Чине свадьбы с Евфимией Всеволожской, естественно, отводилось самое почетное место — посаженного отца, поднимавшего в конце свадьбы стрелой покров с лица новой царицы. Жены бояр Ивана Васильевича и Глеба Ивановича Морозовых были у царя «в материно место», важная роль тысяцкого досталась боярину князю Якову Куденетовичу Черкасскому. То есть все главные приближенные из нового окружения царя Алексея Михайловича были на своих «законных» местах (так будет и на свадьбе царя с новой невестой, состоявшейся через год). Кто мог почувствовать себя уязвленным от распределения чинов на царской свадьбе с Евфимией Всеволожской — это Стрешневы, продолжавшие терять свое влияние со времен царского венчания. Имя брата царской невесты Андрея Рафовича Всеволожского сначала даже вписали среди имен стольников-поезжан выше Ивана Большого и Ивана Меньшого Федоровых детей Стрешневых и Родиона Матвеевича Стрешнева. Правда, потом Всеволожского вычеркнули, но уже одно стремление поставить их выше Стрешневых говорит о многом. По каким-то неясным причинам из списка царских дружек исчезло имя Богдана Матвеевича Хитрово<sup>{70}</sup>, чья слава влиятельного человека, боярина и оружничего придет позже. Он был, между прочим, племянником царского постельничего Михаила Алексеевича Ртищева и считался человеком круга Морозовых<sup>{71}</sup>.

Детали Чина несостоявшейся царской свадьбы с Евфимией

Всеволожской показывают, что положение боярина Бориса Ивановича Морозова все равно бы укрепилось, а вот «калужским» родственникам царя — Стрешневым, Ртищевым и Хитрово — надо было что-то делать, чтобы их не оттеснили новые люди при дворе. В итоге, по тем или иным причинам, царя Алексея Михайловича заставили отказаться от этого брака, семью Всеволожских отправили в Сибирь. Бывшей царской невесте оставили подарки, полученные во времена ее недолгого пребывания во дворце. После возвращения Евфимии Всеволожской пять лет спустя из сибирской ссылки в вотчины отца в Касимовском уезде они оставались ее слабым утешением, воспоминанием о несбывшемся. Так эта «касимовская невеста» и доживала свой век, а ее история осталась короткой вспышкой обещанного, но не состоявшегося счастья ее самой и целого рода Всеволожских.

Новая невеста — Мария Ильинична Милославская — была представлена царю Алексею Михайловичу боярином Борисом Ивановичем Морозовым уже в конце того же 1647 года. Вслед за царем и сам Борис Иванович, вдовец (его первая жена, Ирина Ивановна, была похоронена в Чудовом монастыре<sup>[72]</sup>), женился на младшей сестре царицы Марии — Анне Милославской. Таким образом, Морозовы еще и породнились с царской семьей.

Но что могло помешать царскому воспитателю сразу осуществить задуманное дело? Неужели боярин Борис Иванович так мало щадил чувства своего воспитанника? Ведь он должен был предвидеть, каким ударом станет для того отмена свадьбы с Евфимией Всеволожской! Боярину Морозову потом даже пришлось отвлекать царя как ребенка (а кем тот еще был в свои 17 лет?) его любимым занятием — медвежьей охотой. Уже на следующий день после планировавшейся, но несостоявшейся свадьбы, в понедельник 15 февраля 1647 года, царь отправился со своими приближенными прочь из Москвы. Вряд ли при этом обошлось без поиска виноватых. Например, царских родственников Стрешневых, дядю по матери и кравчего Семена Лукьяновича Стрешнева, вскоре обвинили в «волшебстве»<sup>[73]</sup>. Русские люди тогда серьезно воспринимали подобные обвинения, и не был ли процесс Стрешневых отдаленным следствием отмены первой царской свадьбы?

Свадьба царя Алексея Михайловича с новой избранницей, Марией Милославской, состоялась 16 января 1648 года. Милославских давно поддерживало родство с думным дьяком и главой Посольского приказа Иваном Грамотиным («Грамматиком», как писал Самуэль Коллинс)<sup>[74]</sup>. Род

Милославских происходил от дьяка великого князя Василия III Даниила Козла; к этому роду принадлежала жена дьяка Ивана Грамотина Стефанида. Когда известный деятель Смутного времени Грамотин умер в 1638 году, то его родной племянник и дед будущей царицы, Данила Иванович Милославский, был душеприказчиком своего дяди. Милославские служили по Новгороду, а после Смуты оказались среди землевладельцев Лухского уезда, где их соседями были многие влиятельные люди при дворе, например боярин князь Борис Михайлович Лыков. Грамотин, конечно, помогал Милославским строить их карьеры и участвовал в их земельных и денежных делах. Память о родстве с ним Милославских не могла быстро исчезнуть при дворе даже после смерти влиятельного дьяка. Отец царицы, Илья Данилович Милославский, в конце царствования Михаила Федоровича был отправлен в Турцию, где проявил себя умелым дипломатом в очень непростых условиях враждебных действий османов. В начале правления Алексея Михайловича он тоже исполнял ответственное поручение в посольстве в Голландию, набирая на службу офицеров-иноземцев, знатоков «ратного строя». Другие родственники Милославских (по новгородской линии рода), князья Мышецкие, тоже получали посольские служебные назначения — в Грузию. Словом, было бы очень большим преувеличением думать, что Милославские пришли «ниоткуда», хотя без родства с царем Алексеем Михайловичем они никогда бы не достигли своего могущества.

Брак царя оказался счастливым и продлился больше двадцати лет. В семье родилось 13 детей, двое из которых, Федор и Иван, как известно, взойшли на трон, а их сестра, великая царица Софья, стала последней защитницей интересов Милославских при дворе.

### **«На Москве продадут власть»**

Бориса Ивановича Морозова постигла участь многих реформаторов: начатые им изменения были остановлены, от участия в делах его устранили. Более того, ряд его ближайших сотрудников и свойственников погибли во времена московского мятежа («гиля», или бунта) летом 1648 года. Глава «правительства» сам избежал смерти только благодаря заступничеству и просьбам (!) царя Алексея Михайловича.

Как такое могло произойти? Вряд ли справедливо предполагать, что действия восставших отвечали стремлению царя освободиться от властной опеки Морозова. Скорее они способствовали «закрытию» царя Алексея



Михайловича и неприятию им в будущем вмешательства «мира» в дела власти.

Последовательность событий московского восстания 1648 года хорошо известна. Все началось со случайного происшествия во время возвращения царя Алексея Михайловича из весеннего похода в Троице-Сергиев монастырь. Дворцовые разряды датировали возвращение царя 25 мая, когда «грех ради наших учинился межусобство от земских людей», а на следующий день случился большой пожар в Москве, начавшийся на Петровской улице, после чего выгорели «Петровка, и Дмитровка, и Тверская, и Никитская, и Арбат, и Чертолье, и посады около Москвы все без остатку погорели, и потом учинилась большая смута»<sup>{75}</sup>. Однако более точными следует признать сведения шведского резидента Карла Поммеренинга, по донесению которого события в Москве начались не 25 мая, а 1 июня, когда челобитчики впервые окружили возвращавшийся из троицкого похода царский поезд, пытаясь получить разрешение на рассмотрение своих дел, но были разогнаны стрелецкой охраной. Беспокоить царя просьбами во время его церемониальных выездов запрещалось, но запрет был нарушен, и охрана стала теснить толпу: «и так как его царское величество не хотел сам принять прошение, а простолюдинов стали бить кнутами, то они стали бросать камни и попали во многих знатных бояр». После этого 15 или 16 просителей, по словам Поммеренинга, были «брошены в башню»<sup>{76}</sup>.

На следующий день, 2 июня, все повторилось во время царского выезда на богомолье в Сретенский монастырь. Люди стали преследовать царский поезд на всем обратном пути от Сретенки до Кремля, требуя выдачи арестованных. Оказавшись на кремлевской Соборной площади, восставшие уже не слушали ни царя, ни патриарха и говорили, что не разойдутся, пока царь не исполнит их требование о «выдаче» для расправы Леонтия Степановича Плещеева — главы Земского приказа, исполнявшего полицейские функции в столице. Все это иначе как «смутой» в московском политическом языке не называлось.

Столкнувшись с ее первыми проявлениями, царь Алексей Михайлович попытался действовать решительно, но стрелецкая охрана уже перестала подчиняться приказам своих начальников. Произошло это, по словам Поммеренинга, из-за того, что слуги боярина Бориса Ивановича Морозова решили наказать стрельцов, пропустивших «так много народу в Кремль». Однако стрельцы ответили, что признают только царя, и поддержали требования восставших, выступивших против «боярских насилий и



неправд», и пошли грабить двор Морозова в Кремль. Так скоро выяснилось, что восставшие, замахнувшись на Плещеева, метили в Морозова, а их требования касались всей системы управления в Московском государстве. С этого дня бунт начался уже по-настоящему.

Летописцы подробно рассказали о событиях в Москве 2 июня 1648 года, о ходе и деталях московского мятежа и о последовавшей быстрой перемене настроений толпы: «И того числа была смута великая на Москве и били челом великому государю всем народом посадския и всяких чинов люди во всяких налогах и в разоренье на Левонтья Степанова сына Плещеева. А боярин Борис Иванович Морозов да окольничей Петр Тиханович Траханиотов за него стали. И как государь пошел от праздника и за ним, государем, пришли на ево, государев, двор всяких чинов посадския люди всем народом и всех приказов стрельцы и били челом великому государю з большим невежеством»<sup>[77]</sup>. Переводя старинный язык этого известия, важно подчеркнуть ряд деталей. Начало движения — «приход посадских людей всем народом» на царский двор — означало, что в Кремль прежде всего стремились те, кто имел право жить на посаде, нес службу или торговал в Москве. То есть первоначально выступили именно посадские люди, жаловавшиеся на «налоги и разоренье» от Леонтия Плещеева и обвинившие других царских приближенных, которые «ему, великому государю, изменяют и ево, государево, царство разоряют». Самым опасным стало одновременное выступление вышедших из повиновения «всех приказов стрельцов», жалованье которым было убавлено и давно не выплачивалось (во главе Стрелецкого приказа стоял, напомним, все тот же боярин Борис Иванович Морозов).

Посланные царем Алексеем Михайловичем успокаивать волнующуюся толпу боярин князь Михаил Михайлович Темкин-Ростовский, окольничий Борис Иванович Пушкин и думный дьяк Михаил Волошенинов вернулись с позором: их «обесчестили и платье на них ободрали, одва оне ушли в Верх к великому государю». Не дождавшись удовлетворения своих требований, мятежники бросились громить боярские усадьбы, и в первую очередь двор боярина Морозова в Кремле. А еще тех, кто был близок ему и мог олицетворять новое правительство, созданное в первые годы правления царя Алексея Михайловича. Показательна расправа с думным дьяком Назарием Чистым, собиравшим ранее пресловутую соляную пошлину: его больного вытащили из дома, убили со словами «изменник, это за соль» и для вящего позора голым бросили на навозную кучу<sup>[78]</sup>.

Взявшись за одного настоящего мздоимца — Плещеева и «плещеевщину», восставшие в Москве люди «повалили» всё правительство боярина Бориса Ивановича Морозова. 3 июня царь Алексей Михайлович был вынужден издать указ о казни Леонтия Плещеева. Но не успели палачи вывести приговоренного из ворот Кремля к Лобному месту, как толпа отбила его и расправилась с ним самостоятельно, предав мучительной смерти. По сообщению Лейденской брошюры — первого печатного источника о событиях в Москве, изданного в Голландии, царь Алексей Михайлович вынужден был выйти к восставшим и лично уговаривать горожан, чтобы ему дали возможность самостоятельно во всем разобраться и наказать виновных: «Тогда перед общиной появился собственной персоной Его Царское Величество и, видя, что толпу не унять, стал смиренно просить, даже со слезами на глазах, чтобы ему дали всего два дня сроку, и он за это время хорошенько все обдумает и во всем их удовлетворит»<sup>{79}</sup>. В русских летописях тоже осталось свидетельство о своеобразной присяге царя Алексея Михайловича «миру»: «...и на том государь царь к Спасову образу прикладывался, и миром и всею землею положили на его государскую волю»<sup>{80}</sup>. Восставшие на время успокоились, но следом за этим «в пяти разных местах города начался ужаснейший пожар», продлившийся 13–14 часов и превративший «треть Москвы в пустынную грудку пепла». Вину в поджогах молва приписала людям боярина Морозова и Траханиотова. В одном из летописцев об опустошении Москвы сказано: «Того же числа горела Москва от Неглинны до Чертолских ворот, не осталось в Белом городе ни единого двора, толко осталось в Белом городе у Трубы около Петровскаго монастыря дворов с триста, а за городом за Чертолскими вороты все же выгорели слободы; а в Китай перекинуло с Неглинненскаго мосту, и выгорел в те поры кружечной двор весь»<sup>{81}</sup>.

4 июня 1648 года погорельцы и «всякие люди» снова пришли в Кремль и угрожали остаться там до тех пор, пока не будет издан царский указ о наказании других «изменников»: «и покаместь ево, великого государя, о том указ к ним будет, и они из города вон ис Кремля не пойдут и будет межуусобная брань и кровь большая з бояры и со всяких чинов людьми у них у всяких людей и у всей черни и у всего народу»<sup>{82}</sup>. Показательно, что в новых переговорах от имени царя участвовали бояре, которых не было видно раньше на первых ролях — Никита Иванович Романов, князь Никита Иванович Одоевский (зять боярина Федора Ивановича Шереметева), князь Яков Куденетович Черкасский. Им пришлось сделать еще одну уступку

толпе, требовавшей теперь наказания виновных в большом пожаре. Царь Алексей Михайлович велел казнить Траханиотова «перед миром» «на Пожаре» (Красной площади) по обвинению в «измене и за московский пожег»<sup>{83}</sup>. Выдав на казнь сначала Плещеева, а потом Траханиотова, царь Алексей Михайлович спасал от расправы боярина Бориса Ивановича Морозова. Но для этого пришлось согласиться с требованием его полного устранения от дел. В летописи еще раз упоминалось о своеобразном договоре царя Алексея Михайловича с «миром»: «А тово Бориса Морозова государь царь у миру упросил, что ево сослать с Москвы в Кирилов монастырь на Белоозеро, а за то ево не казнить, что он государя царя дятка, вскормил ево государя. А впредь ему Борису на Москве не бывать и всему роду ево Морозовым нигде в приказах у государевых дел, ни на воеводствах не бывать и владеть ничем не велел. На том миром и всю землю государю царю челом ударили и в том во всем договорились»<sup>{84}</sup>.

Самые острые дни с «невежливым» давлением на царя, погромами и поджогами боярских и дьячих дворов, убийством «скопом» думного дьяка, казнями входивших в Боярскую думу известных мздоимцев завершились 5 июня. Но начавшийся в Москве «мятеж» на этом не остановился — ободренные успехом восставшие стали выдвигать всё новые и новые требования и объединились во имя общих целей. В большой челобитной, датированной 10 июня 1648 года, к царю Алексею Михайловичу с новыми требованиями обратились «холопы и сироты твои» — уездные дворяне и посадские люди. «Страшный сон» власти, ибо именно эти две многочисленные группы людей могли по-своему влиять на ход дел из-за представления о правоте общего выступления людей «миром».

Восставшие били челом царю, что «ныне за вашим царским долготерпением у тебя государя умножилось тех злодеев, которые тебе, государю, добра не хотят, будучи у твоих государевых дел, толко богатство собирают и мир губят». Поэтому они требовали справедливого суда и управы на приказных людей, уклонившихся «на мзду и на лукавство». Главная идея челобитной была выражена афористично: «А всему великому мздоиманью Москва корень, на Москве продадут власть, а мирским людям от приказных людей чинится напасть». Царя Алексея Михайловича просили созвать собор, чтобы «призвал к себе, государю, московских дворян, и городовых дворян же, и детей боярских, и московских гостей и гостиние сотни, и черных сотен средние и меньшие стати, и всяких людей» и выслушал на нем «сю челобитенку». Составители челобитной оправдывали свои действия желанием помочь царю, ссылаясь на

всенародные «станание и вопль», и просили назначить «праведных судей», из-за того что государевы бояре оставили «розправную полату» и занялись «домашними розправами». Поэтому царю и приходилось разбираться со «всякой мирской доукой»<sup>{85}</sup>.

Обещание созвать собор было дано, после чего, по образному замечанию историка Павла Петровича Смирнова, «бунт» стали «заливать деньгами, на которые были скупы Чистой и Морозов»<sup>{86}</sup>. Боярин Борис Иванович Морозов еще пытался удержаться у власти. Вдруг стали быстро решаться в пользу рядовых помещиков не рассматривавшиеся ранее годами дела о сыске беглых, укрывавшихся в морозовских владениях. Однако оставление Морозова в Москве нарушало клятвы, данные «миру», и грозило столкновением в Думе с поверившими в перемены в окружении царя боярами Никитой Ивановичем Романовым и князем Яковом Куденетовичем Черкасским. 12 июня боярина Бориса Ивановича отправили в Кирилло-Белозерский монастырь, а вслед за этим началась и «чистка» его правительства. В донесении шведского резидента в Москве Поммеренинга осталось свидетельство об отсылке «больших господ, управлявших во время Морозова», по разным «воеводствам и другим должностям»<sup>{87}</sup>.

25 июня 1648 года окольничий князь Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский раздал денежное жалованье оказавшимся в Москве дворянам и детям боярским из «замосковных городов», назначенным в полки для охраны границ в Украинном разряде. Их пребывание в столице в это время можно связать только с участием в московском бунте. События в Москве всё спутали, и уездных дворян, вместо того чтобы наказывать за отсутствие на службе, еще и наградили выдачей жалованья<sup>{88}</sup>. «Щедрость» могла объясняться просто: это были те же люди, кто составлял челобитную 10 июня и требовал от царя Алексея Михайловича созыва собора.

16 июля 1648 года в Москве начал работать «чрезвычайный» собор, где были представлены церковные власти, Государев двор, представители уездного дворянства и московского посада. Судя по датированной этим днем памяти «из приказа» боярина князя Никиты Ивановича Одоевского, именно тогда было принято решение о составлении «Уложенной книги» — нового свода законов. Кроме князя Одоевского, в «приказ», которому поручили составление «Уложенной книги», входили еще боярин князь Семен Васильевич Прозоровский, окольничий князь Федор Федорович Волконский и дьяки Гаврила Леонтьев и Федор Грибоедов. Назначение в кодификационную комиссию двух членов Думы, принимавших в 1645 году присягу московского посада царю Алексею Михайловичу, могло быть

также связано с поиском компромисса для удержания восставших жителей Москвы от прямой «измены» царю. К 1 сентября предлагалось создать новых выборных в Москву: одного-двух человек от уездных дворян и по одному человеку от посадов. Память «из приказа» князя Одоевского отнюдь не случайно начиналась ссылкой на челобитную «мира» 10 июня, без которой бы не было решения о создании Соборного уложения<sup>[89]</sup>.

Пока рассылались грамоты о выборах на Земский собор, царь Алексей Михайлович продолжал делать перестановки во власти, назначая новых судей и дьяков в приказы взамен тех, кто вызывал недовольство своим явным участием в делах Морозове того правительства. Так, например, 5 августа были сменены судьи Владимирского и Московского судных приказов, куда были назначены, соответственно, стольники Василий Борисович Шереметев и князь Иван Андреевич Хилков<sup>[90]</sup>. Но царя по-прежнему волновала судьба боярина Морозова, и он продолжал заботиться о том, чтобы с ним ничего не случилось. 6 августа царь отправил грамоту игумену Кирилло-Белозерского монастыря с распоряжением «уберечь ото всякого дурна» оказавшегося там боярина Бориса Ивановича Морозова. Царь счел возможным нарушить этикет и собственноручно приписал несколько слов, подтверждавших указную грамоту. Алексей Михайлович стремился предупредить любые опасности, угрожавшие его любимцу во время Успенской ярмарки 15 августа, когда в монастырь стекалось немало народа. Он наказывал тайно показать «приятелю моему» свою «грамотку» и предупреждал, что о передвижениях боярина в монастыре никто не должен был знать: «да отнут бы нихто не ведал, хотя и выедет куды, а естли сведают, а я сведаю, и вам быть каженным». И, напротив, за добрую службу была обещана награда, «чево от зачала света такой милости не видали»<sup>[91]</sup>. Возможность действий «скопом», увиденная в Москве, продолжала пугать больше всего.

В итоге, в мятежные дни лета 1648 года произошел своеобразный реванш тех, кто был оттеснен от власти боярином Борисом Ивановичем Морозовым и был недоволен его политикой с ограничениями, ликвидацией привилегий, усилением налогового давления. Экономическая идея «прибыльности» (при которой боярин Морозов и члены его клана не забывали о своих интересах) столкнулась с более сильной идеей мирской «правды», и стрелецкие бердыши и костры боярских усадеб стали главными аргументами в этом споре. События в Москве открыли целую полосу подобных выступлений почти в тридцати городах Московского царства, затронув города Поморья и Сибири, Севера и Юга. Служилые

люди заговорили о том, что «нынеча государь милостив, сильных из царства выводит»<sup>[92]</sup>. Время «городских восстаний» стало эпохой триумфа действий «мира» и «земли», властно заявивших о своем праве на участие в делах Московского царства.

## Соборное уложение

Открытие Земского собора было назначено на новолетие 1 сентября 7157-го (1648) года. Многие выборные не успели собраться к этой дате, но это не остановило деятельности собора. Карл Поммеренинг доносил в Швецию о работе царя и бояр: «Его царское величество ежедневно работает сам со своими сотрудниками над тем, чтобы устроить хорошие порядки» (4 октября); «чтобы простолюдины и прочие удовлетворены были хорошими законами и свободой» (18 октября). Судя по предисловию к Соборному уложению, комиссия князя Никиты Одоевского подготовила его первоначальный текст к 3 октября. Тогда новое Уложение было предложено для «чтения» царю, патриарху, Думе и «выборным людям, которые к тому общему совету выбраны на Москве и из городов». Созданную для редакционной работы Ответную палату возглавил князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Выборные должны были утвердить нормы законодательного кодекса, «чтобы то все Уложение впредь было прочно и неподвижно»<sup>[93]</sup>.

Пока шла работа над текстом Уложения, в семье царя Алексея Михайловича случилось радостное событие. 22 октября, на память епископа Аверкия Иерапольского «в субботу против воскресенья, в 12 час ночи» на свет появился царевич Дмитрий. Эта дата давно была связана в памяти с другим событием — взятием Китай-города войсками земских ополчений в 1612 году. Царь Алексей Михайлович даже узнал об этом в Казанской церкви, где находился на всенощной службе. Радостную весть, «как почали петь по заутрене антифоны», принес царский тесть боярин Илья Данилович Милославский, после чего все члены двора, кто молился с царем, стали поздравлять царя.

Алексей Михайлович, не утративший привязанности к своему воспитателю Борису Ивановичу Морозову и лично следивший за всё время его ссылки, чтобы с ним ничего не случилось, воспользовался поводом, чтобы вернуть бывшего правителя в Москву. Крестины царевича Дмитрия состоялись 29 октября 1648 года. Восприемниками были царевна Ирина Михайловна, сестра царя Алексея Михайловича, и архимандрит Троице-Сергиева монастыря Адриан. Обряд крещения совершал сам патриарх в



Чудовом монастыре. В тот же день и состоялось первое публичное появление боярина Морозова, приуроченное к праздничному царскому столу в Столовой палате<sup>[94]</sup>.

Новый приход Морозова к власти не устроил тех, кто с таким трудом освободился от временщика. Шведский резидент Поммеренинг зафиксировал в своих донесениях немедленно возникший резкий конфликт при дворе царя Алексея Михайловича, разрушавший праздничное настроение. 31 октября в присутствии царя князь Яков Куденетович Черкасский «весьма резко поспорил с Морозовым и другими и самовольно, без позволения его царского величества ушел из-за стола и из дворца». Даже после наказания и короткого помещения под стражу «он не захотел идти на Верх (т. е. во дворец), хотя его царское величество несколько раз посылал за ним, а говорит, что ему нечего там делать»<sup>[95]</sup>. По сведениям Поммеренинга, речь шла об отсылке князя Якова Куденетовича Черкасского из Москвы на воеводство в Астрахань, но это уже было не столь важно: царский боярин, спасший честь царя Алексея Михайловича в мятежные июньские дни, хотел только знать, чем он «погрешил», чтобы заслужить такую немилость. Демарш боярина имел далекие последствия для его карьеры при дворе. Становилось ясно, что царю следовало сделать выбор между боярином Морозовым, чья политика уже завела царство в тупик, и другими боярами.

Алексей Михайлович выбрал компромисс, поставив 1 ноября на должности, занимавшиеся ранее боярином Морозовым (о них, видимо, и шел главный спор), не князя Якова Куденетовича Черкасского и не Никиту Ивановича Романова, а своего тестя — боярина Илью Даниловича Милославского. То есть морозовское влияние в Думе сохранялось, но не напрямую, а через сравнительно нового человека, не участвовавшего в прежних политических столкновениях и к тому же близкого родственника как царя, так и Морозова. Следом, в ноябре 1648 года, было сделано два важных царских распоряжения, отвечавших летним требованиям восставших посадских людей и уездных дворян и детей боярских. Только что пожалованному в бояре князю Юрию Алексеевичу Долгорукому (25 ноября) поручили провести сыск «закладчиков» в столице и по городам, а 28 ноября в уезды Русского государства были отправлены специальные «разборщики» с наказом провести общий смотр служилых «городов». Речь шла о раздаче жалованья почти 26 500 уездным дворянам и детям боярским из 80 уездов, служившим в поместной коннице — основе войска Московского государства<sup>[96]</sup>.

Недовольство «мира» правительство царя Алексея Михайловича смогло в итоге направить в необходимое русло редакционной работы над составлением «Уложенной книги». Одновременно начались и преследования разного рода выступлений против власти под предлогом борьбы с «бесчинием». Еще в начале августа 1648 года патриарх Иосиф стал рассылать по городам грамоты о посте по случаю «межуусобной брани» в Москве и по городам. Ссылаясь на общий «мятеж, и хлебной недород и скотиной падеж», патриарх требовал повсюду провести соборные молебны «со звоном» и учредить двухнедельный пост: «со всякою чистотою и благоговением, и хмелного питья того поста отнюдь не пили и матерны бы не бранились», обещая «безчинникам» торговую казнь и патриаршее «духовное запрещение». 4 ноября по всем городам Московского государства был разослан царский указ о запрете «богомерзких дел». С тех пор накладывался крепкий «заказ» (запрет) на все не одобрявшиеся церковью народные развлечения и суеверия, самыми известными из которых были игры скоморохов. Грамоты, отправленные воеводам, требовали от них отчета о сохранении благочиния в церкви и удержания людей от пьянства (это уже было повтором после летнего распоряжения о посте), а еще светская власть ополчилась на все, что выходило за рамки церковной регламентации. Под запрет попадали даже качели и колядование на Святках, какое-то умывание водой «на серебре», кулачные бои, танцы с медведями и скоморошьи представления: «А где объявятца домры и сурны и гудки и гусли и хари и всякие гуденные бесовские сосуды, — приказывали воеводам по городам, — и ты б те б велел вынимать и, изломав, те бесовские игры велел жечь»<sup>[97]</sup>.

Установлена прямая связь этого указа с челобитной выборного человека от Курска Гаврилы Малышева на Земский собор 1648/49 года. По возвращении ему пришлось держать ответ за эту инициативу, выставлявшую курян и других жителей северских, польских и украинских городов не в лучшем свете перед царем. Но главное, во дворце продолжали искать средства, как справиться с последствиями летнего «мятежа»: по словам Поммеренинга, его участников высылали из столицы под предлогом «игры в карты или зернь» или продажи «табака и водки». Предупреждая возможные гулянья на Рождество и Богоявление в Москве и других городах, в новом указе, рассылавшемся по инициативе Стрелецкого приказа после 19 декабря 1648 года, грозили карой тем, кто «кликал» в эти церковные праздники «коледу», «усень» и «плугу», устраивал «игрища». Опять доставалось «игрецам бесовским» — скоморохам с их «домрами, и с дудами, и с медведи». В грамотах говорилось о попах и иноках, ходивших



пьяными по улицам, требовали преследовать «упивавшихся» по улицам, сидящих в праздники в харчевнях и ругавшихся матерной бранью. Попутно доставалось даже тем, кто брил бороду или, совсем уж невинное дело, пек из хлеба «всяко животно скотско, и зверино, и птичье» (зооморфные фигуры, на языке этнографов)<sup>[98]</sup>. Ни до, ни после в законодательстве царя Алексея Михайловича такого прямого вмешательства в привычный уклад жизни больше не встречалось.

На таком фоне 29 января 1649 года завершилась работа над «Уложенной книгой», где ясно был провозглашен принцип судебного равенства: «чтобы Московского государства всяких чинов людем от болшаго и до меншаго чину суд и росправа была во всяких делех всем ровна». В предисловии к Соборному уложению «подправили» историю его создания и устранили упоминания о воздействии «мира», участвовавшего в принятии решения о созыве Земского собора. Однако сохранившиеся источники о призыве выборных на собор для составления «Уложенной книги» после бунта в Москве в июне 1648 года достаточно говорят о последовательности событий, завершившихся принятием судебного кодекса. Сколько бы потом ни происходило разных событий, вырванный «миром» из рук царя Алексея Михайловича главный принцип «равенства» в законодательстве, принятый «общим советом», было уже не отменить. «Мир» одержал большую победу, добившись многих существенных изменений в законодательстве и в жизни Московского царства, как общего «государева и земского дела».

Почти тысяча статей разделенной на 25 глав «Уложенной книги» — от первых разделов о «церковных мятежниках» и об охране «государской чести» до последних указов «о корчмах» — стали основой нового порядка и закона в Московском царстве<sup>[99]</sup>. Все главные начала управления, суда, собственности и самого существования разных чинов — дворян, служителей церкви, крестьян и холопов, стрельцов и казаков — получили письменное и печатное утверждение. Текст Соборного уложения скреплен даже подписью боярина Бориса Ивановича Морозова, которого «волею» земских людей низвергли из власти<sup>[100]</sup>. А вот подписей тех, кому царь Алексей Михайлович был обязан преодолением летнего политического кризиса 1648 года, — бояр Никиты Ивановича Романова и князя Якова Куденетовича Черкасского — среди рукоприкладств под огромным столбцом Соборного уложения нет.

С этого времени пополнить или изменить закон становилось сложно; требовалось особое решение царя и Думы, чаще всего только трактовавшее

неясности кодекса. Всё, что не входило в Соборное уложение, считалось новоуказными статьями, которые со временем предполагалось собрать в новый свод законов. Не случайно Уложенная комиссия Екатерины II тоже собиралась для того, чтобы привести в соответствие нормы законодательства, накопившиеся за прошедшие сто с лишним лет. И когда в 1830 году впервые было издано «Полное собрание законов Российской империи», оно также открывалось текстом Уложения 1649 года, которым, как писали составители этого кодекса, и началось «обнародование общих узаконений в печати»[{101}](#).

## ВЫБОР ПУТИ

### Мечта об Иерусалиме

Соборное уложение осталось вехой русской истории, но царь Алексей Михайлович должен был как можно скорее преодолеть последствия московской «смуты» 1648 года. То, что было выстроено в начале царствования при помощи боярина Морозова, оказалось разрушенным. Надо было действовать по-новому, с осознанием причин произошедшей неудачи. Однако идти на поклон Земле, стремившейся поставить себя рядом с царем, юный самодержец явно не желал. Началось «собрание» власти, чтобы подчинить себе волновавшийся «мир». Еще несколько лет царь Алексей Михайлович решал главные вопросы Московского царства совместно с Земским собором, пока исподволь не вызрел грандиозный план исторического реванша, поставивший в повестку дня новую войну с Речью Посполитой и Швецией. В 1654 году война за потерянный в Смуту Смоленск и историческое наследство Древней Руси, сопряженная с поисками выхода на Балтику, продолжится. Царь Алексей Михайлович сам возглавил поход своей армии на «Литву», как обобщенно называли земли Великого княжества Литовского и Польской Короны и людей, на них живших. Сначала Малая и Белая России появятся в царском титуле, а потом, уже в следующих веках, — на карте Российской империи.

Описание пяти лет, прошедших после принятия Соборного уложения до начала в 1654 году большой русско-польской войны, обычно сводится к нескольким главным сюжетам. Во-первых, возрастанию значения в окружении царя кружка «ревнителей благочестия» и патриарха Никона, избранного на престол в 1652 году. Афористично выразил происходившие в то время перемены Сергей Михайлович Соловьев: «Морозов, по крайней мере, по-видимому, сошел с первого плана в мае 1648 года: но скоро на этом плане начало обозначаться другое лицо, духовное: то был Никон»<sup>{102}</sup>. Следуя такой логике, рисуется понятная картина: царь Алексей Михайлович, которому едва исполнилось 20 лет, остается под влиянием более старших и сильных, по их жизненному и практическому опыту, людей, бывших у царя «в отцово место». Во-вторых, описывается «национально-освободительная борьба» украинского народа под руководством гетмана Богдана Хмельницкого, приведшая к Переяславской раде и присяге на вечное подданство царю Алексею Михайловичу в 1654

году (пока используем здесь давно устоявшиеся термины). В-третьих, говорится о «городских восстаниях» середины XVII века. Роль самого царя Алексея Михайловича в этих исторических событиях не очень понятна.

Прав историк Игорь Львович Андреев, предложивший, образно говоря, сменить историческую «оптику» и задуматься: что же могло связывать вместе начинавшуюся церковную реформу и историческое движение славянских народов навстречу друг к другу, понять, чем вдохновлялся царь Алексей Михайлович? По обоснованному мнению исследователя, главной идеей в середине XVII века стало создание нового Православного царства: от одного моря, Балтийского, до другого — Черного, решение исторической задачи объединения православных народов под защитой московского царя<sup>{103}</sup>. Конечная (так и не осуществившаяся) цель — освобождение Гроба Господня и христианских святынь Иерусалима, война за древнюю византийскую столицу Константинополь, находившийся в руках турок-османов. Вот для чего нужны были заранее проводимая унификация церковных обрядов и книг по греческим образцам, принятие в подданство украинского казачества, строительство великолепных каменных храмов, обозначивших время расцвета в культуре России XVII века.

Царь Алексей Михайлович много размышлял о своей миссии на троне. Свидетельством тому его записи, отложившиеся в архиве Тайного приказа. Не всегда можно установить прямую зависимость между идеями и политикой, конкретными указами и распоряжениями по отдельным делам. Но этого и не требуется. Достаточно помнить о том, что царь, по-христиански думая о спасении своей души, стремился исправить подданных и приблизить к идеалу врученное ему от Бога царство. Разрыв между идеалом и действительностью, конечно, оставался огромным. Царя Алексея Михайловича, не чуждого литературных трудов, все же вряд ли можно назвать философом на троне, хотя в современных панегириках можно встретить упоминание о его любви к «наукам премудрым философским». Юному самодержцу приходилось прежде всего править страной и вникать в рутинные дела управления, далекие от высоких, отвлеченных мыслей. Практицизм царя со временем только усиливался, достаточно вспомнить массу его распоряжений по делам огромного дворцового хозяйства. Но Алексею Михайловичу удалось за частностями не забыть о главном, определить историю России на века, развернув страну к тем задачам, которые определяют ее будущее.

Юношеский возраст царя Алексея Михайловича совпал с «юностью» его замыслов, требовавших времени для созревания. Компромисс Земли и

Царства, достигнутый принятием Соборного уложения, успокоил одних, но вызвал раздражение других, чьи интересы оказались под ударом. Давно известно дело Савинки Корепина — закладчика боярина Никиты Ивановича Романова, говорившего в январе 1649 года про царя Алексея Михайловича: «Государь де молодой глуп, а глядит де все изо рта у бояр Бориса Ивановича Морозова да у Ильи Даниловича Милославского, они де всем владеют, и сам де он государь все ведает и знает, да молчит, чорт де у него ум отнял». В присутствии царских сокольников «мужик» Савинко Корепин продолжал: «...выедут де на Лобное место бояре Микита Иванович Романов да князь Яков Куденетович Черкасской, и к ним де припадет весь мир, и свиснут де и велят грабить и побивать»<sup>[104]</sup>. «Изменничьи» разговоры о том, что «мир качается», дошли до царя. Перефразируем известную поговорку: что у пьяного холопа было на языке, то у трезвого хозяина — на уме. Бояр Романовых и князей Черкасских, отказавшихся подписывать Соборное уложение, тронуть было нельзя, а Савинку Корепина после пыток казнили за его речи в самый день принятия Соборного уложения 29 января 1649 года.

«Ревизия» обидных слабостей, допущенных царем, продолжилась с возвращением боярина Морозова, по-прежнему находившегося в окружении царя. Показательны изменения в упоминании о государевом столе 28 января 1649 года — торжественном приеме царем выборных людей и главных составителей и работников над текстом «Уложенной книги» бояр Никиты Ивановича Одоевского и князя Юрия Алексеевича Долгорукого: «Генваря в 28 день, на заговейной, был у государя стол в Столовой избе. А у государя у стола были: бояре князь Никита Иванович Одоевский, князь Юрьи Алексеевич Долгорукой; околничей князь Федор Федорович Волконской. А думные диаки у стола не были. Да у государя у стола были дворяне и дети боярские выборные всех городов»<sup>[105]</sup>. Это известие, сначала помещенное в записные книги Московского стола Разрядного приказа, было подвергнуто сокращению. Позже в дворцовых разрядах о присутствии у государя в Столовой палате выборных людей уже ничего не говорилось, и вряд ли такая правка была случайным действием переписчика. Государев «стол» (царский пир) был устроен накануне принятия Соборного уложения, а 29 января 1649 года — официальная дата принятия «Уложенной книги» — царь Алексей Михайлович предпочел оставить дела и уехать из Москвы. Скорее всего, это тоже могло быть знаком отношения царя к новому общему закону Московского царства.

Зимой 1648/49 года царь часто отсутствовал в Москве. Сохранились

записи о его поездках на богомолье в Звенигород в Саввино-Сторожевский монастырь, в Троице-Сергиев монастырь (не в обычное время, а в декабре), о «походах» в ближние царские села Хорошево и Покровское. Так легче было советоваться с боярином Морозовым, везде сопровождавшим царя. В конце января 1649 года в Москву приехал один из вселенских патриархов — Паисий Иерусалимский. Принимали его торжественно, он был главным гостем государева «стола» в день ангела царя Алексея Михайловича — 17 марта, совпавшего с Лазаревой субботой. Правда, посадили гостя хотя и на почетном месте, но «по левую руку» от московского патриарха Иосифа<sup>{106}</sup>. В Вербное воскресенье, когда исполнялся традиционный обряд «шествия на осляти» в воспоминание Входа Господня в Иерусалим, был «стол» еще и у патриарха Иосифа, куда также были приглашены иерусалимский патриарх и боярин Борис Иванович Морозов. Начиная с Рождества и Крещения боярин Морозов снова был в числе главных приглашенных бояр на государевых «столах». К сожалению, не осталось сведений о том, кто во время «шествия на осляти» в Вербное воскресенье 1649 года вел под уздцы коня, на котором сидел московский патриарх. Обычно это делал первый боярин, и, судя по приглашению на праздничный стол патриарха, боярин Борис Иванович Морозов и здесь вернул себе первенство. Так же, как это было в Крещение 6 января, когда он сопровождал царя Алексея Михайловича к Иордани на Москве-реке, — тогда это чуть не вызвало новое возмущение в столице.

Приезд иерусалимского патриарха Паисия в Москву имел важные последствия. Патриарх выступил арбитром в спорах московских «ревнителей благочестия» с патриархом Иосифом о «единогласии» и в других вопросах веры<sup>{107}</sup>. Духовные ригористы во главе с царским духовником Стефаном Вонифатьевым, много размышлявшие в беседах с царем о необходимости исправления нравов и порядка церковной службы, столкнулись с московским патриархом Иосифом на церковном соборе. Дело дошло даже до требования церковного суда над Стефаном Вонифатьевым, доказывавшим, что в Московском царстве был нарушен правильный порядок церковной службы. Ради интересов паствы, которой трудно было выстаивать долгие службы, дозволялось одновременное чтение богослужебных книг и ведение самой службы. Против этого и выступили «ревнители благочестия», и иерусалимский патриарх подтвердил их правоту<sup>{108}</sup>.

Патриарх Паисий выполнил также посредническую миссию между главой Войска Запорожского гетманом Богданом Хмельницким и царем



Алексеем Михайловичем. Войско Запорожское состояло из казаков, внесенных в королевский «реестр». Казаки во главе с Хмельницким восстали против Речи Посполитой и начали жестокую войну с польскими панями и магнатами, осуществлявшими коронную власть и имевшими владения на Волыни, Брацлавщине и в Киеве. В значительной мере это была еще и война против католиков и униатов. Гетман Богдан Хмельницкий первым предложил идею такой религиозной войны в защиту конфессионального единства православных<sup>{109}</sup>. В переговорах с представителем короля Яна Казимира брацлавским воеводой Адамом Киселем Хмельницкий ссылаясь на авторитет первоиерарха одной из вселенских церквей: «Меня святой патриарх в Киеве на ту войну благословил... и прикончить ляхов приказал. Как же мне его не слушаться...»<sup>{110}</sup> В свою очередь Адам Кисель сообщал новому королю Яну Казимиру: «...а дела в Москве налаживает патриарх, с которым Хмельницкий по несколько дней [беседовал]»<sup>{111}</sup>. Посланник гетмана полковник Силуан Мужилковский впервые подробно объявил «мову» царю Алексею Михайловичу о войне гетмана Хмельницкого и Войска Запорожского в присутствии патриарха Паисия 4 февраля 1649 года. Несколько дней спустя, во время обедни в Чудове монастыре в Кремле, проводимой патриархом Паисием, царь Алексей Михайлович пожаловал запорожского полковника и казаков, присутствовавших на церковной службе, велел думному дьяку спросить их «о здоровье» и «послать им вместо стола корм». 13 марта 1649 года Мужилковского удостоили прощальной царской аудиенции и говорили о совместной «присылке гетмана Богдана Хмельницкого с ерусалимским патриархом Паисеею». Когда люди, посланные от гетмана Хмельницкого, возвращались обратно, то молва о их договоре с царем Алексеем Михайловичем уже шла впереди них. Однако, несмотря на благосклонный прием казаков, потом пришлось требовать от полковника Силуана Мужилковского извинений: тот, возвращаясь из Москвы, говорил (как он сам признавался, «пьянством»), что «в Московском государстве правды ни в чом нет»<sup>{112}</sup>.

Перед своим отъездом иерусалимский патриарх Паисий сделал еще одно важное дело. 5 мая 1649 года он выдал ставленную грамоту Новоспасскому архимандриту Никону на новгородскую митрополию и тем самым открыл ему дорогу к будущему патриаршеству. Сразу после занятия новгородской кафедры митрополит Никон стал выполнять программу «ревнителей благочестия»: он указывал на необходимость единогласия в службе, запрещал брать деньги за причастие, преследовал мирские

развлечения, доходя до прямых запретов «белиться и румяниться» женам прихожан новгородских церквей<sup>{113}</sup>. Еще один доверенный человек царя Алексея Михайловича, строитель Богоявленского монастыря (подворья Троице-Сергиева монастыря в Кремле) Арсений Суханов, уехал из Москвы в Святую землю вместе с иерусалимским патриархом Паисием в июне 1649 года. Официально он отправлялся «для описания святых мест и греческих чинов». По возвращении Арсений Суханов составил еще одну рукопись — «Проскинитарий» — примечательное обозрение своего паломничества к Святым местам. Однако его книга далека от обычных «хождений» монахов-паломников. В трудах Арсения Суханова содержался вполне заметный пласт «разведывательной» информации о дорогах, перевозах и городских укреплениях, в том числе Константинополя. Это не было его инициативой, отчет обо всем, что он видел и слышал во время путешествия, Арсений должен был представить в Посольский приказ. Уезжая из столицы 12 июня 1649 года, патриарх Паисий с первого стана послал грамоту и еще раз благодарил царя Алексея Михайловича, называя его «новым ктиторм», подобно Константину Великому. В свою очередь, царица Мария Ильинична удостоилась сравнения со святой царицей Еленой, заботившейся о Гробе Господнем. Патриарх пожелал ей увидеть «в плоде чрева своего государя боговенчанного на престоле великого царя Константина, чтобы возликовало твое сердце как у святой Елены»<sup>{114}</sup>. Это была витиевато выраженная надежда на воцарение наследников московского царя в Константинополе!

Духовная элита из окружения царя Алексея Михайловича задумывалась о месте российской церкви среди других вселенских православных церквей, и разговоры о «новом Константине» пришлись ей очень кстати. Ярko и образно претензии на мессианскую роль московского царя как главного покровителя Православия сформулированы именно Арсением Сухановым (ранее когда-то служившим архидиаконом у патриарха Филарета Романова). В составленном им в 1650 году «Прении о вере» Суханов говорил о готовности Москвы встать во главе всего Православного мира: «Могут на Москве и без четырех патриархов закон Божий знать». Взгляды на греческую церковь, как единственную хранительницу «чистоты» Православия, «ни в чем» не уступавшей апостольским заветам, казались не бесспорными в Москве: «что у вас не было доброго, то все к Москве перешло»<sup>{115}</sup>. Прежние московские неофиты давно привыкли видеть представителей других поместных православных церквей как просителей, приезжавших за «милостыней».



Мысль о том, что в мире остался единственный православный монарх, венчающийся на царство, стала основанием для разговоров об изменившейся роли московского царя и патриарха во вселенском Православии. При этом будущий патриарх Никон, известный своей реформой московской церкви по греческим образцам, до поры, кажется, разделял общие взгляды «ревнителей благочестия» на слабость веры у греков, и его поворот к «отчаянному» грекофильству мог иметь источником беседы с патриархом Паисием.

Интерес к обрядовой стороне греческой церкви возник не случайно, он не был исключительно предметом отвлеченных размышлений нескольких церковных «интеллектуалов». В Москве уже давно стали получать сведения о разгоравшейся на границах войне «черкас» с Польской Коронай, воспринятой еще и как освобождение православных от навязываемой им унии, как противостояние экспансии католической церкви. Не вмешаться в такой конфликт царь Алексей Михайлович не мог. А дальше и произошел великий поворот, в корне изменивший историю славянских народов.

### **«Высокая рука»**

В середине XVII века происходила большая дипломатическая игра, с далекоидущими последствиями, и касалась она не только России и Украины, а всей Восточной Европы. Своими корнями она глубоко уходила в историческое религиозное противостояние католиков и православных, христиан и мусульман, политические и военные противоречия между Московским государством, Речью Посполитой, Швецией и Османской империей. В конце концов, общая отвлеченная идея, как это не раз бывало в России, преодолела все законные сомнения в непрочности союза с запорожскими казаками. И выбор в пользу своеобразного «крестового» похода на помощь православным людям Речи Посполитой все-таки был сделан.

Спор об этом историческом выборе продолжается до сегодняшнего дня. Даже далекие от изучения истории люди помнят выраженное Богданом Хмельницким и запорожским казачеством стремление быть «под рукой» московского царя. Однако забываются обстоятельства, приведшие к «воссоединению». Автор фундаментального труда о Хмельницком историк Николай Иванович Костомаров писал еще в XIX веке: «Гетман составил план затянуть Московское государство в войну с Польшею»<sup>[116]</sup>. Великий русский историк Василий Осипович Ключевский говорил о

«двусмысленных отношениях», установившихся между Москвой и Малороссией «с самого начала восстания Хмельницкого» из-за того, что «успехи Богдана превзошли его помышления». Стоит напомнить слова Ключевского: «Не понимая друг друга и не доверяя одна другой, обе стороны во взаимных отношениях говорили не то, что думали, и делали то, чего не желали. Богдан ждал от Москвы открытого разрыва с Польшей и военного удара на нее с востока, чтобы освободить Малороссию и взять ее под свою руку, а московская дипломатия, не разрывая с Польшей, с тонким расчетом поджидала, пока казаки своими победами dokonают ляхов и заставят их отступить от мятежного края, чтобы тогда легально, не нарушая вечного мира с Польшей, присоединить Малую Русь к Великой»<sup>{117}</sup>.

Но только ли царь Алексей Михайлович и пресловутое московское «самодержавие» стали причиной отсутствия государственности у Украины в XVII веке? Вспомним горькие слова великого историка Украины Михаила Грушевского, писавшего об украинском народе, «не пережившем своего рая» во времена Богдана Хмельницкого и не достигшего своих политических идеалов<sup>{118}</sup>.

Очевидно, что какая-то одна, национальная точка зрения во взглядах на участие царя Алексея Михайловича в войне, начатой гетманом Богданом Хмельницким на территории будущей Украины в середине XVII века, будет всегда ограничена. В России, Украине, Польше, Литве, Белоруссии по-разному смотрят на эти события. Но не стоит подыгрывать «патриотам» с любой стороны, тем, кому всегда важнее обвинить чужих и оправдать своих, не считаясь ни с какими историческими фактами. Идеализации «освободительной» эпохи Богдана Хмельницкого, как и ответа царя Алексея Михайловича на призывы гетмана, быть не должно. Первоначальный план Хмельницкого предельно ясен и выражен в целом ряде документов: казаки соглашались перейти в подданство царя Алексея Михайловича при условии одновременного воцарения московского самодержца на польско-литовском троне! Это важнейшее условие обычно не прочитывают или с ним не хотят считаться, когда обращаются к переломным событиям XVII века. Отчасти виноваты и главные герои «освободительного» процесса, по-разному воспринимавшие вопрос «воссоединения». Одни, в Москве, — как мессианскую задачу утверждения власти православного царя; другие, в гетманской ставке, в Переяславле или Чигирине, — как очередной тактический поворот в своей борьбе, в которой все средства и любые союзы хороши<sup>{119}</sup>. Будь то крымский хан и «турок»

или те же «москали» — лишь бы помогли справиться с ненавистными «ляхами», а заодно, как тогда говорили о еврейском населении в Речи Посполитой, и с «жидами» (именно польские власти, шляхту и евреев изгоняли казаки со своей земли, договорившись с татарами об отдаче их в крымский плен в случае захвата).

В советской историографии со времен празднования 300-летия Переяславской рады 1654 года возобладала единственная трактовка событий — «воссоединения Украины с Россией»<sup>{120}</sup>. Термин этот по привычке, без какого-либо политического подтекста и теперь используется в отечественной науке<sup>{121}</sup>. В то время как уже в 1990-е годы украинские историки отказались от «юбилейной» терминологии 1954 года и существенно разошлись в оценках событий середины XVII века с российскими историками. Представление об «извечной мечте» украинского народа воссоединиться со «старшим братом» справедливо называется мифом<sup>{122}</sup>. Обращения «черкас» о принятии под высокую руку московского царя в 1648–1654 годах историки Украины связывают с необходимостью поиска «протектората» в ходе «национальной революции», делая акцент на формировании украинской государственности<sup>{123}</sup>.

Началось все после смерти короля Владислава IV, во времена наступившего польского бескоролья. В первом документе, написанном Богданом Хмельницким для передачи царю Алексею Михайловичу 6 июня 1648 года, говорилось о пожелании казаков иметь «в своей земле» *такого же* «православного христианского царя», как московский самодержец. В те же дни, что и «лист» Хмельницкого, была получена отписка севского воеводы Замятии Леонтьева, прочитанная царю и Боярской думе: «Да и во многих, государь, польских городех, в Киеве, и в Чернигове, и в ыных городех от беларусцов (украинцев. — В. К.) та молва и желание есть, чтоб им всем быть под твоею царскою высокою рукою во крестьянской вере». Несмотря на то что мятеж в Москве еще не успокоился, эту отписку не только выслушали, но и приняли решение проверить приведенные в ней сведения. По указу царя Алексея Михайловича за рубеж послали верных людей, «кого пригож», «проведывать... тайным делом». Чуть позже в Посольский приказ пришло предложение гетмана Войска Запорожского Богдана Хмельницкого о совместной войне: «А ныне де ему, государю, на Польшу и на Литву наступи пора: ево б де государево войско к Смоленску, а он де государю служить станет с своим войском з другие стороны». Пройдет несколько лет, и война за возвращение Смоленска все-таки

начнется. Но пока в Москве стремились решить дело по-другому. Дипломаты Посольского приказа хотели продемонстрировать, что обращение казаков Хмельницкого к московскому царю не несет угрозы соседнему государству и царь Алексей Михайлович хочет лишь мира и успокоения в Речи Посполитой.

Гетман Хмельницкий и казаки Войска Запорожского, отвоевавшие в 1648 году значительную часть территории Польского королевства и установившие на ней собственную власть, конечно, повлияли на политику Московского царства в отношении Речи Посполитой. Но это не значит, что внутренняя борьба поляков и казаков на территории Польского королевства сразу же сделала эти отношения враждебными. Варшава оставалась союзницей Москвы против крымских татар. Крымцы вмешались в дело на стороне гетмана Богдана Хмельницкого, и подтолкнуть их к этому могла угроза совместного вторжения в Крым польской и московской армий, усиленных донскими казаками. В Москве приходилось размышлять, ссориться ли с Речью Посполитой из-за казаков? Союз Богдана Хмельницкого с крымскими татарами был обоюдоострым оружием, он мог освободить на время южное порубежье Московского государства от угрозы крупных татарских вторжений, но мог привести и к большой войне, если бы «черкасы» примкнули к походу крымцев на «польские, северские и украинные города». А еще надо было думать об утверждении царя Алексея Михайловича как защитника веры и православных народов. Бороться только за интересы «черкас» царь Алексей Михайлович никогда бы не стал, но идея выдвижения кандидатуры московского царя на польский трон в условиях бескорольевья казалась заманчивой.

Царь Алексей Михайлович долго не отвечал на предложение Богдана Хмельницкого выступить в поход на Смоленск, а сначала вообще, как и требовалось по условиям союзнических отношений с Речью Посполитой, призвал казаков сохранять мир. В феврале 1649 года к гетману был прислан московский гонец Василий Михайлов, передавший просьбу царя Алексея Михайловича, чтобы казаки Войска Запорожского «в покое жили с ляхами и княжеством Литовским». Конечно, это совсем не то, на что надеялись казаки и гетман. Обласканный царским вниманием и подарками, Хмельницкий и далее подтверждал стремление к подданству царю Алексею Михайловичу, призывая к совместному наступлению на Польшу: «чтоб иноверцы западные под нозе твоего царского величества и всего православия покорились»<sup>[124]</sup>. Но в Москве по-прежнему вели себя осторожно, хваля «доброхотенье» гетмана и желание «под его царского величества высокою рукою быти», но уклоняясь от обсуждения каких-либо

совместных действий и ссылаясь на «вечное dokonчанье» с Польской Короной и Великим княжеством Литовским.

Сам гетман Богдан Хмельницкий в это время вел переговоры уже с новым польским королем Яном Казимиром (младшим братом Владислава IV). Переговоры, как извещали царя Алексея Михайловича, нужны были гетману для передышки и сбора сил на фоне приготовления «ляхов» к войне с казаками. Тем не менее в своей ставке в Переяславле гетман, одетый в «красную парчевую соболью шубу», принял присланную ему от короля Яна Казимира «осыпанную бирюзой» булаву и красную хоругвь с белым орлом и надписью: «Joannes Casimirus Rex». Это было знаком прощения прежних обид. Но королевские представители тоже не спешили договариваться с Хмелем (как не без презрения называли гетмана, часто пировавшего со своим окружением). Помимо всего прочего, на переговорах в Переяславле столкнулись вольница и закон, идеалы «самодержавия» и «республики». Гетман на словах готов был поддержать Яна Казимира, чтобы тот был «самодержцем, как и иные короли». При этом его встречные предложения фактически отменяли республиканское устройство Речи Посполитой. Ведший переговоры с казаками Адам Кисель передавал королю Яну Казимиру слова казачьего предводителя, объяснявшего, какой бы он хотел видеть власть польских королей: «Не так, как святой памяти их милость предки вашей королевской милости именно в неволи были», то есть без ее ограничений шляхтой и сеймами. Ну и, конечно, никуда уже нельзя было деться от противоречий между православными, католиками и униатами, поэтому гетман требовал сохранить «в целости» греческую веру, полностью убрать со значительной части Польского королевства всех униатов и даже вовсе отменить унию. Реалистичность таких требований, граничивших с революцией в Речи Посполитой, конечно, была ничтожно мала. В ответ ему указывали на то, чтобы он оставил «чернь», чтобы по-прежнему «хлопы пахали, а казаки воевали», обвиняя в наведении Хмельницким «неверных» на христиан, имея в виду его союз с татарами<sup>[125](#)</sup>.

Продолжая переговоры с гетманом Хмельницким и Запорожским войском, царь Алексей Михайлович 13 марта 1649 года отправил к казакам московского дворянина Григория Яковлевича Унковского. В Москве еще не имели полных и достоверных сведений об изменениях на польском престоле, поэтому из Посольского приказа был дан наказ, учитывавший как возможное продолжение бескоролья в землях Речи Посполитой, так и «олекцию» (выборы) нового короля. В московском дипломатическом языке того времени трудно подобрать точное определение миссии Унковского. Он

был гонец, одновременно исполнявший некоторые посольские функции, когда «пространною речью» озвучивал то, что ему было велено сказать в Посольском приказе. Григорий Унковский составил памятную «записку», или «вестовое письмо», — отчет о своей поездке к гетману, который он по наказу должен был подать в Посольский приказ<sup>{126}</sup>. В наказе ему специально оговаривалось, что все дело должно было быть представлено как стремление договариваться о мире, а подробности контактов с гетманом и казаками оставались в тайне от властей Речи Посполитой.

Была дана и инструкция, как нужно «агитировать» за избрание царя Алексея Михайловича на польский трон. При этом вспоминали исторические прецеденты, связанные с идеей объединения двух государств под властью царей Ивана Васильевича или Федора Ивановича в XVI веке: «...да то дело и не новое, и наперед сего бывало ж, что паны рада присылавали к предкам великого государя нашего». По плану московских дипломатов, гетман Богдан Хмельницкий сам должен был обратиться к «панам-радам» — Сенату, высшим сановникам Речи Посполитой, — с тем, чтобы предложить избрание на польский трон царя Алексея Михайловича. В случае, если король уже избран, гетман должен был просить, чтобы принятие его под «царскую руку» прошло «без нарушенья вечного докончанья», то есть без всякой войны с Польшей и Литвой. Интересен и заслуживает того, чтоб привести его целиком, «портрет» царя Алексея Михайловича, представленный возможным избирателям в Речи Посполитой. В нем ярко отразились представления о царской власти, сложившиеся в Московском государстве, и подчеркнуты преимущества царя — продолжателя дела своих «предков»:

«Великий государь наш, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси самодержец его царское величество ныне в совершенном возрасте, 20-ти лет, а дородством и разумом и красотою лица и милосердным нравом и всеми благими годности всемогущий Бог украсил ево, великого государя нашего его царское величество хвалам достойного паче всех людей. И ко всем людям к подданным своим и к иноземцом его царское величество милостив и щедр своею государское милостию всех призирает, и, по своем государскому рассмотренью, саны и чести дарует кому-до по достоинству, и всех всем изобильствует, и никто же, видя его царское пресветлое лице, печален отходит. Так же он, великий государь, и наукам премудрым философским многим и храброму ученью навывчен, и к воинскому ратному рыцарскому строю хотенье держит большое, по своему государскому чину и достоянию, и потому ево государскому бодроопасному разуму и храбрству и милосердому нраву достоен он,



великий государь, содержать иные многие власти и государства. А ныне Бог подаровал ему, великому государю нашему его царскому величеству, сына, а нам всем государя благоверного царевича и великого князя Дмитрея Алексеевича, и нам всем его царского величества подданным радость и веселие велие»<sup>{127}</sup>.

В середине апреля 1649 года Григорий Унковский поспешил отправить в Москву предварительный отчет (его отписка была «чтена государю и бояром»). Из донесения Унковского становилось ясно, что избрание на польско-литовский престол нового короля Яна Казимира мало что изменило в позиции казаков; они по-прежнему не подчинялись никому, кроме гетмана Хмельницкого и его полковников. По возвращении в Москву Унковский привез и ответную грамоту Богдана Хмельницкого, отправленную 22 апреля 1649 года. В ней гетман называл Унковского послом, но, как говорилось, это значило выдать желаемое за действительное. Гетман повторял то, что уже было известно в Москве о главной цели казаков: «чтоб ляхи и жида больше над православными христианами не государствовали». Казаки предлагали вместе начать новую войну: царю наступать своею ратью «от Литвы», а Войску Запорожскому «от сих украин». На словах гетман охотно просил царя Алексея Михайловича, «чтоб государь пожаловал, велел ево, гетмана, и запорожских черкас принята под свою высокую руку и помочь им учинил»<sup>{128}</sup>. Но каждый при этом по-своему расставлял акценты в приведенной фразе. В Москве, очевидно, нравилось упоминание о «высокой руке», а в Чигирине прежде всего нуждались в «помощи».

Богдан Хмельницкий ответил на приезд царского «посланца» (точное слово, взятое из документа) еще и отправкой к царю Алексею Михайловичу своего человека — Чигиринского полковника Федора Вешняка. Он должен был подтвердить стремление казаков Войска Запорожского видеть царя Алексея Михайловича самодержцем, объединяющим православие, но ведь из Москвы уже передали, что для этого гетман Богдан Хмельницкий должен был обратиться к панам-раде. Дополнительно гетману послали и словесный ответ царя Алексея Михайловича, переданный через иерусалимского патриарха Паисия, где уже более откровенно было сказано, как в Москве изначально относились к обращениям «черкас». Главный акцент в речах московского царя был сделан на том, что казаки «не призвали меня сперва для этого дела» и что гетман Хмельницкий взял себе в союзники врагов христианства «татар, турок и другой сброд». Царь готов был оказать помощь «для защиты

христиан», но от него в Войске Запорожском ждали совсем другого: чтобы он безоговорочно вмешался в рознь «казаков и ляхов». Патриарх не мог скрыть, что царский ответ «не понравился» казакам<sup>{129}</sup>.

Возобновившаяся после перемирия война казаков с польским королем Яном Казимиром показала, почему так настойчиво гетман призывал русского царя в поход «в Литву». Именно оттуда на помощь коронным войскам выступил литовский гетман Януш Радзивилл. Но военный успех по-прежнему сопутствовал казакам Хмельницкого, выступавшим в союзе с крымскими татарами. После победной для них битвы под Зборовом король Ян Казимир вынужден был 19–20 августа 1649 года подтвердить статьями о мире («покое») достигнутую запорожцами самостоятельность на своей территории<sup>{130}</sup>. Богдан Хмельницкий, названный в Зборовском договоре «верным слугою короля и Речи Посполитой», получил от короля официальный статус главы Войска Запорожского со ставкой в Чигирине и стал фактически хозяином прежних земель Русского воеводства, включая Киев. Замирение короля Яна Казимира с мятежными казаками и одновременно татарами включало ряд условий, в том числе и «вечное братство против каждого неприятеля»<sup>{131}</sup>, каким в будущем мог стать и царь Алексей Михайлович.

Все в итоге получилось совсем не так, как полагал гетман и как думали в Москве, обнадеженные его разговорами о «высокой руке». Есть уникальное свидетельство брянского сына боярского Леонтия Жаденова и стрельца Ивана Котелкина, посланных для проводывания вестей и оказавшихся в обозе Богдана Хмельницкого непосредственно при заключении Зборовского мира. Брянские служилые люди рассказали потом, как гетман отговаривал крымского царя, «чтоб Московского государства не воевал». Узнав об этом, из Москвы немедленно послали грамоту 3 сентября 1649 года с «милостивым словом» гетману<sup>{132}</sup>. Хмельницкий взял сына боярского и стрельца под свое покровительство и высказал им свои заветные мысли. Правда, все это опять-таки говорилось в застолье, когда гетман пил чашу за здоровье царя Алексея Михайловича: «Я де и сам великому государю христианскому, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, готов служить со всем войском казацким, и повинен ему государю во всем, где государь ни повелит быть, и готов служить; и не тово де мне хотелось и не так было тому и быть, да не поволил государь, его царское величество, не пожаловал, помочи нам, христианом, не дал на врагов. А они де ляхи поганые, и розные у них веры, а стоят заодно на нас, христиан». Произнеся эти слова, гетман «заплакал»,



что брянские служилые люди истолковали как сожаление: «...а знать, что ему не добре и люб мир, что помирился с ляхи»<sup>{133}</sup>. Слова гетмана — горький итог первых переговоров о принятии Войска Запорожского под «высокую руку» московского царя. Но гетман лил слезы и тогда, когда приносил присягу королю Яну Казимиру, доказывая, что только обстоятельства заставили его забыть о присяге королю, которому служили его предки и он сам!

Гетман и Запорожское Войско остались королевскими подданными; их имена были вписаны в новую «реестру», составленную «под счастливым панованьем» короля Яна Казимира<sup>{134}</sup>. Правда, многие «хлопы» (мужики) остались недовольны, что их обошли при составлении списка воевавших за независимость от Польской Короны. Но все равно уже гетман Хмельницкий становился ответственным в Речи Посполитой за пограничные «задоры», нарушения границы, переходы подданных с одной стороны на другую «аж до рубежа Московского» городов. Очень скоро тональность его разговора с посланцами приграничных воевод Московского государства изменилась. Ранее их принимали как дорогих гостей и заботились о их безопасности, а теперь стали угрожать смертной казнью за лазутчество. В ответ на высказанные гетману претензии по мелким пограничным делам Хмельницкий немедленно вспомнил прежнюю обиду за неоказание ему помощи и стал угрожать войной с царем Алексеем Михайловичем: «Вы де за дубье и за пасеки говорите, я де все — и города Московские и Москву сломаю... хто де на Москве сидит и тот де от меня не отсидитца!»<sup>{135}</sup> Спустя всего несколько недель после Зборова гетман заявлял, что пойдет воевать на Путивль и дальше на Москву!

После избрания на престол нового короля Яна Казимира царь Алексей Михайлович ожидал традиционного приезда послов с извещением о переменах в Речи Посполитой. Однако посольство Добеслава Чеклинского, Петра Казимира Вяжевича и Петра Галинского обернулось скандалом. По словам шведского агента Поммеренинга, у польско-литовских послов снова возник спор с московскими дипломатами о титуле царя Алексея Михайловича. В бумагах посольства он не был написан самодержцем «всей России». Как доходчиво объяснял дипломатический резидент шведской королеве Кристине в донесении 2 сентября 1649 года, король Ян Казимир «не хотел давать его царскому величеству обычного титула «всех Русских самодержец», так как король польский также имеет русских в своем подданстве»<sup>{136}</sup>. Не на добро возник этот старый спор о титулах! В Москве отказались ждать поправленную грамоту и разговаривать о делах,

вернули привезенные подарки нового короля и отправили посольство Яна Казимира обратно, без прощальной аудиенции. Иначе как оскорбление и стремление к разрыву дипломатических отношений такие действия рассматриваться не могли. Причем все случилось еще до того, как в Москве могли узнать о Зборовском договоре короля с гетманом.

Споры о титулах продолжились в Варшаве после ответной посылки «великих послов» царя Алексея Михайловича боярина Григория Гавриловича Пушкина, окольничего Степана Гавриловича Пушкина и дьяка Гаврилы Леонтьева в январе 1650 года. В делах двух государств снова послышались упреки в нарушении Поляновского мирного договора 1634 года и других договоренностей с покойным королем Владиславом IV. Единственным, кто оказался в выигрыше от возобновившегося противостояния двух держав, был косвенный виновник спора о «русских» землях в Речи Посполитой и титуле московских царей — Богдан Хмельницкий (кстати, гетманская канцелярия не ошибалась и всегда «сполна» писала царский титул по «образцу», присланному ей с Григорием Унковским). Но и гетман Хмельницкий, умело играя на противоречиях двух государств, всё же переоценил свои возможности, когда принял у себя самозванца Тимошку Анкудинова и отказался немедленно его выдать в Москву.

### **Самозванец Тимошка Анкудинов**

Точное время появления человека, выдававшего себя то ли за сына, то ли за родича царя Василия Шуйского, в Речи Посполитой и в «номинальных» владениях польского короля, перешедших под контроль гетмана Богдана Хмельницкого, неизвестно; исследователи называют неопределенно «1649/1650 год»<sup>[\[137\]](#)</sup>. Московское правительство стремилось не упускать из виду самозванца «Тимошку» и вернуть его в Московское государство. Однажды, в 1646 году, турецкий султан уже пытался использовать Лже-Шуйского, пребывавшего тогда в Константинополе, памятником чему осталась не лишённая публицистической остроты «грамота» беглого подьячего. Он подвергал сомнению права на царство Алексея Михайловича, оскорбительно называя его «Митрополитанчиком, вырождка царева Михайлова сына», составил поддельную родословную Романовых-Юрьевых, выводя их от московских «купецких людей», и указывал, что нынешний царь воцарился «не по избранью общей думы земской», то есть без решения Земского собора.

Высказывалась им и идея похода в Московское государство при помощи «турского царя Ибрагим-султана» или даже овладение Москвой «без турского войска». Самозванец обещал получить «отеческое свое царство», опираясь на поддержку не названных им «сановников московских и значных людей земских»<sup>{138}</sup>.

Свою идею реванша Тимофей Анкудинов хотел осуществить подобно «брату своему царю Дмитрию». И наглядно подкрепил эту, условно говоря, программу еще и «виршами», где со своеобразным литературным талантом выносил приговор московским порядкам: «О Москва, мати клятвопреступления! / Много в тебе хлопотов и нестроения»<sup>{139}</sup>. Искал этого самозванца и строитель Арсений Суханов, немедленно вернувшийся с дороги в Москву, когда ему удалось узнать о пребывании Тимофея Анкудинова в Речи Посполитой. Сохранилась грамота иерусалимского патриарха Паисия гетману Богдану Хмельницкому, где он прямо ссылается на устное поручение царя Алексея Михайловича «проведывать» о самозванце; этим патриарх и объясняет возвращение Суханова в Москву. 11 декабря 1649 года Арсений Суханов уже давал объяснения в Посольском приказе и рассказывал о пребывании самозванца где-то «в скиту под Венгерскими горами» (Карпатами) и его дальнейших планах идти в Киев<sup>{140}</sup>.

Легко можно просчитать, что могло воспоследовать из-за появления Лже-Шуйского в Речи Посполитой. Участники событий Смуты, помнившие времена Лжедмитриев, были еще живы. Московский посол Григорий Гаврилович Пушкин с товарищами выехал в Варшаву, когда там, в начале 1650 года, должен был состояться сейм, утвердивший Зборовский договор<sup>{141}</sup>. В этих условиях в Москве стремились всеми силами сохранять мир. В подтверждение своих намерений польско-литовской стороне продемонстрировали подлинные листы с просьбой казаков взять их под «высокую царскую руку» за подписью Богдана Хмельницкого и печатью «всего Войска Запорожского». Как оказалось, листы эти были взяты послами в Варшаву не зря. Паны-рады, увидев их, убедились в приверженности царя Алексея Михайловича прежнему договору о мире и дружбе. А это помогло решить один из важнейших, занимавших московских послов, вопросов — об организации совместного поиска самозванца Тимофея Анкудинова, к тому времени действительно оказавшегося в ставке у гетмана. Решение вопроса с обращением казаков Хмельницкого в Москву пришлось на время отложить.

Неуловимый самозванец Тимошка Анкудинов постепенно

превращался в заметную угрозу. В Москве еще раз попытались справиться с этой проблемой, но не нашли ответного понимания у гетмана Богдана Хмельницкого, озлобленного неудачей с обращением в Москву за поддержкой, которое стало считаться казаками «стыдом». И здесь в дело опять вступил неутомимый старец Арсений Суханов. 26 января 1650 года он был отправлен из Москвы с устным наказом от думного дьяка Михаила Волошенинова узнать о постановлениях сейма по делам с казаками, приезде и приеме московских послов, «и про вора Тимошку и про татар проведать, и о том всем писать ко государю». Именно Арсений Суханов становился одним из главных информаторов московского правительства в делах казаков Хмельницкого с польским королем; его «вести», полученные в Посольском приказе, могли становиться предметом «доклада» царю Алексею Михайловичу. Понемногу ему удалось выяснить, что самозванец в Великий пост находился в Киеве, после чего отправился к гетману Богдану Хмельницкому — просить у него людей для похода «войною» на Московское государство. Но проведавшая об этом деле казачья старшина запретила набор войска. Хотя самозванцу, выдававшему себя за потомка царей Шуйских, и разрешили до поры жить в Мгарском Преображенском монастыре в Лубнах.

В начале июня 1650 года самозванец послал из Чигирина личное письмо воеводе пограничного Путивля боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому, еще недавно работавшему в Москве над составлением Соборного уложения, а теперь отправленному на воеводство в город-форпост на пограничье с украинскими землями Речи Посполитой. Бывший подьячий, хорошо знакомый с приказным порядком, понимал, что боярин должен переслать его «грамоту» в Москву (действительно, получение там этого документа датировано 22 июня). Самозванец стремился убедить царского боярина и «сановника» в своем происхождении от князей Шуйских, на что у него якобы были «царские свидетельства и грамоты, что при себе ношу». Неизвестно, знал ли беглый подьячий, что боярин князь Семен Васильевич Прозоровский по материнской линии состоял в родстве с князьями Шуйскими. Важнее, что в окружении царя оставалось немало людей, знавших о таком родстве. Возможно, обращение самозванца послужило впоследствии причиной немедленной опалы вернувшегося с воеводства в Путивле князя Прозоровского<sup>{142}</sup>. Анкудинов напоминал боярину времена Смуты, которые князь Семен Васильевич Прозоровский действительно хорошо знал («не тайно есть тебе о разоренье московском, о побоищах межу-усобных, о искорененье царей и их царского роду, и о всякой злобе лет

прошлых»). Забыв о своих прежних оскорблениях царя Алексея Михайловича, на этот раз самозванец стремился выставить себя его сторонником, действующим «во славу» московского царя, и твердил о каком-то «царственном великом тайном слове», которое был готов объявить в Москве. Человеку, подписавшемуся «князь Иван Шуйской рукою власною», веры не было, но ему важно было создать видимость, втянуть по возможности московского боярина в свои дела, «набить себе цену» в Чигиринской ставке Богдана Хмельницкого. Поэтому никаким обращениям «вора Тимошки Анкидинова» в Посольском приказе не верили, никто и не подумал присылать по его просьбе «государеву грамоту за подписью и за печатью царскою самобытно»<sup>{143}</sup>.

Вместо этого царь Алексей Михайлович распорядился отослать для задержания самозванца в Чигирине своих дворян Петра Даниловича Протасьева и Василия Яковлевича Унковского. Они были свободны в выборе средств, вплоть до поиска наемного убийцы для устранения беглеца, выдававшего себя за потомка князей Шуйских<sup>{144}</sup>. Их миссия не увенчалась успехом, все, что им удалось сделать, — привезти ответные грамоты «о Тимошке» от самого гетмана Богдана Хмельницкого<sup>{145}</sup>. Арсению Суханову пришлось еще раз прервать свое путешествие с патриархом Паисием и возвратиться с дороги из Волошской земли. Патриарх Паисий также участвовал в этом деле и просил в личном послании Зиновия (то есть Богдана) Хмельницкого отправить самозванца к царю Алексею Михайловичу<sup>{146}</sup>. Разговор о выдаче Тимошки Анкудинова в Чигирине, однако, не получился. Виною тому стало стремление гетмана Богдана Хмельницкого использовать Лже-Шуйского в своих целях для давления на царя Алексея Михайловича.

В составленном «статейном списке» Арсения Суханова содержится поразительное описание разговора с гетманом Богданом Хмельницким в его ставке в Чигирине в ноябре 1650 года. То была еще одна попытка побудить гетмана выдать самозванца в Москву. Но этот документ является еще и ярким свидетельством, объясняющим многие неудачи переговоров московского правительства с казаками.

В дни пребывания старца Арсения в ставке гетмана в Чигирине туда приехал «турской посол» (в ответ на поездку «гетманского посла» в Стамбул). Это плохо соотносилось с образом гетмана как защитника православия. Назаретского митрополита Гавриила и Арсения Суханова, предъявивших грамоту патриарха Паисия, принял не сам гетман, а писарь Иван Выговский. Дело о Тимошке было написано в патриаршей грамоте

«потонку», и Выговский попытался представить его как внутреннее дело Войска, сравнив запорожские казачьи порядки с Доном, откуда, как было известно, «выдачи нет». Вместо обсуждения дела, интересовавшего представителя царя Алексея Михайловича, Выговский переводил разговор на неоказание царем помощи казакам. Арсению Суханову приходилось ссылаться на официальную версию о действующем мирном договоре с королем Яном Казимиром, запрещавшем вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой. В таком ключе разговор мог продолжаться долго...

Наконец, 8 ноября 1650 года, после службы в церкви, где гетмана Богдана Хмельницкого, как заметил Арсений Суханов, поминали «государем и гетманом великия Росии», состоялся официальный прием. Даже тогда Хмельницкий не скрывал своего разочарования выбором царя Алексея Михайловича: «...нихто мне так не досажен, что царь московский. Посылали мы послов своих до его милости, и он было хорошо сказал и принял добре, а в другой сказал инаково, что он с королем мирен вечно». На следующий день гетман Богдан Хмельницкий и писарь Иван Выговский вместе пришли разговаривать с посланниками патриарха Паисия на их дворе. Тогда гетман уже не сдерживал себя и высказывался обо всем откровенно, не останавливаясь перед угрозами тому, кого раньше просил принять «под свою державу», ссылаясь на свой опустошительный поход с союзниками в Волошскую землю. Однако Арсений Суханов ответил достойно: «...а у нас бы вас встретили и на Украине, не токмо под Москвою, и пролилося б крови много: Московское государство — не как Волоская земля, в лес или в горы не побежали из городов».

Богдан Хмельницкий приходил не для бахвальства, ему важно было не допустить укрепления союза царя Алексея Михайловича и короля Яна Казимира. Для этого он стал говорить с Арсением Сухановым в отдельной «коморе», один на один, чтобы тот передал царю полученные им известия об обмене посольствами поляков и татар о совместном походе на Москву. Правда, грамоту от волошского воеводы Василия об этом он сразу найти не смог, но Арсений Суханов поверил гетману, утверждавшему: «не лжу говорю». Без свидетелей гетман позволил себе произнести и те слова, которых от него всегда ждали в Москве: он назвал себя «холопом государевым» и «поклонился ниско». Дело с самозванцем Тимошкой Анкудиновым представлялось Богдану Хмельницкому малозначительным. «То — малое дело», — просил он передать Арсения Суханова царю.

Продолжив общий разговор с посланниками патриарха Паисия, он пообещал выслать беглого подьячего Анкудинова из Войска Запорожского. Иначе он не мог поступить, не нарушив казачьи порядки. Главный же



вопрос к царю, который на следующий день после встречи с Хмельницким подтвердил писарь Иван Выговский, оставался прежним: «Примет ли он государь нас в соединенье»? При этом слова о «высокой руке» больше не звучали. Миссия посланцев иерусалимского патриарха провалилась, что и не преминул отметить Арсений Суханов: «Не гораздо вы учинили, что государскую милость к себе забыли, за такова вора стали». На том и разошлись: самозванец Тимошка Анкудинов, по словам писаря, получил проезжий лист «в Венгры», а Арсений Суханов уезжал в Москву с гетманским письмом 11 ноября 1650 года «о безделнике Тимушке», запрещавшем принимать самозванца в казачьих землях, и «повинным поклоном» царю от Богдана Хмельницкого и всего Войска<sup>{147}</sup>.

Правда заключалась в том, что когда посланцы патриарха Паисия вместе с Арсением Сухановым приехали в Чигирин, самозванца уже не было в землях Войска. Лже-Шуйский еще в сентябре 1650 года был отправлен гетманом Богданом Хмельницким к трансильванскому князю Дьердю II Ракоци и дальше к королеве Христине в Швецию для подготовки союза против Речи Посполитой. Не исключено, что Тимошка Анкудинов был обнадёжен широко распространившимися слухами о мятеже в Новгороде и Пскове, но опоздал или не смог повлиять на события. Московский гонец в Швеции писал о враждебных действиях самозванца, «наговаривавшего» гетмана Богдана Хмельницкого «итти войною на Московское государство»<sup>{148}</sup>.

Поиски Тимофея Анкудинова продолжились, но только в конце 1652 года его удалось наконец-то схватить в земле голштинского герцога и договориться о выдаче его в Москву. Спустя год казнью Тимофея Анкудинова завершилась тяжелая история начала правления царя Алексея Михайловича. Лже-Шуйскому, как и другому самозванцу — Лжедмитрию, была провозглашена церковная анафема.

### **«Мятеж и воровской завод»**

На первом плане у правительства царя Алексея Михайловича в 158-м (1649/50) году оставался «пожар» городских восстаний, или «народных волнений»<sup>{149}</sup>, вспыхнувший в разных частях Московского государства. С особой силой «мятежное время» характеризуют выступления в Пскове и Новгороде весной 1650 года. В современной исторической науке совершается пересмотр прежних представлений о природе и причине народных движений XVII века. Можно согласиться с исследователем

псковского восстания Владимиром Александровичем Аракчеевым, подчеркнувшим, что «насильственные действия восставших весной 1650 г. были прямо спровоцированы властью — как центральной, так и местной»<sup>{150}</sup>. Публикаторы «Следственного дела о Новгородском восстании 1650 года» называют причиной восстания в Новгороде «продовольственный кризис, возникший в связи с вывозом хлеба за границу»<sup>{151}</sup>.

Мятежи в Пскове и Новгороде стали непосредственным следствием окончания переговоров с Швецией о судьбе перебежчиков. Эта проблема в отношениях с северным соседом оставалась нерешенной со времен Столбовского мира 1617 года. 19 ноября 1649 года в Стокгольме послы Борис Иванович Пушкин, Афанасий Осипович Прончищев и дьяк Алмаз Иванов подписали договор о выплате за перебежчиков 190 тысяч рублей<sup>{152}</sup>. Для того чтобы сократить издержки по уплате долга шведам, они связали воедино уплату денег за перебежчиков и продажу хлеба за рубеж. Правительство стремилось и в этом деле получить выгоду, поэтому была повышена цена на хлеб. Позже в официальных известиях о псковском восстании, составленных в Посольском приказе, пришлось, не скрывая, прямо объяснять свои цели: «цены приподнять, чтоб немцам по дорогой цене продать»<sup>{153}</sup>. Забыв, конечно, про рядовых обывателей, также пострадавших от хлебной спекуляции, организованной агентом правительства в Пскове гостем Федором Емельяновым. Псковичам даже показалось, что речь шла о подготовке города к сдаче шведам; называлось и точное время, когда иноземные враги должны были войти в русские пределы: в Великий Новгород на Пасху, а в Псков на Троицу.

Восстание в Пскове началось 28 февраля 1650 года и продолжалось до конца августа. Псковский бунт стал важным испытанием для царя Алексея Михайловича, слишком многое зависело от исхода этих событий в Московском царстве. Выступление псковского посада сначала возглавили «лучшие люди», руководившие посадским самоуправлением: земские старосты Семен Меншиков и Иван Подрез. Действовать они стали тогда, когда речь пошла о вывозе хлеба из царских запасов в Псковском кремле — «Кроме», как его называли. По рассказу так называемой Большой коллективной челобитной, отправленной псковскими жителями царю Алексею Михайловичу, они обратились к псковскому воеводе окольному Никифору Сергеевичу Собакину и архиепископу Псковскому и Изборскому Макарию. Псковичи просили, чтобы воевода запретил выдачу «свейским немцам» «кремского» (то есть из государевых житниц в Кремле) и



«купного» (купленного) хлеба. В ответ же услышали угрозы окольного, обещавшего по «государевой грамоте» отдать хлеб «немцам, а не вам псковичам». Обращаясь к псковскому «миру» с паперти соборной Троицкой церкви, окольный говорил при этом: «Вы, де, псковичи, изберите из вас лутчих людей, кого из вас повесить»<sup>{154}</sup>.

Первые события повлекли за собой самоорганизацию мира, объединившегося в стремлении послать челобитчиков в Москву, чтобы там искать управы на действия воеводы и объявить об «измене» в делах со шведами, ставившей под угрозу оборону города. Для этого в Пскове был создан параллельный орган управления — всесословная земская изба, а главные дела, как в вечевые времена, снова решались на мирских сходах. Общие действия псковского мира понадобились для защиты своих интересов, потому что воевода Никифор Собакин отправил царю Алексею Михайловичу отписку, где описал события в выгодном ему свете, произвольно назвав ряд запомнившихся имен «воровских заводчиков». Выбора у псковичей не осталось, и они встали на защиту этих людей: воеводу Никифора Собакина, как и сменившего его окольного князя Василия Петровича Львова отстранили от дел, задержали и специально присланного в Псков для усмирения еще одного царского окольного князя Федора Федоровича Волконского. Ключи от города были отданы земским старостам и стрельцам, получившим возможность ударами «сполошного» колокола созывать людей и выдавать им оружие, порох и свинец. По сути, власть в Пскове перешла к известным по временам Смуты городским советам из представителей разных чинов. Псковские церковные власти, дворяне и дети боярские, посадские люди всячески стремились показать, что они едины в своем стремлении отстоять правду у царя, не останавливаясь даже перед вооруженным неповиновением, что, конечно, явно нарушало недавно принятые нормы Соборного уложения. Правда, не все приняли мятеж против государевых воевод. В этот момент взошла «звезда» одного из самых ярких и талантливых приближенных царя Алексея Михайловича в будущем — Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Пока он был всего лишь рядовым псковским помещиком, но он сделал свой выбор и первым приехал в Москву 13 марта 1650 года, чтобы объявить царю Алексею Михайловичу про начавшийся «мятеж и бунтованье» в Пскове<sup>{155}</sup>.

Следом за Псковом 15 марта 1650 года восстали новгородцы. Они собрались в земской избе во главе с одним из «меньших» людей сапожником Елисеем Лисицей, захватили Каменный город и ударили в набатный

колокол. Новгородский воевода окольный князь Федор Андреевич Хилков фактически был лишен власти и вынужден был спасаться на подворье у митрополита Никона. В грамотке, тайно отправленной в Москву боярину Борису Ивановичу Морозову 17 марта, Хилков назвал трех заводчиков восстания — посадских людей Игната Солодовника (иногда называемого еще по созвучию Молодожником), Ивана Оловянишника и митрополичьего дворецкого Ивана Жеглова. Все они были освобождены из тюрьмы после того, как город оказался в руках восставших. Воевода сообщал в Москву о их планах: «и хотят сложитца со псковичи заодно»<sup>{156}</sup>. Первоначально гнев новгородцев, как и в Пскове, был направлен против торгового агента правительства гостя Семена Стоянова, безуспешно пытавшегося скрыться из города. Но попутно доставалось всем, кого можно было пограбить «гилевщикам», в частности, оказавшегося в городе датского посланника Иверта Краббе. В явочных челобитных, собранных в Новгородской приказной избе, остались свидетельства таких грабежей, как и попыток насильно связать горожан круговой порукой, собрав как можно больше подписей под коллективной челобитной<sup>{157}</sup>.

Новгородцы надеялись, что царь Алексей Михайлович разберется с накопившимися в городе делами, самоуправством воеводы князя Хилкова и митрополита Никона. В их челобитной царю Алексею Михайловичу, составленной около 28 марта 1650 года, говорилось: «Да он же, Никон, как по твоему государеву указу приехал в Великий Новгород митрополитом... хотел соборную церковь Софею Премудрость Божию рушить и столпы ломать». Жители Новгорода, как и псковичи, требовали запретить торговлю хлебом и мясом с шведами, обвиняя в измене тех «лучших», наиболее богатых людей посада, кто вел ее ранее по заданию правительства боярина Бориса Ивановича Морозова, — прежде всего гостя Семена Стоянова. Сказывалась историческая вражда новгородцев с шведами и другими «немцами», которых они считали «государевыми недругами» и даже патриотично ссылались на свою присягу царю Алексею Михайловичу при его вступлении на престол. Только кроме новгородской челобитной царь узнавал о событиях от самого боярина Морозова (ему, как уже говорилось, первому новгородский воевода князь Федор Хилков сообщил о начавшейся в городе «смуте большой») и от митрополита Никона, отправившего царю знаменитое в своем роде послание.

Никон был явно потрясен всеми событиями, наверное, впервые в жизни столкнувшись с таким открытым неповиновением, сопряженным с

угрозой жизни. «И оне меня ухватили со всяким безчинием, — жаловался он царю Алексею Михайловичу, — и в те поры меня бранили всякою неподобною бранью и ослопом в грудь торчма ударили и грудь розшибли и по бокам камением, держа в руках, и кулаки били». Ненависть к Никону усилилась от того, что восставшими руководил человек, лично пострадавший от действий митрополита, — выпущенный из тюрьмы бывший митрополичий дворецкий Иван Жеглов. Именно его Никон предал проклятию на службе в день царских именин 17 марта. По словам митрополита, он стремился этими действиями разрушить саму идею общего крестного целования в Новгороде. Восставшие новгородцы в своей челобитной царю Алексею Михайловичу по-другому объясняли случившееся, обвиняя Никона в том, что он проклял не одного Жеглова, а всех жителей Великого Новгорода. По этой причине «при всем народе Никона митрополита обличило силою Божиею, ударило ево и всего роздробило». На следующий день, вероятно, из-за последствий «удара», митрополит Никон, по их словам, «собою не владел» и не мог проводить церковную службу. Новгородцы обвиняли митрополита и скрывавшегося на его дворе окольничего князя Федора Хилкова в том, что они «умысля» написали царю Алексею Михайловичу «на нас, бутто се мы Никона митрополита убили».

Вряд ли царь Алексей Михайлович верил новгородцам больше, чем Никону. Церковный владыка говорил с царем на другом языке, описывая ему свое видение: «...увидел венец царский на воздусе злат над Спасовою главою». Это была непростая икона, как напоминал Никон царю Алексею Михайловичу, «Спасов образ местной» в Софийском соборе был «списан с образа», взятого из Новгорода царем Иваном Грозным и поставленного в Успенском соборе в Московском Кремле, «именуется Златая Риза, от него же и чюдо было Мануилу Греческому царю». В те дни не раз вспоминали времена царя Ивана Грозного! По расспросным речам одного из новгородских дворян, «лутчие люди» говорили со слезами: «Большое де нам за нынешнюю смуту, навести на себя такую же беду, как было при царе Иване». А дальше Никон описывает, как венец с иконы сидящего на престоле Спасителя вдруг оказался «на воздусе злат над Спасовою главою», после чего стал приближаться к самому Никону и оказался, как со страхом писал митрополит, «на главе моей грешной». Пораженный митрополит даже «прикоснулся» руками к воображаемому венцу, после чего видение рассеялось: «И аз мало от великого того страха переменялся, чая чювственно и обойма рукама на своей главе осязал, и от того времени тот венец невидим был»<sup>[158]</sup>. Такую историю царь Алексей Михайлович

вряд ли мог когда-нибудь забыть!

История с «видением» приходилась как раз на те дни, когда митрополит Никон отказался выходить со своего подворья для службы в Николо-Дворищенской церкви, сказавшись больным после перенесенных побоев. Поход с крестами архимандритов и всего новгородского церковного собора от Софии в Новгородском кремле на другой берег Волхова и молитва за царя на месте прежних вечевых собраний новгородцев на Ярославовом дворище должны были иметь особый смысл. Если новгородцы считали, что митрополит Никон понес Божье наказание за анафему жителям города, то сам архиерей в этот момент думал о возложенном на его голову «златом» венце. Вся эта история, конечно, приобретает дополнительный драматический оттенок, потому что «видение» Никона с возложением венца оказалось пророческим и могло повлиять на царя Алексея Михайловича, когда пришло время выбирать нового патриарха.

Противостояние города с московской властью растянулось почти на месяц, пока в Новгород не прибыл воевода боярин князь Иван Никитич Хованский с войском и не усмирил бунт. Для него, племянника князя Дмитрия Михайловича Пожарского и зятя боярина Михаила Михайловича Салтыкова, эта служба стала шансом на возвращение в ближний аристократический круг царя Алексея Михайловича. В самом начале царствования он пережил опалу из-за дела королевича Вальдемара. Князя Хованского сделали тогда едва ли не главным виновником, обвинив, что именно он внушил царю Михаилу Федоровичу мысли о том, что королевич «обязательно крестится»; следствием стала «сердечная кручина» царя, якобы сведшая его в могилу. Выдвигались и другие политические обвинения князю Ивану Никитичу Хованскому, в частности в нежелании принимать присягу новому царю Алексею Михайловичу<sup>[159]</sup>. После принятия Соборного уложения князя Ивана Никитича Хованского вернули из ссылки в Сибирь и даже пожаловали 1 апреля 1649 года в боярский чин. Назначение его на службу против «воров», взбунтовавшихся в Новгороде и Пскове, оказалось удачным. Потому что никому другому из бояр, известных своей приверженностью Морозову, там бы не поверили. Напротив, восставшие в Новгороде и Пскове требовали у царя Алексея Михайловича расследовать «измену» боярина Бориса Ивановича Морозова, якобы уже договорившегося о сдаче царской «отчины» шведам.

Князь Хованский явно не принадлежал к морозовской партии, а следовательно, не входил в число «бояр-изменников». Ему можно было довериться, что и сделал лидер восставших новгородцев Иван Жеглов,

выехавший навстречу царскому боярину, чтобы договориться о его встрече в Новгороде. Правда, начавшееся весеннее половодье на Волхове не дало осуществиться задуманному. Но осталось письмо Ивана Жеглова князю Ивану Хованскому с рассказом об этой поездке, где он просил московского воеводу войти в город с немногими людьми и впредь присылать «в Великий Новгород новгородцов, а не иногородних людей», потому что те «Новгородцкого извычая не знают»<sup>{160}</sup>. 13 апреля 1650 года князь Иван Никитич Хованский вступил в Новгород со своим военным отрядом и целый месяц проводил, как ему было предписано, сыск «воров и заводчиков, от ково мятеж и воровской завод учинился». Все вышло не так, как пугал новгородцев митрополит Никон, что московский боярин будет их «вешать и пластать, без сыску и без очных ставок». Напротив, воевода пытался сделать все «по закону», и сам Никон тоже стал просить царя Алексея Михайловича помиловать восставших новгородцев: «Уподобися милостивому и человеколюбивому Богу, как будут тебе о своих винах бити челом, прости по премногу своя милости». Митрополит и новгородцев убеждал в царской милости, а иначе бы «все отчаялись за свое плутовство и на большое бы худо вдались»<sup>{161}</sup>.

В Новгороде почти не было казней. По приказу князя Хованского во избежание дипломатических последствий дали «оборонь от воров», напавших в начале восстания на датского посланника и ограбивших его: отрубили голову Тимофею Волку и били кнутом палача Пимена Петрова. Хотя остальные участники мятежа тоже попали под следствие, разбирательство по делу надолго затянулось<sup>{162}</sup>. Успешно справившийся с новгородским «розыском» князь Иван Никитич Хованский заслужил похвалу царя Алексея Михайловича.

Впереди у князя Хованского оставался по-прежнему мятежный Псков, где учили новгородский опыт и не захотели никого пускать в город. Московское войско встретили выстрелами из пушек и пищалей с городских стен, а имения и дворы тех псковских дворян, кто был мобилизован Хованским, жестоко разоряли и грабили, предавая страшным казням их родственников. Исследователь городских восстаний середины XVII века, классик советской историографии академик Михаил Николаевич Тихомиров замечал, что «номинальный глава государства, царь Алексей Михайлович, в это время находился в длительном путешествии по подмосковным. Он ездил в Калязин и успешно занимался соколиной охотой. Сохранилось несколько писем царя Алексея, датированных апрелем — июнем 1650 г. Письма целиком посвящены деталям соколиной

охоты, и в них нет ни слова о событиях, волновавших Московское государство в это время»<sup>{163}</sup>. Однако ссылка на «полную беспечность и удивительное политическое невежество царя Алексея» все-таки не справедлива. Конечно, царь Алексей Михайлович ни в коем случае не был только «номинальным главою» в Московском царстве! Поездки на богомолье и даже царская охота не мешали заниматься делами, они лишь формировали особую форму управления через постоянно присутствовавших рядом доверенных лиц царя.

Чрезвычайно интересен заочный словесный поединок, случившийся после отправки Большой псковской челобитной<sup>{164}</sup> в Москву и ответа на нее, полученного псковскими челобитчиками 19 мая 1650 года. Челобитная, запечатанная, как сказано в документе, «глухою печатью»<sup>{165}</sup>, была прочитана в присутствии царя Алексея Михайловича в селе Покровском. В ней царю были представлены объединенные требования, затронувшие все «болевые точки» власти и местного управления: «измена» боярина Морозова, мздоимство воевод, предпочтение, оказываемое иностранным офицерам перед «природными» служилыми людьми, служившими «с травы, и с воды, и с кнута», сокращение жалованья ружным церквям, произвол при сборе соляной пошрины и других налогов. В пику боярину Морозову и действовавшим от его имени в Пскове чиновникам, выполнявшим, по удачному определению В. А. Аракчеева, операцию «хлеб в обмен на православных»<sup>{166}</sup>, были отправлены особые челобитчики к боярину Ивану Никитичу Романову. В Пскове также хорошо понимали значение своего города, стоявшего на двух рубежах — «литовском» и «немецком». Поэтому много говорили об опасностях (как правило, мнимых, взятых из слухов и расспросных речей), грозивших родному городу, святыни которого они взялись защищать. И подтвердили это еще и обороной от «московского рубежа», когда в ожидании царского ответа затворили город и стали воевать с подошедшим от Новгорода отрядом боярина князя Ивана Никитича Хованского. Одновременно Большая челобитная была попыткой самооправдания псковичей, выказавших неповиновение царским воеводам. Жители Пскова подчеркивали в обращении к царю Алексею Михайловичу, что они молили Бога «за тебя и за мир».

Для разговора с псковскими челобитчиками сначала был выбран жесткий тон. Царь Алексей Михайлович, скорее всего, тоже участвовал в составлении грамоты в Псков 19 мая. Ответный документ полон страсти, его формулировки ближе к устной речи, они далеки от обычно



«вылизанных» и четко структурированных текстов приказных документов, что бывало, когда записывалась прямая царская речь. На каждый псковский «вопрос» был дан царский ответ, не оставлявший сомнения в том, что над мятежным городом нависла гроза. Происходившие в Пскове события прямо называли «мятежом», «смятением» и «гилем», случившимся по «воровскому заводу»: «и то затевают воры и заводчики на смуту». Псковичам напомнили их присягу царю Алексею Михайловичу и грозившее им казнью нарушение нормы Соборного уложения: «усоборовано всего Московского государства всяких чинов с выборными людьми написано, что самовольством, скопом и заговором на наших государевых бояр и окольничих и... на воевод... никому не приходити». Царь Алексей Михайлович отвергал стремление «худых людишек» вмешаться в дело «вечного докончания», о котором договорились его послы с шведской королевой Христиной. «А мы, великий государь, з Божиею помощию ведаем, как нам, великому государю, государство свое оберегать и править». Стиль послания сильно напоминает интонации Ивана Грозного!

Конечно, царь Алексей Михайлович не только не выдал, но и оправдал боярина Бориса Ивановича Морозова. Даже в более сложные времена царь не отказывался от его поддержки. В ответе царя на Большую псковскую челобитную содержится целая апология боярину Морозову, его роду и предкам, отличившимся, как напоминали псковичам, в том числе и обороной их города от войска короля Густава-Адольфа (речь о службе его родственника боярина Василия Петровича Морозова в 1615 году). Этот раздел ответной грамоты дает много для понимания настоящих чувств, которые испытывал царь Алексей Михайлович к своему воспитателю, назначенному в «дядьки» еще его отцом: «И наше государское здоровье положил на нем». Характеризуя службу своего ближнего человека, царь Алексей Михайлович давал отпор «непристойным речам»: «И он, боярин наш, будучи у нас, великого государя, в дядьках, оставя дом свой и приятелей, был у нас безотступно, и нам служил и нашего государского здоровья остерегал крепко, да и посяместа нам служит верно, и о наших и земских делах радеет». Нашлось место в царском ответе и для боярина Ивана Никитича Романова (отдельная псковская челобитная его тоже достигла, но привезшего ее казака боярин Романов отослал к царю): «А нам, великому государю, он боярин наш холоп, и служит нам, великому государю, с своею братьею, з бояры единомышленно». Обращения к одному из бояр «мимо царя» были особенно опасны: «посылаете челобитные мимо нас на смуту тайным обычаем».

Еще более возмутительным для царя Алексея Михайловича оказался призыв Большой псковской челобитной к совместному суду в Пскове царских воевод, с земскими старостами и выборными людьми. Только так, считали во Пскове, можно добиться суда «по правде, а не по мзде и не по посулам». Вероятно, эти слова челобитной стали основой для распространения слуха о стремлении псковичей возвратиться к «свободе, какую они имели до времен царя Ивана Васильевича», записанного шведским резидентом Поммеренингом<sup>{167}</sup>. В ответ в Пскове слышали апологию самодержавной власти, не терпевшей, чтобы кто-нибудь писал царю «с указом»: «И того при предках наших, великих государех, царех, николи не бывало, что мужиком з бояры и с окольничими и воеводы у росправных дел быть, и вперед того не будет».

Таково резюме словесного поединка царя Алексея Михайловича и его приближенных с псковским «миром» и отставным главой корпорации псковских площадных подьячих Томилкой Слепым, который умело и не без литературного таланта, как справедливо писал академик М. Н. Тихомиров, сформулировал просьбы и жалобы псковичей к царю. Но обида, нанесенная боярину Морозову, требовала мщения. Хотя посланников псковского «мира» допустили до царя и даже отпустили обратно с государевой грамотой, ничего доброго Пскову в будущем это не сулило. От них по-прежнему требовали повиниться, «от такова воровского заводу отстать» и выдать «воров и завоотчиков», первым из которых и был назван составитель челобитной Томил-ка Слепой. В противном случае была обещана отсылка в Псков «больших наших бояр и воевод» князя Алексея Никитича Трубецкого и князя Михаила Петровича Пронского. И это была не пустая угроза: сведения о таких приготовлениях отразились в дворцовых разрядах. Но в итоге войско и артиллерия привычно отправились, «по вестям», защищать южную «украину»<sup>{168}</sup>.

Трудно определить, когда и почему произошел поворот в отношении требований псковских «мужиков». Но в итоге ставка на силовое подавление мятежа не оправдалась. Не последнюю роль сыграло то, что восставшие в городе затворились и организовали вооруженное сопротивление расположившимся лагерем под псковскими городскими стенами ратным людям во главе с боярином князем Иваном Никитичем Хованским. 18 июня 1650 года псковичи даже решили совершить вылазку против правительственного войска, но в сражении у Снетной горы уступили и потеряли многих людей, попавших в плен. Царь Алексей Михайлович, рассматривая воеводскую отписку об этих событиях, еще был настроен



решительно. 26 июня 1650 года он лично распорядился наградить сеунщика (гонца) за радостное известие и ответить князю Ивану Никитичу Хованскому, чтобы тот продолжал войну с псковичами: «боярина и воевод, и ратных людей похвалити, и над псковскими изменниками промышляти, сколько милосердый Бог помочи даст»<sup>[169]</sup>. По мысли царя, пленным «языкам», кого отправляли обратно в Псков на обмен с дворянами, надо было приказывать, чтобы они «свою братью наговаривали» сдаться и впустить в город царского боярина. То было достаточно наивное представление, не учитывавшее остроты противостояния. Внутри Пскова власть перешла к всегородной избе во главе с выдвинувшимся лидером псковского посада Гаврилой Демидовым. Восставшие действовали с помощью силы, обязывая всех круговой порукой. Так, видимо, реализовывалась ярко выраженная в Большой псковской челобитной мысль о всеобщем протесте Пскова, при участии настоятелей псковских монастырей, соборного протопопа и других священников псковских церквей, дворян и посадских людей.

В Москве долго еще продолжали думать, что удастся заставить восставших отказаться от их борьбы. В начале июля 1650 года был созван Земский собор, принявший решение отправить в Псков «выборных людей»: коломенского и каширского епископа Рафаила, стольника Ивана Васильевича Олферьева и других представителей столичных чинов Государева двора, вместе с городовыми дворянами, гостем, купцами Гостиной и Суконной сотен, жителями посада и слобод. По царскому наказу они должны были уговорить восставших принести свои вины царю Алексею Михайловичу. Сделано это было вовремя, так как противостояние боярина князя Ивана Никитича Хованского с жителями Пскова достигло апогея. 12 июля царский воевода разгромил неумелое вооруженное ополчение псковичей, самонадеянно атаковавшее его позиции — острожек на реке Великой. Получив известие об этом, царь Алексей Михайлович снова распорядился послать грамоту «к боярину и воеводам с своим государевым милостивым словом и с похвалою и ратных людей похвалить». Однако в ответ восставшие устроили террор и казнили десять человек псковских дворян, заподозренных в «измене». Был отстранен от управления своей кафедрой — «Троицким домом» — псковский архиепископ Макарий, какое-то время ему запретили служить и посадили в заточение на цепь. Обсуждался даже план обращения за помощью в Литву или, что не лишено вероятия, к самозванцу Тимошке Анкудинову (позднее остались записи о полученном в Пскове письме от не названного по имени «вора»).

Мирная миссия епископа Рафаила и других посланников Земского собора оказалась в итоге успешнее, чем военные угрозы. Но для этого пришлось пойти на уступки и царю Алексею Михайловичу, созвавшему еще одно заседание Земского собора «о псковском воровском заводе» в Столовой палате 26 июля 1650 года. Тон речей с подробным перечислением вин восставших жителей Пскова, объявление о намерении направить в Псковскую землю ратных людей для обороны ее от «воров шишей, которые в тех уездах воюют», казалось бы, не оставляли сомнений в стремлении царя и Думы проявить силу. На соборе хотели еще и дать острастку тем, кто под влиянием слухов о псковских событиях «вмещал» в мир разные воровские речи, «что носитца площадная речь на Москве, будто будет грабеж». Но самое неожиданное прозвучало в конце соборного акта. Царь Алексей Михайлович согласился отвести правительственные войска от Пскова — при условии «обращения» псковичей и признания ими своих «вин». После того как псковичи поцелуют крест присланному от Земского собора епископу Рафаилу и выборным людям, боярину князю Ивану Никитичу Хованскому «ото Пскова с ратными людьми отойти велено». А собор должен был гарантировать мирный исход событий — «всем про то объявлено уж»<sup>[170]</sup>.

Споры, приведшие к отмене первоначальных решений о выдаче четырех или пяти «заводчиков» псковского дела, остались за строкой архивных документов. Академик М. Н. Тихомиров видел причины такого поворота к мирному разрешению противостояния в борьбе придворных партий, противодействии патриарха Иосифа и «стоявших за его спиной» боярина Никиты Ивановича Романова и князя Якова Куденетовича Черкасского. Сначала видно, что и в ответе на Большую псковскую челобитную, и в письме патриарха Иосифа, и в первом наказе епископу Рафаилу и другим выборным — везде речь вели о наказании главных «воров». Все изменилось, когда по дороге в Псков епископ Рафаил встретил 19 июля бежавших оттуда людей, сообщивших в расспросных речах о начавшемся непримиримом противостоянии в Пскове. Между 22 июля — временем получения донесения в Москве, и 26 июля — датой соборного заседания и произошел перелом, причины которого лучше всего объяснил патриарх Иосиф в письме архиепископу Рафаилу, сославшись на то, что царь Алексей Михайлович был «зело кручинен» из-за псковских дел. И все же главную заслугу в изменении решения стоит приписать новгородскому митрополиту Никону. Как писал еще Сергей Михайлович Соловьев, именно Никон раскрыл царю истинное положение дел и убедил пощадить четырех зачинщиков восстания, «пущим вора в место смерти живот дать».

Иначе, говорил он, «тем промыслом Пскова не взять, которые люди под Псковом и тех придется потерять, а Новгороду от подвод и ратных людей будет запустенье». Никон ссылаясь на свои уговоры новгородцев и обещания обратиться с челобитной к царю, а также указывал на то, что розыск и арест участников новгородского восстания князем Иваном Никитичем Хованским привел к тому, что псковичи перестали верить увещеваниям, говоря: «И нам то же будет»<sup>{171}</sup>. Поэтому так важно было подтвердить соборным решением отвод войска от Пскова после «крестного целованья» псковичей. Грамота об этом была послана боярину князю Ивану Никитичу Хованскому немедленно после собора. Но, готовясь к миру, царский боярин больше думал о войне: он методично продолжал окружать город, стремясь к полной блокаде Пскова, что могло обеспечить бóльшую сговорчивость его жителей.

В итоге отказ от казней «воров» и штурм города, уговоры псковичей сыграли определяющую роль. Посылка епископа Рафаила и других посланцев Земского собора оказалась дальновидным решением. Первым в город вошло московское посольство, договорившееся о присяге псковичей. Она растянулась на несколько дней 17–21 августа и происходила совсем не в мирной обстановке: город не сразу избавился от вражды и взаимного недоверия. Большинство посада и служилых людей, конечно, понимали, что вместо всесословного союза, обещавшего учет интересов «мира», в Пскове и его пригородах — Изборске, Печерах, Гдове и Острове, тоже затронутых восстанием, воцарились социальная рознь, грабежи и бессудные казни. Но и жестокость ратных людей боярина князя Ивана Хованского была чрезмерной, чего не мог скрыть один из участников посольства стольник Иван Олферьев. При въезде в город с депутацией Земского собора он якобы говорил с сокрушением псковичам, укоряя царского боярина: «Какие де он враг, злодей, над вами беды многие поделал». 24 августа боярин князь Иван Никитич Хованский ушел со своим войском от Пскова, а на следующий день городские ключи были возвращены прежнему воеводе окольничему князю Василию Петровичу Львову.

Увы, одним из первых его дел стал донос на Ивана Олферьева. Подоплека действий псковского воеводы понятна из объяснений вернувшегося в Москву члена депутации от Земского собора стольника Ивана Олферьева. Дело было в местнических тонкостях, окольничему князю Львову не понравилось, что государева стольника не написали у него «в товарищах». Оказывается, он мало что понял из того, что происходило вокруг, сидя на своем дворе. Воевода князь Львов едва не провалил всё

дело с присягой, заметив при встрече с епископом Рафаилом и другими членами московского посольства, что оно долго добиралось до Пскова, а грамота послам была дана недавно, когда они были в пути. Депутаты от собора дело замяли: иначе оно грозило тем, что псковичи не поверили бы царским грамотам, привезенным епископом. И еще неизвестно, как бы повернулись события, если бы псковичи нашли первые грамоты с требованием казни «заводчиков»! Доносу на стольника Олферьева всё равно дали ход, выговорили ему за неуважение царских бояр и окольничих, но в итоге простили и дозволили (хотя и не сразу) быть у государева стола 1 октября вместе с епископом Рафаилом и другими депутатами собора. Еще через неделю, 8 октября, состоялось заключительное заседание Земского собора. Царь Алексей Михайлович принял заручную челобитную псковичей о своих винах и допустил «к руке» их представителя старосту Ан-кудинку Гдовленина. Последним актом псковской драмы стало снятие с Рыбницкой башни всполошного колокола, отправленного в своеобразное «заточение» в Зелейную палату — туда же, где обычно хранились порох и свинец. Арест бывшего всесословного старосты Гаврилы Демидова и автора текста Большой псковской челобитной Томилки Слепого тоже последовал, но нарушать соборное обещание не могли, поэтому их с семьями выслали из Пскова, но не казнили.

История наказания виновников восстаний в Новгороде и Пскове по своему поучительна и показательна для первых лет правления царя Алексея Михайловича. Всего по обвинению «в воровском заводе» в Новгороде было арестовано более двухсот человек, «по государеву указу и боярскому приговору» 190 человек приговорили к битью кнутом и отдаче на поруки, «пущих воров и мятежников и всякому воровству заводчиков» насчитали 22 человека, пятерых из них приговорили к смертной казни, а остальных — к битью кнутом и ссылке в Астрахань, Терек и Коротояк. Но здесь в дело вмешался новгородский митрополит Никон, снова просивший 15 марта 1651 года помиловать участников мятежа. Их не стали ссылать и разрешили жить по-прежнему в Великом Новгороде. В итоге, как установили публикаторы Следственного дела о новгородском восстании 1650 года, сохранили жизнь даже главному обвиняемому — Ивану Жеглову, проклятому в дни «мятежа» митрополитом Никоном. Позднее бывший приказной служитель новгородского Софийского дома оказался на службе в далеком Якутске<sup>{172}</sup>.

**Никон — патриарх**

Успешное завершение новгородского и псковского «дела» должно было еще больше утвердить авторитет митрополита Никона в глазах царя Алексея Михайловича. Царь не забыл о жертвах псковского мятежа и указал написать имена погибших дворян в вечный синодик в Успенском соборе Московского Кремля, учредив отдельное поминание 18 июля — в день наивысшего противостояния и казней в осажденном Пскове<sup>{173}</sup>. Между царем и митрополитом происходило явное сближение, как обычно бывает между людьми, пережившими общую опасность. Царь поверил в духовную силу митрополита, оказавшего неоценимую услугу своими советами в мирских делах. Сами обстоятельства направляли царя Алексея Михайловича к мысли о том, что именно Никон станет лучшим преемником патриарха Иосифа, чей возраст земной жизни клонился к закату.

Сохранилось предание о том, как во время приветствия Никоном смененного им и отправленного на покой прежнего новгородского митрополита Афония два владыки долго препирались, кто к кому должен подойти под благословение. Пока прежний новгородский митрополит не сказал: «Благослови мя, патриарше», пророчески указав Никону на то, что тот будет патриархом<sup>{174}</sup>. На самом деле за этим благочестивым рассказом скрыт не до конца ясный сюжет с отправкой на покой новгородского митрополита Афония, чтобы освободить кафедру для Новоспасского архимандрита Никона (при избрании патриарха Иосифа в 1642 году митрополит Афоний был одним из главных участников выборов и открывал жребий, указавший на нового патриарха).

Духовные дела плохо поддаются определениям с помощью слов «политика» или «программа», однако нечто подобное можно усмотреть в действиях царя Алексея Михайловича и его советника митрополита Никона. Начиная с 1651 года Успенский собор в Кремле стал превращаться в своеобразный пантеон славы выдающихся иерархов Русской православной церкви. В 1651 году состоялось перенесение в кремлевский собор мощей первых патриархов: Гермогена из Чудова монастыря и, на следующий год, Иова из Старицкого Успенского. Но более всего известна поездка митрополита Никона на Соловки для перенесения мощей митрополита Филиппа в 1652 году. Царь Алексей Михайлович вникал во все подробности дела, участвовал в напутственном молебне, и вряд ли случайным было определение в смешанную, церковно-светскую комиссию двух усмирителей «мятежей» в Новгороде и Пскове — митрополита Никона и боярина князя Ивана Никитича Хованского. Воспоминание о

столкновении царя Ивана Грозного и митрополита Филиппа по поводу опричнины должно было помочь устранить случившийся в прошлом диссонанс в «симфонии» власти царя и первосвященника церкви<sup>{175}</sup>.

Посольство отправилось из Москвы на Соловки в Великий пост 1652 года. С собою оно везло необычный документ — грамоту царя Алексея Михайловича в Соловецкий монастырь «с молением по мощи» митрополита Филиппа, скрепленную «вислой» печатью «красного воску» с двуглавым орлом. Царь обращался к святому как к живому, называя себя «царь Алексей, чадо твое». Он говорил о своей «печали» и молил митрополита Филиппа «прийти» к Москве, чтобы стала возможной общая молитва всех первоиерархов церкви «с прежебывшими тебе, и по тебе святители» в Успенском соборе. Царь был убежден в силе такой общей молитвы: «Не бо и мы своею силою или многооружным воинством укрепляемся, но Божиею помощию и вашими святыми молитвами вся нам на ползу строятся». В Москве царь Алексей Михайлович хотел «разрешити согрешение прадеда нашего, царя и великого князя Иоанна, нанесенное на тя неразумно завистию и неудержанием ярости». Из этого становится ясно, чего сам царь хотел избежать в своем правлении: он обещал святителю Филиппу, «аще и неповинен есмь досаждения твоего», покаяться за своих предков ради прощения прежних грехов и «разделения». Завершалась эта необычная грамота словами: «Царь Алексей, желаю видети тя и поклонитися мощем твоим святым»<sup>{176}</sup>.

О том, что происходило в Москве после отправления посольства на Соловки, можно узнать из большого «статейного списка» о принесении мощей патриарха Иова и о преставлении патриарха Иосифа, написанного самим царем Алексеем Михайловичем. Исследователи называют этот документ «Повестью о преставлении патриарха Иосифа», подчеркивая литературные достоинства царя-писателя. Действительно, необычный стиль и образность письма дают большой простор для толкований, но при этом забывается, что царь Алексей Михайлович предназначал свое писание в мае 1652 года только для одного читателя — митрополита Никона, чтобы тот скорее приехал в Москву, где должны были состояться выборы нового патриарха, «именем Феогнаста» (то есть того, чье имя знает Бог). «А без тебя отнюдь ни за что не примемся», — писал царь об ожидаемом им приезде Никона. Переписчикам царского письма (скорее всего, в канцелярии архива Посольского приказа, где сохранялся царский архив до образования Тайного приказа) этот документ показался ближе всего именно к делопроизводственному стилю отчетов послов. С одной стороны, царь



пишет Никону о делах церкви, где он уже мог считаться своеобразным приказным судьей: «А как великий отец наш и пастырь, святейший Иосиф патриарх, встречал Иова патриарха, и как на ослати ездил вход Иерусалим, и как ево не стало — и то писано под сею грамотою». Однако «статейный список», написанный царем Алексеем Михайловичем, — не только отчет о делах в церкви, произошедших за время отсутствия Никона в столице, но и письмо о душевных переживаниях царя. Поэтому правы те, кто пишет об использовании царем Алексеем Михайловичем канонических описаний смерти духовных лиц, что, конечно, не подходит сухое определение «статейного списка». И хотя царь даже в таком тексте не чужд был «литературной игры», в монастыре, когда митрополит Никон читал его письмо, все слушающие плакали.

«Повесть», или «статейный список», царя Алексея Михайловича митрополиту Никону с описанием преставления патриарха Иосифа предваряла личная грамота царя «собинному другу», раскрывающая его отношение к «избранному и крепкостоятельному пастырю». Этикет требовал в таких грамотах своеобразного уничижения «отправителя» по отношению к «адресату», и царь Алексей Михайлович пишет здесь в превосходной степени о качествах Никона-богомольца, сравнивая его с «солнцем, светящим по всей вселенной». О себе же, напротив, говорит, выказывая полнейшее христианское смирение: «А про нас изволиш ведать: и мы по милости Божии и по вашему святительскому благословению как есть истинный царь христианский наричесь, а по своим злым, мерским делам недостоин и во псы, не токмо в цари». Описание событий в Москве начинается с 5 апреля — времени встречи мощей патриарха Иова в Москве, положенных сначала в Страстном монастыре. Царь сам был на этой встрече вместе с патриархом, Освященным собором и «со всем государством, от мала и до велика». Алексей Михайлович любил такие образные определения, описывая то, что он видел своими глазами. О том, какое огромное количество людей пришло встретить мощи патриарха Иова, он замечает в письме Никону: «яблоку негде было упасть». Вся Красная площадь была запружена, поэтому царь «Кремль велел запереть», и без этого в тесноте мощи патриарха Иова едва пронесли в Успенский собор. «Старые люди говорят, — замечал царь Алексей Михайлович, — лет за семьдесят не помнят такой многолюдной встречи», то есть со времен Ивана Грозного, к которым постоянно мысленно возвращался царь Алексей Михайлович. Царю запомнились слова слабейшего патриарха Иосифа, говорившего ему со слезами: «Вот, де, смотри, государь, каково хорошо за правду стоять — и по смерти слава!» Другой разговор состоялся при

устройстве саркофага патриарха Иова в Успенском соборе. На вопрос: «кому ж в ногах у нево лежать?» — царь ответил: «Ермогена тут положим» — еще одного патриарха, умершего в Чудовом монастыре во времена Смуты в 1612 году. Но патриарх Иосиф попросил у царя Алексея Михайловича оставить это место для него: «Пожалуй, де, государь, меня тут, грешного, погреть».

Дальше должны были начаться «свидетельство» мощей патриарха Иова и запись чудес, происходивших от них в Успенском соборе. Но все остановилось из-за смерти патриарха Иосифа, случившейся через десять дней после перенесения мощей. Последняя патриаршая служба пришлось на Вербное воскресенье, когда патриарх Иосиф участвовал в традиционном «шествии на ослата». На наступившей Страстной неделе, в среду вечером, царь Алексей Михайлович сам решил прийти в Крестовую палату для встречи с патриархом. Патриарх уже тяжело болел и сначала даже не узнал царя. Алексей Михайлович передавал свой разговор с патриархом Иосифом: «Такое то, великий святитель, наше житие: вчера здоров, а ныне мертвы», — говорил царь Алексей Михайлович. В ответ патриарх Иосиф молвил: «Ах, де, царь-государь, как человек здоров, так, де, мыслит живое. А как, де, примет инде, ни до чево станет». Царь писал об этом еще и для того, чтобы объяснить, почему он в тот же день не заговорил о духовной грамоте патриарха Иосифа и судьбе патриаршей келейной казны. Все думали, что патриарх Иосиф болен «лихорадкой» и еще поправится.

В описании ухода из жизни патриарха Иосифа царь Алексей Михайлович приводит много бытовых деталей. Рассказ его напоминает известные страницы романа Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы» о смерти старца Зосимы и отношении монастырской братии к этому событию: все ожидали кончины чуть ли не нового святого, а умер, как оказалось, обычный человек. Когда царь Алексей Михайлович узнал, что патриарх Иосиф при смерти, то немедленно «сам с небольшими людьми побежал к нему». Царь участвовал в соборовании патриарха вместе с рязанским архиепископом Мисаилом, тоже оказавшимся в тот момент в патриарших палатах. «И мы со архиепископом кликали и трясли за ручки, — писал царь Никону, — чтоб промолвил — отнюдь не говорит, толко глядит. Алихаратка та знобит, и дрожит весь, зуб о зуб бьет». Даже в этот момент царь разбирается и расспрашивает патриаршего протодиакона, «для чево вести ко мне не поведали и ко властям», и передает его рассказ о том, как ему пришлось настоять на «поновлении» умирающего патриарха, выгнавшего своего духовника из кельи. Во время причастия патриарха Иосифа присутствовали несколько архиереев и игуменов монастырей, царь



Алексей Михайлович тоже стоял у его изголовья. А дальше случилось то, чего мало кто мог ожидать: в беспамятстве умирающий патриарх «повел очьми» и «стал жатца к стене». Царь понял это так, что патриарх перед смертью «видение видит». И рассказывал митрополиту Никону: «Не упомяну, где я читал: перед разлучением души от тела видит человек вся своя добрая и злая дела». По словам царя, «походило добре на то, как хто ково бьет, а ково бьют — так тот закрываетца». Это были уже последние часы жизни патриарха Иосифа; царь простился с ним, когда тот затих. «И я перед ним, проговоря прощения, да поцеловал в руку, да в землю поклонился».

Царь продолжал всем распоряжаться: уходя из патриарших палат, «казну келейную в чуланех и в полатех и домовую везде сам перепечатал после освящения масла», то есть принял меры к тому, чтобы патриаршая казна оставалась в целостности и сохранности. Царь должен был успеть к службе, начинавшейся в его домово́й церкви. Там ему вскоре и сообщили: «патриарха, де, государя не стало», о чем возвестили три удара большого кремлевского колокола. «И на нас, — пишет царь Никону, — такой страх и ужас нашел, едва петь стали, и то с слезами. А в соборе певчие и власти все со страху и ужаса ноги подломились, потому что хто преставился да к таким дням великим, ково мы, грешные, отбыли, яко овцы бес пастуха, не ведают, где детца. Так-та мы ныне, грешные, не ведаем, где главы приклоните, понеж прежнево отца и пастыря отстали, а нового не имеем». Царь просил молитв Никона и достаточно прозрачно говорил ему, что выбор преемника уже сделан, надо только, чтобы Никон вернулся в Москву: «Дожидаем тебя, великого святителя, к выбору. А сего мужа три человека ведают: я, да казанской митрополит, да отец мой духовной, тайне в пример. А сказывают, свят муж». То есть в тайну были посвящены всего трое человек, не считая самого царя, митрополит Казанский Корнилий, духовник Стефан Вонифатьев и сам митрополит Никон.

Но это был не конец царского рассказа. Как писал царь Алексей Михайлович, в начале прощания с телом патриарха Иосифа все было достойно: «лежит, как есть жив, и борода розчесана, лежит, как есть, у живова. А сам немерна хорош». Однако уже поздно ночью, несмотря на сделанные распоряжения, царь увидел в церкви рядом с телом умершего патриарха только одного человека, испуганно читавшего Псалтырь. Все остальные или быстро покинули службу, или попросту разбежались. Царь не мог не отметить пример людской неблагодарности: «Да такой грех, владыко святы́й, — ково жаловал, те ради ево смерти; лутчей новинской игумен, тот первой поехал от него домой... А над ним один священник

говорит Псалтырь, и тот говорит во всю голову, кричит, и двери все отворил». Рассказывал он и о своих переживаниях и даже испуге от вида разлагавшегося на глазах мертвого тела: «Да и мне прииде помышление такое от врага: побегу, де, ты вон, тот час, де, тебя, вскоча, удавит». Царь справился со своими страхами, но все описание погребения патриарха Иосифа было еще и оправданием мирского отношения к его смерти и деталям прощания: «Ведомо, владыко святой, тело персстно [тленно] есть, да мы, малодушнии, тот час станем осуждать да переговаривать. Для того и не открыли лица». Погребение прошло в общем плаче и рыдании, усугублявшемся тем, что была Страстная суббота; царь особенно укорял себя, что забыл распорядиться о «звоне»: «...а прежних патриархов з звоном погребали...»<sup>{177}</sup>

Итак, в самый разгар дела с перенесением мощей митрополита Филиппа, 15 апреля 1652 года, Русская церковь осталась без пастыря. Но «вдовела» она не долго, и вскоре стали готовиться к выборам нового патриарха. Кто им будет, стало ясно, когда 9 июля 1652 года в Москве встретили мощи митрополита Филиппа, привезенные новгородским митрополитом Никоном из Соловецкого монастыря, и состоялось их перенесение в Успенский собор в Кремле. На известной исторической картине художника Александра Литовченко «Царь Алексей Михайлович и Никон, архиепископ Новгородский, у гроба чудотворца Филиппа, митрополита Московского» (1886), хранящейся ныне в Государственной Третьяковской галерее, видно торжество опытного Никона, наблюдавшего, как молодой царь на коленях просил прощение у гроба святителя Филиппа, чья мученическая кончина стала следствием опалы Ивана Грозного. Иногда яркий художественный образ может повлиять даже на историков, которым все же надо опираться на факты и сохранившиеся документы. Так и в этом случае художник создал образ раскаяния царя Алексея Михайловича перед гробом митрополита Филиппа и одновременно торжества Никона. Однако сохранилось письмо царя Алексея Михайловича казанскому воеводе боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому от 3 сентября 1652 года с подробным описанием событий. Даже два месяца спустя царь по-прежнему ярко переживал обстоятельства встречи мощей митрополита Филиппа, пронесенных до Лобного места. Он рассказывал, как сам во всем принимал участие, как сразу начались чудеса, а повсюду «не мочно было ни яблоку пасть» (любимое сравнение). Мощи митрополита пребывали в соборе десять дней, и всё это время стоял колокольный звон, напоминавший царю о празднике Пасхи.

Царь был воодушевлен торжеством справедливости, и это был именно

его собственный триумф, а не мнимая «победа» будущего патриарха Никона.

Царь писал князю Одоевскому о «честном» возвращении «гонимого» святителя в Москву, отнюдь не противопоставляя светскую и церковную власть, о чем чаще всего вспоминают исследователи при описании перенесения мощей Филиппа. Алексей Михайлович обвинял в случившемся не Ивана Грозного, а его советников! «Где гонимый и где ложный совет, где обавники, где соблазнитель, где мздоослепленные очи, где хотящий власти восприяти гонимаго ради? Не все ли зле погибоша; не все ли изчезоша во веки; не все ли здесь месть восприяли от прадеда моего царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росии, и тамо месть вечную примут, аще не покаются?»<sup>{178}</sup> Как видим, царю Алексею Михайловичу ближе всего была идея наказания «обавников» — колдунов, заклинателей, своими наговорами и «шептанием» помрачавших ум и «соблазнявших» праведного царя, опалившегося на митрополита Филиппа. Все это далеко было от настоящей истории противостояния царя Ивана Грозного и митрополита Филиппа по поводу опричнины и совсем не связано с покушением церкви на права самодержавного царя.

В выборах на патриаршество Никона царь Алексей Михайлович проявил свою волю — несмотря на то, что сначала за основу чина избрания патриарха предлагалось взять прежний образец — выбор жребием (так патриарший престол достался патриарху Иосифу). Составляя черновой вариант чина избрания нового патриарха, сохранили даже прежнюю дату — 27 марта 1642 года — время вступления в чин патриарха Иосифа. Имя Никона было вписано на том месте, где раньше стояло имя его предшественника новгородского митрополита Афония. Но от прежней процедуры случайного выбора в итоге отказались, записав в чине патриаршего избрания вместо слов «по жребию поставление бысть» иначе: что «по избранию всего освященного собора поставление бывает»<sup>{179}</sup>. Далее, согласно новой редакции чина патриаршего избрания, царю было представлено 12 наиболее достойных кандидатов, из которых он выбрал одного — митрополита Никона. Как сказано в ставленной грамоте Никону, «житием праведна, и премудра, и свята, и боголюбива, и незлобива». Новый патриарх получил посох митрополита Петра и белый клобук из царских рук в воскресенье 25 июля 1652 года. Так еще раз подчеркивалась преемственность церковной власти от прежних московских митрополитов и вспоминался дар первого христианского царя Константина первоиерархам церкви, перешедший, согласно «Повести о белом клобуке»,

от римского папы Сильвестра в Константинополь, а позже — в Новгород и Москву — Третий Рим. Правда, Никон при выборах патриарха стал отказываться от высшего церковного сана, но его действия носили ритуальный характер<sup>{180}</sup>. Никон и много позже, 20 лет спустя, подчеркивал в письме царю Алексею Михайловичу, что он был «поставлен на патриаршество не своим изволом, но Божиим изволением и твоим, великаго государя, и всего освященнаго собора избранием»: «А я, ведая свою худость и недостаток ума, множицею тебе, великому государю, бил челом, что мене с такое великое дело не будет. И твой, великаго государя, глагол превозможе»<sup>{181}</sup>. Впрочем, символично, что надень 25 июля приходилась дорогая для нового патриарха память Макария Желтоводского и Унженского: ведь сам Никон когда-то пришел юношей и начал постигать монастырскую жизнь в Макарьевском монастыре на Волге<sup>{182}</sup>. Конечно, участникам церемонии патриаршего избрания не дано было знать последствия своего решения. Позже указание на «незлобивость» патриарха Никона при его избрании могло восприниматься только как горькая ирония...

### **«За царскую честь война вестъ»**

Великий поворот царя Алексея Михайловича к наступлению на «Литву» вызревал медленно, но верно. В союзе с патриархом Никоном дело должно было двинуться быстрее. В период первых военных побед гетмана Богдана Хмельницкого в 1648–1649 годах царь Алексей Михайлович не стал нарушать ради казаков мирный договор с Речью Посполитой. Но как только началась «реконкиста» и в 1650–1651 годах польская шляхта с переменным успехом снова стала теснить казачью старшину, отвоевывая право вернуться в свои владения, политика изменилась. В 1651 и 1653 годах царь созвал два земских собора о «литовском деле», где решилась судьба так называемого «воссоединения Украины с Россией». Из-за разных оценок этого процесса необходимо особенно внимательно посмотреть: зачем казаки и гетман Богдан Хмельницкий снова обратились в Москву, какие вопросы на самом деле рассматривали земские соборы?

В Посольском приказе имели достаточно ясное представление о намерениях гетмана Хмельницкого продолжать борьбу с «ляхами» вместе с татарами и по-прежнему не стремились в нее ввязываться. В январе 1651 года из Москвы отправили в Чигирин с жалованьем дьяка Лариона Лопухина. В выданном ему наказе подробно определялось, что говорить в

случае поворота разговора к упрекам в неоказании помощи «черкасам». В Войске Запорожском стало известно, что прежние обращения казаков в Москву «объявились у короля в Оршаве»<sup>{183}</sup>. Поэтому Ларион Лопухин должен был дезавуировать обвинения в «московской неправде» тем, что привез с собой подлинники этих обращений. Но главное, что ему нужно было любой ценой добиваться прежней лояльности казаков и напоминать, что даже «в смутное время», в 1648 году, в Москве отказались помогать польской стороне, а, напротив, поддержали «черкас», разрешили им торговать хлебом и солью. От имени царя Алексея Михайловича казаков уверяли, что в Московском государстве не стремятся помогать их «неприятелям», то есть королю. Лопухин прежде всего говорил о готовности известить «окрестные государства» о «неправдах» польского короля Яна Казимира, если он нарушит прежний договор, требовавший наказания виновных в умалении государственной чести. В случае обострения дипломатических отношений с Речью Посполитой казаков собирались обо всем известить, и тогда царь Алексей Михайлович прислал бы «для подлинного договору» не обычных дворян, а своих «думных людей», то есть бояр. Это был новый поворот в контактах с Запорожским Войском, уже допускавший войну с враждебной «Литвой». Однако решение вопроса о поддержке казаков ставилось в зависимость от действий Речи Посполитой в более важном для московской стороны вопросе — о защите царской чести. Вскоре новое направление политики было подтверждено еще и авторитетом Земского собора<sup>{184}</sup>.

28 февраля 1651 года в Столовой избе в присутствии царя Алексея Михайловича состоялся первый собор, на котором было рассмотрено «письмо» о «литовском деле»<sup>{185}</sup>. Выборным на соборе предлагалось рассмотреть и обсудить два главных вопроса: во-первых, «о неправдах» польского короля и панов-рад, нарушении ими «вечного докончанья» и, во-вторых, об обращении Богдана Хмельницкого. Впервые не только в Думе, но и во всем Московском государстве официально должны были узнать о «просылках» гетмана Войска Запорожского, «что они бьют челом под государеву высокую руку в подданство»<sup>{186}</sup>.

Зачем все-таки опять был поднят старый вопрос о нарушении Поляновского мирного договора, неисполнении данных послу Григорию Гавриловичу Пушкину в 1650 году обещаний наказать виновных в умалении государственной чести? Ведь не ради же одних интересов «черкас» и Хмельницкого созывались в Москву представители всех сословий?

Чрезвычайное обращение к собору понадобилось по другой причине.

Главное, что могло пугать царя Алексея Михайловича — действия польского короля Яна Казимира на «крымском» направлении. Как сказано в письме собору, царю Алексею Михайловичу «ведомо учинилось», что король Ян Казимир «ссылаетца с крымским царем почасту и всякими вымыслы умышляют, чтоб им сопча Московское государство воевать и разорить». Дело дошло до того, что «через Польшу и Литву» был пропущен «крымский посол» к шведской королеве Христине, как были уверены в Московском государстве, «для ссоры ж». Характеризуя невиданные ранее союзные действия между непримиримыми врагами, в Москве закономерно удивлялись: «а преж сего того николи не бывало». Поэтому и вспомнили снова о просьбе гетмана Богдана Хмельницкого о принятии его «под высокую руку». На соборе приводили даже сетования казаков Войска Запорожского, связанные с последствиями отказа царя Алексея Михайловича разрывать мир с Речью Посполитой. Казаки в открытую говорили, что они «поневоле учинятца в подданстве у турецкого салтана с крымским ханом вместе»<sup>[187]</sup>. Следовательно, именно угроза новых крымских набегов и отказ от прежнего, складывавшегося при королевиче Владиславе русско-польского союза против Турции заставляли прибегнуть к созыву собора.

Новые контакты с «черкасами», как можно видеть из наказа Лариону Лопухину и решения Земского собора 28 февраля 1651 года, были по-прежнему далеки от безоговорочного одобрения идеи подданства казаков царю. Главной целью оставалось противодействие опасному для Московского царства союзу Речи Посполитой или казаков с татарами и османами. Дипломаты стремились лучше узнать, «что ныне у поляков с черкасами делаетца», а также о контактах крымского хана с польским королем Яном Казимиром и гетманом Богданом Хмельницким. Гетман тоже был осторожен в переговорах с новым посланцем из Москвы и действовал необычно, выбрав для достижения своих целей беспроигрышный ход — обращение к первому советнику царя Алексея Михайловича «ближнему великому боярину» Борису Ивановичу Морозову. Тем более что намек о посылке «думных людей» впервые был сделан из Москвы, и гетман ухватился за это предложение. 11 марта 1651 года Хмельницкий отправил личное послание не к кому-нибудь, а сразу к боярину Морозову, подтверждая свое прежнее намерение служить царю Алексею Михайловичу: «Желаем того, чтоб он, яко православный христианский царь, на все земли государствовал»<sup>[188]</sup>. За этим могло стоять возвращение к программе перехода в подданство царю Алексею Михайловичу при



условии его воцарения в других «землях» (то есть в Речи Посполитой). В 1648–1649 годах такая идея оказалась преждевременной, и в Москве не оспаривали права Яна Казимира, но спустя несколько лет, после «государевых походов» 1654–1656 годов, мечта о короне Речи Посполитой для Алексея Михайловича или его наследников стала основой внешней политики Московского царства<sup>{189}</sup>.

В начале июля 1651 года произошла трагическая для Войска Запорожского битва под Берестечком. Брошенные войском крымского хана, казаки потерпели сокрушительное поражение от короля Яна Казимира, сам гетман стал заложником своего недавнего союзника крымского хана Ислам-Гирея. Вскоре, в сентябре 1651 года, Богдану Хмельницкому пришлось заключить Белоцерковский договор, отменивший многие прежние завоевания «черкас». Их «Реестр» сокращался вдвое — до 20 тысяч, казаки потеряли Киев, занятый войском польного гетмана литовского Януша Радзивилла. Польские шляхтичи возвращались в свои владения, прежние права получали униатская церковь и евреи, жившие до изгнания в Русской земле Речи Посполитой. Недовольство «капитуляцией» казаков Богдана Хмельницкого привело к их исходу из земель Войска Запорожского. Многие «черкасы» уходили жить в соседнее Московское государство, но отношение к ним все равно оставалось настороженное. Тем более что, попадая в чуждую среду, казаки не слишком стремились «вписываться» в нее и приспосабливаться к законам и порядкам другого государства<sup>{190}</sup>.

Контакты с гетманом Богданом Хмельницким продолжились, несмотря на очевидное поражение казаков после Белоцерковского договора. Приходилось принимать тайные предосторожности, чтобы избежать упреков в прямой поддержке Войску. В октябре 1651 года в Чигирин был отправлен Василий Васильевич Унковский с жалованной грамотой и соболями для раздачи гетману, полковникам и писарю. Грамоту следовало отдать прямо в руки гетману, а говорить с ним про «тайной царской наказ» только «наодине». Общий план действий, принятый на Земском соборе 1651 года, оставался прежним и был продиктован интересами московской политики. Царь Алексей Михайлович, как извещали гетмана, «ныне посылает» к королю Яну Казимиру «своих государевых великих и полномочных послов». В состав великого посольства планировали включить бояр князя Юрия Алексеевича Долгорукого, князя Федора Федоровича Волконского и кого-то из дьяков<sup>{191}</sup>. Им снова предстояло вести переговоры с королем и панами-радой о выполнении обещаний «казнить смертью» виновных в написании «з бесчестьем» царского титула.

Создавалось впечатление, что в Москве заранее были уверены, что посольство в Варшаву не сможет достигнуть этой цели: «И по тому договору с королевские стороны по ся места исправленья не бывало и вперед не чаять, потому что они николи в правде своей не стоят». Интересно, что гетману как будто возвращались его собственные слова, которые он пытался внушить царю Алексею Михайловичу, оправдывая продолжение своей войны с «ляхами». С другой стороны, гетман должен был понять, что для царя Алексея Михайловича договор о мире с Речью Посполитой оставался святым делом и нарушить его он не мог. «Да и ему, гетману, мочно то разсудить, — должен был сказать Василий Унковский, — пригожее ли то дело, что великому государю царскому величеству, помазаннику Божию, вечное dokonчанье без причины розорвать, и в неправде и Бог не поможет». Оставалось убеждать гетмана Богдана Хмельницкого, чтобы он помнил к себе «царского величества милость и жалованье», и удерживать его от враждебных действий по отношению к Московскому государству совместно с Крымской ордой: «И ты б, гетман, и все Войско Запорожское царскому величеству служили, и крымского царя от всякого дурна унимали, и на Московское государство войною не пущали». Конечно, возникал вопрос: что будет, если король Ян Казимир все-таки согласится на требования царя Алексея Михайловича и накажет виновных в умалении государственной чести? В наказе Василию Унковскому предусмотрели и такой поворот, но смогли только в самом общем виде пообещать способствовать дальнейшему примирению гетмана с королем, если казаки сами этого пожелают<sup>{192}</sup>.

В начале 1652 года московские посланники Афанасий Осипович Прончищев и дьяк Посольского приказа Алмаз Иванов отправились на сейм, чтобы узнать, продвигается ли дело о наказании виновных в оскорблении царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Их встретили встречными претензиями: «есть де с царского величества стороны зделано к нарушенью вечного dokonченья, и не одна статья». Царя Алексея Михайловича обвиняли в поддержке казаков Войска Запорожского: пересылке посольствами, хранении «неприятельских животов» (имущества) и даже в том, что «двор Хмельнитцкому зделан». Московские посланники в ответ говорили о миротворческих целях поездок гонцов к гетману «для успокоения христианского... чтоб они, запорожские черкасы, тое ссору и межусобье, сослався с ними, паны рады, усмирили и успокоили», и опровергали распространявшиеся слухи о строительстве «в царского величества стороне» (Москве?) двора для Богдана Хмельницкого.

Король Ян Казимир написал царю Алексею Михайловичу подробное



письмо 18 февраля 1652 года, где также говорил о нарушении «вечного dokonчання» и посылках к гетману Хмельницкому. Впрочем, польской стороне особенно нечего было предъявить царю: сказалась осторожность дипломатов Посольского приказа. Единственный упрек, высказанный в письме короля, касался частного случая оказания помощи казакам гетмана во время их похода к Рославлю через земли Московского царства, но его легко дезавуировали ссылкой на проведенный «розыск» по этому делу<sup>{193}</sup>. В письме же выражалась уверенность короля в победе над врагами — крымскими татарами и королевскими подданными — «бунтовниками».

22—23 мая (по старому стилю) 1652 года произошла известная битва под Батогом, ставшая одним из главных успехов объединенной крымской рати и гетмана Богдана Хмельницкого в борьбе с польскими войсками на территории Войска Запорожского. Не считаться с успехами казаков после этого было уже нельзя, и вскоре все опять изменилось, приближая настоящую дипломатическую «грозу» между Московским царством и Речью Посполитой. В Москве уже сформировалась, условно говоря, «партия войны». И в нее вошли два человека, оказывавшие самое сильное влияние на царя Алексея Михайловича. Кроме ближайшего царского боярина Бориса Ивановича Морозова, сторонником военного вмешательства в дела между королем и казаками стал и патриарх Никон, избранный в июле 1652 года. В отличие от своего предшественника патриарха Иосифа, он оказался готов откликнуться на призывы гетмана Богдана Хмельницкого об общей борьбе православных в Московском государстве и на Украине.

Обзор непростой истории контактов Богдана Хмельницкого и дипломатов Алексея Михайловича показывает, что чем меньше гетман нуждался в помощи Москвы, тем больше в Посольском приказе были готовы пойти ему навстречу, и наоборот. Важно было только не пропустить грань, за которой «черкасы» могли стать союзниками крымских татар и турецкого султана, угрожавших Московскому царству. А она, эта грань, была уже близка. Греческий митрополит Гавриил сообщал в письме царю Алексею Михайловичу 27 октября 1652 года, что Богдан Хмельницкий жаловался ему на то, что в Москве игнорируют его призывы: «Писал де я многожды, и они мне сказывают — ныне да завтра, а николи в совершение не приведут»<sup>{194}</sup>. И в этот момент от самого Хмельницкого пришло известие, что в Москву с «тайным разговором» собирается константинопольский патриарх Афанасий. Лучшего союзника для продвижения своих интересов в Москве у Войска Запорожского, конечно, и

быть не могло.

Очередной попыткой повлиять на царя Алексея Михайловича стала присылка в Москву генерального войскового судьи Самуила Богдановича Зарудного с товарищами в ноябре — декабре 1652 года. На этот раз в Москве показали всю серьезность своих намерений в долгосрочной поддержке казачьей войны. Посланников Войска Запорожского впервые принимали близко к посольскому чину на Казенном дворе. После того как «лист» гетмана Богдана Хмельницкого был получен, царь распорядился выслушать представителей Войска боярину оружничему и нижегородскому наместнику Григорию Гавриловичу Пушкину. Между прочим, он был последним «великим послом», ездившим за несколько лет до того в посольстве к королю Яну Казимиру, а титул «наместника» присваивался думцам для придания большего веса во время ведения дипломатических переговоров. Все это косвенно свидетельствует о свершившемся выборе в пользу более активного ведения дел с казаками. Посланники Войска Запорожского должны были прямо просить о принятии их «в подданство» и без царского одобрения не начинать других дел: «то де их делу начало и конец... чтоб царское величество для православные христианские веры над ними умилился, велел их принята под свою государеву высокую руку». Одновременно казаки отказывались от подданства польскому королю и поиска союзов «с ыными иноверцами», то есть крымским ханом<sup>[195]</sup>.

С конца 1652 года при подготовке нового «великого посольства» к королю Яну Казимиру уже должны были учитывать новые обращения гетмана Войска Запорожского о приеме в подданство. Шведский резидент Иоганн де Родес, постоянно сообщавший в донесениях королеве Христине о ходе дел в Москве, заметил, что московское посольство надолго задержалось с отправкой, ожидая решений сейма в Речи Посполитой. Де Родес объяснял это промедление общим нежеланием Алексея Михайловича вмешиваться в дела соседней страны, ведшей войну со своими подданными — казаками: «Кажется, что хотя эти народы, по большей части, и русской веры, но их не особенно хотят иметь близко»<sup>[196]</sup>. Но затем последовали необычные изменения, свидетельствовавшие о повороте в делах. Внимательный наблюдатель де Родес многое понял, основываясь только на казусах, имевших место в Москве. Царь, по своему обычаю, в конце января — начале февраля 1653 года уезжал из Москвы охотиться. А когда он возвратился с охоты, был обнародован малопонятный патриарший указ: «всем знатным господам» приказали «уничтожить их охотничьих собак».

После стало ясно, что развлечения закончились и пришло время войны. Но тогда распоряжение, идущее от патриарха Никона, выглядело вмешательством в частную жизнь царедворцев. Дошли до иноземного резидента и слухи о приезде патриарха на двор к боярину Никите Ивановичу Романову. Между ними состоялся примечательный разговор: боярина спрашивали, почему он не являлся к делам, говорили и о его вступлении в брак, что могло создать династическую проблему. Новое призвание боярина Никиты Романова для совета во дворец де Родес связал с подготовкой к чему-то «особенному», не без оснований считая, что от двоюродного дяди царя после событий 1648 года в Москве зависел «весь простой народ».

И действительно, царь Алексей Михайлович для себя уже всё решил и сделал выбор именно в Великий пост 1653 года. В архиве Тайного приказа сохранилась малопримечательная тетрадка «в восьмушку», где, как сказано авторами архивного описания, государь записывал «мысли о войне». Именно на нее ссылался Сергей Михайлович Соловьев, когда писал в своей «Истории» о событиях начала 1653 года: «В это время принятие в подданство Малороссии и война польская были уже решены в Москве: первая дума об этом у государя была 22 февраля 1653 г., в понедельник первой недели Великого поста, а «совершился государская мысль в сем деле» в понедельник третьей недели Великого поста, марта 14»<sup>[197]</sup>.

До сих пор этот источник труда Соловьева считался потерянным и почти не привлекал внимания<sup>[198]</sup>, хотя именно там написано о самом важном выборе за время царствования Алексея Михайловича. Если внимательно разбираться в черновых записях с зачеркиваниями и заменой слов, то можно увидеть, что действительно имеется точная дата — 161-й (1653) год. Алексей Михайлович писал «о ратном деле»: «как оберегать истинную и православную христианскую и непорочную (последнее слово вписано позже над строкой. — В. К.) веру и святую соборную и апостольскую церковь и всех православных христиан и недругу бы быть страшну». Для этого он решил «объявить» (Алексей Михайлович поменял смысл записи, усилив свою решительность, когда вместо «изволил видеть» написал — «объявить») о готовности своих людей быть «во ополчении ратном храбрствено и мужествено».

Царю было важно зафиксировать время принятия решения, когда он начал «сие благое дело мыслити». Он отступил от первоначального общего указания на март 161-го года, добавив, что начал думать о таком решении в понедельник на первой неделе Великого поста 22 февраля. Совпадение с

«плачем» по своей душе во время одной из самых строгих служб Великого поста, когда читается покаянный канон Андрея Критского, конечно, для царя было очень символично, как и указание на точный день принятия решения: окончательно «совершился его государская мысль в сем деле» в понедельник третьей недели поста, приходившийся на 14 марта — день празднования Федоровской иконы Богоматери<sup>{199}</sup>. А это значит, что прошло ровно 40 лет, день в день, от призвания на царство Михаила Романова, с чего началось особое почитание Федоровской иконы в царской семье. И именно с ее покровительством связана идея войны за церковь и «всех православных», объявленной царем Алексеем Михайловичем.

Конечно, мы никогда не сможем узнать, о чем шла речь на царском столе в честь «государева ангела» 17 марта 1653 года, куда был приглашен патриарх Никон. Царь принимал еще боярина Бориса Ивановича Морозова и глав двух «великих посольств» в Речь Посполитую — бояр князя Бориса Александровича Репнина и оружничего Григория Гавриловича Пушкина. Но сопоставляя известную нам теперь дату внутреннего «рубикона», определившего настрой царя Алексея Михайловича на войну за веру, можно думать, что тогда же было выбрано и практическое направление действий. Новым свидетельством назревавших перемен стало сделанное уже 19 марта распоряжение о вызове на службу ратных людей. Оно было необычным и содержало дату общего государева смотра служилых людей — 20 мая. «А на тот срок, — говорилось в записи разрядной книги, — изволит их государь смотреть на Москве на конех»<sup>{200}</sup>. Почти никто еще не знал точно о целях задуманного смотра, но так бывало только перед вступлением Московского государства в войну.

Следовательно, когда 23 марта 1653 года из Чигирина в Москву отправлялись посланники Войска Запорожского Кондрат Бурляй и Силуян Мужилковский с личными посланиями гетмана Богдана Хмельницкого боярам Борису Ивановичу Морозову, Илье Даниловичу Милославскому и Григорию Гавриловичу Пушкину, решение о войне уже было принято. Известно об этом было и патриарху Никону, принимавшему «у благословенья» посланников Войска 23 апреля<sup>{201}</sup>. Слова приехавшего в Москву 16 апреля 1653 года константинопольского патриарха Афанасия II Пателара о том, что он знает, кто будет освящать вырванный из рук агарян храм Святой Софии в Константинополе, тоже пали на более чем подготовленную почву. Афанасий II дважды избирался на константинопольский трон, последний раз в 1652 году, но всего на несколько дней, после чего был сведен с престола. В Москву он

официально приехал для «милостыни» и остался здесь до конца 1653 года, пока не было принято историческое решение о «воссоединении». Патриарха принимали одновременно с посланцами гетмана Богдана Хмельницкого 22 апреля 1653 года. Представителей «черкас» снова стали называть «посланниками» и встречали по дипломатическому протоколу<sup>{202}</sup>. На следующий день, 23 апреля (память Георгия Победоносца), они удостоились приема у патриарха Никона, тоже обещавшего свою поддержку казакам. Патриарх Никон постарался наполнить прием важными церемониальными деталями. Ко двору патриарха посланники Войска ехали на «государевых лошадях», их встречала стрелецкая охрана «в цветном платье», а объявлял патриарший дьяк.

24 апреля 1653 года из Москвы, наконец, отправилось давно ожидавшееся «великое посольство» князя Бориса Александровича Репнина, Богдана Матвеевича Хитрово и дьяка Алмаза Иванова к польскому королю Яну Казимиру. У них были полномочия продолжать переговоры о наказании виновных в оскорблении царской чести. Посольство в Речь Посполитую претендовало также на посредническую миссию и должно было договориться о мире или, по крайней мере, «где съезду быть о миру» между королем Яном Казимиром и «черкасами». Выглядело это с точки зрения соседней страны странно, как вмешательство в ее дела. Шведскому резиденту де Родесу даже казалось, что посольство отправлялось «для проформы»<sup>{203}</sup>. Конечно, царь Алексей Михайлович находился в сложном положении: сделав выбор в пользу войны, он продолжал соблюдать определенные дипломатические правила и, как считается, до последнего надеялся на благоприятный исход переговоров с королем Яном Казимиром во Львове — центре Русского воеводства<sup>{204}</sup>.

Существовало и еще одно важное условие, без выполнения которого Алексей Михайлович не мог бы начать войну. Он должен был достигнуть согласия в «государевых» и «земских» делах с помощью собора. Уже вызов служилых людей на смотр 20 мая мог быть связан с идеей созыва Земского собора, так как в дальнейшем не представляло труда выбрать представителей на собор из членов Государева двора и служилых «городов», собравшихся в Москве. Но, по принятому порядку, следовало еще повсеместно объявить о выборе на сбор «добрых» людей для «совета», а грамоты об этом ушли поздно, только после отправки «великого посольства» из Москвы в Речь Посполитую<sup>{205}</sup>. 25 мая 1653 года на Земском соборе с участием выборных дворян и посадских людей из

городов был впервые рассмотрен вопрос: «принимать ли черкас». Как извещали московских послов боярина князя Бориса Александровича Репнина с товарищами, «и о том все единодушно говорили, чтоб черкас принять» (при этом ссылались даже, как когда-то при выборах царя Михаила Романова, на расспросы «площадных людей»). Однако окончательное решение все равно было отложено до тех пор, «как вы с посольства приедете»<sup>{206}</sup>.

Политика по отношению к приему в подданство Войска Запорожского оставалась неопределенной в течение всего лета 1653 года. Практически одновременно в Москве проводили общий смотр войска, принимали на Земском соборе решение о приеме «черкас», вели тайные переговоры с Богданом Хмельницким и ждали результатов «великого посольства» к королю Яну Казимиру. Боярин Илья Дмитриевич Милославский, отпуская 13–14 мая 1653 года из Москвы посланников Кондрата Бурляя и Силуяна Мужилковского, называл гетмана подданным короля Яна Казимира. А патриарх Никон, отсылая свое письмо гетману, напротив, был категоричен в поддержке казаков и употреблял то обращение к адресату, к которому он уже привык (без всякого упоминания о подданстве). Вместе с посланцами Богдана Хмельницкого из Москвы уезжали голова московских стрельцов Артамон Сергеевич Матвеев и подьячий Иван Фомин. Они везли письмо Никона, подтверждавшее отсылку к гетману доверенного человека царя Алексея Михайловича и наказ о «тайных переговорах». Когда писарь Иван Выговский в предварительном разговоре пытался выведать их отношение к якобы полученным известиям о вступлении царя Алексея Михайловича в войну за Смоленск, Артамон Матвеев прямо отвечал — «несбыточное то дело» воевать Смоленск. Тайные переговоры с гетманом были блестяще проведены Артамоном Матвеевым: судя по его отчету, гетман обещал согласие на прием «в вечное холопство» московским царям и был готов дожидаться результатов «великого посольства» к королю Яну Казимиру. Попутно московские посланники вели разведку и установили, что в подчинении у гетмана Богдана Хмельницкого находилось 17 полков, в которых насчитывалось примерно 100 тысяч казаков<sup>{207}</sup>.

Шведский резидент де Родес оставил уникальное свидетельство о том, что Артамон Матвеев был пасынком главы Посольского приказа дьяка Алмаза Иванова. Это самое очевидное объяснение начала дипломатической карьеры Артамона Матвеева, хотя успех его миссии, несомненно, основывался еще и на службе, замеченной царем Алексеем Михайловичем<sup>{208}</sup>. В Москве во время успешного дебюта Матвеева на



дипломатическом поприще чрезвычайно усилилась позиция сторонников безоговорочного принятия казаков в вечное подданство и начала войны с Речью Посполитой. Общий смотр войска, проведенный царем с 13 по 28 июня на Девичьем поле в Москве, убедительно свидетельствовал о готовности к войне. Продолжавшие приезжать на Земский собор выборные, знакомясь с соборным приговором, поддерживали его на новых заседаниях собора, одно из которых, видимо, можно датировать 20 июня<sup>[209]</sup>. Так появилась на свет грамота царя Алексея Михайловича 22 июня 1653 года, впервые прямо и определенно подтверждавшая его намерение принять в подданство Войско Запорожское: «...изволили вас принять под нашу царского величества высокую руку, яко да не будете врагом креста Христова в притчу и в поношение (выделено мной. — В. К.). А ратные люди по нашему царского величества указу збираютца и ко ополчению строятца». Появление этой грамоты не может рассматриваться как кульминация «освободительного процесса», она была выдана в связи с отсылкой посольства стольника Федора Абросимовича Лодыженского под воздействием какого-то порыва ввиду распространившихся слухов о возможной присяге гетмана Богдана Хмельницкого в подданство турецкому султану. «А будет де совершенье нашии государские милости не будет, и вы де слуги и холопи турецкому»<sup>[210]</sup>.

Гетман Богдан Хмельницкий праздновал победу. Он хорошо знал, кого надо благодарить за это, и послал патриарху Никону две грамоты 9 и 12 августа 1653 года. Войсковой писарь и глава казачьей «дипломатии» Иван Выговский подробно информировал в тайном послании главу Посольского приказа думного дьяка Лариона Лопухина (а через него просил «обвестить» царя Алексея Михайловича) о задержке послов турецкого султана и о желании гетмана служить только московскому царю, а также об отказе от союза с крымскими татарами: «Татарам уже не верим, потому что только утробу свою насытити ищут и мехи пенезми (деньгами. — В. К.) наполните, а православных пленяти убивают». Но главное, что уже и после грамоты 22 июня он подтверждал стремление дожидаться результатов «великого посольства», несмотря на возобновление войны: «Ляхи теперь наступают, но миру с ними не будет до вести от царского величества»<sup>[211]</sup>.

Переговоры послов князя Бориса Александровича Репнина с панамирадой начались в Варшаве 24–27 июля и продолжились во Львове, где находился король Ян Казимир, в августе 1653 года<sup>[212]</sup>. Великое посольство обсуждало два тесно связанных друг с другом вопроса: «о титлах» — об искажении и умалении царского титула и о «черкасском деле». Послы



также приняли на себя посредническую миссию в войне Речи Посполитой с гетманом Богданом Хмельницким. По данному им наказу, они отстаивали права теснимой униатами Православной церкви и пытались убедить польскую сторону помириться с казаками на условиях Зборовского договора 1649 года. Однако на все предложенные к обсуждению темы был получен надменный отказ. Требование наказать виновных в оскорблении царской чести польская сторона по-прежнему считала лишь предлогом к нарушению мира, и паны-рада, «смеяся», называли это «малым делом». И напрасно — смех над аргументами противоположной стороны — не лучшее оружие дипломатов. В черновике посольского наказа даже стояла фраза (вычеркнутая впоследствии): «А не соверша того болшого дела, о иных с паны рады не говорити»<sup>{213}</sup>. Впрочем, иногда паны-рада на переговорах, напротив, говорили «гораздо сердито». Это касалось упоминаний о Зборовском договоре, которого, как считали в Речи Посполитой, уже «и на свете нет». Как записали послы в своем «статейном списке», «а Зборовского де договору они и и слышать не хотят, тот, де, договор за неправдами Хмельницкого снесен саблею»<sup>{214}</sup>. Ничего не изменилось и при переносе переговоров во Львов, кроме ужесточения позиции короля Яна Казимира, отрицавшего какое-либо значение прежних договоров с черкасами, которые они «стратили» (потеряли) в битвах с королевским войском: «под Берестечком ласку Зборовскую, а под Батогом — ласку Белоцерковскую»<sup>{215}</sup>.

Великое московское посольство пыталось донести до польской стороны еще и сведения об опасности, шедшей от возможного союза гетмана Богдана Хмельницкого с турецким султаном. Но в Польше уже получили известия из Константинополя о посылке гетманом своего «Меркурия» (посланника) в Турцию и рассмотрении предложений казаков на «диване» — в совете у турецкого султана. Польская сторона не имела никакой веры этому «ребелизанту» (повстанцу), считая, что он начал бунт «для своей корысти» и уже изменил христианству, приняв «бусурманскую веру», то есть перешел в магометанство: «и хочет быти со всею Україною, где живет Войско Запорожское, под Турсково державою»<sup>{216}</sup>. «Средництво» послов оказалось излишним, а в чем-то, как в попытке требовать от короля выполнять условие возвращения православных церквей от униатов, встретило прямой отпор и обвинения в покушении на устои Речи Посполитой. Закончилось московское посольство совсем не дипломатическим демаршем, когда послы, уже сядясь в карету, продолжали спорить, адресуя свои аргументы собравшейся толпе. Так программа

обсуждения главных вопросов между Московским царством и Речью Посполитой перешла из дипломатической повестки на усмотрение царя и Земского собора. Это был последний шанс избежать большой войны, но шанс этот не был использован<sup>{217}</sup>. Царь Алексей Михайлович потом не раз еще будет вспоминать обиду, нанесенную его посольству, получившему «отповедь с смехом и с щелканьем сабельным»<sup>{218}</sup>. В одной из записок дипломата Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина тоже говорилось об итогах этого посольства, отосланного из Москвы «для умирения, хотя любовь показать», и уговоров не чинить «насилия» в вере: «И послом московским с жесточью отказали: «мы, де, своими вольны владеть как хотим»<sup>{219}</sup>.

Окончательное решение о принятии в подданство Войска Запорожского было провозглашено Земским собором 1 октября 1653 года, на праздник Покрова. Снова, как и на предшествующем соборе 1651 года, оба вопроса: о царской чести и о принятии «черкас» в подданство оказались увязаны между собой. Даже аргументы повторялись практически дословно, но с важным дополнением о неудаче посольства князя Бориса Александровича Репнина и об отказе польского короля Яна Казимира от обязательств защищать права православных. На соборе также говорилось о безвыходном положении «черкас», которых звал на свою сторону турецкий султан. В итоге Земский собор 1653 года принял действительно историческое решение: «за честь» царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича «стояти и против польского короля война весть»<sup>{220}</sup>. В записи дворцовых разрядов о соборном заседании 1 октября 1653 года подчеркивалось другое — ведение войны «за истинную веру», чем и было вызвано давно ожидаемое принятие гетмана Богдана Хмельницкого и Войска Запорожского «под высокую руку» московского царя<sup>{221}</sup>.

На соборе было решено отправить к Войску обещанных ранее «думных» людей — боярина Василия Васильевича Бутурлина, стольника Ивана Васильевича Алферьева (через несколько дней его пожалуют чином окольничего) и думного дьяка Лариона Дмитриевича Лопухина. Охранять посольство должны были стрельцы под командой Артамона Сергеевича Матвеева, тоже участника прежних «отсылок» к гетману. Тогда же в Грановитой палате им было «сказано» об указе царя Алексея Михайловича «ехать принимать гетмана Богдана Хмельницкого, и полковников, и писаря и все Войско Запорожское, и привести к вере». Присяга распространялась также на «мещан и всяких жилецких людей» из Киева и других городов, которыми владели «Богдан Хмельницкой и все Войско Запорожское». 5

октября были сделаны и первые военные назначения: в Новгород Великий для сбора ратных людей послали боярина Василия Петровича Шереметева, окольного Семена Лукьяновича Стрешнева и думного дворянина Ждана Васильевича Кондырева<sup>{222}</sup>.

23 октября в Москве было торжественно объявлено о решении царя Алексея Михайловича «идти на недруга» короля Яна Казимира. Дипломатические разговоры о «братской любви» между двумя монархами закончились. Царь пожелал «закрепить рукою» (собственноручно подписать) указ о военном походе и запрете на это время местнических споров<sup>{223}</sup>. Как писал шведский резидент де Родес, решение объявить войну далось царю Алексею Михайловичу непросто. Он встретился с сопротивлением «некоторых знатных господ» — своих советников, предупреждавших царя, «что легко зажечь пожар, но нельзя так же скоро его потушить». Но у идеи «религиозной войны» был очень серьезный сторонник. Де Родес нашел образное сравнение для характеристики союза царя Алексея Михайловича и патриарха Никона: царь «держит патриарху древко, а он сам навязывает на него знамя»<sup>{224}</sup>.

Внимательный представитель иноземного двора, видимо, даже не подозревал, насколько был близок к истине. Сохранилось описание знамен Государева полка, правленное рукой царя Алексея Михайловича. Их, конечно, надо было приготовить заранее<sup>{225}</sup>. «Перед государем» в походе должны были нести «знамя тафты розные на стороне Воскресение Христово на другой стороне против того Успения Богородицы». «В кругах» были помещены «по Спасову образу благословению рукою поясные или стоящие» и образы смоленских святых Меркурия и Авраамия. Символика знамени будущего Смоленского похода была еще усилена; дописано, что «на другой стороне» надо было добавить «в верхнем кругу Борис, а внизу Глеб мученики». Появление первых русских святых было, конечно, не случайным. В центре знамени располагались крест и архангелы Гавриил и Михаил. На одной стороне царского знамени был «ангел Господен с крестом», а на другом — «с саблею». Были еще и другие знамена «с Спасовым образом»; на одном из них на лицевой стороне изображался «царь Костянтин на лошади с войском», а на оборотной — «великий князь Владимир на лошади с войском же, как побил и крестил царствы»<sup>{226}</sup>. Словом, цель «крестового похода» в защиту вселенского Православия — и одновременно возвращения к династическим истокам Рюриковичей была выражена в символике царских знамен достаточно убедительно.

Формальная «нота» об объявлении войны была приурочена к значимой

для царя Алексея Михайловича и патриарха Никона памяти митрополита Филиппа, приходившейся на 30 декабря. Обсудив в этот день ответ находившемуся в Москве «литовскому» посланнику, отослали грамоту королю Яну Казимиру о разрыве отношений и начале войны<sup>{227}</sup>. Посланника — королевского секретаря ошмянского подстолия Андрея Казимира Млоцкого — заставили еще пройти через унижение, сделав его свидетелем страшной казни четвертованием самозванца Тимошки Анкудинова. Представителю короля торжествующе указывали, что раньше не могли добиться выдачи скрывавшегося в Польше Анкудинова, но теперь угрозу самозванства уже не удастся использовать<sup>{228}</sup>. После неудачи всех «великих» посольств царь Алексей Михайлович получил право включить в грамоту, отправленную королю 30 декабря 1653 года, многозначительную фразу, осуждавшую «неправедные дела» королевской стороны и открывавшую целую историческую полосу тринадцатилетней войны с Речью Посполитой: «Бог свыше зрит и мститель будет»<sup>{229}</sup>.

8 января 1654 года состоялась знаменитая Переяславская рада, начавшая отсчет новой истории Войска Запорожского, выбравшего присягу в подданство царю Алексею Михайловичу. В современной украинской историографии Переяславская рада 1654 года стала трактоваться в основном как ошибка Богдана Хмельницкого и даже как трагедия, лишившая Украину «европейского» выбора<sup>{230}</sup>. Ее значение в контексте взаимоотношений России и Гетманства в 1650-х годах в российской историографии исследовал Борис Николаевич Флоря. Он показал, что взгляды историков разнятся в зависимости от того, как именно они трактуют Переяславскую раду: «произошла инкорпорация Гетманства» или был заключен «обычный военно-политический союз». Проведенный им анализ позволил сделать вывод, что «вмешательство России в тянувшуюся уже ряд лет войну между Речью Посполитой и Гетманством» было обусловлено собственными планами «русского руководства», расходившимися «с планами казацкой верхушки, стоявшей во главе Гетманства»<sup>{231}</sup>. Заметим, что в статьях опубликованного в 2004 году сборника «Белоруссия и Украина», целый раздел которого был посвящен юбилейной дате — 350-летию Переяславской рады, термин «воссоединение» не использовался. Более того, в опубликованной там же статье американского профессора Пола Бушковича можно встретить такое замечание: концепции «воссоединения» русского народа» или противоположные им — «экспансия», «централизация» — «не находят и не могут найти подтверждения в источниках, так как это идеи более поздних

поколений». До сих пор справедлива и исходная посылка, высказанная профессором Бушковичем: «Важно понять, что мы не знаем, почему Россия присоединила Украину в 1653–1654 годах»<sup>{232}</sup>.

Суть расхождений в трактовках состоит в том, признается или нет подчиненный характер действий гетмана Богдана Хмельницкого после перехода под «высокую руку» царя Алексея Михайловича. На словах, в интересах войны с Речью Посполитой, такое подчинение в Войске признавалось, а на деле продолжалась особая, выгодная гетману и казачьей старшине политика выстраивания самостоятельного союза со всеми врагами польского короля на востоке и западе. Однако в итоге выбор у казаков оказался невелик: соглашаться с поддержкой православного царя Алексея Михайловича или возвращаться в подданство Речи Посполитой. Понимание этого обусловило поддержку московского управления в землях Войска Запорожского, потому что только оно обеспечивало максимум автономии и сохранения прав казаков, а также интересы местного населения, включая духовенство, жителей городов и крестьян. В Польше же после ряда кровопролитных сражений с казаками желали только реванша и реставрации прав имущества шляхты в потерянных воеводствах.

Отписку посла боярина Василия Васильевича Бутурлина, содержащую подробный отчет царю Алексею Михайловичу о Переяславской раде 8 января 1654 года, лучше привести целиком, так как в ней важна каждая деталь. Впервые она была опубликована еще в третьем томе знаменитого «Собрания государственных грамот и договоров» в 1822 году. Этот же вариант описания Переяславской рады вошел в «Полное собрание законов Российской империи»<sup>{233}</sup>. В дальнейшем известие о Переяславской раде стало публиковаться по материалам «статейного списка» посольства Бутурлина<sup>{234}</sup>, где оно подверглось небольшой, но важной стилистической правке<sup>{235}</sup>. Важно учесть, что посольское описание Переяславской рады не является свидетельством очевидцев: оно полностью основывалось на известии, записанном со слов войскового писаря Ивана Выговского. Самых послов на раду никто не приглашал, хотя накануне к ним приехали гетман Богдан Хмельницкий, войсковой писарь Иван Выговский и переяславский полковник Павел Тетеря. Они известили московского посла о готовящейся присяге, будучи заранее уверенными в общем решении. Гетман и писарь торжественно сравнивали киевского князя Владимира с «сродником их» царем Алексеем Михайловичем, подчеркивая, что, «якоже древле», царь Алексей Михайлович «призрил на свою государеву отчину Киев и на всю Малую Русь милостью своею».

Московского царя сравнивали и с «орлом», что не могло не льстить послам как дополнительная отсылка к государственной символике: «яко орел покрывает гнездо свое, тако и он государь изволил нас принять под свою царского величества высокую руку; а Киев и вся Малая Русь вечное их государского величества»<sup>{236}</sup>.

Описание «чина» Переяславской рады, основанное на рассказе Выговского, показывало, что главное решение принимала «явная рада», или открытый совет, состоявшийся «перед гетманским двором». Но в первой посольской отписке, в отличие от составленного позже «статейного списка», верно подчеркнуто значение как власти гетмана, так и общего собрания людей — «майдана». Позже в «статейном списке» боярина Бутурлина непонятное в Москве слово «майдан» было заменено на более привычное — «круг», характеризовавшее казачье самоуправление. А ведь Переяславскую раду можно с полным основанием называть еще и Переяславским майданом! В этом случае даже точнее передается участие в принятии решения не только гетмана, старшины и казаков, но и всех других людей — мещан, крестьян и церковного клира, также собравшихся у двора Богдана Хмельницкого. Не случайно переяславские жители станут участниками присяги 8 января<sup>{237}</sup> и посольства к царю Алексею Михайловичу, после чего вместе с казаками получают подтверждение своих городских «привилеев».

На Переяславской раде подводили итог шестилетнему периоду войн, начавшихся в 1648 году. За эти годы много чего происходило, в том числе и с обращениями казаков к царю Алексею Михайловичу о принятии их под царскую «высокую руку»<sup>{238}</sup>. Но в этот день, по смыслу речи Богдана Хмельницкого, надо было сделать единственный выбор и забыть о прежних обидах и промедлении царя в ответах на призывы казаков. Главная, общая цель — защита Православной церкви; гетман Богдан Хмельницкий говорил о борьбе с врагами, «хотящими искоренити церковь Божию, дабы и имя русское не помянулось в земли нашей». Казакам дано было право выбрать себе государя из четырех правителей, как некогда, судя по рассказу «Повести временных лет», при киевском князе Владимире Святом выбирали одну веру из четырех — мусульманства, католичества, иудейства и православия. Гетман и Запорожское Войско выбирали на Переяславской раде между царем «турским», крымским ханом, польским королем и «православным Великия Росии царем восточным». Хотя после всех войн с Речью Посполитой выбор сузился до того, служить ли казакам дальше мусульманским правителям или православным. Так на Переяславской раде



и решили, что лучше быть «под крепкою рукою» православного царя, «нежели ненавистнику Христову поганину достатись». А гетман «рек велим гласом» (эта живая деталь приводится в отписке, потом ее заменили на нейтральное — «молил»): «буди тако».

Об этом решении посол боярин Василий Васильевич Бутурлин немедленно известил царя Алексея Михайловича в отписке, отправленной в день присяги царю в Переяславле:

*«Генваря в 8 день на явной раде в Переяславле на улице перед гетманским двором таков чин был.*

*По тайной раде, которую гетман имел с полковники своими с утра того ж дни во второй час дни бито в барабан с час времени на собрание всего народа слышати совет о деле, хотящем совершится.*

*И как собралось великое множество всяких чинов людей, учинили майдан пространный про гетмана и про полковников, а потом и сам гетман вышел под бунчуком, а с ним судьи, ясаулы, писарь и все полковники. И стал гетман посреди майдана, а ясаул войсковой велел всем молчать. Потом, как все умолкли, начал речь гетман ко всему народу тыми словы.*

*— Панове полковники, ясаулы, сотники и всё Войско Запорожское и еси православные христиане. Ведомо то вам всем как нас Бог свободил из рук врагов, гонящих церковь Божию и озлобляющих всё христианство нашего православия восточного, что уже шесть лет живем без пана в нашей земле в безпрестанных бранех и в кровопролитии з гонители и враги нашими, хотящими искоренити церковь Божию, дабы и имя руское не помянулось в земли нашей, что уж вельми нам всем докучило и видим, что нельзя нам жити боле без царя. Для того ныне собрали есмя раду явную всему народу, чтоб есте себе с нами обрали пана из четырех, которого вы хотите, первый царь есть турецкий, который многижды через панов [послов] своих призывал нас под свою область, второй хан крымской, третий король польский, которой, будет сами похочем, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может. Четвертый есть православный Великия Росии царь восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными молении нашими себе за царя и пана просим, тут которого хотите избирайте.*

*Царь турецкой есть бусурман, всем вам ведомо как братия наша, православные христиане, греки беду терпят и в каком суть от безбожных утеснении. Крымской хан тож бусурман, которого мы по нужди и в дружбу принявши, каковыя нестерпимыя беды приняли есмя, какое пленение, какое нещадное пролитие крови христианской. От польских от панов утеснения никому вам сказывать не надобеть, сами вы ведаете, что*



*лучше жиды и псы, нежели христианина, брата нашего, почитали. А православный, христианский, великий царь восточный есть с нами единого благочестия греческого закона, единого исповедания, едино есми тело церкви с православием Великия Росии, главу имущу Иисуса Христа. Той то великий царь христианский зжалившись над нестерпимым озлоблением православный церкви в нашей Малой Росии шестилетних нашей моленей беспрестанных не презревши, топерь милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царскою милостию своею прислати изволил, которого естли со усердием возлюбим, кроме его царские высокие руки благодетнейшаго пристанища не обрящем. А будет кто с нами посоветует [не согласует] теперь, куды хочет вольная дорога.*

*К сим словам весь народ возопил — волим под царя восточного, православного, крепкою рукою в нашей благочестивой вере умирати, нежели ненавистнику Христову поганину достатись.*

*Потом полковник переяславский Тетеря ходячи кругом в майдане на все стороны спрашивал голосно, еси ли тако соизволяете, рекли весь народ еси единодушно. Потом гетман рек велиим гласом — буди тако. Да Господь Бог наш сукрепит под его царскою, крепкою рукою. А народ по нем еси единогласно возопили — Боже утверди, Боже укрепи, чтоб есми вовеки еси едино были.*

Помета: Государю чтено<sup>[\[239\]](#)</sup>.

Следом за Переяславской радой пришло время совершить посольство боярина Василия Васильевича Бутурлина, для чего на «съезжий двор» к послам царя Алексея Михайловича явились гетман Богдан Хмельницкий, писарь Иван Выговский и казачья старшина. Посол вручил гетману привезенную царскую грамоту, после чего все пошли в соборную церковь, где должна была состояться присяга. Тогда и возникла главная трудность. Казаки захотели, чтобы московский посол тоже присягнул им от имени царя Алексея Михайловича. Но боярин Василий Бутурлин стоял на страже интересов царя, указав, что в Московском царстве царь не присягает своим подданным, а «государское слово переменено не бывает». Спас дело предложенный компромисс: прислать в Москву посланников для подтверждения привилегий Войска Запорожского. Позднее в Москве очень хвалили это решение боярина Бутурлина и полностью одобрили его предложение. В итоге архимандрит казанского Спасо-Преображенского монастыря Прохор принял присягу гетмана и казачьей старшины на чиновной книге, «что быти им с землями и с городами под государевою высокою рукою на веки неотступным». По словам авторов «статейного списка», гетман Богдан Хмельницкий и другие присягавшие «обещание к

вере» говорили «со слезами».

По возвращении к послам на «съезжий двор» боярин Василий Васильевич Бутурлин выдал гетману Богдану Хмельницкому заранее приготовленные гетманские регалии — булаву и знамя. Первоначально посланное с послами знамя по каким-то причинам отослали, заменив на другое знамя — с образами Спаса и Покрова Богородицы. Возможно, их символику хотели соотнести со знаменами, готовившимися для царского похода на Литву. Поэтому на гетманском знамени появились изображения киевских святых — Антония и Феодосия Печерских, а также почитавшейся в «Русской земле» святой великомученицы Варвары, чьи мощи с древности хранились в Киеве<sup>[240]</sup>. Послы раздали также другие царские подарки — соборей, ферязи (кафтаны) и шапки. Гетманскую булаву, как известно, Богдан Хмельницкий уже получал однажды после Зборовского договора — от короля Яна Казимира, и даже слезы тогда тоже проливал...

Как покажут ближайшие события, «исторический выбор» Переяславской рады в бывших землях Речи Посполитой приняли отнюдь не все подданные короля Яна Казимира. Гетмана обвиняли в том, что он продал душу за «котов»<sup>[241]</sup>, намекая на щедрую раздачу соборей казачьей старшине от имени московского правительства, но дороги назад уже не было. Важно учитывать, что Переяславская рада только начала, но не завершила процесс «воссоединения», трудно представимый без определения статуса гетмана и старшины «под рукой» московского царя. Неясно было и как станет дальше управляться Войско Запорожское, как будут распределяться полномочия между московскими воеводами, гетманом и казачьим «рыцарством», как дальше вести войну, в неизбежности которой никто не сомневался.

Вскоре в Москву с сеунчом — радостной вестью о состоявшейся Переяславской раде — прибыл Артамон Матвеев. От него первого царь Алексей Михайлович узнал о свершившейся присяге и обретении новых подданных — гетмана и всего Войска Запорожского, которые «ему государю веру учинили на том, что им быть под его государскою самодержавною рукою, и с землями и городами, на веки неотступным»<sup>[242]</sup>. Эта служба Артамона Матвеева уже никогда не забывалась царем Алексеем Михайловичем. На радостях он почтил вестника, как никого другого из своих подданных, пожаловав кафтаном с царского плеча и даже бросив шапку к его ногам. 14 февраля 1654 года, следом за получением известий о присяге городов Войска Запорожского и возвращением посольства ближнего боярина Василия Васильевича

Бутурлина, постановили, что поход против короля Яна Казимира начнется на Троицын день, приходившийся в тот год на 14 мая.

С этого момента все уже открыто говорили о будущей войне, обсуждали ее планы, пророча царю Алексею Михайловичу подвиги древних полководцев. Проницательный Иоганн де Родес справедливо заметил в донесении в Швецию: «Легко понять, как охотно они снова поставили бы ногу на Балтийское море». Он также записал слова некого стольника, сказанные им «в присутствии некоторых иностранцев»: «Что вы думаете? Будьте уверены, что его царское величество при этом своем плане войны совершит не меньше, чем Александр Македонский». Воинственный дух подогревался тем, что изготовленный еще прошлым летом новый «Царь-колокол» весом более 7 тысяч пудов был «поднят из формы и повешен» (прежний большой кремлевский колокол времен Бориса Годунова пострадал в одном из пожаров). 10 марта в Москве первый раз услышали его звон — «он издавал необычайно великое гудение» — и надеялись, что «звук его раздастся по всему свету». Не случайно на колоколе были отлиты изображения царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны: «оба в коронах, в левой руке между ними его царское величество держит колокол, над которым корона, а под колоколом у ног стоит орел». Особенно подчеркивалось, что его сделал русский мастер: «все считают это великим и редким произведением, а в особенности русский народ, потому что отлил его русский; здесь говорят, что в целом свете нельзя найти подобного». Но, увы, уже на следующий день, 11 марта, когда «в него вторично звонило 200 человек», колокол не выдержал и треснул. Правда, царь Алексей Михайлович не придавал этому большого значения, не увидев (может быть, и зря?) дурного предзнаменования. Он приказал отлить новый «Царь-колокол», еще «в два раза больший». Интересно, что следом за разговорами о колокольной меди де Родес вспомнил ходившие слухи о намерении ввести медные деньги на время войны. И это заставило его «сильно призадуматься»<sup>[243]</sup>.

Гетман Богдан Хмельницкий и казачья старшина тем временем выработали свои «статьи», чтобы обсудить их в Москве через послов — войскового судью Самуила Богдановича Зарудного и переяславского полковника Павла Тетерю. 13 марта 1654 года они были приняты царем Алексеем Михайловичем в Москве и пожалованы к «руке». В подарок царю от гетмана Богдана Хмельницкого был привезен породистый конь — «жеребец аргамачей сер». Шведский резидент де Родес описал прием посланников Войска Запорожского и свиты из тридцати человек («все они были очень видные люди»); царю Алексею Михайловичу от гетмана

Хмельницкого подарили «прекрасную турецкую лошадь, которую оценивают в 1000 рублей». Но дальше приема подарков дело не пошло, привезенные посланниками «черкас» предложения были отданы на рассмотрение боярской комиссии — бояр князя Алексея Никитича Трубецкого и Василия Васильевича Бутурлина, окольного Петра Петровича Головина и думного дьяка Алмаза Иванова. Впрочем, комиссия действовала быстро, не затягивая обсуждение статей. Уже 14 марта Зарудный и Тетеря сформулировали свои пожелания на бумаге и передали их думному дьяку Алмазу Иванову. Гетман Богдан Хмельницкий побуждал послов тщательнее отстаивать казачьи интересы, поэтому в итоге набралось даже чуть больше статей, чем при первом устном обсуждении (не 20, а 23). В «мартовских статьях» обсуждались казачьи «вольности», порядок суда, управления и сбора налогов, жалованье гетману и старшине, право ведения дел с иностранными представителями, мир с прежними союзниками казаков в Крымском ханстве и давно ожидавшийся гетманом поход на Смоленск. Царь вместе с Боярской думой обсудил и утвердил почти все основные предложения казаков, согласившись на новую численность Войска в 60 тысяч человек. Правда, решение вопроса о выплате жалованья казакам было отложено, на переговорах ссылались на обстоятельства приготовления к войне, куда шли основные траты. Тем более что гетман и казачья старшина ранее обещали, что увеличение числа казаков не потребует денег из казны.

Специально для посланников Войска Запорожского 15 марта на Девичьем поле устроили смотр 20 тысяч пехоты, 10 тысяч стрельцов «с новыми знаменами, очень пестро и великолепно вышитыми», и конных рот под командованием иноземных офицеров. На маневрах присутствовал сам царь Алексей Михайлович; он прибыл в сопровождении своей свиты «и проехал между обоими стоящими в боевом порядке отрядами пехоты к трону, там сел на приготовленный стул и отдал приказ, чтобы стоящие друг против друга полки начали с обеих сторон наступление». Полки пехоты промаршировали мимо царского трона; царь их «внимательно осмотрел», после чего начались стрельбы — «полк за полком начал делать залпы». Царь Алексей Михайлович наблюдал за этими маневрами «с полдня до ночи». Как писал де Родес, «во время всего этого действия послы Хмельницкого находились внутри ограды при его царском величестве». Был дан «общий залп» — сначала стрельцами, а потом всем новообученным войском в 20 тысяч человек. Вся эта демонстрация произвела впечатление на послов гетмана Богдана Хмельницкого; они просили, чтобы эти силы немедленно отправились «на Украину».

21 марта 1654 года было принято окончательное решение утвердить 11 статей, означавших переход бывших земель Речи Посполитой под покровительство православного царя. «Мартовские статьи», согласованные с представителями гетмана Богдана Хмельницкого, стали главной юридической основой для установления взаимоотношений Московского государства со своими подданными в Войске Запорожском при выборах гетманов. Если бы украинское государство было создано уже тогда, то эти статьи можно было бы назвать его первой «конституцией»<sup>{244}</sup>.

Царь Алексей Михайлович в грамоте от 27 марта 1654 года жаловал гетмана Богдана Хмельницкого, подтверждал казачьи «права и привилеи», устанавливал «списковое войско» в 60 тысяч человек (в полтора раза больше численности реестра по Зборовскому договору). Гетман был также обласкан вниманием бояр Бориса Ивановича Морозова и Ильи Даниловича Милославского. Богдану Хмельницкому пожаловали Чигиринское староство «на гетманскую булаву» и отослали новую печать Войска Запорожского «с государским имянованьем, потому что прежняя войсковая печать — с королевским имянованьем, и ныне тою прежнею печатью печатать не годится»<sup>{245}</sup>. Еще накануне, 26 марта, царь наградил и боярина Василия Васильевича Бутурлина, отличившегося в деле о принятии в подданство «черкас». Он получил «дворчество с путем» (доходы с дворцовых ловецких слобод Ярославля); Бутурлину и его товарищам, находившимся в составе посольства на Переяславскую раду, пожаловали также «шубу, кубок и оклад»<sup>{246}</sup>.

Прямым следствием принятия под царскую «высокую руку» Войска Запорожского стали изменения в титуле царя Алексея Михайловича. С тех пор его следовало называть «царем всея Великия и Малыя Росии». Сохранившиеся обращения гетмана Богдана Хмельницкого к царю Алексею Михайловичу используют такой титул во всех документах, следующих за Переяславской радой (и даже на ней самой в речи гетмана говорилось о Великой и Малой России). Грамоты с новым царским титулом стали выдаваться из Посольского приказа уже 7 февраля, когда воевод и владельцев Мутьянской и Волошской земли — Матвея и Стефана — известили о произошедших изменениях после присяги Войска Запорожского. Начиная с пожалования гетмана Хмельницкого в жалованной грамоте 27 марта 1654 года в Посольском приказе началась работа по «узаконению» нового титула и в других государствах<sup>{247}</sup>. В донесении шведской королеве Христине 16 апреля 1654 года де Родес описал, как его вызвал глава Посольского приказа думный дьяк Алмаз

Иванов и «начал мне излагать, каким образом его царское величество расширил свой титул посредством присоединения земель, и пожелал, чтобы я сообщил об этом вашему королевскому величеству и также сам впредь сообразовался с этим, но на это я ничего не сумел ответить». Де Родес попросил записать этот новый титул на бумаге. Тогда, сравнив его с прежней царской титулатурой (приведенной в «Историческом описании» Петра Петрея, шведского резидента, жившего в России во времена Смуты начала XVII века), де Родес увидел, что в нем появилось «много нового», в том числе слова, перешедшие из титула Ивана Грозного (например, слово «наследник»), но главным новшеством было именование царя Алексея Михайловича «всея Великия и Малыя Руси самодержцем». Де Родесу объясняли, что «под этим подразумеваются Киевская и Черниговская области»<sup>{248}</sup>. Полностью эти слова из титула, ставшие позднее камнем преткновения в дипломатических контактах двух стран, выглядели следующим образом: «...и многим иным государствам и землям, восточным и западным и северным отчич и дедич и наследник и государь и обладатель»<sup>{249}</sup>. Тогда же де Родес заметил приготовления к отправке посланников к цесарю в Вену и в другие страны. И он не ошибся, так как посланник Иван Иванович Баклановский был отправлен к императору Фердинанду III 17 мая 1654 года. В грамоте в Вену также был приведен новый царский титул, включавший слова: «...всея Великия и Малыя Росии самодержец»<sup>{250}</sup>.

В это время русское войско уже двинулось к границе с Речью Посполитой. Царь Алексей Михайлович, отправляясь в поход, оставил в Москве семью — царицу Марию Ильиничну, царевну Евдокию Алексеевну и родившегося совсем недавно, 5 февраля 1654 года, наследника Московского царства — царевича Алексея Алексеевича.

Война «за государеву честь» началась.



## «НА БОЖЬЕЙ СЛУЖБЕ»

### Смоленский поход

Царь Алексей Михайлович хорошо подготовился к походу на «недруга» — короля Яна Казимира, выбрав направление главного удара — Смоленск. Иногда события 1654 года даже называют Смоленским походом, подчеркивая исторический реванш за главное поражение Смутного времени — потерю Смоленска. Но успех этой кампании зависел от одновременного начала военных действий как в Великом княжестве Литовском — в «Литве», так и в Польском королевстве — «Короне». Царские войска также угрожали Ливонии, возобновив борьбу за выход к Балтийскому морю, что поставило в повестку дня столкновение с Шведским королевством. К такой обширной войне надо было готовиться долго. Она не исчерпывалась мщением «недругу» или возвращением утраченных в Смуту земель. Замах царя и его советников был вселенским — поход был «крестовым» — в защиту Православия. Не случайно царь Алексей Михайлович в переписке с семьей во время начавшейся войны писал о себе почти в каждом письме по дороге в Смоленск, что он находится «на Божьей службе»<sup>{251}</sup>.

Тогда и началось «чудо на Днепре», потом повторившееся на Березине и Двине. Внезапно при европейских дворах снова слышали о «Московите», о котором стали понемногу забывать после Смуты начала XVII века. С Московским государством могли не считаться в новой международной системе, установленной в 1648 году по окончании Тридцатилетней войны. Даже не царь, а всего лишь «московский великий князь» был только упомянут в тексте Вестфальского мирного договора как шведский союзник<sup>{252}</sup>. Победители шведы воспользовались в годы европейской войны конъюнктурой хлебного рынка, насыщавшегося из России<sup>{253}</sup>. Теперь же условия войны и мира стал диктовать сам царь Алексей Михайлович, сделавший все, чтобы никто не помешал его походу на Смоленск и дальнейшим действиям в землях Великого княжества Литовского и Польской Короны. Война с Московским царством, в которую мало верили в Речи Посполитой, стала почти катастрофой и положила начало ее упадку. В Польше и Литве увидели у стен своих городов двух главных врагов — русского царя и шведского короля. Шведы тоже решили



завершить долгую войну за Ливонию и устранить исторический анахронизм претензий польских королей на шведское наследство. В 1655 году началось время знаменитого «Потопа»<sup>{254}</sup>, с которым утечет былая польская слава и мощь и возникнет новая европейская держава — Российское царство, оспаривавшая право на древнерусские земли в Литве и Короне, а также балтийское преимущество шведов (дело, которое довершит сын царя Алексея Михайловича Петр I). Но не только о войне с «недругом» из враждебного соседнего государства или о выходе к торговым путям на Балтике шла речь; взгляды царя Алексея Михайловича, как и главного вдохновителя православного «крестового похода» — патриарха Никона, приковывал еще и христианский Восток со святынями Константинополя и Иерусалима.

В фонде Тайного приказа сохранилось объемное дело с собранными воедино документами царских походов на Смоленск, Вильно и Ригу в 1654–1656 годах. В нем подробно раскрываются процесс распределения полков, личное участие царя в назначениях служилых людей в самом начале русско-польской кампании. Сказывались проведенные ранее государевы смотры; царь знал по именам своих генералов и офицеров — точнее, воевод, «полковников», голов, ибо привычные воинские звания тогда еще не существовали в русской армии. Алексей Михайлович расставлял начальных людей, определял, сколько рейтар, драгун, солдат и стрелецких голов направить в свой «государев» полк, «в князя Яковлев» — князя Якова Куденетовича Черкасского, кому быть «у Трубецкого» — князя Алексея Никитича Трубецкого, заботился о том, чтобы в Москве тоже осталось достаточное количество людей для охраны. Всего им было распределено 46 800 человек. Общая численность собранной в 1654 году царской армии была еще больше, хотя приведенные цифры мало соотносятся с распространенными в Речи Посполитой сведениями, где считали, что армия царя Алексея Михайловича насчитывала свыше 200 тысяч человек. Позднее, в Смоленске, основываясь на сведениях пленных, считали, что с царем пришло три «верона», то есть трижды по 100 тысяч человек. Однако даже в мирное время, по смете военных сил 1651 года, численность ратных людей Русского государства насчитывала в целом около 100 тысяч человек (без учета тех, кто служил в отдаленных городах Приказа Казанского дворца и в Сибири)<sup>{255}</sup>.

Сбор армии начался практически сразу после решения Земского собора 1 октября 1653 года о начале войны. Спустя уже несколько дней в Великий Новгород «сбираться с ратными людьми» были направлены

воеводы и члены царской Думы — боярин Василий Петрович Шереметев, окольный Семен Лукьянович Стрешнев, думный дворянин и ясельничий Ждан Васильевич Кондырев. По «наряду» из Разрядного приказа численность вспомогательных сил на северо-западе определялась в 13 146 человек<sup>[256]</sup>. Второму воеводе поручили сбор войска в Пскове. Полкам на северо-западе был определен срок 20 мая, когда воеводы должны были выйти «на рубеж» (к границе) и «со всеми ратными людьми идти под город под Невль и под иные литовские города, и государевым делом над городами и над полскими и литовскими людьми промышлять, сколько милосердый Бог помощи подаст».

Царь Алексей Михайлович сам отпускал воевод после молебна в Успенском соборе 5 октября. Происходило это почти одновременно с отправкой другого боярина, Василия Васильевича Бутурлина, принимать казаков Богдана Хмельницкого «под государеву высокую руку». В назначенный день с разных сторон они должны были пойти походом на Речь Посполитую. Полки боярина Шереметева стали крайним правым флангом армии, получившей задачу отвлечь войска противника от главного смоленского направления, где должен был наступать сам царь Алексей Михайлович. К тому же Невель входил в титул гетмана Великого княжества Литовского Януша Радзивилла и был в его личном подчинении. Наступление на этот город должно было стать чувствительным ударом для одного из главных военачальников «Литвы».

Сбор войска в Вязме начался уже зимой, с отсылки артиллерии, порученной боярину Федору Борисовичу Долматову-Карпову. 27 февраля 1654 года царь Алексей Михайлович лично «отпускал из-за Москвы-реки с Болота наряд, которому наряду быть в его государевом походе»<sup>[257]</sup>. 15 марта на Девичьем поле был устроен царский смотр расквартированных в столице солдатских и рейтарских полков — тот самый, на который пригласили посланников Войска. Поместная конница из уездных дворян и детей боярских также должна была заранее выступить из Москвы в Брянск в составе «особого большого полка» под командованием воеводы боярина князя Алексея Никитича Трубецкого. Эта часть армии действовала на левом фланге армии. Проводы полка князя Трубецкого из Москвы в конце апреля 1654 года проходили уже открыто, как демонстрация силы русской армии.

Царь особенно подробно вникал в детали церемониала выхода войска в Смоленский поход и лично участвовал в отправлении войска, сбор которого был назначен по старой традиции на 23 апреля — день Георгия

Победоносца. Церемониал торжественных проводов полка боярина князя Алексея Никитича Трубецкого был продуман самим Алексеем Михайловичем (его собственноручные записи хранятся в архиве Приказа Тайных дел). Царь и патриарх молились в Успенском соборе вместе с воеводами и служилыми людьми. Наказ, выданный воеводе князю Трубецкому, был на время положен в киот главной русской святыни — иконы Владимирской Божьей Матери. Все показывало грандиозный и небывалый характер происходящего, соответствуя великой цели похода. Царь Алексей Михайлович обратился к князю Трубецкому с увещанием о сохранении христианских заповедей. Он говорил о правом суде и благочестивом поведении, но при этом «заповедовал» быть беспощадным — «а врагов Божиих и наших не щадите».

Царь стремился придать смысл каждому жесту, тщательно оттачивал произнесенные слова и продумывал всё до мелочей, заботясь о соблюдении торжественности момента. Например, когда он приветствовал князя Трубецкого, то даже прижал к груди его голову («принял к перею своим главу его») — «для его чести и старейшинства». Объясняя честь, оказанную князю Трубецкому, составители церемониала говорили так: «...зане многими сединами украшен и зело муж благоговейн и изящен и мудр в божественном писании и предивен в воинской одежде и в воинстве счастлив». Но царь следил и за соблюдением чувства меры, он отредактировал в тексте церемониала слова о том, что князь Трубецкой в ответ «паки главою на землю ударяетца со слезами до тридесят крат пред царем и великим князем», заменив их на обычные земные поклоны.

Алексей Михайлович сам передал списки служилых людей полковым воеводам. Кроме князя Трубецкого, это были воеводы бояре князь Григорий Семенович Куракин, князь Юрий Алексеевич Долгорукий, окольный князь Семен Романович Пожарский и дворянин Семен Артемьев сын Измайлов (для последнего начавшаяся война имела свою личную историю, если вспомнить его отца, окольного Артемия Измайлова, казненного за неудачу под Смоленском в 1634 году). Царь положил на свитки «свою царскую руку» и торжественно произнес: «Передаю вам списки сия полчаном вашим... храните их, яко зеницу ока, и любите, и берегите по их отечеству». Рядовые дворяне, выступавшие в поход, тоже не были забыты царем в этот день: их представителей — ярославских дворян и детей боярских, успевших приехать в Москву к назначенному сроку, — также пригласили к государеву «столу».

Все воеводы и служилые люди выразили готовность поддержать царя в его решении идти на войну с «недругом» и отомстить бесчестью (царь

Алексей Михайлович настойчиво дописывал в черновике церемониала, что начинает борьбу «за православную веру»). Апофеоз наступил, когда присутствовавшие на приеме у царя дворяне «единодушно, единосердечно, единогласно» должны были ответить на его речи с «радостными слезами» и кланяться до семи раз, заверяя царя в своей готовности к смерти в грядущей войне. После этого царь должен был тоже прослезиться и, «утерпевая от слез» (поправлено: «мало утерпевая»), «едва проглаголатъ» к ним «милостиво» о своей благодарности и будущем жалованье. Всех, включая уездных дворян, звали к царской руке. У окна «на перекладе» был поставлен царский стул, куда было дозволено подойти каждому служилому человеку и поцеловать царскую руку. Когда царь уже должен был идти в свои хоромы, он решил, что последний раз обратится к боярам и воеводам, полуобернувшись к ним (вместо слова «огляняся» царем было поправлено: «мало обратяся»). «Поедьте, да послужите, — говорил им царь Алексей Михайлович. — Господь Бог с вами...»<sup>[258]</sup>

Как бы ни был воодушевлен царь, он должен был считаться и с земными обстоятельствами. Сложнее всего в таких случаях было не обидеть бояр, охранявших местническую честь своих родов при распределении воеводских должностей в полках. Было принято решение запретить счеты о местах на время войны, но природу служилых людей нельзя было переломить. Несмотря на строгий запрет, местнические счеты всё равно возникали и мешали действиям войск. Открывали перечень имен царедворцев, выступивших в поход, юный грузинский царевич Ираклий (в русских источниках Николай Давыдович) и крещеные сибирские царевичи Петр Алексеевич и Алексей Алексеевич. Но их роль была чисто церемониальной. Царь Алексей Михайлович назначил своих самых приближенных людей быть вместе с ним, чтобы всегда иметь рядом с собой ближнюю Думу и пользоваться ее советами. Первыми советниками в царском окружении оставались бояре Борис Иванович Морозов и царский тесть Илья Данилович Милославский, получившие чин «дворовых воевод» в Государевом полку. Дальше, по царскому распределению, следовали бояре, бывшие с «царем и великим князем»: Никита Иванович Романов и Глеб Иванович Морозов. Назначения главными воеводами полков получили: большого полка — бояре князь Яков Куденетович Черкасский, князь Семен Васильевич Прозоровский, окольный князь Андрей Федорович Литвинов-Мосальский, передового — бояре князь Никита Иванович Одоевский, князь Федор Юрьевич Хворостинин, окольный князь Дмитрий Петрович Львов, сторожевого — бояре князь Михаил Михайлович Темкин-Ростовский, Василий Иванович Стрешнев,

окольничий Иван Васильевич Алферьев, ертаульного — стольники Петр Васильевич Шереметев, князь Тимофей Иванович Щербатов, «у наряду» (артиллерии) — боярин Федор Борисович Долматов-Карпов и князь Петр Иванович Щетинин. В условиях войны названия полков не имели того же смысла, что в обычное время сбора Украинного разряда для охраны границ. Но они помогали выстроить иерархию полков для дальнейших действий уже на территории противника — в «Литве», как обобщенно говорили о Речи Посполитой.

Полк князя Алексея Никитича Трубецкого выступил из Москвы 26 апреля, пройдя строем через Кремль, где царь и патриарх кропили их святой водой. 9 мая войска должны были уже «стать» в Брянске, чтобы дальше идти походом на Рославль. 10 мая царь Алексей Михайлович проводил очередной смотр на Девичьем поле, где «смотрел по сотням столников, и стряпчих, и дворян, и жильцов, и городовых, и всяких ратных людей, которым быть в его государевом походе». 15 мая с почетом отправили в Вязьму привезенную в 1648 году с Афона святыню — список Иверской иконы Божьей Матери. 15–16 мая, после молебна в Успенском соборе, в поход выступили передовой, ертаульный, большой и сторожевой полки со своими воеводами. Они шли «под переходы», которыми соединялись царский дворец и Чудов монастырь, где наверху снова стояли царь Алексей Михайлович и патриарх Никон со святой водой. Выступление Государева полка во главе с самим царем Алексеем Михайловичем было назначено на 18 мая 1654 года.

Царская работа по сбору и распределению полков нашла отражение в особом разряде: «162 году поход великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца, на недруга своего, на полскаго и литовскаго короля Яна Казимера, за его многие неправды и крестопреступленье». 18 мая войска собрались сначала на Девичьем поле, потом проследовали в Кремль, «чиновные» люди собирались в поход у церкви Антипия рядом с Конюшенным двором в Чертолье (будущей Волхонке). В Кремле повторилась церемония прохождения войска через дворцовую площадь, как и при отправке полка князя Алексея Никитича Трубецкого. По описанию в дворцовых разрядах, для торжественного выхода царя из Москвы были сделаны специальные ворота, «по обе стороны ворот сделаны были рундуки болшие, ступенми и обиты сукны красными, а на рундуках по обе стороны ворот стояли и его государя и ратных людей святою водою кропили власти»<sup>[259]</sup>. Царь Алексей Михайлович опять продумал каждую деталь церемониала. Он указывал, кто где должен был стоять, какие слова и речи говорить, редактировал

содержание своих ответов, заботясь о том, чтобы всем запомнился высокий смысл борьбы за православную веру.

Самое подробное описание грандиозного выхода царских войск из Москвы оставил швед Иоганн де Родес. Он описал специально устроенное возвышение — «галерею», выстроенную от патриаршего дворца до Вознесенского монастыря в Кремле, откуда царь благословлял войско, а патриарх Никон кропил его святой водой. Шведский резидент еще при отправке полка князя Алексея Никитича Трубецкого обратил внимание на главное, развевавшееся на ветру белое знамя царского войска; с одной стороны на нем было изображение Спасителя, с другой — Богоматери. По его словам, народ приписывал особое значение этому знамени, веря в него как в чудо и связывая с ним надежду на будущую победу.

В день царского выезда на марше были воеводы драгунских и рейтарских полков — наемники из Голландии, Франции, Англии и Польши. Не случайно царь сам распределял полки нового строя и устраивал их смотры в Москве: им отводилась роль главной ударной силы, действовавшей под прямым началом царя в Государевом полку. Туда же царь включил и любимых стрельцов. Своей «стройностью» и блестящими одеждами выделялся стрелецкий голова Артамон Матвеев. Именно он олицетворял собой силу и мощь нового поколения, выходившего на историческую сцену вместе с царем Алексеем Михайловичем. Внимание де Родеса привлекло шествие пасынка дьяка Алмаза Иванова с тремя тысячами пеших стрельцов. «Сам он был великолепно одет, — говорил шведский резидент об Артамоне Матвееве, — имел блестящее русское вооружение и поверх него вышитый золотом длинный кафтан, перед ним вели 10 штук прекрасных заводных лошадей, все под дорогими турецкими или персидскими, вышитыми золотом, чепраками, за ними пара военных литавр, 4 трубача и 4 маленьких свирельщика; стрельцы были вооружены пиками, фитильными мушкетами и все они были отлично одеты в хорошие материи и маршировали в достаточном порядке». Все войско шествовало под невообразимый гул из монотонных ударов больших барабанов — тулумбасов, им вторили барабаны поменьше, трубачи и свирельщики добавляли свои ноты в торжественную музыку начавшегося похода. Провели 60 роскошных царских лошадей и кареты, за ними следовали лошади, на которых были попоны с датскими гербами, что напоминало о дружеском отношении царя Алексея Михайловича к бывшему жениху царевны Ирины Михайловны датскому принцу Вальдемару. Наконец появились знамена Государева полка...

Конечно, все хотели увидеть выезд на войну самого царя. И он явился,

верхом на коне, в сопровождении двадцати одного алебардщика, несущих два боевых меча, в великолепных парадных одеждах — в «коротком вышитом золотом кафтане, раскрытом спереди на груди, чтобы можно было видеть панцырь» — вооруженные доспехи. Сверху на царе был еще «длинный висящий со всех сторон и застегнутый лишь с одной стороны вышитый золотом плащ» с запонами, украшенными «чудесными богатыми камнями и жемчугами». На голове у царя был шлем-шишак «старинного образца, заостренный сверху, на нем укреплена золотая держава, а спереди на шишаке — крест, усаженный драгоценными камнями, один из которых ценят во много тысяч». Перед царем шел грузинский царевич Николай Давыдович, за ним бояре Борис Иванович Морозов и Илья Данилович Милославский.

Выехав из Кремлевских ворот, царь Алексей Михайлович принял депутацию жителей города у Москвы-реки и обратился с речью к собравшемуся вокруг народу. Он еще раз сказал о главной цели своего похода: «он желает защищать их как единственных истинных христиан». Донесение де Родеса свидетельствовало о первом триумфе отправлявшегося в поход войска. Он заметил, что в Московском государстве после Смоленской войны «молодежь подросла, как в диком лесу», и к тому же она прекрасно обучена иностранными офицерами. «Война откроет им глаза, — писал де Родес, — ...через нее они узнают свое могущество». «Было на что смотреть!» — не удержался от восклицания вслед за ним и автор польской реляции. Он тоже высоко оценил торжественную отставку царского войска в поход, открывшую глаза «москве» (как называли жителей Русского государства в Речи Посполитой), «насколько сильно их могущество, о чем прежде они даже и не помышляли»<sup>[260]</sup>.

Общий план начинавшейся войны, как говорилось, состоял в одновременном ударе «на недруга» нескольких частей русской армии. Они должны были наступать как на Литву, так и на «Корону». На главном, смоленском направлении находились полки во главе с царем Алексеем Михайловичем и шедшим перед ним боярином князем Яковом Куденетовичем Черкасским. На северо-западе, собравшись с войском в Новгороде и Пскове, вступил в войну воевода боярин Василий Петрович Шереметев. Его задачей было наступление со стороны Великих Лук на Невель. Отправленный заранее в Брянск полк боярина князя Алексея Никитича Трубецкого должен был действовать на юго-западе вместе со стоявшими в Путивле воеводой боярином Василием Борисовичем Шереметевым. Под командованием последнего находились четыре



солдатских полка численностью около семи тысяч человек, обещанных гетману Богдану Хмельницкому. Целью похода рати князя Алексея Никитича Трубецкого был определен Рославль. Образно говоря, обе армии — «новгородская» боярина Василия Петровича Шереметева и «брянская» боярина князя Алексея Никитича Трубецкого — стремились с разных сторон «зажать в тиски» находившегося в Орше гетмана Радзивилла, чтобы он не смог выступить со вспомогательным войском на поддержку Смоленска<sup>{261}</sup>.

План действий на южном направлении — в Брянске и Путивле — пришлось менять прямо на ходу. Выступив в поход под Смоленск, царь Алексей Михайлович получил в дороге отписку путивльского воеводы боярина Василия Борисовича Шереметева о возможном приходе войска крымского царя на южные и украинные места. Повторялась история другой Смоленской войны, 1632–1634 годов, когда удар крымских войск в тыл русской армии привел к ее поражению и бегству служилых людей из-под Смоленска. Тогда одна христианская страна «накупила» иноверное войско против других христиан. Из той истории двадцатилетней давности в Москве сделали выводы и решили больше не давать противнику свободы маневра. Главным стратегом, принявшим необходимое решение, в тот момент выступил сам царь Алексей Михайлович. Он приказал полку В. Б. Шереметева, вместо планируемого похода на Киев, по-прежнему оставаться в Путивле и продолжать охранять южное порубежье. Одновременно князь А. Н. Трубецкой получил распоряжение двинуться вглубь Речи Посполитой для соединения с гетманом Богданом Хмельницким и Запорожским Войском. От Хмельницкого с его «черкасами» царь приказал потребовать, чтобы он «шел в сход к нам великому государю корунными месты, а будет пусты места, нелзя итить, и вам и с ним итить на литовские места к нам же в сход». В написанном им собственноручно 31 мая письме царь требовал от воеводы князя Трубецкого «войною зацепить гораздо корунные места».

Трудно даже представить, каким ударом могли стать для царя Алексея Михайловича возможные неудачи военного похода. Рухнула бы великая цель, остались бы втуне все молитвы «о стране и воинстве». Тем тяжелее царю было столкнуться с сопротивлением в Думе, ведь сомневавшиеся в необходимости войны с Речью Посполитой оставались даже тогда, когда поход уже начался. Царь в своих письмах к воеводе князю А. Н. Трубецкому жаловался на малодушие и неискренность приближенных: «А у нас едут с нами отнюдь не единодушием, наипаче двоедушием... всяким злохитренным и обычаем московским явятся, овогда злым отчаянием и

погибелью прорицают, овогда тихостию и бледостию лица своего отходят лукавым сердцем»<sup>{262}</sup>. Как человек, которого захватила стихия войны, он ждал такого же воодушевления от тех, кто был рядом. Алексей Михайлович требовал «прямого», а не «лукавого» подчинения, не только от друзей, но даже от врагов. Выступая в поход, он отправил впереди себя послание православным жителям Речи Посполитой, призывая их присягнуть и не противиться его воле и обещая в этом случае сохранить их дома и имущество. Он писал им о главной цели похода, чтобы «святая восточная церковь от гонения освободилась и греческими старыми законами красилась». Царь призывал к полному отделению от поляков, «как верою, так и чином», вплоть до того, что предложил подданным короля постричь «хохлы» на головах. «Которые добровольно прежде нашего государского пришествия известны и верны нам учинятся, — обещали царские грамоты, — о тех мы в войске заказ учинили крепкий, да сохранены будут их дома и достояние от воинского разорения»<sup>{263}</sup>. Потом действительно пункты о разрешении носить обыденное польское платье, «по давнему извычаю», будут включаться в статьи договоров о сдаче городов, что делало эти вопросы совсем не праздными в ряду других царских обещаний<sup>{264}</sup>.

Путь к Смоленску занял у царской армии около месяца. Маршрут первого царского похода 1654 года хорошо известен и описан в разрядных книгах<sup>{265}</sup>. Большая удача для историка — возможность использовать сохранившиеся письма царя Алексея Михайловича семье (переписка будет продолжена и в походах 1655 и 1656 годов). С помощью дьяков, а иногда и собственноручно царь писал прежде всего сестрам, особенно старшей — царевне Ирине Михайловне, и жене царице Марии Ильиничне. Из этой переписки мы узнаем не только о том, где он находился в тот или иной день, но и какие главные события занимали его во время похода. Уже 26 мая Алексей Михайлович пришел с войском в Можайск, но простоял там всего один день, а в воскресенье 28 мая двинулся дальше. Из этого города было отправлено первое его письмо оставшимся в Москве сестрам царевнам Ирине, Анне и Татьяне. Царь объяснял причины своего скорого выступления: «...а спешу, государыни мои, для того, что сказывают людей в Смоленске и около Смоленска нет никою, чтобы поскорее захватить». 1 июня царские полки проследовали через ставшее печально известным в Смуту Царево-Займище (там после поражения армии царя Василия Шуйского в битве при Клушине был заключен один из первых договоров, открывавших королевичу Владиславу дорогу на московский престол). 2 июня пришли на пустошь Жижелей, где царь Алексей Михайлович

дождался известий о том, что делается в Смоленске, от посланных «за рубеж» людей, привезших пленных «языков». Складывалась, как он считал, удачная ситуация, когда в Речи Посполитой не ждали похода русской армии и не могли пока организовать никакого отпора. О том, что больше всего интересовало царя, он опять написал сестрам, передавая расспросные речи языков: «что в Смоленску сидят не большие люди, всево две тысячи с лишком, а моево походу не чают». Внезапный поход к незащищенному Смоленску отвечал стратегическим замыслам царя. Алексей Михайлович стремился не допустить того, чтобы смоленским жителям была оказана быстрая помощь. Поэтому он очень интересовался количеством войск в Орше, где в этот момент уже собирались силы Великого княжества Литовского для наступления на Смоленск («а в Орше, сказывают, ратных людей десят тысяч»). Передавал он и сведения о начавшемся сейме, отвлекавшем внимание короля и шляхты от Смоленска, о желании «корунного войска» сражаться прежде всего с гетманом Богданом Хмельницким, а не «против нас».

Царь так заботился о сохранении в тайне ближайших целей своего похода (напрасно, конечно), что написал сестрам о бежавшем «к королю с вестями» изменнике смоленском боярском сыне Василии Неелове. Хотя признание вины и было получено от самого беглеца, но, видимо, не все так просто и однозначно было в этой истории. Смоленские роды оказались в Смуту разделены: одна часть дворян и детей боярских осталась служить в Москве, а другая перешла на сторону Речи Посполитой и осталась на своих землях. Их имена встречаются и среди смоленской «шляхты» — защитников Смоленска, служивших королю. Поэтому для смоленских дворян, оставшихся на службе в Москве, поход царя Алексея Михайловича означал еще и новую гражданскую войну. И, как знать, к королю или к своим родственникам — смоленским шляхтичам побежал сын боярский Неелов из московских полков. Но царь Алексей Михайлович распорядился жестоко наказать изменника, приказав его четвертовать.

На пути к Вязьме 4 июня царь Алексей Михайлович получил первое победное известие. Даже не армия, а «Вяземского уезду государевых дворцовых сел охочие люди», то есть ополчение подошло к Дорогобужу, после чего дорогобужские власти и шляхта бежали к Смоленску, а жители города «добили челом». Таковы были первые донесения, попавшие в разрядную книгу государева похода. Царь описал взятие Дорогобужа в послании сестрам, отправленном из малоприметной (зато с очень значимым для династии Романовых названием) деревни Федоровской; здесь сообщались новые по сравнению с разрядной книгой детали:

Дорогобуж был взят всего сотней человек во главе с «белорусцем Павлом Володарским». Важность известия подчеркивалась и тем, что Алексей Михайлович получил его во время церковной службы: «как начели чести на заутрене святое евангелие». Не случайно он счел необходимым лично приписать вверху письма: «Вашими светов моих молитвами подаровал Бог сий богоспасаемый град Дорогобуж. Помолитесь и болыпи тово Бог подаст милость свою»<sup>{266}</sup>.

Подтверждались все предположения: немногочисленные гарнизоны, стоявшие в некогда отторгнутых у России городах, побегут, едва услышав о царском походе. Царь Алексей Михайлович известил о присяге Дорогобужа оставшийся в Москве двор и патриарха Никона, а также решил устроить прием приехавших к нему в стан новых подданных. По сообщению разрядной книги, присланные навстречу царю вяземскими воеводами челобитчики из Дорогобужа — мещане «лавник (член городского суда. — В. К.) Андреянка Семенов с товарищами... государевы очи видели в переднем шатре». Так произошло первое празднество царского похода 1654 года, когда «государю здоровали с Дорогобужем» бояре и ратные люди его полка<sup>{267}</sup>. Царь немедленно двинулся дальше к Вязьме, где пробыл уже около недели, торжественно отправив в поход свои главные полки — бояр и воевод передового полка князя Никиту Ивановича Одоевского и большого полка князя Якова Куденетовича Черкасского. Они должны были идти победным маршем, заботясь о том, чтобы высокие цели похода ни в коем случае не были поставлены под сомнение банальным мародерством. Православному «воинству» запрещалось захватывать чужое имущество и запасы, они считались «нечистыми», поэтому уничтожались, смешивались с грязью или оставлялись на съедение диким зверям и птицам. Шведский резидент де Родес описывал позднее итоги похода царских войск в Литве в 1654 году: «На 70 миль пути почти все сожжено и опустошено, урожай на полях выжжен, вытоптан и скормлен; напитки: венгерское вино, коньяк, медовуха и пиво — вылиты на землю и смешаны с дерьмом. Солдатам и офицерам высочайше предписано не пить ни капли [этих напитков]. Скот забивается солдатами только ради получения кожи, а мясо достается воронам»<sup>{268}</sup>.

10 июня царь Алексей Михайлович и сам выступил из Вязьмы к Смоленску. Через три дня он вошел в освобожденный Дорогобуж. С этого времени, находясь на марше, царь постоянно получал победные известия. Первый сеунщик приехал от боярина Василия Петровича Шереметева с радостной вестью о взятии Невеля 1 июня<sup>{269}</sup>. Задача, поставленная перед

царским воеводой, была решена: литовские войска оказались лишены возможности маневра и не могли угрожать северо-западной границе Русского государства. Отчаянные попытки ответных действий, конечно, предпринимались; какие-то «польские и литовские люди» приходили в Дорогобужский уезд, но их силы были столь незначительны, что посланные по указу царя головы с сотнями и рейтары «литовских людей не увидели».

Из освобожденного Дорогобужа войско выступило 20 июня. И опять впереди шли главные воеводы; первым позиции под Смоленском, на реке Колодне, занял боярин князь Никита Иванович Одоевский. Вскоре, 28 июня «в вечеру», к Смоленску подошел и царь Алексей Михайлович. Его первый «стан» находился «на Богданове околице» в пяти верстах от Смоленска<sup>{270}</sup>. Вряд ли случайным было совпадение царского прихода с праздновавшимся на следующий день праздника Петра и Павла. Царь хотел, чтобы предшествующий Петровский пост стал еще и временем исповеди и причастия, полного христианского приготовления к войне. Молебны в праздничный день должны были еще больше укрепить войско в правоте своих целей.

К этому празднику пришло важнейшее известие от воеводы боярина Василия Петровича Шереметева, повлиявшее на успех всей кампании — царю Алексею Михайловичу присягнул древний Полоцк. Воевода Шереметев докладывал о приходе своей рати 17 июня к Полоцку, о захваченных дорогах на Вильно и Витебск, о начатой осаде и битве, продолжавшейся «целой день». После чего «полоцкие сидельцы польские и литовские люди езовиты (иезуиты. — В. К.) и шляхта и мещане, видя над городом промысл, государю доби́ли челом и город Полотеск здали и учинились под государевою высокою рукою»<sup>{271}</sup>. Победа готовилась давно: когда московские силы только двинулись к литовской границе, опочецкий воевода Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (пока он еще не входил в ближний круг царских советников) доносил, что предварительно провел «разведку» в порубежных городах. Одним из доверенных людей Ордина-Нащокина оказался полоцкий бурмистр, «лутчей человек мещанин Иван Михнович». Он давно («за долго до сего году») присылал вести воеводе псковского пригорода Опочки и обещал «всяких людей зговаривать, чтоб в потданстве были пот твою государеву высокою руку в соединении к Великой России»<sup>{272}</sup>. По другим сведениям, торговые люди Полоцка, не дождавшиеся защиты от польского короля, говорили о сдаче Полоцка царю: «За что де им, полочаном, с твоими государственными ратными людьми битца, они, полочане, то ж

православной христианской веры»<sup>[273]</sup>.

И снова, как и при известии о взятии Дорогобужа, царь писал в Москву царице, боярам и патриарху о большом успехе своего войска. В праздничный день был устроен «стол» — прием, прямо в походном «столовом шатре», куда позвали находившегося вместе с войском казанского митрополита Корнилия, грузинского царевича Николая Давыдовича и сибирских царевичей. Гостями на пиру в честь взятия Полоцка стали и первые раненые дворяне и дети боярские из передового полка князя Никиты Ивановича Одоевского, встреченные защитниками Смоленска боем у реки Колодни<sup>[274]</sup>. Всё еще было впервые, и раненные в боях рядовые дворяне сразу стали героями, несмотря даже на потерянное ими в бою знамя<sup>[275]</sup>. Потом, когда потери станут рутиной, рядовых ратных людей перестанут так чествовать.

Походные шатры царя Алексея Михайловича были устроены на Девичьей горе, в трех верстах от Смоленска с московской стороны<sup>[276]</sup>. 2 июля было получено еще одно ожидаемое донесение — от воеводы боярина князя Алексея Никитича Трубецкого о взятии Рославля. Он тоже сравнительно быстро достиг поставленной ему накануне похода цели. Дорога от Брянска до Смоленска была очищена. Но этот тактически важный успех уже не столь занимал царя. Сестрам он написал не столько по-родственному, сколько по-деловому: «Литовские люди город Рославль нам, великому государю, здали и в винах своих добили челом». Впрочем, царь извинялся, что письмо написано не его рукой: «...ей, недосуги и дела многия»<sup>[277]</sup>. Действительно, в этот момент царь был занят тем, чтобы правильно расположить свою армию, ибо осада Смоленска по-настоящему еще не началась.

Не все войска царя Алексея Михайловича оставались под Смоленском. 9 июля 1654 года царь отправил больше половины своего войска во главе с воеводами князем Яковом Куденетовичем Черкасским, князем Никитой Ивановичем Одоевским и князем Михаилом Михайловичем Темкиным-Ростовским на литовского гетмана Януша Радзивилла под Оршу (не случайно расспрашивали языков о количестве литовских людей, находившихся там). Оставшиеся под Смоленском силы должны были дожждаться прихода 19 июля «черкасы» во главе с наказным гетманом Иваном Золотаренко, после чего начать штурм укреплений Смоленска. «А как черкасы к нам под Смоленск придут, — писал царь Алексей Михайлович сестрам, — и мы станем к Смоленску приступать, а после приступа пойдем под Оршу»<sup>[278]</sup>. Но война опять внесла свои коррективы: «черкасы» не



выполнили обещаний, и царскому войску не удалось быстро начать приступ. Без поддержки казаков первые приступы к смоленским укреплениям, начатые во второй половине июля, были отбиты, город сел в осаду, а по опыту прежних войн осада могла продолжаться долго.

Обороной Смоленской крепости, построенной, как известно, еще при Борисе Годунове, руководил воевода, писарь Великого княжества Литовского Филипп Обухович. Новому воеводе, назначенному только за несколько месяцев до начала русско-польской войны, пришлось нелегко из-за конфликта с прежними правителями города и столкновений с шляхтой. Но главное, что ему не удалось переломить господствовавшее в Речи Посполитой отношение к Смоленску как к далекой окраине и источнику доходов и репараций. Никто не заботился об охране города, починке башен и крепостных стен, создании необходимых запасов продовольствия и вооружения на случай осады. В составленном в январе 1654 года описании укреплений Смоленска и королевского дворца говорилось об одном — повсюду царило «крайнее запустение». По польскому счету, протяженность стены была в 1,5 мили (1 миля — 5 верст); в ней насчитывалось 36 башен (первоначально их было 38), между которыми имелись укрепленные участки. Некоторые защитные укрепления находились в разрушенном состоянии. Например, в местах Старого (Шеина) и Королевского проломов ранее насыпали валы, но они были почти срыты, представляя большую опасность для прорыва. Впоследствии, на сейме Речи Посполитой 1658 года, при разборе причин утраты Смоленска вынуждены были особо упомянуть, что через эти «проломы» неприятель мог идти в город, «как в ворота». Приходилось только удивляться собственной беспечности. Состояние Смоленской крепости было признано одной из причин поражения: «трудно было в два месяца осады поправить то, что было запущено перед этим за 20 лет».

Литовский гетман Януш Радзивилл тоже не мог поддержать смоленский гарнизон из Орши. Но в этом он был виноват сам, так как не воспринимал всерьез угрозу царского похода. В июне 1654 года, когда царь Алексей Михайлович был уже на марше со своим войском, гетман по-прежнему не верил, что Смоленску что-нибудь угрожает. Он надменно отпускал шутки в письме смоленскому воеводе Филиппу Обуховичу из Орши 28 июня (18-го по старому стилю): «Москва едет на черепахе, надеюсь, что пойдут и по-рачьи». До последнего момента Радзивилл думал, что царь находится где-то за Вязьмой и не мыслит «о войне с Литвой»<sup>[279]</sup>. В то время как ему самому уже в июле 1654 года пришлось вступить в бой с московским войском, настигшим гетмана под Оршей. О беспечности и



внутренних распрях в литовских войсках, лишенных помощи от короля, писал в частном письме один из виленских шляхтичей. Он нарисовал впечатляющую картину войны около Глубокого, «милях в 26 от Вилны», в том же июле 1654 года. Полученным известиям о том, что «москва близко от Глубокого», не поверили, пока не увидели выходящего из леса противника, после чего те, кто обязан был охранять город, прямо из-за стола, «бросив обед», вскочили на лошадей и ударились в бег. «Так то наша неурядица ведет ко злу! Каждый лезет в начальники...» — заключал шляхтич. Собранное в поветах ополчение дралось между собой, опустошая всё вокруг настолько, что «мужики молили Бога, чтобы пришла москва». В итоге уже в самом начале войны задумывались о судьбе Речи Посполитой: «Если такая монархия падет, то вследствие раздоров»<sup>[280]</sup>.

Царь Алексей Михайлович, беспрепятственно подойдя к Смоленску, хотел решить дело, по возможности, одним «приступом» и готовился к нему тщательно, собирая силы. В июле и первой половине августа город методично обстреливали из пушек, вокруг крепости рыли окопы и укрепления, вели подкопы и разведку слабых мест обороны. О масштабах приготовлений к осаде дает представление фрагмент царской переписки с оставшимся в Москве боярином князем Михаилом Петровичем Пронским, от которого требовали «наспех, великим поспешеньем» прислать к царю «в стан под Смоленск» в июле 1654 года: «двадцать тысяч денег золотых, сорок тысяч денег серебряных и золоченых, да денежные и ефимочные<sup>[4]</sup> казны нового дела, ядер пушечных, рогатин, рогуляк железных, карабины с крюки, бумаги писчей, трубки жестяные и протазаны, которые не досланы»<sup>[281]</sup>. Царь явно готовился к раздаче наградных денег за Смоленское дело, но с их отправкой возникли сложности. Денежный и Английский дворы не успевали справиться с царским поручением, а ту казну, которую удалось привести под Смоленск, пришлось перемывать перед раздачей, чтобы избежать распространения в войске болезней из-за тревожных вестей о начале «морового поветрия» в Москве.

Главным условием успешной осады стала блокада Смоленска, чтобы город ниоткуда не мог получить подкреплений военной силой и продовольствием. 20 июля сразу несколько сеунщиков принесли весть из той части войска, которой командовал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой. Его полки, двигаясь к Могилеву, «город Мстиславль приступом взяли и высекли». 24 июля пришли известия о новых успехах боярина Василия Петровича Шереметева, чьи полки после Полоцка отвоевали еще два города — Дисну и Друю. Царь сообщал сестрам подробности: «...и

языки, и знамена, и литавры, и барабаны, и пушки поймали». К 25 июля под Смоленск пришли задержавшиеся в походе передовые «черкасы», царь пожаловал принять их на праздничном столе в честь именин его сестры Анны Михайловны.

Самым ожидаемым было известие о победе над гетманом Янушем Радзивиллом под Оршей. Царю донесли об этом 2 августа: «Божиею милостию, а его государевым счастием, город Оршу взяли, а гетман Радивил из Орши побежал». Правда, никакой битвы с гетманом, как можно было бы подумать, еще не было. По донесению боярина и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасского, процитированному в «Книге сеунчей», гетман уклонился от большого сражения и «побежал из Орши в Литву наспех», не дожидаясь подхода московских войск. Полковые воеводы из армии князя Черкасского отправились за ним в поход, после чего встретились с гетманом в битве у Шклова 2(12) августа. Бой длился целый день, но победителя не выявил. Московские войска справились даже со знаменитой атакой крылатых польских гусар, но и войска гетмана сумели сохранить позиции. Этот день был особенно памятен современникам тем, что тогда произошло полное солнечное затмение, закрывшее солнце, по подсчетам астрономов, на 2 минуты 16 секунд. Природное явление могла трактовать в свою пользу как одна, так и другая сторона. Гетман Радзивилл отступил дальше от Шклова, поэтому у князя Черкасского появились все основания рапортовать о победе. 7 августа под Смоленск пришла победная весть<sup>{282}</sup>; это означало, что город полностью остался без подкреплений и осажденным неоткуда ждать помощи. Наступало время решительных действий.

Обычно, говоря о хронологии событий, не всегда помнят, что календарь человека XVII века был совсем другим и подчинялся кругу церковных праздников и постов. Царь Алексей Михайлович отложил дату штурма Смоленска из-за начинавшегося 1 августа строгого Успенского поста, длившегося две недели. Испытание постом должно было, по представлениям царя, придать силы войску. Он даже пытался воздействовать на православных защитников Смоленска, которые должны были видеть со стен города специально устроенный крестный ход во главе с митрополитом Корнилием. 15 августа царь праздновал Успение Богородицы, повторив прием «в столовом шатре», состоявшийся после прихода под Смоленск. «Черкасы» во главе с Василием Золотаренко — братом наказного гетмана Ивана Золотаренко, тоже были приглашены, чтобы показать, насколько рассчитывает царь Алексей Михайлович на совместные действия с казаками. Хотя их своеволие и нарушение общих

планов ведения войны нельзя было не заметить.

Царский прием стал, как вскоре выяснилось, еще и отвлекающим маневром, потому что, по сообщению дворцовых разрядов, «того ж дни, против 16 числа в ночи, был приступ к городу Смоленску». Командовал войсками во время штурма боярин князь Иван Никитич Хованский. Штурм начался одновременно с разных сторон, захватив большую часть Смоленской крепостной стены. Служилые люди во главе с царскими окольными наступали «с лестницами». (По польским сведениям, их было заготовлено около четырех тысяч, примерно по сотне на каждый участок обороны, что выглядит преувеличением.) Шли приступом на наугольную башню Веселуху, «к Малаховским воротам (надо: Молоховским. — В. К.) и старому пролому», к Лучинской башне. К последней был назначен окольный Богдан Матвеевич Хитрово, а ему приданы стрельцы во главе с головой Артамоном Матвеевым с задачей «приступать к Днепровым воротам и наугольной башне». На сейме 1658 года отмечали, что именно на этом направлении, на Королевские (они же Днепровские) ворота, и был обрушен удар особой силы<sup>[283]</sup>. Видимо, царь Алексей Михайлович особенно рассчитывал на своих приближенных и любимых стрельцов, доверив им штурм главных, въездных ворот со стороны Днепра. Такой план говорил о желании царя-полководца, стоявшего на Девичьей горе, видеть военные действия на одном из главных направлений. Дальше к Пятницким воротам был назначен стольник Иван Богданович Милославский; ему придали стрельцов, чтобы наступать со стороны Королевского пролома (царю, возможно, было известно, что в Смоленске это считали слабым местом обороны).

Бой длился семь часов. Во время штурма было все, что бывает в дни таких сражений. Геройство наступавших и отвага оборонявшихся, гибель храбрецов и перемена удачи. Осажденные оборонялись умело, вовремя перебрасывали силы на тот участок стены, где была самая большая опасность прорыва. Доходило даже до рукопашных схваток внутри осажденного города, куда прорывались царские войска. Наступил момент, когда мобилизованные смоленские обыватели начали разбегаться по своим избам. Русские войска из полка окольного Богдана Матвеевича Хитрово сумели овладеть одним из участков Смоленской крепостной стены на северо-востоке у башни Веселухи и готовы были соединиться с участниками штурма из полков боярина князя Ивана Никитича Хованского, захвативших Антипинскую башню; туда даже сумели затащить два орудия. Но все завершилось по воле случая: в Антипинской башне прогремел мощный взрыв, разметавший осаждавших, после чего приступ

остановился<sup>{284}</sup>.

Внутри Смоленска говорили об успешных действиях оборонявшихся, сумевших в нужное время взорвать заранее заложенный пороховой заряд. Так, видимо, и донесли царю Алексею Михайловичу. В письме сестрам в столицу 23 августа он писал о действиях «наших ратных людей», «зело храбро» приступавших к Смоленску: «...и на башню, и на стену взошли, и бой был великой. И по грехом под башню полские люди подкотили порох, и наши ратные люди сошли с стены многие, а иных порохом ополило»<sup>{285}</sup>. История со взрывом получила большую известность; информатор шведского резидента де Родеса из Смоленска тоже написал об этом: «Не осмотревшись, нападавшие уже были с 8 небольшими флагами на стене, но в том месте осажденные как раз взорвали башню, от чего свыше 500 русских взлетели на воздух»<sup>{286}</sup>. О подлинных же причинах взрыва, как и вообще о деталях смоленского штурма, поведал на сейме 1658 года сын руководителя смоленской обороны Филиппа Обуховича. Он рассказывал по-другому: о взрыве пороха, который спешили поднести к поднятым на вал орудиям сами русские, штурмовавшие Смоленск. Это и стало переломным моментом. «Сам Бог так устроил» в этот день, говорил сын воеводы Обуховича: осажденные уже опустили руки и считали минуты до окончания штурма, и если бы наступление продлилось еще полчаса, царские войска взяли бы город<sup>{287}</sup>.

После штурма 16 августа войска занялись подсчетом потерь. Царь Алексей Михайлович в упомянутом письме в Москву, написанном неделю спустя после штурма, говорил, что литовских людей погибло больше двухсот человек, а «наших ратных людей» около трехсот; кроме того, насчитали еще тысячу раненых. Шведский резидент Иоганн де Родес получил из-под Смоленска сведения о пяти тысячах раненых и убитых. В Речи Посполитой тоже говорили, что потери наступавших были на порядок больше и доходили убитыми до семи тысяч, а ранеными — до 15 тысяч человек<sup>{288}</sup>. Но царь Алексей Михайлович успокаивал «государыню матушку и сестрицу царевну Ирину Михайловну» и других сестер, что жертвы были не напрасны. В собственноручной приписке царя говорилось: «А о приступе не кручиньтесь: ей, дородно и славно наши люди учинили и их побии»<sup>{289}</sup>.

Убедившись в силе своего войска, царь не собирался останавливаться. В конце августа его армия взяла Могилев, Усвят и Шклов. Наказной гетман Иван Золотаренко, хотя и с запозданием, тоже продолжал движение к Смоленску, завоевав по пути Гомель, Чечерск, Новый Быхов и Пропойск.

Новый штурм Смоленска был назначен, по сведениям де Родеса, на 1 сентября, но впоследствии отложен на неделю<sup>{290}</sup>. Осажденные понимали, что их сил, уменьшившихся из-за потерь во время первого штурма, могло не хватить для новой обороны всех участков смоленской стены и ее башен, основательно разбитых огнем артиллерии. Они видели, что царь Алексей Михайлович «все войска из Белой Руси замкнул»<sup>{291}</sup>. Полк боярина князя Алексея Никитича Трубецкого присоединился к преследованию отступавшего от Орши гетмана Януша Радзивилла, и вскоре русские войска полностью разбили литовское войско под Борисовом. Как запомнили защитники Смоленска, уже на третий день после штурма в московском лагере начали праздновать победу над Радзивиллом.

Действительно, в дворцовых разрядах записано, что 20 августа 1654 года к царю приехали с сеунчом (победной вестью) от воевод всех полков рати князя Трубецкого. Московские войска захватили пленных и многие трофеи: «...а в языках взяли 12 полковников, и знамя и бунчук Радивилов взяли, и знамена и литавры поймали, и всяких людей в языках взяли 270 человек». Гетмана тоже едва не захватили в плен: «...а сам Радивил утек с не большими людьми, ранен»<sup>{292}</sup>. Еще более пространная запись о победе над Радзивиллом содержалась в «Книге сеунчей». По процитированному в ней донесению боярина князя А. Н. Трубецкого выясняется, что «большой» бой с гетманом Янушом Радзивиллом «и с литовскими людьми» был за селом Шепелевичами» и продолжался «на семи верстах и больши». Продолжая преследование, русские войска «и последней Радивилов обоз дошли», захватив даже «Радивилу карету»<sup>{293}</sup>. Главный трофей, как оказалось, лежал в доставшемся московским войскам ларце жены гетмана: там хранилось тайное письмо воеводы Филиппа Обуховича гетману Янушу Радзивиллу с описанием всех слабых мест Смоленской крепости.

Письмо немедленно доставили в царскую ставку под Смоленском, быстро расшифровали (царь Алексей Михайлович тоже умел пользоваться тайнописью) и переслали с переводом отправителю — смоленскому воеводе Обуховичу. Тому ничего не оставалось, как показать письмо своему окружению, чтобы его не обвинили в тайных сношениях с царскими войсками<sup>{294}</sup>. На осажденных в Смоленске подобный демарш произвел самое тягостное впечатление, тем более они уже видели, как мимо стен крепости провели знатных пленников из войска Радзивилла и гетманские знамена. Выдержав целый приступ, защитники Смоленска потерпели поражение от небольшого клочка бумаги, плохо хранившегося литовским гетманом.

Считается, что воевода Филипп Обухович был готов стоять до конца, и лишь страдавшие от тягот осады жители Смоленска во главе с городским судьей Ольбрехтом Голимонтом принудили военных руководителей начать переговоры<sup>{295}</sup>. Однако история с захваченным письмом стала поворотным пунктом, полностью лишив смоленских сидельцев надежды на дальнейшее сопротивление. 2 сентября в лагере царских войск оказались подробные статьи с условиями сдачи от имени «воеводы смоленского, и шляхты, и всех служилых и жилецких людей, и духовенства». В них царя Алексея Михайловича просили дать возможность покинуть Смоленск всем, кто этого пожелает, и оговаривались условия ухода из города. Смоленский воевода и шляхта хотели покинуть город с почетом, сохранив свои знамена, но этого, как увидим, не произошло. Особенно заботились смоленские сидельцы, чтобы им вернули переписку воеводы Обуховича с гетманом Радзивиллом. В 21-й статье сказано, что «лист князя его милости рукописный и иные листы, которые дня вчерашнего (1 сентября. — В. К.) были явлены, чтоб царское величество до его милости пана воеводы повелел отдать». Осажденные просили царя, «чтоб есмя обнадежены были, что никакова приступу до стены и стрелбы и подкопов не делали». В следующие дни оставалось только договориться «о месте и о подлинном собрании для розговору»<sup>{296}</sup>.

10 сентября 1654 года, как сказано в дворцовых разрядах, смоленский воевода Филипп Обухович и полковник Вильгельм Корф — смоленский комендант и начальник немецкой пехоты, «высылали из города, чтобы государь пожаловал, велел к ним к городу прислать на договор своих государевых думных людей». В ставке царя Алексея Михайловича действовали уже с позиции силы и ограничились посылкой доверенных лиц, «комнатных» стольников Ивана Богдановича Милославского, Семена Юрьевича Милославского и вместе с ними стрелецкого голову Артамона Матвеева и дьяка Максима Лихачева<sup>{297}</sup>. Дата 10 сентября, вошедшая в разрядные книги, фиксировала официальное начало переговоров; до сдачи города оставалось еще около двух недель. Тем временем один из военных руководителей смоленского гарнизона, полковник Вильгельм Корф, демонстрировал осажденным смолянам, что он не смирился с поражением и готов продолжать оборону. 13 (23) сентября Вильгельм Корф, Николай Тизенгаузен и другие офицеры и хорунжие заставили сделать в смоленских городских книгах запись — «протестацию», подтверждавшую их намерение воевать при условии, если смоленские обыватели будут снабжать их военными припасами и продовольствием. По сути, эта запись



все равно констатировала безвыходное положение смоленского гарнизона, отражая компромисс со сторонниками сдачи Смоленска. Коменданту Корфу с помощью этого протеста надо было оправдаться за потерю Смоленска в Речи Посполитой, и его расчет вполне удался<sup>{298}</sup>. Свою репутацию полковник Корф спас, но на деле польско-литовским войскам пришлось оставить Смоленскую крепость. 18 сентября 1654 года смоленскому городскому судье Ольбрехту Голимонту, шляхте, мещанам и рядовым была выдана царская грамота: «Пожаловали есьми города Смоленска судью Галимонта и шляхту, и мещан, и казаков, и пушкарей, и пехоту, которые били челом нам великому государю нашему царскому величеству на вечную службу и веру дали и видели наши царские пресветлые очи, велели их ведать и оберегать ото всяких обид и росправу меж ими чинить судью Галимонту, чтобы им обид и налог никаких ни от кого не было»<sup>{299}</sup>.

20 сентября стольник Иван Богданович Милославский «с товарищами» вошли в Смоленск, начали приводить к присяге шляхту, мещан, казаков и гайдуков и послали своего сеунщика в ставку к царю Алексею Михайловичу. В первый же день были приведены к присяге 364 человека шляхты, православных и «каталиков». Войдя в город, забрали на дворе у воеводы Филиппа Обуховича все знамена «сильно» (то есть силой), хотя в договоре о сдаче Смоленска было записано, что «их отпустить с знамены». Это немедленно вызвало бунт наемной пехоты — «гайдуков» и «желдаков». Дальше переговоры со стольником Милославским воевода Филипп Обухович вел через своего представителя, прося об аудиенции у царя Алексея Михайловича. Вопросов, требовавших решения, было много: и о подводах для уезжавших, и о порядке выдачи крепостей на смоленские дворы<sup>{300}</sup>. Действительно, такой прием состоялся, как написано в разрядной книге: «И после договору смоленские шляхты и мещане, которые похотели служить великому государю, приезжали из Смоленска к великому государю на стан на Девичью гору и были у его государевы руки в шатрах»<sup>{301}</sup>.

23 сентября наступило время показательной сдачи Смоленска. Царь Алексей Михайлович позволил воеводе Филиппу Обуховичу, немецким офицерам, шляхте и мещанам уйти «в Литву». По сведениям офицеров, воевавших под Смоленском, таковых набралось 800 человек из пятидесяти тысяч гарнизона<sup>{302}</sup>. Всем, кто пожелал остаться и присягнуть «на царское имя», гарантировали сохранение судебных и имущественных прав. Воевода Филипп Обухович с сопровождавшими его людьми выходил из города через Молоховские ворота (в противоположной части смоленской



крепостной стены по отношению к Королевским воротам над Днепром). Тогда произошла историческая сцена, напоминавшая о событиях безуспешной осады русскими войсками Смоленска в 1634 году. Воевода боярин Михаил Борисович Шеин, отходя от города, вынужден был поклониться до земли и оставить свои знамена перед сидевшим на коне королем Владиславом IV (в память об этом хорошо известном в Речи Посполитой событии была отлита даже специальная медаль). 20 лет спустя история повторялась, только победители и побежденные поменялись местами. Оказавшиеся в безвыходном положении смоленские защитники во главе с воеводой Филиппом Обуховичем и полковником Вильгельмом Корфом вынуждены были склонить голову перед русским царем: «...и литовские люди из Смоленска вышли, и государю челом ударили на поле, и знамена положили перед ним государем и пошли в Литву»<sup>{303}</sup>.

Давний урон государственной чести был отмщен, и царь Алексей Михайлович в тот же день сообщил о взятии Смоленска в Москву. Царь символично указал освятить первую походную, «тафтяную» церковь, устроенную в освобожденном Смоленске «против Молоховских ворот», в честь Воскресения Христова. В день освящения церкви 25 сентября был устроен праздничный стол для воинства, поздравлявшего царя «с хлебы и с соболями». Ведь это был еще и великий праздник Сергия Радонежского, который царь с семьей обычно встречал в Троице! 28 сентября Алексей Михайлович принимал новых подданных — смоленскую шляхту. Тогда же был назначен первый наместник Смоленска — хорошо известный в Речи Посполитой бывший «великий посол» боярин и оружничий Григорий Гаврилович Пушкин. 5 октября царь покинул свою ставку на Девичьей горе и двинулся обратно в сторону Москвы<sup>{304}</sup>.

Триумф царя Алексея Михайловича в 1654 году стал одной из вершин его царствования. Много событий еще произойдет, в том числе и в годы затянувшейся русско-польской войны, но они не отменяют главного результата первой кампании, лично направлявшейся царем — возвращенного Смоленска! Вскоре царь дойдет во главе своего войска до Вильно, получит права на Великое княжество Литовское и польскую корону (впрочем, весьма призрачные) и будет участвовать в осаде Риги. Вся западная граница, как море при отливе, стала уходить и отдаляться. И до поры не будет никакой ответной волны, удар которой впоследствии сметет многое из того, что стало отстраиваться на зыбкой основе...

Участие в военном походе, как оказалось, спасло жизнь царя и всей его семьи. В тот самый момент, когда царь наблюдал за штурмом стен и башен Смоленской крепости, в столице разворачивалась страшная драма.

К тому времени чума распространилась на многие уезды Русского государства. При первых признаках «морового поветрия» в Москве в конце июля 1654 года царская семья была увезена патриархом Никоном в Троице-Сергиев монастырь. Но и там стало небезопасно, поэтому царица Мария Ильинична и малолетний царевич Алексей Алексеевич, от чьего имени велись дела в Московском государстве в отсутствие царя, оказались в Калязине, где и пережидали ужасное время. К ним никого не пропускали через заставы на дорогах из затронутых эпидемией мест, приходившие письма по несколько раз переписывались «через огонь». Полный карантин был главным средством борьбы с распространявшейся болезнью.

Оставленная царем и патриархом, терзаемая мором Москва казалась городом, брошенным перед приходом неприятеля. Умерли ведавшие дела в Москве бояре князь Михаил Петрович Пронский (11 сентября), князь Иван Васильевич Хилков (12 сентября), заболел окольный князь Федор Андреевич Хилков. На вопросы из Калязина о том, что происходит в Москве, отвечал окольный князь Иван Андреевич Хилков, «с часу на час» тоже ожидавший смерти (он в итоге выжил и даже был пожалован чином боярина за свою службу). 23 сентября, в самый момент Смоленского торжества, князь подтверждал, что эпидемия продолжалась: «...а поветрие моровое на Москве на люди не унимается»<sup>{305}</sup>. Кроме князя И. А. Хилкова, в Москве из думных людей оставались еще окольный князь Василий Григорьевич Ромодановский и думный дьяк Алмаз Иванов, никуда не «съезжавшие» всё это время. Им и пришлось взять управление в столице в свои руки — насколько можно было говорить об управлении в чумном городе.

В начале разразившейся эпидемии в Москве все стали искать виноватых. И в спокойное время в столице достаточно было искры, чтобы разгорелся нешуточный социальный пожар, что же говорить о времени чрезвычайном, небывалом на памяти людей! Мор был Божьим наказанием, поэтому взоры обратились в сторону патриарха Никона. Происходившее бедствие связали с новыми церковными обрядами, с устранением из церковного обихода старых книг и икон. В Москве разыгралась целая драма, когда в Кремль принесли икону, лик которой соскребли якобы «по патриархову указу». Как писал 29 августа 1654 года в донесении новому королю Швеции Карлу X де Родес, все происходило «3 дня тому назад». Патриарха обвинили в том, что из-за него не унимается мор: «В короткое

время в Кремль собралось несколько тысяч народа, и некоторые принесли с собой своих нарисованных богов, которых они носили туда и сюда». У икон «были выцарапаны глаза, или они были иначе мерзко осквернены». Одна монахиня, по словам де Родеса, «повесив икону на грудь», убеждала всех, «что ей сама икона открыла, что некоторый святой образ обесчещен, осквернен и брошен под лавку в доме патриарха, и так как это случилось, то икона сказала, плача, что из-за этого люди так и умирают, и не перестанут умирать раньше, чем это будет наказано и та икона снова будет восстановлена в своем прежнем достоинстве». Действительно, в доме патриарха Никона нашли оскверненную икону, после чего толпа требовала от вышедшего после службы в Успенском соборе боярина князя Михаила Петровича Пронского, чтобы он вернул патриарха в Москву вместе с разбежавшимися из столицы священниками. Пронскому удалось успокоить собравшихся тем, что такие дела может решить только царь. Патриарха называли «еретиком» и «колдуном» (де Родес не решился написать эти слова открыто, а записал их дипломатическим шифром — цифрами, переведенным только в шведской королевской канцелярии)<sup>[306]</sup>. Никон, конечно, и не собирался ехать в Москву, а вскоре оставленный ведать столицу боярин князь Пронский, да и сами несчастные заводчики нового гилия в столице сгинули в бушевавшем «моровом поветрии»<sup>[307]</sup>. Своеобразным «ответом» патриарха обвинителям стало его «Поучение о моровой язве», изданное Московским печатным двором в 1656 году. Приводя богословские обоснования, Никон оправдывал решение людей не только надеяться на Бога, но и самим искать помощи и спасения от мора.

Считалось, что болезнь переносится ветром, поэтому первым делом запечатали царские хоромы, закрыли входы во дворец, поставили всюду заставы; на тех дворах, где открывалась болезнь, приказывали делать «засеки» и ставить охрану, чтобы никого не выпускать, тем самым обрекая на смерть всех, кто жил на дворах, да и самих охранников. Тюремных сидельцев хоронили там, где они умирали. В Москве погибли почти все оставленные для охраны стрельцы, а колодники разбежались. Были закрыты почти все городские ворота, чтобы остановить поток людей, выбиравшихся любым способом из Москвы. Надо было также предотвратить грабежи на опустошенных мором посадских дворах и вывоз оттуда «грабленного», зараженного имущества. На Казенном дворе и в Посольском приказе заложили кирпичом окна, «чтобы морового духу не нанести». Вообще вся работа приказов была остановлена, их велено было закрыть «и никаких государевых дел не делать». Патриарх и царица

требовали из Калязина, чтобы весь Кремль запечатали, «а оставить для проходу одну калитку, которая на Боровицкий мост»<sup>{308}</sup>.

Город был опустошен сильнее, чем после иноземного нашествия. Приведем полностью свидетельство очевидца, шведского агента де Родеса, доносившего королю Карлу X 15 ноября 1654 года:

«Насколько сильно в последнее время распространилась чума, сколько сотен тысяч людей погибло от нее и какая нищета царит из-за нее здесь во всей стране, почти невозможно описать. Достоверно оценивают, что в Москве и вокруг нее погибло свыше 200 000 человек. Если в большом городе почти нет домов, где бы не было погибших, то об умерших в других местах, как, например, в Казани, Нижнем, Вологде, Ярославле, Переяславле, Торжке, Твери, а также в землях и деревнях вокруг них, не говоря уже о совсем отдаленных населенных пунктах, еще не получено ни одного соответствующего известия. Множество мелких городов и деревень вымерло полностью, скот бродит там и тут по лесам и кустарникам: часть его достается диким зверям, часть умирает от голода. Город Москва опустел, так что ворота не охраняются и ночью стоят открытыми. На улицах собаки едят непогребенных мертвецов. Те из мошенников, кто поосторожнее, собираются в группы и грабят дворы, в которых все вымерло. Неизвестно, по чьему злему умыслу сгорела колокольня над большими воротами дворца, и позолоченный орел свалился вниз. Но теперь прибыло несколько сот стрельцов для охраны ворот, но они тоже мрут. Люди, отпущенные из-под Смоленска, снова возвращаются и тоже гибнут один за другим, так что стоит опасаться, что если зима не будет очень холодной, то чума прекратится еще не скоро, хотя в Москве она сейчас уже немного поутихла»<sup>{309}</sup>.

Словом, горе было тем, кто, на свою беду, остался в Москве, картина была устрашающая. Русские источники подтверждают известие о пожаре Спасской (Фроловской) башни. Она сгорела 5 октября, ночью, после чего позолоченный царский герб на верхушке башни мрачным символом упал на землю. Рухнул и часовой колокол, время остановилось...

Люди были предоставлены самим себе и зависели от воли случая. Лечения от болезни не было, а приходила она неожиданно и страшно. Сохранилось еще одно описание очевидца — диакона Павла Алеппского. В разгар эпидемии он приехал в Московское государство вместе со своим отцом антиохийским патриархом Макарием. В Москву вселенского патриарха и его свиту не пустили, так они оказались в Коломне. «То было нечто ужасающее, ибо являлось не просто моровую язву, но внезапной

смертью, — писал диакон Павел Алеппский. — Стоит, бывало, человек и вдруг моментально падает мертвым; или: едет верхом или в повозке и валится навзничь бездыханным, тотчас вздувается, как пузырь, чернеет и принимает неприятный вид. Лошади бродили по полям без хозяев, а люди мертвые лежали в повозках, и некому было их хоронить»<sup>[310]</sup>. Если же кого и везли хоронить, то вскоре умирали все, кто был на отпевании, поэтому очень скоро перестало хватать священников. Коломенский воевода князь Василий Морткин был не в силах что-либо изменить и объяснял чрезвычайную ситуацию в городе и уезде: «А на Коломне, государь, москвичь наехало много». Все, что оставалось, — соблюдать строжайшие карантинные меры. Но ужас гнал людей из столицы, несмотря ни на какие кордоны. По-настоящему остановить потоки беженцев из Москвы смогли только крепкие заставы, охранявшие подъезды к местопребыванию самого царя Алексея Михайловича. Патриарх Никон попытался на всякий случай приготовить для царской семьи убежище в Новгороде, однако выяснилось, что новгородцы, которых чума обошла стороной, не желали лишаться выгод от торговли. Из-за их беспечности мор подобрался и к Великому Новгороду, несколько человек умерло совсем близко — в Старой Руссе. Планам перевезти царскую семью из Калязина в Новгород не суждено было осуществиться<sup>[311]</sup>.

Весь август и сентябрь, вплоть до начала октября, пока не пришли холода, мор не утихал. Болезнь распространялась все дальше по уездам Московского царства. Первые признаки отступления «морowego поветрия» можно было найти... в московских торговых рядах. 8 октября там уже открылась торговля, «немногие люди» пришли торговать «с хлеба и с калачи»<sup>[312]</sup>. Тем временем царь Алексей Михайлович двинулся из-под Смоленска в Москву. 18 октября он послал из Дорогобужа письмо своим сестрам и царице Марии Ильиничне, но в нем еще ничего не было сказано о бедствии в стране. Царь радовался полученным известиям о взятии Дубровны, Кричева и Гор. 21 октября, «в субботу вечером», Алексей Михайлович пришел в Вязьму и известил об этом сестер и царицу. Только после появления царя «на стану в городе Вязьме» стали поступать доклады о тревожном положении дел от уцелевших членов Думы — окольничего князя Ивана Андреевича Хилкова и думного дьяка Алмаза Иванова. Так перед царем стала открываться полная картина переживаемого «морowego поветрия».

Алексей Михайлович решил и дальше оставаться в Вязьме. Неизвестно было даже, вернется ли он в столицу или отправится обратно в

Смоленск. Прежде всего царь стремился воссоединиться с семьей — сестрами, царицей Марией Ильиничной и детьми. 4 ноября их уже ждали в Вязьме со дня на день. Алексей Михайлович с нетерпением писал им навстречу: «А что едете ко мне и зело о том радуюся и жду вас, светов, как есть слепой свету рад»<sup>{313}</sup>. Во время вяземского стояния царь продолжал заниматься делами начатой войны. Он готовил новый поход в Литву, назначенный на весну следующего года. Полки его армии, продолжавшей воевать в литовских городах в соединении с «черкасами», достигли новых успехов. 22 ноября от воеводы боярина Василия Петровича Шереметева пришло известие о взятии Витебска<sup>{314}</sup>. Все это звучало каким-то невероятным контрастом по сравнению с тем, что происходило в остальном Московском царстве.

Первого «разведчика» в опустошенную мором Москву отправили на следующий день после получения известия о витебской капитуляции — 23 ноября. Таким храбрецом оказался царский сокольник Федор Жаравлев. Он выехал с передовой заставы, находившейся «по московской дороге» за селом Клушином, и возвратился 9 декабря, описав увиденную им картину в донесении царю в Вязьму. Дальше клушинской заставы его, конечно, не пустили, но у него были взяты расспросные речи и переписаны привезенные им письма. Выяснилось, что Федор Жаравлев пробыл в Москве около недели, ездил по московским монастырям, чтобы выяснить, «сколько в котором монастыре братьев осталось», однако мало чего добился, так как монастырские старцы ссылались на подачу таких росписей окольниковому князю Ивану Андреевичу Хилкову. Царскому сокольнику удалось увидаться с князем Хилковым «в Верху», в Столовой палате, и получить от невольного царского местоблюстителя письма, а также разные росписи для передачи царю и патриарху (в том числе о живых и умерших певчих дьяках). Федор Жаравлев привез и грамотки к боярину и дворецкому Василию Васильевичу Бутурлину, царскому постельничему Федору Михайловичу Ртищеву и близкому царскому другу стольнику и ловчему Афанасию Ивановичу Матюшкину. Скорее всего, они и были инициаторами его отправки. Из слов сокольника Жаравлева выяснялось, что «на Москве де милостью Божиею морового поветрия нет, утишилось, и в рядах во всех торговые люди торгуют и сидят, и из деревень с сеном и с дровами приезжают»<sup>{315}</sup>. Так удалось получить первые обнадеживающие известия.

Другие сведения были получены от дьяка Новой чети Кузьмы Мошнина, отправленного в Москву 3 декабря. Это уже была не чья-то



частная инициатива, а поручение царя, исполненное окольничим Богданом Матвеевичем Хитрово. По царскому указу он отправил дьяка Кузьму Мошнина «из «Олеक्सинской своей деревнишки», чтобы тот отчитался потом перед царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Дьяку велено было «досмотрить» соборные церкви и монастыри в Кремле, царский и патриарший двор, узнать, кто остался в живых в приказах, каково состояние казны в Новой четверти (где он служил) и в Земском приказе, сколько людей осталось во дворах бояр, окольничих, «думных и ближних людей» царя, посмотреть, возобновилась ли торговля в рядах. Посланец действовал целенаправленно, стараясь не пропустить ничего важного, записывал, «сколько живых и что померло». Отчет дьяка Кузьмы Мошнина стал главным документом, бесстрастно зафиксировавшим ужасающие потери от «морового поветрия» в Москве<sup>{316}</sup>.

Пройдем и мы этим скорбным путем, читая страницы дьячьей росписи, фиксировавшей по порядку все, что ему удалось увидеть за неделю пребывания в Москве.

В Успенском соборе в Кремле «остался поп Перфилей, дьякон Василей»; в Благовещенском соборе, «что у государя на сениях», служил тоже один поп «из приделу»; «у Василья Блаженного» служба продолжалась, но протопоп, как и многие священники в те дни, «постригся» в монахи. Протопоп кремлевского Архангельского собора спасался от чумы в деревне, и церковь была закрыта. Царские и царицыны хоромы были «заперты» еще летом и запечатаны печатью покойного боярина князя Михаила Петровича Пронского. В остальных местах — «в Верху ж у государя, от Грановитой полаты к Переграде, и на Постелном и на Красном крылце, и за Переградою к Мастерским полатам, и от Устретенья к Набережным хоромам, и на дворцах» — трудно было даже подойти и рассмотреть, все завалило снегом: «сугробы снежные самые большие, пройтить мало лязя; и на Площади, у соборной церкви, и в Кремле гораздо снежно». Тем не менее выяснилось, что «у государя ж в Верху» остались в живых несколько человек, шуты «князь Ян, да Карла, а Спаские ключи у Карлы», один комнатный стольник Михаил Ефимов, «шесть человек постельных и стольников». Дворцовых служителей, в обычное время обеспечивавших хозяйственную жизнь «на трех дворцах», осталось только 15 человек. На патриаршем дворе в церкви Трех Святителей службы продолжались, «казна цела», остались в живых приказные люди Иван Култашев и дьяк Лукьян Голосов. В кремлевском Чудове монастыре — «старцов живых 26 человек, а умре 182 человека». Там же удалось спастись сибирскому царевичу (другие его родственники находились в походе с



царем Алексеем Михайловичем). Еще в одном — Вознесенском — монастыре выжило 38 стариц, «а умре 90 стариц». Это в самом Кремле.

Жизнь в приказах остановилась, там осталось только несколько дьяков. Алмаз Иванов в Посольском приказе, сохранивший царский архив и взявший на себя в самое тяжелое время управление Москвой, дьяк Приказа Казанского дворца Федор Грибоедов и два дьяка в Приказе Большого дворца. В главном военном приказе — Разряде — дьяков в присутствии не было, только три подьячих. Дьяк Иван Северов находился в деревне и в Москву не приезжал. Казна в Новой четверти и Земском приказе оказалась в наличии, но в общей сложности там умерло больше ста служащих. Дьяк Кузьма Мошнин проверил казну и на Кружечном дворе, где так же, как и в Новой чети, хранилось около 10 тысяч рублей (суммы, которыми можно было оперативно воспользоваться царю в случае необходимости). Сохранилось даже большое количество вина в амбарах — 63 600 ведер, но многие «уговорщики», которые должны были поставлять вино, умерли в городах, а остальные в Москву не приезжали, хотя их и вызывали грамотами.

Боярские дворы царских приближенных остались в целости, их никто не грабил, но картина и там была тяжелая. Этот раздел росписи открывает упоминание о дворе Бориса Ивановича Морозова (дьяк Кузьма Мошнин, видимо, хорошо знал неформальную боярскую иерархию). В нем «осталцов», как назвал составитель росписи переживших чуму, оказалось 19 человек, а умерло — 343. Опустошению подверглись дворы главных воевод царского войска: у князя Алексея Никитича Трубецкого «на дворе живых 8 человек, а умре 270 человек», у князя Якова Куденетовича Черкасского осталось 110, а умерло больше всех — 423. Число умерших на дворах бояр князя Никиты Ивановича Одоевского — 295 человек, Ильи Даниловича Милославского — 100 человек, Никиты Ивановича Романова — 352 человека. Кое-где некого было даже расспросить: так, на дворе у Василия Ивановича Стрешнева «живых один мальчик, а иных жильцов нет».

В «черных сотнях и слободах», где жили посадские люди, особому опустошению от эпидемии подверглись Новгородская и Покровская сотни, где умерло по 500 человек. Из двухсот жителей Кузнецкой слободы погибло 170 человек, и повсюду — на Сретенке, Мясницкой, Ордынке, в Заяузье на одного живущего приходилось примерно пять-шесть умерших. Но торговля уже открылась, что подтверждало сведения сокольника Федора Жаравлева. Больше всего сидельцев с товарами было в «овошном в верхнем и в нижнем рядех» и «в рыбном ряду»: там «пустых лавок» «не

много» и «харч всякой по прежнему». Торговые люди «из городов» начали привозить рыбу и на «Гостин двор». А вот ряды и лавки, где торговали не съестными товарами, пустовали. В чулочном, ветошном, шапочном, москотильном рядах «сидельцов» было мало. Такая же картина наблюдалась в котельном и коробейном, седельном и саадашном рядах, полностью был закрыт пищальный, «в железных рядах сидельцов мало». Не заработали медовый и свечной ряды, ведь церкви остались без прихожан. Масляный ряд оказался вовсе «заперт». И, самое главное, в Москве почти не было хлеба. Как писал дьяк Кузьма Мошнин, «на Болоте с хлебом ставятся люди небольшие, а продают овес по 13 алтын 2 денги, а ржи и пшеницы и иного хлеба нет»<sup>{317}</sup>.

Царю Алексею Михайловичу открывалась самая удручающая картина жизни в оставленной столице. Число умерших от «морового поветрия» в Москве затмевало потери Смоленского похода, где счет тоже шел на тысячи погибших и раненых. Общая картина бедствия, постигшего Московское царство, стала выясняться по мере сбора сведений из уездов. Воеводы разных городов отчитывались, сколько и в какое время умерло у них людей. Оказалось, что основной удар эпидемии пришелся на города вокруг Москвы — Звенигород, Верею и Коломну, куда бежали спасавшиеся от «мора» люди. «Моровое поветрие» распространилось на Замосковский край — Владимир, Кострому, Ярославль, Нижний Новгород, Тверь, на заозские города — прежде всего Калугу, украинные города — Тулу и Рязань. В Троице-Сергиевом монастыре, где сначала жила царская семья, и в слободах рядом с монастырем умерло «с язвами и без язв» 1278 человек. В расположенном неподалеку Переславле-Залесском мор унес 3627 человек, а в живых осталось 939. Любимый царем Алексеем Михайловичем Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде тоже оказался сильно затронут «моровым поветрием», во время Успенского поста там вымерла вся Стрелецкая слобода, располагавшаяся под монастырем. На счастье архимандрита Никанора, он находился в походе рядом с царем Алексеем Михайловичем<sup>{318}</sup>. Мор прошелся и по городам неподалеку от Калязина, где до конца октября жили патриарх Никон и царская семья. Например, в Кашине и уезде умерло 1539 человек (несколько дворов вымерли «без остатку»). Особенно страшными были цифры умерших от чумы в крупных городах. Здесь прослеживалась та же закономерность: болезнь распространялась вместе с людьми, покидавшими столицу по рекам. На Оке больше других пострадали Калуга (1836 умерших на посаде и 930 оставшихся в живых), Переяславль-Рязанский (2583 умерших и 434

живых). В Твери на Волге число умерших и живых почти сравнялось (336 и 388 человек), огромные потери понесли Кострома — 3247, Нижний Новгород — 1836. В Нижегородском уезде число умерших достигало 3666 человек. Чума доходила до южных уездов, но там были лишь эпизодические случаи ее проявления. В Рыльском уезде «умерло от морового поветрия всяких чинов людей, в четырех селах, 25 человек». Оказалось, что рылянин Гришка Лазарев, на свою беду, ездил в Москву, а когда 24 сентября вернулся домой, то и учинился мор. С виновником обошлись жестоко: «И тот Гришка из тех сел выбит и на лесу умер». Но другой возможности справиться с эпидемией не существовало. «Поветрие» продолжалось в Рыльском уезде еще два месяца, пока не утихло<sup>[319]</sup>.

Угроза эпидемии сохранялась в разных местах вплоть до Николина дня — 6 декабря и даже до Рождества — 25 декабря. Главный вопрос, который задавали себе люди: в чем же была причина «Божьего пощущения»? Ответить на него можно было разве что эпическим языком, к которому и прибегали авторы летописей. В так называемом «Беляевском летописце» XVII века сохранилась статья «О моровом поветрии», подводившая итог тяжелой години Московского царства в 1654 году: «Тогож де лета, наказуя нас Господь милосердием своим за многое наше прегрешение, посла свой праведный скоропостизательный серп: бысть в царствующем граде моровое поветрие велие. Являхуся на людех язвы, прыщи великия, и гнияху, и от язвы умираху. Святые Божии церкви в царствующем граде Москве и самая церковь соборная Богоматере многое время бе без службы. Государю же тогда воевавшу польскаго и литовскаго короля с великою победою. Гнев же Божий от царствующего града распрострися и во иныя грады Российския державы. И множество людей безчисленно тою язвою помроша, и исчислити невозможно, токмо весть един Господь Бог число их; а мнози сподобишася монашескаго чина»<sup>[320]</sup>.

Совсем не случайно «Беляевский летописец» завершает свою запись о множестве людей «постригшихся» в монастыри. 15 января 1655 года царь Алексей Михайлович в письме назначенному им ведать дела в Москве боярину Ивану Васильевичу Морозову требовал дать подробный отчет о «моровом поветрии» в Москве: «Унялось ли или еще порывает, а буде перестало, и сколь давно перестало и в коем числе». Но еще больше царя заботило то, что принявшие постриг во время чумы забыли о своих обетах и, когда мор отступил, стали жить прежней жизнью: «Ведомо учинилось нам, великому государю, что на Москве в моровое поветрее мужья от жон постригалися, а жены от мужей, а ныне многие живут в своих дворах з

женами и многие постриженные в рядах торгуют, и пьянство и воровство умножилось». Именно об этом, а не о восстановлении жизни в опустошенной столице думал прежде всего царь Алексей Михайлович. Находясь в Вязьме, он еще не мог по-настоящему осознать, какую беду только что пережили люди.

Получив известия от отправленного в Москву боярина Ивана Васильевича Морозова, царь вынужден был снова братья за перо. 21 января он выговаривал ему за «неподлинные» сведения из столицы. Боярин не отвечал прямо на царские вопросы, а вместо этого писал о смерти дьяка Петра Стеншина «от старых язв», что не понравилось царю: «А про смертоносную язву не пишете, перестала ли или нет и нет ли старопострелных людей, которые не выздоровели от язв, и будет есть, и сколько и которово числа дияка нашево Петра Сеншина постреляло, и адин ли он умер или со всем двором?» Ничего не было сказано боярином Иваном Морозовым «про новопостриженных старцов и стариц и иное всякое безчинство». Вопросы царя показывают, что он хорошо умел разбираться в делах, но для начала надо было все-таки получить необходимую информацию. Царь ждал прямого ответа, чтобы окончательно определиться, может ли он приехать в столицу: «И то знатно? Не опасая нашево государева здоровья и без ума пишете неподлинно!»

Опасения царя за себя и за семью понятны. В эти дни он ожидал рождения нового ребенка. 23 января в Вязьме родилась царевна Анна. Именно тогда царь Алексей Михайлович решил, что все-таки должен оказаться в Москве. Извещая о радостном событии — рождении дочери — думного дьяка Алмаза Иванова, царь писал: «А к Москве мы будем вскоре, легким делом, а чтоб тебе никому не сказывать, до коих мест весть будет прямая». 28 января царь написал новое письмо боярину Ивану Васильевичу Морозову о принятии мер предосторожности во время его приезда. К этому времени Алексей Михайлович имел полную картину опустошения Москвы; ему рассказывали, что «которые выморошнные дворы, а в них не осталось никоу и стоят пусты, и с тех дворов выметаны на улицы постели и всякое рухледишко и снегом занесло и замерзло, а из иных и из жилых также выметано». Царь распорядился убрать из Кремля и с улиц, по которым ему предстояло возвращаться, все зараженное имущество. Впрочем, спохватившись, он потребовал полной уборки улиц Москвы: «Адноконечно бы (московский говор уже существовал в XVII веке, и здесь мы видим известный пример «аканья» у самого царя. — В. К.) к нашему государеву пришествию во всей Москве по всем улицам и переулкам чисто было и заморново не было, а, подобрав бы, велели в непроходимое место

закопать»<sup>{321}</sup>.

Завершавшееся вяземское стояние было непростым временем для царя Алексея Михайловича. Он стремился скорее вернуться к отложенным военным делам, продолжал распоряжаться управлением покоренного Смоленска и других городов, присягнувших на его имя. Забот там было очень много: это в Москве жизнь остановилась, а в новой «царской отчине» — Полоцке, Могилеве, Орше, Витебске — все требовало царского внимания. В грамотах в Смоленск боярину Григорию Гавриловичу Пушкину царь заботился о «призрении» раненых и больных солдат и стрельцов, о переводе туда достаточного числа лекарей из других литовских городов. Царю шли челобитные от православных в Литве, на защиту которых он встал, они просили помощи и денег, надо было думать об устройстве там церквей и монастырей. В отсутствие царских войск под Смоленском в некоторых волостях изменили присяге, и царь посылал ратных людей на «кривоприсяжцев»<sup>{322}</sup>.

О том, как далеки были новые и старые царские подданные друг от друга, свидетельствует обращение к царю воеводы Михаила Петровича Воейкова. После сдачи Могилева 24 августа 1654 года он послал с сеунчом в царский стан под Смоленск. Написав об организованной присяге, воевода Воейков просил совета, как принимать присягу у католиков: ведь они, как считал царский воевода, «не христиане»: «А которая, государь, римская веры шляхта хочет быть под твоею государевою высокою рукою, и я, холоп твой, по той евангельской заповеди приводить их к вере не смею, что они не христиане». В ответной царской грамоте воеводе Воейкову указали: «А иноверцев бы еси, которые не нашей христианской веры, приводить к присяге велел перед собою, по их законом, их духовного чину людем, чтоб нам великому государю в службе были верны». В царской ставке обратили внимание на другой, местнический аспект его службы вместе с ранее присягнувшим царю шляхтичем полковником Константином Юрьевичем Поклонским и требовали сначала писать его имя, а потом уже московского воеводы<sup>{323}</sup>. Впоследствии, кстати, открылось дело по обвинению воеводы Воейкова, якобы отпуславшего за мзду в Литву католиков и «жидов» (так в русских источниках, следом за польскими, стали называть еврейское население покоренных городов). Царь послал расследовать факты подкупа, но они не подтвердились.

Пока не было никакого отпора царским войскам, города в Литве сдавались на милость победителя и присягали в подданство царю Алексею Михайловичу. Царь был щедр и разрешал почти все, что у него просили

покоренные — сохранить дома, имущество, пребывать в прежних должностях, пользоваться магдебургским правом в городах и льготами, дарованными польскими королями, или позволял уехать тем, кто не хотел ему присягать в подданство. Слово «отказать» возникало только в делах церковных: здесь царь был неумолим. Когда обсуждали условия сдачи Витебска, он запретил «римскую веру»: «костелу не быть, а петь у себя в домех». Ксендзам при этом было разрешено выехать в Польшу. Такой же запрет постиг униатов: «унеятom не быть»<sup>{324}</sup>.

Правда, длилась царская милость недолго, до первых признаков неповиновения. Так, например, смоленскую шляхту велено было увозить связанными в Москву по ночам, а если наталкивались на сильное сопротивление, то их разрешалось «сечь», оставляя в живых только женщин и детей.

Для понимания внутреннего состояния царя Алексея Михайловича показательным его дружеское письмо «верному и избранному голове нашему» Артамону Сергеевичу Матвееву, написанное в тот же радостный день 23 января 1654 года. Царь делился со стрелецким головою Матвеевым сокровенными мыслями и говорил о своем тогдашнем пребывании «в тягестях великих душевных». То был отголосок переживаний о «моровом поветрии», которое, впрочем, в Москве «утихло и здорово». Но урок царь Алексей Михайлович получил и писал об этом Матвееву: «Не люто есть вспотыкатца, люто есть, вспоткнувся, не поднятца».

Царь мог обсуждать государственные дела только с самыми близкими советниками. Серьезный характер этих дел не исключал шуток. Юмористически описан даже прием шведского посланника в Вязьме (на это настраивало имя дипломата, звучавшее не совсем прилично на русский слух): «Посланник приходил от Свейсково Карла короля думной человек, а имя ему Удде Удла, а таков смышлен и купить ево то дорого дать, что полтина, хотя думной человек. Мы, великий государь, в десеть лет впервые видим таково глупца посланника, а прислан нароком такой глупец, для проведыванья, что мы, великий государь, будем ли в любви с королем, и про то нам подлинно ведомо». Несмотря на шутливый тон, письмо это прекрасно иллюстрирует внутреннее самосознание царя, его настоящее отношение к новому шведскому королю Карлу X. Царя забавляла перемена тона в дипломатических делах, но он хорошо знал ей цену: «...а братом не смел король писатца к нам, великому государю, и мы тому и добре ради и зело от нас страшны они, свияне». Но главное, что для царя и его дипломатических «визави» все теперь рассматривалось через призму отвоеванного Смоленска. Алексей Михайлович знал, что шведы были

встревожены после появления его армии в городах Великого княжества Литовского: «И Смоленск им не таков досажен, что Витепск да Полотеск, потому что отнят ход по Двине в Ригу». Поэтому он и не верил в искренность шведского короля, приславшего такого «достойного» посланника: «Да бута любя меня, прислал обвестить посланника да думново человека, сколько от любви, а здвое тово от страху».

Вторая «статья» царского письма Артамону Матвееву касалась текущих военных дел. Царь уже знал, что против него соединились и выступили два литовских гетмана — великий гетман Литовский Януш Радзивилл и полный гетман Винцентий Госевский (кстати, сын Александра Госевского — главы московского гарнизона в 1612 году): «Подлинно Радивил да Гасевской пришли под Новый Быхов, а с ними пришли всяково чину 12 000 и облегли Новый Быхов, в двух и в трех верстах, а на приступ не смеют итить». Царь иронизирует над тем, что языки говорили сначала о том, что из Литвы идет 100 000 войска, затем «другие сказали» — 50 000, «третьи» — 40 000, — четвертые 24 000, пока «подлинно доведались» о численности в 12 000. Правда, это в два раза превышало численность защитников Нового Быхова во главе с наказным гетманом запорожских казаков Иваном Золотаренко. Поэтому царь распоряжался отправить ему на помощь войска.

В этой войне царь сам привык быть в наступлении; еще и поэтому он писал Артамону Матвееву о действиях литовских войск, стремившихся вернуть потерянные города. Ответный поход литовских гетманов, наконец-то договорившихся о совместных действиях с королем Яном Казимиром и друг с другом (оба гетмана страшно враждовали), несколько путал карты. Алексей Михайлович самолюбиво не соглашался с тем, что кто-то заставляет его выступить в поход и менять планы: «А мы, великий государь, идем тоже, а не потому что Радивил гордитца пред Богом, а хочет взять Новый Быхов з Золотаренком да Могилев да Шклов и, взяв, итить к Москве. И то свинско есть, что пред Богом хвалится...» Царь получил сведения, что король Ян Казимир был уже готов отправить послов в Москву, но гетман Януш Радзивилл его отговорил. Царь даже пересказывает его слова королю: «Я де пойду, еще отведаю счастья своего и Золотаренка собою и города отворочю и под Москву пойду».

Наконец, в третьей «статье» письма Артамону Матвееву царь сообщал о военных действиях вокруг Витебска и об открывшихся изменах в смоленских волостях, где были побиты царские ратные люди и захвачены в плен воеводы, которых передали в войско гетмана Радзивилла. Но пока царь решил «на малое время, легким делом, оставя все в Вязме», идти в



Москву. Он подробно объяснял цели своего похода в столицу: «Бояр, и околничих, и думных дьяков, и всех людей от печали обвеселить и утешить, и, отвезши сестр своих государынь, и царицу свою, и детей, назад возвратимся, и пойдем за милостию Божиею противу Полского короля, не мешкая»<sup>{325}</sup>.

## Месяц в Москве

Алексей Михайлович не мог удержаться от слез, когда увидел брошенный Кремль с поверженным царским гербом над Фроловскими воротами. Отправляя свои войска в Смоленский поход, он готов был плакать от радости, другие слезы пришлось пролить при возвращении в Москву...

Свидетелем прохождения царских войск по московским улицам 10 февраля 1654 года стал диакон Павел Алеппский<sup>{326}</sup>. Царю, конечно, хотелось, чтобы это был триумфальный, победный марш. И он был таковым, несмотря ни на что. Первым в город вошло войско. От Земляного города вся процессия из «государственных чинов и войска» шла выстроенная в три колонны, «в ознаменование Святой Троицы». Во главе каждого полка несли знамена, а рядом шли барабанщики. Цвет знамени совпадал с цветом одежды служилых людей: «Если знамя было белое, то все ратники, за ним следовавшие, были в белом; если синее, то и ратники за ним в синем, и точно так же, если оно было красное, зеленое, розовое и всяких других цветов». Это были знамена победоносного царского похода с образами Успения Богородицы, Спаса, Михаила Архангела, Георгия Победоносца, Димитрия Солунского и царским гербом и другими украшениями. Дякона Павла Алеппского особенно поразили «одежда и стройный порядок ратников»; строй немного нарушался только тогда, когда они шли мимо церквей и дружно, снимая свои шапки («колпаки»), крестились на надвратные храмовые иконы и кресты. Шествие войска продолжалось много часов, в итоге оно выстроилось в почетный караул от стен Кремля до границ Земляного города.

Там патриарх Никон (также вернувшийся в Москву) под общий колокольный звон вышел навстречу царю Алексею Михайловичу. Церковные власти и посадские люди встречали царя хлебом-солью, несли дорогие подарки — иконы в окладах, соболя и кубки, как будто и не было недавнего разорительного бедствия. Затем появились стрельцы с метлами, расчищавшие царский путь. Царь ехал в обитых алым сукном саях, за ним

двигались позолоченные возки («кареты») со стеклянными дверями, в которых находилась царская семья.

Перед въездом в Кремль Алексей Михайлович остановил процессию и спешился. Тогда-то, как пишет Павел Алеппский, и пришлось ему «пролить обильные слезы» при виде разрушенной от пожара Фроловской башни. Пока царь проходил через Кремль, антиохийский патриарх Макарий и его сын, находившиеся в Вознесенском монастыре, успели рассмотреть, что царь шел «с непокрытою головою, беседуя с патриархом Никоном». Перед царем и патриархом несли иконы и хоругви, пели царские певчие, и уже не было никаких барабанов и флейт. Павел Алеппский подробно описал «царское одеяние из алого бархата, обложенное по подолу, воротнику и обшлагам золотом и драгоценными камнями, со шнурами на груди, как обычно бывает на их платьях». Около Вознесенского монастыря царь положил три земных поклона перед надвратной иконой и ответил на поздравления игуменьи и монахинь, традиционно приветствовавших царя хлебом-солью. Все было устроено так, чтобы царь попал к вечерне в Успенском соборе, «после чего поднялся в свой дворец»<sup>[327]</sup>.

Алексею Михайловичу удалось «обвеселить» людей, как он хотел. С его неожиданным приездом в столицу появлялась надежда на восстановление прежней жизни; были отставлены волновавшие московский посад страхи и разговоры «о Радзивиле и крале» (польском короле); стало ясно, что царская армия по-прежнему сильна и готовится к продолжению войны. Приезд царя помог и патриарху Никону вернуть если не доверие, то повиновение людей. Патриарх много делал для того, чтобы подчеркнуть свою роль в начавшейся войне. Шведский резидент де Родес доносил королю Карлу X 9 декабря 1654 года: «Мне было доверительно сообщено, что патриарх московский днем и ночью всем внушает и о том же говорит публично, как Москва благодаря его молитве и совету получила от Польши все, что хотела, и как она к тому же спасла верных ее религии из их бедственного положения. Теперь в Москве говорят, что Бог благословил их в их праведном предприятии, а также, что поход его счастливо удался и что отныне они должны снова привлечь к себе приверженцев своей несчастной религии на Украине и в Белоруссии»<sup>[328]</sup>. Но люди знали, что молитва патриарха не смогла защитить Москву от «морового поветрия», и не могли простить ему отъезд из столицы в самое тяжелое время.

Павел Алеппский записал слова царя, обращенные при встрече к антиохийскому патриарху Макарию: «Поистине, ради тебя, отец мой, я прибыл, чтобы свидеться с тобою и получить твое благословение». Нет

причины не доверять сказанному: царские слова были не только данью вежливости. Первое, что сделал царь Алексей Михайлович, возвратившись в Москву, — распорядился готовить прием вселенского патриарха. Их встреча состоялась уже через день, 12 февраля, и тогда патриарх Макарий произнес слова, которые, может быть, больше всего ждал от него царь. Вселенский патриарх сравнил его с царем Константином и молил даровать ему победы в борьбе за веру. Не случайно, «услышав эти слова», царь, по словам диакона Павла Алеппского, стал «чрезвычайно радостен».

Патриарху Макарию удалось удивить царя. На заранее приготовленных блюдах были разложены самые разнообразные подарки, привезенные в Москву, несмотря на все трудности долгого путешествия: старинные иконы и пергаменные книги, сосуды с миром, «чудесный индийский ларец из слоновой кости с маленьким серебряным замком», внутри которого была помещена «частица подлинного Древа Креста», и другие святыни. В Константинополе патриарх Макарий приобрел для царя «кусоч Честного Камня с Голгофы... подлинный, с признаками и свидетельствами». Такие подарки, конечно, поднимали авторитет Московского патриархата. День первого приема патриарха Макария 12 февраля приходился на именины наследника — царевича Алексея Алексеевича, которому исполнился год. Подарки царевичу — «перст Алексия, человека Божия, и немного волос его в серебряном, вызолоченном сосуде» и многое другое («манна, ладан, фисташки, миндаль, леденцы») — были тоже с благодарностью приняты. Царя Алексея Михайловича особенно заинтересовали диковинные вещи: фисташки, ладан и манна (застывший сок тамариска).

Царь явно благоволил приехавшему вселенскому патриарху и даже слегка изменил протокол, чуть дальше, на одну ступеньку, сойдя с трона при встрече и отправив бояр провожать патриарха. И еще один примечательный штрих, свидетельствующий о доверительном отношении царя к своим гостям. Он обратил внимание на то, что греческий язык патриарха Макария, на котором тот отправлял посольство, несколько отличается от обычной беглой манеры разговора греков (царь спросил «драгомана» (переводчика), «почему патриарх не говорит быстро»). Переводчиков с родного для патриарха Макария арабского языка в Посольском приказе не нашли, а на предложение говорить по-турецки царь ответил отказом — чтобы патриарх не «осквернял» свои уста «нечестивой речью». Это был явный знак, указывающий, кто был настоящим врагом московского царя в начатой им войне за веру. Подтверждает это и Павел Алеппский: «Здесь совсем не терпят турецкой речи и слышать ее не могут,

думая, что осквернится их слух».

В последующие дни антиохийского патриарха принимал патриарх Никон, царь приказал оказывать высокому гостю все возможные почести. Визиты вселенских патриархов были все-таки редкостью; в Москву чаще приезжали иерархи или архимандриты и игумены из Греции и Сербии, которые пользовались щедротами русского царя, не жалевшего казны для поддержки единоверцев, угнетенных в Османской империи. Присутствие же вселенских патриархов в Московском царстве стремились использовать, чтобы решать свои внутренние церковные задачи. Достаточно вспомнить посредничество иерусалимского патриарха Паисия в делах с гетманом Войска Запорожского Богданом Хмельницким. Не без участия этого вселенского патриарха случились тогда утверждение Никона на московском патриаршестве и его поворот к «грекофильству». Приезд антиохийского патриарха Макария тоже имел целью получение «милостыни» от православного царя, но Макарий еще и удивил царя Алексея Михайловича своими подарками и оказал ему духовную поддержку в спорных делах Русской церкви.

Своим авторитетом патриарх Макарий помог разрешить болезненный спор об иконах, ставший, как многие помнили, поводом для Чумного бунта. В первое воскресенье Великого поста 4 марта состоялась служба в Успенском соборе, на которой присутствовал царь Алексей Михайлович. Церковь в этот день отмечает Торжество Православия и предаёт анафеме своих врагов. Патриарх Никон устроил целое действо, повторявшее его борьбу с теми иконами, которые «московские иконописцы стали рисовать по образцам картин франкских и польских». Однажды патриарх Никон уже распорядился после отъезда царя Алексея Михайловича в Смоленский поход собрать повсюду такие иконы. Как писал диакон Павел Алеппский, Никон «выколол глаза у этих образов, после чего стрельцы, исполнявшие обязанность царских глашатаев, носили их по городу, крича: «Кто отныне будет писать иконы по этому образцу, того постигнет примерное наказание». Конечно, продолжал автор записок, «видя, как патриарх поступал с иконами, подумали, что он сильно грешит, пришли в смущение и волнение и сочли его противником икон. В это время случилась моровая язва, и солнце померкло перед закатом 2 августа. Они подумали: «Все случившееся с нами есть гнев Божий на нас за надругательство патриарха над иконами». Никон не щадил чувств не только простолюдинов, но и знати, из домов которых также изымались иконы. Но патриарх начал свою борьбу, когда царя Алексея Михайловича не было в Москве, поэтому думали, что царь ничего не знает об этом.

Пресечь подобные разговоры о несогласии царя и патриарха могло только повторное осуждение «неправильных» икон в присутствии царя. Антиохийский патриарх Макарий подтвердил правоту Никона: «... патриархи предали анафеме и отлучили от церкви и тех, кто станет изготавливать подобные образа, и тех, кто будет держать их у себя». Экзекуция написанных не по образцу икон повторилась: «Никон брал эти образа правою рукою один за другим, показывал народу и бросал их на железные плиты пола, так что они разбивались, и приказал их сжечь». Сколь ни поддерживал Никона царь Алексей Михайлович, но и он не выдержал и попросил патриарха смягчиться. «Царь стоял близ нас с открытою головою, — писал Павел Алеппский, — с видом кротким, в молчании внимая проповеди. Будучи человеком очень набожным и богобоязненным, он тихим голосом стал просить патриарха, говоря: «Нет, отче, не сожигай их, но пусть их заруют в землю». Так и было сделано». Патриарх достиг своей цели; попутно же он наносил удар еще и по своим врагам среди бояр и знати. Каждый раз, показывая изъятую икону, он говорил: «Эта икона из дома вельможи такого-то, сына такого-то», называя имена царских сановников. «Целью его было пристыдить их, так, чтобы остальной народ, видя это, принял себе в предостережение». На самом деле патриарх Никон торил дорогу к расколу Русской церкви, и уж во всяком случае наживал себе могущественных врагов среди знати.

И еще один акт драмы церковного раскола произошел в тот же день 4 марта в Успенском соборе. Именно с этой службы в начале Великого поста 1655 года под запретом оказалось двуперстное сложение. И опять все случилось при участии антиохийского патриарха Макария, подтвердившего в храме (через переводчика) сказанное Никоном в поучении о крестном знамении: «Ни в Александрии, ни в Константинополе, ни в Иерусалиме, ни в Синае, ни на Афоне, ни даже в Валахии и Молдавии, ни в земле казаков никто так не крестится, но всеми тремя пальцами вместе»<sup>[329]</sup>. В Московском царстве должны были молиться одинаково с другими православными землями! Так мечта о торжестве вселенского Православия расколола собственную церковную традицию и самих русских людей на «никониан» — сторонников «официального» православия и старообрядцев, не захотевших отказаться от привычного образа веры и почитаемых святынь.

11 марта 1655 года антиохийский патриарх Макарий провожал царя в поход из Москвы вместе с патриархом Никоном. Отъезд царя выглядел совсем не таким триумфальным шествием, как это было в начале войны в 1654 году. Царь уезжал вечером, рядом в санях сидели сибирские царевицы,

перед ними везли доставленную с Востока в октябре 1653 года икону Богоматери Влахернской, известную в православном мире как защитницу Константинополя<sup>{330}</sup>. Повсюду стоял оглушительный колокольный звон, горели свечи. Простившись с провожавшими патриархами<sup>{331}</sup>, царь отправился в новый поход. Скорый отъезд Алексея Михайловича стал для всех неожиданностью; в Москве рассчитывали, что он останется до Пасхи и уйдет в поход позже. Но царь стал получать тревожные вести из оставленных им новых городов. Пока еще позволяла зимняя дорога, он тронулся в обратный путь в Вязьму и «в свою государеву отчину» в Смоленск «для своего государева и земского дела»<sup>{332}</sup>.

### **«Лихо против рожна прати»**

Целью нового государева похода стали две столицы Речи Посполитой — Вильно в Великом княжестве Литовском и Варшава в Короне Польской.

Царь Алексей Михайлович собирался в 1655 году выйти далеко за границы земель, потерянных Русским государством в Смутное время. Начиналась война за исторические права на земли другого, объединенного унией государства. Царь видел себя наследником киевских князей Рюриковичей, потерявших Западную Русь в соперничестве с правившими Литвой князьями Гедиминовичами и их союзниками польскими королями. Между тем в западнорусских землях давно уже выветрились воспоминания об общем древнерусском наследстве: дружинников сменила шляхта, вече — магдебургское право, православную церковь во многих местах — католический костел и униаты. Появилось Запорожское Войско, осваивавшее опустошенные татарами и брошенные земли Поднепровья. Все это создавало новые реалии, с которыми в Москве не хотели считаться, стремясь утвердиться в Киеве — «матери городов русских». Момент — ослабление извечных врагов, Польши и Литвы, — был слишком подходящим, и чувствовали это не только в Московском царстве, но и в Швеции. Одновременного удара со стороны двух соседей Речь Посполитая не выдержала.

В «Литве» в преувеличенной надежде на свои силы и храбрый шляхетский дух не смогли правильно оценить угрозу. Там, конечно, не хотели бесконечно мириться с тем, как один за другим города переходят на сторону русского царя. Разбитый под Шепелевичами гетман Януш Радзивилл скоро вернулся. Ему наконец-то удалось снять многие противоречия с королем Яном Казимиром и договориться о совместных

действиях с другим литовским гетманом и советником короля Винцентием Госевским. С начала января 1655 года оба гетмана во главе рати примерно в 18 тысяч человек попытались овладеть Новым Быховом, где зимовали «черкасы» Ивана Золотаренко. Царь Алексей Михайлович еще 17 января в Вязьме получил известие о появлении под Новым Быховом поляков и о их намерении выступить к Могилеву «и под иные наши новые и старые городы». Он отправил воеводу князя Алексея Никитича Трубецкого на службу «во Брянск, не мешкая», и приказал встретить недруга «в ево земли»: «...до тех мест агонь и тушить, доколе не разгорелся, а как разгоритца, от чево сохрани Боже, неколи тушить»<sup>{333}</sup>.

После неудачных действий под Новым Быховом гетман Радзивилл действительно двинул свое войско к Могилеву — крупному торговому городу на Днепре. В начале февраля случился первый штурм Могилева, позволивший литовскому войску захватить значительную часть города. Самым обидным для царя была измена шляхтича Константина Поклонского, не вытерпевшего, несмотря на весь оказанный ему почет и жалованье, насилий и грабежей его слуг казаками Золотаренко, повсюду мстившими шляхте<sup>{334}</sup>. Подошедший к Могилеву Радзивилл был настроен решительно и грозился жителям не щадить «не только людей, но и собак». Как писал он королю Яну Казимиру в начале зимней кампании, «есть надежда большая, что рукою Божьей начат поворот к спадению той розги, что высекла нас»<sup>{335}</sup>.

Затворенные «в Верхнем городе» и полностью лишенные воды, жители Могилева не захотели сдаваться и продержались несколько месяцев. По словам гетмана, к апрелю даже гарнизон московских служилых людей уже не выдерживал осады, но могилевские мещане и под страхом смерти не желали возвращаться в подданство Великого княжества Литовского. Впрочем, гетман выдавал желаемое за действительное, ведь на передовой линии «по валу» стояли любимые царем Алексеем Михайловичем стрельцы во главе с Авраамом Лопухиным; они не могли отступить и отразили все атаки на Верхний город<sup>{336}</sup>. В итоге могилевская осада Януша Радзивилла унесла жизни 14 тысяч жителей города (уступавшего по численности населения только столице Великого княжества Литовского Вильно). Больше всего погибших оказалось не от военных действий, а от отсутствия воды. Все обещания Радзивилла «согнуть» головы мятежников «саблей» или «лаской»<sup>{337}</sup> остались только обещаниями. Боясь приближения посланных «на выручку» Могилеву царских войск и казаков гетмана Ивана Золотаренко (первый такой отряд во



главе с князем Юрием Ивановичем Ромодановским был рассеян гетманским войском в битве при деревне Доманы и отступил в Шклов), Радзивилл вынужден был снять осаду в конце апреля 1655 года. По донесению царю Алексею Михайловичу, гетманы Радзивилл и Госевский «от Могилева пошли прочь за Борисов»<sup>{338}</sup>. Так героизм защитников города и успешные действия московского войска не дали остановить новый государев поход в Литву.

В некоторых других литовских городах все-таки поддерживали гетмана Радзивилла. В этих случаях по приказу царя Алексея Михайловича действовали жестко и даже жестоко. Царскими войсками была «вызжена» Дубровна, ее шляхта выселена, а жители семьями вывозились служилыми людьми, становясь их холопами. Так что выбор у бывших королевских подданных был невелик. Сила оставалась на стороне царя Алексея Михайловича, сделавшего ставку на сохранение прав и преимуществ жителей в покоренных городах и привлечение на свою сторону многочисленного православного населения. Уничтожение врагов короля путем полной блокады, как это было сделано литовским гетманом в Могилеве, напротив, стало примером чрезвычайной жестокости. Судьба погибших могилевцев могла только отвратить население присягнувших московскому царю городов от возвращения в подданство королю Яну Казимиру.

Маршрут царя Алексея Михайловича, вышедшего из Москвы 11 марта 1655 года, известен буквально по дням. Благодаря переписке с семьей можно узнать, что царский поезд попал в распутицу. «А дорога такова худа, — писал Алексей Михайлович сестрам, — какой мы отроду не видали: просовы великие и выбои такие великие ж, без пеших обережатых никоими мерами ехать нельзя»<sup>{339}</sup>. 14 марта, между двумя богомольными поездками в Звенигород и Можайск, царь отправил оставленному ведать столицу боярину князю Григорию Семеновичу Куракину несколько распоряжений. Они касались очередных военных дел, но не только. Два его приказа завершались недвусмысленными словами — «вешать»! Так следовало поступать, во-первых, «с беглыми боярскими холопами», а во-вторых, с торговцами «вином и табаком». «Ведомо государю учинилось, — было написано в царской грамоте, — что на Москве многие люди учили воровать, вином и табаком торговать, и тех людей велено, сыскивая, вешать, а питухом (пьяницам. — В. К.) чинить наказанье жестокое»<sup>{340}</sup>. Известно, что этот указ о преследовании людей, нарушавших государственную винную монополию, действительно выполнялся.

Опасность от беглых боярских холопов, оставлявших службу в войске и сбивавшихся в отряды «на лесах глухих», оставалась и позже. Царь писал во время похода боярину Василию Васильевичу Бутурлину, чтобы тот остановил беглецов, пробивавшихся к «черкасам»: «...и, собрався, хотят ехать к Хмельницкому, а к своей братье пишут, что будто сулят им черкасы маетности, а многих своих бояр поставили пеших и безденежных»<sup>[341]</sup>.

Приход царя в Вязьму, по разрядным книгам, состоялся «в вечер» пятницы 16 марта (царь написал сестрам более точно: часа в два ночи). На следующий день, 17 марта, он пригласил на свой «именинный стол» доверенных людей. Это было не просто обычное торжество, а еще и военный совет, на котором планировались будущие походы. Не случайно именно эта дата была выбрана царем для вызова на службу всех людей своего полка. Вспомнил царь и про оставшуюся в Москве семью, просил их: «Не кручиньтесь для Христа... живите в совете; не опечальте меня до конца». Написал он и о начавшемся приезде на службу: «А люди почел и съезжятца, ч[еловек] с 500 съехал ося и беспрестани едут».

20 и 21 марта царь провел в Вязьме смотры чинов Государева двора — стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов. 23 марта, тоже в пятницу, царь отправился из Вязьмы в Болдинский монастырь, где «Благовещеньев день взяли», и оттуда в воскресенье пришел в Дорогобуж. Там царь пробыл совсем недолго и уже во вторник, 27 марта, двинулся к Смоленску. Почти на каждом стану он стремился послать грамотку семье и успокаивал их: «...а дорога чиста до Смоленска, шишей нет». Хотя тут же, не удержавшись, пишет, что столкновения с «партизанскими» отрядами (в них собирались остатки разбитых литовских войск и просто «выдернутые» из привычной жизни люди) все-таки были: «в дву местех побии на голову и знамены и борабаны поймали»<sup>[342]</sup>. 31 марта, «в субботу в 5-м часу дни», царь снова прибыл в Смоленск, где его уже встречал приготовленный заранее почетный эскорт стрелецкой охраны. 1 апреля — на именины царицы Марии Ильиничны — был устроен еще один праздничный стол, куда пригласили всю Думу. При этом особо оговаривалось, что бояре и окольные должны быть «все без мест», чтобы не мешать своими счетами главным целям похода<sup>[343]</sup>.

План войны на 1655 год, как и раньше, базировался на действии трех армий. Произошли лишь некоторые перестановки в руководстве отдельных полков, не затронувшие основные назначения, сделанные в самом начале кампании. Первая армия во главе с боярином Василием Петровичем Шереметевым, расквартированная в Великих Луках, действовала на северо-

западе, прикрывая Новгород и Псков от возможного удара со стороны шведов. Полку Шереметева была поставлена задача начиная с 1 мая двигаться в сторону Вильно. Одновременно царь Алексей Михайлович распорядился 2 апреля о походе воеводы Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина под Динабург, что означало подготовку войны за выход к Балтийскому морю и делало неизбежным грядущее столкновение с Швецией. Правда, пока это была еще только осторожная проба сил.

В центре, на главном направлении, как и положено, находился сам царь Алексей Михайлович со своим полком. Полководца и его ставку нельзя было подвергать никакому риску, поэтому впереди от Смоленска к Минску и Вильно двигалась армия боярина князя Якова Куденетовича Черкасского, расчищая дорогу царскому полку.

На юго-западе действовал полк боярина князя Алексея Никитича Трубецкого. У этого полка было несколько задач, ему поручалось сломить сопротивление шляхты, собравшейся на защиту Старого Быхова (крепость сдалась царским войскам только в 1659 году). Позднее юго-западная армия получила приказ двигаться дальше в направлении Слуцк — Брест. От Бреста царские войска собирались наступать на земли Короны и ее столицу — Варшаву. Но в итоге наступление так и не состоялось.

Более серьезные совместные действия планировались на этот раз с гетманом Богданом Хмельницким. Воеводами отправленного «в Запороги» полка стали боярин и дворецкий Василий Васильевич Бутурлин, принимавший в подданство города Малой Руси, и его товарищ стольник князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Воеводой «прибылого» полка назначили окольничего Андрея Васильевича Бутурлина (свой думный чин он получил только накануне). Они должны были собираться со своими полками в Севске и сменить прежних воевод боярина Василия Борисовича Шереметева и окольничего Федора Васильевича Бутурлина. Главным воеводой рати, отправленной воевать города Короны, которому и должны были подчиняться все войска, стал боярин Василий Васильевич Бутурлин. В царской грамоте о назначении воевод в полк Василия Васильевича Бутурлина 23 марта 1655 года говорилось: московские войска должны были воевать в «литовских городах», «ссылаясь» с гетманом Богданом Хмельницким<sup>[344]</sup>.

Особое значение было придано защите от крымских набегов. Во главе отправленной «промышлять» Крым рати царь поставил боярина князя Федора Никитича Одоевского, пожалованного высоким чином на Пасху 15 апреля 1655 года. В его полки вошли недавно присягнувшие царю калмыки, донские и запорожские казаки. Известие о присяге «калмыцких

тайш и калмыков со всею ордою» под его «высокую руку» царь получил на подходе к Смоленску 27 марта. Позже он писал боярину Василию Васильевичу Бутурлину об этой присяге: «...запись дали прямую, шертованную, чем они промеж себя верятца, а не так как преж сего собаки разсекали да кровь лизывали, и то все обманывали, а ныне прямую запись дали и в записи написали, куды наш государев указ будет итить, туды им и итить». Правда, в дальнейшем в организацию похода вмешались новые обстоятельства: чума, терзавшая центр Московского государства, с весны — лета 1655 года затронула Астрахань, рядом с которой кочевали калмыки. В итоге новый боярин князь Федор Никитич Одоевский остался в Саратове, и поход не состоялся. Донские казаки осуществили лишь несколько самостоятельных нападений «морем» на крымские места, но это было совсем не то, на что надеялся царь Алексей Михайлович. Кроме того, казаки, добравшиеся, как они писали в челобитных, «с Дона Ивановича» аж до царской ставки в Смоленске, били челом о своем разорении и оказать помощь в дальнем походе без жалованья не были готовы<sup>[345]</sup>.

Москва восстанавливалась после пережитого «морового поветрия». Возобновление войны помогло патриарху Никону вернуть себе высокое положение в столице — без его слова управлявшие Москвой бояре мало что могли сделать. Патриарх получал письма царя Алексея Михайловича из похода и, по замечанию шведского «комиссара» де Родеса, был единственным, кого царь столь подробно посвящал в свои планы. «Здесь по-прежнему пребывают в полной неизвестности о том, что происходит с обеими армиями, — доносил де Родес из Москвы, — все до единого, кроме патриарха, который имеет возможность получать малейшее известие о том, что, собственно, происходит. Патриарх, низкий [человек], умеет чрезвычайно изощренно подавать то, что способствует чести [русских], а прочим управляет так, что ни у кого нет причин для беспокойства»<sup>[346]</sup>.

Патриарх участвовал и в военных делах, связанных с обеспечением армии. Сохранился перечень грамот, которые он отправлял царю во время похода 1655 года; здесь упоминаются распоряжения по набору солдат, посылке людей для сбора запасов, доставке в войска лошадей и оружия («бердышей и топорков»). В одной из грамот патриарх писал о собранных в монастырях и отосланных в Смоленск хлебных запасах — сухарях, крупах и толокне. И здесь же — о делах церковных: о невозможности проклинать изменившего царю в Могилеве шляхтича Константина Поклонского, «о кресте на победу и на погибель королю Полскому и всем врагом», «о надеянии взятия городов: Менска и Видны и всей Полши», «о помощи

животворящего креста»<sup>{347}</sup>. Патриарх приказал доделать гигантский «Царь-колокол», который, как писал резидент де Родес, должен был стать, по ожиданию людей, «чудом света», и поправить, сделав лучше прежнего, позолоченный герб — двуглавый орел со скипетром и державой над Фроловскими воротами Кремля<sup>{348}</sup>. Мрачная символика поверженного герба должна была уйти в прошлое... Продолжая свою полемику с обвинителями, патриарх Никон написал упомянутое «Поучение о моровой язве». В тексте «Поучения...», отпечатанного позже на Московском печатном дворе, патриарх уже с позиции силы обрушивался на тех, кто во время мора поверил «лживым сновидцам», и приводил всевозможные богословские и земные аргументы в защиту своего отсутствия в Москве во время чумы в 1654 году<sup>{349}</sup>.

Главной заботой царя в Смоленске стали сбор армии и ее обеспечение. А с этим возникли неожиданные проблемы. Алексей Михайлович постоянно писал в Москву боярину князю Григорию Семеновичу Куракину, чтобы высылали на службу всех приезжавших в Москву людей. Но во время весенней распутицы и половодья на реках добраться на службу было очень непросто: до 12 апреля «в Смоленске служилые люди объявились немногие». О раздражении царя промедлением с приездом служилых людей дает представление его письмо 19 апреля. Царь не сдерживал себя в обвинениях, ругая одного из провинившихся воевод: «страдник, худяк, ни к чему не надобен, ни пишешь ни одной строки. Отведаешь, как приехать, и увидишь наши очи, мы тебя, страдника, не велим и в город пустить». А на следующий день он уже распекал преданного сокольника Паршутку (Парфения) Тоболина, тоже не исполнившего какое-то его поручение: «И ты, враг, злодей окоянной, к нам не писывал ничево, говорил ли ему или не говорил и што он тебе сказал». Правда, совсем уж непристойные ругательства «блядин сын» и «сукин сын» царь всё же потом вычеркнул. Ведь происходило это на Светлой неделе после празднования Пасхи 15 апреля. Однако настроение царя Алексея Михайловича совсем не соответствовало этому праздничному времени. Получив известие о моровой язве, проявившейся на юге, царь снова стал переживать за оставленную в Москве семью. 24 апреля в письме в Москву он просил сестер: «Оберегайтесь от заморнова ото всякой вещи; не презрите прошения нашего... А у нас только и племяни, что вы, светы мои»<sup>{350}</sup>.

Но как ни бывал зол на своих подданных царь Алексей Михайлович, он всё же оставлял им возможность искупить свою вину. При этом Алексей Михайлович был отходчив в гневе, чем и пользовалось его окружение.

«Незлобивость» царя даже в ругани лучше всего объяснил Василий Осипович Ключевский: «Алексей был мастер браниться тою изысканною бранью, какой умеет браниться только негодующее и незлопамятное русское добродушие... Дурные поступки других тяжело действовали на него всего более потому, что возлагали на него противную ему обязанность наказывать за них»<sup>[351]</sup>.

В те же апрельские дни царь взялся примирить князя Федора Никитича Одоевского, только что пожалованного в бояре, и боярина Василия Васильевича Бутурлина. Тогда же он объяснил боярину Бутурлину одно из своих важных правил, которому следовал в отношении придворных: «Ведаешь ты наш обычай: хто к нам не всем сердцем станет работать, и мы к нему и сами с милостью не вскоре приразимся». Мир между воеводами нужен был еще и потому, что Бутурлин должен был договориться с гетманом Войска Запорожского об отправке казаков в помощь Одоевскому. Завершалось, впрочем, письмо совсем неожиданно — просьбой к отправленному в Киев боярину «промыслить» у Богдана Хмельницкого певчих — «спеваков» для партесного пения, басов и «дишкантов» (видимо, красивые малороссийские голоса уже тогда стали известными при московском дворе), а также «сипошников» (музыкантов, игравших на флейтах и дудках, входивших в штат полков нового строя. — В. К.)<sup>[352]</sup>.

В конце апреля царь оказался в Смоленске в «осаде»: все дело было в большом весеннем половодье. Днепр разлился настолько сильно, что дошел до царской ставки на Девичьей горе. В письме родным 30 апреля, сообщая о важных вещах — отходе Радзивилла от Смоленска, возвращении изменивших Любавичей, а главное, о сохраненной тайне передвижений Государева полка — «походу нашего в Смоленск не чаяли», царь рассказал и о мосте над Днепром «7 сажень вверх над водою» (около 14 метров): с этого моста черпали воду, которая все прибывала и прибывала. «И в ширину немерно разлился, — замечал царь, — чаю, на версту, и табары мои, которые внизу были, все поняло и горы много захватило». Со слов «смоленских сидельцев» (интересно, что царь называет именно так жителей города, даже спустя месяцы после завершившейся осады), «с 30 лет такой болшой воды не запомнят».

5 мая царь поздравлял любимую старшую сестру царевну Ирину Михайловну с именинами: «Многолетствуй, матушка моя, в новый год и с нами, и я с вами со всеми. А празновали мы празнику святые мученицы Ирины, а твоего день рожества, по чину, радостно пировали, точию о том



оскорьбились, что лицом к лицу не видались, но духом всегда нераздельни николи же». К этому времени царь получил подробные известия от шкловского воеводы Василия Яковлева о том, что гетмана Радзивилла «прогнали» и Могилев «избавлен от смерти». «А побежал от тово, — не без гордости писал Алексей Михайлович, — послышел то, что Залотаренок по нашему указу пошел на выручку к Могилеву». Выяснилась и судьба князя Юрия Ивановича Ромодановского, потерпевшего зимой чувствительное поражение при Доманах и отправившегося на этот раз в Могилев «здорово». Царь обещал отпустить князя Юрия «побывать к Москве», когда сам придет в Могилев (видно, в окружении царской сестры очень беспокоились за воеводу). Алексей Михайлович даже сделал «подарок» сестре, отправил ей отписки шкловского воеводы, предварительно их «запечатав», чтобы никто, кроме адресата, не мог их прочитать. Но и царевна Ирина Михайловна тоже позаботилась о брате и прислала в подарок от всех сестер пасхальные яйца. «А яйцом вашим, — писал царь 15 мая, — зело обрадовался и целовал с радостными слезами вместо самих вас»<sup>{353}</sup>.

Общий смотр царской армии «конных и оружных людей по списком» был назначен в Смоленске только на 18 мая. Одновременно началась отправка полков в поход и из других городов. Еще 14 мая воевода боярин князь Алексей Никитич Трубецкой получил приказ выходить в поход из Брянска. Впрочем, ему пришлось немного промедлить из-за отсутствия достаточного запаса оружия — «зелейной, свинцовой и фитильной казны»; полк князя Трубецкого двинулся из Брянска в Могилев (через Почеп и Стародуб) только 25 мая. Войско боярина Василия Васильевича Бутурлина, отправленное «в Запороги», по разрядным книгам, должно было идти походом на Белую Церковь. «Из черкасского города Борзны» оно вышло 31 мая, а уже 12 июня гетман Богдан Хмельницкий со всеми полковниками Войска торжественно встречали московских воевод за пять верст до Киева, а киевский митрополит благословил московскую рать в Софийском соборе. На следующий день гетман и полковники получили царские подарки — знамя и соболей — и благодарили царя Алексея Михайловича за присылку войск «на вспоможение» (казаки продолжали по-своему смотреть на совместные действия с царским войском)<sup>{354}</sup>.

Победный поход царского полка от Смоленска до Вильно начался 24 мая, «в самый праздник Вознесения Господня», и занял у царя Алексея Михайловича 72 дня. Царь сам выбрал «посольскую дорогу» на Оршу и вникал во все детали устройства этого пути, приказав «займывать» станы



не «в деревнях» или «к крепостям», а «по полям, у корму и у воды». Он же определял, кого отправлять «для береженья» и «всяких посылок», кто должен был построить мосты и гати на дороге, где дожидаться его прихода — «в Орше или в Копыси». Царский маршрут расписан по датам в дворцовых разрядах, а детали передвижения Государева полка сохранились в архивных делах. 4 июня царь пришел в Копысь и, как и планировалось заранее, не стал заходить в город, а «стал против Копоси на поле». Оттуда царь направил своих разведчиков во главе со стольником князем Юрием Никитичем Барятинским под Борисов «для языков». Пребывание в Копыси запомнилось наказанием воеводы Михаила Ивановича Наумова, назначенного в ту же посылку головой у татар. Он нарушил царский указ о «безместии» при назначениях на службу. Наумова было велено «бить кнутом, да сослать на Лену», принадлежавшие ему поместья и вотчины отписывались в казну «на государя». (Воевода действительно был наказан в Разряде, где его следовало написать «в казачью службу».) Суровость наказания показывает, как боялись во время похода местнических столкновений, хотя они всё равно присутствовали и влияли на военные дела.

8 июня царь двинулся дальше и в тот же день пришел в Шклов; его стан был «выше города Шклова по левую сторону на поле», так как все вышедшие из Смоленска войска располагались по левобережью Днепра<sup>[355]</sup>. Здесь царь задержался надолго, до начала июля. Уже в день прихода в Шклов он встречал двух братьев наказного гетмана Ивана и Василия Золотаренко. 10 июня «в неделю Всех святых» царь еще раз принимал «черкас» в походном «столовом шатре». Ясно, что планировалось их дальнейшее участие в общем наступлении. Но у царя был еще один повод для торжества, о чем он сообщил в письме сестрам в Москву: «Да буди вам, государыням, ведомо, что привезли к нам из Афонския горы крест царя Константина да главу Иоанна Златоустаго, которым крестом царь Константин победил Максентия». Эти святыни, привезенные архимандритом и монахами Афонского Ватопедского монастыря, останутся с царем в походе. Он и впоследствии не сможет расстаться с ними, оставив их у себя в Московском царстве<sup>[356]</sup>.

Тем временем начались военные действия. 10 июня отправленный заранее из Копыси на разведку передовой отряд стольника князя Юрия Никитича Барятинского вступил в бой у Борисова. Воеводе удалось разбить отряд во главе с хорошо известным царю шляхтичем Константином Поклонским, изменившим ранее в Могилеве. Город Борисов сел в осаду, и

12 июня туда были направлены более серьезные силы во главе с окольным Богданом Матвеевичем Хитрово, который 19 июня занял город. Царь написал в Москву о переходе своего воеводы за реку Березину и о подготовке плацдарма для наступления: «в Борисов пришел, и Березу реку занял, и мост через реку Березу сделал и с нашими ратными людьми через реку перебрался, и крепости за рекою поделал, и стоит за рекою и ожидает нашего государева указа». Воевода «посылал под Менеск для языков»; по их расспросным речам выходило, «что в Менску людей нет, а сенаторы все отъехали к королю на сейм» (действительно, в Варшаве примерно в это время происходил последний перед «Потопом» сейм Речи Посполитой). Про короля Яна Казимира и его войско в Минске ничего «не ведали».

20 июня царь отправил в поход передовой полк боярина и воеводы князя Никиты Ивановича Одоевского; 24-го — большой полк боярина и воеводы князя Якова Никитича Одоевского, а 25-го — сторожевой полк боярина и воеводы князя Бориса Александровича Репнина. Им было велено, как писал царь, «итить прямо к Менску». Хитрово получил приказ дожидаться в Борисове отряды запорожских казаков братьев Золотаренко, после чего тоже общими силами идти за Березину к Минску. 26 июня царю, остававшемуся в Шклове, пришло еще одно радостное известие: о сдаче Велижа. Он хотел скорее двинуться в поход «из Шклова за Днепр к Борисову», но задерживало отсутствие достаточного количества хлебных припасов. В следующие дни царский полк ходил походом в Могилев. Это было явным знаком царской милости многострадальному городу, стойко защищавшемуся от войска гетмана Радзивилла. 30 июня Алексей Михайлович торжественно въехал в Могилев, где его встречало войско в парадных «цветных одеждах». Но времени на долгие церемонии не было, и в тот же день царь вернулся в Шклов. Наступало самое решительное время для похода. В отличие от прошлогодней кампании, царь должен был заботиться, чтобы удержать в повиновении ранее присягнувших людей и нейтрализовать действия противника. А война становилась все более жестокой. Царю под страхом смертной казни приходилось останавливать свое войско от сжигания сел, деревень, мельниц, хоромного строения и убийств «пашенных мужиков»<sup>[357]</sup>.

3 июля Алексей Михайлович выступил из Шклова в Борисов, «на реку Березу». В дороге 6 июля было получено долгожданное известие о взятии Минска. Царь радовался доблести своих полков и сообщал в Москву: «литовских людей гнали до Менска и многих побили и языков взяли 15 человек, да знамя белое, а на нем клеймо, да 2 барабана. А как наши ратные

люди за ними к Менску догнали, и на их спинах в город и въехали, и город Менеск взяли». О себе Алексей Михайлович писал: «...идем наскоро под Менеск и под Вильню». 10 июля Государев полк пришел в недавно завоеванный Борисов, где царь, по своему обыкновению, устроил стан против города.

В эти дни он стремился как можно лучше продумать дальнейшие действия, вдохновить войско, стоявшее перед небывалой целью покорения одной из столиц Речи Посполитой. 12 июля был сказан царский указ Государеву полку. Царь нашел лучшее время наградить придами денежного и поместного жалованья тех людей, кто исправно служил и приехал к нему вовремя, 17 марта, в Вязьму; остальные, «не поспевшие на службу», были прощены, но им запрещалось даже упоминать о том, что их не наказали за «нетство» (отсутствие на службе к установленному сроку). Таков был царь Алексей Михайлович, ожидавший подчинения не за страх, а за совесть: «И вам хранить его государево повеленье подобает так, яко зеницу ока со всяким радостным страхом и трепетом, и за его такую и великую прещедрую и премногую милость платить службою и правдою, а ваша служба у него, великого государя, в забвении не будет». Царь объявлял, что война с недругом — польским королем Яном Казимиром — продлится столько, сколько потребует, пока король «не узнается в своей неправде, и не учнет мириться так, как годно Богу и нам, государю». Уверенность царя в своей правоте поддерживало «заступничество» иконы Божьей Матери Влахернской, «которая изволила и до днесь воевать их литовскую и польскую землю». Царь подчеркивал свою победительную уверенность: «...и не могут нигде против Ея стоять: писано бо есть «лихо против рожна прати». Еще одной святыней, вселявшей царю уверенность в свои силы, был Животворящий Крест. Царь Алексей Михайлович был готов «зимовать» и воевать, сколько потребует. То, что это не преувеличение, подтверждает царское письмо сестрам, отправленное в тот же день, 12 июля, из Борисова. В нем Алексей Михайлович просил «не кручиниться» и предупреждал, что может «помешкать и до зимнева пути». Утешая близких, он приводил свои резоны: «То ли лутче, что по осени на время у вас побывать да по последнему пути апять на службу и с вами апять не видатца; или то лутчи, что ныне помешкав да вовсе за милостию Божию и за вашими молитвами светов моих отделатца и вовсе с вами быть в Москве?»<sup>{358}</sup>

Готовясь к долгому походу, царь обещал своим людям поддержку, как только перейдут Березину: «езде» раздавать «хлеб и животину» в «приставство». Под страхом смертной казни снова и снова запрещалось

самовольно жечь деревни: «а деревень бы не жечь, для того что те деревни вам же пригодятся на хлеб и на пристанище». Царя очень заботило, чтобы ратные люди служили «не щадя голов своих», а тех, кто «побежит с службы, нас, государя, оставя, или болен прикинется, не хотя служить», царь приказывал казнить «безо всякой пощады». Алексей Михайлович принимал только одно — службу «верою и правдою от всего чистого сердца и с радостью, безо всякого сумнения». Нуждающимся предлагалось «милости просить у государя, а не ворчать и не бежать со службы». Указ завершался объявлением о походе: «А государь идет с стану, прося у Бога милости, за реку Березу, завтра к Вильне и к Оршаве»<sup>[359]</sup>.

13 июля давно ожидаемый царский поход «под Вилню» начался. Приказ наступать получили армия боярина князя Якова Куденетовича Черкасского и казаки наказного гетмана Ивана Золотаренко, двинувшиеся к Вильно разными дорогами, чтобы не дать подтянуть литовские войска на помощь из других воеводств. В придачу им был отослан царем «ертаульный полк» князя Петра Елмурзина Черкасского, которому предстояло сыграть важную роль в завоевании главных литовских городов. Царь следовал своим путем, через Молодечно и Сморгонь. 25 июля шедшие впереди главные войска князя Черкасского объединились в местечке Стодолактны, ставшем последней ставкой войска перед броском на Вильно.

В эти дни власти Вильно во главе с Виленским епископом Юрием Тышкевичем попытались оттянуть прямое военное столкновение. Они переслали в ставку московского боярина, а также к гетману «Северскому» Ивану Золотаренко свои письма с предложением начать переговоры о мире. Виленский епископ ссылался на большие силы во главе с гетманом Янушом Радзивиллом и Винцентием Госевским, готовые до конца оборонять столицу Великого княжества Литовского. При согласии царского воеводы «задержатца мало» епископ обещал остановить войну и со стороны литовского войска: «то и я наших гетманов задержу», после чего можно было бы начать переговоры о «вечном мире» при обещанном посредничестве «цысарских послов» (император Фердинанд III действительно готов был примирить короля Яна Казимира с царем Алексеем Михайловичем).

27 июля письмо Виленского епископа доставили царю в деревню Крапивну — последний стан перед Вильно. Нетрудно догадаться, какотреагировал московский самодержец. Царь велел своим боярам и воеводам ответить, что им письмо виленского епископа «в великое подивление и в посмех», и дальше, образно говоря, «отхлестал

Крапивною» своих недругов. О войсках, которые якобы готовы были защищать Вильно, царь говорил с сознанием собственной силы: «те их войска» против его «ратных людей не стоят». Алексей Михайлович напоминал Виленскому епископу, озаботившемуся вдруг прекращением разлития христианской крови, что сам он действует под покровительством значимых христианских святынь — Влахернской иконы Божьей Матери и креста царя Константина. Перечислял он и всех воевод своей армии, которым было приказано объединиться под Вильно: это должно было утешить врага.

Письмо виленского епископа было не единственным обращением к войскам, подошедшим к столице Великого княжества Литовского. Буквально на следующий день, 26 июля, из Вильно было отправлено еще одно послание, адресованное боярам и воеводам во главе с князем Яковом Куденетовичем Черкасским. На этот раз вместе с Виленским епископом его подписали высшие чиновники Великого княжества Литовского — виленский воевода и гетман князь Януш Радзивилл, гетман польный Винцентий Корвин Госевский и другие чиновники, шляхтичи, полковники, хорунжие и немецкие офицеры рейтарских, драгунских и пехотных полков. На это обращение был дан такой же ответ, как и на первое письмо (даже текст царских грамот во многом совпадал). Власти Великого княжества даже в трагический для них момент не понимали сути московских порядков и пытались вести переговоры не только с царем, но и с его боярами, находившимися во главе войска. Подобные обращения сенаторов Речи Посполитой к своей «ровне» — боярам, минуя царя, соответствовали политическим порядкам Речи Посполитой, но всегда с подозрением воспринимались в Московском царстве. Вот и в грамоте 29 июля царь Алексей Михайлович напоминал, что однажды ему уже было нанесено оскорбление присылкой в конце 1653 года гонца Речи Посполитой непосредственно к московским боярам, «мимо царя», и велел напомнить, что бояре в Московском государстве делают всё «по царскому велению». Правителям Литвы царь Алексей Михайлович мог предложить одно — чтобы били челом «под высокую царскую руку» ему самому: тогда он их «пожалует»<sup>{360}</sup>.

Виленский воевода Януш Радзивилл, несмотря на свою подпись под посланием царю Алексею Михайловичу, в этот момент сделал другой, знаменитый и трагичный для начинавшегося «Потопа» в Речи Посполитой выбор — в пользу подданства шведского короля. Расчет литовской знати был на то, что царь Алексей Михайлович согласится на ее предложения, начнет переговоры и это даст возможность выиграть время в ожидании

прихода вспомогательного шведского войска из Риги. Тогда бы два государства — Швеция и Московское царство, находившиеся до этого времени в союзе друг с другом, — столкнулись бы у виленских ворот. Однако русские войска атакой на Вильно упредили такое развитие событий. И если столкновение русских и шведов в литовских землях после заключения Кейданского соглашения о переходе Литвы под протекторат Швеции все-таки было неминуемо, то делить столицу Великого княжества Литовского не пришлось.

29 июля 1655 года объединенная рать князя Черкасского и казаков гетмана Золотаренко перешла в наступление. Столица Великого княжества была взята почти вся, кроме затворившегося в замке отряда Виленского стольника Казимира Жеромского, которому удалось продержаться несколько дней. Основная литовская армия отступила за реку Вилию, где казаки гетмана Ивана Золотаренко продолжили наступление. Наказной гетман доносил по горячим следам царю, что немало неприятелей «на месте полегло», и говорил о двадцати захваченных им знаменах неприятеля. По его сообщению, «бой сильной» продолжался «чрез весь день» с теми войсками, «которые стояли на той стороне города за речкою, и мосты попалили». Полному разгрому врага помешал шедший весь день дождь: «...трудно было так скоро переправиться: понеже нам помешкою был дождь сильной; а когда была погода, подлинно одва бы остаток неприятелей вашего царского величества уйти могл». Действительно, до вечера 29 июля отход по главному мосту через Вилию прикрывала немецкая пехота. Гетманы Радзивилл и Госевский успели отойти от города, после чего все мосты, в прямом и переносном смысле, были сожжены.

Как и в Минске, русские войска вошли в город «на спинах» преследуемого врага. В переписке царя Алексея Михайловича с семьей сказано: «...и наши ратные люди гетманов Радивилла и Гансевского и полских и литовских людей побили и гнали, и на спинах их в город въехали, и город Вил ню взяли». Гетманы «отошли от города Вил ни за реку Вилею и стали обозами от города в пяти верстах». 30 июля, когда царь писал письмо своей семье в Москву, он решил тоже «наспех» двинуться к Вильно, «постоять» там неделю «для запасов» и идти «к Оршаве». Царь чувствовал, что сейчас ему «добрый путь и победа». 4 августа, как сказано в дворцовых разрядах, «пришел государь в Вилну и стал под городом под Вил ною, на посаде, подле реки Вил ей, ниже города Вилны»<sup>[361]</sup>.

После взятия Вильны царские войска и казаки гетмана Ивана Золотаренко продолжали движение вглубь Литвы. Им покорились Троки (Тракай) с древними замками великих литовских князей. Замки были



разрушены и сильно пострадали от действий казаков Золотаренко, искавших там сокровища. 7 августа пало Ковно (Каунас), куда вошел «прибылый» полк князя Петра Елмурзина Черкасского, собранный из нескольких полков рати князя Якова Куденетовича Черкасского. 17 августа в Ковно был получен царский приказ идти «к Гродне войною». Вскоре этот город был тоже взят (сеунщики с известием о взятии Гродно приехали в царский стан под Вильно 29 августа). Полку князя Петра Елмурзина Черкасского была поставлена задача воевать до 10 сентября, после чего он должен был идти обратно к Минску. Одновременно казаки братьев Золотаренко 18 августа «из-за Трок» самостоятельно начали поход к реке Неману и за Неман. Во второй половине августа — сентябре они прошли войной, нападая на замки в Лиде, Новогрудке, Мире и Несвиже, захватывая по дороге разные селения. Царь Алексей Михайлович, получив казачью грамоту о начавшемся походе за Неман, приказывал им идти «к Бресту и над Брестом промышлять». Но запорожцы самостоятельно выбрали свою цель и двигались к Старому Быхову, где их ожидала другая часть казачьего войска.

Армия князя Алексея Никитича Трубецкого по приказу царя, напротив, оставила безуспешную осаду Старого Быхова и была направлена к Слуцку. Предполагалось, что она со временем соединится с казаками Золотаренко под Брестом. 23 августа полки Трубецкого были уже под Слуцком. С ходу взять Слуцк не удалось, царские войска только сожгли «посады и слободы». Весь поход армии Трубецкого сопровождался жестокими боями: «А идучи дорогою, села и деревни, и хлеб, и сено, и всякие конские кормы мы по обе стороны жгли и людей побивали, и в полон имали, и разоряли совсем без остатку, — сообщалось в отписке царю, — и по сторонам потому ж жечь и разорять посылали». После двух неудач, под Старым Быховом и Слуцком, всех, кто сопротивлялся войскам князя Трубецкого, ждали смерть и разорение. «И твои государевы люди, — писал Трубецкой царю, — в Клецку в городе и на посаде литовских людей побили всех»; «городок Мышь выжгли и совсем разорили без остатку», Ляховичи и Столовичи, Миргород; и так по всей дороге до Слонима, включая «Журавицкий» (Жировичский) униатский монастырь: там тоже повсюду «побили», «поймали», «высекли» и «выжгли». Слух о полном разорении шел впереди царского войска, парализуя волю к сопротивлению. Слоним пал, путь на Брест и дальше был открыт, но 10 сентября все военные действия были остановлены, а затем, по приказу царя, войско князя Трубецкого отошло обратно к Быхову.

Это был вынужденный шаг. Не прошло и месяца после Виленского



взятия, как царь заговорил уже не о походе на Варшаву, а о возвращении в Москву: «возвратимся, аще Бог изволит, сентября с 10-го числа»<sup>[362]</sup>. И действительно, во вторник 11 сентября Алексей Михайлович выступил в обратный поход в Москву.

Почему же не состоялся ожидаемый варшавский поход? Оказывается, в это время произошли заметные перемены в дипломатических отношениях между Россией, Швецией и Литвой, перешедшей под протекторат шведского короля. После взятия Вильно дипломаты царя Алексея Михайловича сразу вступили в переговоры с гетманом Радзивиллом. К нему и гетману Госевскому был послан гонец, возвращения которого царь ожидал 10 августа. В те же самые дни, 10–17 августа, готовились знаменитые Кейданские договоренности гетмана Радзивилла о протекторате Швеции над Литвой, о чем он и написал московским боярам (к сожалению, письмо не разыскано). 18 августа 1655 года к Радзивиллу и Госевскому в посольстве был отправлен Василий Никитич Лихарев. Он встречался с ними «порознь» в Кейданах 21 августа. Тогда же был дан ответ на письмо Радзивилла боярам, где тот уже писал о себе как о подданном шведского короля. Но «Вилна николи не бывала» за шведским королем, а «была полского короля», резонно отвечали ему; царь Алексей Михайлович «заступил ее сам», поэтому претензии на то, что Вильно внезапно оказался в подданстве у шведов, не имели под собой основания. «И то ты пишеш, дариш свейского короля чюжим», — без всякого дипломатического такта говорил Лихарев при встрече с гетманом Радзивиллом, ссылаясь на «вечное dokonчанье» с шведским королем. В ответ гетману предлагали присягнуть в подданство царю Алексею Михайловичу.

Гетман Януш Радзивилл правильно рассчитал, что от полного покорения Литвы московскому царю Алексею Михайловичу могла спасти только Швеция. Лучше всего, если бы два государства — Россия и Швеция — при этом вступили в войну друг с другом. Поэтому все его слова на переговорах с послом Василием Никитичем Лихаревым 21 августа были лишь дипломатическим прикрытием. Он даже упомянул о своем предложении царю заключить договор о подданстве, но его «посланцов» якобы задержали и они вернулись ни с чем. А потом к гетману стали приходить известия о жестоком обращении царских войск с жителями Литвы: «А в уездах около Вилны ратные государевы люди крестьян, и жонок, и малых робят посекают всех и дома палят». Гетман счел для себя невозможным после этого заключать какие-либо договоры с московским царем и написал к шведскому королю Карлу X о принятии в подданство

«на всей нашей воли».

У двух продолжавших враждовать друг с другом гетманов — Радзивилла и Госевского — оказалась разная тактика во взаимоотношениях с «Москвою». Госевский оставался сторонником короля Яна Казимира, а в ответ на переданное через посла Лихарева предложение о подданстве говорил, «штоб, де, государь милость показал, взял у полского короля к своему краю што государь изволит, а нас бы, де, под полским королем не замал». 29 августа Лихарева отпустили обратно из стана гетмана Радзивилла вместе с его представителем — «посланцем» Винцентием Ордой и «нарочным» от гетмана Госевского Стефаном Медекшей (Госевскому даже не позволили назвать своего «посла» по имени, подчеркивая, что посольство едет только от Радзивилла). В пути гонец царя Алексея Михайловича встретил шведскую заставу. «А называют по Вилею реку шведцкого короля землею», — отметил Лихарев в «статейном списке».

Время для столкновения России и Швеции созрело, но еще не пришло. 24 августа 1655 года из царского стана под Вильно был отправлен гонец в Швецию с грамотой. В ней содержалось «любезное поздравление» от имени царя Алексея Михайловича королю Карлу X. Царь извещал о взятии его войсками «у полского короля» городов в Великом княжестве Литовском, начиная со «стольного города» Вильно: «Троки, Менеск, Ковну, Гродно, Меречь и иные многие города и места». Говорилось и о походе ратей князя Трубецкого и князя Черкасского на Варшаву, а боярина Бутурлина с гетманом Хмельницким — на Краков. Царь, как просил его посол Удде Эдла, обещал не воевать с «Курлянским Якубусом князем» и поздравлял шведского короля с завоеванием городов в Курляндии и Пруссии. Все это выглядело как своеобразное предложение о разделе Речи Посполитой. В ответ на обещание «не посылать» своих людей в Курляндию ожидали признания завоеваний царя Алексея Михайловича в Литве. Войска двух союзников — России и Швеции — все-таки оказались на линии соприкосновения друг с другом, и это немедленно стало основанием для раздора.

8 сентября (по новому стилю) король Карл X взял без боя Варшаву, а в октябре, после непродолжительного сопротивления, — и Краков. Эти успехи шведов отменяли планы войны, провозглашенные русским царем. «Два неприятеля, бывшие Польшу с разных сторон, столкнулись и поссорились из-за добычи», — четко высказался по этому поводу В. О. Ключевский<sup>[363]</sup>.

Контакты с гетманами Радзивиллом и особенно Госевским под Вильно показали, что, кроме сторонников шведской ориентации, в Литве

существовали политики, готовые, при определенных условиях, принять подданство, или «высокую руку», царя Алексея Михайловича. В результате оставленный в Вильно князь Семен Андреевич Урусов привел к присяге шляхту и даже некоторых сенаторов и высших сановников Великого княжества Литовского. Начало составления крестоприводных книг в подданство царю Алексею Михайловичу датируется 17 октября 1655 года. В них содержатся имена 2058 человек<sup>{364}</sup>.

Войско боярина князя Семена Андреевича Урусова вышло через Ковно к Бресту и оказалось там 23 ноября. Из-за несогласованности действий русских войск и царских дипломатов Урусов еще выполнял прежнюю программу войны и попытался взять город штурмом. Он был отбит на подступах к Бресту, однако успел все-таки нанести чувствительное поражение войску нового, оставшегося верным королю Яну Казимиру литовского гетмана Павла Сапегы, о чем известил царя отсылкой сеунщика. Позднее выяснилось, что князя Урусова успели предупредить о готовности литовской стороны к заключению мира, но московский воевода уже почувствовал вкус добычи и безрассудно сам «лез на рожон». В бою под Брестом воевода потерял даже крест, которым благословил его в поход царь. В результате Брест не покорился царским войскам, а намечавшееся мирное соглашение с гетманом Сапегой оказалось сорвано. По словам литовских дипломатов, стремившихся к миру с царем, «всё испортил Урусов»: в то время больше можно было сделать именно «словом», а не «саблею»<sup>{365}</sup>.

Пока царские дипломаты искали возможность заключения договора со сторонниками короля в Литве, чтобы «переманить» их на свою сторону, особенно ожесточенная война продолжалась на «украинском» направлении, где воевали запорожские казаки. Полки боярина Василия Васильевича Бутурлина вместе с казаками гетмана Богдана Хмельницкого дошли до Львова, но войска крымского хана, вмешавшиеся в дело на стороне короля Яна Казимира, заставили их снять осаду. Дело кончилось переговорами и уплатой городом контрибуции казакам. Хмельницкий в тот момент остался верен своим обязательствам и не выдал, как от него требовали крымцы, своих союзников из войска московского царя. Полки Бутурлина отступили обратно к Киеву. После договора с крымцами пошли слухи о страшном недовольстве царя Алексея Михайловича действиями воеводы. Хотя на самом деле царь, напротив, оказал особую милость Бутурлину, вступившему в бой с великим гетманом коронным и воеводой киевским Станиславом Потоцким. Московскому боярину удалось захватить в плен

сына польского военачальника и даже гетманский бунчук.

Алексей Михайлович послал навстречу Бутурлину своего стольника с «милостивым словом о здоровье спрашивать», однако на пути из Киева к Москве Бутурлин умер<sup>{366}</sup>.

Объединенный отряд под командованием воеводы Петра Ивановича Потемкина, полковника Дениса фон Визина и Данилы Выговского (брата войскового писаря) достиг еще одного заметного успеха в этой кампании — 30 октября 1655 года был взят и разорен Люблин. Символично, что именно в этом городе принималось решение об унии Короны и Великого княжества Литовского. От Люблина шла прямая дорога к Кракову, но древняя польская столица оказалась в руках шведов, опередивших московского царя. Люблину был нанесен страшный урон: он лишился своей главной святыни — части «животворящего Креста Господня», некогда хранившегося в Софийском соборе в Киеве. 4 февраля 1656 года царь Алексей Михайлович торжественно встретил люблинскую святыню в Москве и, как писал диакон Павел Алеппский, «положил ее на покрытый аналой близ Влахернской иконы и креста Константина» в Успенском соборе, то есть рядом с главными, привезенными с Востока святынями, которые, как он считал, помогли ему во втором своем походе на Вильно<sup>{367}</sup>.

В царском титуле были сделаны важные дополнения, закреплявшие итоги похода 1655 года. В нем появилось прибавление: «великий князь Литовский» и остались слова, нервировавшие шведских дипломатов: «всеа Северныя страны повелитель». Новые изменения в титуле были закреплены уже в указе 3 сентября 1655 года, и с этого времени царь стал писаться «великим князем Литовским и Белыя Росии, и Волынским и Подольским»<sup>{368}</sup>.

Въезд царя Алексея Михайловича в Москву состоялся после того, как установилась зимняя дорога. Царь шел от Вильно через Борисов (где был 24–27 сентября) и Шклов (5–9 октября), несколько задержался осенью в Могилеве (до 1 ноября) и Смоленске (с 10 по 25 ноября)<sup>{369}</sup>, куда к нему стекались вести о действиях войск, которых в итоге пришлось распустить до весны, определив срок нового выхода на службу — 9 мая 1656 года.

О приезде царя Алексея Михайловича в Москву известил новый «Царь-колокол», отлитый по приказу патриарха Никона. Был готов и новый позолоченный герб — двуглавый орел на Фроловской башне. 10 декабря 1655 года, «в первом часу дня», царь снова торжественно въехал в город от Воробьевых гор, где парадным строем его встречали войска. Народ

приветствовал царя, празднуя взятие Вильно и разгром гетмана Радзивилла. На Лобном месте состоялась встреча с патриархами: кроме Никона, здесь были антиохийский патриарх Макарий и сербский Гавриил. Патриарх Никон, молитвами которого, как считалось, достигались все победы, был в фаворе, царь Алексей Михайлович посетил патриарха на «новоселье в новокрестовой палате» — известных ныне Патриарших палатах, заново отстроенных на месте бывшего двора Бориса Годунова сзади Успенского собора в Кремле.

В Москве у царя Алексея Михайловича состоялись переговоры с шведским посольством, ожидавшим его возвращения из виленского похода. Шведы привезли в Москву дорогие подарки, в том числе два драгоценных глобуса для знакомства с картами земли и неба<sup>[5]</sup>. Первая встреча шведских послов «Густава Белки с товарищами» 19 декабря была еще вполне обычной. Но уже к середине января 1656 года шведы почувствовали изменения. Присутствовавший на очередном приеме послов 13 января царь Алексей Михайлович никак не реагировал на их действия и обращения, а назначенный для переговоров боярин князь Никита Иванович Одоевский не хотел ничего обсуждать, требуя прежде признания нового царского титула. Шведские послы не могли самостоятельно принять такое решение, поэтому договорились отослать из Москвы кого-то из членов посольской свиты для получения одобрения короля Карла X на новый титул московского царя. Но разговор о титулах запоздал, в Москве уже было решено начать войну со Швецией. Царь Алексей Михайлович склонился на предложение присутствовавших в то же самое время в Москве имперских послов Фердинанда III о посредничестве в делах с Речью Посполитой и принял решение идти в поход на Балтику<sup>{370}</sup>.

Начало 1656 года царь Алексей Михайлович провел в поездках на богомолье в Саввино-Сторожевский (17 января) и Троице-Сергиев монастырь (24 апреля). Вернувшись в столицу 29 апреля, он принимал в Кремле воевод, награждая их за заслуги первых государевых походов. Были пожалованы воеводы бояре князь Алексей Никитич Трубецкой и князь Василий Петрович Шереметев с товарищами «за их службы, своим государевым жалованьем, шубами и кубками и к прежним окладам придачам», а также те воеводы, кто служил вместе с умершим боярином Василием Васильевичем Бутурлиным. Здесь же главные царские воеводы получили новый наказ идти «для государева и земского дела» на службу в Новгород. Туда отправлялся полк боярина князя Алексея Никитича Трубецкого; после сбора в Новгороде царь указал им «идти на своего

недруга, на Свейского короля, под Немецкие города, под Юрьев Ливонский и под иные Немецкие города». Традиционно для охраны от крымских набегов в Белгород послали воеводу окольного князя Григория Григорьевича Ромодановского, а окольный и воевода Андрей Васильевич Бутурлин был отправлен на службу в Киев, с которым оказалась так тесно связана судьба его отца в последние годы.

15 мая 1656 года, «на Вознесенев день», Алексей Михайлович двинулся в новый поход. Его путь опять лежал к Смоленску, куда «на указной срок» должны были собраться служилые люди Государева полка и войско боярина князя Якова Куденетовича Черкасского. С дороги, все еще не устоявшейся «за грязми», царь писал семье: «А по нас не кручинтесь, положите упование на Бога крепко: Той отдаст вам меня паки здрава»<sup>{371}</sup>.

## **Рижский поход**

Царь Алексей Михайлович в третий раз уезжал из Москвы в Смоленск на войну. Ему уже не надо было торопиться или скрывать свой поход к этому городу, ставшему глубоким тылом для находившейся теперь в руках царя большей части территории Великого княжества Литовского со столицей Вильно и целым «ожерельем» литовских городов на Днепре, Березине и Западной Двине. Царь должен был чувствовать себя уверенно: только что, перед походом, он принимал у себя послов императора Фердинанда III, отправил посольство в Данию, увозившее собственноручно подписанную царем грамоту. Исключение из обычного протокола было знаком особенного отношения к датскому королю; кроме того, всем известны были историческая вражда и войны, которые вели между собой Дания и Швеция. Царские послы трудились над созданием коалиции государств, готовых если не воевать с Швецией, то сохранять нейтралитет. По всей Европе — в Англии, Франции, Бранденбурге и Венеции — внимательно следили за тем, что происходит на театре войны с участием «московита». Посольства царя Алексея Михайловича принимались благосклонно; раздавались обещания, но никто не стремился ссориться ради московского царя с победителями в Тридцатилетней войне — шведами. Схватка России, Речи Посполитой и Швеции, взаимно истощавших силы друг друга, устраивала больше, обещая каждому из соседних государств, не затронутых войной, свои преимущества. Надо было только следить, чтобы баланс сил в этой части Европы резко не изменился в чью-либо пользу. А именно это и попытались сделать в



Москве, закрепляя итоги двух своих литовских походов на начинавшихся новых переговорах в Вильно и наступая на Швецию в поисках выхода к Балтике.

31 мая 1656 года царь пришел в Смоленск. Там он принял посла курляндского князя Якоба. Ранее тот искал заступничества у шведов и тайно, к неудовольствию московских дипломатов, помогал польскому королю. С полной сменой «плюсов на минус» во взаимоотношениях со Швецией менялось и положение ее вольных или невольных союзников. Зажатый со всех сторон воюющими державами, курляндский герцог должен был проявлять чудеса дипломатии, чтобы его государство не пострадало в военных действиях. Герцог обещал послу Данилу Ефимовичу Мышецкому «против государевых ратных людей не стоять нигде и к неприятелям ево государевым не приставать, ни в чем им вспоможенья никакова не чинить»<sup>[372]</sup>. Достаточно посмотреть на карту, чтобы понять, какое преимущество это могло дать в будущей войне. Представители герцога Якоба немедленно выехали в Смоленск подтвердить договоренности лично с царем Алексеем Михайловичем. Вел переговоры боярин князь Никита Иванович Одоевский; он еще 19 мая в Можайске был назначен великим полномочным послом на съезде в Вильно с польско-литовской стороной, но пока оставался в царской ставке. Чтобы аргументы московской стороны были доходчивее, посланникам курляндского герцога «на отпуске» позволили присутствовать на царском смотре 11 июня «за Молоховскими воротами» и увидеть войско, собравшееся вместе с царем в поход на шведского короля.

15 июня царь пожаловал своих самых приближенных «дворовых» воевод — Бориса Ивановича Морозова, Илью Даниловича Милославского и других бояр и воевод своего полка, а 17 июня — полка князя Якова Куденетовича Черкасского. Сопоставление денежных придач к окладам, полученным всеми боярами «за Литовский поход», включая воевод ранее отправленного полка князя Алексея Никитича Трубецкого, дает достаточно наглядную иерархию наград. Здесь нельзя было ссылаться на службу «без мест». Больше всех — 300 рублей — получил придачу боярин Борис Иванович Морозов. Воеводы главных полков — бояре князь Алексей Никитич Трубецкой и князь Яков Куденетович Черкасский получили 200 рублей. Такое денежное вознаграждение соответствовало средним окладам бояр и окольничих, входивших в Думу. Жалованье царского тестя Ильи Даниловича Милославского, как и воеводы передового полка боярина князя Никиты Ивановича Одоевского, увеличивалось на 180 рублей. Придача в 170 рублей была дана служившему в Государевом полку боярину Глебу



Ивановичу Морозову, боярину и воеводе, «что был у наряду», Федору Борисовичу Долматову-Карпову (царь отмечал заслуги и за первый смоленский поход). Ту же сумму в 170 рублей получали служивший «в товарищах» с князем Трубецким боярин и князь Григорий Семенович Куракин, а еще воевода сторожевого полка из рати князя Черкасского боярин князь Борис Александрович Репнин. Другие воеводские «товарищи» тоже получали большие придачи: боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий — 100 рублей, а боярин князь Дмитрий Петрович Львов — 150 рублей. Собственно, это и были «маршалы» царя Алексея Михайловича (хотя такого звания тогда в русской армии не существовало). К ним можно добавить бояр и воевод Василия Петровича Шереметева, Василия Борисовича Шереметева и покойного Василия Васильевича Бутурлина (точных сведений о их придачах разрядные книги не сообщают, но они также были среди награжденных еще в апреле 1656 года).

Два литовских похода создали новую знать в окружении царя Алексея Михайловича. Прежние принципы жалования приближенных — по близкому родству с царем, были дополнены жалованием за военные заслуги. «Партии», ранее истощавшие силы в дворцовых интригах, вынуждены были смириться с новым положением вещей. Каждому боярину и окольничему царь Алексей Михайлович дал возможность «выслужить» уважение победами в войне. Правда, при соблюдении некоторых условий, одно из которых — не покушаться больше на положение при царе боярина Бориса Ивановича Морозова. Другое — не препятствовать появлению среди царских советников новых лиц, к которым царь испытывал дружеское расположение и доверие. В том числе и не родовитых, по сравнению с членами Думы, или пока еще сравнительно молодых, как и сам царь (напомним, Алексею Михайловичу исполнилось 27 лет, возраст, когда его сын царь Петр I только начинал свои реформы). Например, среди награжденных были «комнатные» стольники Иван Богданович Милославский, получивший одинаковую сумму с самим боярином Морозовым — 300 рублей, и Семен Юрьевич Милославский, пожалованный, как и главные военачальники царского войска, прибавкой в 200 рублей. Вместе с ними отдельно был почтен полковник и стрелецкий голова Артамон Матвеев, получивший «отлас рудожолтой гладкой, ковш серебрян, 100 рублей денег». Жалование им, а еще дьяку Иноземного приказа Максиму Лихачеву, было «за службу, что были они под Смоленским на договоре и на приступе»<sup>[373]</sup>. Раздача наград за смоленский и литовский походы свидетельствовала о завершении первого этапа войны.

20 июня царь двинулся из Смоленска в поход на нового своего

«недруга» шведского короля Карла X Густава «под город под Ригу»<sup>{374}</sup>. Военные действия открылись еще раньше. Первым вступил в дело отряд героя люблинского взятия воеводы Петра Ивановича Потемкина. В начале июня воевода вышел «за рубеж» в Ореховский уезд и напал на шведские заставы, взял город Карны и перебил там всех «немецких людей», а также захватил направлявшегося Ладожским озером в Стокгольм корельского воеводу Роберта Ярна<sup>{375}</sup>.

Войну со Швецией, продлившуюся два года, называют еще и первой Северной войной. Целью ее стало освобождение водного пути к Балтике по Западной Двине. Это было важно не только для торговли и возможного появления русского порта на Балтике, но и для определения границ в ходе военных действий со шведами, продвинувшимися в земли Великого княжества Литовского<sup>{376}</sup>.

Путь царя Алексея Михайловича от Смоленска лежал не проторенной «посольской» дорогой на Оршу, а к Витебску. Быстрый выход к Западной Двине позволял развивать наступление на Ригу, используя реку для коммуникации и подвоза снаряжения и продовольствия. В Витебске царь пробыл с 27 по 30 июня. Оттуда он отправил впереди себя к Динабургу войско во главе с боярином Семеном Лукьяновичем Стрешневым (в прошлогодней кампании туда уже направляли отряд во главе с Афанасием Лаврентьевичем Ординым-Нащокиным, но завоевать Динабург не удалось, и после отхода царского воеводы шведы заняли город). В русской армии появилась и своя «плавная рать», но сравнивать речные суда с европейскими морскими флотами, конечно, не приходилось. Хотя технические недостатки, как покажут события, будут с лихвой компенсироваться бесстрашием, с которым казаки-донцы сражались на своих судах с шведскими кораблями. Недаром патриарх Никон (впрочем, слишком самонадеянно) благословил их «Стекольною», то есть «дал добро» на захват с моря самой шведской столицы — Стокгольма!

Из Витебска царь Алексей Михайлович пошел к Полоцку, где 5 июля его ждала торжественная встреча «за Борисоглебским монастырем в поле». Царя встречал и говорил речь игумен братского Богоявленского монастыря Игнатий Иевлевич. Ему удалось затронуть важные струны, когда он сравнил царя Алексея Михайловича с «царем Восточным и Западным» Константином Великим. Ссылался игумен Игнатий и на общее прошлое христиан, вспоминая крещение княгини Ольги и времена Владимира Святого, как бы невзначай упоминая его с тем же титулом, который носил царь, — «всея России самодержец».

В Полоцке окончательно были разрешены важные дипломатические вопросы, связанные с отправкой послов для договора с польским королем Яном Казимиром. Снова приехали посредники — имперские посланники, их пышно принимали, но они отказались от приглашения присутствовать на царском столе, все-таки Полоцк не Москва. Впрочем, это никак не отразилось на их миссии, царь Алексей Михайлович понял их резоны и воспринял всё благосклонно, послав дипломатам кушанья со своего стола в знак царского расположения. Приезжал в Полоцк и королевский гонец, но, главное, на «посольский съезд» для переговоров с польскими комиссарами в Вильно были отправлены ближние бояре князь Никита Иванович Одоевский и его сын Федор Никитич, окольный князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский и дьяки Герасим Дохтуров и Ефим Юрьев. Отправка посольства была приурочена к 13 июля, дню освящения полоцкого храма Святой Софии (переданного после Брестской унии 1596 года униатской церкви; освящение проводил крутицкий митрополит Питирим, бывший с царем в походе); «на отпуске» там же, «в соборной церкви Софии премудрости Божией», были «великие послы у государя у руки»<sup>[377]</sup>.

Вопрос возвращения православных храмов, монастырей и собственности был одним из первых в «тайном» царском наказе на начинавшихся переговорах с Речью Посполитой. Боярин князь Никита Иванович Одоевский не должен был в этом вопросе ничего уступать. Ему поручалось подвести итог всем предшествующим дипломатическим контактам, начиная с времен «вечного dokonчання» Василия III с Сигизмундом I в начале XVI века. Для этого в Посольском приказе провели большую работу, чтобы собрать необходимые документы, включая подборку документов по взаимоотношениям с казаками Богдана Хмельницкого. Царь выполнял свое обещание гетману Войска Запорожского учесть их интересы в переговорах с королем Яном Казимиром. Но главное было в общем победительном настрое царя Алексея Михайловича, чувствовавшего свою силу и грядущую победу, которую должны были оформить послы на съезде в Вильно.

В «тайном» наказе великим послам (наказы были отосланы позднее, чем отправлено посольство), в частности, была дана инструкция отстаивать титул царя — «Белая Русь» и возможное разделение в титулах с польским королем, тоже писавшимся Белорусским: «...и поволить по Березу реку писатца, а з Березы реки до столицы царства Московского не писатца и стоять о том крепко».

Московские дипломаты стремились закрепить по возможности все завоевания царских походов. Становятся понятны причины жестокого

уничтожения и разорения сопротивлявшихся русским войскам городов и мест. По 5-й статье «тайного» наказа предлагалось потребовать в Великом княжестве Литовском все города, «которые высечены и вызжены и покинуты, пусты». В крайнем случае, наказ требовал «утверждать по Березу реку вечным миром». Здесь же для сведения послам содержалась полная «Роспись городом» — как тех, что «добили челом», так и «взятых» царскими войсками. К первым отнесены Дорогобуж, Невель, Белая, Полоцк, Рославль, Дисна, Озерище, Копысь, Шклов, Смоленск, Витебск, Себеж, Велиж, Туров, Кричев, Могилев, Новый Быхов. Из «взятых» наиболее крупными были Мстислав, Орша, Глубокое, Борисов, Минск, Вильно, Ковно, Гродно, Слоним, Пинск. В списке перечислены Люблин и города-трофеи запорожских казаков, включая Новогрудок, Мир и Несвиж. Приводилось также описание границ: «Межа княжества Литовского» и «Межа Белые Руси». В одном случае она вела к Бугу, а в другом к Березине и Вислочи (или Днепру). Установить новую границу надо было еще и для переговоров «о вечном мире по реку Буг и все войско Запорожское и з города и гетмана Богдана Хмельницкого» (8-я статья).

Самой важной была 6-я статья «тайного» наказа, где после «меланхоличного» захода об отсутствии наследников у короля Яна Казимира («о том, иж королевское величество древностью лет состарелся и наследников по себе не имеет») предлагалось ни много ни мало договориться о выборе на польский трон царя Алексея Михайловича: чтобы «прислали к нам, великому государю к нашему царскому величеству, послов своих со избранием нас, великого государя нашего царского величества, и писать государем обранным Коруне Полской» — идея, основанная скорее на собственных пожеланиях, чем на какой-либо реальной основе. Московским дипломатам казалось, что уже все Великое княжество Литовское «под нашего царского величества рукою утвердилось», поэтому логично было бы оставить Корону и Литву «по прежнему в соединении». Чтобы аргументы были доходчивее, польской стороне угрожали взысканием огромных сумм, потраченных на жалованье служилым людям, «кроме иных подъемов»: в первом походе «162-го года» 800 тысяч рублей, а «во 163-го году» — 900 тысяч. Понимая, что у польского короля таких сумм нет, предлагали компенсировать потери царя на ведение войны городами — теми самыми, которые московским войскам еще не удалось взять: Брестом Литовским, Слуцком, Старым Быховом, а также Жмудским воеводством (статьи 6, 7, 11-я).

В свете этого «тайного» наказа иначе выглядят и цели войны со Швецией. Послы должны были объявить об этой войне и напомнить о

посредничестве императора Фердинанда III, «чтоб мы, великий государь наш царское величество, изволили с его королевским величеством мир воспрять и изволили б идти на обчаго неприятеля короля шведцкого». Поэтому царь и вступал в войну: «не дали разширяться, ему королю шведцкому в замыслах своих» и «дабы вперед его пронырство лукавственное не ширилося» (9-я статья). Важнейшей целью посольства было любой ценой утвердить за царем Великое княжество Литовское, которое «подаровал Господь Бог нашим государским храбрым ополчением». Царь обещал «не возбранять» называться королю Яну Казимиру королем Швеции и обещал ему помощь в случае войны. Правда, при этом сразу закладывался еще один долгий спор — из-за приобретений в ходе текущего царского похода «в Инфлянтах» — спорных ливонских землях между Речью Посполитой и Швецией. Провозглашалось, что они «належат к стороне нашего царского величества пограничным городом, так ж и к городу Риге, которой за помощью Божию нашего царского величества счастьем вскоре под нашу царского величества высокою рукою утвердятся имеет» (10-я статья)<sup>[378]</sup>.

Посольство князя Никиты Одоевского началось для него с личной трагедии. Едва отъехали из Полоцка, как 18 июля на стану «у реки Начи» умер второй «великий посол», родной сын князя Никиты Ивановича боярин князь Федор Никитич Одоевский. Можно только подивиться выдержке царского слуги, сообщавшего кратко царю в своей отписке о смерти сына после покаяния и последнего причастия (важно, что смерть не была скоропостижной). На следующий день, 19 июля, боярин обещал отпустить тело сына для погребения к его оставшейся семье, за которую и просил царя, а 20-го уже идти дальше на службу. Царь близко к сердцу принял трагедию князя, потерявшего уже второго сына. Когда умер первый, Михаил, царь Алексей Михайлович также отсылал к князю Никите Ивановиче утешительное письмо. В архиве Тайного приказа сохранился отпуск письма и по поводу смерти князя Федора. Еще недавно Алексей Михайлович гневался, прощал и награждал князя Федора Никитича чином боярина, мирил его с другим боярином Василием Васильевичем Бутурлиным. Теперь не стало обоих бояр, царь думал о смерти и утешал князя Никиту Ивановича. Царское сопереживание тоже было особой милостью: «...и мы, великий государь, жалуя вас, не помалу посетовали... Ей, вся житейская от человек преходна и лестна и мрачна и дымна»<sup>[379]</sup>.

15 июля 1656 года царь Алексей Михайлович оставил Полоцк и двинулся на «своего государева недруга на Свейского короля». Вперед к

Риге был отправлен всё тот же полк князя Якова Куденетовича Черкасского с задачей блокировать город с курляндской и псковской сторон. Он должен был начать подготовку штурма и осадить рижский гарнизон во главе с командующим шведскими войсками в Ливонии генералом графом Магнусом Делагарди. Надо было не дать шведскому войску из Риги прийти на помощь другим городам на Двине, куда с войском отправился сам царь. Весь маршрут Государева полка подробно расписан в разрядных книгах: путь его лежал через город Дисну (с 16 по 17 июля царь стоял «по сю сторону Двины в шатрах»), село Дрису, где было получено трагическое известие от князя Никиты Ивановича Одоевского, и город Друю, куда царь пришел в тот же день 19 июля. Уже 21 июля Алексей Михайлович «пошел из Друи под Немецкой город под Диноборок», а 24-го числа был под Динабургом и возглавил наступление на город, отправив заранее в следующий город вниз по Двине, Кукейнос (Кокенгаузен), воевод Семена Лукьяновича и Никиту Константиновича Стрешневых, а с ними также своего друга Артамона Матвеева, шедшего в походе во главе сокольников и стремянных конюхов. Освобождение двинского пути до самой Риги началось, но царь, как и в случае со Смоленской осадой, захотел лично присутствовать при штурме городов по Двине.

И успехи не замедлили — 31 июля царь Алексей Михайлович праздновал сдачу Динабурга, взятого по его приказу в ходе ночного штурма. Накануне царю было видение святых Бориса и Глеба, и в память об этом он приказал переименовать Динабург в Борисоглебск, символично подчеркивая преемственность со временами первых святых русских князей. В письме сестрам царь описал, как приказал брать штурмом Динабург 31 июля «с среды на четверг в ночи за два часа до света». Уже через полтора часа после штурма был взят «большой город, а меньшей городок зажгли гранадами; и как загорелися в верхнем городке дворы и из нижнево городка пошли на верхней городок и верхней взяли и высекли того ж часа». Из письма можно узнать, что «на приступе всех наших было 34 000 человек. А убито и ранено немного». Письмо отправлено 3 августа, и в тот же день царь выступил в поход к Кукейносу, куда пришел 8 августа.

Со взятием Кукейноса все повторилось: штурм был проведен ночью 14 августа «после всенощного», и город был переименован в Царевичев-Дмитриев (в обоих городах появились новые освященные церкви, соименные этим святым, Борису и Глебу и царевичу Дмитрию соответственно). Царь снова написал письмо семье в Москву, образно рассказав о поверженном Кукейносе: «...а крепок безмерно, ров глубокой, меньшей брат нашему кремлевскому рву; а крепостию сын Смоленску

граду: ей чрез меру крепок». Но и потери на этот раз были большие — 67 убитых и 430 раненых. Приступ произошел на глазах прибывшего в царскую ставку датского посланника Германа Коса. В ответ в союзную Данию «к брату своему, любительному другу и соседу, к Фердерикусу королю Дацкому», отправлялся русский посланник стольник князь Данила Ефимович Мышецкий. На этот раз царь не стал надолго откладывать награды за победу и немедленно пожаловал «за взятие Немецкого города Куконоса» главного воеводу Семена Лукьяновича Стрешнева и бывших с ним на приступе рейтарского полковника Венедикта Андреевича Змеева и стрелецкого голову (пожалованного в полковники) Ивана Никитича Нелидова. Последним дозволялось «государевы очи видеть по праздникам за переградою», то есть они тоже вводились в ближний царский круг.

«Дорога на Ригу была открыта», — писал исследователь этой войны Александр Николаевич Мальцев<sup>[380]</sup>. Однако это замечание справедливо только для Государева полка, продолжившего 18 августа свой путь к Риге, где уже вступил в бой полк князя Якова Куденетовича Черкасского. Силами полка князя Черкасского также готовился водный путь по Двине; река очищалась от порогов, чтобы беспрепятственно можно было организовать сообщение с остававшимися в тылу городами. Первые радостные вести от князя Черкасского были получены 21 августа на царском стану в 20 верстах от Риги. Князь сообщал, «что выходили из Риги на вылоску генерал граф фан Торм и с ним немецкие люди многие и, милостию Божиею, а его государевым счастьем, немецких людей многих побили и языки поймали». Немедленно царский полк двинулся еще ближе к Риге и 22 августа был уже в пяти верстах от города. С 23 августа начинается отсчет осады Риги войском царя. Тогда, как сказано в дворцовых разрядах, «рижские сиделцы, генерал граф Магнус с товарищи, видя под город приход великого государя, в Риге в земляном городе зажгли, а сами сели в каменном городе». И горе было тем, кто не успел укрыться в рижском замке — воеводы, войдя в «земляной город», не пощадили никого: «которых немец в городе застали и тех высекли».

Царь приказал устроить «шанцы» — окопы вокруг осажденного города, но при наличии морского сообщения в них было мало смысла. На что надеялись царь и его бояре — стратеги этой войны? Неужели в самом деле на смешную, по сравнению с шведскими кораблями, «плавную рать»? Образно говоря, они видели перед собою Ригу, а смотрели всё равно в сторону Вильно, где с 12 августа начались переговоры князя Никиты Ивановича Одоевского с польскими комиссарами. Символично, что в те же дни, когда Государев полк шел к Риге, царские дипломаты на съездах 20 и



22 августа подошли к главному разговору о написании царя Алексея Михайловича «обранным» королем Польши. Особенностью рижского похода было одновременное решение многих военных и дипломатических задач. Ожидалась морская «подмога» от датского короля, помощь от соседних властителей Курляндии и Пруссии; со всеми шли интенсивные переговоры о мире, закреплявшие результаты трехлетних царских походов. Но главным оставалось заключение соглашения с Речью Посполитой.

Положение Риги было незавидным. Укрепления находились не в надлежащем состоянии, гарнизон обескровлен, жалование не уплачено, на жителей наложена огромная контрибуция шведским королем Карлом X. Не случайно до царских полков доходили разговоры о желании рижан сдаться Алексею Михайловичу. Но такие разговоры могли только помешать увидеть настоящее положение дел. Руководивший обороной Риги губернатор Магнус Делагарди — один из первых сановников и генералов Швеции, состоявший в родстве с королем, — конечно, не хотел для себя позорной славы. Оборона Риги велась умело, и уже 12–14 сентября в город морем прошли необходимые подкрепления и запасы. После чего, как считают исследователи, произошел «отказ от решительного штурма Риги», тем более что начались разговоры о чуме в городе, грозившей уничтожить и осажденных, и осаждающих. Вскоре осада Риги была снята.

В письме родным Алексей Михайлович уже 22 сентября написал, что двинется в обратный путь 1 октября. Вылазка из осажденной Риги генерала Магнуса Делагарди 2 октября уже не имела того военного значения, которое ей обычно приписывается; «немецкие люди» были остановлены, а войска отошли в боевом порядке. Полностью осада Риги была снята 5 октября<sup>[381]</sup>.

Военная цель похода не была достигнута, но путь был показан, и русские войска еще дважды будут осаждать Ригу, пока она не будет взята в 1710 году Петром I. Пока же «демонстрации силы» хватило для послов польского короля Яна Казимира в Вильно. Своеобразная остратка была устроена и еще одному «недругу» — королю Карлу X. Оказалось, что с другой стороны шведский «Потоп» упирался в надежную плотину на русской границе.

Виленские переговоры 1656 года о закреплении за царем Алексеем Михайловичем завоеванной территории Великого княжества Литовского и земель Короны для Войска Запорожского под управлением гетмана Богдана Хмельницкого продвигались трудно. Неожиданно для польской стороны на первый план вышла идея избрания Алексея Михайловича или его сына царевича Алексея в наследники короля Яна Казимира. Разговор об этом

посол князь Никита Иванович Одоевский начинал в шутку, неофициально, смотря на возможную негативную реакцию королевских дипломатов. Но идея царского избрания на удивление легко была воспринята комиссарами Речи Посполитой, они даже испытали облегчение, узнав о главном желании царя. Начатые переговоры о таком тесном соединении Московского царства и Речи Посполитой даже рассорили послов с посредниками, представлявшими императора Фердинанда III. Спасая Речь Посполитую от полного разгрома, в Империи явно были не готовы встречать у своих границ московского царя, стремившегося еще и встать на Балтике.

Главным военным успехом рижского похода стали действия рати боярина князя Алексея Никитича Трубецкого на другом направлении, у Юрьева (Дерпта). Древний русский город, основанный князем Ярославом Мудрым, был уже однажды завоеван русскими войсками во времена Ливонской войны. Потом по результатам мира город достался Речи Посполитой, но стал «переходящим призом» в ее войнах с Швецией. Новое завоевание Юрьева царскими войсками 12 октября 1656 года имело тем самым двойной смысл — поражение шведов и «возвращение» древнерусского наследства. Известие о сдаче города Юрьева Ливонского Алексей Михайлович получил, «прошед Дисну город», на стане в деревне Горки, уже на подходе к Полоцку, где царя снова встречал «в поле» игумен Игнатий Иевлевич. Игумен поздравлял царя с большой победой — получением «Ливонской митрополии», «столичный, глаголю, град Юрьев земли Ливонския». Алексей Михайлович написал из Полоцка семье и патриарху Никону, которые выехали в Вязьму. Но как ни спешил он увидаться с родными, быстро это произойти не могло: «А скорее тово поспешить никак нельзя: сами видите какая по дороге расторопица стоит и груда и облом».

31 октября в Полоцк приехал сеунщик с известием от великих послов боярина князя Никиты Ивановича Одоевского, договорившихся об избрании царя «королем Польским и великим князем Литовским». Конечно, царь Алексей Михайлович понимал, что это еще не окончательное решение, но не удержался и поддался общему поздравительному настрою. Он не стал хранить известие в тайне и объявил о предварительном договоре, хотя переговорам надо было еще продолжаться и продолжаться. Но это была возможность привлечь под свою «высокую руку» еще больше новых подданных и повлиять на будущие выборы в Великом княжестве Литовском: ведь литовская шляхта должна была голосовать в дальнейшем за кандидатуру царя на сейме в Варшаве. Царь дозволил сбор местных сеймов, но, правда, только с

участием шляхты, присягнувшей ему в подданство.

1—3 ноября 1656 года в Полоцке по этому случаю были устроены большие торжества, состоялись молебны в Софийском соборе и Спасо-Преображенском монастыре; на царские «столы» пригласили в один день полоцкую шляхту, а в другой — полоцких мещан. Снова понадобилось красноречие игумена Богоявленского монастыря Игнатия Иевлевича, обращавшегося к царю с новым титулом: «нареченный Королю Польский, Великий Княже Литовский, Русский, Прусский, Жмудский, Мазовецкий, Инфляндский и прочая». Звучали слова о торжестве белорусского православия: после «тмы» приходил «свет», свершался поворот от власти «зело враждующей на благочестие», к власти царя «ревнующего» о нем, великого государя «не токмо Малыя и Белья России, но всего победами прежде повсюду славнаго Королевства Польскаго и Великаго Княжения Литовскаго». Кто после этого мог сказать, что царский поход закончился неудачей?

4 ноября царь Алексей Михайлович вышел из Полоцка. Его следующей остановкой стал Витебск. Царь спешил к семье в Вязьму и привел утешительный подсчет оставшихся верст на своем пути в письме из Витебска 10 ноября: «А от Витепска до Смоленска полтораста, а от Смоленска до Вязьмы полтораста». Действительно, он уже нигде не задерживался: 12 ноября вышел из Витебска, 20-го был в Смоленске, а 26-го приехал в Вязьму. Долгожданное воссоединение царя с женой, детьми и сестрами состоялось. В Вязьме ждал царя и «собинный друг» патриарх Никон. Алексею Михайловичу явно нужна была передышка, чтобы справиться с валом обрушившихся на него событий. Кроме того, ему хотелось бы появиться в Москве, «обранным» на престол Речи Посполитой, поэтому в Вязьме продолжались контакты с представителями двух гетманов Великого княжества Литовского — Винцентия Госевского и Павла Сапеги. Но контакты эти были не такими обнадеживающими, как ожидал царь. После виленских переговоров стали нарастать и трения с гетманом Богданом Хмельницким, посчитавшим себя обманутым. В Запорожском Войске полагали, что на переговорах в Вильно не были учтены интересы казаков и царь предал их, пойдя на соглашение с королем. Богдан Хмельницкий, напротив, не желал мириться с ним ни при каких обстоятельствах. Конечно, он лучше московских дипломатов понимал и призрачность надежд на избрание царя в короли Речи Посполитой<sup>[382]</sup>.

14 января царь Алексей Михайлович вернулся в Москву. Торжественно встречал его опять патриарх Никон. Царь завершил свою войну; теперь пришло время испытать завоеванное на прочность. Но какие бы события

ни происходили потом, отменить победы Московского царства они уже не могли.

**Часть вторая**

**РОЖДЕНИЕ  
ВЕЛИКОЙ РОССИИ**



# НОВАЯ СТЕПЕНЬ РОССИЙСКОГО ЦАРСТВИЯ

## 166-й год

С возвращением царя Алексея Михайловича из рижского похода начинается новый период его царствования. Грань 166-го (1657/58) года не слишком видна в биографических трудах, а между тем именно этот год можно считать определяющим для Московского царства. Посмотрим внимательнее на все значимые события этого года, дополнив обычную хронологию еще и «погодным» видением. И узнаем, какие перемены начались после завершения трех государевых походов.

Московское государство вновь превратилось в одного из участников большой европейской политики. Императоры, короли, лорд-протекторы, папа римский, кардиналы и архиепископы, канцлеры и дипломаты — все они развернулись лицом на восток, чтобы разглядеть появившуюся там почти что из исторического небытия фигуру «московита». Достаточно еще раз привести отзыв одного из самых ярких героев событий на рубеже 1640—1650-х годов гетмана Януша Радзивилла, ожидавшего в начале первой кампании, что «москва» «по-рачы» вынуждена будет двинуться назад от смоленского рубежа, и вспомнить, в чьих руках (и уже навечно!) оказался Смоленск и в каких иных краях пребывал сам гетман, перед смертью разрушивший единство Литвы и Короны. Повестка дня в европейских делах спустя несколько лет после завершения Тридцатилетней войны снова изменилась: при живом короле Польши Яне Казимире все заговорили о его наследстве — королевской короне. И главным в хоре претендентов оказался голос царя Алексея Михайловича, которому эта корона была обещана, согласно Виленскому договору.

Оставалось только подтвердить на сейме Речи Посполитой решение, достигнутое на переговорах. В этом и будет основное препятствие для кандидатуры московского царя на польский трон. Как и в случае с историческим прецедентом избрания на московский престол королевича Владислава Сигизмундовича в 1610 году, неразрешимым окажется вопрос о вере. Католического царя не хотели в Москве, а православного — в Польше. Появится «21 причина», чтобы не избирать царя Алексея Михайловича или его сына царевича Алексея Алексеевича в короли Речи Посполитой<sup>[383]</sup>. Ближайшие годы, как мы увидим, заполнены борьбой вокруг этого главного вопроса: будут достигаться немыслимые ранее

соглашения и союзы — например, отказ польского короля от шведской короны и общий союз Польши с мятежным Запорожским Войском и крымскими татарами против Москвы. Новая война заберет немало сил, и в конце концов противники избрания царя Алексея Михайловича на польский трон добьются своего и победят. Но исторический разворот к объединению России, Украины и Белоруссии под властью одного правителя уже состоялся, а дети царя Алексея Михайловича заключат Вечный мир с Речью Посполитой.

Побывав за пределами Московского царства, увидев чужие города и их население, встречая на приемах и праздничных «столах» новых подданных из «Литвы», царь Алексей Михайлович должен был пересмотреть свои прежние мысли о начатой им войне за веру в 1654 году. Современный исследователь Сергей Владимирович Лобачев замечает: «Это было первое путешествие русского царя на Запад, которое по своему значению, пожалуй, можно сравнить с Великим посольством Петра I»<sup>[384]</sup>. В действительности, как это обычно и бывает, все оказалось несколько иным, чем воображалось молодому царю в Кремле еще несколько лет назад. Призрак Иерусалима так и остался призраком, а успехи в Литве не продвинули царя к Константинополю. Хотя именно вера помогала царю в его походах, и в знак расположения и для успеха в делах он отсылал воеводам христианские святыни, а особо чтимые иконы, кресты и реликвии из Вильно, Люблина и других покоренных городов собирались по царскому указу в Москве. Было ли это достаточной основой для продолжения походов и их прямого разворота с запада на восток? Очевидно, что в Москве понимали: продолжение войны за веру могло случиться не ранее завершения войны с Речью Посполитой. На это и были направлены все усилия, но путь к Андрусовскому мирному договору оказался длинным, а обсуждение его условий тянулось годами. Царь Алексей Михайлович был молод и еще мог рассчитывать дела своего царства на десятилетия вперед, но никто не мог предсказать, удастся ли и дальше успешно продвигаться на пути утверждения превосходства московского Православия во всем христианском мире. Такая цель неизбежно вела к грядущему столкновению с турецким султаном — а эта задача совсем непосильная для одного московского царя, без союза с австрийским императором и другими христианскими странами. В это время патриарх Никон начинает строить свой Новый Иерусалим на реке Истре под Москвой — как зримый символ и напоминание о предназначении российского Православия.

У любой войны всегда есть и внутренняя повестка дня. Когда Московское царство воевало, все было подчинено военным задачам. С мая



1654 года по январь 1657 года царь Алексей Михайлович пробыл в Москве всего несколько месяцев, также занятых по преимуществу частыми приемами послов или царскими паломничествами. В системе управления, где все замыкалось на царе и требовало его личного участия, это могло привести только к одному — остановке дел (вспомним еще несчастные обстоятельства «морового поветрия»). Да, в Москве оставались специально назначенные бояре, но они не были самостоятельны в своих действиях, лишь извещая царя о важнейших событиях, происходивших в столице, и пересылая ему приходившие грамоты, чаще всего опять-таки по иностранным делам. Царь поручал также на время своего отсутствия во всех делах писать челобитные на имя своего сына царевича Алексея Алексеевича. Это могло иметь хоть какой-то смысл, если бы царевич участвовал в делах, но этого никак нельзя было сказать о трехлетнем мальчике. Значит, снова текущими делами должны были заниматься царские приближенные, а не сам царь. Чаще всего это приходилось делать патриарху Никону, называвшемуся в документах, по разрешению царя, «великим государем» (скоро это станет одним из обвинений). Но и патриарху не все удавалось, когда рядом не было царя. Напротив, резкие и самовластные действия патриарха отвращали от него людей; нарастало недовольство бояр, вынужденных униженно искать решения своих дел уже не в приказах, а в новых патриарших палатах, где их часами держали, выражаясь современным языком, «в приемной». Рядовым же челобитчикам вообще нигде было находить управу, пусть служилым людям и дана была отсрочка во всех делах на время их участия в военных походах. Но ведь оставалось еще немало других жителей Московского царства — посадских людей, крестьян, городских стрельцов и казаков. У них тоже были свои нужды, между ними случались ссоры, возникали дела о бое, грабеже или убийствах, и в этом случае начинались судебные тяжбы. Телега же московского правосудия «не ехала», у нее даже не было колес, которые в обычное время можно было «подмазать» для лучшего хода.

Возвращение царя Алексея Михайловича в Москву 14 января 1657 года и его личное участие в делах снова должны были «устроить» жизнь в стране. Достигнув главного для себя результата — избрания на польский трон, царь больше не стремился воевать. Напротив, вся его последующая политика была перенаправлена на закрепление достигнутого. В биографии царя, написанной И. Л. Андреевым, говорится, что Алексей Михайлович был убаюкан своими победами, что его «переиграл» более опытный дипломат король Ян Казимир. Это суждение может быть справедливо, если вести речь об общих итогах царствования. Московское государство так и не

получило обещанной короны, что свидетельствует о переоценке царем собственных сил. Но совсем по-другому история с предложением польской короны выглядит с учетом влияния царя на политику на рубеже 1650—1660-х годов. Виленский договор 1656 года о династической унии стал дипломатическим документом, подтвержденным сеймом Речи Посполитой, от него уже невозможно было просто взять и отказаться. Само присутствие договора о выборе царя Алексея Михайловича в преемники короля Яна Казимира меняло дипломатическую повестку дня, заставляло действовать иначе, ведя дело к союзу двух государств. Заключение договора не оставило другой альтернативы, кроме движения к Вечному миру и созданию новой коалиции России, Речи Посполитой и Австрийской империи, направленной против османской Турции. И царь Алексей Михайлович еще примет участие в ее создании.

Но вернемся к истокам этого нового дипломатического порядка, ко времени окончательного возвращения царя Алексея Михайловича из своих военных походов. С января 1657 года почти ежедневно стали вестись «Дневальные записки» Приказа Тайных дел, охватившие всё дальнейшее время его царствования. В них, как в летописях, описывались будни царской жизни, участие царя в богослужениях и «столах» в Кремле, говорилось о его поездках на богомолье, записывались для памяти назначения и местнические челобитья. Алексей Михайлович наконец-то мог вернуться к своей любимой охоте; немало записей говорит о том, как он ездил «тешитца в поля». Становится известно почти всё о том, кто и когда из стрелецкой охраны царя стоял на карауле и даже какая в тот день была погода<sup>[385]</sup>. Читая «Дневальные записки» о досугах царя, трудно соотнести их с тем, что называется в историографии временем русско-польской войны. Да, военных действий впереди будет еще немало, но в отличие от предшествующих царских походов в Москве прочно поселится уверенность в своих силах.

Лучше всего самосознание власти объясняет создание в Москве нового Записного приказа осенью 1657 года с поручением «записывати степени и грани царственные» от царя Федора Ивановича до царя Алексея Михайловича. Можно было бы даже установить своеобразный «день историка» 3(13) ноября, когда царский указ о создании приказа был отдан дьяку Тимофею Кудрявцеву. Если бы только это первое поручение написать историю было успешно выполнено! Как и все самое важное в царстве, работа Записного приказа направлялась из Тайного приказа, а это значит, что царь Алексей Михайлович имел прямое отношение к обсуждению идей о том, какой должна быть эта история. Начало «степеней» с правления царя

Федора Ивановича, умершего в 1598 году, отвечало традиции отсчитывать новое время именно с его царствования. Тем более что прежняя «Степенная книга», составленная при Иване Грозном, на его правлении и заканчивалась, освещая успехи начала Ливонской войны. Последней записью в ряде списков «Степенной книги» стало взятие Полоцка в 1563 году (тоже переключка с новейшим временем, когда царя Алексея Михайловича самого встречали в Полоцке). В историю, написанную в Записном приказе, должны были войти описания царствований Бориса Годунова, Василия Шуйского (и даже Расстриги!), а также «33 лета» царствования Михаила Федоровича «и наше великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, все Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, по нынешней по 166-й год».

Вряд ли этот год выбран как простая дата или время создания самого Записного приказа. Вся история последних семидесяти лет должна была подвести к некому логическому результату, и им видится готовившееся решение об избрании царя Алексея Михайловича в короли Речи Посполитой. Однако дело было разрушено неудачным поручением написать историю «записному» бюрократу, каким был дьяк Тимофей Кудрявцев. Он много заботился об устройстве места работы приказа, его штате и жалованье, но мало преуспел в сборе источников для такой истории. Из работы Записного приказа в 1657–1658 годах ничего не вышло, но веха эта осталась, и, безусловно, надо оценить начавшееся движение к созданию новейшей истории Российского царства. Пусть тогда даже мало кто понимал способы и задачи такого историописания<sup>[386]</sup>.

Посмотрим и мы, что такое в русской истории «166-й год» (1 сентября 1657 — 31 августа 1658). Можно считать, что начался он даже несколько ранее 1 сентября, когда царь Алексей Михайлович вернулся в Москву из рижского похода, и возобновилась обычная жизнь царского двора. Два главных источника — дворцовые разряды и «Дневальные записки» Приказа Тайных дел — дополняют здесь друг друга, приводя достаточно полную придворную летопись. К сожалению, составители этих текстов, записывая сведения о происходивших событиях, уделяли главное внимание церемониалу, не приводя никаких оценок. В первые месяцы 1657 года из царских дел выделяются по-прежнему текущие события войны и дипломатии. Царь Алексей Михайлович награждал тех, кого еще не успел наградить, принимал новых подданных, среди которых, например, оказались потомки «эмигрировавших» в Смуту князей Трубецких и Мосальских<sup>[387]</sup>. Состоявшееся в середине XVII века воссоединение

княжеских родов очень показательно, оно закрывало тяжелую страницу в истории русской аристократии.

Продолжалась, хотя и не слишком успешно, война со Швецией. 9 июня 1657 года в бою под Валком (на границе современных Латвии и Эстонии) был пленен и погиб от ран воевода стольник Матвей Васильевич Шереметев. До этого посланные им из Пскова отряды смогли предотвратить потерю Псково-Печерского монастыря, бои за который, намеренно или нет, начались в день ангела царя Алексея Михайловича — 17 марта. В любом случае речь шла о демонстрации силы со стороны шведского наместника в Ливонии графа Магнуса Делагарди, отказавшегося искать путь к миру<sup>[388]</sup>. Попытка развить ответное наступление русских войск в шведские земли окончилась поражением под Валком. Насколько царь Алексей Михайлович переживал текущие события войны, показывает его письмо двоюродному брату стольнику и ловчему Афанасию Ивановичу Матюшкину, близкому царскому приятелю. Матвей Шереметев был другом Матюшкина, поэтому, еще не зная достоверно, что случилось с молодым воеводой в шведском плену, Алексей Михайлович писал, чтобы утешить его: «Брат! Буди тебе ведомо: у Матвея Шереметева был бой с немецкими людьми. И дворяне издрогали и побежали все, а Матвей остался в отводе и сорвал немецких людей. Да навстречу иные пришли роты, и Матвей напустил и на тех с небольшими людьми, да лошадь повалилась, так его и взяли!.. А людей наших всяких чинов 51 человек убит да ранено 35 человек. И то благодарю Бога, что от трех тысяч столько побито, а то все целы, потому что побежали; и сами плачут, что так грех учинился!» При этом, по полученным сведениям, «немец», то есть шведов, было всего две тысячи человек. Как писал царь, «наших и болши было, да так грех пришел». Царь думал, что Шереметев остался жив, а потому поддерживал друга: «А о Матвее не тужи: будет здоров, вперед ему к чести! Радуйся, что люди целы, а Матвей будет по-прежнему»<sup>[389]</sup>.

Надежда на польскую корону и на исполнение обещания польских комиссаров в Вильно созвать специальный сейм по этому поводу пока не исчезала. Хотя особенной веры в искренность польско-литовской стороны не было. Еще одним камнем преткновения оставался вопрос статуса и границ Войска Запорожского, которое в Речи Посполитой пытались привлечь на свою сторону. Гетману Хмельницкому даже были посланы поддельные статьи Виленского договора, чтобы разорвать его союз с Москвой. Казаки и так были недовольны тем, что договор был заключен без их участия, а их еще намеренно стали убеждать в предательстве царя

Алексея Михайловича. Однако придуманная королевскими представителями интрига не вполне достигла своей цели. Из Москвы в гетманскую ставку в Чигирин постоянно ездил стольник Василий Петрович Кикин — один из тех воевод, кто после Переяславской рады вместе с боярином Василием Васильевичем Бутурлиным приводил к присяге на подданство города Киевского воеводства (например, Чернобыль, где случилась громкая история с отказавшимся присягать протопопом). Кикин показал гетману Богдану Хмельницкому настоящие договоренности, заключенные в Вильно, советовался, где быть границе Короны и Войска Запорожского, по-прежнему обнадеживая милостивым царским словом. Казакам напоминали, что они сами убеждали московскую сторону в том, что «ляхи» только обманывают и не исполняют своих обещаний; теперь этот аргумент возвращался гетману. Но разлад с Богданом Хмельницким после договора в Вильно о выборе царя Алексея Михайловича в преемники короля Яна Казимира обозначился; в Войске Запорожском немедленно развернулись в сторону поддержки притязаний на польскую корону трансильванского князя Дьердя Ракоци, действовавшего в союзе с шведским королем Карлом X. Царский посланник вынужден был тайно собирать сведения о настроениях гетмана и старшины, их контактах с польским двором, крымским ханом и шведским королем<sup>{390}</sup>.

Смерть Богдана Хмельницкого в конце июля 1657 года остановила нараставшее обоюдное разочарование и положила конец целой эпохе. При всех бурных поворотах русско-польских отношений середины XVII века первый самостоятельный гетман Войска Запорожского, отвоевавший территорию будущей Украины у Речи Посполитой, не поднимал оружия против московского царя-единоверца. Хотя на словах он был готов сделать это не раз, всё списывалось на счет необузданного характера Хмеля. Иметь предводителя «черкас» в союзниках было выгоднее, чем во врагах — несмотря на его непостоянство, неисполнение обещаний и известное стремление выстроить особенные отношения с врагами Московского царства.

Новый год начинался в XVII веке, как известно, со дня Семена-летопроводца. Новолетие обычно отмечалось большим празднеством. Не стало исключением и 1 сентября 1657 года, когда начался 7166-й год по эре от Сотворения мира. Тем более что последний раз царь Алексей Михайлович праздновал новолетие в Москве еще четыре года назад, до начала своих военных походов. На этот раз торжество было дополнено пожалованием воеводы боярина Василия Петровича Шереметева — покорителя Полоцка. За его службу «в Литовских походах» он был

награжден богатой шубой — «отласом золотным», а также кубком, 500 рублями денег и придачей к денежному окладу. Царь как будто извинялся перед отцом погибшего воеводы стольника Матвея Васильевича Шереметева. Во время осады Витебска Шереметев-старший прогневил царя Алексея Михайловича своей мягкостью по отношению к витебской шляхте, выпущенной им из города вопреки недвусмысленному указанию не щадить тех, кто сопротивлялся царским войскам. Царь все-таки послал тогда к воеводе с «милостивым словом и о здоровье спросить и с ратными людьми». Но хотя два витебских острога царские войска и взяли, показав «прилежную службу», организовать успешный штурм укреплений, где затворились оставшиеся защитники города, они смогли не сразу. Самого воеводу Василия Петровича ждал царский разнос за нарушение указа: «... позабыв нашу государскую милость к себе, нас, великого государя, прогневал, а себе вечное безчестье учинил, начал добром, а совершил бездельем». В общем, тогда, в апреле 1655 года, царь едва не казнил воеводу за ослушание и был готов отправить его в казанскую ссылку<sup>{391}</sup>. Но в итоге распорядился всего лишь «пошуметь гораздо»: достаточным наказанием была потеря должности одного из главных полковых воевод русской армии в государевом походе. Геройская смерть сына всё изменила, и от прежнего царского гнева не осталось и следа<sup>{392}</sup>.

17 сентября 1657 года в семье царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны родилась дочь Софья, знаменитая в будущем своим регентством в Московском царстве и нарушившая многолетнюю традицию молчания женской половины Теремного дворца. Не было ли ожидание ребенка одной из причин, заставивших Алексея Михайловича остаться в столице и не ходить больше в далекие военные походы? Подобные умозрительные предположения имеют право на существование, но чаще всего они лишь уводят в сторону и вредят историческим исследованиям. Можно вспомнить другие обстоятельства, которые не могли не приниматься в расчет: они связаны с распространением новой волны чумной эпидемии. Например, летом 1657 года смоленских гонцов не пропускали далее Дорогомиловской заставы в Москве из-за боязни «морового поветрия», а привезенные ими документы переписывались, чтобы не занести с ними случайно болезнь во дворец. В итоге царь Алексей Михайлович указал войску оставаться на своих местах на Украине<sup>{393}</sup>. Мор в это время свирепствовал и в Вильно, по-прежнему находившемся под контролем царских воевод, и Риге, еще недавно осаждавшейся русской армией во главе с самим царем. Заставы, следившие за тем, чтобы не



занести болезни в столицу, были поставлены в Новгороде. Москва оказалась наиболее безопасным местом по сравнению с разрушенными войной землями, где сложно было отыскать корм для войска в случае отправления его в новый поход, не говоря уже о постоянной угрозе эпидемии.

Грядущее пополнение в царской семье, наверное, ожидалось с особенным чувством. Царю нужен был еще один наследник по мужской линии, чтобы иметь возможность передать ему права на королевский престол Речи Посполитой<sup>[394]</sup>. Но родилась дочь, названная в память святой Софии. Спустя несколько дней состоялся традиционный осенний троицкий поход, в который царь выступил 22 сентября. Из-за войны Алексей Михайлович в течение нескольких лет пропускал его; на этот раз он отправился в Троицу в сопровождении своих ратных воевод — бояр князя Алексея Никитича Трубецкого, князя Юрия Алексеевича Долгорукого и окольничего князя Семена Романовича Пожарского. Именно они были приглашены к праздничному царскому «столу» в Троице-Сергиевом монастыре «на праздник Сергия чудотворца» 25 сентября. Возвратившись из Троицы на праздник Покрова 1 октября, Алексей Михайлович снова устроил праздничный «стол» в Золотой палате Кремля, куда пригласили патриарха Никона, грузинского, касимовского и сибирских царевичей, всех бояр и окольничих; они были «без мест», чтобы не омрачать торжество возможными спорами. 4 октября после крещения царевны в Успенском соборе царь снова принимал патриарха Никона. Внешне в отношениях царя и патриарха все выглядело замечательно, и казалось, ничто не предвещало разрыва. Но среди бояр, приглашенных к крестильному «столу», были создатель ненавистного патриарху Никону Соборного уложения и один из самых последовательных в будущем его противников боярин князь Никита Иванович Одоевский, а также Родион Матвеевич Стрешнев. На торжестве по поводу крестин своей внучки присутствовал и боярин Илья Данилович Милославский.

Патриарх не желал налаживать отношения с боярами из окружения царя Алексея Михайловича, одинаково держал всех в страхе и послушании, надеясь на царскую защиту. При этом он умел показать своим противникам, что пользуется неограниченным доверием царя. 16 октября 1657 года царь Алексей Михайлович отправился из Москвы «в Воскресенской монастырь, на Истру реку», — на освящение знаменитого «Нового Иерусалима». Хотя потом, на соборе 1666/67 года, патриарха Никона и обвиняли в самовольном присвоении этого наименования строящейся им обители, царь Алексей Михайлович согласился с его



выбором, отвечавшим всей логике крестового похода за православную веру, начатого в 1654 году. 18 октября царь присутствовал на освящении Воскресенской церкви<sup>{395}</sup>, а спустя некоторое время был издан уже упомянутый указ о создании Записного приказа. Можно ли назвать такое совпадение случайным?

Хотя в 166-м (1557/58) году вопросы войны отошли на второй план, военные действия у шведской границы по-прежнему требовали внимания царя. Швеция тем временем тоже втянулась в невыгодную войну на два фронта. Сказались успехи русской дипломатии и посольства князя Данилы Ефимовича Мышецкого в Данию, с которой шведский король Карл X вынужден был вступить в войну после завоевания Варшавы и Кракова. Страны Европы следили за тем, что происходит вблизи Балтики, соблазн использовать слабости Речи Посполитой был велик, но еще опаснее становились чрезмерное усиление Швеции и появление на море нового конкурента — Московского царства.

Главным военачальником на русском фронте у шведов остался прежний руководитель рижской обороны генерал-губернатор Ливонии граф Магнус Делагарди. Сначала он сделал попытку отвоевать Юрьев, но был отбит. А потом, собрав отряды из Риги, Колывани (Таллина) и Ругодива (Нарвы), перешел «королевский рубеж» в Сыренске (Васкнарве) по наведенным мостам на реке Нарве, угрожая захватить Гдов, расположенный на берегу Чудского озера. Еще летом 1657 года, после гибели воеводы Матвея Шереметева, в Друю был отправлен с войском стольник князь Иван Андреевич Хованский, носивший прозвище Тараруй (тот самый, с кем впоследствии будет связана знаменитая «Хованщина»). Он успел принять меры к укреплению Гдова (скрыть такой большой поход шведов было невозможно) и разбил противника. В челобитной ратных людей Псковского полка, участвовавших в сражении под Гдовом, об этой победе было сказано даже поэтично: «Господь Бог немецким людям убегнуть не дал — ту ночь осветил месяцем, подобно дню мрачному». Участники битвы ярко описывали ее последствия: «...побили немец отто Гдова города на пятнадцати верстах. По смете трупу немецких людей, подобно неве якой, навоз на поле мечущей в грудки».

Битва под Гдовом 16 сентября 1657 года стала вехой в русско-шведской войне. В дворцовых разрядах 12 октября 1657 года появилась редкая со времен окончания государевых походов запись о присылке с сеунчем от стольника князя Хованского: «Генерала графа Магнуса и немецких многих людей побил, и языки поймал, и знамя взял; генерала графа Магнуса на том бою ранил, и граф Магнус с того бою побежал и он

князь Иван за ним пошел». В тот же день царь написал о гдовской победе своему другу и брату Афанасию Матюшкину. Письмо это отражает важные для Алексея Михайловича представления: победа добыта «милостью Божией, и Пречистые Богородицы помощью, и всех святых молитвами», а также «счастьем» самого царя и его сына и наследника царевича Алексея Алексеевича и молитвами патриарха Никона. И это не просто этикетные формулы, а глубокая убежденность царя. Царь рассказывал стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину об убитых в битве двадцати немецких «енералах и полковниках и полуполковниках и иных начальных людях», а «салдатов две тысячи человек», и о взятых трофеях — «языки, и знамяна и барабаны поймали многие, да на том же бою взяли и его Магнусово знамя». Правда, захваченное оружие и большинство знамен войско князя Хованского разобрало на трофеи.

Успешными оказались и дальнейшие действия Хованского — под Сыренском и Ругодивом, где русские выжгли пять тысяч дворов и «вывели пот твою великого государя высокую руку болши дву тысяч душ» крестьян, оказавшихся поневоле в отторгнутых ранее у Русского государства уездах. Все «шкуты» и «полукарабли», «болшие и малые суда» торговых людей в Ругодиве были сожжены<sup>[396]</sup>. В итоге обе стороны стали думать о заключении мира. Торжества, связанные с победами над шведами, стали еще и демонстрацией силы, впечатлив литовских дипломатов. Об успешных действиях царских войск рассказывали повсюду, в том числе и в Войске Запорожском.

После смерти Богдана Хмельницкого в отношениях Московского царства со своими новыми подданными «черкасами» открывалась новая страница. 11 ноября 1657 года Войско прислало свое посольство в Москву — известить о выборах в гетманы Ивана Выговского. Сам Хмельницкий видел преемником сына — Юрия, но тот был молод и не искушен в политических делах, в отличие от войскового писаря Ивана Выговского, давно ведшего внутренние и внешние дела казаков. Как сказано в так называемой «Летописи Самовидца», чтобы не нарушать волю Хмельницкого, была придумана хитроумная комбинация: сначала в гетманы выбрали Юрия Хмельницкого, а потом «на время» Выговскому была передана булава и другие регалии гетманской власти. А дальше, как это обычно и бывает, временное стало постоянным. Получив искомую власть, Иван Выговский уже не хотел с ней расставаться. Правда, казаки всё равно не простили бывшему шляхтичу Выговскому нарушения воли Богдана Хмельницкого и выступили против него в Запорожской Сечи во главе с кошевым атаманом Яковом Барабашем. В дальнейшей политике

Ивана Выговского много определялось необходимостью борьбы с этими «своевольниками» (позднее к ним присоединился еще и глава Полтавского полка Мартын Пушкарь со своим полком).

Оставался и важнейший вопрос: как быть с подданством царю Алексею Михайловичу? Попытка вовлечь его в качестве арбитра в разгоравшийся конфликт между «чернью», «сечевыми» казаками и казачьей старшиной, объединившейся вокруг Ивана Выговского, успеха не имела. Московские дипломаты предпочитали иметь дело с теми, кто представлял власть, а не с плохо управляемой вольницей. Несмотря на обвинения в расхищении казны, неуплате жалованья казакам и убедительные доказательства тайных поездок представителей Войска в Трансильванию, Швецию и Крым, было решено поддержать Выговского. Разрешить все вопросы разгоравшейся междоусобицы и утвердить новый церемониал передачи власти должно было посольство к гетману Ивану Выговскому окольничего и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово и стольника Ивана Афанасьевича Прончищева. Отправка посольства по дворцовым разрядам состоялась 29 ноября 1657 года, но грамота царя Алексея Михайловича о его отсылке датируется следующим днем. В ней говорилось о подтверждении царем прежних казачьих вольностей и о полномочиях окольничего Хитрово, посланного «на подтверждение новообранного гетмана» с жалованной грамотой «на войсковые права и вольности».

Приехав в Запорожское Войско, царский окольничий исполнил все, что было ему предписано. 7 февраля 1658 года состоялась новая Переяславская рада в присутствии киевского митрополита Дионисия Балабана. Гетман на время передавал царскому окольничему свою булаву, а тот возвращал ее обратно Выговскому. Тем самым подтверждалось подданство гетмана запорожских казаков. В итоге гетман Иван Выговский получал власть от представителя московского царя вместе с жалованной грамотой. Были у посольства и другие задачи, о которых глухо упоминалось в наказе. Окольничий, как и вся московская дипломатия, имел в виду виленские договоренности об избрании царя Алексея Михайловича на польский престол. Соответственно, ему предстояло добиться согласия Войска на появление на его территории новых крепостей и гарнизонов во главе с назначенными из Москвы царскими воеводами. В качестве успешного примера создания такого центра обороны приводился Киев. Под предлогом «защиты от неприятеля» московские дипломаты хотели договориться о размещении царских войск также в Чернигове, Нежине, Переяславле и других городах, «где пристойно». Выговский на всё согласился и даже

поставил свою подпись под договоренностями о приезде в Москву. Так послу Богдану Матвеевичу Хитрово удалось на время утихомирить рознь в Войске Запорожском и заслужить встречу «с милостивым словом» от царя Алексея Михайловича. Однако, как оказалось, устойчивым положение в «стране казаков» не было. Необходимость отстаивать свою власть подтолкнула Выговского к роковому союзу с крымским ханом, а в дальнейшем и к войне с Московским царством<sup>{397}</sup>. И случится это всего несколько месяцев спустя после того, как Выговский обещал по приезде в Москву объяснить царю и патриарху, как привести в повиновение Войско Запорожское!

В первый зимний месяц главными днями во дворце, по записям в дворцовых разрядах, традиционно были 21 декабря — день Петра митрополита, когда царя и бояр принимал в своих палатах патриарх Никон, и 25 декабря — Рождество Христово, когда обычно бывал «стол» у царя. В Рождество 1657 года к царскому «столу» были приглашены патриарх Никон, бояре Борис Иванович Морозов, снова приближенный ко двору Василий Петрович Шереметев и князь Дмитрий Петрович Львов. В зимние месяцы в Москву также съезжались послы из разных стран: так скорее можно было добиться приема посольства у царя. После военных походов, сопровождавшихся большой дипломатической подготовкой, интенсивность посольских приемов многократно возрастала. За тем, что происходило на театре военных действий, внимательно следили не только в Европе, но и на Востоке.

Появление в Москве в конце 1657-го и начале 1658 года посланников из Империи, Дании, Бранденбурга, Персии и Грузии позволяет определить самые «горячие» направления внешней политики, где требовались немедленные решения или согласование действий с союзниками<sup>{398}</sup>. Первое место в этой иерархии всегда занимали сношения с «цесарем» — императором Священной Римской империи. Но прежний император Фердинанд III умер 2 апреля 1657 года, и с этого времени в Империи были заняты выбором нового императора. В Москву приехал посланник наиболее вероятного преемника Фердинанда III, его семнадцатилетнего сына Леопольда, короля Венгерского и Чешского, — Ян Хриштоп. 29 января он первый раз был на приеме и объявил грамоты будущего императора, одобрительно высказывавшегося о наметившемся союзе Московского царства с Речью Посполитой. В бумагах о приеме посольства в Москве сохранился краткий, но выразительный документ: «перевод с цесарских речей про мированье меж обоих Северных коронованных

львов». Посланник Ян Хриштоп передавал образные слова покойного императора о других «зверях», желавших видеть повелителей «северных стран» в «розоренье»: «А кто над другом ров копает, тот сам в него попадет. А от Львова миру многим иным страхованье будет».

В Москве согласились и дальше вести дело к миру с Речью Посполитой. Но посольство Яна Хриштопа и само не избежало споров по поводу именования царя Алексея Михайловича «вельможным», а не «вельможнейшим» и пропуска в титуле слова «величества», все это был плохой знак. В ответной грамоте, отосланной королю Леопольду, высказывалось прямое недовольство «хитростными проволоками» короля Яна Казимира. В ней представлен официальный взгляд на остановку войны Московского государства с Речью Посполитой. Когда Польша и Литва были близки к «конечному разоренью», войну остановили в ответ на «желанье» императора Фердинанда III и «прошения» польского короля: «...рати свои великие от королевские стороны велели задержать и обратите те рати на общего неприятеля на Шведа, а о покое с его королевским величеством учинить съезд»<sup>{399}</sup>. Далее говорилось о нарушении виленских договоренностей и о согласии возобновить переговоры.

Представления о вмешательстве австрийских дипломатов, остановивших победное шествие царя Алексея Михайловича в Речи Посполитой и втянувших его в войну со Швецией, оказались живучими. Разделяли их и в самой Империи. Следующий посол барон Августин Мейерберг вспоминал о миссии своих предшественников в 1656 году, уговоривших царя Алексея Михайловича принять предложение о мирных переговорах: «Это было к великой выгоде для поляков, между тем как москвитянин изливал свой гнев на шведов в Ливонии, благодаря этому отвлечению врага в другое место, полякам стало удобно вытеснить его с помощью цесарских войск из своего государства, которым он овладел было»<sup>{400}</sup>. Конечно, у русской дипломатии был при этом свой маневр, и она скоро это докажет неожиданным разворотом к миру со Швецией.

В Москве откликнулись на шведское предложение о начале переговоров о мире под Нарвой и 23 апреля 1658 года назначили для заключения договора о мире боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского, Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина и стольника Ивана Афанасьевича Прончищева. Ордин-Нащокин при этом получил царскую грамоту на думное дворянство. Писалась она явно под диктовку царя Алексея Михайловича, «в наших царских палатах». В ней отмечались не только «многие службы и раденье» и «смелое сердце» воеводы, но и его

христианское поведение, подтверждавшее любимые мысли царя Алексея Михайловича о связи настоящей веры и военного успеха: «...помня Бога и его святые заповеди, алчных кормишь, жадных поишь, нагих одеваешь, странных в кровы вводишь, больных посещаешь, в темницы приходишь, еще и ноги умываешь»<sup>{401}</sup>. Показательно и другое: грамота о думном дворянстве была направлена из Тайного приказа в «Царевичев-Дмитриев», а при назначении Афанасия Лаврентьевича на переговоры снова употребляли прежнее название города — Кукейнос, как будто заранее смирившись с потерей этого города в Лифляндии. 30 апреля впервые после долгого перерыва состоялся прием шведских послов, задержанных в Москве в начале военных действий. В возобновлении переговоров с шведским посольством успел поучаствовать князь Никита Иванович Одоевский; его назначение «в ответ» связано с необходимостью знать и учитывать шведскую позицию на переговорах о мире в Литве. Цель «великого посольства» князя Одоевского «с товарищи», отправленного царем Алексеем Михайловичем «в свою государеву отчину в Вильню», по разрядным книгам, состояла в том, чтобы ехать «на съезд с полскими комиссары о мирном поставленьи и о вечном докончаньи». 7 мая 1658 года, одновременно с отправкой на переговоры в Вильню князя Одоевского, из Москвы выехало для договора со шведами и посольство боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского<sup>{402}</sup>.

## **Уход патриарха Никона**

Разногласия между царем и патриархом впервые зримо проявились также летом памятного 166-го года. Обычно обсуждаются стремление Никона подчинить себе царскую власть, спор «священства» и «царства», хотя эти формулировки плохо подходят для описания действительного положения дел. Представление о попытках патриарха Никона соперничать с царской властью во многом навязано старообрядческими публицистами, умевшими ярко сформулировать свои мысли и идеи. В предисловии к новому служебнику 1656 года об отношении царства и священства говорилось совсем по-другому, в контексте общего стремления царя и патриарха к «целости чистых веры» в православной церкви «в Велицей и Малей России»: «...два великих дара, яко некую диадиму царскую, священство глаголю и царство, на ню возлагает»<sup>{403}</sup>. Однако уподобление царя Алексея Михайловича библейскому пророку Моисею и царю Давиду, а самого патриарха Никона — другим пророкам, «второму Аарону и Илие»,



не оставляет сомнений в чтимой патриархом и другими сторонниками церковной реформы «субординации», возможно, сформулированной не совсем четко, иносказательно. Никону важно было следовать соборным решениям всех вселенских патриархов. Поэтому отсчет новой церковной эры шел от избрания первого русского патриарха Иова в 1589 году и собора вселенских патриархов, утвердивших это решение в 1593 году<sup>{404}</sup>.

Больше всего Никон стремился сохранить самостоятельность в управлении церковью и даже подверг ревизии ненавистное ему Соборное уложение, подчинившее церковных людей светскому суду. Царь Алексей Михайлович шел на послабления, например, даровав еще в 1651 году Никону, тогда новгородскому митрополиту, особой грамотой право суда над духовенством в его епархии. В начале 1657 года патриарх Никон добился подтверждения судебных привилегий духовенству патриарших вотчин, существовавших со времен Бориса Годунова. Участие патриарха в светских делах говорило о полной поддержке им действий царя. Объясняя впоследствии константинопольскому патриарху Дионисию причины оставления патриаршего престола, Никон даже с некоторой обидой упоминал о царе Алексее Михайловиче, забывшем поддержку патриарха в начале войны с Речью Посполитой. Основой конфликта царя и патриарха, по объяснению Никона, стало ревностное отношение патриарха к царскому вмешательству в подведомственные ему церковные дела: «...и во архиерейские дела учал вступатца властью и суд наш владети, или сам собою сие восхоте, или от злых человек преложится»<sup>{405}</sup>.

Отражение каких-то нестроений в церкви стало проявляться немедленно по возвращении царя Алексея Михайловича в Москву и было следствием недавних расправ Никона с людьми, недовольными его реформами. Патриарх попытался сделать первый шаг навстречу своим непримиримым врагам, сражавшимся против его нововведений. Когда отправленный в ссылку бывший протопоп Казанского собора на Красной площади в Москве Иван Неронов, принявший постриг и ставший монахом Григорием, самовольно вернулся в столицу, Никон не стал его наказывать, но принял милостиво и даже позволил присутствовать в Успенском соборе во время богослужения в присутствии царя Алексея Михайловича. Согласно посланию Ивана Неронова из ссылки, царь также решил проявить милость почтенному по своим заслугам и возрасту монаху, едва ли не единственному после смерти Стефана Вонифатьева члену кружка «ревнителей благочестия», кто оказался в Москве. Помнил ли царь письмо протопопа Ивана Неронова из ссылки, в котором тот молил его утишить



«бурю, смущающую церкви», и пророчествовал «погибель и тщету» предстоящей «брани», то есть начинавшейся войне с Речью Посполитой? <sup>{406}</sup> Если да, то присутствие Ивана Неронова в храме было не просто примирительным жестом, оно еще и показывало, что «ревнители благочестия» были не правы, предсказывая поражение в войне. В ответ на полное особенного смысла обращение к Неронову: «Не удаляйся от нас, старец Григорей» — царь якобы услышал гневную обличительную речь в адрес патриарха Никона: «Смутил всю Русскую землю и твою царскую честь попрад, и уже твоей власти не слышать, от него врага всем страх»; после чего царь, «яко устыдился», просто отошел, «ничто же ему рече». Эту цитату приводят в качестве доказательства властолюбия патриарха Никона. Однако рассказ о речи бывшего казанского протопопа не выдерживает простой хронологической проверки. Описываемые события якобы случились в Успенском соборе в день именин царевны Татьяны Михайловны 13 (надо: 12) января 1657 года, но в это время царя в Москве не было, он вернулся в столицу только 14 января, так что и примечательного разговора, и обвинений Никона перед царем, скорее всего, не было!

Не так прост и вопрос о взаимоотношении «старого» и «нового» в культуре XVII века, обсуждаемый историками, искусствоведами и филологами <sup>{407}</sup>. В предисловии к тому же «Служебнику» содержится прямой запрет на «новины»: «видящим новины всегда виновны бывати церковного смятения же и разлучения». Поэтому патриарх «в страх великий впаде, не есть ли что погрешено от их православного греческого закона» <sup>{408}</sup>. То есть можно поспорить, кто был ббльшим традиционалистом — сторонники старой веры или патриарх Никон, начавший когда-то свои реформы с правки Символа веры по тексту на саккосе митрополита Фотия! Если отбросить разногласия по поводу обрядовой стороны церкви, печатания новых книг и почитания новых икон, то ярко проявится то, что объединяло никониан и старообрядцев независимо от их отношения к «старине» и «новизне»: мысль о том, что только настоящая, правильная вера помогает во всех делах и делает царя непобедимым для врагов. Удивительно, но эта общая идея вместо света истины принесла зловещие отблески старообрядческих гарей. Патриарху Никону так и не удалось до конца справиться со своими врагами и навязать церкви новые порядки и книги, напечатанные за время отсутствия царя в Москве. «Правильность» утверждалась насилием, из-за чего авторитет патриаршей власти был утерян. Старообрядцы, считая все нововведения

выдумкой самого Никона, еще готовы были бы согласиться с мнением вселенских патриархов, ставших главными арбитрами в делах Русской церкви. И в этом сторонники старой веры тоже ни в чем не отличались от адептов появившегося официального православия. Всеобщая же и слепая вера в авторитет вселенских иерархов привела к расколу церкви и мира.

Утверждая свои реформы, патриарх Никон разрушил понятный порядок смены церковных иерархов. Над всеми стала довлеть судьба коломенского епископа Павла — единственного, кто возвысил свой голос против «новин», насаждавшихся Никоном. Сначала Павла лишили кафедры и сослали, а потом, в 1656 году, опальный епископ... пропал. Говорили, что его казнили слуги патриарха Никона, сжегшие бывшего коломенского владыку в срубе. В октябре 1657 года патриарх Никон созвал новый церковный собор и нанес еще один удар по своим противникам среди церковных иерархов. Оружие было вполне известное для тех, кто стремится к неограниченной власти: Никон решил под благовидным предлогом убрать из Москвы второго по рангу в церкви иерея — митрополита Сарского и Подонского Питирима, который при определенных обстоятельствах мог стать патриаршим местоблюстителем. Для Питирима была изобретена новая, Белгородская епархия, куда, на беспокойную границу Московского царства и Войска Запорожского, он и должен был отправиться (но так и не отправился). Новые церковные назначения должны были поддержать политику Алексея Михайловича, проводимую на вновь присоединяемых землях. На том же октябрьском церковном соборе 1657 года суздальского архиепископа Филарета перевели в воссозданную епархию в Смоленске. Правда, это решение создало трения с православными иерархами Речи Посполитой в Киеве и Полоцке, продолжавшими осознавать свое церковное единство со Смоленской землей. Еще одно назначение, состоявшееся на соборе, — перевод в Вятку, по сути тоже в отдаление от Москвы, коломенского епископа Александра (отдельная Коломенская епархия ликвидировалась, а ее владения присоединялись к патриаршей области). Достаточно вспомнить последующие выступления вятского епископа против реформы Никона, чтобы понять, каким образом патриарх наживал себе врагов. Продолжением новых высоких церковных назначений стало определение 18 апреля 1658 года в суздальские и тарусские епископы Стефана, недавно получившего сан архимандрита в строившемся патриархом Никоном Воскресенском монастыре<sup>[409]</sup>. Появившись на кафедре, он немедленно вступил в трения с одним из ярких сторонников старой веры Никитой Добрыниным, получившим от врагов прозвище Пустосвят. Эти

религиозные споры пришлось потом разбирать царю Алексею Михайловичу.

Именно в это время что-то произошло в прежних отношениях царя и патриарха. Еще в Великий пост все было по-прежнему, патриарх присутствовал на именинном царском столе 17 марта и в Благовещение 25 марта. А после Пасхи наступает труднообъяснимая пауза, во время которой патриарх Никон не участвовал ни в каких публичных действиях власти, отразившихся в разрядных книгах<sup>{410}</sup>. К сожалению, текст «Чиновника» Успенского собора, где перечислялись патриаршие богослужения, тоже обрывается на времени перед постом 1658 года. Видимо, возникшее напряжение не скрылось от тех царедворцев, кто мог побаиваться патриарха Никона, когда он был защищен царским покровительством, и лишь искал повода, чтобы остановить, как им казалось, далекоидущие претензии патриарха на вмешательство в дела царства. Может быть, Алексей Михайлович, занятый отправкой двух важнейших посольств для договоров с Речью Посполитой и Швецией, не стал обращаться за советом к патриарху Никону? И ему, ревниво видевшему свою заслугу в одолении Литвы, показалось это обидным...

6 июля 1658 года в Грановитой палате в Кремле принимали «Иверские земли начальника» — царя Кахетии Теймураза I. Готовились к этому приему долго и тщательно, ведь все время государевых походов 1654–1656 годов рядом с царем Алексеем Михайловичем был внук царя Теймураза I, грузинский царевич Ираклий — Николай Давыдович. И после возвращения из походов грузинский, касимовский и сибирские царевичи были первыми гостями на важных царских приемах, поднимая престиж царской власти — царя царей. Во время подготовки приема царя Теймураза I в Кремле случился не столь уж приметный в других обстоятельствах инцидент, связанный с тем, что царский окольничий Богдан Матвеевич Хитрово ударил патриаршего стряпчего князя Дмитрия Мещерского. В этот день царскому приближенному окольничему Хитрово, кроме наблюдения за чином встречи, была поручена заметная и важная служба, он «сидел» (распоряжался) «за государевым поставцом, за кушеньем». Хитрово и расстарался: очищая дорогу, намеренно ударил князя Мещерского. Окольничий якобы даже сказал ему при этом: «Не дорожись патриархом». Переводя на понятный современникам местнический язык, это могло означать стремление указать патриаршим слугам их место. Патриарх воспринял произошедшее как оскорбление, нанесенное ему лично.

10 июля 1658 года разразилась буря, навсегда изменившая отношения между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Патриарх

добровольно отрекся от исполнения своего служения в Москве. Он сам стал инициатором разрыва, и в этом была главная уязвимость его позиции. Никто сейчас не может сказать, по каким причинам царь Алексей Михайлович не откликнулся на стремление патриарха увидеться и разрешить спорное дело. Может быть, Алексею Михайловичу просто не хотелось примешивать к праздничному настрою встречи с царем Теймуразом необходимость разбирать очередное местническое дело? Или сказалось то, что еще 9 июля у царя был важный прием посланника гетмана Великого княжества Литовского Адама Саковича, а «в ответе» с посланником был назначен все тот же окольный Богдан Матвеевич Хитрово<sup>[411]</sup>, и царю пришлось выбирать между дипломатическими делами, касавшимися всего царства, и разбором досадной случайности на приеме. Обида патриарха могла копиться годами, а прорвалась в одночасье.

По мнению Никона, высказанному в 1666 году в письме константинопольскому патриарху, царь Алексей Михайлович после победы над Литвой «нача помалу гордится и выситися». Патриарх якобы много раз говорил ему «престани», но ничего не помогало; царю был угоден совет не старших, а его близких друзей и сверстников: «отложи совет древних мужей и слушае совету оных, кии с ним воспитаеся» (так, кстати, и было: буквально накануне разрыва, 9 июля, царь принимал посланника литовских гетманов Сапеги и Госевского, и «в совете» у него были только молодые приближенные). Патриарх захотел «поучить» царя, но сделать этого ему не дали. Никон был максималистом и ставил дела веры выше всего остального, не умел проявлять гибкости, необходимой при царском дворе. А язык ультиматумов — не тот язык, на котором говорят с царями их подданные.

В исторической и церковной литературе, начиная с работ Сергея Михайловича Соловьева и митрополита Макария (Булгакова), добровольный уход патриарха Никона описывался неоднократно. Из большого количества трудов на эту тему выделяется работа церковного историка Петра Федоровича Николаевского, в которой показано, как непросто шел «розыск» сведений об этом деле и насколько осторожным надо быть со свидетельскими показаниями, многие из которых собирались специально для осуждения Никона<sup>[412]</sup>.

Приведем рассказ самого патриарха о событиях начала июля 1658 года, тем более что он постоянно возвращался к ним и они хорошо отложились в его памяти. (Впрочем, некоторые важные детали по разным причинам всё равно были им упущены, однако важно учесть «линию

защиты» Никона, ярко выраженную в его послании константинопольскому патриарху 1666 года.) В этом письме отсчет событий начинается с того самого столкновения 6 июля: «И случись тамо человек наш, именем князь Дмитрий, церковный чин строя», — писал патриарх. Сразу заметим, что фамилия князя Дмитрия уже не приводится Никоном. (В другом рассказе он называет его просто «стряпчим».) На константинопольского патриарха могло произвести впечатление, что оскорблен князь, служивший патриарху, но в иерархии служилых родов у князей Мещерских было весьма скромное место: совсем немного их родственников служило в Государеве дворе, а некоторые еще в царствование Михаила Федоровича задержались на службе с «городом», например по Кашире. Поэтому представителей этого княжеского рода и можно было увидеть в приказном аппарате патриаршего двора. Гораздо важнее указание на то, что князю Дмитрию Мещерскому было поручено «строить» церковный чин, то есть оскорбление было нанесено не одному человеку, случайно попавшемуся под руку, а еще и другим патриаршим людям. Об этом и писал Никон: «И околничей Богдан Матвеевич ударил ево по голове палкою без пощады, и человек наш рече ему: напрасно де бьешь меня, Богдан Матвеевич, мы не приидохом zde просто, но з делом». Даже после того, как князь Дмитрий Мещерский объяснил, что он «патриарш человек и з делом послан», окольничий не остановился и со словами, метившими не только в обиженного патриаршего чиновника, но и в самого патриарха Никона: «Не дорожися де» (то есть не ставь свою службу у патриарха высоко), еще раз ударил князя Дмитрия Мещерского «по лбу и уязви его горко зело». Всё это со слезами, показывая свою «язву», князь Дмитрий Мещерский пересказал патриарху Никону, а тот вступился за своего человека перед царем. Алексей Михайлович собственноручной запиской обещал патриарху разобраться в этом деле и «по времени» увидаться с ним.

Патриарх ждал, но царь не пришел на ежегодную службу Казанской иконе, проводившуюся в Казанской церкви на Красной площади 8 июля. Никон объяснял, почему, по его мнению, уже в этот день царь Алексей Михайлович должен был исполнить свое обещание: «...и в той церкви по вся годы бывает собрание на вечерни и на заутрени царь со всем синклитом, и патриарх со всем собором». Однако обращение к «Чиновнику» патриарших служений в Успенском соборе показывает, что это замечание могло относиться ко времени до государевых походов 1654–1656 годов. Тогда существовал «ход со кресты ко образу Казанской, по государеву приказу», и царь Алексей Михайлович действительно ходил крестным ходом «с верху за чудотворными иконами». Обстоятельства

военного времени нарушили прежнюю традицию. Сам патриарх Никон также несколько изменил службу и порядок крестного хода на праздник Казанской иконы 8 июля 1656 года, дополнив церковную церемонию выходом патриарха к Лобному месту (что напоминает изменения этого же года в обряде «шествования на ослати» в Вербное воскресенье), а оттуда в Казанский собор, Никольские ворота и снова в Соборную церковь. По записи в «Чиновнике», «больших икон» тогда «с Верху не носили». Единственное дополнение службы 1657 года в день Казанской иконы состояло в упоминании о том, что патриарх «святил воду». Царь Алексей Михайлович уже был в это время в Москве и, более того, присутствовал на «всенощном бдении и божественной литургии» в Казанской церкви «у земского двора», но в крестном ходе не участвовал. Следовательно, намеренно или нет, но патриарх Никон несколько в преувеличенном виде говорил об обязательном участии царя, да еще вместе с его «синклитом» (Думой) в крестном ходе.

Уже 8 июля Никон понял, что царь «озлобился». Но решил подождать до следующего большого праздника, установленного при царе Михаиле Федоровиче — Положения Ризы Господней. Ведь и в этот день, праздновавшийся 10 июля, как писал Никон константинопольскому патриарху, «бывает собрание благочестивейшему царю и всему синклиту, к вечерне и к заутрене». То есть Никон ждал, когда царь — не один, а вместе с членами Думы — придет на богослужение, и тогда можно будет разобраться и наказать окольного Богдана Хитрово. Но поздно вечером 9 июля царь прислал спальника князя Юрия Ивановича Ромодановского, «извести<sup>TM</sup> мне, яко царское величество гневен на меня и сего ради к заутрени не прииде и ко святой литургии ожидать не повеле». Патриарх запомнил, что уже тогда прозвучали несправедливое обвинение в том, что он, патриарх, сам себя называл «великий государь», и запрет на такое именование впредь, переданные Ромодановским от имени царя: «И ныне царское величество повеле мне сказати тебе, от ныне впредь да не пишешься и не называешься великим государем, и почитать тебя впредь не будет». Отказ царя присутствовать на церковной службе вызвал мгновенное решение патриарха Никона оставить патриарший сан и уйти из Москвы. Он сам упомянул об этом в книге, написанной в свою защиту в 1664 году, — «Возражения или разорения смиренного Никона, Божией милостью патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы». Судя по 17-му ответу, патриарх немедленно ответил князю Ромодановскому: «От немилосердия его государева иду из Москвы вон, и пусть ему государю

просторнее без меня: а то на меня гневаяся к церкви не ходит»<sup>[413]</sup>.

10 июля вместе с патриархом Никоном служили в Успенском соборе Крутицкий митрополит Питирим, сербский митрополит Михаил и тверской архиепископ Иоасаф, а также архимандриты, игумены и протопопы из московских монастырей и церквей. Всем им потом пришлось участвовать в розыске по поводу оставления патриархом своего престола и подавать «сказки» о случившемся. Хотя стоит учесть, что следствие по делу проводилось много месяцев спустя, в начале 1660 года, и каждый из участников драмы находился под явным давлением. Эти показания свидетелей и являются главным источником сведений о том, что случилось 10 июля. Участники богослужения говорили, что никто не думал о подобной развязке. Хотя уже подготовка к службе была необычной. Патриарх взял посох митрополита Петра, вручавшийся при выборах нового патриарха, послал за облачением — саккосом митрополита Петра, еще одним символом патриаршего поставления. Впрочем, нужное патриарху одеяние еще надо было найти, оно висело где-то на «старом дворе Бориса Годунова», пришлось ждать, пока его принесут. Патриарх Никон истребовал также «омофор шестого собора» — плат, надевавшийся на плечи поверх церковного одеяния. Реликвия, символизовавшая церковную паству, была привезена никейским митрополитом Григорием в Москву в 1655 году<sup>[414]</sup>. (Шестой собор 680-го года был известен борьбой с ересями.) Ну и, наконец, своих служителей патриарх заставил облачиться «в большие новые стихари», говоря им, «чтоб де меня проводили в последние». Все эти приготовления прямо свидетельствуют о том, что решение было принято патриархом еще до начала службы.

Царь Алексей Михайлович не явился в Успенский собор и на этот раз. Патриарх в алтаре пытался составить какое-то писание — очевидно, послание царю. А в самом конце службы вышел на церковный амвон с обращением к пастве. Во время чтения апостольских бесед, как говорил впоследствии в своей «сказке» крутицкий митрополит Питирим, патриарх вдруг стал говорить об отказе от сана: «Ленив де был вас учить и не стало де меня, столко и лености де моей ради окрастовел де я, и вы де, видя к вам мое неучение, от мене окрастовели. И говорил с клятвою: от сего де времени не буду вам патриарх. И сан с себя святительский сложил». Как это бывает с любым важным событием, на котором присутствовали десятки людей, каждый запомнил какие-то свои, показавшиеся ему важными детали или слова патриарха. Кроме того, чтобы усилить обвинение Никона и создать основание для выборов следующего патриарха, от свидетелей



требовали дополнительные «сказки» и показания, добиваясь подтверждения выдуманного факта об «анафеме», якобы произнесенной Никоном. Но никаких особенных церковных клятв присутствующие, исключая Крутицкого митрополита Питирима, не помнили.

Выяснилось, правда, что Никон не сдерживал себя, и произнесенные им слова были на грани ругани. Тверской архиепископ Иоасаф в расспросе на соборе 17 февраля 1660 года дословно передал «клятву» Никона: «Аще возвращусь, и я де аки пес на свою блевотину». Свою версию событий Никон изложил константинопольскому патриарху. По его словам, он обратился к присутствовавшей в Успенском соборе пастве после завершения литургии. Это подтверждается разными показаниями, но были и те, кто, как митрополит Питирим, считал, что все произошло еще до завершения службы. Момент принципиальный, но обвинителям патриарха так и не удалось его использовать. Они дружно «забыли» слова Никона о действиях царя Алексея Михайловича, так как их целью было показать, что вся затея с оставлением патриаршества была собственным делом Никона и на него не оказывалось никакого давления. Но в речи патриарха, как он сам ее передавал, оставление патриаршества связывалось именно с царским гневом: «пред множества народа и земле и небесе, царев гнев изъявил, яко гневаетца царь без правды, сего ради и в церковное собрание нейдет».

События происходили настолько быстро и непонятно для собравшихся в храме, что они мало что запомнили. Кто-то даже убежал в страхе от случившегося. Произнеся слова об отречении от патриаршего служения, Никон не остановился, а продолжал действовать, как задумал ранее. Он символично положил посох Петра — главную инсигнию патриаршей власти — на «святительское место» и взял вместо посоха обычную «клюку». Снял с себя митру, тот самый омофор «шестого собора» и саккос митрополита Петра, после чего захотел одеться в черные монашеские одежды, заранее приготовленные для него. Но тут вступились церковные власти, не допустившие полного самоуничтожения патриарха. Никону пришлось пройти в алтарь и надеть там хотя и черную, но все-таки патриаршую мантию «с источниками», то есть разноцветными полосами, символизирующими Ветхий и Новый Завет. Патриарший ризничий запомнил, что это была черная байберековая мантия, то есть сшитая из богатой шелковой ткани. Остался Никон и в патриаршем черном клобуке, хотя патриаршей панагии так и не надел. После облачения в новые одежды сложивший с себя патриарший сан Никон вознамерился идти из собора прочь, но его не пустили, заперев двери. Тогда он остался сидеть посредине собора, ожидая реакции единственного значимого для него, но

отсутствовавшего зрителя и слушателя, для которого произносились все слова, — царя Алексея Михайловича. В «сказке» архимандрита Варлаамо-Хутынского монастыря Тихона из Великого Новгорода, находившегося рядом с патриархом, подробно рассказывалось о последовавших действиях Никона: «...и сложил с главы митру и с себя амфор и сак, и спросил у подъяков платья, рясы и мантии и клабука; и подъяки платья ему не поднесли, и он сам пошел в олтарь в ризницу; и митрополит Питирим Крутицкой в ризницу ево патриарха стал не пущать, и он сильно от него урвался, и взяв надел на себя мантию черную с источники и клабук черной, и взял клюку деревянную простую и пошел из олтаря; а вышед из олтаря, хотел из церкви итить, и православные христиане всяких чинов люди соборную церковь заперли, из церкви вон не пустили, и он сел за своим местом среди церкви на последней степени к западным дверем лицом, и сидел многое время»<sup>[415]</sup>.

Вот она, одна из великих сцен русской истории! Но царь Алексей Михайлович не пожелал публично подтвердить или опровергнуть слова патриарха о своем «гневе». Никон явно ждал, что его действия вынудят царя объясниться с ним лично, однако царь послал для объяснений своего боярина князя Алексея Никитича Трубецкого (вместе с которым были и другие царские приближенные). Многие запомнили, как царский боярин подошел к Никону, поговорил с ним о чем-то, после чего патриарху все-таки позволили выйти из собора и удалиться на подворье Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Никон настаивал, что в тот день он послал с письмом диакона к царю и после этого царь прислал своих представителей. Крутицкий митрополит Питирим в своих показаниях говорил, что именно ему пришлось идти из Успенского собора и извещать царя Алексея Михайловича о случившемся. Этому соответствуют и показания Алексея Никитича Трубецкого, говорившего, что письмо патриарха царю было передано с ним, а потом возвращено обратно. В «сказке» боярина точно излагался полученный им царский указ: «иттить в соборную церковь и говорить патриарху Никону: приходил к нему великому государю Крутицкой митрополит Питирим, а сказал, что Никон патриарх оставляет патриаршество и хочет иттить из соборные церкви». Поэтому боярин должен был расспросить Никона: «для чего он патриаршество оставляет, не посоветовав с великим государем, и от чьево гоненья, и кто его гонит». Царь Алексей Михайлович также пробовал через князя Трубецкого уговорить патриарха остаться: «чтоб он патриаршества не оставлял и был по прежнему». Но патриарх стоял на своем, ссылаясь на свои прежние челобитья царю, «что мне больше трех лет на патриаршестве

не быть» (слышать об этом было странно, так как он уже шесть лет оставался патриархом). Никон просил царя о выделении кельи, но царь не принял послания патриарха и «не понял» его просьбы, «вдругорядь» послав Трубецкого с приказом Никону не оставлять патриаршества: «а келей на патриаршем дворе много, в которой он похочет, в той и живи».

«Сказка» князя Алексея Никитича Трубецкого о событиях 10 июля, как и «сказки» других лиц, подавалась перед церковным собором в феврале 1660 года, и он, скорее всего, знал о планах осуждения Никона. Не случайно собор сделал вывод, что Никон оставил патриаршество «своею волею», а значит, царь здесь ни в какой степени не был замешан и не «гнал» патриарха. Станным образом из всех рассказов о событиях 10 июля 1658 года, рассмотренных на соборе, исчезло упоминание о том, что царь посылал в Успенский собор не одного князя Алексея Никитича Трубецкого, а целую «делегацию», куда входили еще окольничий Родион Матвеевич Стрешнев и другие царедворцы. Самому патриарху Никону разговор с ними запомнился очень хорошо. Еще бы: ему, как рассказывал он сам, был передан от царя евангельский вопрос: «камо идещи», отсылающий к вопросу апостола Петра перед тем, как Иисус должен был взойти на Голгофу. Эта отсылка к евангельскому тексту меняет смысл противостояния царя и патриарха, здесь оно обозначено уже с полной ясностью. Никон приводил в письме константинопольскому патриарху те давние свои слова, сказанные 10 июля: «Даю место гневу царского величества, зане, кроме правды, его царского величества синклит, бояря и весь народ церковной чин не берегут и безчиния многая творят, а царское величество управы не дает, и в чем мы печалимся, он гневается на нас, и несть горше, кто царской гнев да носит». Здесь же он вспоминал ссору с царскими боярами («и тии бояря рекоша мне, уничижающе и оклеветающе мене пред многим народом») по поводу присвоенного патриархом титула «великий государь» и запрета вступаться «в царские дела» (хотя спор об этом произошел накануне с князем Юрием Ивановичем Ромодановским, а не с князем Алексеем Никитичем Трубецким). Когда Никон все-таки покинул Успенский собор и хотел сесть на какую-то обычную повозку, произошла еще одна заминка. Ему не дали этого сделать, даже заперли Спасские ворота, чтобы патриарх не покидал Кремля, не объяснившись с царем. И оставивший свой престол патриарх какое-то время ждал, устроившись в одной из ниш, рядом с совсем недавно переименованной Спасской башней. Пока все-таки ему не было позволено выйти, и он прошествовал Ильинским крестцом на подворье Воскресенского монастыря.

Каковы бы ни были план и цели патриарха Никона, но 10 июля он

ничего не добился. Если патриарх на самом деле хотел всего лишь удержаться среди царских советников, то он проиграл свою неудачно сыгранную партию. Может быть, Никон был обижен на то, что его не допустили к обсуждению дел на переговорах с приехавшим в Москву литовским посланником Адамом Саковичем, принятым царем 6 июля, в то время как тот же самый окольный Богдан Матвеевич Хитрово, на которого он жаловался царю, дважды встречался с Саковичем — 9 и 11 июля? Содержание переговоров касалось вопроса чрезвычайной важности, обсуждался проект возможного протектората царя над Великим княжеством Литовским, но мнения второго «великого государя» о сепаратном мире с «Литвой» так и не спросили, более того, указали ему, что он зря претендует на участие в царских делах!

Оставался последний шанс к примирению с царем. После того как Никон ушел на подворье Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, он продолжал надеяться, что его еще раз позовут во дворец («ожидах, аще умирится царское величество»). Вместо этого царь прислал к Никону на подворье тех же бояр, требовавших, чтобы патриарх не покидал Москвы без встречи с царем. Как запомнил Никон, в таких ожиданиях прошло три дня. Однако разрядные книги зафиксировали, что после оставления «патриаршего звания» Никон «назавтрее уехал в Воскресенский монастырь». Есть и другие свидетельства быстрого отъезда Никона из Москвы в строившийся им Новый Иерусалим, откуда и было написано послание «благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему» царю Алексею Михайловичу. Никон говорил о продолжении своих молитв за царскую семью и «троекратно» просил прощения. Он объяснял, что «по отшествии вашего боярина Алексея Никитича с товарищи, ждал... по моему прошению, милостивого указу, и не дождался, и многих ради своих болезней, vele отвезтися в ваше государево богомолье в Воскресенской монастырь»<sup>{416}</sup>. Ссылка на болезнь, именование патриаршего монастыря «вашим государевым богомольем» показывали метания Никона в ожидании прощения. 12 июля царю пришлось снова посылать к патриарху князя Алексея Никитича Трубецкого, но на этот раз уже не на подворье на Ильинке, а в сам Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь.

«Сказка» боярина Алексея Никитича Трубецкого и думного дьяка Лариона Лопухина об этой поездке 12 июля сохранилась. Из нее следует, что ссора царя и патриарха только разрасталась, к ней стали добавляться новые обиды. Царь не стремился помириться, а, напротив, решил допросить патриарха, почему тот уехал из Москвы «скорым обычаем», не подав благословения царской семье. Никон, по словам Трубецкого, по-

прежнему отвечал отказом, не допуская возвращения на патриарший престол: «...а толко де я похочу быть патриархом, проклят буду и анафема». Все, что можно было бы решить при личной встрече царя и патриарха, становилось невозможным при посредничестве недружелюбно настроенных к Никону придворных, только радовавшихся устранению его влияния на царя. 31 июля 1658 года по приказу царя всё те же боярин Алексей Никитич Трубецкой и окольничий Родион Матвеевич Стрешнев вместе с дьяком Александром Дуровым были посланы переписывать «патриаршую домовую казну»<sup>[417]</sup>. Конечно, надо было как-то охранять оставленное патриархом имущество, но после такого жеста восстановить прежнее доверие было невозможно...

Итак, быстро разрешить конфликт не удалось. Царь разрешил Никону удалиться от дел в Ново-Иерусалимский монастырь и даже продолжал поддерживать строительство монастыря щедрыми пожалованиями. Но той «симфонии» священства и царства, которая была раньше, уже не существовало. Компромисс, растянувшийся на целых восемь лет, не мог продолжаться вечно; без патриарха в православном государстве нельзя было существовать. Никон же ушел и «не ушел» одновременно! Он не признавал, что с оставлением патриаршества в Москве отрешился от архиерейского служения, а, напротив, ревниво оберегал свое первенство в Русской церкви, например, возмущаясь поведением оставленного им самим местоблюстителя — Крутицкого митрополита Питирима, «заместившего» патриарха на службах в Вербное воскресенье во время «шествия на осляти».

Со временем все уже и забыли, что же случилось в самом начале конфликта. Патриарх Никон пережил еще не один навет недоброжелателей, и каждое новое «дело» сильно ранило его несправедливостью. Например, стольник Роман Федорович Боборыкин, ни много ни мало, обвинил патриарха в произнесении проклятий на царя и его семью (хотя в основе навета лежал спор по поводу земель самого стольника, оказавшихся рядом с Воскресенским монастырем)<sup>[418]</sup>. Неоднократно пытались судить Никона и церковным судом, бесконечно разбирали аргументы из Священного Писания, доверяясь в их толковании авторитету таких «мутных» фигур, как главный обвинитель и враг патриарха газский митрополит Паисий Лигарид, которого сам Никон считал «самоставленником».

Отношение к Никону как единственному носителю патриаршей власти еще долго нельзя было ничем поколебать, что и показал другой эпизод с внезапным возвращением патриарха в Москву во время службы в

Успенском соборе 17 декабря 1664 года. Назначенный местоблюститель патриаршего престола ростовский митрополит Иона от растерянности подошел под благословение Никона, а вслед за ним это сделали и все остальные присутствующие. После этого и начнутся приготовления к снятию с Никона сана патриарха, для чего будут привлечены вселенские патриархи. Понуждаемые царем, они начнут суд по отречению Никона от патриаршего сана на соборе 1666/67 года. Но это будет уже очень далеко от событий несчастного дня 10 июля 1658 года, разрушившего духовную связь между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном.

### **«А миру война не помешка»**

Лето «демонстраций» продолжилось и после демарша Никона. В другой раз у царя Алексея Михайловича должно было хватить времени на разбирательство досадного недоразумения с патриаршим стряпчим, тем более когда об этом просил сам патриарх. Но царь был погружен совсем в иные дела, от которых зависела судьба всего царства, результаты недавних государевых походов, итоги всех войн, длившихся последние четыре года. Казалось бы, к лету 1658 года было сделано все, что нужно. Гетман Иван Выговский принес присягу, были проведены успешные переговоры с литовскими гетманами Сапегой и Госевским, готовыми поддержать союз Московского царства с Литвой, два «великих посольства» направлены в Вильно и под Нарву. И тогда заработали противоположные силы, не желавшие усиления Московии, распространения ее влияния и порядка управления до Березины, а может быть, и дальше. «Ахиллесовой пятой» новой конструкции политики царя Алексея Михайловича стали отношения с Войском Запорожским. Богдан Хмельницкий даже в революционном хмелю оставался верен принципам и не поднимал оружие против братьев по вере, помогавших ему сражаться с ненавистными «ляхами». Опасную черту перешел новый гетман Иван Выговский, а в Москве не сразу разобрались и даже поддержали его в борьбе за влияние в Войске с кошевым атаманом Запорожской Сечи Яковом Барабашем и полтавским полковником Мартыном Пушкарем. В итоге главные союзники московского царя были выданы на расправу Выговскому. Продолжая выражать внешнее почтение царю Алексею Михайловичу и прикрываясь боями с «своевольниками», гетман Иван Выговский подготовил полный переворот в отношениях между Москвой и Войском. Уже в конце августа под Киевом появились недружественные войска во главе с братом гетмана — Данилой

Выговским, отбитые «со встыдом» от города воеводой боярином Василием Борисовичем Шереметевым. Из расспроса пленных выяснилось, что многих казачья старшина гнала на эту войну «неволею», под страхом смерти.

18 сентября 1658 года была принята так называемая Га-дячская уния, оформившая возвращение Войска Запорожского в подданство Речи Посполитой и отменявшая клятвы Переяславской рады, в том числе присягу царю Алексею Михайловичу самого гетмана Ивана Выговского. В награду гетману было обещано, по аналогии с Великим княжеством Литовским, «Великое княжество Русское» с центром в Киеве. Правда, все это осталось только на бумаге, даже в компромиссном варианте статьи Гадячского договора, заключенные через королевских послов — волынского каштеляна Станислава Веневского и смоленского каштеляна Люд вика Яблоновского, — не были приняты на сейме Речи Посполитой и не имели никакого юридического смысла. Как писал классик украинской историографии Михаил Грушевский, несмотря на то что поколения историков Польши и Украины воздавали хвалу «политической мудрости» Гадячского договора, считая его «ценным дополнением Люблинской унии», даже сами казаки не предполагали «что-то прочное на нем строить». Важнее оказались военные последствия нового союза казаков и поляков, возвращавшие положение дел ко временам до Переяславля<sup>[419]</sup>. В результате на этой исторической развилке случился поворот к опасному развитию событий для московской стороны.

Почти одновременно рухнули и прежние договоренности с литовскими гетманами. К установленному сроку — 30 июля 1658 года — комиссары, назначенные польским королем Яном Казимиром, так и не приехали на переговоры в Вильно. Поэтому глава русского посольства князь Никита Иванович Одоевский и охранявший послов воевода князь Юрий Алексеевич Долгорукий решили начать военные действия. 7 августа русское войско выступило по направлению к Ковно. Но поход в Жемайтию начался без царского указа, поэтому царь Алексей Михайлович, продолжавший надеяться на совместные действия с казаками Войска Запорожского, заставил воевод «унять» войну, длившуюся совсем недолго — до 26 августа, и возвратиться в Вильно. Польско-литовские комиссары, хотя и позже обозначенного срока, все-таки приехали на переговоры в бывшую столицу Великого княжества Литовского, и царь Алексей Михайлович указал начать с ними переговоры.

Король Ян Казимир предупредил своих комиссаров на переговорах в Вильно о новых требованиях вернуть все города, захваченные в ходе войны



1654–1656 годов, и отказаться от предложения царю права наследовать трон (хотя литовские гетманы были сторонниками такого решения). По мнению короля, прежнее время, когда Москва имела явный перевес (король употребил латинское слово «formidabilis»), ушло; теперь, из-за совместного выступления казаков гетмана Выговского и крымских татар, положение изменилось, и московская сторона уже не выглядела такой сильной<sup>[420]</sup>. Но король зря надеялся, что можно надавить на московских послов в Вильно. Изменение позиции Речи Посполитой способствовало более решительным действиям Москвы по отношению к мятежным «черкасам».

Царь Алексей Михайлович и его советники слишком долго надеялись образумить гетмана Ивана Выговского. 26 июля 1658 года в Запорожское Войско был отправлен с грамотой подьячий Яков Портомоин, по наказу он должен был говорить гетману о «царском жалованье». Но недоверие уже существовало, и гонцу приказали оставить наказ в Путивле, затвердив его наизусть или переписав «скорым» письмом, чтобы никто доподлинно не узнал о целях его миссии. По обыкновению, гонец должен был собирать сведения о контактах гетмана с послами из других стран. В итоге Портомоина задержали в Чигирине до середины октября. Еще одной попыткой добиться лояльности гетмана стала отправка в Запорожское Войско подьячего Василия Михайлова, принятого Выговским 1 сентября. Но и эта возможность избежать прямого столкновения не была использована. В те же самые дни в Гадяче гетман уже выговаривал для себя и своих сторонников шляхетские преимущества в обмен на возвращение лояльности Речи Посполитой.

Советники царя Алексея Михайловича в Москве продолжали думать, что сохраняют влияние на гетмана. Понадобилось время, чтобы понять то, что и так было ясно находившимся ближе к гетманской ставке в Чигирине воеводам окольного князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому в Белгороде и боярину Василию Борисовичу Шереметеву в Киеве, назначенным на свои воеводства, соответственно, 1 и 5 мая 1658 года. Поэтому, когда в начале сентября от первого из них пришли вести о возможном совместном походе крымских татар и «черкас» на «государевы города, в которых городах черкасы поселились», наконец-то были приняты необходимые решения о подготовке к войне. 7 сентября состоялся боярский приговор, разрешивший в случае войны «над крымскими людьми и над черкасы всякими промыслы промышлять». Были определены сроки выхода дворян и детей боярских на службу. 25 сентября и 1 октября они должны были собраться в Москве, а служилые люди из дальних уездов должны были сразу проследовать к одному из мест сбора войска в Севск.

Воеводами туда назначили стольника князя Федора Федоровича Куракина и окольничих князя Семена Романовича Пожарского и князя Семена Петровича Львова. Дворянской коннице снова приходилось вступать в войну зимой, а ничем хорошим это обычно не кончалось. На этот раз против Выговского должны были воевать войска целого округа — Белгородского разряда, созданного летом 1658 года. Предстояло понять, насколько боеспособно это по-новому организованное войско, состоявшее не только из конницы прежних «воеводских» полков, а еще и из войск «иноземного» строя: рейтар — конных всадников, драгун и солдат — пехоты. Туда же входили и слободские полки из числа поселившихся ранее на землях Московского государства выходцев из Речи Посполитой, не подчинявшихся гетману Ивану Выговскому<sup>{421}</sup>.

События, начавшиеся осенью 1658 года, называются в современной украинской историографии «украинско-российской войной 1658–1659 годов», а в российской — «борьбой за Украину»<sup>{422}</sup>. Рассматривать же этот конфликт с гетманом Войска Запорожского необходимо в историческом контексте противостояния двух держав — сильного в тот момент Московского царства и ослабленной Речи Посполитой, обсуждавшей возможную династическую унию с московским царем. Привлечь гетмана Выговского и верхушку казачьей старшины на сторону Речи Посполитой понадобилось, чтобы дезавуировать успехи московского царя в войне с «Литвой» и не допустить избрания царя Алексея Михайловича и его наследников в преемники польского короля. Не случайно Сергей Михайлович Соловьев писал: «Как тяжело отозвалась в Москве весть о смуте малороссийской, об измене Выговского, так радостно была принята она в Польше, ибо это была для нее весть о воскресении»<sup>{423}</sup>.

Архивные документы Разрядного приказа сохранили сведения о совместных походах казаков гетмана Выговского по Левобережной и Слободской Украине начиная с 23 августа 1658 года, когда «крымские и ногайские татары и черкасы» приходили к городу Недригайлову, «и на посаде 2 человека ранили, стада животинные отогнали и в уезде село Олышанку разорили, многих людей побили и ранили и хлеб всякий потравили, потолочили и пожгли». 1 сентября приходили «многие люди из полков Ивана Выговского под Каменное войною и на бою убили 2 человека, конские и животинные стада отогнали». В дальнейшем Каменное на реке Псел, где располагалась построенная по указу царя Алексея Михайловича 1651 года крепость, было выбрано главным объектом

нападений «черкас». 10 сентября они начали осаду Каменного, «посад отняли и стали под Каменным таборами». После заключения Гадячского договора сюда подошло войско Выговского, в результате «на приступех» было «побито каменновцев человек с 30». Воевода князь Григорий Григорьевич Ромодановский доносил в Москву, что вместе с Выговским были его союзники — крымские татары, разорявшие другие города на порубежье — Карпов, Хотмыжск, Вольное и уводившие оттуда «в полон» жителей<sup>{424}</sup>. В этом уже был прямой вызов гетмана, стремившегося разорить именно те места, где были основаны форпосты Московского государства на границе и где расселились сами «черкасы» — выходцы из Речи Посполитой.

В ответ в Москве напечатали грамоту, обращенную к Войску Запорожскому, датированную 23 сентября 1658 года. В ней содержалась целая летопись перехода казаков под «высокую руку» царя Алексея Михайловича, а гетман Иван Выговский, отказавшийся от своих прежних клятв и соединившийся с крымцами для войны с Московским государством, прямо был назван изменником: «Обаче он яко наемник, а не пастырь и не лучшее свобождение избирая, но пагубу злокозньством своим, наших царского величества верных подданных Войска Запорожского иудски на предание братии тайно в душе своей умышлял, возложа надежу свою на бусурманскую тщетную силу». Но даже после этого Выговский продолжал делать вид, что не нарушал «присягу и веру». 17 октября 1658 года он послал с подьячим Яковом Портомоиным грамоту к царю Алексею Михайловичу с униженным выражением верноподданнических чувств. Гетман оправдывал свои походы необходимостью «усмирения домовые своеволи», рассказывал, что войско запорожцев выдвинулось к Киеву по его приказу не воевать, а «толко для разговору»<sup>{425}</sup>.

В конце 1658 года по всем трем главным направлениям внешней политики царю Алексею Михайловичу приходилось принимать самые решительные действия. В одном случае — из-за неудачи переговоров в Вильно — дело закончилось войной и даже пленением войском князя Юрия Алексеевича Долгорукого литовского польного гетмана Винцентия Госевского. Его привезли в Москву и 27 декабря, в самый день приема «у государя у руки» воевод боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого и стольника Михаила Семеновича Волынского, заставили пройти «пешаго» по столице<sup>{426}</sup>, чтобы все видели очередной триумф царя Алексея Михайловича. В этом было еще символическое значение, так как в плену оказался сын того самого пана Александра Госевского, который руководил

польским гарнизоном в годы Смуты и при котором была сожжена Москва. Со шведами, напротив, 10 (20) декабря 1658 года неподалеку от Нарвы было заключено известное Валиесарское перемирие<sup>{427}</sup>. Благодаря настойчивости думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина на время удалось сохранить приобретения «немецкого» государева похода 1656 года, целых 30 городов оставались пока под управлением войск московского царя. Создавались условия для обмена пленными и возобновления торговли. 26 декабря 1658 года в Москву приехали сеунщики известить о заключении перемирия.

В делах с Речью Посполитой чередовались война и мир. Такая двойственность вообще была характерна для московской дипломатии того времени. Например, позднее в наказе боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому в конце декабря 1659 года говорилось, что он должен был воевать около Вильно и одновременно вести дело к продолжению переговоров с комиссарами во главе с гетманом Петром Сапегой: «А миру война не помешка»<sup>{428}</sup>. Польское войско осадило Ковно, а в Посольском приказе 20 декабря заготовили грамоту королю Яну Казимиру с предложением (выглядевшим как ультиматум) о продолжении переговоров. В Москве всё еще надеялись, что идея избрания царя Алексея Михайловича в наследники польского короля никуда не исчезла. Но теперь этот вопрос был прочно увязан с состоянием дел в Войске Запорожском, поэтому отправку грамоты задержали на целых два месяца, гонец Афанасий Нестеров получил ее в Вильно (пережив ковенскую осаду) только 20 февраля 1659 года<sup>{429}</sup>.

В отношениях с гетманом Выговским военное противостояние также слишком долго сопровождалось стремлением сохранить его присягу царю. 27 декабря 1658 года «у руки» царя Алексея Михайловича были на отпуске майор Григорий Булгаков и подьячий Посольского приказа Фире Байбаков. Они должны были ехать в ставку гетмана Выговского и договариваться о созыве новой рады в феврале 1659 года, попутно имея задачу проводить: «впрямь ли Выговской великому государю вину свою приносит или лостью, и не думает ли куда отъехать». Воеводы русского войска на Украине получили странные «полудипломатические» и «полувоенные» назначения, а их отчет о действии военных сил в 1659 году во главе с «ближним боярином и наместником Казанским» князем Алексеем Никитичем Трубецким, боярином и наместником Белозерским Василием Шереметевым, окольным и наместником Белгородским князем Григорием Григорьевичем Ромодановским, думным дьяком Ларионом

Лопухиным и дьяком Федором Грибоедовым (прежним главой Записного приказа) пришлось впоследствии оформлять в виде «статейного списка». Хотя такого рода документы обычно рассказывали о деятельности послов, а не военачальников. Вся главная переписка, направлявшая деятельность воевод на Украине, тоже велась через Посольский приказ и думного дьяка Алмаза Иванова. Тем не менее у князя Трубецкого были полномочия не только добиваться переговоров с Выговским, но и продолжать военные действия, поэтому текущие документы о сборе и организации войска, как и положено, проходили все-таки по ведомству Разрядного приказа.

Официальной целью главных воевод, отосланных с войском на Украину, было «успокоение междоусобия подданных его великого государя, Войска Запорожского жителей». Другими словами, в Москве готовились к новой Переяславской раде. В записи дворцовых разрядов о назначении воевод во главе с боярином князем Алексеем Никитичем Трубецким 13 января 1659 года (по «статейному списку», воеводы выехали из Москвы два дня спустя, 15 января) говорилось: «А, собрався с ратными людьми, велено итти в Переславль уговаривать черкас, чтоб они в винах своих ему государю добили челом, а государь их пожалует по прежнему». В случае добровольного принесения повинной Алексей Никитич Трубецкой должен был «черкас ко кресту привести и выбрать иного гетмана», в противном случае воеводе предлагалось идти на них «войною».

Срок сбора ратных людей в Севске был установлен 1 февраля, но «приезды» служилых людей растянулись на какое-то время. Продолжалась и корректировка задач русской политики на Украине. 7 февраля 1659 года глава русского войска в землях «черкас» боярин князь Алексей Никитич Трубецкой получил тайный наказ о переговорах с гетманом Иваном Выговским. Трубецкому предписывалось действовать, примериваясь к статьям Гадячского договора, если в нем не будет найдено оскорбительных для царя статей. В случае поддержки действий гетмана Выговского разрешалось даже отдать ему «воеводство Киевское», а воеводе боярину Василию Борисовичу Шереметеву добровольно покинуть Киев (неясно было при этом, останутся ли в городе царские «ратные люди»). Документ этот рассматривался в кругу самых близких советников царя Алексея Михайловича «у Евдокеи в трапезе», то есть в дворцовой церкви, «а бояре комнатные слушали в комнате». Это были Борис Иванович Морозов, князь Яков Куденетович Черкасский, князь Никита Иванович Одоевский, Илья Данилович Милославский и Илья Андреевич Милославский. Увы, все они просчитались в своих надеждах, и это дорого стоило московской стороне.

Изменившаяся официальная позиция диктовала необходимость

признания правоты гетмана Ивана Выговского, твердившего о междоусобной борьбе в Запорожском Войске. При этом боярину и воеводе князю Алексею Никитичу Трубецкому по-прежнему шли распоряжения по организации новой рады и присяги на верность царю Алексею Михайловичу. В Москве были заготовлены 18 грамот против Выговского для рассылки по полкам Войска Запорожского. Собирались также прислать грамоту «новому гетману на подтверждение булавы на старостство Чигиринское», но забыли или не захотели этого сделать. Требовались неординарная административная выдержка и опыт знакомства с московской делопроизводственной машиной, чтобы определить, в чем состояли настоящие желания царя Алексея Михайловича и его советников. А согласия в решении «черкасских дел» явно не было, многое диктовалось незнанием настоящего положения дел и отсутствием выверенной стратегии действий. Боязнь посмотреть правде в глаза привела к явному безволию во взаимоотношениях с мятежным гетманом, продолжавшим на словах признавать свою присягу московскому царю, а на деле давно уже ее предавшему.

Слишком долго в Москве не хотели видеть очевидного: что войска гетмана Выговского, действовавшие вместе с вспомогательным польским отрядом во главе с обозным коронным Анджеем Потоцким и крымско-татарской «ордой», уже вступили в открытую войну с войском русского царя. Запорожская Сечь — «кошевое» казачество — по-прежнему не поддерживала новую ориентацию на «воссоединение» с Речью Посполитой и стала воевать против гетмана Ивана Выговского. Покойного атамана кошевых казаков Якова Барабаша сменил наказной гетман Иван Нечай, ездивший в посольстве к царю Алексею Михайловичу в 1658 году, но задержанный там московским правительством. По приказу из Москвы воеводам тогда пришлось фактически выдать на расправу главных сторонников царя Алексея Михайловича. Выводы из прошлогодней истории царские советники сделали, и кошевые казаки стали главными союзниками царских войск в борьбе с Выговским. Однако князь Алексей Никитич Трубецкой был связан в своих действиях. Ему приходилось маневрировать и исполнять наказ о переговорах и даже договариваться о месте встречи с гетманом Иваном Выговским в Ромнах. Но время шло, а никто не собирался выполнять эту договоренность<sup>{430}</sup>.

Тем временем, чтобы «подтолкнуть» гетмана Ивана Выговского к выполнению обещаний, войско Трубецкого выступило 26 марта 1659 года к Конотопу, располагавшемуся всего в нескольких десятках километров от московской границы. Туда же должны были прийти «кошевые»



запорожские казаки Ивана Нечая. Название этой крепости, где с 20 апреля 1658 года армия князя Трубецкого осадила сторонников Выговского во главе с нежинским полковником Григорием Гуляницким, в итоге стало трагичным символом противостояния России и Украины<sup>[431]</sup>. Попытка с ходу справиться с мятежными казаками не удалась, штурм крепости в ночь на 29 апреля провалился, в московском войске погибло почти 500 человек, около трех тысяч получили ранения (включая тех, кого просто зацепило или «зашибло» камнями и другими предметами, сбрасываемыми со стен крепости). Воеводы решили организовать правильную осаду, дожидаться подкреплений и артиллерии, а до подхода новых сил успешно распространили контроль московских войск на близлежащие города. Продолжались и попытки договориться с Выговским. Одна из грамот с предложением прислать двух-трех «добрых людей» для переговоров была отправлена в самом начале июня, но посланцы были задержаны, и ответа так и не последовало.

В Москве всё равно были довольны службой князя Алексея Никитича Трубецкого, действовавшего по выданному ему наказу. 5 июня 1659 года царь Алексей Михайлович послал «под Черкасской город под Конотоп» с жалованьем и «с милостивым словом и о здоровье спрашивать» стольника Михаила Петровича Головина. В этот же день состоялся большой смотр полка военных сил, позволяющий примерно оценить количество собравшихся в «черкасском походе» русских сил — чинов Государева двора, уездных дворян и детей боярских, рейтар, драгун и стрельцов. По подсчетам историка Игоря Борисовича Бабулина, максимальная численность полка князя Трубецкого накануне Конотопской битвы была 15 788 человек<sup>[432]</sup>. Запомнить эту цифру важно, так как вскоре появились фантастические подробности о гибели под Конотопом почти стотысячной армии Трубецкого. Буквально все, кто обращается к истории тех событий, повторяют яркие слова Сергея Михайловича Соловьева: «Цвет московской конницы, совершившей счастливые походы 54-го и 55-го годов, сгиб в один день»<sup>[433]</sup>. Но так ли это?

Начнем с того, что никакой официальной «украино-российской войны» не было. Тщательный поиск, проведенный исследователем взаимоотношений Московского государства с Речью Посполитой и Запорожским Войском Борисом Николаевичем Флорей, так и не привел его к находке документа об объявлении войны!<sup>[434]</sup> Боярин Алексей Никитич Трубецкой позже в «статейном списке» тоже доносил, что вплоть до 27 июня ожидал письма или возвращения своих посланцев к гетману Ивану



Выговскому, а значит, военные действия с обеих сторон были только развитием прежнего внутреннего конфликта в Войске, и ни о какой «оккупации» речи не шло. Тем временем, по признанию руководителя конотопской обороны полковника Гуляницкого, осажденные казацьи войска едва выдерживали осаду внутри Конотопской крепости. Обращаясь к гетману Выговскому, они просили о присылке подкреплений, то упрекая его («никакого попечения о нас не имеете»), то умоляя о помощи и сокрушаясь о судьбе поверивших ему в Конотопе людей («и весь край в сей стране истратили и испустишили, надеючись на помочь вашу»).

Только когда 27 июня 1659 года на помощь гетману Ивану Выговскому к Конотопу подошли войска крымского хана Магмет-Гирея, стала понятна причина гетманского молчания. Вместе с крымским царем в походе были нурадин и царевичи, что заставляет исследователей предполагать, что ханское войско могло насчитывать до 30 тысяч человек. Правда, в бою могли принять участие 15–20 тысяч всадников. Дополнительно надо учесть и ногаев. А к 16 тысячам «черкас» из десяти полков под командованием гетмана Ивана Выговского следует прибавить пришедшее на помощь из Речи Посполитой вспомогательное войско, насчитывавшее от двух до четырех тысяч наемников (там были «ляхи, немцы, сербы, волохи и муляны»)<sup>[435]</sup>.

В новейшей литературе называются разные даты Конотопской битвы — 27 июня (А. В. Малов) и 28 июня<sup>[436]</sup> (И. Б. Бабулин и Н. В. Смирнов), хотя можно говорить о том, что битва продолжалась еще несколько дней, до 2 июля — начала организованного отхода армии князя Трубецкого от Конотопа. Трубецкой описал в «статейном списке» каждый из дней самого сражения. Днем 27 июня произошли первые стычки с «черкасами» и татарами, нападшими на сторожи, стоявшие в четырех-пяти верстах от Конотопа на переправе у деревни Сосновки. Нападавшие были отогнаны, а на следующий день состоялась несчастная отправка отрядов во главе с воеводами окольными князем Семеном Романовичем Пожарским и князем Семеном Петровичем Львовым к переправе через речку Куколку (левый приток реки Сейм). 28 июня, «в другом часу дни», к той же деревне Сосновке подошли «изменники же черкасы и татаровя». По признанию князя Трубецкого, ему ничего не было известно о составе этих сил: «А многие ль люди и царь ли или царевичи или мурзы и изменник Ивашко Выговской с ними ль, и про то подлинно было неведомо». Тогда главные воеводы рати под Конотопом князь Алексей Никитич Трубецкой и князь Федор Федорович Куракин вышли «за обозы» и направили в сторону

переправы у деревни Сосновки «своих полков голов с сотнями и рейтарских и драгунских полковников с рейтары и с драгуны».

Названные выше воеводы, окольные князь Семен Романович Пожарский и князь Семен Петрович Львов, находившиеся под защитой основного московского войска, могли ничего не опасаться: они должны были только выяснить, где находится противник; каких-то крупных сражений не предполагалось. Но тут сработала военная хитрость противника. Передовые отряды московского войска намеренно выманили дальше вперед, чтобы они перешли реку и вышли в открытое поле. Для «приманки» у переправы был специально поставлен казачий «табор» в надежде, что московские воеводы соблазнятся легкой добычей. Прием не новый. В такую ловушку часто попадали безрассудные и самонадеянные воеводы, а к ним как раз и относился славившийся своей отчаянной храбростью князь Пожарский. Последним доводом, подтолкнувшим воевод московского войска на неосторожные действия, стали донесения о том, что с другой стороны реки находится большое болото, где невозможны действия конницы. Расчет оказался неверным, многочисленная конница казаков и их союзников крымских татар со всею силой ударила на войско под командованием князей Пожарского и Львова. Воеводы вынуждены были с боями возвращаться к оставленным переправам, но не смогли вырваться и под ударом противника потеряли значительную часть своего войска. В «статейном списке» князя Трубецкого написали об этом несчастном бое 28 июня: «И был бой до вечерень, а о вечернях татаровя многие люди и черкасы обошли государевых ратных людей спорным Гребенем и от деревни Поповки, и учали побивать и в полон имать, и в обозы вбили, и окольных князя Семена Романовича Пожарского и князя Семена Петровича Львова взяли живых».

В этот же день от пленных татарских «языков» в войске князя Алексея Никитича Трубецкого узнали о подходе к Конотопу главных татарских сил, поддержавших гетмана Ивана Выговского. Пленные рассказали о целях наступления и «промысла» над «обозами» царского войска. Главнокомандующий русской армией организовал оборону, собрав все оставшиеся силы в одном «обозе», где укрылись от наступавших основные полки; туда же были переведены все «пешие люди» из «шанец» под самим Конотопом. Не имевший царского указа отходить от Конотопа, Трубецкой еще несколько дней пытался защищаться в «обозе». Как сказано в «статейном списке», «и июня же в 29 день изменники черкасы учали по обозу и в обоз стрелять из пушек, и повели к обозу шанцы». 30 июня «в ночи» было организовано наступление на московские войска, но ратные

люди «от обозу их отбили и из шанец выбили». Только 2 июля начался отход войска Трубецкого и полка кошевых запорожских казаков во главе с гетманом Иваном Беспалым. Князь Трубецкой писал о причинах отхода: «для того, что великого государя ратным людем под Конотопом от крымского хана и от изменника от Ивашка Выговского учинилось утеснение великое». В округе были перекрыты почти все дороги, конские стада остались без корма, и перед главным царским воеводой встала угроза потери армии. Поэтому было принято решение отвести войска от Конотопа за реку Сейм к Путивлю, где тогда пролежала граница России и Речи Посполитой. Здесь войско князя Трубецкого тоже понесло потери, но уже не сопоставимые с боем 28 июня: три дня русские полки обстреливались из пушек, на них нападали со всех сторон. Войско отступило, но не признало своего полного поражения. Князь Трубецкой немедленно разослал по прилежавшим к границе городам Войска Запорожского гонцов, чтобы известить, что этот отход к реке Сейм лишь «на время».

Путивльский воевода стольник князь Григорий Данилович Долгорукий только 4 июля узнал от посланных им в Конотоп людей, что «от Конотопа на дороге к Путивлю верстах в 15» слышна «стрельбы большая из пушек и из мелкого ружья» и что ратные люди с боями «идут подле крепостей обозом к Путивлю». (В записках шотландского офицера на русской службе Патрика Гордона тоже есть упоминание о «вагенбурге» — особом полевом укреплении из повозок, под прикрытием которого русские войска отступали от Конотопа «в хорошем порядке».) Пospешивший было на помощь, Долгорукий был остановлен с приказом укреплять Путивль и переправы на реке Сейм. Само же войско Трубецкого встало лагерем «у реки Семи на Белых берегах, от Путивля в 10 верстах», о чем путивльский воевода немедленно донес в Москву, и его отписку прочли царю Алексею Михайловичу. Сразу же были сделаны распоряжения о назначении в Калугу боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, отправленного в помощь князю Трубецкому для похода «на крымского хана и на изменника Ивашка Выговского». Царь, несмотря ни на что, продолжал доверять боярину князю Трубецкому и 11 июля послал к войску «с жалованьем» и «о здоровье спрашивать» одного из своих стольников, что, как обычно, было знаком особой царской милости<sup>[437]</sup>.

С 16 июля войско Трубецкого все-таки отошло в Путивль. Тогда в Москву с челобитной о жалованье отправились «посланцы» наказного гетмана запорожских «кошевых» казаков Ивана Нечая — войсковой есаул Семен Черкес с товарищами. Впервые в Москве могли узнать подробности случившегося под Конотопом от самих участников боев. 26 июля

посланцев расспросили по горячим следам: «как у государевых ратных людей с черкасы и с татары бой был на переправах, на Сосновке и на Поповке, и они на том бою были ль, и какими причинами государевым людем учинился упадок». Казаки — участники этих боев подробно отвечали о «причинах» поражения: «...от обозу отошли 7 верст и, переправу перешед, на татар и на немец ударили смело без опасу, потому что тут объявились люди не само болшие, а болших не начаялись, и хотели тех людей снести; и на них де пришли созади хан со всеми татары и черкасы, откуда их не чаяли и с которой стороны их и не опасались, потому что на той стороне, откуда они зашли, переправа большая — болото великое... тем де и подманило». Со временем было собрано достаточно сведений, чтобы понять, что же произошло: «на конотопском на большом бою и на отводе», по подсчетам самих московских воевод, погибло или ранено 4761 человек (из них примерно 250 дворян «московских чинов» и около 1600 дворян и детей боярских)<sup>[438]</sup>. Захваченный в плен воевода московской рати князь Семен Романович Пожарский не покорился крымскому хану и за дерзкие речи был обезглавлен. Сочувственный рассказ о его храбром поведении вошел в так называемый «Новгородский хронограф», где приведены многие точные детали боев под Конотопом. Другой воевода, окольный князь Семен Петрович Львов, попал в плен тяжело раненным и вскоре умер.

Конечно, по всем местам, откуда уезжали на службу погибшие или пропавшие без вести под Конотопом служилые люди, стояли стон и плач. Потом сложилось даже церковное почитание «нового страсотерпца» князя Семена Романовича Пожарского и возникла легенда о его храбрых речах перед крымским царем. Не мог не скорбеть о потерях своего войска и царь Алексей Михайлович. Но главный страх был связан с начавшимся походом татарского хана в русские уезды. Уже 4 августа 1659 года «по крымским вестям» было указано «на Москве делать город земляной и по городу острог», а для участия в земляных работах были мобилизованы «всяких чинов люди». Действительно, татарские отряды смерчем прошли по южным уездам. Принятые предосторожности были все-таки чрезмерны. Как сообщают дворцовые разряды, 6 августа по тем же «крымским вестям» осадные воеводы были посланы по крупным монастырям: в Троице-Сергиев, Новоспасский, Новодевичий в Москве, Саввино-Сторожевский в Звенигороде, Николо-Угрешский и Пафнутьевский Боровский. Подобная организация обороны была необычным делом и в общей тревожной обстановке после Конотопского сражения хорошо запомнилась.

Немало красочных деталей об этом времени сообщал «Новгородский

хронограф», по свидетельству которого люди принялись искать убежище, «и того бысть смятение три дни и три ночи». За эти три дня в начале августа многие оставили свои хоромы в Земляном и Белом городе и «везоша животы» (имущество) «в Кремль и в Китай». Нашлись и те, кто захотел воспользоваться общим испугом: «В то же время собравшееся воровские люди, холопи боярские, а иное от християн, во многих местех в селех приидоша, шубы своя оборотиша навыворот шубы шерстию, и сполох учинивше». От страха народ разбежался еще дальше «по лесом, и по пустыням, и иные по градом, где кому ближе». Другие стремились «за сто верст и за полтораста поприщ» убежать с семьями в Москву. В этой неразберихе учинились «смятение и страх», «о сем много пакости бысть и душегубства, многие со гладу умираху»<sup>[439]</sup>. Тревога успокоилась так же быстро, как и началась, хотя татары действительно близко подходили к Москве, появляясь в окрестностях Тулы, что заставило обновить старую Засечную черту.

Еще одним подтверждением «татарской» (а не «конотопской») тревоги стал обмен посланиями между князем Алексеем Никитичем Трубецким в Путивле и Выговским, стоявшим лагерем около Гадяча. В письме царскому воеводе 1 августа 1659 года, отвечая на присланное ему предложение возобновить переговоры, Выговский еще не отказывался от возможного обмена посланниками и даже использовал прежний гетманский титул, подписываясь «его царского величества, Иван Выговский, гетман с войском Запорожским». При первой же после Конотопского сражения встрече с посланцами князя Трубецкого гетман отстаивал свою версию событий, считая, что московские войска пришли под Конотоп для расправы с ним: «А что вы пишете, что вы под Конотоп не войною приходили есте, но для разговора и усмирения домового междоусобия, и то какая ваша правда? Кто видал, чтоб с такими великим ратми и с таким великим народом на разговор имел приходить?» По его мнению, эти «великие рати» были собраны «на искоренение наше», он по-прежнему повторял свою основную версию борьбы с «своевольниками». Продолжить разговор «о добром деле» через «посланцов» в Путивле Выговский отказался, предложив сделать это там, где бы он сам мог контролировать ход переговоров, — в Батурине, приписав на письме: «От его царского величества какой к нам будет указ, так вскоре нам знать давайте просим. Иван Выговской, гетман». Конечно, гетман должен был бояться, что с него взыщется за конотопское дело, но никто больше не собирался идти у него на поводу. Князь Алексей Никитич Трубецкой в ответном послании 7 августа указывал, что посланцы от других, лояльных царю, частей Войска призваны в Путивль и по царскому

указу их должны доставить в Москву, где уже сам царь должен был их милостиво принять и успокоить «христианское междоусобие и невинное кровирозлитие». Боярин возвращал все упреки, обвиняя в случившемся тех, кто нарушил свою клятву царю «в вечном подданстве»: «учинились от него великого государя нашего безо всяких причин, и призвали к себе бусурманов». Далее перечислялись все тяжелые последствия от действий Выговского и его союзников: «...и теми бусурманы в Малороссии учинили святым Божиим церквам разорение, осквернение и великое поругание, и христианское многое кроворозлитие, и в плен расхищение». Причем коснулось это не только Малой России, но еще и «украинных городов» на территории Московского государства, куда пришли те же бусурманы и «злочинцы черкасы» во главе с полковниками, воевавшими на стороне Выговского. У этого обмена посланиями были еще дополнительные цели: разузнать о судьбе пленных. Гетману Выговскому предлагали прислать «роспись» пленных, взятых «на бою под Конотопом».

Правительство царя Алексея Михайловича все же справилось с последствиями летнего поражения, равно как и с тревогой из-за татарского нашествия. Ветераны походов 166-го и 167-го годов, воевавшие вместе с князем Трубецким, были награждены поместьями и денежными придачами. Не были забыты вдовы и дочери убитых служилых людей, получавшие «на прожиток» землю из поместий своих мужей и отцов с учетом положенных наград. Беглецы же со службы в Конотопе, напротив, подверглись наказанию: их лишали выслуги, вычеркивая из «выбора» и «дворового списка», убавляли поместья оклады, тех, кто вовсе смел не явиться на службу, били «кнутом нещадно». Спустя два месяца после отхода к московской границе, 4 сентября 1659 года, войско под командованием Трубецкого снова отправилось в поход из Путивля в «черкасские города». На этот раз царская армия жаждала мести за конотопский погром. Ничего хорошего это не могло предвещать городам, волей или неволей поддержавшим Ивана Выговского. Мятежный гетман сам очень быстро потерял свою наемную армию, крымский царь вернулся в Крым, татары ушли дальше грабить московско-казачье приграничье, а Выговскому была оставлена только часть войска. Польский отряд коронного обозного Анджея Потоцкого тоже скоро распался из-за внутрисполитических проблем в самой Речи Посполитой. Да шляхта и не видела смысла в войне на стороне казаков. Анджей Потоцкий так и доносил королю Яну Казимиру: «Не изволь ваша королевская милость ожидать ничего доброго от здешнего края». По его прогнозу, обе стороны Днепра, западная и восточная, «скоро будут московскими», ибо «перетянет

их к себе Заднепровье». Он рисует картину настоящей гражданской войны: «Одно местечко воюет против другого, сын грабит отца, отец — сына. Страшное представляется здесь Вавилонское столпотворение». На этом фоне казацкая старшина, страдавшая от «своеволия грубой черни», желала только одного — чтобы король или царь «взяли их в крепкие руки»<sup>[440]</sup>.

Действительно, уже в сентябре 1659 года эта старшина созвала раду и лишила Выговского гетманства. Снова исполняя волю Богдана Хмельницкого, рада передала булаву его сыну Юрию — правда, при условии сохранения прежней ориентации на короля Яна Казимира. Деваться новому гетману все равно было некуда, и уже 17 октября состоялась присяга Юрия Хмельницкого царю Алексею Михайловичу (еще раньше посланники старшины Переяславского, Нежинского и Черниговского полков, бившей челом с повинной, были приняты царем в Москве). В начале акта об избрании в гетманы сына Богдана Хмельницкого боярин князь Алексей Никитич Трубецкой ссылался на выданный ему девять месяцев назад наказ о созыве новой рады 13 января 1659 года.

Другая Переяславская рада стала другим по смыслу событием. В отличие от рады, или майдана, 1654 года, царь Алексей Михайлович сам указал созвать ее участников и определил ее повестку: «А на раде велел быть обозному, судьям, ясаулам, полковникам и всей старшине и черни, и по их праву велел им обрать гетмана, кого они меж себя излюбят». Видимость независимости Войска Запорожского сохранялась, но ему твердо напоминали прежнюю присягу; участники избрания нового гетмана должны были выслушать присяжные статьи Богдана Хмельницкого и пополнить их новыми условиями «для подтверждения в Войске Запорожском». Делалось это, по словам акта об избрании гетмана Юрия Хмельницкого, «чтоб впредь такие измены и междоусобия и невинные христианския крови разлитие не было, как учинилось от изменника от Ивашка Выговского и его советников». Главное, что теперь каждый следующий гетман должен был приезжать в Москву «государевы очи видеть». Только после этого он получал булаву и знамя из царских рук и считался по-настоящему избранным. Другим становилось и управление в городах Войска, до этого не знавших воеводских порядков (за исключением Киева). Теперь царские воеводы должны были появиться еще в Переяславле, Нежине, Чернигове, Браславле и Умани. Изменялась система сборов налогов, ее стремились упорядочить и перевести на московские порядки. Войско в 60 тысяч реестровых казаков оставили, но направлять действия этой армии должны были с помощью московских воевод, а не по усмотрению одной старшины, лишенной права на самостоятельное ведение



войны. Впервые в войсковой присяге появился пункт о подчинении киевского митрополита московскому патриарху, и пусть этот пункт не действовал в дальнейшем, но направление к переподчинению Киевской церкви от Константинопольского патриархата другой вселенской церкви — в Москве было обозначено.

Известия об избрании нового гетмана пришли в Москву 1 ноября 1659 года. Тревога конца лета и начала осени 1659 года снова сменилась радостью от побед. 4 ноября по городам были разосланы грамоты, извещавшие об избрании и присяге царю нового гетмана Юрия Хмельницкого, «что им под нашего великого государя высокою рукою в вечном подданстве быть в нашей государской во всей воле навеки неотступными, и ни на какие ляцкия и бусурманския прелести не прельщаться». Для всеобщего известия не только читали вслух грамоты и устраивали молебны, но и сопровождали объявление о новой присяге «черкас» в подданство царю Алексею Михайловичу настоящим салютом: «велели по городу стрелять из наряда, а нашим великого государя служилым людям из мелкого ружья трижды, чтоб се Божие и наше великого государя дело всем было ведомо»<sup>[441]</sup>.

### **«Промысл учинить над Аршавою»**

Вернув под свой контроль Запорожское Войско, одержав стратегически важные победы в Литве, царь Алексей Михайлович решил предпринять общее наступление на Польшу. 16 октября 1659 года грамота о выдвижении полков от Полоцка к Вильно была отправлена воеводе боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому. Одновременно шляхте Полоцкого и других поветов предлагалось воевать под его началом. В обосновании этого поворота к войне упоминали о судьбе задержанного королем царского посланника Ивана Желябужского и непостоянстве польской стороны. Короля Яна Казимира обвиняли, что по его «лестной подсылке» действовал «враг Божий и клятвопреступник» Иван Выговский, но его собственная судьба и участь его сторонников и родственников, отосланных в Москву, показывали неправоту их действий. Царские воеводы боярин князь Алексей Никитич Трубецкой в Переяславле и боярин Василий Борисович Шереметев в Чернигове и Нежине разрушили планы врагов. Царь Алексей Михайлович, видя «с его королевской стороны многую проволоку, и непостоянство, и миром погорждение», решил, что «больше того терпети не мочно». Польскому королю объявлялась война, а в

случае необходимости, говорилось в грамотах литовской шляхте, «мы, великий государь, пойдем и сами, нашего царского величества особою со многими ратьми». То, что это была не пустая угроза или какая-то рассчитанная на устрашение внешнего врага фигура речи, показывает повторение обещания царского похода и в более поздних грамотах о сборе войска, адресованных уже русским служилым людям. Спешно отосланный королем Яном Казимиром в Москву посланник Ян Корсак с предложением о «задержании» войск опоздал. Царь принял его в ноябре 1659 года, но в это время уже было принято решение о продолжении войны. Смотр войска боярина князя Ивана Хованского состоялся 19 октября, а уже 9 ноября русские войска пришли к Вильно.

Действия рати князя Ивана Хованского, основу которой составил Новгородский полк, иначе как карательным походом назвать было нельзя. И надо сказать, что устрашение и грабеж действовали сильнее осторожных призывов времен первых государевых походов не грабить «присяжную шляхту». Теперь все, кто забыл о присяге московскому царю, объявлялись изменниками, а карающий меч держал в руках князь Хованский, быстро установивший контроль над Гродно и уже в самом начале января 1660 года взявший Брест. Литовский гетман Павел Сапега едва не попал в плен, а около двух тысяч мирных жителей Бреста были перебиты, их тела сброшены в крепостной ров. Развивая успех, в Москве требовали от князя Хованского немедленно «ратных людей посылать войною к Аршаве», «чтоб промысл учинить над Аршавою нынешним зимним временем до весны». В грамотах князю Хованскому ставили практически невыполнимую задачу: «и Аршава разорить, и пушки московские, которые есть в Аршаве, привезти к себе».

Отдавая этот приказ и требуя «войною посылать» не только к Варшаве, но еще и к Люблину, а также к другим «польским и литовским городом и местом», в Москве думали только о мести. Хованскому и его войску велено было повсюду «уезды разорять и жечь и людей побивать и в полон имать»<sup>{442}</sup>. Князь продолжил преследование литовской шляхты, укрывавшейся за стенами крупных крепостей в Слуцке, Несвиже — владениях Радзивиллов и Ляховичах — владениях Сапег. Однако путь к польской столице преградили имперские войска, помогавшие Речи Посполитой в войне со Швецией. Император Священной Римской империи был союзником царя Алексея Михайловича, поэтому австрийские и русские войска не должны были воевать друг с другом.

Особое значение в ходе русско-польской войны имела осада князем Иваном Хованским прекрасно укрепленной Ляховичской крепости, некогда

построенной гетманом Яном Каролем Ходкевичем и в 1630-х годах перешедшей к Сапегам. Воевода стремился справиться с немногими остававшимися очагами неповиновения магнатов и шляхты московскому царю на территории Великого княжества Литовского, и осада Ляховичей стала еще одним жестоким посланием великому гетману Литовскому Павлу Сапеге. Алексей Михайлович, напротив, не придавал Ляховичам особенного значения, думая о походе на Варшаву. Царь требовал от князя Хованского не дать собраться королевскому войску, поэтому если бы Ляховичи оказались не на дороге, то воеводе вообще разрешалось обойти их стороной. Для их осады можно было использовать лишь часть русского войска, а главным силам был дан приказ: «одноконечно промышлять, чтоб неприятеля не дождатца, так же, что и под Конотопом все извязли под городом»<sup>{443}</sup>.

Если царь помнил о конотопском ожоге, то его воевода Тараруй, похоже, не слишком задумывался о чужих поражениях. Страшная слава о его армии шла впереди. Польский современник писал: «Москали шли как на мед или забаву какую, смело, имея оружие надежное, а бердыши — ясно полированные, острые и веревки с петлями конопляные у пояса, для вязания наших»<sup>{444}</sup>. Как курьез, можно вспомнить, что воинам князя Хованского достался в трофеях королевский зверинец, располагавшийся «в миле» от города Мир, а еще лоси, олени, верблюды и дикие козы из «Сапегина зверинца». Самостоятельно распорядиться ими Тараруй не решился, поэтому передал всё на усмотрение Тайного приказа. Царю Алексею Михайловичу, как охотнику, история со зверинцем показалась интересной. По царскому распоряжению воеводе разрешалось отпустить нескольких добровольно вызвавшихся на службу московских стрельцов, чтобы они сопровождали живые трофеи к царю, но только в то время, «как про воинских людей вести минуютца»; в противном случае пойманных зверей ждала незавидная участь: «и он бы боярин и воевода велел их побить и мяса роздать государевым служилым людям, а кож лосиных беречь» (сыромятная кожа использовалась для изготовления вооружения)<sup>{445}</sup>.

Князь Иван Хованский, как это не раз с ним бывало, слишком увлекся и хотел справиться с Ляховичской крепостью с ходу, приступом, без всякой подготовки. Позже боярин отчитывался царю о двух попытках договориться с осажденными — 20 и 23 марта 1660 года, но переговоры окончились безрезультатно. Поэтому князь отдал приказ штурмовать сапежинскую крепость «за полчаса до свету» 26 марта. «И был приступ

жестоким обычаем», — писал воевода царю Алексею Михайловичу, и «ратные люди со знаменами были на стене», но дальше их «сбили». Жертвами штурма оказались 30 человек, 150 было ранено. Как и предупреждал царь Алексей Михайлович, князь все-таки «извяз» в ляховичской осаде. За штурм без приказа хорошо укрепленной крепости и за потерю начальных людей он получил царский выговор: «И то учинили не делом». Князю Хованскому запрещалось устраивать новые штурмы Ляховичской крепости, особенно посылать на них офицеров — «начальных людей»; воевода должен был беречь людей для новых сражений и не допускать «истерии» в своем войске. Однако, вопреки прямому запрету, князь не сдержался и бросил 15 мая на еще один штурм присланных к нему из Москвы стрельцов. И на этот раз он не смог ничего добиться, только потерял несколько сотен человек<sup>{446}</sup>.

Упрямство Тараруя (болтуна, как переводится его прозвище) повлияло на ход всей кампании 1660 года. Пока он воевал под Ляховичами, картина дипломатических взаимоотношений воюющих стран полностью поменялась и время оказалось упущено. Оливский мирный договор Швеции и Речи Посполитой 23 апреля (3 мая) 1660 года, а еще Копенгагенский договор Швеции и Дании 27 мая (6 июня) 1660 года (в развитие Роскильского мира 1658 года, «оторвавшего» датских союзников от России) завершили Северную войну 1655–1660 годов. В шведском «Потопе» была поставлена точка. Речь Посполитая, в отличие от Московского государства первой успевшая заключить договор со шведами, немедленно развернула свои войска для продолжения войны в Литве.

Какое-то время царь Алексей Михайлович, несмотря ни на что, продолжал готовить захват Варшавы московскими войсками. 22 июня из Москвы в полки к Хованскому с тайным наказом был отправлен стольник Василий Петрович Кикин — один из близких людей царя Алексея Михайловича, посвященных во все перипетии малороссийской политики. Посылка была связана с объявлением воеводе решения о разрыве переговоров с польскими комиссарами в Борисове и начале похода на Варшаву от Бреста и Гродно. Поход этот планировалось завершить 8 сентября, на Рождество Богородицы, в памятный день победы в Куликовской битве<sup>{447}</sup>.

В Москве еще не знали, что случилось с войском князя Хованского под малоприметной Полонкой (у одноименной речки) на дороге от Ляховичей к Бресту 18 июня 1660 года. А произошло то же, что и под Конотопом: забывший об осторожности воевода направил войско за реку, где его ждала

засада. И никакой героизм не уберет московские войска от разгрома после атаки «крылатых» польских гусар. Победитель князя Хованского под Полонкой, «воевода русский» Стефан Чарнецкий, стал национальным героем Речи Посполитой. Именно ему удалось не только остановить поход на Варшаву, но и начать ответный «потоп», вымывший московские войска из захваченных ими городов в западной части Великого княжества Литовского. Только в Бресте, Гродно и Вильно еще какое-то время оставались московские гарнизоны, но без поддержки они долго продержаться не могли.

Все это станет ясно позднее, а пока в Москве продолжали готовить государев поход. Кроме армии князя Хованского был создан еще полк во главе с боярином князем Юрием Алексеевичем Долгоруким. 27 июня 1660 года ему был «сказан» поход «в польские города». 10 июля состоялся именной указ царя Алексея Михайловича о сборе в Москве войска для похода на польского короля. В нем фиксировалась уже совсем новая ситуация, связанная с провалом переговоров князя Никиты Ивановича Одоевского: «...и у великих послов с польскими комиссары сходства никакова не учинилось». 17 июля на молебне в Успенском соборе вместе с царем Алексеем Михайловичем присутствовали князь Юрий Алексеевич Долгорукий, его товарищ стольник Осип Иванович Сукин, воеводы и начальные люди Первого выборного полка, в том числе полковник Аггей Алексеевич Шепелев с товарищами. Накануне царь провожал «из Передней» полковую моленную икону — Спасов образ, посланный им в полк князя Долгорукого.

Впрочем, войску Долгорукого в Смоленске пришлось думать не о далеком государевом походе на Варшаву, а об удержании достигнутого в ходе прежних походов. 8 сентября, вместо планировавшегося на этот день взятия польской столицы, Долгорукий должен был выступить к Могилеву, с начала августа осажденному объединенным польско-литовским войском (его младший брат князь Петр Алексеевич Долгорукий, назначенный командовать еще одним полком этой армии, оставался в Москве и в день Рождества Богородицы был на отпуске у государя «у руки»). С 24 сентября войско вступило в затяжные двухнедельные бои на реке Басе между Могилевом и Мстиславлем. Во главе объединенных польско-литовских войск встали «воевода русский» Стефан Чарнецкий, а также литовский гетман Павел Сапега и обозный Великого княжества Литовского Михаил Пац. Несколько раз войска сходились в серьезных сражениях. 28 сентября у села Губарева русская сторона получила преимущество, и воевода даже прислал в Москву сеунщика вместе с взятыми в плен «языками». 10

октября в Москву приезжали новые сеунчики с еще одним победным донесением о боях у Губарева.

Но главные бои осенней кампании 1660 года происходили на реке Басе, где ни одна из сторон не получила решающего преимущества. Противостояние остановилось само собой из-за наступившей осенней распутицы. После получения сведений о передвижениях войска князя Хованского польско-литовские войска отошли вглубь Литвы. 21 октября князь Юрий Алексеевич Долгорукий выдвинулся со своим войском вперед к Могилеву, вместе с подошедшими подкреплениями он сумел отстоять этот город и важный днепровский путь, по которому шла коммуникация между Смоленском и Киевом. Формально Долгорукий мог даже считать себя победителем. Но в целом итог боев 1660 года в Литве был совсем неутешителен для московской стороны, так увлекшейся местью королю Яну Казимиру. Война снова придвинулась к границам Московского государства, а вынужденная расположиться в Смоленске на зимних квартирах русская армия фактически оказалась главным и единственным прикрытием от наступления жаждавшей реванша Речи Посполитой<sup>{448}</sup>.

## Чудновская катастрофа

Но самое тяжелое поражение русских войск случилось не в Литве, а в малороссийских землях Короны. Казаки под командованием Ивана Выговского вместе с крымскими татарами вошли в объединенную армию под командованием двух коронных гетманов — великого и польного — Станислава Потоцкого и Ежи Любомирского. Им удалось окружить под Чудновом армию киевского воеводы боярина Василия Борисовича Шереметева. Московскую сторону опять подвело излишнее доверие к клятвам и обещаниям украинских гетманов. Совсем не случайно, как оказалось, накануне рокового похода боярин Шереметев вынес нелицеприятное впечатление из встречи с восемнадцатилетним гетманом Юрием Хмельницким, которому, по мнению опытного воеводы, лучше было бы «гусей пасти, а не гетманствовать»... Казачье войско во главе с Хмельницким должно было объединиться с армией Шереметева, выступившей из Киева по направлению к Тарнополю (казаки должны были наступать на Львов). Но не успело это войско дойти до Житомира, как было атаковано коронной армией и загнано в окружение у Чуднова. Тщетно киевский воевода и верные царю казаки ждали подхода гетмана Юрия Хмельницкого. Они даже опрометчиво оставили врагу выгодную позицию



в возвышавшемся над округой Чудновском замке.

7 (17) октября под Чудновом представители гетманов коронного войска подписали так называемый Слободищенский трактат, означавший переход в подданство Речи Посполитой еще одного гетмана Войска Запорожского, к тому же родного сына Богдана Хмельницкого. Первая статья подтверждала Гадячский договор, но с важной оговоркой: присяга представителей Короны не распространялась на пункты о «княжестве Русском», считая их «менее необходимыми для войска его королевской милости Запорожского». Гетмана Юрия Хмельницкого и казачью старшину продолжали уверять в намерениях сохранить казацкие вольности, но все делалось, чтобы снова превратить казаков в послушное орудие в войнах с Москвой и другими врагами Речи Посполитой. Юрий Хмельницкий принимал обязательство отказаться от «всякого покровительства» царя Алексея Михайловича и «других посторонних владетелей». Гетман должен был помочь польским войскам окончательно справиться с Шереметевым и «разбить» его, «если бы он внезапно поднялся в это время». Наказного гетмана верных царю Алексею Михайловичу казаков — переяславского полковника Тимофея Цецуру («Тетюру»), находившегося в московском войске под Чудновом, тоже прощали — но с условием, что он повернет оружие против недавних союзников (на самом деле казацкого полковника арестовали и отправили под арест, откуда он сбежал). Хмельницкий должен был прекратить рознь в Запорожском Войске, заставить своим универсалом отказаться от присяги царю Алексею Михайловичу Нежинский и Черниговский полки и помириться с казаками, воевавшими вместе с литовским гетманом Сапегой и «воеводой русским» Выговским. В делах с крымскими татарами казаки тоже лишались права действовать самостоятельно, принимая обязательство беспрепятственно пропускать их через свои земли и не воевать с ними, следуя договору Крыма с польским королем.

С этого момента армия московского боярина Василия Борисовича Шереметева была обречена. Шереметев (или генерал Sheremet, как его называли в полках противника) вынужден был сдаться превосходящим польским и татарским силам. 22 октября (4 ноября) 1660 года он подписал документ о капитуляции, включавший условие об уходе царских воевод из Киева и других городов Войска Запорожского<sup>[449]</sup>. «Чудновские статьи» предполагали, что московские воеводы сдадут лагерь и уйдут, оставив «хоругви, ружья, конное и пешее оружие». Сам Шереметев вместе с другими начальными людьми становился заложником, «аманатом» у польских гетманов и турецкого султана. Соглашение о добровольной сдаче



предусматривало даже почетное условие — сохранение боярином и другими воеводами личного оружия — сабель: поляки надеялись, что Шереметев сможет повлиять на решение об уходе других московских воевод.

Однако Шереметев скоро узнал цену подписям польско-литовской стороны на письменном договоре. Сначала попавшее в плен царское войско было буквально растерзано татарами, напавшими на безоружных пленников (польско-литовская охрана не могла уберечь их), а затем и самому боярину, вопреки условиям сдачи, пришлось испытать участь плена, растянувшегося на долгие годы<sup>[450]</sup>. В «Дневнике» Патрика Гордона описывался пир у польских гетманов, на котором московскому боярину объявили, что по требованию союзного польскому королю крымского султана его передают в заложники татарам. Московскому боярину пришлось-таки отдать саблю, но на предложения поучаствовать в дальнейшем пире с гетманами он отказался.

Как и было предусмотрено чудновскими соглашениями, Шереметев написал в Киев оставленному там воеводе князю Юрию Никитичу Барятинскому, убеждая его, что теперь Киев и другие города не удержать и их лучше оставить. Тот якобы ответил присланным людям, требовавшим капитуляции Киева: «Много на Москве Шереметевых». Источник этой яркой фразы, процитированной в «Истории» Сергея Михайловича Соловьева, к сожалению, не известен. В московской системе управления никакие боярские подписи под распоряжением о сдаче городов значения не имели, если не было прямого царского указа. Барятинский передал слова Шереметева в Москву, но из Москвы, естественно, ответили отказом.

«Сильно испугала Москву весть о конотопском поражении, — писал С. М. Соловьев, — еще бблыпий ужас навела весть о чудновском». В столичных приказах шли лихорадочные приготовления к возможной войне: надо было Удержать любой ценой Киев и предотвратить польско-литовское вторжение на «украинные» уезды. Но оказалось, что бесконечно черпать людские ресурсы, находить деньги на войну и жалованье, обеспечивать войско вооружением, запасами и пропитанием больше не удастся. Страна воевала в условиях голода и тратила последние силы. На службу высылались все, кого только можно было найти, включая отставных и увечных дворян и детей боярских, годных только к гражданской службе для управления городами. В уездах искали всех дворянских недорослей, включая не достигших положенного для службы пятнадцатилетнего возраста. Даже «поповых» и «дьячих» детей хотели прибрать в солдатскую и стрелецкую службу, но вовремя одумались, разрешив набор

только тех, кто готов был добровольно идти воевать<sup>{451}</sup>.

Зимой 1660/61 года царю Алексею Михайловичу все-таки не пришлось отправлять войско в поход на Украину для спасения московской власти в «стране казаков». Войско Запорожское погрузилось в глубокую внутреннюю рознь. С этого времени оно разделилось на левобережных казаков, сохранявших присягу царю Алексею Михайловичу, и правобережных — вернувшихся в подданство королю Яну Казимиру.

### **«Господь Бог путь показывает мирной»**

Дальнейшее напряжение сил в войне с «Литвой» начинало грозить серьезными внутренними неурядицами в самом Московском государстве. Время подготовки похода на «Аршаву» прошло, теперь речь шла хотя бы об удержании в подданстве левобережья Днепра. Русские гарнизоны по-прежнему находились в главных литовских городах — Полоцке и Вильно, но присутствие «оккупационной» для местного населения администрации с каждым успехом армии Речи Посполитой все больше становилось неуместным. После заключения мирных соглашений Речи Посполитой со Швецией, а Швеции с Данией рушилась и балтийская политика царя Алексея Михайловича. О возобновлении походов на Ригу можно было забыть, и содержание захваченных форпостов в Ливонии теряло смысл. С конца 1660 года нарастает осознание необходимости мирного выхода из обеих войн — с Речью Посполитой и Швецией. Одним из первых почувствовал наступившие перемены царский советник в дипломатических делах Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Он пересылал царю конфиденциальные письма, в которых настаивал: «Господь Бог путь показывает мирной».

В начале 1661 года снова заработали дипломаты, просившие от имени царя Алексея Михайловича оказать посредничество в заключении мира с Речью Посполитой. С этой целью было снаряжено посольство к бранденбургскому курфюрсту; готовность выступить посредником подтверждала Франция, уже успешно участвовавшая в заключении Оливского мира между Швецией и Речью Посполитой. Людовик XIV, названный впоследствии «Королем-солнце», даже прислал грамоту с предложением посредничества в переговорах — редкий случай в истории русско-французских отношений. Однако польский король Ян Казимир после явного перелома, наступившего в войне, не был склонен к немедленному заключению перемирия.

Всего лишь один правитель в Европе мог решающим образом повлиять на дипломатические дела между Речью Посполитой и Московским царством — император Священной Римской империи. Австрийские дипломаты участвовали в заключении виленских договоренностей 1656 года, и в этот раз, в 1661 году, в Москву был отправлен в посланниках барон Августин Мейерберг. Позднее он оставил интересное описание своего путешествия в Россию. Ранг посланника, как рассказал сам дипломат, был дан ему для участия в предварительных переговорах, «потому что только для этого дела нам совсем неприлично было называться громким названием послов». Были у барона Мейерберга и верительные грамоты на звание посла, но их следовало предъявить только тогда, когда начнутся согласованные обеими сторонами настоящие переговоры о мире<sup>[452]</sup>. Но как ни был важен приезд австрийских дипломатов, в Москве понимали, что их миссия отнюдь не была бескорыстной: мир с Речью Посполитой нужен был австрийскому императору для своих целей — организации похода против османов. В итоге барону Мейербергу и прибывшему с ним рыцарю Кальвуччи пришлось провести в Москве несколько больше времени, чем они рассчитывали, пока московская и польско-литовская стороны не достигли соглашения о начале мирных переговоров.

С 23 марта 1661 года начались переговоры боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского с Швецией, проходившие в маленьком, сохранившемся до сих пор доме в деревне Кардис, «меж Колывани и Юрьева», то есть между Таллином и Тарту. Историк Борис Николаевич Флоря точно обозначил основные цели дипломатов царя Алексея Михайловича: «...в первой половине 1661 г. русское правительство последовательно держалось линии, намеченной уже ранее: ценой уступки завоеванных территорий заключить мир со Швецией и сосредоточить все силы на борьбе с Речью Посполитой за белорусские и украинские земли»<sup>[453]</sup>. В Посольский приказ приходили сведения о возможном сепаратном мире между шведами и поляками. Говорили, что поехавший для этого в Варшаву шведский посол Шлиппенбах утонул в море и только это спасло Московское государство от новой войны на два фронта. Очевидно, в Москве, как и в Варшаве, хотели освободить силы для более важного и еще отнюдь не законченного противостояния в Литве и землях Запорожского Войска. Возможностей как-то повлиять на шведскую сторону, не желавшую больше мириться с уступкой России своих территорий, не было. Кардисский мирный договор, заключенный 21 июня

(1 июля) 1661 года, признавал крах надежд России на утверждение в Ливонии. Все города, в которых несколько лет находились гарнизоны русских войск, необходимо было вернуть обратно.

Речь шла об «уступке» и «отдаче» в силу «сего вековечного миру и дружного договору» городов и земель, «взятых и завоеванных» в Лифляндии, а именно: Кокенгаузен, Юрьев Ливонский, Мариенбург, Адзель, Новгородок, Сыренск. Но наряду с этим московская сторона получила и признание нового царского титула, включая слова «всея Северныя страны победителя», «отчича и дедича Северных земель», на что раньше шведские дипломаты не соглашались. Царь Алексей Михайлович назывался в Кардисском договоре «Великим князем Литовским и Смоленским», а также «Полоцким, Витебским и Мстиславским», что закрепляло права на новый титул за ним и его наследниками. Обе стороны прямо договорились не оказывать помощи польскому королю и другим государствам в случае войны; при этом за царем Алексеем Михайловичем признавалось право на Великое княжество Литовское, Малую и Белую России и Малые Лифлянты (город Динабург и еще несколько других, находившихся на территории Великого княжества Литовского до их захвата шведами)<sup>{454}</sup>. Возобновлялись торговые отношения между государствами, купцам возвращались их дворы. (В связи с этим интересна судьба Шведского гостиного двора в Великом Новгороде, отданного в начале русско-шведской войны патриаршему Иверскому монастырю.

Оказалось, что новый «собственник» не слишком хорошо заботился о доставшемся имуществе, да еще после удаления из Москвы патриарха Никона. Поэтому двор пришлось сначала отремонтировать за счет казны, а потом вернуть шведским купцам<sup>{455}</sup>.) Статьи договора узаконили права прежних «зарубежских выходцов» времен русско-шведской войны и разрешали пленникам, принявшим православие, остаться в Московском государстве. Это положило начало значительному колонизационному потоку и расселению «корелян» и другого прежде подвластного Швеции населения в уездах Замосковного края<sup>{456}</sup>. Одновременно Кардисский мирный договор подтверждал все прежние договоры о мире или перемирии с Швецией — Тязвинский (1595), Выборгский (1609), Столбовский (1617), Валиесарский (1658), за исключением того, о чем обе стороны договорились в 1661 году. То есть сложные территориальные вопросы во взаимоотношениях двух стран по-прежнему были не решены, но лишь отложены.

Именно в те дни, когда решалась судьба договора со шведами, 30 мая

1661 года, в Москве родился еще один долгожданный наследник мужского пола — царевич Федор Алексеевич (он был крещен 3 июня)<sup>[457]</sup>. Его рождение могло оживить прежние разговоры о передаче царскому сыну прав на польскую корону, а значит, еще более утвердить дипломатов в правильности их позиции — мириться с шведским королем, чтобы продолжить войну с королем польским.

Польский король Ян Казимир находился под влиянием «счастливого года», как называют 1660 год в польской историографии, когда войска царя Алексея Михайловича были остановлены воеводой Стефаном Чарнецким. Год спустя король вознамерился совершить ответный «визит» в московские земли. Ради этого собирались войска, объявлялось о «посполитом рушении» — общем сборе войска, и сам король вышел походом в литовские земли. Однако здесь его ждали не готовые идти на новую войну солдаты, а конфедераты, заботившиеся прежде всего об уплате недополученного жалованья. Внутренние неурядицы и традиционные разногласия в польской и литовской элите были более чем на руку московской стороне. Оставшиеся в подданстве царя Алексея Михайловича казаки Левобережья продолжали удерживать вместе с московскими воеводами Киев, Переяславль, Нежин и Чернигов. Разговоры о том, что «не для чего» держать там московские войска, прекратились. В Киеве, правда, разгорелся серьезный конфликт между оставшимися после пленения боярина Шереметева воеводами окольных князем Юрием Никитичем Барятинским и стольником Иваном Ивановичем Чаадаевым. Царю Алексею Михайловичу пришлось вмешаться и убрать оставшегося главным воеводой князя Барятинского. Слишком уж он заботился о собственном обогащении, не останавливаясь перед тем, что посылал пустые реляции о якобы совершенных им походах на мятежных казаков. Стольник Иван Чаадаев, с которым Барятинский не хотел иметь никаких дел (сказывалось «враждотворное местничество»), напротив, всей своей последующей службой подтвердил репутацию настоящего служебника, и с отзывом в Москву князя Барятинского эксцессы прекратились.

В Литве московские войска сосредоточивались в Полоцке, где командовал боярин князь Иван Хованский. По-прежнему удерживался Вильно, а в Динабурге-Борисоглебове находился гарнизон под командованием думного дворянина и воеводы Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина (на последней стадии переговоров он был удален из Кардиса из-за своей бескомпромиссной и жесткой позиции). О желании польского короля Яна Казимира развить успех было, конечно, известно. Поэтому весной 1661 года князя Ивана Андреевича Хованского отозвали из

Полоцка в Псков, где поручили сформировать новую армию, на которую возлагалась главная надежда. К армии Новгородского разряда был придан и освободившийся от войны с Швецией «лифляндский» полк во главе с Ординым-Нащокиным. И здесь тоже разгорелся конфликт двух воевод, который пришлось гасить царю. Однако Хованского, несмотря на неудачу осады Ляховичской крепости и чувствительное поражение под Полонкой, заменить было нечем. Он продолжал пользоваться репутацией умелого воеводы, с которым противник вынужден был считаться.

Армия князя Хованского выдвинулась от Пскова и Опочки к Полоцку в конце июня 1661 года, а дальше получила приказ идти за Двину. Одновременно в начале августа 1661 года был отослан указ о походе из Смоленска в Вильно полка князя Петра Алексеевича Долгорукого, но, как написал историк О. А. Курбатов, это была только «демонстрация наступления». В любом случае в августе — сентябре московские войска выполнили приказ и укрепились на Западной Двине между Полоцком и Дисной. Когда 3(13) сентября 1661 года король Ян Казимир выступил в поход против московских войск в Литве, его уже встречали на линии полоцкой обороны полки Ивана Хованского и Афанасия Ордина-Нащокина. Королю так и не удалось договориться с бунтующим из-за невыплаты жалованья войском литовских конфедератов, и он отправился к Вильно, где возглавил осаду Верхнего замка, а верные королю воеводы отправились к Полоцку.

Ради того чтобы укрепиться за Двиной, королевские войска использовали тот же самый лагерь в 10 верстах от Дисны на Кушликовых горах, который построили русские войска (там даже остался брошенным материал для строительства мостов). Прекрасное знание диспозиции поначалу давало преимущество Хованскому, и он, по своему обыкновению, стремился решить исход сражений быстрым натиском. 8 октября ему удалось нанести существенное поражение маршалку литовских конфедератов Казимиру Жеромскому (известному своим отчаянным сопротивлением при взятии русскими войсками Вильно). В донесении князя царю Алексею Михайловичу в Москву говорилось только о победе, и другому воеводе — Афанасию Ордину-Нащокину пришлось вмешаться и более правдиво рассказать о начале боев. А они складывались не так удачно, как отчитывался перед царем боярин; очередное неподготовленное наступление стоило жизни командиру Второго выборного полка Якову Максимовичу Колюбакину и другим начальным людям.

Позицию у Кушликовых гор литовские войска смогли сохранить за собой. К литовским войскам Жеромского 22–24 октября подошли



присланные королем Яном Казимиром коронные войска «воеводы русского» Стефана Чарнецкого. Современный польский историк К. Косажецкий считает, что приход знаменитого полководца деморализовал царское войско и заставил его немедленно отойти. Однако встретившиеся под Кушликовыми горами главные военачальники — Стефан Чарнецкий и Иван Хованский — стоили друг друга и оба хорошо умели воевать. Отход русского войска со своих позиций нельзя считать бегством; Хованский действовал на опережение, стремясь ночью с 24 на 25 октября увести армию к Полоцку, где у нее было больше возможностей продолжить войну с королевскими силами. Войско отступало без всякой паники, маневр Хованского предупредил нетривиальный замысел Чарнецкого, стремившегося обойти русский лагерь. Хотя битва 25 октября у Кушликовых гор была проиграна, русская армия была спасена от полного разгрома<sup>[458]</sup>.

Князь Иван Хованский ушел сначала к Полоцку, а затем в Невель, где 19 ноября 1661 года получил указ царя Алексея Михайловича отойти на зимние квартиры в Великие Луки. Выборные солдатские полки возвращались в Москву, где их ждал торжественный смотр. Воевод и начальных людей, участвовавших в боях на Западной Двине, царь Алексей Михайлович «жаловал к руке», что было признанием их заслуг. Польский король, несмотря на слухи о его походе к московской границе, оставался под Вильно, где и была поставлена печальная точка в кампании 1661 года. Оборонявший Верхний замок воевода князь Данила Ефимович Мышецкий вел себя героически и даже был готов умереть с немногими людьми, взорвав замковую церковь в случае прорыва врага. Но его предали, связали и сдали крепостные укрепления 22 ноября (2 декабря) 1661 года.

Сохранился примечательный документ — духовная приговоренного к смерти князя Данилы Ефимовича Мышецкого, составленная 28 ноября. Он рассказывал, как отстоял город от «пяти приступов», называл имена изменников (одному из них, повару, будет потом приказано стать палачом), перечислял людей, сохранивших верность царю Алексею Михайловичу. Воевода знал, что его последнее письмо передадут родным, и на пороге смерти говорил только о выполненном долге: «Принял здесь смерть, исполняя великому государю кресное целование и напаятуя вас, не хотя вам и роду своему принести вечныя укоризны, чтобы вы службу мою напаятовали, а изменником не называли». Память о казненном «воеводушке» долго жила в Вильно, и еще в конце XIX века Помпей Николаевич Батюшков — публикатор духовной князя Мышецкого — вспоминал рассказы об обезглавленном призраке, расхаживавшем около



Виленского монастыря Святого Духа<sup>[459](#)</sup>.

Итак, после побед 1654–1656 годов последовали измены союзников в Войске Запорожском и тяжелые поражения под Конотопом, Чудновом, в Кушликовых горах и Вильно. Обе стороны уже исчерпали силы, но всё равно надеялись, что решающая битва еще впереди. Пока же в интересах как Московского государства, так и Речи Посполитой было начать переговоры о мире.

## «ВНУТРЕННИЕ ССОРЫ»

### «Белые» и «красные»

Неурядицы в Московском государстве начались еще до поражений в войне, и скрывать их далее было невозможно. Страна окунулась во «внутренние ссоры», как говорил об этом новый советник царя Афанасий Ордин-Нащокин. Самый яркий и известный пример — «Медный бунт» 25 июля 1662 года, свидетельствовавший об общем расстройстве дел. В свою очередь, случившиеся экономические потрясения стали следствием чрезвычайных военных лет и приближавшегося истощения ресурсов. В дни чудновской катастрофы, 17 октября 1660 года бояре в Москве по указу царя Алексея Михайловича должны были «разговаривать» с гостями, купцами и торговыми людьми, узнать их мнение о причинах распространения дороговизны и, конечно, определиться, как помочь войску. Обращение за советом к купцам было своеобразной заменой хорошо известных земских соборов. Война отменила эту форму представительства чинов Московского государства и учета их мнения по самым главным вопросам ведения войны, заключения мирных договоров и сбора чрезвычайных налогов. Служилые люди находились далеко от Москвы, воевали с неприятелем, поэтому не могли, как раньше, выбирать своих представителей на собор. Кроме того, с введением полков нового строя прежняя по-уездная структура организации дворянских корпораций, представлявших интересы служилого «города» (уезда), тоже стала анахронизмом. В то время как торговые люди, наоборот, сохраняли свое традиционное положение в русском обществе, они были «донорами» войны, только платили за нее не кровью, как дворяне, а налогами и чрезвычайными сборами с капиталов. Обращение к ним за советом — важный признак осознания трудностей, хотя другого способа, чем снова «нагрузить» население налогами, уже не видели.

Достаточно познакомиться с перечнем вопросов, предложенных купцам и торговым людям, чтобы понять масштабы нараставшего бедствия: «от чего на Москве и в городах перед прежним хлебу дорогая цена, и чем та дорогая цена мочно переменить, чтоб хлебу учинить цена мерная». Правительство больше всего беспокоили вопросы дороговизны хлеба — это же были основные съестные припасы для армии, державшейся сухарями! Но не только хлеб, но и мясо и другая еда тоже вздорожали:

«Также на Москве всякое съестное и скот перед прежним многим учало быть дороже, и чтоб сказали, от чего такие цены учинились?» С тем, чтобы насытить хлебный рынок, готовы были пойти на изменение принципов кабацкой реформы, начинавшейся еще в мирное время, при патриархе Никоне, с введения кружечных дворов для оптовой продажи «вина» (то есть водки) и устранения частных кабаков для борьбы с процветавшим пьянством. Десять лет спустя вынуждены были спрашивать представителей московского посада: «И будет изволит великий государь на кружечных дворах винную продажу отставить, и от того хлеб дешевле будет ли?»<sup>[460]</sup>

Торговые люди хорошо знали свое дело, их ответы содержали подробный экономический разбор. Первой причиной вздорожания хлеба назывались «недороды», но с природой ничего нельзя было поделать. Другие причины оказывались вполне рукотворными, речь шла об умножившемся винокурении: «от кружечных дворов, от многого винного куренья и пивных вар». Гости, купцы гостиной и суконной сотни, говорили также об отсутствии конкуренции из-за крупных скупщиков, или посредников, скупавших вязанный в снопах хлеб, прибавляя «многую цену». Едва ли не впервые в источниках XVII века прозвучало знаменитое слово «кулак» в ряду главных виновников хлебной дороговизны: «от многих закупщиков и кулащиков и вязщиков и от винных подрядчиков». Но дальше этого речи крупных купцов не шли, текущая война если и вспоминалась, то обиняками. Гости и купцы не могли умолчать об очевидном: весь хлеб, который ранее собирали на юге, в «украинных городах», и везли потом на продажу в Москву, теперь продавали «в черкасские городы». Такова была плата за Малую Россию в царском титуле.

Сходным образом причины дороговизны объясняли «московских черных сотен и слобод сотские и старосты» и другие «тяглые торговые люди» из Москвы. Как грань, за которой начались перебои с хлебом, они называли «моровое поветрие», то есть события второй половины 1654 года. До этого «хлеб к Москве привозили и хлеб был недорог»; потом множество людей умерло, «и лошадьми опали». А из оставшихся жителей столицы «многие люди на службе великого государя побиты, а иные и по се число служат». Посадские люди Москвы также обвиняли крупных перекупщиков, занимавшихся маклачеством (оптовиков), скупавших хлеб и другое «съестное», привозившееся в Москву: «к себе в лавки и в шалаши с возов ссыпают и продают по своей воле, как им перекупщикам надобно». Уже летом все зерно, которое привозили самым удобным речным путем по Москве-реке, пересыпалось прямо из стругов торговцев в струги оптовых торговцев, назначавших потом цены по своему произволу.

Самой же известной причиной финансовых неурядиц в Московском государстве стал выпуск в обращение знаменитых медных денег. «Красные» деньги дополняли хождение прежних «белых» — серебряных; они появились еще в самом начале русско-польской войны при проведении так называемой «денежной реформы 1654 года». По словам современного историка-нумизмата Сергея Викторовича Зверева, ее задачей «стало введение набора крупных и мелких номиналов, внедрение меди в качестве монетного металла, начало чеканки рубля, ориентированного на западноевропейский талер»<sup>[461]</sup>. Каково же было влияние этих мер на экономику, политику и, в конце концов, на повседневную жизнь людей?

Изначально все свидетельствовало о чрезвычайном характере денежной реформы, направленной на удовлетворение военных нужд. Начало реформы в мае 1654 года совпало с выступлением царя Алексея Михайловича в поход из Москвы. Тогда одновременно были приняты решения о выпуске новых серебряных и медных монет разных достоинств — предполагалось переделать в рубли почти 900 тысяч накопленных в казне европейских монет — талеров, по-русски носивших общее название «ефимков» (от «йоахимсталера» — наиболее распространенной серебряной монеты такого рода, выпускавшейся в Богемии в первой половине XVI века). Все талеры из государств Европы, привозившиеся западноевропейскими и своими купцами, с 1649 года принудительно выкупались государством в казну по цене 49–50 копеек и передавались на Денежный двор для переделки в серебряные копейки.

С началом денежной реформы 1654 года прежнюю чеканку надо было оставить, а немецкие ефимки использовать как заготовки для изготовления первого серебряного русского рубля. Следовало сбивать на талерах все изображения и клейма «наглатко» и «учинить на ефимках чеканы против денег». Вместе с чеканкой серебряных рублей принималось решение о создании медных полтинников и монет других номиналов. Инициатором чеканки медных денег барон Августин Мейерберг называл окольного и дворецкого, «управляющего всем монетным делом» Федора Михайловича Ртищева. Находясь уже на марше своего первого похода в Литву в мае 1654 года, царь рассматривал и утверждал первые образцы медных «алтынников».

Задуманная реформа была мерой вынужденной и носила явно конфискационный характер. С одной стороны, искусственно повышалась стоимость серебряных талеров, а с другой — правительство занялось выпуском билонных (суррогатных) медных денег. Собственной меди, как и серебра, в Русском государстве не было. В 1630—1640-е годы существовал

единственный Пыскорский медный завод у Соли Камской в землях Строгановых, но первые разведанные запасы быстро иссякли, поэтому медь приходилось по-прежнему закупать на ближайших рынках в Лифляндии, Курляндии и Швеции. Главный секрет медных денег состоял в том, что стоимость материала была во много раз ниже номинала. По подсчетам исследователей, она составляла всего лишь 1,2 процента на каждый рубль из медных монет. Можно также ориентироваться на свидетельство Мейерберга: «на каждые 160 копеек, выданных для покупки меди», казна наживала 100 рублей<sup>{462}</sup>. Выгода трудно постижимая, на ее фоне меркнет даже желание правительства царя Алексея Михайловича получить почти стопроцентную прибыль на выделке крупных серебряных монет, переделывая 50-копеечные европейские талеры в первые русские рубли!

Первоначально, вводя новые деньги в августе 1654 года, готовы были предупредить подданных о временном характере обращения таких денег — только на время войны: «...а как государева служба минетца и им те ефимки и полуетимки и четвертины ефимошные приносить в государеву казну, а им по государеву указу из государевы казны учнут выдавать мелкие деньги». Но слова эти были предусмотрительно вычеркнуты из окончательного текста указа, и сведения о подобных планах остались только в архивных документах. Это в дальнейшем уберегло инициаторов реформы от многих неприятностей.

Скоро выяснилось, что одного желания правительства немедленно получить большие средства было недостаточно. Возникло много организационных и даже технических проблем, начиная с отсутствия необходимых станков, которые трудно было переделать на выпуск крупных медных денег. Не оказалось мастеров, «кому молоты делать», да и на Денежном дворе резчик по металлу с особенной специализацией, «кому резать маточники и подчищать чеканы», нашелся «один человек». Поэтому в июне 1654 года удалось сделать всего две тысячи новых рублей (значительно больше получилось серебряных четвертаков, их было проще изготавливать, просто рассекая ефимок на четыре части, «хотя будут и не круглы»). Ну а дальше в Москву пришла чума, и даже те деньги, которые удавалось сделать, приходилось еще «перемывать» для дезинфекции, прежде чем они попадали в оборот. Расчет был, как справедливо писал выдающийся нумизмат Иван Георгиевич Спасский, на «покорность подданных», которых можно было заставить принять «неполноценную монету»<sup>{463}</sup>.

Первые крупные серебряные монеты, а также медные полтинники и алтынники сразу не «пошли». Они не вызывали никакого доверия, поэтому начался массовый отказ от их оборота. Еще в марте 1655 года правительство пыталось заставить принимать новые деньги в пошлины и при торговле разными товарами «безо всякого сумнения». Но одними указами консерватизм и любовь к старинной «копеечке» преодолеть было нельзя. Подьячий Григорий Котошихин описывал, что произошло вслед за выпуском первых крупных медных денег — «полтинников медных с ефимок»: «...и крестьяне, увидев такие в одну пору худые деланные денги, неровные и смешанные, не почали в го-роды возить сена и дров и съестных запасов, и почала быть от тех денег на всякие товары дороговь великая». Служилые люди хотя и получали полное жалованье, но вынуждены были закупать «всякие запасы и харч, и товары вдвое ценою», и от этого тоже «скудость почала быть большая». И «хотя о тех денгах был указ жестокой и казни, чтоб для них товаров и запасов никаких ценою не повышали, однако на то не смотрили». В итоге царь Алексей Михайлович увидел, «что в тех денгах не учало быть прибыли, а смута почала быть большая»<sup>{464}</sup>. Так под воздействием комплекса обстоятельств — неверный расчет, техническая неподготовленность, отказ населения от обращения новых монет и даже «моровое поветрие» — пришло решение скорректировать ход денежной реформы.

Замысел с выпуском крупных серебряных и медных монет не исчерпывался фискальными нуждами. В нем содержалось также решение важной политической задачи: после принятия «в подданство» казаков во главе с гетманом Богданом Хмельницким требовалось привести в соответствие монетные системы в Московском государстве и в Войске Запорожском. По замечанию И. Г. Спасского, «почти год был потерян, пока выкристаллизовалось новое решение задачи — обеспечить вовсе без серебра внутреннее обращение страны, а армию снабдить серебряной монетой, пригодной для платежей за старой государственной границей»<sup>{465}</sup>. С 1655 по 1659 год стали ходить «ефимки с признаками», получавшиеся путем надчеканки на европейских талерах лицевого штемпеля копейки и даты «1655». Их курс был равен уже не 100, а 64 серебряным копейкам, что означало понижение аппетитов казны: путем менее сложных технических операций с тем же талером из него извлекали только 28 процентов прибыли. Надчеканенный арабскими цифрами год по эре от Рождества Христова, конечно, прежде всего могли прочесть те, кто привык пользоваться таким летоисчислением в украинских и белорусских

землях Речи Посполитой, куда и хлынул основной поток ефимок. Когда чуть ранее вводили первый русский рубль, на нем чеканилась дата, приведенная по эре от Сотворения мира, принятой в Московском государстве, — «лета 7162». Сложность, однако, была в том, что в украинских и белорусских землях серебряные талеры продолжали цениться в 50 копеек, а на рынке ходили даже еще и более легковесные и дешевые серебряные ефимки — голландские левенталеры — «левки» (от изображенного на них льва).

Одновременно с 1655 года начался выпуск и традиционной мелкой медной монеты в одну и две копейки — «грошевики», а также полкопейки — «денги», ориентированные на внутренний рынок. Поначалу, при изобилии дешевых товаров, медная монета имела равное хождение с традиционными серебряными копейками. Весила медная копейка столько же, сколько и серебряная, вся разница состояла в материале. Даже критично описывавший историю введения медных денег подьячий Григорий Котошихин признавал, что «смута» прекратилась, когда мелкая медная деньга стала ходить «с серебряными заровно»: «и возлюбили те денги всем государством, что всякие люди их за товары принимали и выдавали». Чеканка медных денег безостановочно велась на нескольких дворах — с 1655 года на Старом и Новом медных денежных дворах в Москве, Пскове, Новгороде, а с 1659 года — еще на одном — Дворцовом денежном дворе в Москве, вероятно, располагавшемся на бывшем дворе Никиты Ивановича Романова на Никитской улице и в захваченной в Лифлянтах крепости Кукейносе (Кокенгаузен), оставшейся по Валиесарскому перемирию за Россией<sup>[466]</sup>.

Но фискальные идеи правительства царя Алексея Михайловича, стремившегося обеспечить финансами свои военные планы, «потонули» в чрезмерной криминальной предприимчивости вокруг выпуска медных денег. Когда речь идет о прибылях в сотни и тысячи процентов, перестают восприниматься доводы разума, забывается обо всем, кроме барышей. В аферу с подделкой медных денег втянулись тысячи людей, и их не остановила статья Соборного уложения о смертной казни для фальшивомонетчиков. Изготовителям поддельных денег, согласно закону, заливали в горло тот самый металл, с помощью которого они хотели обогатиться при жизни. Впрочем, если быть точным в описании страшных деталей казней, то в них использовалось олово, а не медь, которой не хватало, чтобы насытить потребности денежных дворов.

С конца 1658-го — начала 1659 года, как замечал исследователь денежной реформы царя Алексея Михайловича Константин Васильевич



Базилевич, произошел «критический перелом в обращении медных денег». Появился «лаж на медные деньги», то есть к цене медной монеты стали добавлять еще какую-то стоимость, чтобы уравнивать в цене «белые» и «красные» деньги. Со временем и само правительство царя Алексея Михайловича признает разницу в ценах на эти деньги, в документах можно встретить ссылку на «государев указ» о их обмене в 170-м (1661/62) году: «за серебряной рубль медных по три рубли». Правительство получало информацию о курсе из «сказок» «разных рядов» старост и торговых людей, каждые три месяца подававшихся в Приказ Большого прихода. В них резкий скачок «наддачи» за медные деньги фиксируется с 1 декабря 1660 года, когда «медные деньги вместо серебряного рубля ходили по два рубли». Уже через девять месяцев, с 1 сентября 1661 года, серебряный рубль стал стоить 3 рубля, но и такой курс продержался не больше трех месяцев; с 1 декабря 1661 года он ходил уже по 4 рубля, а дальнейшие изменения стали вовсе скачкообразными — 6, 8, и 10 рублей. Перед самой отменой медных денег курс достигал 15 рублей и выше<sup>[467]</sup>.

Медную «лихорадку» в России рубежа 1650—1660-х годов лучше всего описал Григорий Котошихин. Началось все с того, что заметили увеличение поддельных медных денег и стали ловить тех, кто ими расплачивался: «...и в скором времени на Москве и в городех объявились в тех медных денгах многие воровски, и тех людей хватили и пытали всячески, где они те денги имали». Однако чаще всего схваченные с фальшивыми деньгами люди оказывались не виноваты, «они в денежном воровстве не винулись, а сказывали, что от людей имали, в денгах не знаючи». Ну а дальше началось изготовление не только фальшивых денег, но и чеканов, которыми можно было делать деньги, как их точно называл Котошихин, «своего дела». Виновных в фальшивомонетничестве нещадно пытали и казнили, «кто до чего довелся», прибавали отсеченные руки «у денежных дворов на стенах», изымали на царя всё имущество, «однако те люди на такие великие мучения и смерти и разорения не смотрили, делали такие воровские денги аж до скончания тех денег; и мало кто ис таких воров не пойман и не казнен».

Барон Августин Мейерберг писал, что стоимость только легально выпускавшихся медных монет доходила до 20 миллионов рублей, не считая фальшивых денег — как ввозившихся из-за рубежа, так и чеканившихся «самими москвитянами с подлинными клеймами». Здесь речь шла уже не об обычных фальшивомонетчиках, а о «промышленной» подделке денег самими придворными, кому было поручено наблюдать над выпуском новой монеты. По слухам, один только боярин Илья Данилович Милославский

«старался выбить ее для себя на сто двадцать тысяч рублей». В декабре 1661 года в темницах под следствием содержалось «до сорока тайных литейщиков медных копеек». Сходным образом и Григорий Котошихин писал о подозрениях в отношении царского тестя боярина Милославского, а еще двоюродного брата царя Алексея Михайловича думного дворянина Афанасия Матюшкина. Именно через «посулы» этим царским придворным и близким родственникам многие «богатые люди», разбогатевшие на подделке денег, «откупались от бед»<sup>[468]</sup>.

Искусственная девальвация денег имела классические экономические последствия — подорожание хлеба и товаров, колебание цен. Мейерберг писал, что цена пшеницы выросла в 14 раз, «да и все прочее из съестного и одежды» продавалось «по очень высокой цене». Заметил он и прорывавшееся недовольство в адрес «думных людей», которых винили в происходящем. Меньше известно о влиянии расстроенного денежного обращения на поражения русского правительства в украинских землях. Медная монета туда тоже проникала, так как ею выплачивалось жалованье ратным людям. Только в 1661/62 году, как установил К. В. Базилевич, в полк князя Григория Григорьевича Ромодановского в Белгород, воевавший в «черкасских городах», было отправлено 510 тысяч рублей медными деньгами<sup>[469]</sup>. Однако как только воины царской армии оказывались с этими деньгами за границей, они ничего не могли купить. На территории Войска Запорожского население не только не принимало медные деньги, но и закапывало хлеб и товары в землю, чтобы они не достались царским войскам. В таких условиях думать о какой-либо значимой поддержке действий царских войск на Украине уже не приходилось.

Правительство, конечно, стремилось остановить пугающий галоп курса медных денег. В ряду таких мер можно вспомнить настойчивые попытки поиска медной и серебряной руды. Где искать металл, примерно знали, основываясь на первых удачных поисках «рудознатцев», служивших у Строгановых в Перми и Соли Камской. Но мастеров, умевших искать руду, найти было сложно. Действовали по привычке, указами воеводам. Например, при начале выпуска медных денег в 1654 году в сибирскую столицу Тобольск был послан пуд меди для образца, чтобы искать руду для ее производства. Воеводы должны были самостоятельно рассылать «по многим местам» своего уезда «дворян и детей боярских добрых, да с ними рудознатцев и иных мастеровых людей, кто медную руду знает». Организованный такими административными методами поиск не дал никаких результатов, но направление действий правительства

определилось на долгое время.

Вступление в войну и более пристальное знакомство с устройством соседних государств и их экономикой объяснили значение металлургических ресурсов. Сохранилась записка о поисках руды и заведении заводов для выделки золота, серебра, меди, свинца и олова, датированная 1660-ми годами. Ее авторы были убеждены в экономической целесообразности выпуска собственного металла и писали царю Алексею Михайловичу: «Нелзя, государь, того прибыльные быть Российскому государству, как бы дал Бог розные рудяные заводы». Неизвестные авторы документа, хорошо знакомые с организацией «железного» дела, выстраивали целую программу действий для всех уездов Русского государства: от поиска руды до начала производства. Для примера приводился «зарубежный опыт», как было организовано дело в Швеции: «А как бы, государь, в Свие не розные были заводы — серебряные и медные, и железные, и сера горячая, не столь бы богата была». В противоположность тому, что казна терпела убытки из-за отсутствия собственного производства железа: «А в Московское государство, государь, привозят из иных государств железо и медь и против того из Московского государства вывозят много всяких русских товаров»<sup>[470]</sup>.

Откликаясь на приходившие сведения об обнаружении в разных местах возможных признаков добычи серебра, 24 мая 1661 года Тайный приказ отправил дьяка Василия Григорьевича Шпилькина с наказом сыскивать серебряную руду в Двину, Кевролу и Мезень; ему же поручили посылку «и за Печеру на реку на Цыльму». «Искать руды серебряной» взялись и в Тульском уезде, следуя устному распоряжению царя, дьяк Тайного приказа Дементий Минич Башмаков, выдал наказ об этом 24 сентября 1661 года<sup>[471]</sup>. Несколько печей для выплавки серебра на тульском серебряном заводе все-таки было построено, но изготовить большие объемы металла нужного качества так и не удалось.

Пока же снова и снова обращались с запросами к торговым людям, чтобы у них узнать способы приведения в порядок расстроенного денежной реформой торгового оборота. Новые «сказки» собирались несколько раз в течение всей первой половины 1662 года, их тексты еще в XIX веке были опубликованы Александром Николаевичем Зерцаловым. Всё дело было в медных деньгах, хождение которых стало невыгодно. Люди приберегали еще остававшиеся серебро и товары, а если что-то и покупали из немногих оставшихся «немецких товаров» на медные деньги, то вся выручка шла на еду. «В таком дорогом хлебе и всяком харче, —

предупреждали в «сказках», — недалеко и до «конечные нищеты». Доходило до прямой ненависти к тем, кто еще продолжал торговать: «Да мы ж ныне торговые люди сверх того от не рассуждения стали возненавидены ото всех чинов за тое товарную продажу».

Производство ряда товаров традиционного для Русского государства экспорта — соболей, юфти (выделанной кожи), пеньки, смолы, поташа и говяжьего сала при этом только увеличивалось, истощая ресурсы. Авторы одной из «сказок» прямо просили отставить будные заводы (майданы, открытые площадки в лесу) для выделки поташа и промысла «смалчуга» (дегтя): «От тех будных заводов учинилось в его государеве державе великое оскудение воску и меду и всякому зверю», а также «хлебу, и всякому харчу, и одежды и обуви». Объяснение этому парадоксу простое: торговать ликвидными товарами бросились все, включая «духовный», «воинский» и «судебный» чины. Торговые люди предлагали установить государственную монополию на торговлю экспортными товарами и поручить крупные оптовые продажи им самим, а они бы уже наполняли казну золотом и серебром, за счет установленных высоких пошлин.

Традиционно обвиняли и тех, кто делает «воровские деньги». Но «сказки» об этом было велено принимать боярину Ивану Даниловичу Милославскому и окольничему Родиону Матвеевичу Стрешневу — а ведь именно к царскому тестю, наблюдавшему за выпуском медных денег, и было больше всего претензий, его и подозревали в участии в выпуске фальшивых денег! Не был услышан и призыв гостей и торговых людей к созыву нового Земского собора: «То дело всего государства всех городов и всех чинов»; царя Алексея Михайловича просили «взять изо всех чинов на Москве и из городов лутчих людей по 5 человек». Только через представительство разных чинов можно было решить накопившиеся проблемы: «а без них нам одним того великого дела на мере поставить невозможно»<sup>[472]</sup>.

Из всех предложений торговых людей правительство царя Алексея Михайловича выбрало только выгодную для казны монопольную торговлю заповедными товарами и новые правила взимания пошлин. Такая «нечувствительность» к общественным неурядицам вскоре была наказана новым бунтом в Москве.

### **«Коломенский шум»**

Все финансовые и даже военные неурядицы померкли перед

событиями 25 июля 1662 года, когда царю Алексею Михайловичу пришлось пережить настоящий шок и унижение и вернуться к уже основательно забытым временам московского «гиля», случившегося в начале его царствования.

Конечно, за прошедшие 14 лет многое изменилось. И царь Алексей Михайлович действовал по-другому, и все нити управления он уже крепко держал в своих руках. Поколение первых советников царя к тому времени стало уходить из жизни. 1 ноября 1661 года умер боярин Борис Иванович Морозов. Судя по надписи на могильной плите, боярин носил крестильное имя Илья — «преставися раб Божий боярин Илия Иванович Морозов, зовомый Борис»<sup>[473]</sup>. По влиянию на царя Алексея Михайловича рядом с царским воспитателем больше никогда и никого нельзя было поставить...

Жизнь в царском дворце шла своим чередом, и новое восстание жителей Москвы мало что предвещало. 1 апреля, во вторник на Светлой неделе, когда праздновались именины царицы Марии Ильиничны, Алексей Михайлович устроил праздник царицыного «новоселья». 28 мая «за два часа до света» родилась царевна Феодосия Алексеевна. Царь послал известить о рождении дочери даже патриарха Никона в Воскресенский монастырь.

С начала лета 1662 года Алексей Михайлович был занят обычными делами в Москве. Он проводил смотры служилых людей и жаловал «к руке» воевод, делал распоряжения об отправке войск в Смоленск, Севск и Великий Новгород. 8 июля на летний праздник иконы Казанской Богоматери царь посетил крестный ход (четыре года назад патриарх Никон тщетно ожидал царского выхода к Казанской церкви). Не забывал Алексей Михайлович и о любимой охоте, часто выезжая «тешитца в поле». А потом уехал в подмосковное Коломенское с царицей Марией Ильиничной и с детьми, среди которых была и новорожденная дочь Феодосия. В «Дневальных записках» Тайного приказа время отъезда царя в Коломенское не указано, только на полях приписано к дате 16 июля: «Того же дни государь изволил итить в поход совсем». Эту дату приводят и дворцовые разряды, где также говорилось о государевом походе в Коломенское. Москва, как обычно, была поручена в управление боярам; боярскую «надворную» комиссию возглавил недавно назначенный судья Владимирского судного приказа боярин князь Федор Федорович Куракин, а с ним управлять делами в отсутствие царя в столице были оставлены целых шесть царских окольничих и думный дьяк Ларион Лопухин. Известно также, что царь приезжал в Москву из Коломенского на один день 20 июля для участия в крестном ходе к церкви Ильи Пророка «за Ветошным

рядом»<sup>[474]</sup>. Словом, обычное лето, не предвещавшее никакой беды.

События «Медного бунта» начались в пятницу, 25 июля, «в третьем часу дни», по тогдашнему счету времени суток — то есть около 8 часов утра, по нашему. Оставленные ведать Москву в отсутствие царя боярин князь Федор Федорович Куракин с товарищами узнали, «что на Покровке да на Устретенке прибиты воровские письма». Указ снять письма, как и положено, был послан в Земский приказ — своеобразную московскую полицию XVII века, исполнить его должны были второй судья Семен Васильевич Ларионов (его служба в приказе только-только началась с июля) и дьяк Афанасий Башмаков. В Москве же к Земскому приказу во главе с думным дворянином Прокофием Кузьмичом Елизаровым было огромное недоверие из-за слухов о том, что он покровительствует разбойникам, откупавшимся от наказания<sup>[475]</sup>. Поэтому услышавшие об «измене» жители Москвы ничего не позволили сделать представителям Земского приказа. Письмо было снято и принесено к боярам с требованием передать его царю.

Документальный след событий «Медного бунта» достаточно велик, чтобы оценить драматизм событий. Сохранились также известия нескольких мемуаристов, живших в то время в Москве: подъячего Посольского приказа Григория Котошихина, шотландского офицера Патрика Гордона, имперского посла Августина Мейерберга (хотя он и покинул столицу еще весной 1662 года, но летом находился в Смоленске, куда быстро дошли сведения о московских волнениях). Со временем события «Медного бунта» и последующая расправа с восставшими были досконально исследованы историками<sup>[476]</sup>.

Именно из следственных дел (а их было не одно, а несколько, и не все из них сохранились) можно получить наиболее точную информацию о происходивших в Москве событиях 25 июля 1662 года.

Уже через несколько часов после появления прокламации в Земский приказ была подана «сказка» сотского Павла Григорьева, в чьи обязанности как раз и входило следить за порядком на территории Сретенской сотни (документ был впервые обнаружен и опубликован историком Виктором Ивановичем Бугановым): «Шел он, Павел, в город из двора своего, и как будет у Стретенской решотки, и у решотки де у столпа прилеплено воском письмо, написано на дву столицах, чтут многие люди. А он де, соцкой, чел то письмо, а написано де в том писме изменниками боярина Илью Даниловича Милославского да окольничих Ивана Михайловича Милославского да Федора Михайловича Ртищева да гостя Басилья



Шорина». Изъять письмо были посланы судья Земского приказа Семен Ларионов и дьяк Афанасий Башмаков, с которыми отправился и сотский Григорьев. Однако собравшиеся люди подметный «лист» у них отняли и принесли его толпой царю Алексею Михайловичу в Коломенское<sup>{477}</sup>.

На следствии выяснилось, что зачинщиком «воровства» стал посадский человек Сретенской сотни, десятский Лука Жидкий. Однако из его показаний следовало, что в столь раннее время, «в другом часу дни» 25 июля, он оказался «на Сретенской на Большой улице» по мирским делам: «был у них у мирских людей, меж собою совет о пятиной деньге» (эта деталь лишний раз показывает, что «сказки» гостей, торговых и посадских людей, которые правительство царя Алексея Михайловича собирало в начале 1662 года, предварительно обсуждались, образно говоря, «на улице»)<sup>{478}</sup>. Уже «идучи от Никольских ворот Сретенскою», Лука услышал «на Лубянке де у столба письмо приклеено». Прибывшие «дворянин да дьяк» «то писмо взяли», однако отвезти его на Земский двор им не дали. «И миром де хотели у них то писмо отнять», — показывал Лука Жидкий, поэтому дьяк Афанасий Башмаков счел за лучшее отдать письмо сотскому Павлу Григорьеву, тот передал его своему подчиненному — десятскому, а сам ретировался. После чего, признавался Лука Жидкий, «и миром, де, ухватя ево с тем письмом, отвели в Коломенское. А в Коломенском де то письмо подал он великому государю».

Естественно, что эти показания, имевшие отношение к приходу толпы жителей Москвы в Коломенское к царю Алексею Михайловичу, интересовали следователей в первую очередь. У десятского Луки Жидкого хотели подробнее выяснить: «В которое время он в Коломенском то письмо великому государю подал, и как ис Коломенского к Москве прошол, а их братья многие в то время переиманы, и хто иные из Коломенского с ним к Москве шли?» Отвечая на эти вопросы, десятский сказал: «...письмо де он в Коломенском подал великому государю у церкви на нижней паперти, а было у него то письмо в шапке».

Оказалось, что подметный «лист» был не просто обнаружен на Лубянке, но его еще несколько раз читали вслух в Москве, «объявляли» в народ. Так выяснилось имя еще одного заметного участника событий — стрельца Кузьмы Нагаева, служившего в приказе самого Артамона Матвеева. О нем рассказал на допросе в Московской сыскной комиссии все тот же сретенский сотский Павел Григорьев. По его показаниям, когда судья и дьяк Земского приказа то подметное письмо взяли «и миром почали кричать, чтоб то письмо у них отнять», сретенский сотский узнал



кричавшего «во весь мир на все стороны, чтоб миром за то постояли», стрельца Кузьму Нагаева. Сотскому стали угрожать и приказывать, «чтоб он то письмо... взял, а не возьмет, и ево прибьют камнем». Дальше, как уже известно, судья и дьяк ретировались, а «ево де, Павлика, с тем письмом миром привели на Лубянку к церкви преподобного Феодосия и взвели на крыльцо, а вел де ево, взяв за ворот, стрелец Куземка Нагаев». Как видим, Павел Григорьев отчаянно пытался убедить следователей в своей лояльности, в том, что он действовал по принуждению. Но стрелец Кузьма Нагаев показывал, что сретенского сотника насильно за ворот никуда не тащил, а признавался только в участии в событиях у церкви Феодосия Печерского. Увидев «письмо», вывешенное на сторожевой решетке у Лубянки, Кузьма сначала забежал на кружечный двор: «И, пив он на кружечном дворе вино, пришел на Лубянку к церкви преподобного Феодосия, и то письмо от решотки отнято, и дали ему миром прочесть вслух, а кто дал не знает».

Логика в действиях собравшихся москвичей была. Сотник Павел Григорьев важен для восставших, потому что представлял выборных от посадского мира, в его руках и оказалось «письмо» с обвинениями в «измене» боярам и окольным из царского окружения. Следующий шаг — чтение этого письма в «мир» с паперти Феодосиевской церкви на Лубянке. Первым это сделал подогретый винными парами стрелец Кузьма Нагаев: он взял на время письмо у сотского и, «став на лавке, чол всем вслух и кричал в мир, чтоб за то всем стоять». Потом сцена повторилась, когда с письмом об «изменниках» толпа пошла в Земский приказ (им всего-то надо было пройти Никольскую улицу). У Казанской церкви рядом со старым Земским двором на Красной площади зачитывать письмо попытались заставить самого Павла Григорьева, но он отказался, даже после того, как его «поставя на скамье, велели то письмо ему чести». Тогда стрелец Кузьма Нагаев снова «чол всем вслух и кричал, что миром за то стоять». Какой-то неизвестный подьячий, оказавшийся в это время у Земского двора, прочитал «письмо» еще раз, «на другую сторону», чтобы его слышали все. Сотский Павел Григорьев, воспользовавшись обстоятельствами, посреди «шума» и всеобщего возбуждения, «убояся смерти», «отпросился на сторону, а то письмо у подьячево приказал взять своей сотни десяткому Лучке Житкому». Ему и предстояло донести послание «мира» в своей шапке до самого царя Алексея Михайловича в Коломенское<sup>[479]</sup>.

Стихия бунта сразу вовлекла в него множество людей, еще утром и не помышлявших ни о каком выступлении. Следственное дело оказалось срезом повседневной жизни одного летнего дня в Москве в 1662 году.

Многие шли по своим делам и даже не подозревали, что этот день изменит их жизнь навсегда. Одним из таких случайных участников «Медного бунта» был нижегородский сын боярский Мартьян Богданович Жедринский. Именно через него десятский Лука Жидкий передал «подметное» письмо, когда тот стоял напротив царя Алексея Михайловича. В глазах возмущенного «мира» уездный дворянин Жедринский мог выглядеть представителем еще одного чина на земских соборах. «Ив Коломенское перед великим государем то письмо подносил, — показывал Жедринский, — а у какого человека с шапкою взял и к великому государю поднес, а того человека он не знает».

Мартьян Жедринский давал свои показания после первых казней в Москве и понимал, чем ему грозило участие в выступлении московского «мира». Поэтому он сразу предпочел покаяться: «А что де он говорил, чтоб государь изволил то письмо вычесть перед миром и изменников привести перед себя, великого государя; и в том де он перед великим государем виноват». Бояре приговорили Мартьяна к «казни» и допросили еще раз «с пристрастием». Из его допросных речей узнаём приметы единственного оставшегося неузнанным участника событий, про которого, наверное, следователи царя Алексея Михайловича хотели узнать больше всего. Рядом с Жедринским и Лучкой Жидким перед государем стоял и говорил еще какой-то человек «в однорядке вишневой», сказавшийся рейтаром. Похоже, что именно ему и удалось подтвердить оскорбительным для царской чести рукопожатием договоренности царя с «миром».

Тем временем, узнав о начавшихся волнениях, одни посадские люди бежали на Красную площадь, ближе к Кремлю, другие стали грабить дворы «изменников», названных в подметных письмах. Служилые люди, повинувшись долгу, стремились скорее попасть в место расположения своих полков, но вестовая служба через барабанщиков не сработала, кто-то остался в Москве, кого-то события «утянули» в Коломенское. Один из лишенных потом звания и сосланных командиров, князь Данила Кропоткин, показывал, что «салдаты де учинились непослушны, многие к съезжему двору с ним не пошли, а пошли к Серпуховским воротам, а сказали ему, что там полк збираетца»<sup>[480]</sup>. Про солдат даже говорили, что они выгоняли торговцев из лавок, приказывая им сворачивать торговлю и идти бить челом царю.

Совершенно иначе, чем в Москве, выглядели эти события в Коломенском, где еще накануне готовили именинные пироги. Утром 25 июля царь Алексей Михайлович был на службе в церкви Вознесения в честь именин своей сестры — царевны Анны Михайловны. В ожидании

традиционной раздачи подарков в Коломенском собирались члены Думы и Государева двора. В этот момент они и увидели огромную толпу людей, двигавшуюся из Москвы. Царя и его семью, конечно, охраняли стрельцы, но что могла сделать царская охрана в несколько сотен человек с многотысячной толпой? «Мятежники», по свидетельству Патрика Гордона, «толпою вышли из Серпуховских ворот. Их было около 4 или 5 тысяч, без оружия, лишь у некоторых имелись дубины и палки. Они притязали на возмещение [убытков] за медные деньги, соль и многое другое». Уже было известно о «листах», расклеенных в разных местах в столице, и о том, что какой-то «стряпчий» читал перед Земским двором «лист, содержащий их жалобы»; назывались и «имена некоторых особ, коих они мнили виновными в злоупотреблениях», после чего прозвучал призыв ко всем идти к царю и добиваться возмещения, а также голов дурных советников.

Первым делом царь Алексей Михайлович позаботился о том, чтобы спасти семью, царицу Марию Ильиничну и детей. Царице было тяжелее всего, имя ее отца боярина Ильи Даниловича Милославского звучало первым в ряду тех «изменников», кого требовали выдать на расправу. Не случайно подьячий Григорий Котошихин писал, что царица почти год не могла оправиться от произошедшего. По рассказу Котошихина, Алексей Михайлович решил сам встретить челобитчиков, предварительно укрыв семью и близких бояр: «...и увидел царь из церкви, идут к нему в село и на двор многие люди без ружья, с криком и с шумом; и видя царь тех людей злой умысл, которых они бояр у него спрашивали, велел им сохраниться у царицы и у царевен, а сам почал дослушивать обедни». Психологически это был безупречно выверенный ход. Нарушить царскую молитву толпа не могла: существовал прямой запрет на подачу челобитных царю в церкви. Требовалось время и для того, чтобы лучше организовать охрану семьи: «...а царица в то время, и царевичи, и царевны запершися сидели в хоромех в великом страхе и в боязни». Все дальнейшее надо воспринимать с учетом этого главного обстоятельства.

Как писал Котошихин, царю все равно пришлось прервать службу и выйти к людям, самовольно объявившимся в Коломенском для подачи челобитной царю «о сыску изменников» и просившим «тех бояр на убиение». Страх 1648 года возвращался, только опасность была еще сильнее, так как царь и его семья находились в пригородном дворцовом селе, а не под охраной кремлевских стен. И Алексей Михайлович вступил в переговоры с мятежниками — «уговаривал их тихим обычаем»! Царь стремился успокоить толпу и вернуть ее назад в город, обещая «кой час отслушает обедни, будет к Москве и в том деле учинит сыск и указ». Тут и

произошла немыслимая ранее сцена, ярко описанная Григорием Котошихиным: «И те люди говорили царю и держали его за платье за пугвицы: «Чему де верить?»; и царь обещался им Богом и дал им на своем слове руку, и один человек ис тех людей с царем бил по рукам, и пошли к Москве все; а царь им за то не велел чинити ничего, хотя и было кем противитися».

Можно представить, сколько потом разговоров ходило об этом «рукопожати» с царем Алексеем Михайловичем! Первый и единственный раз кому-то из подданных удалось «бить по рукам» с самим царем! Но наивная надежда на крепость такого «договора» жила недолго. Алексею Михайловичу удалось отвести удар от семьи и выиграть время для организации своей охраны. Были отданы соответствующие приказы, и в Коломенское скорым маршем двинулись стрелецкие полки верного друга Артамона Сергеевича Матвеева и Семена Федоровича Полтева. Патрик Гордон тоже пытался самостоятельно пройти в Коломенское, но не смог, все «дворцовые аллеи», по его свидетельству, были запружены восставшими, и ему пришлось ретироваться, чтобы не попасть в плен. Встретившись на обратной дороге со стрелецкими полковниками, спешившими в Коломенское, Гордон не мог не заметить, что их полки основательно поределели. Так же как и стоявший у Кожуховского моста Первый выборный полк Агея Шепелева, «ибо многие из его солдат участвовали в бунте».

Первая волна челобитчиков стала расходиться. Теперь надо было прекратить беспорядки. В дело был брошен неожиданно оказавшийся в то время в Коломенском боярин князь Иван Андреевич Хованский, о военных делах которого в Литве все так много слышали. Именно ему царь Алексей Михайлович «велел на Москве уговаривать, чтобы они смуты не чинили и домов ничьих не грабили». Царь подтверждал через князя Хованского, что приедет в Москву «для сыску того ж дни». С Хованским никаких счетов у московского мира быть не могло, поэтому ему говорили: «что де ты, Хованской, человек доброй, и службы его к царю против польского короля есть много и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал головою изменников бояр, которых они просят».

В Москве тем временем толпа разграбила двор гостя Василия Шорина, «которой собирал со всего Московского государства пятую денгу». Сам купец успел спрятаться на дворе боярина князя Якова Куденетовича Черкасского, а его пятнадцатилетнему сыну Борису пришлось самостоятельно искать спасения, «пострашась убийства, скиня с себя доброе платье, вздел крестьянское и побежал с Москвы». Но его поймали и

заставили оговорить отца, якобы тот «побежал в Польшу вчерашнего дня з боярскими листами». Теперь уже вторая волна челобитчиков, которых было также «болши 5000 человек», пошла «к царю в поход», ведя с собою младшего Шорина. По дороге они увлекали обратно начавших расходиться людей, уже передавших царю первое «письмо».

Был разграблен и двор гостя Семена Задорина. Но такие действия, в глазах правительства, были уже полностью незаконны. Как пишет Котошихин, как только толпа снова ушла в Коломенское, остававшиеся в городе войска быстро взяли под охрану городские ворота, больше никого не впуская и не выпуская из Москвы. С этого-то момента и начинается по-настоящему «Медный бунт». Царь Алексей Михайлович выехал навстречу и новым челобитчикам, пытаясь уговорить их разойтись. Приведенного ими в Коломенское Бориса Шорина царь приказал «отдать на вахту», но толпа жаждала крови: «почали у царя просить для убийства бояр, и царь отговаривался, что он для сыску того дела едет к Москве сам».

Отказ царя подогрел страсти. Из толпы стали выкрикивать разные оскорбительные слова: «...и они учили царю говорить сердито и невежливо, з грозами: будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами по своему обычаю». Такое сопротивление своей воле царь Алексей Михайлович не стал терпеть. В Коломенское уже подошли два верных ему стрелецких приказа, и охрана царя получила приказ начать расправу: «тех людей бита и рубити до смерти и живых ловити»<sup>[481]</sup>.

Внезапному переходу от привычного миролюбия и «тихого обычая» к прямой расправе с челобитчиками есть объяснение. Всё это время рядом с Алексеем Михайловичем находилась семья, и опасения за ее судьбу — особенно после того, как новые челобитчики повели себя отнюдь не миролюбиво, — заставили его отдать прямой приказ о преследовании и казни участников бунта.

В записках барона Августина Мейерберга приводится показательный рассказ о давлении толпы на царя. Якобы царь Алексей Михайлович был готов поручиться женою и сыном, что исполнит обещание о сыске. Как объяснял мемуарист, эти слова были восприняты как царская слабость, и они «еще смелее принялись за наглости, не воздерживаясь от ругательных слов на царицу». (Это выглядит правдоподобным: ведь главной целью мятежников был отец царицы Марии Ильиничны боярин Илья Данилович Милославский.) Вот тут уже царь Алексей Михайлович и «вспылил», бросив охране слова: «Избавьте меня от этих собак!»<sup>[482]</sup>

Подробностей о том, как разгоняли восставших, сохранилось мало.

Приходится опять обращаться к известию Григория Котошихина о массовых расправах с безоружными челобитчиками, которые «почали бегать и топиться в Москву реку». Утонуло больше ста человек, а «пересечено и переловлено болши 7000 человек, а иные розбежались». Из пойманных, по сведениям Котошихина, «около того села повесили со 108 человек», «а иным пущим вором того ж дни в ночи учинен указ: завязав руки назад, посадя в болшие суды, потопили в Москве реке».

Картина страшная, тем более что, по свидетельству Котошихина, «не все были воры, а прямых воров болши не было, что с 200 человек», остальные — «невинные люди», шедшие «за теми ворами смотреть, что они, будучи у царя, в своем деле учинят». Котошихин перечисляет тех, кто был «в том смятении»: «люди торговые и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские люди», особенно подчеркивая отсутствие среди участников бунта «поляков и иных иноземцев», хотя их «на Москве множество живет», а также «гостей и добрых торговых людей»<sup>[483]</sup>.

Документальных свидетельств о подавлении «Медного бунта» в окрестностях Коломенского стрельцами полков Матвеева и Полтева во второй половине дня и ночью с 25 на 26 июля не сохранилось. Наверное, их и не могло быть: сказывалось ожесточение бунта, а стрельцы должны были оправдаться за провал царской охраны в Коломенском. Опомнились от потрясений только на следующий день. Царь Алексей Михайлович сам взялся за сыск. 26 июля был назначен глава следствия в Москве — боярин князь Алексей Никитич Трубецкой, которому подчинили не слишком хорошо проявившего себя в событиях бунта боярина князя Федора Федоровича Куракина (он задержал отсылку к царю в Коломенское полка Агея Шепелева и других войск и ждал до последнего царских указов, чтобы не брать на себя никакой ответственности). Трубецкому приказали первым расследовать дело о поимке стрелецким полугодовой Василием Баранчевым «воров и мятежников с грабежными животы», то есть с поличным на дворах гостей Шорина и Задорина. Грабителей следовало после розыска казнить как самых опасных преступников: «И вы б тех воров, пущих заводчиков и людей боярских по своем [у] розсмотренью *по прежнему нашему великого государя указу* (подтверждение идущих от царя разрешений на казнь. — В. К.) велели вершить около Москвы по всем дорогам»<sup>[484]</sup>.

Сразу же приняли меры по успокоению войска в Новгороде, Севске, Смоленске и других городах, куда могли дойти слухи о московских

событиях. Уже 26 июля в полки была отослана составленная наспех грамота, где рассказывалось, что в столице все спокойно: «В нашем царствующем граде Москве собрався воры розных чинов, худые людишка, учинили мятеж и учили было дома грабить, а иные пришли к нам великому государю в село Коломенское и учили бить челом с большим невежеством». Главное, о чем спешили уведомить полковых воевод, что «наши великого государя всяких чинов ратные и торговые и земские люди к тому их воровству никто не пристали», а из тех немногих, кто «невежеством» приходил к царю в Коломенское, велено было найти «пущих заводчиков» и по царскому указу и боярскому приговору «казнить смертью», остальных же примерно наказать: «а иным чинить жестокое наказание без пощады и сослать в ссылку в дальние города на вечное житье»<sup>[485]</sup>.

26-го же числа в Москве на Лубянке и «Болоте» состоялись первые казни. Именно участники грабежей стали главными виновниками царского гнева. В отличие от расправ накануне, здесь уже все зафиксировано документально; глава комиссии послал царю Алексею Михайловичу полный отчет о своей деятельности. В отписке подсчитаны все люди, попавшие под следствие и приговоренные к казни. 98 человек были «переиманы на дворах у гостей у Василья Шорина, у Семена Задорина воры, которые животы их грабили». Царь еще раз подтвердил указ о «вершении» воров, приказав устроить показательную казнь (словесный указ был передан через думного дворянина Ивана Афанасьевича Прончищева): «ис тех воров повесить десять или двадцать человек». Комиссия боярина князя Трубецкого докладывала, что повесили 20 человек, разделив их на две группы: «половину» (на самом деле семь человек) — «в Белом городе на Лубянке» (там начинались события), «а другую за Москвою рекою на Болоте», где располагалось традиционное место казней<sup>[486]</sup>.

Розыск по «Коломенскому делу» продолжался еще долго, но по мере того, как проходило время, царский гнев остывал. Наказание «бунтовщиков» было жестоким, но их больше не вешали и не топили в реке без всякого суда, а по решению следствия рубили им ноги и руки, отсекали языки и оставляли жизнь, если существование в приживальщиках у «родимцов», на которое их обрекали, можно назвать жизнью. Самое тяжелое наказание последовало для стрельца Кузьмы Нагаева и сотского Луки Жидкого. Их подвергли публичному наказанию 31 июля, вскоре после увечий Нагаев умер. Нижегородского сына боярского Мартьяна Жедринского и рейтара Федора Поливкина тоже приговорили к отсечению



руки.

Помимо Коломенского и Москвы, еще одна следственная комиссия работала в Никольском Угрешском монастыре; ее возглавляли боярин Петр Михайлович Салтыков и дьяк Тайного приказа Дементий Башмаков. Они разбирались со стрельцами и солдатами Первого выборного полка Агея Шепелева, выказавшими неповиновение своим командирам и самостоятельно пришедшими в Коломенское. Примерно 400 человек, у которых предварительно забрали выданные на службе казенные зипуны (государевы служилые кафтаны), сослали скованными в кандалы в Астрахань и Сибирь. Однако чем дальше разрастался сыск, тем больше следствие превращалось в обременительную для казны рутину. Надо было заботиться о жалованье и пропитании ссыльных и тех, кто их сопровождал, искать кузнецов для «кандального» дела, подготовить десять стругов и «добрых» гребцов для них и т. п. Новые дела продолжали открываться по доносам или расспросным речам и признаниям, выбитым ударами кнута, но после казни основных зачинщиков и устрашения жителей московского посада они уже не имели большого смысла.

Царь Алексей Михайлович впервые после событий «Медного бунта» покинул Коломенское и ездил в Новодевичий монастырь на праздник Смоленской иконы Божьей Матери 28 июля. Царская семья была оставлена под охраной боярина князя Ивана Андреевича Хованского, возглавлявшего сыскную комиссию в Коломенском. В Новодевичий монастырь к царю пришел покаянный крестный ход жителей московского посада во главе с допустившим беспорядки в столице боярином князем Федором Федоровичем Куракиным. Царь распорядился и дальше ведать ему дела в Москве, кроме того, Куракин вместе с боярином князем Алексеем Никитичем Трубецким продолжал участвовать в работе сыскной комиссии в Москве.

На обратном пути из Новодевичьего монастыря Алексей Михайлович ненадолго остановился и приказал устроить походный «шатер», где произошло примечательное событие — пожалование в «комнату», то есть в круг самых близких советников, боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого. Уже из этого видно, что царь пережил необычное время; ему понадобилось опереться прежде всего на испытанных боями русско-польской войны бояр: князя Ивана Андреевича Хованского, князя Алексея Никитича Трубецкого и князя Юрия Алексеевича Долгорукого.

Явная спешка, с которой царь стремился возвратиться в Коломенское, всего лишь на несколько часов дважды выехав в Москву, 28 июля и 7 августа, тоже может быть объяснена. Он беспокоился за оставленную в

Коломенском семью: царицу Марию Ильиничну и детей. По свидетельству подьячего Григория Котошихина, царицу события бунта особенно потрясли: «Да от того ж смутного времени, как приходили воровские люди к царю и учинилася смута и кроворозлитие, царица от великого страха, испужався, лежала в болезни болши году». Окончательно «с своим государским домом» или, как сказано в разрядных книгах, «с государынею царицею» царь Алексей Михайлович вернулся в столицу в воскресенье 10 августа<sup>[487]</sup>.

## После бунта

Начиная с 1 сентября — новолетия 171-го (1662/63) года продолжилась скрытая от посторонних глаз важнейшая работа, определившая ближайшие главные дела в царстве. Война, дипломатия, налоги, торговля, продолжавшееся церковное нестроение из-за нерешенного дела патриарха Никона — все это было предметом внимания, забот, распоряжений и указов царя Алексея Михайловича. Даже удивительно, что историки упустили из виду это важнейшее, переломное время, обычно скороговоркой описывая, что вскоре после «Медного бунта» состоялась отмена медных денег! Считая с середины августа 1662 года, когда завершилось следствие, понадобилось целых десять месяцев, чрезвычайно насыщенных разнообразными событиями. Именно тогда готовились отмена медных денег и другие решения, ставшие итогом болезненного переосмысления целей правительства.

Неспокойно было и на далекой окраине, где восстали мятежные башкиры. Получивший назначение в поход на башкир, но уклонившийся от этого под благовидным предлогом Патрик Гордон замечал: «Повод к сему бунту дали притеснения и вымогательства губернаторов». Как позже выяснилось, восставшие вели речь даже о воссоздании Сибирского ханства, вытеснении представителей русского царя и возвращении сбора ясака Чингизидам — потомкам последнего хана Сибири Кучума, не смирившимся с потерей своего юрта.

Для подавления восстания из Москвы отправили Второй выборный полк во главе с полковником Матвеем Осиповичем Кровковым (он лучше проявил себя в событиях «Медного бунта»). К двум тысячам солдат этого полка придали еще два приказа стрельцов Тимофея Матвевича Полтева и Петра Авраамовича Лопухина. Первые назначения были сделаны уже в конце августа, низовой поход возглавил известный воевода боярин князь

Федор Федорович Волконский, еще недавно он вместе с князем Иваном Андреевичем Хованским возглавлял сыскную комиссию в царском Коломенском. 12 сентября 1662 года «плавная» рать торжественно отправлялась из Москвы от стен Кремля. Воеводы должны были плыть до Казани и дальше, «смотря по вестям, идти на Уфу, собрався с ратными людьми на изменников на башкирцов и воевать их»<sup>{488}</sup>.

Главной задачей царя Алексея Михайловича оставалось выстраивание мирных отношений с Речью Посполитой. Начало движения к этому было положено еще весной, когда обратно в Литву отправили гетмана Винцентия Госевского. Высокопоставленного литовского политика и военачальника договорились обменять на воевод, попавших в плен в ходе неудачных кампаний на Украине и в Белоруссии в 1660–1661 годах. Первым приехал в Москву из польского плена и был 31 августа принят царем Алексеем Михайловичем «в Передней у руки» воевода окольный князь Осип Иванович Щербатов. Он был в товарищах у боярина и воеводы Василия Борисовича Шереметева и вместе с ним попал в чудновский капкан, но оказался счастливее его. Спустя месяц, 29 сентября, вернулись и другие высокопоставленные пленники, обмененные на литовского гетмана. Царь также оказал им честь и принял «у руки». Это были сын боярина князя Хованского стольник князь Петр Иванович Хованский, стольник и воевода князь Семен Лукич Щербатов, попавшие в плен после боев под Полонкой и Кушликовыми горами. Возвратились и другие свидетели чудновской катастрофы — стольники князь Григорий Афанасьевич Козловский, товарищ боярина Шереметева, и Иван Павлович Акинфов (он был в товарищах у вернувшегося первым окольного князя Осипа Ивановича Щербатова)<sup>{489}</sup>.

Обмен пленными был частью главного соглашения — стороны впервые были готовы серьезно обсуждать условия будущего «вечного мира». При отпуске гетмана Госевского в марте 1662 года ему объявили о намерении царя Алексея Михайловича отправить «для великих и тайных дел» в Речь Посполитую думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Насколько серьезно относились к этому делу, свидетельствует факт приема польского посланника — им был Стефан Медекша — 7 августа, еще до истечения главного следствия по «Медному бунту», для чего царь Алексей Михайлович оторвался на несколько часов от семьи и побывал в Кремле. Получив согласие на прием королем Яном Казимиром посольства Ордина-Нащокина, стали готовить инструкцию «великому послу».

Тогда впервые определились контуры будущей границы с Речью Посполитой, которую предлагалось учинить «по Днепр и Двину». Документ обсуждался 1 октября на заседании ближайших советников царя Алексея Михайловича «з бояры в комнате», на котором присутствовали князь Яков Куденетович Черкасский, Илья Данилович Милославский, Богдан Матвеевич Хитрово и Федор Матвеевич Ртищев (как видим, недавние события «Медного бунта» и обвинения миром в «измене» не имели влияния на состав царского совета). Были здесь и Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, как и глава Посольского приказа думный дьяк Ларион Лопухин (Нащокин и посольские дьяки находились в известном антагонизме друг с другом). 5 октября Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин был пожалован «к руке» на приеме у царя Алексея Михайловича вместе с дьяком Григорием Богдановым и другими посольскими людьми, «которым с ними быть для посольских дел у Польского короля»<sup>[490]</sup>. Все это свидетельствовало о более интенсивном, чем раньше, движении к миру с королем Яном Казимиром.

Еще одно не терпевшее отлагательств дело было связано с решением судьбы патриарха Никона. События «Медного бунта» как будто навсегда разорвали важные духовные нити, связывавшие до этого времени царя и патриарха. Стало ясно, что дальше терпеть отсутствие главы церкви, который один мог бы остановить толпу, нельзя. О душевном состоянии царя Алексея Михайловича свидетельствуют «Дневальные записки» Тайного приказа, где описывается, как в осеннем Троицком походе царь «шел за 3 версты до монастыря пеш». Возможно, это связано с каким-то царским обетом или особым настроением на молитву после пережитых потрясений. Пробыв всего день в Троице-Сергиевом монастыре, помолившись 25 сентября у мощей чудотворца Сергия, царь «кормил братью» и, «быв в своих государевых хоробах», уже очень скоро приказал двигаться обратно в Москву.

27 сентября 1662 года, в субботу, царя Алексея Михайловича встречали «за Земляным городом» купцы Гостиной и Суконной сотен, жители черных слобод «и головы с стрельцами всех приказов». Выглядело это как просьба о прощении и примирении. 22 октября, на праздник Казанской иконы, царь прошел крестным ходом к той самой Казанской церкви на Красной площади у Земского двора, откуда начался бунт. И на этот раз Алексей Михайлович отступил от традиционного ритуала, дополнив его крестным ходом по Китай-городу и Кремлю. Вместе с царем «со кресты» шла внушительная стрелецкая охрана. Как видим, царь стремился «возвратить» нарушенный порядок, как будто отмолить грехи

«мира», и опять приходилось делать это без патриарха.

Еще в августе 1662 года находившийся в Москве газский митрополит Паисий Лигарид, главный в то время греческий авторитет в церковных делах, взялся разрешить запутанное дело с уходом патриарха Никона с московского престола. «Почуяв» что-то в московском воздухе, а скорее узнав о переменах в настроении царя после «Медного бунта», восточный иерарх поменял и свою позицию на совершенно противоположную. Если по приезду в Москву в начале 1662 года Паисий Лигарид пытался примирить царя и патриарха, то теперь, спустя несколько месяцев, он, по словам биографа патриарха Никона историка Сергея Владимировича Лобачева, уже выполнял «политический заказ». В ответах на 30 вопросов, переданных через боярина Семена Лукьяновича Стрешнева, Паисий Лигарид полностью принял сторону царя и его советников в осуждении «новых обычаев Никоновых бывшего патриарха Московскаго». Оставалось дожидаться перевода ответов Лигарида с греческого на русский в Посольском приказе и познакомить с ними бояр.

«Олигаридий», как его называли в «Дневальных записках» Тайного приказа, был принят царем «в передней» 26 ноября «и говорил о его государских делах». Говорил, если внимательно прочесть эту запись, целый день! Ибо пришел Паисий Лигарид к царю «во 2-м часу дни», а ушел «в последнем». Все это время рядом с царем были члены его ближней думы: бояре князь Яков Куденетович Черкасский, Илья Данилович Милославский, Семен Лукьянович Стрешнев, князь Юрий Алексеевич Долгорукий, Иван Андреевич Милославский, Петр Михайлович Салтыков, окольные Богдан Матвеевич Бггрово, Родион Матвеевич Стрешнев, Иван Федорович Стрешнев, Иван Михайлович Милославский. Присутствовали также благовещенский протопоп Лукиан, думный дьяк Ларион Лопухин и «в его государеве имени дьяк» Дементий Башмаков. 21 декабря, в день Петра митрополита, когда при других обстоятельствах царь должен был поздравлять патриарха и участвовать в приеме в Патриаршем дворце, «тайное стало явным». Алексей Михайлович указал «сидеть о патриархове деле и выписывать из правил». 25-го числа на царском столе в Золотой палате в праздничный день Рождества принимали касимовского царевича Василия Араслановича, греческое и сербское духовенство — газского митрополита Паисия, сербского митрополита Феодосия, македонского архиепископа Нектария, и церковные власти, назначенные для церковного суда над Никоном — крутицкого митрополита Питирима, рязанского архиепископа Илариона и вятского епископа Александра<sup>[491]</sup>. С этого момента началось уже неуклонное движение к отрешению патриарха

Никона от власти.

Новый поворот произошёл и в делах, связанных с управлением городами на территории Войска Запорожского. С октября 1661 года казацкие войска гетмана Юрия Хмельницкого, усиленные польскими ротами и при поддержке войска самого крымского хана, пытались вернуть контроль над «промосковской» Левобережной частью украинских земель. Целью похода был один из главных городов Левобережья — Переяславль, где правил полковник и наказной гетман Яким Сомко — наиболее вероятный кандидат на гетманскую булаву в землях, державшихся присяги московскому царю. Он даже попытался присвоить себе права «совершенного» гетмана на Козелецкой раде 1662 года, но получил отповедь от имени царя Алексея Михайловича: «смел дерзнуть учинился гетманом в малом городке и не на полной раде без совету всего Войска запорожскаго, при немногих полковниках, самоизволом, забыв нашу великаго государя милость и жалованье»<sup>{492}</sup>. Главное нарушение состояло в том, что наказной гетман Яким Сомко попытался самостоятельно, без совета с царским боярином, получить гетманскую булаву. Его действия были списаны на наступавшее военное время, когда началась двухмесячная осада Переяславля войском «изменника Юраски Хмельницкого», как писали о гетмане Правобережья в документах царские воеводы.

За оборону Переяславля воевода Иван Иванович Чаадаев был пожалован чином думного дворянина и назначен на воеводство в Киев. Однако и после снятия осады война продолжилась в других местах. К Нежину и Путивлю, где стояли гарнизоны русских войск, подошли войска крымской орды; в январе 1662 года они воевали уже в окрестностях Севска. Гетман Юрий Хмельницкий наступал на Чернигов. Уж в конце 1661 года Белгородский полк во главе с воеводой окольниковым князем Григорием Григорьевичем Ромодановским получил указ царя Алексея Михайловича о выступлении в поход против войска «изменника Юраски Хмельницкого». «В самое безпутное и бескормное» время в марте 1662 года состоялся первый успешный поход полка князя Ромодановского «в черкасские города», но главные события произошли в ходе летней кампании 1662 года.

Недавно военный историк Игорь Борисович Бабулин напомнил об этих и о других событиях военного противостояния русских и украинцев в книге о «забытой победе» в Каневской битве 16 июля 1662 года, когда «войска Московского государства одержали свою самую большую победу в Русско-польской войне 1654–1667 годов»<sup>{493}</sup>. Действительно, именно тогда решалось, останется ли Украина разделенной или вновь воссоединится под



властью одного гетмана. Под Каневом московское войско во главе с князем Григорием Григорьевичем Ромодановским вогнало в Днепр армию гетмана Юрия Хмельницкого, понесшую огромные потери — около восьми тысяч человек убитыми и утонувшими. Правда, попытка развить успех и перейти в наступление в Правобережье окончилась неудачей под Бужином, недалеко от Чигирина. Русские войска попытались захватить другую гетманскую столицу — Чигирин, но, наученные «чудновским» опытом, уже не стали безоглядно заходить большими силами вглубь Правобережья и надеяться на договоренности с казаками.

Весть о победе в Каневской битве сеунщики принесли царю Алексею Михайловичу 30 июля 1662 года в Коломенское, запись об этом вошла в дворцовые разряды. Спустя несколько дней пришло письмо епископа Мстиславского и Оршанского Мефодия Филимоновича, который призывал и дальше воевать в Правобережье: «И теперь, государь, время есть достойно твоим, великого государя, счастьем твоих, великого государя, изменников всих Заднепрских и остатних Козаков воевать и городи их под твою, великого государя, самодержавную крепкую и високую руку подклонять». (На обороте листа помета: «170 (1662) года августа в 5 день. Великому государю чтена. Того ж числа отдана ис хором от государя»<sup>[494]</sup>.)

Наверное, строки этого письма принесли редкое утешение царю после коломенской встряски. Однако, как показали дальнейшие события, ни одной стороне не удалось развить успех, а Украина оказалась во власти татарского войска, по своей воле взявшего в уплату за услуги гетману Юрию Хмельницкому огромный «ясырь». Поражение Хмельницкого показало бессмысленность продолжения «Руины» — казачьей войны, и вскоре гетман Юрий Хмельницкий сложил свою булаву и ушел в монастырь, став иноком Гедеоном.

Уже намечавшееся разделение Левобережной и Правобережной Украины фактически состоялось именно летом 1662 года. Одна часть земель Войска Запорожского осталась под контролем московского царя, а другая — польского короля. Это еще больше повышало ценность выбора казаками новых гетманов, так как иллюзия возможного объединения еще долго не исчезала. В январе 1663 года на Чигиринской раде был выбран гетман Правобережья Павел Тетеря, выражавший очевидное стремление к объединению Войска под польским контролем. В Левобережье в смертной борьбе за власть столкнулись Яким Сомко и Василий Золотаренко, не признававшие ранее власти Юрия Хмельницкого.

Царь Алексей Михайлович, наученный горьким опытом двух неудач с выборами гетмана после смерти Богдана Хмельницкого, выполнял



обещание признать выбор самого Войска Запорожского. Это дало шанс включиться в гонку за гетманскую булаву кошевому атаману запорожских казаков Ивану Брюховецкому, согласовывавшему свои действия с окольным князем Григорием Григорьевичем Ромодановским и пользовавшемуся поддержкой епископа Мефодия Филимоновича. Главным условием выборов было проведение их в соответствии с новыми Переяславскими статьями, заключенными боярином князем Алексеем Никитичем Трубецким в 1659 году. После чего царь Алексей Михайлович обещал прислать новую грамоту на права и вольности запорожского казачества с Григорием Ромодановским, получившим еще и дипломатический титул «наместника Белгородского».

Именно в этот острый момент противостояния в «черкасских городах» в конце декабря 1662 года впервые создается отдельное ведомство для управления новыми «присоединенными» землями Войска Запорожского — Малороссийский приказ. Во главе его поставили боярина Петра Михайловича Салтыкова. 12 января царь отозвал из Севска боярина Петра Васильевича Шереметева и из Белгорода окольного князя Григория Григорьевича Ромодановского. Выборы гетмана в Правобережье и Левобережье потребовали их личного присутствия в Москве и совета с ними царя.

6 февраля 1663 года были сделаны назначения о посылке на казачью раду в Нежин. Но одного окольного — князя Григория Григорьевича Ромодановского — заменили на другого — князя Данилу Степановича Великого-Гагина. В документах он тоже именовался дипломатическим титулом «наместника Галицкого», по наказу ему следовало действовать «обослався с Мефодием, епископом Мстиславским и Аршанским и блюстителем митрополии Киевской». На свою службу для выборов гетмана комиссия Великого-Гагина (куда вошли еще стольник Кирилл Осипович Хлопов и дьяк Иван Фомин) отправилась 27 февраля. Царь также принял «у руки» отправленных обратно в Севск и Белгород Шереметева и Ромодановского. Чем бы ни руководствовался Алексей Михайлович, меняя главного поверенного в «черкасских делах» князя Ромодановского, это оказалось не слишком дальновидным решением, спровоцировав междоусобную борьбу в верной царю Левобережной части Войска Запорожского.

17—18 июня 1663 года в Нежине при участии царского окольного и галицкого наместника состоялись выборы нового гетмана Левобережья. На них сражались (в буквальном смысле этого слова) сторонники наказного гетмана и переяславского полковника Якима Сомко и гетмана сечевых

казаков Ивана Брюховецкого. Сначала верх взяли одни казаки, захватившие гетманский бунчук, затем другие, и Брюховецкий сумел отвоевать власть, захватив и гетманскую булаву. 18 июня в нежинской соборной церкви в присутствии епископа Мефодия новый гетман принес клятву на верность царю Алексею Михайловичу<sup>[495]</sup>.

Спасти Сомко и Золотаренко, державшихся промосковской ориентации, не удалось. Вскоре их обвинили в «изменнических» контактах с гетманом Правобережья Павлом Тетерей и казнили. Как оказалось, для казачьей старшины времен Хмельничины наступали последние времена, гетманы и полковники стремились объединиться и найти выход из «Руины» — гражданской войны, в которую сами ввергли свою родину. В истории гетманских выборов «Черная» рада стала дважды «черной». Снова, как и во времена борьбы гетмана Ивана Выговского со своими противниками, в Москве предпочли не вмешиваться во внутренние казачьи дела. Но казнь родственников Богдана Хмельницкого, известных своим участием в первых походах русско-польской войны и поддержкой царя Алексея Михайловича, равно как и выбор кошевого атамана Брюховецкого, не считавшегося ни с какими прежними заслугами или положением в Войске заслуженной казацкой старшины, не могли предвещать ничего хорошего ни казакам Левобережья, ни московской стороне, отступившей от своих правил и поддержавшей «низы» казачества (Брюховецкий происходил из гетманских слуг) и тем самым благословившей своим бездействием преобладание анархического начала в Запорожском Войске<sup>[496]</sup>. И это становилось особенно опасным перед лицом нового столкновения с армией короля Яна Казимира.

Перечисление неотложных дел, требовавших внимания царя Алексея Михайловича, показывает, что окончательная отмена медных денег отнюдь неспроста последовала спустя столь большое время после «коломенского шума». И это было не какое-то спонтанное, а тщательно готовившееся, без преувеличения, выстраданное решение. Казна по-прежнему нуждалась в экстренном пополнении запасов серебра. Именно так понимали свое участие в обсуждении планов правительства купцы и посадские люди, когда 12 января 1663 года снова подали «сказку» «о новой прибылой пошлине», то есть о планах увеличить торговый налог до «гривны», то есть до 20 денег или 10 копеек, с рубля. Кстати, первым среди рукоприкладств на этой «сказке» стояла подпись гостя Василия Шорина, чей двор громили восставшие во времена «коломенского шума».

В новой «сказке» купцы и посадские люди Москвы признавали, что их

совет был недостаточным: «и по тем сказкам пополнение серебра учинилось малое», то есть цель не была достигнута. Напротив, принятые меры привели к новому разорению: «а торговые многие люди стали без торгов и без промыслов и в великих убытках и долгах, и в государстве от того стало всяким товаром оскудение и в рядах многие лавки запустели и в таможенных сборах немалая убыль, а торговые люди, будучи без промыслов и от дороговизны хлеба и всяких харчей, многие обнищали и одолжали»<sup>{497}</sup>.

Посадские люди были по-прежнему недовольны, что из всего предложенного ими комплекса мер было выбрано только то, что казалось выгоднее всего для нужд казны. Начиная с февраля 1662 года в государстве была введена монополия на торговлю шестью «указными» товарами, шедшими на экспорт, и дававшими самую большую выгоду: соболями, юфтью, пенькой, поташом, смольчугом и говяжьим салом. Но и это было еще не все. Для принудительной закупки у купцов и торговых людей этих товаров отпускались стремительно обесценивавшиеся медные деньги, а товары выкупались в казну для перепродажи по указной цене, зафиксированной на 22 января 1662 года — время подачи одной из «сказок» торговых людей.

Полный правительственный замысел становится понятен, если вспомнить, что кроме июльской пятины была объявлена еще одна пятина — с 1 октября 1662 года. И собранные таким образом немалые деньги — 20 процентов с оборота — шли потом в уплату за «указные» товары. То есть их покупка практически ничего не стоила казне, так как за них расплачивались «пятинными» же деньгами, собранными с других торговых людей! Не случайно производители и купцы не стремились расставаться со своим товаром, изобретая весьма замысловатые схемы ухода от обязательной его продажи в казну по заниженным ценам. Товары придерживали, переделывали (пеньку в судовые снасти, а говяжье сало в свечи), отдавали на хранение в монастыри, а как самое крайнее средство, люди просто исчезали из городов целыми семьями в неизвестном направлении, пережидая «до лучших времен»<sup>{498}</sup>.

Уже с 1 сентября 1662 года изменили правила взимания таможенных пошлин по сравнению с Торговым уставом 25 октября 1653 года. Тогда была установлена единая норма — 10 денег с рубля; теперь стали взимать вдвое больше — 20 денег с рубля. Именно об этом уже состоявшемся решении, «о новой прибыльной пошлине, как ей быть в постоянстве», и спрашивали купцов в Москве 12 января 1663 года. А «гости и гостинные

сотни торговые люди» дружно ссылались на всеобщее расстройство торговли и отказывались что-либо советовать, дабы не сделать еще хуже. Несколько дней спустя эту «сказку» и другие, подготовленные в Приказе Большого прихода документы подали «в доклад» царю Алексею Михайловичу.

17 января 1663 года на совместном заседании царя и Боярской думы состоялся специальный указ: «великий государь и бояре приговорили» внести некоторые послабления в правила сбора «указных» товаров, а взамен утвердить уже введенную пошлину — 20 денег с рубля: «по гривне с рубля серебряными деньгами против цены по чему, которого числа учнут купить на серебряные деньги». Снова все оправдывалось стремлением наполнить казну серебром, речь шла о взимании «повышенной пошлины» с любых торговцев, продававших экспортные товары: «со всяких чинов с своих государевых людей безобходно, которые торгуют с продавцов с тех товаров, которые учнут продавать на Москве и в городех разных государств и земель иноземцам всякие товары в отвоз в иные государства».

Среди опасных последствий кризиса денежной системы было не только расстройство торговли, но и возникшая угроза содержанию войска. Каждый человек, выходивший на службу, должен был собрать определенное вооружение, хлебные запасы и корм лошадям, но обесценивание медных денег, о чем царь Алексей Михайлович и Боярская дума были прекрасно осведомлены («а ныне те медные деньги перед прошлыми годы ценою обнзились», признавали в указе о корректировке сбора таможенных платежей на Архангельской ярмарке 12 мая 1663 года<sup>[499]</sup>), стало приводить к нарастанию недовольства, побегам со службы и даже угрожало разрушить с таким трудом созданную систему полков нового строя, державшуюся на наемных офицерах. Подданных еще можно было убедить верить медной монете, но у наемников были другие цели: собрать богатое жалованье и вернуться с ним домой.

Система сбора налогов была пересмотрена уже осенью 1662 года. Помимо увеличения таможенных сборов, с 1 сентября поменяли принципы взимания стрелецкого хлеба, отказавшись от замены его обесценившимися деньгами для посадов и поместных земель. Стрелецкий налог исчислялся в юфтях — четверть ржи и четверть овса — со 171 — го (1662/63) года он был тоже увеличен вдвое. Только для черносозных земель Поморья и дворцовых земель разрешили по-прежнему уплачивать за стрелецкий хлеб деньгами, в этом случае цена одной юфти хлеба исчислялась в два рубля с небольшим, то есть в 30 с лишним раз отличалась от «продажной» цены.

Но здесь, конечно, надо учесть почти непосильную задачу доставки больших объемов зерна в места их сбора, учитывая условия земледелия и пространство Русского Севера. Когда выдающийся историк Степан Борисович Веселовский в своем фундаментальном исследовании истории сошного письма попытался оценить рост этого налога в течение XVII столетия, он пришел к неутешительному выводу. Оказалось, что даже по самым скромным подсчетам (приняв во внимание уплату раньше вместо овса в «стрелецком хлебе» круп и толокна), в 1660—1670-х годах, по сравнению с временами после Смуты, оклады стрелецкого хлеба увеличились в 41–44 раза для поместных и вотчинных земель и в 36–40 раз «для властелинских и монастырских»<sup>{500}</sup>.

Еще одной важной мерой, свидетельствовавшей о провале оборота медных монет, стал указ о сборе денег «полоняником на окуп», взимавшихся только мелкими серебряными монетами. 4 ноября 1662 года грамота об этом была отправлена из Монастырского приказа вологодскому и белозерскому архиепископу Маркелу, там упоминалась норма — 8 денег с каждого двора всех церковных земель. Деньги требовали собрать быстро и без всяких дополнительных напоминаний. Традиционный «полонянинный» налог стал особенно важен после поражений 1660–1661 годов, когда накопилось большое число пленников, а для их выкупа требовалось только серебро.

«Белые деньги» окончательно побеждали «красные». В «Дневнике» Патрика Гордона встречаем запись о падавших в цене «жалких медных деньгах» и о постоянных челобитных иноземных офицеров об увеличении жалованья. Одна такая челобитная была подана царю Алексею Михайловичу 17 марта 1663 года: «В день именин царя мы подали петицию, представляя наше несчастное положение по причине дешевизны медной монеты, коих ныне идет 15 за одну серебром, и просили платить нам в серебряных деньгах или же по стоимости в медных. А иначе предоставить нам свободный выезд из страны. Ответа мы не получили, кроме того, что Его величество примет сие во внимание»<sup>{501}</sup>. Челобитная иноземных офицеров была еще одним симптомом продолжавшегося расстройства финансовой системы. Но, по свидетельству того же мемуариста, после коломенских событий все боялись повторения протеста, и поэтому отмена медных денег готовилась в глубокой тайне.

Действительно, еще 5 февраля 1663 года последовал указ, обозначивший стремление как можно быстрее разрешить накопившиеся проблемы финансового обеспечения армии. Во-первых, надо было собрать

сведения из всех приказов (исключение было сделано только для дворца), сколько в них ранее, до начала войны в 1654 году, собирали казны: роспись «серебряным деньгам приходу и расходу 161-го и 162-го году». Во-вторых, определить общую потребность в раздаче кормовых денег: роспись «кормовым деньгам из всех же приказов». И, в-третьих, составить новые «рописи ж ратным людям конным и пешим на Москве и в городех» по установленным окладам.

Продолжая фискальное давление, во всем государстве вводили новый налог сбора «полуполтинных» денег с двора (точнее было установлено две статьи: 1-я — «по полуполтине», то есть по 25 копеек, и 2-я — по 2 гривны, то есть по 20 копеек). Для этого окольникову Федору Кузьмичу Елизарову, уже давно возглавлявшему Поместный приказ, предлагалось составить ведомость о количестве людей и дворов по переписным книгам 1646 года. Оказалось, что во всем государстве «в городех на посадах, и в дворцовых селех, и в черных волостях», за патриархом, архиереями и монастырями, членами Боярской думы и Государева двора, дьяками и жильцами, а также учтенными вместе с ними засечными головами, губными старостами и городовыми приказчиками числилось 447 710 дворов. На долю городских дворян детей боярских и служилых иноземцев приходилось еще 101 156 дворов, а вместе с дворами «ясачных татар и черемисы и вотяков», которыми ведали в Приказе Казанского дворца, общая численность дворов в государстве (без учета Сибири) достигала 582 042.

Оставалось собрать в Тайном приказе полковые росписи о количестве чинов и людей, служивших в армии, и «рописать указные дачи по полком и по чином, конным и пешим порознь». Росписи служилых людей были присланы от боярина Петра Васильевича Шереметева из Севска, боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого и его брата окольного князя Петра Алексеевича Долгорукого из Смоленска, окольного князя Григория Григорьевича Ромодановского из Белгорода, боярина князя Бориса Александровича Репнина из Великого Новгорода. По полковым росписям установили точное количество «начальных людей рейтарского, драгунского и солдатского строя». К этому времени в русской армии насчитывалось уже 75 рейтарских и драгунских полков. Из Разрядного приказа получили точные сведения о количестве московских служилых чинов, учтенных в боярском списке 171-го (1662/63) года. Была получена и смета Первого выборного полка Агея Шепелева, ведавшегося в Устюжской четверти. Воевавшие в далекой Башкирии офицеры и солдаты Второго выборного полка пока не были учтены в смете. Хотя другие служилые люди, ведомые в Приказе Казанского дворца, там были перечислены. Среди собранных

росписей можно также найти и сведения Стрелецкого приказа, где числилось в общей сложности 24 приказа стрельцов. Большинство — 17 приказов — находилось в это время в Москве, их численность составляла 12 219 стрельцов.

Таким образом, прежде чем отменить медные деньги, были собраны документы для получения полной картины численности войска, определены новые источники сбора денег на содержание армии и установлены нормы окладов. Собранные материалы их публикатор Степан Борисович Веселовский назвал «Сметы военных сил русского государства 1661–1663 годов», хотя, как справедливо подчеркнуто в недавних исследованиях, это еще и источник по истории финансирования армии во времена русско-польской войны. Принадлежность всего делопроизводства к Тайному приказу не оставляет сомнения в том, что именно царь Алексей Михайлович был инициатором всех этих распоряжений<sup>[502]</sup>.

День 15 июня 1663 года для многих современников остался незабываемой датой. Только хорошо подготовившись, введя монополию на «указные товары», новые налоги и сборы, накопив достаточно серебра, рассчитав очередные траты на содержание армии, приняли долгожданное решение: «отставить» медные деньги. Известно об этом стало еще за несколько дней — указ датирован 11 июня. Однако надо было успеть закрыть «денежного медного дела дворы» в Москве, Великом Новгороде и Пскове, забрать оттуда «маточники и чеканы» в Приказ Большой казны, чтобы ими не могли больше воспользоваться. И вместо этого «за-весть» старый денежный Московский двор «серебряного дела». Уже 16 июня всем желающим («лицам всякого звания») обменяли «несколько сот рублей» по курсу «по десять за один», на следующий день повторили такой же обмен, «дабы предотвратить мятеж, коего опасались». По признанию Гордона, все прошло хорошо, и страхи оказались напрасными: «большинство людей, особенно солдаты, были настолько удовлетворены серебром, что частным убыткам не придавалось значения».

Была или нет отмена медных денег всеобщим праздником, сказать сложно, кому-то она все равно принесла потери, а кто-то ее не дождался и разорился, но появилась хотя бы надежда на более устойчивое финансовое будущее Русского государства. Возвращение к серебряным деньгам означало проведение целого комплекса мер. В первую очередь новые (они же «старые») серебряные деньги пошли на жалованье служилым людям, ими взимали таможенные и прочие платежи, вели торговлю. Попутно, вместе с отменой медных денег, завершилась и другая история не оправдавшей себя кабацкой реформы. Нравственный ригоризм патриарха



Никона больше не находил отклика в душе царя Алексея Михайловича, а желание удержать подданных от пьянства столкнулось с пониманием очевидного влияния уменьшения «кабацких» сборов на плачевное состояние казны. Именно 15 июня, день в день с отменой медных денег, было принято решение «быть кабакам и кружечным дворам на откуп и на вере» с 1 сентября 1663 года. Как писал С. Б. Веселовский, «с отменой медных денег вся кабацкая реформа 1652 г. рухнула, откупа и кабаки восстановлены».

Следовательно, и здесь возвращался привычный порядок оборота алкоголя — водки, пива и меда; снова разрешались кабаки, а сбор доходов опять попадал в руки откупщиков и голов, действовавших по старинному принципу: казну интересовали только увеличенные по сравнению с прошлыми годами суммы налогов. Водкой опять можно было торговать, наливая ее кружками и чарками, а не как раньше — только ведрами. Вводя такую меру и думая остановить пьянство, считали, что цена целого ведра отпугнет возможных пьяниц. Но все, кому требовалось, сообразили, что можно покупать ведра и в складчину. Это уже знали, возвращаясь к откупной системе и торговле на серебряные деньги, поэтому ввели «указную», твердую цену на ведро «вина», стоившее один рубль (столько же стоили и полведра и четверть ведра). Цена водки, продававшейся в кружки, была уже полтора рубля за ведро, а в чарки — все два рубля (вдвое дороже, чем оптовая покупка ведрами). При продаже пива и меда авторы кабацкой контрреформы требовали от содержателей кабаков вести торговлю как можно выгоднее для казны: «а пиво и мед продавать, применяясь к запасным и ко всяким покупкам, как бы его великого государя казне было прибыльнее».

Правительство царя Алексея Михайловича двигалось постепенно, но целенаправленно, учитывая, как реагировали люди на отмену медных денег. Прежние деньги стремились поскорее уничтожить, чтобы даже память о них не влияла больше на дела царства. Поэтому 26 июня последовал еще один совместный указ царя Алексея Михайловича и приговор Боярской думы: «медные деньги сливать, а не слив, деньгами никому у себя не держать». Устанавливался короткий период времени, начиная с 1 июля две недели в Москве и месяц в городах, когда можно было обменять деньги из казны по курсу: «за медные деньги за рубль серебряных по две деньги», то есть 1 серебряная копейка равнялась 1 медному рублю. Конечно, тем, кто успел совершить обменную операцию до этого срока, 16–17 июня, повезло: они меняли свои деньги 1 к 10, а не 1 к 100. Короткий «указной» срок (а до многих мест грамоты должны были

дойти со значительным опозданием) лишал владельцев медных денег маневра, хотя им и разрешили на время покупать и продавать их «в какое медное дело на сливку». Но дальше за «держанье» медных денег грозили наказаньем «от великого государя»<sup>{503}</sup>.

## «Дело Никона»

«Дело Никона», длившееся с 10 июля 1658 года, составляло скрытый, тяжелый фон как для управления страной, так и для самого царя Алексея Михайловича. В картине мира истово религиозного человека, стремящегося к воплощению на земле освященного церковью порядка, молитвы патриарха были опорой в делах. Царь Алексей Михайлович помнил о Никоне и после его ухода, например, продолжал делать ему подарки в связи с рождением своих детей, а патриарх посылал ответное «благословение» царю. Однако движение к великой цели защиты вселенского Православия, начатое вместе с Никоном, не могло быть успешным в отсутствие в Москве главы церкви. До определенной поры Алексея Михайловича устраивало «тихое» пребывание Никона в Воскресенском или других патриарших монастырях. Продолжалась война, и вопрос о «вдовствующем» патриаршестве не был в числе главных. Перемены в общем настроении царя после столкновения с «миром» в ходе «Медного бунта» всё изменили.

Детали преследования опального патриарха и перипетии суда над ним хорошо известны, только они не дают ответа на главный вопрос: почему все-таки ни одна сторона не уступила другой и дело было доведено до низвержения Никона из патриаршего чина? Может быть, тяжелые последствия «дела Никона», приведшего к расколу церкви, имели своим основанием прежде всего личный конфликт? Решение первого собора в мае 1660 года, когда патриарху пытались приписать произнесение анафемы, принималось при участии Алексея Михайловича, собственноручно правившего текст соборного постановления. Уже тогда было принято решение: «Никона бывшего патриарха чужда быти архиерейства и чести священства, и ничем же обладати, и на его место иного архиерея возвести». И только в конце 1662 года царь поручил довести дело с низвержением Никона из сана до конца: «сидеть о патриархове деле и выписывать из правил» духовной комиссии, рассматривавшей перед этим ответы газского митрополита Паисия Лигарида.

Спор с Лигаридом оказался одной из отправных точек на пути

осуждения бывшего патриарха. Никону стали известны эти вопросы, и он составил свое обширное «Возражение» на них, где действительно много рассуждал о «священстве» и «царстве». Царя же Алексея Михайловича интересовали не аргументы Никона, а то, как он вел себя в своем добровольном изгнании, что говорил о царе и его семье. Преследование Никона сдерживалось до поры благодаря позиции церковных иерархов, стремившихся сгладить противоречия, вредившие не только Никону, но и всей церкви. Но когда стали обсуждаться вопросы, переданные газскому митрополиту через боярина Семена Лукьяновича Стрешнева и выяснилось, что Никон прекрасно осведомлен о них и даже написал пространные ответы своим оппонентам, дело вышло за пределы церковной полемики.

Давно назревавший кризис в отношениях царя и патриарха разрешился в день Петра митрополита 21 декабря 1662 года, когда стало очевидно, что Никону больше не быть патриархом. В определении о начале «дела Никона» высокопарно сказано о чувствах царя Алексея Михайловича, принявшего решение рассмотреть вины патриарха «во время всеобщего бдения» в Успенском соборе: царь «при-иде во умиление о той соборной и апостольской церкви, что вдовствует без пастыря уже пятолетствующи, а пастырю убо патриарху Никону отшедшу и пребывающу в новоустроенных от него обителях, а о вдовстве ея не радящу». Царь объявил о своем решении именно в день памяти московского первосвященника, посох которого оставался одним из главных атрибутов патриаршей власти.

Обвинители больше не щадили чувств Никона, противопоставляя его заботы по устройению Воскресенского и Иверского Валдайского монастырей интересам всей церкви. Накопились и другие вопросы церковного неурядиства: «о несогласии церковного пения, и о службе божественные литургии, и о иных церковных винах, которые учинились при бытии ж патриаршества его, и потому действуются и доньне». Завершалось определение уже грозным обвинением, где прозвучало слово «раскол», ставшее позже нарицательным: «и от того ныне в народе многое размышление и соблазн, а в иных местах и расколы».

В отличие от прежнего, неудавшегося собора, на этот раз, судя по предварительным вопросам, касавшимся взятых патриархом Никоном «образов и всякие церковные утвари с роспискою и без росписки», а также «из домовые казны денег, и золотых и ефимков», одно из основных обвинений патриарху готовилось по «экономическим» статьям. Включая распоряжение патриаршими вотчинами, так как у Никона был большой земельный спор с Романом Боборыкиным, имевшим земли в соседстве с

Воскресенским монастырем, и другими землевладельцами. Другие вопросы касались книжной «справы»: «сколько при патриархе Никоне было выходов книг печатных и каких», были они «сходны или не сходны, в чем рознь и какая», особо интересовались судьбой «старых печатных, и письменных, и харатейных книг», переводов «из греческих присыльных книг», а также рукописей, «купленных на патриарха» старцем Арсением Сухановым в Палестине<sup>[504]</sup>.

Как это всегда было с заступничеством за опальных, на царя попытались повлиять через его ближайшее окружение и членов царской семьи — царицу Марию Ильиничну и царских сестер. Сторонники примирения нашли способ передать Алексею Михайловичу полное пространное рас-суждений о прощении письмо Никона через царского духовника протопопа Благовещенского кремлевского собора Лукиана. Никон не скрывал, что ему «ведомо учинилось» о посылке «черного дьякона Мелетия грека» с письмами к вселенским патриархам «о соборе нашего ради отшествия». Однако вместо просьбы о милости, которую мог ожидать царь, патриарх переходил в наступление и по-прежнему винил во всем произошедшем царских советников: «Зри, христианнейший царю... смутивый твое благородие болий грех понесет». Созыв грядущего собора по царскому указу для осуждения патриарха «по сложенному их свитку», то есть ответам Паисия Лигарида, заранее отвергался. Никон даже сравнивал себя с гонимым Христом, Иоанном Предтечей, пророками и снова поучал царя: «яко достоин вовемя удалитися наветующих».

К себе самому патриарх применял совсем не те правила церковных соборов, нарушение которых собирались ему вменить. Он говорил об изгнании епископа «без правды» и о пребывании такого архиерея «в чюждем пределе», когда любое «досаждение» ему «мимо идет». Никон предупреждал царя Алексея Михайловича (и это могло выглядеть своеобразной угрозой), что он не станет молчать на таком соборе. Он упоминал о попытке крутицкого митрополита Питирима доказать, что Никон произносил анафему («о нас глаголют, яко словом клялся не быти патриархом, а их клятвы за руками их есть у нас»), а также о своем враге Иване Неронове, собирался обличать их. Говорил о грехах царского посланника к вселенским патриархам диякона Мелетия, «не чернца, прочее умолчу»: «А он есть злый человек, на все руки подписывается и печати подделывает». Никон «молил» царя принять свое «малое написание» и просил «вычести» его «с великим прилежанием». И тем самым «устроить твое царство мирно и безгрешно, яко да и мы богомолцы ваши поживем во всяком благоверии и тишине».

В послании царю Никон просил и о разрешении приехать в Москву для личной встречи. В последних днях декабря 1662 года он даже покинул Воскресенский монастырь и, как доложили царю, доехал до села Чернева (ныне в черте Красногорска), рассчитывая на царское разрешение. Но на царя пребывание Никона в Назарете — как стали называть Чернево, в воспоминание о родном городе Христа — не произвело должного впечатления. Более того, 27 декабря Алексей Михайлович отправил туда окольного Осипа Ивановича Сукина и своего незаменимого дьяка Тайного приказа Дементия Башмакова. Кстати, в документах об этой поездке Никон упоминается в патриаршем сане, и обратиться к нему должны были следующим образом: «Святейший патриарх Никон...». Доверенные лица царя должны были сказать, что просьба патриарха о приезде в Москву для молитвы и о личной встрече с царем, переданная через царского духовника Лукиана, была получена, но царь запрещал Никону покидать Воскресенский монастырь до начала работы собора: «... для мирские многие молвы к Москве ехать ныне непристойно, потому что в народе ныне молва многая о разнстве церковные службы и о печатных книгах». Алексей Михайлович снова и снова напоминал о своем главном расхождении с Никоном: «Патриарший престол оставил ты своею волею, а ни по какому изгнанию». И даже если бы патриарху Никону понадобилось «видетца» с царем «для каких самых нужных дел», он все равно должен был сначала написать царю, и тогда бы царь послал кого-то к нему или ответил сам.

Царь знал о писаниях Никона к Паисию Лигариду и жалобах, будто он «невинно с престола своего изгнан». «И о том о всем ево, великого государя, терпение от тебя многое, — велено было отвечать патриарху. — А как приспеет время собору и в то время он, великий государь, о тех о всех вещех говорити будет». Сдержанная царская обида прорвалась в завершении этого своеобразного наказа. В случае если бы патриарх Никон стал настаивать и вспоминать о своих прежних, оставленных без ответа обращениях к царю, посланники царя должны были передать ему: «Не писывано к тебе против твоего письма потому, что писать не довелось». Оказывается, Алексей Михайлович, тщательно следивший за тайной своей переписки, не мог простить Никону обсуждения царских писем в разговорах с другими людьми: «...как ты был на патриаршестве, и о чом от великого государя к тебе писывано, и ты после отшествия своего с патриаршеского престола про те ево государевы письма говаривал в разговорах со многими».

Вмешательство в это противостояние других лиц только повредило

Никону. Когда речь заходила об интересах семьи, царь становился неумолим и даже жесток. В документах Тайного приказа, где хранится все обширное «дело Никона», остались документы о расспросе царского духовника протопопа Лукиана и строителя Воскресенского монастыря монаха Аарона, передававшего через него письма царице и одной из царских сестер. Возможно, речь шла о царевне Ирине Михайловне, у которой в палатах висела парсуна с изображением опального патриарха, или царевне Татьяне Михайловне, довершившей начатое Никоном строительство в Воскресенском монастыре. Царь Алексей Михайлович собственноручно правил ответы протопопа Лукиана и вписал туда свой ответ, где гнев на Никона слышен еще более отчетливо. Он повторил, что патриарху Никону встречаться с царем в Москве до приезда вселенских патриархов «не пригоже, да и не для чего». Сначала царь написал: «Господь восхощет увижуся», а потом поправил: «увидимся», чтобы не обнадеживать Никона возможностью их личной встречи. Потребовал царь объяснений и о целях приезда строителя Аарона в Москву и письмах, переданных патриархом сестре. В документе приводятся слова оскорбленного царя: «...что от тех де ездov стала меж нами великая смута»<sup>[505]</sup>.

Стоило только узнать о переменах в настроении царя, «опалившегося» на Никона, чтобы и все остальные бросились предъявлять свои явные и неявные обиды от Никона в стремлении заслужить царскую похвалу. Первыми в дело были вовлечены те, на кого Никон наложил церковное «проклятие»: например, боярин Семен Лукьянович Стрешнев, который обучил своего пса сидеть и движением лап подражать патриаршему благословению. Вспомнил о своих душевных ранах крутицкий митрополит Питирим, подавший большую челобитную царю, в которой книжным письмом добросовестно излагались все вины Никона. Питирим жаловался царю на то, что Никон «проклял» его, когда узнал, что тот присвоил себе право вместо патриарха участвовать в обряде шествия на осляти в Вербное воскресенье.

Возобновились и спорные дела с соседями-землевладельцами около Воскресенского монастыря. Иван Константинов сын Сытин жаловался, что патриарший служитель побил его людей, и требовал суда над ним. Это так было похоже на начало конфликта царя и патриарха (конечно, в миниатюре), что могло быть дополнительным укором Никону. Страсти там разыгрывались нешуточные, Иван Сытин грозился даже убить патриарха. Никон же в своем послании царю Алексею Михайловичу не стал тратить бумагу на изложение челобитной Сытина о якобы подвергшихся пытке или

даже повешенных по его приказу людях («мне о том писать, бумага лише терять»). Он клялся на Евангелии, что ничего не знал об этом деле, и уговаривал царя не верить наветам. Завершалось письмо ссылкой на собственную скудость («зане не имею бумаги») и многозначительной фразой, специально дописанной Никоном: «судия неправедной имяши сам быти судим праведно»<sup>{506}</sup>.

Другое дело патриарха, с Романом Боборыкиным, было использовано, чтобы еще больше отдалить Никона от царя Алексея Михайловича. Никон был обвинен в произнесении проклятий на царя и царскую семью. Зная гневливый характер патриарха, можно было поверить и в такое. Поэтому 17 июля 1663 года состоялся указ об отправке в Воскресенский монастырь целой смешанной духовно-светской комиссии во главе с газским митрополитом Паисием Лигаридом, астраханским епископом Иосифом и архимандритом Богоявленского монастыря «с Заторгу» Феодосием. Запись об этой посылке «для духовных дел» попала даже в разрядные книги, так как вместе с духовными лицами там еще присутствовали боярин князь Никита Иванович Одоевский, окольничий Родион Матвеевич Стрешнев и думный дьяк Алмаз Иванов. Присутствовал при этом разговоре дьяк Тайного приказа Дементий Башмаков — «глаза и уши» царя. Комиссия должна была расследовать дела, а для подкрепления ей придали отряд стрельцов.

Патриарх Никон отрицал все обвинения: «непристойных слов» или «клятв» на царя не говорил, и «мысли де его на то не бывало». Он не упустил случая высказать в лицо Лигариду разные ругательства, понимая его роль как одного из главных духовных обвинителей, чьи толкования принимались царем Алексеем Михайловичем из-за авторитета иерарха, признанного Иерусалимским патриархатом. Комиссия уехала, а стрельцы во главе с Василием Философовым остались «для береженья». Полагают, что именно с этого времени Воскресенский монастырь стал для Никона «первым местом заточения», но это не совсем так. Никон говорил, что и сам рад этому «береженью». Скорее можно говорить о домашнем, или, точнее, «монастырском» аресте<sup>{507}</sup>.

Боборыкинское дело было использовано как удобный повод для ограничения контактов Никона со своими сторонниками, устранения опасности его самостоятельных поездок из монастыря. У готовивших обвинение Никона архиереев все складывалось не так хорошо, как они задумывали; собор, планировавшийся на май — июнь 1663 года, собраться не смог. Вселенские патриархи, несмотря на привезенные диаконом



Мелетием щедрые подарки, уклонились от поездки в Москву. Константинопольский патриарх Дионисий как верховный арбитр в делах церкви склонен был больше к примирению царя и патриарха. Полная зависимость от турецкого султана заставляла его постоянно помнить, чем грозят конфликты с носителями верховной власти. Рассчитывали на иерусалимского патриарха Нектария, но и он был сторонником мирного завершения размолвки царя и патриарха в делах Московской церкви. Оставались александрийский патриарх Паисий и хорошо знакомый в Москве антиохийский патриарх Макарий. Именно они в итоге и приедут на церковный собор, но произойдет это позже, спустя три года.

Диакон Мелетий сделал все, чтобы исполнить данный ему наказ и привести грамоты других вселенских патриархов, датированные мартом 1663 года. Однако сторонники Никона были не только в Константинополе (где с диаконом Мелетием даже хотели тайно расправиться), но и в землях бунтовавшей Малой России, где боролись за власть претенденты на гетманскую булаву. Грамоты патриархов были отобраны у Мелетия «черкасами» на обратном пути в Москву. Никон мог торжествовать: время затягивалось, суд вселенских патриархов откладывался. К вмешавшимся в дела Русской церкви греческим иерархам — газскому митрополиту Паисию Лигариду и иконийскому митрополиту Иосифу, свидетельствовавшему подлинность документов, привезенных от вселенских патриархов, он относился презрительно, указывая, что они сами оставили свои епархии и лучше бы им управляться у себя дома, а не судить вселенского патриарха в Москве. Тем более что скоро открылось самозванство иконийского митрополита, присвоившего себе право представлять константинопольского патриарха, племянником которого он назвался. С такими «обвинителями» патриарх Никон легко бы справился на соборе.

Вынужденная задержка с созывом собора создавала у Никона иллюзию временного характера царской опалы. Любое сказанное царем благосклонное слово или удовлетворенная им челобитная по делам продолжавшегося строительства в Воскресенском монастыре давали надежду на возвращение прежнего согласия. При царском дворе оставались сторонники примирения царя и патриарха. Одним из них был боярин Никита Иванович Зюзин, он и «позвал» патриарха в Москву в декабре 1664 года. Никон решил вернуть себе патриарший трон так же неожиданно, как и оставил его. «Иногда кажется, что для примирения ему не хватило одного шага, — справедливо писал о метаниях патриарха Никона И. Л. Андреев. — Шага в виде покаяния и компромисса. Но в том-то и дело, что Никон жаждал иного примирения. А потому этот шаг всегда у него получался как

падение в пропасть: шаг — вызов, а не покаяние»<sup>[508]</sup>. Во время всенощного бдения 18 декабря он неожиданно приехал в Москву и вошел в Успенский собор, где шла служба. Впереди патриарха несли крест, а сам он немедленно встал на патриаршем месте. Старцы, бывшие с патриархом, запели «исполлаити деспота» и «достойно есть», приветствуя первоначальника в храме. Местоблюститель патриаршего престола — митрополит Ростовский и Ярославский Иона — подошел под благословение Никона, тем самым признав его патриаршую власть.

Никон начал распоряжаться по-прежнему, отправив митрополита Иону и ключаря Успенского собора Иова известить о своем приходе царя. На что надеялся патриарх Никон, станет известно во время начатого позднее следствия по делу боярина Никиты Зюзина. Никон объявил, что вернулся в Москву для встречи с царем. Расчет был на привезенное им с собой письмо Алексею Михайловичу, где объяснялись причины его возвращения в Москву. Но царь не захотел встречаться с Никоном, хотя был в это время в Кремле и молился в дворцовой церкви Евдокии «на сениях». Он немедленно послал за теми, кому уже было поручено «дело Никона» и кто давно был посвящен в детали его противостояния с патриархом. Это были митрополит Сарский и Подонский Павел, всё тот же газский митрополит Паисий Лигарид, сербский митрополит Феодосий и «комнатные бояре» — те самые люди, кто ездил в Воскресенский монастырь к Никону: князь Никита Иванович Одоевский, князь Юрий Алексеевич Долгорукий, окольный Родион Матвеевич Стрешнев и думный дьяк Алмаз Иванов. У них была прежняя задача: не допустить личной встречи Алексея Михайловича и Никона. Они снова говорили о самовольном оставлении Никоном патриаршего престола и обещании, «что ему впредь в патриархах не быть». Патриарх «съехал жить в монастырь» по своей воле и об этом известили вселенских патриархов. Поэтому главный вопрос, интересовавший присланных духовных лиц и «комнатных бояр», касался объяснения причин самовольного приезда в Москву: «и в соборную церковь вошел без ведома ево великого государя и без совету всего освященного собора».

В ответе «митрополиту и боярам» Никон не отпирался, «что он сшел со престола никем не гоним», и говорил о своем возвращении: «А ныне он пришел на свой престол никем зовом, для того, чтоб де великий государь кровь утолил и мир учинил, а от суда де он вселенских патриархов не бегают». Постепенно открывался и весь замысел Никона: он хотел представить возвращение «на свой престол по явлению» и заранее подготовил письмо для передачи царю. Вокруг этого письма сразу начались споры, посланники царя отказались его брать без царского разрешения.

Согласно материалам дела, царь Алексей Михайлович распорядился «принять» письмо, но Никон продолжал настаивать на получении немедленного ответа, соглашаясь на возвращение в монастырь только после получения «отповеди» царя.

«Сказание смиренного Никона Божиею милостию патриарха, какою виною из Воскресенского монастыря возвратися на свой стол в царствующий град Москву» сохранилось. Оно позволяет понять, на что надеялся Никон. Он рассказывал царю Алексею Михайловичу о своем духовном посте и уединении с 14 ноября и особенно сильных молитвах без воды и питья и даже без сна в последние четыре ночи и три дня. Тогда-то, по словам Никона, ему в забытии явился «святолепный муж» с «хартией и киноварницей» в окружении прежних святителей и митрополитов, и все они подписывали грамоту. Никон спросил старца «во священнных святительских одеждах» о ее содержании и услышал ответ: «о твоём пришествии на престол святой» (Никон узнал в нем одного из святителей московских митрополита Иону). Подойдя к святительскому месту, Никон увидел там еще и другого московского чудотворца, митрополита Петра, также благословившего его на возвращение. Но даже такой рассказ не тронул царя Алексея Михайловича, не услышавшего искреннего раскаяния Никона.

Если бы каким-то чудом произошла личная встреча царя и патриарха, Никон еще мог бы надеяться на понимание или прощение. Но Алексей Михайлович судил его уже не один, а общим судом с советниками. Вместе со «Сказанием» о явлении патриарх подал еще челобитную с благословением царя, царицы, царевичей и царевен. В ней тоже были богословские рассуждения, смысл которых сводился к убеждению царя принять Никона, который «посетив братию нашу по всех градох» и «приидохом же в кротости и смирении».

«Смирным» патриарх мог быть только на словах. Его действия говорили об обратном. Как только ему был передан царский указ о немедленном возвращении в Воскресенский монастырь, Никон совершил еще один отчаянный поступок. Он забрал с собою когда-то оставленную им главную патриаршую инсигнию — посох митрополита Петра, стоявший на «патриарше месте». В ответ на просьбу бояр (церковные власти в этом споре уже не участвовали) оставить посох «в соборной церкви по прежнему» патриарх ответил: «Отнимите де у меня ево сильно, и с Москвы поехал за час до света»<sup>[509]</sup>. Это была временная победа Никона и его уязвленной гордыни, ибо рассказу его о явлении чудотворца Петра не поверили.

Патрик Гордон написал о том, что, уезжая из Успенского собора, патриарх в сердцах бросил наземь свои письма<sup>[510]</sup>. Как видим, история оказалась громкой и скрыть приезд патриарха Никона в Москву не удалось. Гордону были известны и какие-то скрытые детали дела или же он передал слухи о брошенной грамоте и бранных словах патриарха. Следом за Никоном действительно послали окольного князя Дмитрия Алексеевича Долгорукого и полковника и голову стрельцов Артамона Матвеева, провожавших патриарха «за Земляной город». Именно Матвеев должен был исправить дело и заставить Никона вернуть посох. От своего друга царь узнал и о неосторожно оброненных словах Никона, что он якобы приезжал в Москву «по вести».

Посланцы царя Алексея Михайловича не оставили эти слова без внимания. Открылось дело, в ходе которого выяснилось, что боярин Никита Иванович Зюзин не только продолжал переписку с опальным патриархом, но и передавал ему содержание своих разговоров с царскими приближенными — Афанасием Лаврентьевичем Ординым-Нащокиным и тем же Артамоном Матвеевым. По словам Никиты Зюзина получалось, что именно они рассказали, как тяжело переживает царь, готовый простить патриарха Никона, если тот сам об этом попросит. Становится понятна уверенность Никона, самостоятельно, в нарушение царского распоряжения, покинувшего Воскресенский монастырь. Царь Алексей Михайлович якобы в разговорах с Ординым-Нащокиным и Матвеевым говорил, что не верит наветам на Никона его противников, и приводил в пример приезд к нему в Хорошево чернеца Григория Неронова с жалобами на патриарха, оставшимися без всякого рассмотрения.

Все дело было в характере патриарха Никона, рассорившегося с «духовенством и синклитом». Даже царь опасался, как бы ему самому не попасть в сложное положение в случае приезда Никона в Москву.

Стремясь превратить этот приезд чуть ли не в заговор с боярином Зюзиным, составители дела попутно «метили» в Ордина-Нащокина, вбивая клин в его взаимоотношения с царем. Вся интрига и обилие правдоподобных деталей, включенных в текст зюзинского письма, причем таких, которые могли быть известны только близкому к царю человеку, выдают автора. В письме боярина ярко передана мысль о сопутствии молитвы патриарха Никона успешным делам царя Алексея Михайловича и о желании такого же продолжения: «...душевно зачали... ратное дело и всякие свои царственные и духовные дела вкупе с ним». Так могли сказать немногие из тех, кто видел, как не хватает царю патриаршей молитвы. Но еще интереснее объяснение того, почему Никона звали в Москву именно 18

декабря, в воскресенье (упомяная при этом о приближавшейся памяти московского митрополита Петра). Царь Алексей Михайлович якобы говорил: «А се де мне к тому числу надобно с ним утвердить о отпуске посолском ево Афанасьеве, что посол последней с поляки на чем поставить и пособоровать о том со всеми чины и пост заповедовать всем».

Эти слова позволяют предложить другую версию приезда патриарха Никона в Москву, связав его внезапное появление в столице еще и со сложной придворной борьбой и интригой думного дьяка и главы Посольского приказа Алмаза Иванова. В царском окружении любой ценой стремились не допустить созыва Земского собора для обсуждения условий мира с Речью Посполитой. Предложение царю Алексею Михайловичу о созыве собора шло от упоминавшегося в зюзинском письме Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Боярин Никита Зюзин подтвердил на следствии, что письмо написано «его рукой», не скрывал он его содержания и от духовного отца — справщика Печатного двора Александра, помогавшего переправить письмо патриарху в Воскресенский монастырь: «...а сказал, что в том письме писано о прощенье, и велено ево звать к Москве, чтоб патриарх ехал к Москве перед Рождеством Христовым для миру с польским королем (выделено мной. — В. К.) и для иных государственных дел».

Сам Ордин-Нащокин, давно использовавший тайнопись в личных грамотках и записках царю, прекрасно знал ревнивое отношение Алексея Михайловича к разглашению содержания обсуждавшихся государственных вопросов. Он не отрицал своего общения с «опальным» Зюзиным, но боярин ничего определенного не мог вспомнить из этих разговоров, кроме слов: «добры де, чтоб к посылке ево посольства был и патриарх; а болши того ничего не говаривал». Показания Зюзина про разговоры с Артамоном Матвеевым вообще отсутствуют, и это, скорее всего, не случайно. Если Афанасий Ордин-Нащокин не обсуждал подробно приезд патриарха Никона, то это мог сделать только еще один человек, названный в деле и также входивший в царское окружение.

Одна деталь хорошо подтверждает высказанную версию. Из расспросных речей стрельцов про внезапный приезд патриарха выясняется, что городские ворота в ту ночь охранял приказ Артамона Матвеева. Никону объясняли, что, приехав в Москву ночью к Тверским воротам, он должен был назваться архимандритом Звенигородского монастыря. Именно полковник и стрелецкий голова Матвеев мог распорядиться о пропуске «звенигородских властей» (на самом деле патриарх Никон въехал сначала в Никитские ворота, но это не отменяет того факта, что ждали его в Москве

именно тогда, когда могли обеспечить беспрепятственный проезд в Кремль). И еще одно важное обстоятельство для понимания скрытой борьбы при дворе царя Алексея Михайловича. Как уже упоминалось, Артамон Матвеев — пасынок главы Посольского приказа думного дьяка Алмаза Иванова, многократно сталкивавшегося, вплоть до личных ссор, с Ординым-Нащокиным и входившего в круг думцев, любыми средствами не желавших допустить примирения царя и патриарха.

Царь Алексей Михайлович в итоге смог разобраться во всех деталях дела о самовольном приезде Никона в Москву. По итогам его рассмотрения наказали только одного участника событий — боярина Никиту Зюзина. Его лишили боярского чина, вотчин и поместий и сослали в Казань. Поплатился за свою «вину» ростовский и ярославский митрополит Иона, принявший благословение патриарха. Возможно, снова не обошлось без умысла отвести царя от набиравшего силы и достигшего положения патриаршего местоблюстителя иерарха. Схема была сходной, как и с попыткой дискредитации Ордина-Нащокина в глазах царя. Заранее было известно, что в ночь на 18 декабря в Успенском соборе должны были служить митрополит Иона и митрополит Сарский и Подонский Павел. В зюзинском следственном деле нет и намека на принятие патриаршего благословения митрополитом Павлом. Почему же тогда Никита Зюзин думал, что тот примет это благословение, и писал об этом в письме патриарху?

Павел получил крутицкую митрополию после того, как патриарх Никон проклял его предшественника Питирима. Поставление Павла прошло без участия Никона, и он посчитал это таким же вторжением в его патриаршие права, как и хождение переведенного на новгородскую митрополию Питирима в шествии «на ослята». 19 декабря митрополит Павел был послан вместе с окольничим Родионом Матвеевичем Стрешневым возвратить взятый Никоном патриарший посох. Никон высказал все, что думал о крутицком митрополите: «А митрополиту говорил, что он ево знал в попех, а в митрополитах не знает, и кто ево в митрополиты поставил, того не ведает, и посоха ему не отдаст». И в дальнейшем митрополит Павел проявил себя как участник антиниконовской «партии», усердствуя в обвинении патриарха Никона на суде над ним.

Никон тоже понял свою ошибку и увидел, как была использована его доверчивость. Поэтому решил искать примирения и вернул забранный из Успенского собора посох митрополита Петра. Выдал он и оставшееся у него письмо боярина Никиты Зюзина, чтобы доказать свой приезд «не

самовольно», а «по вести с Москвы» (другая переписка между ними была предусмотрительно уничтожена). Патриарх даже здесь стремился не уронить своего достоинства и сделал это через воскресенского архимандрита Герасима, но в присутствии митрополита Павла и окольного Родиона Стрешнева. К царю Алексею Михайловичу он обратился с челобитной, предлагая компромисс. Патриарх просил, «чтоб великий государь ко вселенским патриархом не посылал», а в ответ обещал, «что на святительский престол великия России не возвратится и в мысли его того нет». Никон просил только оставить ему, как и раньше, в управление два монастыря, где вел строительство, — Воскресенский и Иверский. Добавляя, что у «прóклятого» им новгородского митрополита Питирима и без того останется в управлении больше 250 монастырей и двух тысяч церквей. Никон стремился к миру с царем и «успокоению» церкви, ссылаясь еще на приближавшуюся старость: «...а век де его не долгой, а ныне де ему близко 60 лет» (что было правдой: Никон родился в 1605 году). Просил он и за людей, сосланных в его деле, а также заботился о сохранности привилегий Воскресенского монастыря.

Все это было не слишком похоже на Никона, всегда действовавшего с позиции уверенного в своей правоте человека. Проверить, действительно ли он смирился, в Воскресенский монастырь были посланы чудовский архимандрит Иоаким и дьяк Дементий Башмаков. Они приехали 13 января и должны были передать Никону похвалу царя и Освященного собора за выдачу «составных воровских писем» и имени «составщика и ссорщика Микиты Зюзина», а также продолжить поиск других «ссорщиков и мятежников и пересыльщиков» и расспросить патриарха, говорил ли он слова о своем согласии на избрание другого патриарха и удалении на покой. Никон подтвердил, «что он тех своих слов и ныне не отменитца, а писать не хотел и стоял о том упорно». В любом случае его предложение мира опоздало. В это время иеродиакон Мелетий в сопровождении Стефана Грека и подьячего Тайного приказа Перфилия Оловянного снова пытались договориться о приезде в Москву иерусалимского патриарха Нектария.

Правда, вселенский патриарх по-прежнему не хотел ехать из Иерусалима в Москву, отговариваясь опасностью проезда через воюющую Черкасскую землю, «да и от турчина боится, чтоб Иерусалима от христианства не отняли». В своей грамоте царю Алексею Михайловичу он передавал благословение, а на словах просил патриарха Никона вернуться на патриарший престол, не видя никого другого на патриаршестве, так как за ним не было никакой вины. При этом Никону не стоило отказываться от



суда, «будет де ево позовут». Об этом ответе стало известно незадолго до поездки дьяка Дементия Башмакова в Воскресенский монастырь, и если бы Никон написал, как его убеждали, какое-то короткое письмо царю, подтверждающее его слова об удалении на покой, все могло пойти иначе. Но патриарх в очередной раз проявил упорство, затворился в своей келье и стал готовить совсем другое пространное послание для передачи царю, грозившее превратиться в еще один книжный трактат<sup>[511]</sup>.

До определенной поры обстоятельства способствовали сохранению Никоном патриаршего сана. Приезд для суда вселенских патриархов, на чем соглашались и царь, и патриарх, надо было готовить, а сделать это в условиях продолжавшейся войны с королем Яном Казимиром и междоусобия в землях «черкас» было очень сложно. Своих представителей — экзархов — вселенские патриархи посылать не стали. Иерусалимский патриарх Нектарий счел необходимым подчеркнуть это в своем послании Алексею Михайловичу 20 января 1665 года. Нектарию предлагали другой маршрут приезда — «через Грузинскую землю к Астрахани», обещая компенсировать все расходы, «что у турка откупатца», но он отказался, по-прежнему боясь нанести вред положению вверенной ему церкви в Иерусалиме. Впрочем, для проезда в Россию других вселенских патриархов чуть позже все-таки будет использован именно волжский путь.

Пока же Никон снова мог вернуться к управлению и устройству Воскресенского и Иверского монастырей. В мае 1665 года патриарший «Новый Иерусалим» посетил, выдав себя за купца, любознательный участник голландского посольства Николаас Витсен. Стрелецкая охрана патриарха была уже ослаблена, из тридцати присланных ранее царем Алексеем Михайловичем стрельцов, по свидетельству Витсена, остались только десять, их пушки и оружие он видел на деревянной, украшенной резьбой башне с часами рядом с въездом в Воскресенский монастырь. С собой молодой голландец привез в подарок патриарху масло, сахар, пакетики с пряностями и семенами (стрельцы участвовали в их передаче), а также целый ящик, «полный луковицами, цветами, рассадой, кустами роз и ягод», с благодарностью принятый патриархом. Никон даже лично наблюдал, как гости, по его просьбе, управлялись с посадками. Беседуя с голландским «купцом», патриарх расспрашивал его больше о делах политических. Когда Никон узнал, что голландского посла отпускают «плохо», он упрекнул приближенных царя Алексея Михайловича в неумелом ведении дел: «Вот теперь так и идут дела, когда меня там нет, и они лишены моих благословений, всех они делают своими врагами, включая татар. Когда я еще находился в Москве, всегда меня обвиняли в

подобных неудачах; но кто же теперь виноват?» Главной, повторяющейся мыслью патриарха была, судя по разговору с Витсеном, идея о том, что без него у царя Алексея Михайловича в Москве ничего не получается: «Дела царя теперь худые, потому что он лишен моих благословений»<sup>{512}</sup>.

Быстро справиться с Никоном его врагам не удалось. Тогда была сделана ставка на посредников из греческого духовенства, более ловко, чем домашние богословы, умевших использовать канонические разночтения и учительский авторитет. Но только не для Никона, убедительно настаивавшего на том, что вселенского патриарха могут судить только такие же вселенские патриархи. Размолвка царя и патриарха совсем иначе выглядела в Константинополе и Иерусалиме, где вселенские патриархи не могли действовать самостоятельно без согласия султана под угрозой потери не только кафедры, но и жизни. В желании оправдаться Никон решил напрямую обратиться к константинопольскому патриарху Дионисию. Выше арбитра в церковных делах не было как для Никона, так и для царя. Только здесь было нарушено главное требование к патриарху Никону — обращаться по всем делам сначала с челобитной к царю. Патриарх Никон, напротив, действовал тайно и решил переслать письмо главе Православной церкви без ведома царя Алексея Михайловича.

Возможность для отсылки письма патриарху Дионисию появилась во время пребывания в Москве посольства Войска Запорожского во главе с гетманом Иваном Брюховецким. Один из участников посольства, депутат от Чернигова «черкашенин» Кирилл Давыдов, совершил паломничество к патриарху Никону в Воскресенский монастырь в начале декабря 1665 года. Тогда же к патриарху приехал из Иверского монастыря его двоюродный племянник Федот Тимофеев сын Марисов, служивший в патриарших детях боярских. Именно ему и было поручено патриархом Никоном отвезти письма в Константинополь, выехав из столицы под видом родственника черниговца Кирилла Давыдова, якобы прожившего в Москве в плену несколько лет. Еще не зная ничего о содержании этих писем, в Москве сделали всё, чтобы вернуть беглеца, обратившись к гетману Брюховецкому, быстро исполнившему царскую просьбу. Федот Марисов был быстро пойман и доставлен в Москву, 8 февраля 1666 года он уже давал показания. Письма патриарха Никона оказались при нем.

Нарушения тайны и предательство доверия «Тишайший» не прощал, пути к примирению с Никоном и его возвращению на патриарший престол не осталось. Царь стал лично готовить своих посланников к константинопольскому патриарху. Он выбрал для этого архимандрита Афонского Павловского монастыря Иоанникия и келаря кремлевского

Чудова монастыря Савву, наказав им передать золотые складни с иконами Богоматери и Николая Чудотворца. Представители царя должны были тайно проехать к константинопольским патриархам — Дионисию и его предшественнику Парфению. Грамота Дионисию датирована 11 января 1666 года, его просили приехать в Москву для участия в церковном суде или по крайней мере назначить своего экзарха. Патриарху Парфению написали грамоту 15 января (существовала вероятность, что его вернут на константинопольский престол, поэтому было заготовлено две грамоты). Тогда же были выданы статьи, «прикрывавшие» главные цели посылки архимандрита Иоанникия и келаря Саввы: о поиске книг, мастеров, закупке товаров и проч. Предусмотрительность оказалась не лишней, ибо турецкие власти с подозрением отнеслись к поездке Иоанникия и задержали его на Афоне. Келарь Савва уже один исполнил свою миссию и добрался до константинопольского патриарха.

Из царских вопросов, переданных константинопольскому патриарху, отчетливо выясняются причины, по которым царь Алексей Михайлович желал видеть его лично в Московском государстве. Царь «молил» вселенского патриарха, «дабы ты пришел на Москву и дом его благословил и церковные нужные вещи исправил». Главное, что хотел узнать царь: «И что сотворити царю: или Никона патриарха молить, или иного поставить?» Как видим, Алексей Михайлович все еще допускал возможность возвращения патриарха Никона на свой престол! Остальные вопросы были вызваны сомнениями по поводу количества и содержания прежних грамот вселенских патриархов, переданных с диаконом Мелетием и Стефаном Греком, а также недоверием к посредникам в Москве. Про иконийского митрополита Афанасия спрашивали: «От тебя ли прислан и сродствен ли тебе, или ни?» Интересовали царя и полномочия Паисия Лигарида: «И в прошлом во 173-м году Стефан гречин был ли у тебя и с ним грамоты послал ли еси, что Гас кому быть ексархом, или ни?»

Из ответов патриарха Дионисия получалась совсем неприглядная картина. Московский царь выглядел жертвой обмана. Иконийский митрополит Афанасий оказался самозванцем, а не родственником константинопольского патриарха, и бежал в Москву от долгов. Прав был Никон и в своих обвинениях Паисия Лигарида в «латинстве». В ответе патриарха Дионисия про главного «судью» в «деле Никона» говорилось: «А Глигаридий лоза не константинопольскаго престола, и я его православна не нарицаю, что слышу от многих, что он папезин и лукав человек». Конечно, такой отзыв разрешал вопрос о том, существовала или нет грамота о назначении Паисия Лигарида экзархом константинопольского патриарха.

Разговор келаря Саввы с патриархом Дионисием касался и других важных деталей обвинения Никона: «проклятий», наложенных им на крутицкого митрополита Павла и других лиц. Константинопольский патриарх вышел из затруднения с помощью компромисса, поставив решение в зависимость от действий митрополита: если он «на осляти ехал без царского ведома, и он проклят, а буде по цареву веленью, и он несть проклят». Особенно важны были сказанные в связи с этими «проклятиями» слова константинопольского патриарха: «А Никонова клятва несть клятва, понеж Дух Святый не действует им, яко отвержесе своего престола своею волею». В этих словах, возможно, заключалось решение по всему «делу Никона».

Просто разрешил константинопольский патриарх и сомнения царя Алексея Михайловича по поводу новшеств в богослужении: «По воспросе ж светлейший патриарх сказал о аллилуиа и о сложении перст и о символе и рек тако: «аллилуия, аллилуия, аллилуия доксосиофеос» [Слава Тебе Боже] и сложил три персты и показал тако творити, и в символе и в Духа Святого Господа животворящего, и о том сказал к царю писал». И, наконец, еще один важнейший вопрос касался управления киевской митрополией. Царь обратился с этим вопросом к константинопольскому патриарху в ответ на предложение гетмана Ивана Брюховецкого назначить киевского митрополита из Москвы. Ответ патриарха Дионисия косвенным образом свидетельствовал об отказе от дальнейшего подчинения Киева Константинопольской церкви, решение же судьбы митрополии отныне также принадлежало царю Алексею Михайловичу. На вопрос, «проклинал ли» он московского ставленника в местоблюстителе киевской митрополии епископа Мефодия «и ныне его имеешь благословенна и прощена или ни?» — патриарх Дионисий отвечал, соглашаясь с тем, что царь Алексей Михайлович может и здесь проявить свою волю: «Я того Мефодия не проклиная, но паки благословляю, да не токмо Мефодия, но и всех царевых человек благословляю и Бога молю. Я светлейшего и православного царя имею истинна раба Христова, яко ж великого Константина царя».

Ответы, полученные келарем Саввой, были засвидетельствованы позже архимандритом Иоанникием. Но точное время их получения в Москве неизвестно. В дальнейших своих шагах царь Алексей Михайлович мог бы опереться на переданные ему слова константинопольского патриарха. По предположению исследователя и публикатора документов «дела Никона» Николая Ивановича Гиб-бенета, это произошло, когда другие вселенские патриархи находились на соборе для осуждения Никона.

Однако вряд ли царь и члены собора успели ознакомиться с таким документом до осуждения Никона, следов влияния ответов константинопольского патриарха Дионисия на деяния собора не заметно [{513}](#).

Подготовка суда над Никоном шла несколько лет, и решающую роль в этом деле сыграл диакон Мелетий, убедивший поехать в Москву двух вселенских патриархов — александрийского Паисия и антиохийского Макария. Оба вселенских патриарха встретились в Шемахе, куда 23 апреля 1666 года из Терека воеводой Иваном Андреевичем Ржевским было направлено все необходимое для их встречи и сопровождения в пределы Русского государства: «буса», «сандал» для удобства путешествия, деньги «на подъем», охрана и даже две пушки. 16 июня, не заходя на Терки, «буса» с патриархами и их свитой пришла в Волжское устье, а уже 21 июня на подъезде к Астрахани восточных патриархов и другое духовенство встречал астраханский архиепископ Иосиф. В Москве о их приезде узнали только 28 июля 1666 года, когда отписку астраханского архиепископа доставили в Приказ Тайных дел. С этого дня пошел отсчет последних месяцев пребывания Никона на патриаршем престоле.

## **Церковный собор**

Знаменитый церковный собор, на котором состоялось осуждение Никона, открыл свои заседания даже раньше, чем в Москве достоверно узнали о приезде вселенских патриархов. В записи соборных деяний Симеона Полоцкого его начало датируется январем 1666 года, хотя русские митрополиты и архиепископы продолжали приезжать и после открытия собора. По сведениям разрядных книг, первый раз прием «в Столовой избе», где потом будут происходить главные заседания собора с участием Никона, состоялся 12 февраля, на память московского чудотворца митрополита Алексея (и именины царевича Алексея Алексеевича). В этот день сначала был молебен в Чудовом монастыре, где присутствовали «бояре, и окольничие, и думные люди в шубах», а потом царский стол с участием новгородского митрополита Питирима, ростовского и ярославского Ионы, Крутицкого Павла и «палестинских» митрополитов: газского Паисия Лигарида, «амасийского» Козьмы, а также сербского митрополита Феодосия. Там же находились «и архиепископы, и епископы, и московских монастырей власти», а среди светских приглашенных лиц — боярин Никита Иванович Одоевский, недавно назначенный глава

Монастырского приказа боярин князь Иван Андреевич Хилков и окольный Федор Васильевич Бутурлин. Отсутствовал только казанский митрополит Лаврентий, упомянутый на другом торжественном приеме в Столовой палате по случаю именин царевны Евдокии Алексеевны 22 февраля. Вероятно, его опоздание из-за дальности дороги и стало основанием для упоминания несколько «размытой» даты начала собора — в январе или феврале 1666 года.

Собравшиеся на соборе русские иерархи должны были прежде подтвердить полномочия приезжавших в Русское государство вселенских патриархов в намечавшемся суде по «делу Никона» и в других церковных вопросах. Неожиданностей быть не могло, и они быстро одобрили всё, что требуется, а дальше, добровольно отдав права своего суда в руки вселенских патриархов, ожидали вместе с царем Алексеем Михайловичем их приезда в Москву. Во время начавшегося Великого поста церковные власти присутствовали в царских палатах только по самым торжественным поводам — 17 марта в день царских именин на память Алексия человека Божия, 1 апреля — в день именин царицы Марии Ильиничны — на память Марии Египетской. 15 апреля на праздник Пасхи все они были приглашены в Грановитую палату<sup>{514}</sup>. Алексей Михайлович явно был занят другими важными государственными делами.

Члены собора в это время решали участь протопопа Аввакума и других сторонников «старой веры»<sup>{515}</sup>. У старообрядцев было свое противостояние с Никоном, но изначально их проповедь была личным духовным подвигом; даже по отношению к своим врагам и гонителям они не переступали грань христианского смирения. Возвращенный в Москву из своей первой одиннадцатилетней ссылки в 1664 году, едва не замученный своим приставом воеводой Афанасием Пашковым в Даурской земле, Аввакум просил царя о снисхождении для своего врага! То, что говорил протопоп в Первой челобитной царю о времени, бывшем до начала патриаршества Никона, лучше всего характеризует нереализовавшиеся стремления участников кружка Стефана Вонифатьева: «Добро было при протопопе Стефане, яко все быша тихо и немятежно ради его слез и рыдания, и негордаго учения: понеже не губил Стефан никого до смерти, якоже Никон, ниже поощрял на убиение»<sup>{516}</sup>.

О пребывании в Москве и встречах с царем Аввакум вспоминал в «Житии» (оно сохранилось в нескольких редакциях). Остались и другие тексты, например «Книги толкований и нравоучений», где Аввакум неоднократно вспоминал о царе Алексее Михайловиче. Как иногда бывает

с афористичными высказываниями, вырванными из контекста и приводимыми без учета хронологии, яркие фразы гонимого протопопа с трудом помогают пробиться к пониманию менявшихся взглядов Аввакума, которого царь звал даже в свои духовники<sup>[517]</sup>. Между тем Аввакум сохранял при жизни царя Алексея Михайловича более или менее доброе отношение к нему и видел в нем прежде всего «невинную жертву» Никона. Аввакум и любил, и «судил» царя, но как священник, а не как раб или слуга. Его «суд» включает размышление, обсуждение, попытку разобраться с тем, что произошло с церковью и какова в этом роль царя Алексея Михайловича.

Члены церковного собора, судившие старообрядцев в мае — июле 1666 года, показали себя настоящими инквизиторами. Иерархи заставляли отрекаться от своей веры людей, не принявших недавние церковные нововведения, не видевших смысла в отказе от книг, икон и церковного обряда, которому следовали предки<sup>[518]</sup>. Когда Аввакума в числе многих подсудимых снова привезли в Москву, его сначала отправили «под начал» в Пафнутьев Боровский монастырь, где он сидел на «чепи». После этого, 13 мая 1666 года, собор расстриг и проклял Аввакума в Успенском соборе Кремля. Как он сам вспоминал в «Житии», «ввели меня в соборный храм и стригли... и бороду враги Божии отрезали у меня... один хохол оставили, что у поляка, на лбу». Царь все равно не забыл отправленного в Николо-Угрешский монастырь протопопа. По словам «Жития», он приезжал туда, возможно, думая о встрече с Аввакумом, но так и не решился этого сделать: «И царь приходил в монастырь: около темницы моя походил и, постовав, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да ушто воля Божия так лежит». Знал Аввакум и причину царских терзаний: его заступницы во дворце — боярыня Морозова и другие — сумели дойти до самой царицы Марии Ильиничны. «Как стригли, — писал уже несколько лет спустя в своем заточении протопоп Аввакум, вспоминая времена собора 1666 года. — в то время велико нестроение вверху у них бысть с царицею с покойницею: она за нас стояла в то время, миленькая; напоследок и от казни отпросила меня»<sup>[519]</sup>.

Приезд в Москву вселенских патриархов и их свиты надо было хорошо подготовить. Царь Алексей Михайлович, наученный неудачами в долгой переписке с главами православных церквей Востока, должен был быть уверен в их легитимности и в том, что они готовы преследовать здесь не столько свои интересы и думать не о сборе милостыни, а решить дело патриарха Никона. Как извещали сами патриархи, 6 августа они доехали до



Царицына, а 20-го — до Саратова, где встретили посланного им навстречу подьячего Тайного приказа Порфирия Оловяникова. С ним была послана грамота, в которой вселенские патриархи предлагали призвать в Москву «белорусских властей в собор архиереев и архимаритов и прочих»<sup>{520}</sup>. Хотя присутствие иереев и клира из городов, завоеванных в ходе войны, для суда над Никоном не было уж таким необходимым. Царь извещал вселенских патриархов и о рождении у него сына, царевича Ивана Алексеевича. Он родился «августа с 26 числа, за три часа до света». Патриархам писали, что царь назвал своего сына в честь Ивана Грозного: «А имя нарекли ему государю прапрадедне великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Росии самодержца!»<sup>{521}</sup>

С вестью о рождении царевича Ивана сразу же послали и к патриарху Никону. 27 августа спальник и родственник царя Петр Иванович Матюшкин отвез в Воскресенский монастырь милостыню 400 рублей. В ответ Никон, конечно, поздравлял царя, но не преминул намекнуть на свое скудное состояние («и обращаю, посмотрев в нищих своих вещех в дары сыну вашему государеву... и не обретох достойных»), поэтому вместо «злата, серебра и камней» послал царю в благословение написанную им икону Иоанна Крестителя и монастырские «хлеба» «своих и братских трудов со словами: «И кушайте, государи, во здравие»<sup>{522}</sup>. Все, что делал тогда Никон, вряд ли можно признать искренним жестом. Присланные им царю и царице простые хлеба — «един белый, другой ржаный» — были символическим даром. Патриарх нарочито подчеркивал свою бедность, и это было неприятным ответом на пожалование царем Алексеем Михайловичем Воскресенского монастыря. Примирения между царем и патриархом Никоном по-прежнему не было.

Въезд в столицу александрийского патриарха Паисия и антиохийского Макария состоялся 2 ноября 1666 года. Патриархов и других восточных иерархов торжественно встречали на Лобном месте перед въездом в Кремль, где казанский митрополит Лаврентий говорил приготовленную речь от собора российских архиереев и игуменов. Вселенских патриархов разместили на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле. Уже 4 ноября состоялся их торжественный прием царем Алексеем Михайловичем в Грановитой палате. Перед началом суда над патриархом Никоном прошло несколько совместных заседаний, на которых решались важные вопросы, касавшиеся подтверждения прав суда вселенских патриархов; последние наконец-то ознакомились и с самим «делом Никона».

28 ноября к Никону в Воскресенский собор было отослано посольство

в составе архиепископа Псковского и Изборского Арсения, архимандритов Спасского Ярославского монастыря Сергия и Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, тоже Сергия, для его приглашения в Москву. Ошибается тот, кто думает, что не смирявшийся перед царем Никон испугался суда вселенских патриархов. Им было что сказать друг другу при встрече, но Никон собирался быть обличителем, а не обличаемым. Уже его шествие из Воскресенского монастыря и вступление в столицу показывало готовность к борьбе. Никон заставил ждать своего отъезда, «а собрание своему и поезду к Москве времени не объявил», поэтому 30 ноября собор решил «послать к Никону в другие, и в третьи» — сначала архимандрита Владимирского Рождественского монастыря Филарета, а потом архимандрита Новоспасского монастыря Иосифа.

Со стороны могло выглядеть так, будто патриарх затягивал время, но он собирал патриарший «поезд» и готовился к встрече с царем. Для Никона это означало причаститься и собороваться, о чем, конечно, немедленно донесли царю. Потом во время соборных заседаний царь подойдет к Никону и у них состоится примечательный разговор об этом соборовании (записан Иваном Шушериным со слов какого-то оказавшегося рядом монаха), где бывший патриарх якобы скажет об ожидавшейся им смертной казни: «Мало же часу минувшу, в размышление царь прииде, и став у престола своего, и положи руку свою на устех своих молча на мног час, таже по сем прииде близ ко Святейшему патриарху Никону, и прием держимую у него лествицу пре-бирая, рече ему тихими глаголы, яко никому же слышати, токмо близ сущим его монахом, сице: о Святейший патриарше, что яко сотворил еси вещь сию, полагая ми зазор великий и безчестуя мя. Никон же рече: како? Царь же рече: внегда ты поехал еси из обители своя семо, тогда ты первое постився и исповедывался и Елеосвящением святився, такожде и святую литургию служил, аки бы к смерти готовяся и сие ми быть великий зазор. Святейший же патриарх рече: истинно се, о царю, яко все сотворих, ожидая от тебе на ся не токмо скорбных и томительных наведений, но и самая смерти»<sup>[523]</sup>.

При возвращении в Москву, вероятно, в ночь с пятницы на субботу 1 декабря 1666 года, Никон шел как патриарх, впереди него ехал с крестом верный диакон Иван Шушерин, описавший позднее этот суд в жизнеописании Никона. Царь и его приближенные тоже подготовились к встрече бывшего патриарха. Иван Шушерин хорошо запомнил вступление Никона в Москву, ведь для него самого это событие стало прологом к трехлетнему заключению в тюрьме и дальнейшей ссылке. Когда были уже на месте, у Архангельского подворья рядом с Никольскими воротами

внутри стен Кремля всю процессию остановили перед закрытыми дверями. Шушерин успел передать крест патриарху Никону, предупреждавшему его о таком повороте событий, а патриаршего «подьяка» (иподиакона) самого «взяша два стрельца под обе пазухи и понесоша аки на воздухе, не успевая бо ногами и до земли доткнутися».

Царь Алексей Михайлович видел в нем лазутчика, передававшего вести от Никона в Москву и обратно, и даже сам допрашивал Шушерина у себя «в Верху». Как глухо написал Иван Шушерин в своей книге, царь спрашивал его «о недоведомых вещах». Однако никаких сведений добиться ему не удалось, свидетельствовать против своего патрона Шушерин не стал. Утром патриарх Никон и его свита из тридцати человек «преломили» оставшуюся у них «едину четвертину хлеба», так как привезенные из монастыря запасы отвезли на Воскресенское подворье. Все подъезды к Никольской башне были перекрыты, даже «и мост великий, иже у оных ворот, весь разобраша», и ничего к Никону в Кремль нельзя было провезти<sup>[524]</sup>.

В первые дни декабря 1666 года состоялось несколько соборных заседаний, решивших участь патриарха Никона. Он присутствовал на двух главных заседаниях 1 и 5 декабря, а также 12 декабря, где был объявлен приговор о сведении Никона с престола. Опальному патриарху удалось испортить торжество своих гонителей. С самого своего появления в Москве он вел себя не как подсудимый, а, наоборот, как несправедливо гонимый и убежденный в своей правоте церковный иерарх. 1 декабря 1666 года, в субботу, взяв принесенный из Воскресенского монастыря крест, Никон со свитой двинулся в свой крестный путь. Опять вышла заминка. Приставы прочитали смысл происходящего и стали останавливать Никона: «Недостойт ти на собор сей иди с крестом; понеже сей собор не инославный, но есть православный». Но и отнять у Никона крест никто не мог, пока царь не разрешил ему идти на собор с крестом.

Это была первая, но не единственная победа патриарха Никона. Он также выразил желание помолиться в Успенском соборе, но расторопные царские слуги закрыли перед ним двери храма. Не пустили его и в Благовещенский собор. Тогда патриарх демонстративно поставил свои «худые» сани, на которых его везли через уже собравшуюся в Кремле толпу людей рядом с изукрашенными соболями санями вселенских патриархов. Никон мужицким умом хорошо понимал свою паству и знал, что жалостью можно привлечь людей на свою сторону. В этих его жестах присутствовало и «уничуждение паче гордости», к чему так был склонен добровольно оставивший свой трон в Москве опальный патриарх.

Царь, бояре и думные чины, церковные иерархи заранее собрались в Столовой палате Кремля. Имена членов Боярской думы, пришедших вместе с царем «в третьем часу дни» 1 декабря, названы в отчете о соборном суде: восемь бояр во главе с Никитой Ивановичем Одоевским, одиннадцать окольных, включая таких антагонистов Никона, как Богдан Матвеевич Хитрово и Родион Матвеевич Стрешнев, восемь думных дворян и пять думных дьяков (в том числе посвященные во все перипетии дела Дементий Башмаков и Алмаз Иванов). Следом на собор вошли высшие церковные чины, включая двух вселенских патриархов — Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, которых посадили за отдельным столом. Демонстрируя единство всех вселенских патриархов, перед ними поставили ковчег с двумя свитками константинопольского и иерусалимского патриархов и переводами с их посланий царю Алексею Михайловичу. Позднее это пригодится: когда патриарх Никон будет оспаривать полномочия суда в отсутствие всех четырех вселенских патриархов, ему укажут именно на эти свитки (в которых вселенские патриархи ничего не говорили про необходимость отречения его от патриаршества!).

Рядом с патриархами находилось десять митрополитов (кроме четырех русских, шесть представителей вселенских церквей, в том числе главный обвинитель Никона газский митрополит Паисий Лигарид, записавший ход суда над Никоном), семь архиепископов и четыре епископа (среди них еще один враг Никона, епископ Вятский Александр). Как и предлагали вселенские патриархи, в Москву все-таки были вызваны представители «белорусской» (украинской) церкви — черниговский епископ Лазарь Баранович и Мстиславский Мефодий. Участвовали в заседаниях собора еще 30 архимандритов и девять игуменов всех крупных русских монастырей<sup>[525]</sup>. Члены Думы и высшие церковные чины были посажены на скамьях по правую и левую сторону Столовой палаты. Не забудем еще и совершенно не заметного здесь Симеона Полоцкого: деяния собора записаны латиницей именно его рукой.

Затем, когда «в четвертом часу дни» позвали на собор Никона, в Столовой палате разыгралась еще одна великолепная сцена русской истории, «закольцевавшая» драму оставления патриаршества: подсудимый патриарх целый час ждал перед закрытыми дверями, так как затворившиеся в ней члены собора вместе с царем не знали, как его принимать. Было уже согласовано соборное определение о вине патриарха и необходимости его отлучения от патриаршества, а вот самую первую встречу не продумали. Приняли в итоге решение всем сидеть при входе

вызванного на суд Никона, но сами же и не выдержали и встали при виде вошедшего с крестом патриарха, благословившего своих судей.

Так Никон сразу же сломал заготовленную схему процесса. Но у этой истории было и продолжение. В ответ на приглашение судей сесть «на правой стороне близ государева места» Никон отказался, заявив, что он пришел не для суда, а для выяснения целей прихода вселенских патриархов в Москву: «Я де места себе, где сесть, с собою не принес, разве де тут, где стою, а пришел де он ведать, для чего они вселенские патриархи его звали»<sup>[526]</sup>. Если бы и дальше Никону дали произносить свои речи, еще неизвестно, чем бы все закончилось. Но тут в ход собора вмешался царь Алексей Михайлович, сошедший «с своего государского места» и вставший рядом с сидящими чуть ниже от него вселенскими патриархами и Никоном. И они сошлись, стоя один напротив другого...

Алексей Михайлович отнесся к этому суду как к исповеди, только она нужна была ему не для раскаяния, а для утверждения собственной правоты. Когда еще можно было представить, чтобы царь своими собственными руками отдал вселенским патриархам челобитную Никона о каких-то монастырских рыбных ловлях на море у Кольского острога, где были написаны «на него великого государя многие клятвы и укоризны, чего и помыслить страшно»! Еще перед началом первого соборного заседания царь жаловался вселенским патриархам, говоря, что Никон призывает на него «суд Божий» из-за приезда в Москву «не со многими людьми», обвиняет в «мучении» из-за ареста «малого» — иподиакона Шушерина, и даже «исповедовался и причащался и маслом освящался» в Воскресенском монастыре перед самой поездкой. Порядок и содержание вопросов, заданных на соборе, также не оставляют сомнений в желании царя, опираясь на авторитет собора, снять с души тяжесть давней ссоры. Алексей Михайлович просил вселенских патриархов выяснить у Никона, почему он беспричинно оставил патриарший престол и писал царю «многие безчестья и укоризны».

На первом заседании собора вселенским патриархам была прочитана перехваченная грамота Никона «к цареградскому патриарху» Дионисию. Оказывается, царя Алексея Михайловича особенно задели не объяснения Никоном истории его ухода из Москвы, а то, что было написано о прежних царях: «посылай де он Никон патриарх в Соловецкой монастырь для мощей Филиппа митрополита, его же мучи царь Иван несправедно». Теперь патриарх должен был дать ответ еще и «в бесчестиях и укоризнах» в адрес Ивана Грозного! Следующий «личный» вопрос, предложенный царем на суд вселенских патриархов: «чтоб бывшего Никона патриарха допросить: в

какие архиерейские дела он великий государь вступаетца». И в конце первого соборного дня в присутствии Никона царь Алексей Михайлович просил узнать еще о пророчествах Никона: «бывшей Никон патриарх говорил великому государю: Бог де тебя судит, я де узнал на избрании своем, что тебе государю быть до меня добру до шти лет, а потом быть возненавидену и мучиму».

Целый день патриарх Никон стоя отбивался от своих судей, отстаивая свою правду в прямом смысле. Снова ему были предъявлены давно уже сданные в архив Посольского приказа и снова извлеченные оттуда и отданные заранее на собор 5 октября 1666 года документы об оставлении патриаршего престола «с клятвою» и отречении от своего патриаршего сана. Обвинение строилось на каких-то старых письмах, про которые Никон говорил, что он их не писал, на свидетельствах бывших на соборе лиц, например, окольного Родиона Матвеевича Стрешнева, рассказывавшего о поведении Никона после оставления патриаршества. Никон настаивал на своей версии: что ушел, сохраняя патриарший сан, а остальное на него «затеяли».

Перешли к разбирательству несчастного дела 10 июля 1658 года. Главные свидетели и участники были здесь. Окольный Богдан Матвеевич Хитрово говорил, что просил прощения за нечаянный удар патриаршего человека и Никон простил его. В общем, разбирали все обиды, включая даже несчастную собачку, обученную боярином Семеном Лукьяновичем Стрешневым подражать «благословлению» передними лапами и якобы названную им «Никоном» (чего, как клялся окольный царю Алексею Михайловичу, не было). Выяснилось, что Никон уже простил и этого обидчика, заплатившего щедрую церковную милостыню, и даже выдал ему разрешительную грамоту. Вспомнили и про действия Никона на патриаршем престоле, когда осудили епископа Коломенского Павла, после чего тот безвестно пропал. Пытались обвинить Никона в неуважении к другим патриархам и церковным догматам. Словом, за один день успели высказать всё, что накопилось за годы противостояния между царем и патриархом<sup>{527}</sup>.

Суд над московским патриархом, если использовать образы любимой царем Алексеем Михайловичем охоты, был похож на травлю медведя. Никона, как большого и по-прежнему опасного зверя, пытались истощить словесными ударами, а он неуклюже оборонялся, отмахиваясь в пустоту, всё больше раздражаясь на своих обидчиков. «Промежду же сими они оглагольницы: Павел, Иларион и Мефодий, — писал Иван Шушерин, вспоминая имена главных врагов патриарха, — яко зверие дивы обскачуще



блаженного Никона, рыкающе и вопиюще нелепыми гласы, и безчинно всячески кричаху лающе...» Главный «охотник» — царь Алексей Михайлович — медлил и сомневался, ему всегда нужен был подпор. Когда-то он мог опереться на боярина Бориса Ивановича Морозова и того же Никона. Теперь вокруг него были не друзья и советники, а слуги и «холопы», готовые верно исполнять всё, что скажет царь, но совсем не умевшие действовать без царского указа.

Иван Шушерин приводит показательный эпизод во время этого соборного заседания. Когда царь, видя, что его поддерживают только несколько епископов, напрямую обратился к боярам («возопи гласом велим с яростию»): «Боляре, боляре, что вы молчите и ничего не вещаете и мене выдаете, или аз вам ненадобен?» — в ответ выступил только один боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий, что-то проговоривший в пользу царя. От патриарха Никона, конечно, эта размолвка не укрылась, он давно обвинял царских советников, настраивавших царя против патриарха. Поэтому Никон не преминул возможностью поквитаться с «боярским синклитом»: «О царю! Сих всех предстоящих тебе и собранных на сию сонмицу, девять лет вразумлял еси и учил, и на день сий уготовлял, яко да на нас возглаголют; но се что бысть: не токмо что глаголати умеяху, но ниже уст отверсти можаху».

Далее Никон вообще привел Алексея Михайловича в ярость, заметив с издевкой, что если бы царь приказал боярам побить его камнями, «то сие они вскоре сотворят», а чтобы спорить с ним («а еже оглаголати нас»), то можно еще девять лет их учить, «и тогда едва обрящеши что». Иван Шушерин описывает, что стало с царем после таких слов: «Сие же слышав царь вельми гневом подвижесе и от ярости преклонися лицом своим на престол свой царский на мног час, и посем воста». В последней надежде он обратился к черниговскому епископу Лазарю Барановичу как к беспристрастному судье, не встречавшемуся ранее с Никоном, но и тот ничем не мог помочь, произнеся слова, которые любил повторять сам царь, правда, совсем по другому поводу: «О благочестивый царю, како имам *против рожна прати*, и како имам правду оглагольствовати, или противитися»<sup>{528}</sup>.

Наверное, Алексей Михайлович почувствовал себя в одиночестве, отойдя к царскому месту «и став у престола своего и положи руку свою на устех своих молча на мног час». Достоверен жест царя Алексея Михайловича, державшегося при разговоре за лестовку патриарха. Тогда и мог состояться приведенный выше разговор об оскорбительном для царя причастии и приготовлении Никона к смерти накануне отъезда из



Воскресенского монастыря. Говорили царь и патриарх и о других вещах, если только Иван Шушерин не использовал литературный прием, чтобы передать «речи» царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. По признанию самого Никона в более позднем послании, когда он просил прощения у царя Алексея Михайловича в своих «винах» (как он их понимал, а не в чем его обвиняли), личный разговор их на соборе всё же состоялся. Но сам Никон тогда обратился с просьбой к царю: «И егда позван я на собор, и ты, великий государь, подходя ко мне говорил: «Мы, де, тебя позвали на честь, а ты, де шумишь». И я тебе, великому государю говорил, чтобы ты, великий государь, мою грамоту [константинопольскому патриарху] на соборе том не велел чести, а переговорил бы ты, великий государь, наедине, и я бы всё зделал по твоей, великого государя, воле. И ты, государь, так не изволил, и я поневоле против твоих писаных слов говорил тебе, государю, прекословно и досадно, и в том прощения же прошу»<sup>{529}</sup>.

В этом признании — объяснение намеренно вызывающего поведения Никона на соборе. Уверенный в собственной правоте патриарх не хотел никого слышать, а царь не мог ему уступить без потери своей чести. Судя по протокольной записи первого заседания, так они и провели целый день, стоя друг против друга и публично выясняя накопившиеся царские претензии к патриарху. А далее, как значится в «Дневальных записках» Приказа Тайных дел (бесстрастно и бестолково для всей этой великой истории небывалого личного противостояния царя и патриарха), «изволил великий государь итить за столовое кушанье в 3-м часу ночи»<sup>{530}</sup>.

Патриарху Никону и его свите, напротив, вечером после первого соборного заседания опять не дали никакой еды, а пристав отказался докладывать об этом своим начальникам. Тогда Никон вышел к своей многочисленной охране и громко обратился с требованием донести царю, что патриарх «и прочие с ним от глада скончаваются». Только тогда весть дошла по цепочке от стрелецких сотников до их полковников, а дальше до ближних бояр и самого царя. Алексей Михайлович, конечно, не хотел выглядеть мучителем, поэтому распорядился отослать на подворье к патриарху и его свите «бращна и пития». Но Никон и здесь сумел кольнуть царя, отказавшись принять присланную им пищу и требуя, чтобы ему доставили всё необходимое из привезенных им из Воскресенского монастыря запасов. Патриарх использовал ситуацию для нового нравоучения царю Алексею Михайловичу: «Писано бо есть, яко лучше есть зелие ясти с любовию, нежели телец упитанный со враждою». Царь

воспринял ответ Никона с гневом — «вельми оскорбися, паче же наивящше на гнев подвижесе», жаловался вселенским патриархам, но вынужден был согласиться и разрешить привоз монастырских запасов<sup>{531}</sup>.

Следующее соборное заседание снова происходило в Столовой палате, в понедельник 3 декабря, в присутствии царя Алексея Михайловича, но без участия Никона; оно продолжалось не так долго, как накануне, «до 5-го часа дни». Очевидно, что надо было решить, как заставить Никона признать обвинения. Царь вновь предъявил перехваченную грамоту патриарха Никона к константинопольскому патриарху Дионисию как доказательство несправедливых обвинений в «еретичестве»: «бранясь де он патриарх с митрополитом газским», написал, что «царское величество и весь освященный собор и все православное христианство от святых восточные и апостолские церкви отложились и приступили к западному костелу». Для того чтобы отвести подозрения, собору представили некое «сыскное дело» о Лигариде, доказывавшее, что «он православен». Конечно, подтвердить православие Паисия Лигарида было легче, чем справиться с аргументами Никона.

Были рассмотрены и грамоты самого Никона, где он именовался патриархом, его отступления в богослужении, например, служба на иордани в день Богоявления «в навечери», а не днем в сам праздник. Все теперь обращалось для того, чтобы показать, что Никон не единожды «солгал», а значит, его можно судить. Напротив, окольного и оружного Богдана Матвеевича Хитрово окончательно оправдали. Оказалось, что патриарший дворянин был намеренно послан Никоном, «чтоб смуту учинить», а царский слуга сделал все правильно, «прибив» его.

Патриарх был приглашен на собор только в среду 5 декабря. Тогда и решилась его судьба. Судьи продолжали настаивать на своем и обсуждать те же пункты, что и в первом заседании. Только на этот раз было решено опереться на авторитет и толкования церковных правил вселенскими патриархами и установления из печатной Кормчей. Вселенские патриархи, слушая переводчиков, аргументы Никона, конечно, в полной мере воспринять не могли. Его острые реплики, адресованные судьям, только утверждали их в своей правоте; к тому же они достаточно времени находились в Москве и уже понимали, для чего были приглашены: освятить своим авторитетом заранее приготовленный приговор. Московский патриарх настаивал, что вселенского патриарха может судить только собор всей «вселенная», и отказывался признавать суд только двух из четырех вселенских патриархов: «От сего де часа свидетельствуюся Богом, не буду де перед ними патриархи говорить дондеже

константинопольский и ерусалимский патриархи будут».

Похоже, терпение окончательно оставило Никона. Загнанный в угол, он вступил в неравную схватку со всеми сразу — церковными иерархами, думцами и самим царем. Ему читали церковные правила об архиереях, добровольно оставлявших сан, а он объявлял, что это «враки». Появившиеся после поместных соборов правила введены греками «от себя», напечатаны «еретиками», а в русской Кормчей отсутствовали и не имели значения для Московской церкви. Рязанский архиепископ Иларион обвинял его, показывая грамоту, где Никон случайно написал себя «патриархом Нового Иерусалима». Никон свою руку признал: «Рука моя, разве описался...» Все в один голос обвиняли Никона, что он произносил пресловутую «клятву», или «анафему». Дальше всех пошел думный дьяк Алмаз Иванов, приписавший Никону слова в грамоте царю Алексею Михайловичу «о действе вайя» (то есть о «шествии на осляти» в Вербное воскресенье), что не подобает ему возвратиться на патриарший трон, «яко псу на своя блевотины, так ему на патриаршество». Ссылаясь на это обвинение, «архиереи говорили, что его Никона никто не изгнал, сам отшел с клятвою».

Суть позиции Никона сводилась к противоположному утверждению: «Я де не отрекался от престола, то де на его затеали». Но для доказательства этого утверждения надо было объяснить причины ухода из Москвы, и Никон стал говорить про царский гнев, вспоминая при этом другие события: «как де на Москве учинился бунт, и ты де царское величество и сам неправду свидетельствовал, а я де, утешась, пошел твоего государева гнева». Суть этой отсылки к недавним событиям «Медного бунта» не очень понятна, но напомнить царю о его «неправде» и «гневе» означало полностью изменить картину мира собравшихся на соборе ближних людей царя и церковных архиереев. Возмутился «непристойными речами» и новым «бесчестьем» от Никона и царь Алексей Михайлович, говоря, что «на него великого государя никто бунтом не прихаживал, а что де приходили земские люди, и то де не на него великого государя, приходили бить челом ему государю об обидах». Такое напоминание об одном из поражений царя вызвало общую отповедь светских и церковных участников собора: «как он не утешитца Бога, непристойные слова говорит и великого государя бесчестит».

Никон продолжал наступать. Кроме прямых упреков царю, он стал оспаривать права присутствовавших на соборе вселенских патриархов — александрийского и антиохийского. Никону было известно, что они потеряли свои кафедры и на их места были назначены другие владыки. И

это было правдой! Сами патриархи вынуждены были допустить, что в их отсутствие на их кафедрах могли произойти какие-то изменения: «разве де турки без них что учинили». Поэтому, когда антиохийский патриарх Макарий напомнил Никону о звании «вселенского судии» у александрийского патриарха Паисия, Никон ответил грубо: «Там де и суди. А во Александреи де и во Антиохии ныне патриархов нет, александрейской живет во Египте, а антиохийский в Дамаске». Никон предлагал поклясться вселенским патриархам на Евангелии для подтверждения своих прав, что они отказались делать. Никон выражал сомнения даже в содержании и подписях на свитках константинопольского и иерусалимского патриархов, отговариваясь незнанием их «руки». Досталось и антиохийскому патриарху Макарию, своим словом подтверждавшему истинность подписей: «Широк де ты здесь, а как де ответ дашь перед константинопольским патриархом?»

Показателен итог этих препирательств. Никона всё равно обвинили по всем предъявленным ему статьям, главным образом потому, что увидели, как он противился воле царя Алексея Михайловича. Собор с участием двух вселенских патриархов вынес свой вердикт московскому патриарху об извержении его из сана: «И отселе не будеши патриарх, да не действуеши, но будеши яко простой монах». В перечислении «вин» Никона первые два пункта содержали упоминание о его действиях против царя Алексея Михайловича: отрекался от патриаршего престола «безо всякие правильные вины, сердитуя на великого государя», и обесчестил царя обвинениями в «приложении к западному костелу» и «еретичеству». Не забыли вселенские патриархи и про свое бесчестие — называл их «непатриархами», назвал «враками» соборные правила, «будто еретики печатали». Должен был ответить Никон и за пропажу без вести изверженного им из сана и сосланного в новгородский Хутынский монастырь коломенского епископа Павла. Его исчезновение (и, как были уверены старообрядческие публицисты, сожжение за веру в срубе) стало еще одним тяжелым обвинением Никона: «И то тебе извержение вменитца в убийство»<sup>[532]</sup>.

Последнее соборное заседание, куда пригласили Никона, состоялось 12 декабря 1666 года (царь Алексей Михайлович еще раз встречался на несколько часов с вселенскими патриархами вечером 8 декабря). Крест у патриарха Никона отобрали еще тогда, когда объявили «вины» 5 декабря, поэтому в Патриаршую крестовую палату он шел уже не так торжественно, как раньше, и вынужден был ждать в сенях приглашения войти. Вселенским патриархам предстояло огласить готовившийся целую неделю официальный вердикт и до конца исполнить свою миссию. Согласно выписке из соборного суда, произошло это в Крестовой палате «на соборе

при властях и при боярех, и при думных людях». Однако было всего несколько человек, которых царь прислал по просьбе патриархов «от своего царского синклита». Сам царь Алексей Михайлович уклонился от того, чтобы лично присутствовать при последних действиях церковного собора в «деле Никона», отправив бояр князя Никиту Ивановича Одоевского и Петра Михайловича Салтыкова, думного дворянина Прокофия Кузьмича Елизарова и думного дьяка Алмаза Иванова. Они и выслушали соборный приговор вместе с Никоном, обвиненным в «смятении» православного царства: «влагаясь в дела неприличные патриаршему достоинству и власти». Многие обвинения были вписаны в последний момент, дополнительно упоминая об обидах, нанесенных Никоном вселенским патриархам на соборном заседании 5 декабря<sup>[533]</sup>.

Даже повергнутый патриарх Никон был опасен своим врагам. Когда вселенские патриархи в надвратной церкви Чудова монастыря приступили к выполнению обряда снятия патриарших символов власти перед ссылкой на Белоозеро в Ферапонтову пустынь, он не стал слушать их поучений о мирной жизни в монастыре, а бросил им в лицо еще одно обвинение в корысти: «Знаю де я и без вашего поучения, как жить, а что де клобук и понагию разделили по себе, а достанетца де жемчугу золотников по 5 и по 6 и болши и золотых по 10»<sup>[534]</sup>. На следующий день монах Никон уже ехал в сопровождении архимандрита нижегородского Печерского монастыря Иосифа и под охраной одного из первых офицеров (а потом и генералов) Московского выборного полка Агея Алексеевича Шепелева в ссылку из Москвы.

Царь Алексей Михайлович попытался напоследок как-то помириться с Никоном, но тот отказался это делать. Спустя несколько месяцев, уже находясь под охраной в Ферапонтовом монастыре, «седяй во тме и сени смертней, окованный нищетою и железы», Никон написал царю новую грамоту, опровергая каждое из обвинений, прозвучавших на соборе: «А что патриарси и судьи с ними судили, ни едина вина обрелась». Порядок перечисленных вин показателен, потому что в документах о соборе они перечислены по-разному, а здесь Никон сам их «выстроил», как запомнил. «Первая вина написана, — говорилось в грамоте, — что я тебя, великово царя государя, безчестил, мучителем называл. И то солгали». Вторая статья — Никон назвал царя Ровоамом да Гиозиену, и хотя Никон использовал упоминавшегося в Евангелии от Матфея царя Ровоама для сравнения с действиями царя Алексея Михайловича, это было, по словам опального патриарха, совсем другое. «А про Гиозию солгали», — опять добавлял

Никон. Третья статья — о бесчестии вселенских патриархов. Никон опять вспоминал, что эти патриархи, по их же признанию, жили «в чужем дворе», один — в Египте, а другой в Дамаске. «И то им какое зло?» — риторически вопрошал он. Четвертая вина — «отшествие» со своего престола, о чем лишенный сана патриарх опять рассуждал очень пространно, хотя по сути ничего не мог добавить нового.

В белозерской тиши Никон успел обдумать и понять, что весь суд был предreshен заранее и его гонители лишь запутывали ход дела, «потому у них и все несправедливо писано, потому что вина моих прямых не обрелось достойных извержению». Осужденный патриарх не признавал заранее предreshенного суда: «Все уже у них было до суда изготовлено. У тебя великого царя государя, и подьячие лучше то рассудят. Егда судят пишут обоих речи — истца и ответчика, и прочитают обоим, так ли истец и ответчик говорил, и потом всяк свои речи рукою закрепляет, и потом рассуждают речи их, и выписывают из законов ваших царских. А тут все не по закону заповеди было». Никон не верил этому суду еще и потому, что на нем пытались судить то, что было между ним и царем Алексеем Михайловичем: «Мы с тобою, великим государем царем, говорили, а они наших речей ничою не знают... А судьи все дремали да спали, а писал неведомо какой человек, что ты, великий царю прикажешь. А что написал — тово никто не слыхал».

Поздно было переделывать уже сделанное. Никон мог горделиво говорить, «а что клобук снял со жемчухи и иной дали, ничтоже мне о жемчуге том попечение». Но писал он эти слова, находясь за сотни верст от Москвы, жалуясь на действия пристава Степана Наумова («пристав зело-зело прелют»). Из этого же послания узнаем и о желании царя Алексея Михайловича получить благословение от Никона при его отъезде от Москвы. Но и в ту минуту Никон остался верен себе и не примирился с царем: «А что ты, великий царю, присылал ко мне в час, в он же во изгнание мя повезли, окольничева своего Иродиона Стрешнева с милостынею и просити прощение и благословение от меня тебе, великому царю государю, и царице государыни, и чадом вашим, и царевнам государыням, и я ему сказал ждать суда Божия». И еще несколько раз Никон отказывался от посылки благословения царю, пока 7 сентября 1667 года все тот же пристав Степан Наумов не передал ему царские слова «просити о умирении». Только тогда он наконец-то послал царю то благословение и прощение, о котором его просили с самого времени отъезда из Москвы. Неужели Никон сдался? Нет! Тот, кого сделали на соборе простым монахом, собственноручно подписался при этой посылке

благословения: «Смиренный Никон, милостию Божиею *патриарх*, тако свидетельствую страхом Божиим и подписал своею рукою (выделено мной. — В. К.)»<sup>{535}</sup>.

Год спустя после начала соборных заседаний дошла очередь и до нового обвинения расстриженного протопопа Аввакума перед вселенскими патриархами. Все время, пока шел суд над Никоном, Аввакум содержался поблизости от Москвы, его враги надеялись, что он смирится, а сам протопоп стремился тем временем добиться встречи с царем. Он обратился с челобитной к царевне Ирине Михайловне, говоря ей: «Ты у нас по царе над царством со игуменом Христом игумения». Аввакум просил царскую сестру, знавшую его еще со времен Стефана Вонифатьева и посылавшую в первую ссылку священнические «ризы», устроить ему суд со своими противниками. Аввакум думал, что победит в открытом диспуте перед вселенскими патриархами и всем собором, не понимая, что весь собор был настроен против него: «Царевна-государыня, Ирина Михайловна, умоли государя-царя, чтобы мне дал с никонияны суд праведной, да известна будет вера наша христианьская, и их никониянская»<sup>{536}</sup>.

30 апреля 1667 года Аввакума привезли из Боровского монастыря в Москву, где опять «держали скована». А дальше продолжилась целая череда увещеваний и уговоров. Сначала дважды, 3 и 11 мая, это пытались сделать чудовский архимандрит (будущий патриарх) Иоаким и архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Сергей («Волк», дает ему прозвище Аввакум). Такая настойчивость будет понятна, если вспомнить, что именно 13 мая 1667 года (ровно год спустя после расстрижения протопопы Аввакума) вселенские патриархи на соборе произнесли анафему всем, кто не соглашался с их постановлениями о признании исправленных Служебных и Требников, пении трегубой аллилуйи и троеперстном знамении.

17 июня состоялся суд перед вселенскими патриархами над старцем Григорием Нероновым (раскаившимся на соборе) и протопопом Аввакумом. Позднее в записке «о напастовании и терпении новых страдалцов» — протопопы Аввакума и других осужденных к урезанию языка и заточению в Пустозерск — упоминалось об этом событии: «Июня в 17 день имали на собор сребролюбныя патриархи в Крестовую, соблажняти и от веры отвращати, и уговаривая не одолели». С другой стороны, и готовившие осуждение нераскаившегося протопопы судьи (они называли Аввакума «блядословным», но не приходится сомневаться, что в ответ слышали от протопопы еще более сильные слова) делали всё, чтобы



обвинить его в отступлении от церкви и отклонить прозвучавшие обвинения в «неправославности» собора. Попытки царя Алексея Михайловича повлиять на Аввакума через своих доверенных лиц, в частности присланного 4 июля думного дьяка Дементия Башмакова, просившего осужденного собором протопопа молиться за царя, успеха не имели.

По материалам соборных заседаний, одна из последних попыток увещевания Аввакума и других сторонников старой веры была предпринята 5 августа 1667 года, когда «для допросу церковных раскольников» протопопа Аввакума, попа Лазаря и чернеца Епифанца (они названы «бывшими» протопопом, попом и монахом) были направлены архимандриты Владимирского Рождественского монастыря Филарет, Хутынского Иосиф и снова Спасо-Ярославского Сергей. Среди вопросов о признании истинности церкви и ее таинств, на которые они должны были получить ответы, был еще один, напрямую касавшийся царя Алексея Михайловича: «Православен ли он и благочестив ли», так же как «православны ли и благочестивы ли» вселенские патриархи и их собор? Создается впечатление, что Аввакума и других «раскольников» хотели вынудить произнести обвинения в адрес царя, тогда бы тот не стал больше защищать протопопа.

Аввакум подал письменную записку («письмо своей руки»), и вот его ответ: «Церковь православна, а догматы церковные от Никона еретика, бывшего патриарха, искажены новоизданными книгами». Он признавал только книги, изданные при прежних пяти московских патриархах, бывших до Никона. Но, главное, сказано им про царя Алексея Михайловича: «Государь... православен, но токмо простою своею душею принял от Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая их православны, не рассмотря плевел еретических в книгах, внешних ради браней, понял тому веры»<sup>{537}</sup>. Такой ответ судьям не пригодился, и они не использовали его в окончательной редакции обвинений.

Помешать решению о ссылке Аввакума в Пустозерск царь тоже не смог, не согласившись лишь с урезанием языка известного проповедника, в отличие от его будущих пустозерских союзников попа Лазаря и инок Епифания, подвергшихся наказанию 27 августа в Москве «на Болоте». Последнее, что сделал царь Алексей Михайлович для своего несостоявшегося духовника, — попросил через доверенного слугу дьяка Дементия Башмакова молиться за царя, что Аввакум и исполнил. В последние дни лета 1667 года Аввакума, Лазаря и Епифания увезли из Москвы.

Деяния собора 1666/67 года с участием вселенских патриархов обозначили трагическую грань между старым и новым состоянием церкви. Стремление устранить Никона из политической жизни, точнее, избавиться от его влияния на царя Алексея Михайловича, привело совсем не к тем результатам, на которые рассчитывали. Даже самые последовательные обвинители Никона на соборе, вроде рязанского архиепископа Илариона, были удивлены, когда услышали слова общего приговора о том, что «царство» выше «священства», и не стали подписываться под этим утверждением. Помог Паисий Лигарид, предложивший записать так: «священство» выше в делах церкви, а «царство» — в светских.

Случившийся переворот в церковных воззрениях привел к торжеству чина, иерархии, писаной нормы над глубокой верой и следованием собственным убеждениям. Внешне это выразилось в разделении православных людей, в отказе старообрядцев от государства и «официальной» церкви, предавшей анафеме сторонников сохранения прежних порядков церковной жизни. Раскол совершился, подтвердив допустимость насилия для утверждения веры. Живая вера была заменена мертвой, глубина духа — торжеством начетничества и приспособлением церкви к интересам светской власти. Отказ прочувствовать боль людей, лишенных прежней веры, насилием загонявшихся в «утвержденный» обряд, проходивших через показательные отречения, тюрьмы и казни, не прошел бесследно. История церковного собора 1666/67 года изменила и царя Алексея Михайловича; ему тоже пришлось отречься от людей, с которыми он ранее делился своими душевными переживаниями. С кем было теперь ему «душевно» беседовать, кого просить о молитвах за себя и свою семью? Новый царский духовник — протопоп Благовещенского собора Андрей Саввинов, назначенный 30 января 1667 года, для таких бесед явно не годился, а следующий патриарх, Иоасаф II, возведенный в сан 31 января 1667 года<sup>[538]</sup>, не имел уже такого влияния на царя и общего представления о миссии Русской церкви во вселенском Православии.

## ОРЕЛ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

В истории христианских стран и народов есть даты, являющиеся бесспорными вехами культуры и самосознания. Начало книгопечатания в России относится, как известно, еще к середине XVI века, и прошло почти сто лет, прежде чем в 1663 году вышло в свет московское издание Библии. До этого момента, кроме рукописей, с Библией на славянских языках можно было познакомиться только по двум пражским изданиям (впрочем, труд Франциска Скорины 1517–1519 годов не вполне соответствовал каноническим требованиям к изданиям церковных текстов) и Острожской библии Ивана Федорова 1581 года. На «перевод с Библии Острожской типографии» как на источник своего издания ссылались московские книжники и на первом листе книги, изданной по «повелению» царя Алексея Михайловича. В предисловии к московской Библии 1663 года говорилось о том, что царь увидел «велий недостаток сих божественных книг в державе царствия своего, ниже бо рукописныя отнюдь обретахуся, в мале же и едва где уже печатным острожским обрестися, им же от многа времени оскудети». Приводился новый титул царя Алексея Михайловича — «Великия, и Малыя, и Белья России». Дата указывалась двойная, чтобы книгу могли читать во всех православных землях: в лето «от создания мира» — 7172-е, а «от воплощения же Бога слова» — «1663, индикта 2, месяца декемврия в 12 день»<sup>[539]</sup>. Издателям пришлось выходить из затруднительного положения, так как они должны были упомянуть действующего патриарха, но Никон, как известно, оставил свой трон. Поэтому, говоря о «благословении» издания Библии, они сослались на общий церковный синклит «преосвященных митрополитов, и архиепископов, и епископов». Не случайно Никон был недоволен этим изданием.

В начале московского издания Библии содержались целая программа и обоснование нового положения Москвы, достигнутого в царствование Алексея Михайловича. В «написи на тривенечное» упоминалась «Московия» и содержался ответ о символической трактовке трех венцов (царских корон): «яко воздержавствует Европою, Асиєю, землею тричастныя Ливии». Но главный «посыл» миру содержался в трактовке герба, помещенного на одной из первых страниц: двуглавый орел с расправленными крыльями, со щитом в центре, где символически изображен царь Алексей Михайлович, поражающий копьем змея, как

Георгий Победоносец<sup>[540]</sup>. Над главами три короны — одна большая и две поменьше, в лапах орла — скипетр и держава. Под изображением герба — план Москвы. В текстовой части приведены слова из 102-го псалма: «обновится яко орля юность твоя». И дальше помещены «стихи на герб»:

*Орла сугубоглавство, образ сугубодержавства,  
Алексия царя над многими странами началства.  
В десней скиптр, знамение царствия.  
В шуй же, держава его самодержавствия.  
Выспрь глав, трегубии венцы,  
Троицы содержащая земли концы...*

Образ государственного герба — орла — становится центральным, не только утверждая своей символикой защиту веры от еретиков, но и обосновывая широкую программу новой России как защитницы вселенского Православия. Еще в 1660 году Симеон Полоцкий в кратком рифмованном диалоге, прочитанном перед царем, стал использовать этот образ, называя будущего наследника царя Алексея Михайловича — царевича Алексея: «Орел Русси всея». Представитель польской школы учености, сначала писавший по-русски латиницей, появился в Москве, видимо, в то же время, когда там завершалась работа над печатанием Библии. Не было ли в предисловии к ее изданию и его авторского вклада? Символично название еще одной книги, созданной Симеоном Полоцким несколько лет спустя в честь «объявления» царевича Алексея Алексеевича наследником престола 1 сентября 1667 года, — «Орел многоликий». В ней также помещено изображение герба, повторяющее изображение из Библии 1663 года, правда, с одним важным изменением: вместо державы орел держит меч<sup>[541]</sup>.

Известна и знаменитая икона «государева изографа» Симона Ушакова — «Древо государства Московского». Она прославляла образ Владимирской Богоматери, перенесенный Андреем Боголюбским из Киева во Владимир, а затем ставший главной святыней Московского царства. Образ Богоматери в центре вписан в древо, вырастающее из Кремля и посаженное митрополитом Петром и Иваном Калитой. Отрасли древа — главные святые Русской земли, ее великие князья и цари. Икона утверждала родство и преемственность правящей династии с прежними временами: от царя Федора Иоанновича до царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета. Внизу иконы, за стеной Московского Кремля, помещены

портреты царя Алексея Михайловича с левой стороны и его семьи — царицы Марии Ильиничны с детьми царевичами Алексеем и Федором. Долгое время икона, происходившая из церкви Троицы в Никитниках, датировалась 1668 годом, и только совсем недавно была установлена новая дата ее написания — 171-й (1662/63) год<sup>{542}</sup>. Следовательно, издание Библии и появление иконы «Древо государства Российского» совпадают по времени.

Этот настойчивый поиск новых символов Московского царства требует объяснений.

## **Поход короля Яна Казимира**

Год 172-й (1663/64) оказался переломным для всей русско-польской войны. За десять прошедших лет уже можно было понять, что получилось, а что нет. Обе стороны — Русское государство и Речь Посполитая — подошли к определенному рубежу. Усталость населения, отягощение казны, истощение ресурсов — все это было справедливо как для Москвы, так и для Варшавы. Но едва обе стороны дошли до обсуждения контуров будущего договора о мире, случился бунт в Москве. Утаить сведения о событиях в Коломенском было невозможно, а для врага они были признаком очевидной слабости царя Алексея Михайловича. Можно говорить об «отложенном эффекте» слухов о московском восстании, сопровождавших отправленного из Москвы в октябре 1662 года думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Он рассчитывал на поддержку отпущенного из Москвы гетмана Винцентия Госевского, но того убили, как и его брата и других ближайших сподвижников, невзирая ни на какие их заслуги перед Литвой (казнили даже героя виленской обороны 1655 года Казимира Жеромского). В Речи Посполитой мечтали одним королевским походом на Москву решить исход войны и продиктовать свои условия мира.

Здесь уместно вспомнить о побеге за рубеж сына думного дворянина — Воина Афанасьевича Ордина-Нащокина, служившего королю Яну Казимиру с начала 1660 года<sup>{543}</sup>. Царь Алексей Михайлович утешил своего советника особым посланием, говоря, что измена сына никак не повлияет на отношение к самому Афанасию Лаврентьевичу. Правда, к моменту отъезда посольства в Польшу «блудный сын» одумался и написал покаянную челобитную царю, а в ответ получил приказ оставаться при польском короле Яне Казимире «для вестей». Воин Нащокин оказался в

итоге в составе королевской армии. Хотя позднее о нем говорили как об изменнике, именно он смог передать в Москву сведения о планах королевского похода. Возвратившийся с неудачных переговоров с королем Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин привез тревожные известия. Патрик Гордон записал тогда в своем дневнике: «Царский фаворит Афанасий Лаврентьевич Нащокин, отправленный в Польшу, возвратился с малым успехом и сообщил, что в Польше идут великие приготовления к нашествию»<sup>{544}</sup>.

Афанасий Лаврентьевич составил подробную записку царю Алексею Михайловичу: *«О миру Великой Росии с Польшей, чтобы разсудительство иметь к прибыли Московскому государству и впредь нерозорвано было»*. Для прояснения своей мысли он несколько раз использовал риторический оборот: «Великой же Росии надобен союз с Польшей» (отметим использование этого нового обозначения Русского государства) — и объяснил «неотложный» характер такого мира: «...в нужное их безвременье прикуп велик Московскому государству к росширенью учинить, а великого государя его царского величества к повышению преславного имени». Отчасти переоценивая влияние шведов («а свея-ном то люто ненавидимо, что с Польшей будет такой мир»), Ордин-Нащокин писал о их интригах для разрыва мирных отношений России и Речи Посполитой. Он сам столкнулся с этим на переговорах во Львове, подозревая, что именно от шведского комиссара в Москве пошли «печатные злые вести» о событиях в столице<sup>{545}</sup> и трудном положении царя Алексея Михайловича: «И учили в мирных статьях горды быть и несходительны сенатыри, по военному обычаю радуясь чюжему упатку. И тем свейским письмом поносить учили, будто правда написана, что безсилье Великой Росии и внутрь своего государства разорение и война». Интригами шведов посол объяснял и текущие события, когда в Москве в конце 1663 года стало известно о походе польско-литовских войск: «Для того с обеих сторон король и войска литовские пошли к московским краем, что им наслушили шведы: рати де московские против башкирцев все высланы с Москвы». По его мнению, враги, страстно не желавшие союза России и Польши, не останавливались даже перед прямой изменой и подстреканием к новому мятежу: «И не только в литовской полон на Москве и в русские московские люди многие розрушительные ссоры вмещают и розоренья наводят, как и в прошлом году на Москве был коломенской шум»<sup>{546}</sup>.

Даже после отказа от медных денег в стране было далеко от



настоящего успокоения. Царь Алексей Михайлович просил власти Соловецкого монастыря о единовременном займе из монастырской казны, «донеле же то воинское время прекратится». Послание было личным и написано в «наших царских полатах». Царь признавал, что «нынешняя продолжающаяся война», которую вели в отмщение «прежнего страшного разоренья над Московским государством и над всею Великою Россиею от польского короля, за злостями их латынского народу», никак не прекратится и дело не дойдет «до умирения» (отметим всё тот же оборот «Великая Россия», звучащий в царской речи). По этой причине, писал царь, «денежная казна наша поддерживается» и просил «денег взаймы 50 000 рублей», «покамест наша денежная казна посберется». Архимандрита Варфоломея, келаря Савватия и старца-казначая с братьею просили отнестись к этой необычной просьбе с пониманием: «...а того в оскорбление святой обители не почитать и не мыслить, но с радостию сие дело учинить»<sup>[547]</sup>. Подключение самого царя Алексея Михайловича к делу пополнения казны серебром говорит о многом: жалованья по-прежнему не хватало, выдавали его с задержками и по частям, что приводило к новому недовольству служилых людей.

Решающее столкновение между Московским государством и Речью Посполитой произошло во второй половине 1663-го — начале 1664 года, когда король Ян Казимир, наконец-то справившийся с конфедератами, заручился согласием польско-литовской армии и выступил в поход на украинские земли. По разрядным книгам, уже 30 июня 1663 года состоялся царский указ о расстановке войск «против польского короля». В Смоленске главным воеводой назначили заслуженного «ветерана» войны с Литвой — боярина князя Якова Куденетовича Черкасского, а с ним боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского и стольника князя Юрия Никитича Барятинского, 1 июля туда же был назначен на службу боярин и воевода князь Федор Федорович Куракин. Именно князь Черкасский стоял во главе всей армии, к нему «в сход» должен был идти из Новгорода другой известный боярин и воевода князь Иван Андреевич Хованский (он все еще оставался в Москве, и царь Алексей Михайлович даже назначил его ведать Ямской приказ), а из Калуги — боярин и воевода Петр Васильевич Шереметев и окольный Михаил Семенович Волынский. Конечно, речь шла только о номинальной субординации, а не о соединении сил, действовавших на значительном удалении друг от друга. 1 июля сменили воевод в Пскове, куда отправили еще одного члена Думы — окольного и воеводу Андрея Васильевича Бутурлина и Льва Прокофьевича Ляпунова. Тогда же, в начале июля, был пожалован за службу по выборам нового



гетмана окольничий князь Данила Степанович Гагин «с товарищи»; как говорилось в посланной грамоте: «...они, будучи в войске Запорожском, его государевы дела в совершение привели, по его великаго государя указу, и выбрали гетмана Ивана Брюховецкого». Одновременно жалованье посылалось и епископу Мстиславскому и Оршанскому Мефодию, считавшемуся «блюстителем митрополии Киевской»<sup>[548]</sup>. Другое стратегическое решение — отправка отряда стряпчего Григория Касогова для войны во владениях крымского хана. Совместно с сечевыми казаками Ивана Серко и калмыками Григорий Касогов станет успешно воевать под Перекопом, и это окажет влияние на союзных королю крымских татар.

Король Ян Казимир выступил в поход на Русское государство во главе объединенного войска Речи Посполитой в августе 1663 года. По всем канонам это означало решительный поворот в войне. Не случайно польско-литовская сторона соглашалась начать переговоры только в Калуге или Белеве. Королю удалось собрать в свой первый и последний поход на Москву значительную армию, усиленную вспомогательным татарским войском во главе с крымскими царевичами и достигавшую 130 тысяч человек. Уже в сентябре, как написал в своем дневнике Патрик Гордон, «литовские войска под командой гетмана Паца пришли и разбили лагерь у Мигнович, простояли там около двух недель и разграбили всё до самых ворот Смоленска. Они выступили на Украину для соединения с королем и коронной армией, кои, по слухам, идут от Киева. В сих войсках было около 12 000 человек»<sup>[549]</sup>. Именно там, на дороге от Москвы в Киев, надеялись в скором времени оказаться объединенные королевские войска, крымские татары и казаки правобережной части Украины.

Напротив, новый гетман левобережных казаков Иван Брюховецкий разъяснял рядовому казачеству мнимые московские угрозы, используемые старшиной, для утверждения своей власти «по ту сторону Днепра». Атакуя «соблазнитель», обманывающих казаков и пугающих «рабством Московским», он предлагал своим «братьям» лучше прочесть «список с грамоты его царского величества о правах свободы, искони данных войску». Брюховецкий снова говорил о «самом важном и главном» препятствии к объединению с Польшей: о преследовании православной веры «на Волини, в Подолии, Подгорьи и в других Малороссийских странах». В универсале 31 октября 1663 года Брюховецкий подтверждал желание кошевых казаков Запорожской Сечи поддержать единоверцев в Москве и писал с осуждением о поддержавшей короля правобережной старшине: «Привлекли короля ляхов и татар, чтобы татарскою и ляхскою

саблею искоренить Украину и опустошить Российскую землю, как по ту, так и по сю сторону Днепра»<sup>{550}</sup>.

В октябре войско Яна Казимира уже шло маршем по украинским городам от Белой Церкви. 13 городов сдались сразу, а Лохвица была взята штурмом. Сдача городов не была такой уж добровольной, их жители откликались на уговоры казачьей старшины, поддержавшей польского короля. Даже прежний гетман и сенатор Речи Посполитой Иван Выговский вышел из тени и вступил в переговоры по поводу дальнейшей судьбы Гетманщины. Польское войско, перейдя на левую сторону Днепра около Переяславля, избегало прямого столкновения с гарнизонами царских войск, стоявшими в крупных городах — Киеве, Нежине и Чернигове. Хотя по вестям, полученным в Белгороде окольниковым и воеводой князем Григорием Григорьевичем Ромодановским от гетмана Ивана Брюховецкого, целью похода короля был назван прежде всего Киев: «...а дожидается крымского хана и соединяясь хочет итти к Киеву и на твои Украинные и Черкасские города войною»<sup>{551}</sup>. Символичным в этом противостоянии стало и избрание в ноябре 1663 года на киевскую кафедру нового митрополита Иосифа Тукальского<sup>{552}</sup>. В итоге войско короля Яна Казимира выбрало другой маршрут и прошло к расположенному недалеко от московской границы Глухову. Оттуда открывался уже прямой путь на Севск и далее к Калуге, где можно было занять и перекрыть киевскую дорогу.

Сведения об объединенном походе польской и литовской армий в союзе с крымской ордой показывали, что инициатива в военном противостоянии была у армии Речи Посполитой. В начале кампании в Разрядном приказе допустили серьезную ошибку, распустив 6 октября 1663 года войска Белгородского полка. Служилых людей с большим трудом приходилось собирать обратно; многие успели побывать «вдомишках своих дни по 2 и по 3», а некоторые были «поворочены с дороги назад»<sup>{553}</sup>. В ожидании прихода королевских войск в Москве в октябре 1663 года был проведен общий царский смотр служилых людей, о чем упоминал Патрик Гордон: «Самому царю было угодно дать смотр всем дворянам и обратить особое внимание на их экипировку».

По мере того как окончательно выяснялись намерения короля и его союзников крымцев, собиравшихся к московской границе, делались перестановки в назначениях полковых воевод. Хорошо осведомленный шотландский офицер написал и об этом в январе 1664 года: «Боярину князю Якову Куденетовичу Черкасскому было велено идти, согласно сведениям [о неприятеле], то к Севску, то к Смоленску. Теперь же, когда

стало ясно, что литовская армия движется на Украину на соединение с коронной армией, он получил приказ выступить в Калугу и далее на Украину... Белгородское войско во главе с князем Григорием Григорьевичем [Ромодановским], согласно приказу, выступило к Путивлю»<sup>[554]</sup>. Именно на армию Ромодановского и выпали впоследствии самые серьезные бои с королевским войском.

Однако исход столкновения не в последнюю очередь решили упрямство, самомнение и непоследовательность короля Яна Казимира. Королевская армия потерпела поражение под малоприметной крепостью Глухов, расположенной совсем неподалеку от московской границы. Героические действия по защите этой крепости казаками киевского полковника Василия Дворецкого задержали королевский поход и обрушили планы реванша Яна Казимира. Полковник Василий Дворецкий запомнил основные вехи похода короля Яна Казимира, выступившего из Белой Церкви 20 октября, а затем 1 ноября (даты по новому стилю) перешедшего со своим войском за Днепр «на бок царский», то есть в Левобережье. В январе началась четырехнедельная осада Глухова: «...чотири неділи зо всім своїм войском добывали розними приступами, приметами, штурмами, огнистими кулями и подкопами»<sup>[555]</sup>.

Безуспешные штурмы Глуховской крепости дорого стоили королю Яну Казимиру. Когда его советники опомнились и посчитали все потери, стало понятно, что время для наступления потеряно. Хотя, как писал один из участников боев, французский герцог Антуан Грамон, всё равно было принято решение «продвинуться на границу Московии, по направлению к городу, называемому Севском, чтобы попытаться атаковать армию Ромодановского, расположенную по ту сторону реки Десны». Более точен автор «Летописи Самовидца», сообщавший о движении армии короля к Новгороду-Северскому. Здесь король остановился в Спасо-Преображенском монастыре — резиденции черниговского епископа Лазаря Барановича: «...а напотом и король, собою стривоживши, спод Глухова вступил на Новгородок Сиверский, с которым князь Ромодановскш и гетман Бруховецкш мили потребу в Переговци под Новгородком, а новгородци не пустили короля в город, але стоял король в монастири новгородском». В боях на Десне, под упомянутыми Пироговицами (или Пироговкой), и решилась судьба похода, а возможно, и исход длившегося целое десятилетие общего противостояния царя Алексея Михайловича и короля Яна Казимира.

Перед главным сражением на военном совете у короля решали:

атаковать ли царские войска «в окопах» (к этому склонялось большинство), или подумать о другой стратегии, на чем решительно настаивал известный военачальник Стефан Чарнецкий. В его предложении видно стремление повторить «конотопское» и другие сражения, когда небольшой отряд всадников выманивал и приводил увлекавшегося атакой противника на большое войско: он говорил, что «знает московитов, знает, что Ромодановский, при появлении польских войск, никогда не упустит случая сделать вылазку из своего лагеря для их атаки, а особенность московита состоит в стойком всегда поддержании начатого дела, войска за войсками; поляки, получив приказ отступить на нас, без всякого сомнения, будут преследоваться московитским авангардом, а затем и целою армиею, которая выдвинется на расстояние выстрела к армии нашей, местность окажется выгодною для нашей кавалерии — и он почти уверен в их поражении»<sup>[556]</sup>.

Так бы, наверное, все и произошло, если бы король следовал принятому на военном совете плану. Но когда тысяча всадников отправилась для разведки, канцлер Великого княжества Литовского Христофор Пац предложил изменить первоначальный план. Король, опасаясь за свою жизнь, отошел назад, опять за реку Десну. Для исхода начатого сражения изменение королем первоначальной диспозиции имело важные последствия, потому что возвращавшаяся из разведки конница, которую, как и предсказывал Чарнецкий, преследовали московские войска, вдруг оказалась на пустом берегу, а не под защитой своей армии. Началось повальное бегство: «под мушкетными выстрелами сзади и саблями над головами» бежал герцог Антуан Грамон, бежал и находившийся рядом с ним будущий польский король и великий полководец Ян Собеский. «Мне кажется, что это одно из скверных видений, какие можно видеть», — заключал автор записок — Грамон. Московские войска с ходу форсировали Десну и попытались атаковать главные полки польской армии, но не смогли преуспеть, так что все храбрецы, прорвавшиеся за реку, погибли. После завершения Пироговского сражения королевское войско простояло на своих позициях еще некоторое время, ничего не предпринимая, и вынуждено было отойти от Новгорода-Северского.

Сходным образом описывалась битва 11 (21) февраля 1664 года и в челобитной царю Алексею Михайловичу о жалованье, поданной служилыми людьми Белгородского полка. Царь распорядился рассмотреть их челобитную, на документе помета — «государь пожаловал, велел выписать и должить себя государя». Описывая свои заслуги в боях с королем Яном Казимиром, служилые люди сообщали детали боев,

полностью совпадающие с описанием французского герцога; только записаны они своим, понятным в военной и приказной среде XVII века языком: «Прося у Бога милости, пошли с Воронежа (в окрестностях Батурина. — В. К.) за королевскими войски к реке Десне, и как отошли от Воронежа, и у нас в передовых полках с заставными королевскими полки учинился бой». Это и есть та «разведка» в тысячу всадников, которую специально выпустили на московское войско, чтобы заманить его в ловушку, и которую, как видим, приняли за «заставы» — выставленные вперед полки от основного войска. Далее в челобитной говорилось о победном для полка князя Григория Ромодановского продолжении событий: «...и мы те королевские заставные полки сбили и многих побили и секли до реки Десны и за реку Десну загнали и за рекою Десною ввечеру с ними у нас был бой большой и, милостью Божию и твоим и детей твоих счастьем, промыслом и раденьем твоего окольного и воевод, королевских людей многих побили и языков поймали». После этого король Ян Казимир «стоял против нас со всеми своими силы по другую сторону реки Десны от Новгородка-Северского, а стоял против нас пять дней, и мы с его королевскими людьми бились по вся дни».

В то время как королевские и московские войска стояли друг напротив друга под Новгородом-Северским, крымские татары решили сделать самостоятельный набег, чтобы набрать полон перед возвращением в Крым. Королю Яну Казимиру надо было решать, куда двинуться дальше. Стали приходить сведения о восставших городах Левобережья, где ранее прошла польская армия. Поэтому король выбрал для отступления самый неожиданный и сложный маршрут — путь на Могилев, лежавший через снега и леса. Войско князя Григория Ромодановского знало об этом отходе короля Яна Казимира «по Гомельской дороге». Но воеводы были осторожны и посчитали, что это какой-то неожиданный маневр перед новой битвой: «чаяли от его королевских войск еще на себя отвороту и бою». Они простояли два дня, пока окончательно не осознали, что все закончилось и «король пошел со всеми силами в Литву наскоро». Ничего не смог предпринять и князь Яков Куденетович Черкасский. Он слишком медленно преследовал отходившего короля Яна Казимира, который успешно добрался до Могилева 21 (31) марта 1664 года<sup>[557]</sup>.

Другую часть разделившегося надвое под Новгородом-Северским королевского войска возглавил «воевода Русский» Стефан Чарнецкий. Во главе польской кавалерии он решил возвращаться прежней дорогой к Белой Церкви, чтобы наказать «изменников», взбунтовавшихся против королевской власти в недавно присягавших Яну Казимиру городах

Левобережья и Правобережья. После неудачного королевского похода начался настоящий террор, быстро напомнивший казакам, зачем они брались за оружие во времена Хмельничины. Со стороны Чарнецкого это была явная месть казакам. Он разорил и уничтожил могилу Богдана Хмельницкого в Субботове. В эти месяцы казнили знаменитого героя «освободительной войны» Ивана Богуна, обвиненного в неудаче глуховской осады и препятствии успеху королевского похода, расстреляли без суда и следствия бывшего гетмана Ивана Выговского<sup>[558]</sup>. Своєю жизнью герои и участники событий, определивших дальнейшую судьбу Украины, заплатили за выстраданный казаками еще во времена Богдана Хмельницкого опыт: «никогда, пока свет стоит», не верить «ляхам». Так писал киевский полковник Василий Дворецкий, подводя итог бесславной военной экспедиции короля Яна Казимира, возвратившегося в Литву «з великим безчестием», и похода Стефана Чарнецкого «за Днепр до Белой Церкви», когда он шел, опустошая казачьи земли Правобережья<sup>[559]</sup>. Впрочем, и поляки в середине XVII века платили украинцам тем же.

Пока Украина получала мучительные уроки, в конце мая в Смоленск приехали послы, и в начале июня 1664 года возобновились переговоры о мире. Царь Алексей Михайлович и его советники уже получили прямые «вести» о восстаниях против короля в Левобережье и Правобережье и стремились использовать это на переговорах, выдвинув требование установить новую границу по Днепру. О настроении царя Алексея Михайловича ясно говорит его ответ на 33-ю статью «о черкасах» из упоминавшейся записки Ордина-Нащокина: «А собаке недостойно и одного уломка хлеба есть православного, толко не от нас будет за грехи учинитца...»<sup>[560]</sup> То есть на переговорах не следовало отказываться не только от Левобережной, но даже и от Правобережной Украины, хотя Алексей Михайлович вынужден был допустить, что вряд ли, как во времена Переяславской рады, удастся добиться подданства всего православного населения Войска Запорожского.

## Путь к миру

Десять лет прошедшей войны уже дали ответ на большинство вопросов и показали настоящую силу государств, столкнувшихся за влияние в землях, лежавших широкой полосой от Балтики до Черного моря. Свои интересы здесь имели Швеция, Австрийская и Османская империи, Крымское ханство и даже такие далекие от основного театра



военных действий страны, как Англия и Нидерланды. В феврале 1664 года в Москву приехало английское посольство «князя Чарльуса Говардуса», как передавали имя поела в дворцовых разрядах. Описание приема графа Чарлза Карлайла может затмить другие подобные церемонии, о которых есть много свидетельств в тексте разрядных книг. Сам царь Алексей Михайлович пил две чаши вина за здоровье короля Карла II по случаю восстановления монархии в Англии. Одна была яшмовая «братинка», другая — «хрустальный кубок». Для встречи и обеспечения послов не жалели ничего, казалось, были продуманы мельчайшие детали, включая то, что столовую посуду, «ложки и ножики» сначала кладут перед английским послом и лишь потом перед русскими боярами. Граф Карлайл тоже привез в Москву ценные дары, а на своем первом приеме подарил царю Алексею Михайловичу ружье казненного короля Карла I, а сыновьям царя — пистолеты.

Но сами переговоры пошли не так, как задумывалось. Посол был оскорблен своей задержкой перед самым въездом в столицу и не принял никаких заверений, что всё делалось для лучшей подготовки торжеств (собрать дворян для встречи зимой, во время ведения войны было сложно); он требовал «репараций» (возмещения) ущерба своей чести. Не было решено и главное дело, ради которого лорд Чарлз Карлайл приезжал в Москву — «реституция», то есть восстановление торговых привилегий английским купцам, отмененных после казни Карла I в 1649 году.

При приеме посольства произошел забавный случай, когда посол Карлайл решил «надавить» на русскую сторону и произнес несколько слов на повышенных тонах, а в это время вывалилась с грохотом оконная рама, перепугав присутствующих. Автор описания посольства Ги Мьеж учтиво добавил в своих записках, что если заговорит король Карл II, тогда вообще все задрожит. Но это было всего лишь поэтическое преувеличение (в свите посла, кстати, находился и настоящий поэт — Эндрю Марвелл). Русские дипломаты были достаточно опытны и неуступчивы, ради подтверждения своих решений они тоже использовали демагогические приемы. В ответ на просьбу о восстановлении привилегий, дарованных Английской компанией еще Иваном Грозным, послу Чарльзу Карлайлу ответили, что те люди, которым давались привилегии, уже умерли, а значит, и данные им права умерли вместе с ними. Ссылались и на неоконченную войну с Польшей, до завершения которой отказывались говорить о беспощинной торговле иностранных купцов и возвращении англичанам каких-либо привилегий<sup>[561]</sup>.

Посол Карлайл и его спутники не стали вдаваться в детали и



действовали по принципу «всё или ничего», не слушая московских дипломатов, попытавшихся обозначить свои интересы. По сообщению шведского резидента Адольфа Эберса, английскому послу предлагалось выступить посредником в дипломатических делах с соседними странами — Швецией и Польшей, но он отверг все предложения, добиваясь немедленного удовлетворения требования о беспошлинной торговле. В итоге граф Чарлз Карлайл уехал, не приняв царских подарков, что было сочтено оскорблением. В свою очередь, ему также возвратили личные подарки царю. Непременное желание «реституции» в полном объеме прав Английской компании «закрыло» другие возможности торговли английских купцов. Английский посол грозился вообще всех их вывезти с собой из России. В итоге некоторые купцы все-таки получили личные привилегии, чтобы не превращать Англию из возможного посредника во врага. Но в ответном русском посольстве в Англию содержались жалобы на поведение Чарлза Карлайла, поэтому королю Карлу II пришлось извиняться за его поведение<sup>[562]</sup>.

Своим максимализмом граф Карлайл существенно навредил английской стороне, чем немедленно воспользовались традиционные конкуренты англичан в русской торговле голландцы, тоже некоторое время спустя приславшие свое посольство. Нидерландский посол Яков Борейль приехал в Москву 10 января 1665 года. Главной задачей посла было добиться признания нового титула «Их Высокомогуществ» для Нидерландских штатов, среди прочего обсуждались и вопросы конкуренции голландских и английских купцов в России. В частности, голландцы просили лишить англичан монополии на поставку вара (дегтя, использовавшегося в судостроении). Обо всем этом в своих дневниковых записях рассказал приехавший в составе голландского посольства в Москву Николаас Витсен. Тогда будущий бургомистр Амстердама и покровитель Петра I во время его заграничного путешествия был еще совсем молодым человеком. Николаас Витсен запомнил царя Алексея Михайловича на приеме голландского посольства в начале 1665 года и описал его: «По фигуре царь очень полный, так что он даже занял весь трон и сидел будто втиснутый в него...» Сидя на троне, царь «не шевелился, как бы перед ним ни кланялись; он даже не поводил своими ясными очами и тем более не отвечал на приветствия. У него красивая внешность, очень белое лицо, носит большую круглую бороду; волосы его черные или скорее каштановые, руки очень грубые, пухловатые и толстые». Николаас Витсен действительно мог рассмотреть царя очень близко, так как все дворяне и офицеры посольства получили разрешение подойти к царской руке. Во

время церемонии произошел забавный случай. Вызванный первым, Николаас Витсен немного не рассчитал с поклонами на подходе к царскому трону и едва не упал на колени царя, но тот спас его от конфуза, вытянув руку. Рутинные посольские приемы с подробным перечислением даров и этикетными речами, конечно, были достаточно утомительным делом, но и в них случались эпизоды, немного снижавшие серьезность происходившего. Николаас Витсен, или Николай Корнильевич, как его стали звать на русский лад, уважая происхождение (его отец также известен, как бургомистр Амстердама<sup>{563}</sup>), рассказал, что во время того же приема кто-то из русских князей «от имени царя», объявляя титул Нидерландских штатов, никак не мог его выговорить. «Все господа заулыбались, — пишет Витсен в своем дневнике, — даже сам царь закрыл рот рукой, чтобы не видели, что он смеется»<sup>{564}</sup>.

В последующем обсуждении вопросов голландского посольства в «Ответной комиссии» Думы, назначенной царем, начались обычные дипломатические прения, так как русская сторона не соглашалась на немедленное изменение титула правителей Нидерландов. Но у посольства Якова Бореяля был свой шанс серьезно изменить состояние русско-голландских отношений, так как параллельно с голландским посольством 21 февраля 1665 года в Москву прибыл польский посланник Ян Котович<sup>{565}</sup>. Тогда ввиду возобновления переговоров с Речью Посполитой снова заговорили о возможном посредничестве других стран. 3(13) марта голландского посла вызвали в Кремль и завели с ним разговор на неожиданную для него тему: «не имел ли посол поручения предложить посредничество между Польшей и царем, на что посол прямо ответил отрицательно». Московская сторона «осторожно и вежливо», по свидетельству голландца, искала возможных посредников, говоря, что это было бы «приятно царю, и не только ему, но и полезно всей коммерции».

Обращение к Нидерландским штатам было всего лишь дипломатическим экспромтом: голландский посол, не имея полномочий, конечно, не мог ответить положительно на просьбу царских дипломатов. Несмотря на возникшее охлаждение, посольство Якова Бореяля кончилось благополучно. Царь Алексей Михайлович согласился не давать «в этом году» англичанам дегтя... Может быть, свою роль в перемене отношения к требованиям голландского посольства сыграли радостные события в царской семье: 3(13) апреля 1665 года родился еще один царевич, Симеон. Николаас Витсен описал, как в этот день «примерно в 1 час дня по нашему счету времени царица родила сына: сразу по всему городу зазвонили

колокола, что продолжалось около двух часов. Каждый выражал большую радость, все бежали в Кремль, гонцы носились как бешеные по городу, чтобы всем князьям и боярам передать это известие и пригласить их «наверх»<sup>{566}</sup>.

Летом 1665 года в Москве сменился шведский резидент, им стал Иоанн фон Лилиенталь, к своему удивлению, очень тепло принятый в столице Русского государства. Он дважды удостоился аудиенции у царя Алексея Михайловича — 13 и 28 июня, и даже имел личный разговор с царем, когда тот спросил, с кем лучше передать его послание королю Карлу XI. На ответ об Эберсе — прежнем резиденте — царь сказал «добро». После заключения Кардисского мирного договора 1661 года во взаимоотношениях двух стран всё еще оставались проблемы с выдачей пленных. Лилиенталю было поручено заниматься судьбой пленников, остававшихся в России, а также защищать торговые интересы и собирать важную для шведского двора информацию. В частности, Лилиенталь сообщал из Москвы о посольстве Василия Семеновича Волынского в Швецию с целью подкрепить позиции царя Алексея Михайловича из-за продолжавшейся войны с Польшей (в 1663 году Волынский уже участвовал на съезде с шведскими представителями на границе Ингерманландии). Правда, новое посольство Василия Волынского надолго задержалось, а в официальные объяснения о причинах промедления с его отправкой шведский резидент не верил, замечая иронично: «Один из послов жалуется на голову, другой на ногу» и считая эти отговорки признаком недоверия к Швеции. Переговоры Волынского с представителями шведского короля состоялись только в августе следующего, 1666 года и завершились Плюским мирным договором<sup>{567}</sup>.

Главной в дипломатической повестке дня оставалась необходимость прекращения войны России и Речи Посполитой, ослаблявшей положение христианских стран перед лицом османской экспансии. Нараставшее понимание общих целей лучше всего помогало сплотиться и забыть о разногласиях, договориться о новых границах, фиксируя результаты войны. В неофициальных беседах с Афанасием Лаврентьевичем Ординым-Нащокиным — русским представителем на переговорах в селе Дуровичи, начатых в июне 1664 года, — комиссары Речи Посполитой заговорили о том, как «роздирание бы между Восточные церкви и Западные утишить и умирить», и о помощи «цесарю против турка». По словам польских комиссаров, они имели «крепкую надежду, что нашим государством даст

Бог от бусурман прибыли бес крови и без меча»<sup>[568]</sup>. Переговоры о «вечном мире» (представители короля отказались обсуждать перемирие) продолжались долго. С русской стороны их возглавили ближайшие советники царя — бояре князь Никита Иванович Одоевский и князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Никто на переговорах не доверял друг другу, все стремились «выжать» из противоположной стороны максимум, что сводило на нет усилия дипломатов. В ход пошло информационное давление: с одной стороны, говорили о якобы планировавшемся походе царя Алексея Михайловича к Смоленску, с другой — преувеличенно расхваливали свои победы в землях «черкас». Но позиции царской армии в Левобережье по-прежнему оставались неизменными, и эта часть Войска Запорожского имела все шансы остаться в составе Московского государства.

С 11 июля по 2 августа 1664 года на переговорах было заключено трехнедельное перемирие. В это время царь Алексей Михайлович «снял» одного из двух главных представителей на переговорах — боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого и поставил на его место главнокомандующего русской армией князя Якова Куденетовича Черкасского. Согласно «Дневнику» Патрика Гордона, князь Долгорукий выступил «с воинской торжественностью» из Москвы 26 июля, а князь Черкасский уехал из Смоленска в Москву 3 августа. Недовольство медлительностью князя Черкасского нарастало давно, его обвиняли в том, что он, по местническим соображениям, не оказал помощи преследовавшей короля Яна Казимира рати князя Ромодановского и именно из-за этого королевскому войску удалось спастись. Кстати, свой побег из России известный подьячий Григорий Котошихин связывал с попыткой давления на него боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, требовавшего написать донос на князя Черкасского. Впрочем, Котошихин еще в Москве сделал свой выбор и оказывал шпионские «услуги» шведскому резиденту, передавая ему для копирования посольские бумаги, раскрывавшие позицию русской стороны на переговорах со Швецией. Поэтому Котошихин мог и намеренно преувеличить свое значение в истории придворной борьбы Долгорукого и Черкасского<sup>[569]</sup>. Так или иначе, его рассказ отражает противоречия, существовавшие в окружении царя и руководстве царским войском. Алексей Михайлович требовал помогать войной успешному продвижению к миру, что должно было сделать сговорчивее польско-литовскую сторону. Для этого и потребовалась демонстрация силы с назначением нового главнокомандующего — боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого.

Перемирие на время приостановки переговоров распространялось только на Смоленск и округу. В других местах военные действия продолжались. Польские войска осадили Невель и только после неудачного штурма в ночь на 19 июля отошли от города и «пошли войной в Луцкой и в Торопецкой уезды». Опасность угрожала двум главным оставшимся опорным пунктам царского войска в Полоцке и Витебске. Поэтому в августе 1664 года по приказу боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого во многие литовские поветы, лежавшие от Днепра до Березины, вокруг Копыси, Шклова, Могилева, Быхова, Борисова и Бобруйска, отправился карательный отряд во главе с князем Юрием Никитичем Барятинским. Легкая конница прошла маршем, уничтожая и разоряя владения сопротивлявшейся литовской шляхты. Посланец царя, присланный из Тайного приказа, прямо требовал от князя Долгорукого: «чтоб промыслом польским и литовским людям дать страх и тем их к миру привести». Но продолжать давление было опасно, так как в Литве собирались силы для новой войны с царскими войсками. До больших столкновений дело так и не дошло, в итоге обе стороны договорились отложить переговоры до июня следующего, 1665 года<sup>[570]</sup>.

В Речи Посполитой в конце 1664 года открывался очередной сейм, и там назревал еще один знаменитый «рокош» во главе с защитником шляхетских прав гетманом польным коронным Ежи Любомирским, выступившим против стремления короля Яна Казимира к расширению прав своей власти и утверждению преемником короля на польском престоле французского принца Конде. В таких условиях переговоры с представителями царя Алексея Михайловича становились еще одним инструментом политической борьбы между королем и шляхтой. Как покажут события, царские дипломаты тоже попытались использовать внутренний конфликт или, по словам профессора Збигнева Вуйцика, «трагическую ситуацию в Польше», в своих целях. Дело доходило даже до переговоров с представителем Ежи Любомирского в Москве в Тайном приказе (секретность их была настолько высока, что представителя рокошан отпускали из Москвы «в ночи»). Открытие «рокоша» в мае 1665 года заставило короля Яна Казимира мобилизовать все имевшиеся в его распоряжении силы, включая те, что были задействованы на Украине. Верные королю войска оставили борьбу с казаками и поспешили ему на выручку. Вместе с ними во Львов вынужден был уйти под давлением повстанцев, недовольных союзом с поляками, и гетман Правобережья Павел Тетеря. Казаки Правобережья выбрали другого гетмана — Петра Дорошенко, опиравшегося на покровительство турецкого султана.

«Рокош» Любомирского не позволил начать переговоры, как планировалось, в июне 1665 года. Но именно в это время король Ян Казимир впервые согласился вести речь на переговорах не только о мире, но и о перемирии «лет на 12, 15 или даже 18». Для этого были выданы определенные инструкции королевским комиссарам, вырабатывавшиеся еще с 1662 года. Впервые в королевской канцелярии появились официальные бумаги, где говорилось о возможной передаче Смоленска и Левобережной Украины московскому царю. Правда, раздел предусматривал и значительные уступки противоположной стороны, царю Алексею Михайловичу предлагалось отказаться от завоеваний в Белоруссии, Ливонии и Правобережной Украине. Кроме того, передача земель должна была сопровождаться сохранением владений шляхты или компенсациями за потерянные «маетности» (имущество).

1665 год в результате оказался одним из самых мирных в затянувшейся русско-польской войне. Хотя без военных действий всё равно не обошлось, решалась судьба царских завоеваний в Ливонии. В первую очередь Борисоглебова (Динабурга) на Западной Двине, имевшего стратегическое положение в торговле с Швецией, Польской Ливонией и Курляндией в Прибалтике. Царь Алексей Михайлович снова доверился боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому, назначенному на воеводство в Псков, откуда легче всего было устранить возникшую угрозу потери Динабурга. Будущий глава комиссии на переговорах с Речью Посполитой окольныйчий Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин тоже провел лето и осень 1665 года в воеводских товарищах в родном Пскове, сохраняя свои посольские полномочия. Динабург поддерживался из Пскова высылкой ратных людей и хлеба, а летом 1665 года боярин князь Хованский совершил целый поход за Двину, взял город Друю и прошел левым берегом Двины до Борисоглебова, заслужив «милостивое слово» царя Алексея Михайловича.

Заметные бои под Борисоглебовом состоялись 25–26 августа 1665 года, и хотя войско во главе с Михаилом Пацем еще несколько месяцев пыталось овладеть городом, крепость осталась в руках царских воевод. Для сохранения Борисоглебова Ордин-Нащокин попытался использовать и свой дипломатический статус. В октябре 1665 года он получил полномочия вести переговоры с гетманом Пацем о «задержании войск». Но вскоре его отозвали в Москву, где окончательно договорились с представителями короля Яна Казимира о возобновлении мирных переговоров в январе 1666 года<sup>[571]</sup>. Рать князя Ивана Хованского отошла на зимние квартиры в Псков, Опочку и Великие Луки.

Совсем по-другому решались дела с Украиной. Еще летом 1665 года



ввиду будущих переговоров с Речью Посполитой в Москву пригласили гетмана Левобережья Ивана Брюховецкого. Пришло время для закрепления власти царя Алексея Михайловича в украинских землях, так как очевидно было, что решение их судьбы станет ключевым моментом приближавшихся переговоров с королем. «11 сентября 1665 года подъезжал к Москве небывалый гость, гетман запорожский с старшиною, — такими словами начинается одна из глав «Истории России» Сергея Михайловича Соловьева, посвященная «продолжению царствования Алексея Михайловича». — На перестрел от Земляного города встретили его ясельничий Желябужский и дьяк Богданов; Брюховецкий сошел с лошади и, выслушав спрос о здоровье, дважды поклонился в землю; ему подвели царскую лошадь, серую немецкую, в серебряном вызолоченном наряде с изумрудами и бирюзой, чепрак турецкий, шит золотом золоченым по серебряной земле, седло — бархат золотный; Иван Мартынович сел на лошадь и въехал в Серпуховские ворота, имея Желябужского по правую и Богданова по левую руку; его поставили на посольском дворе»<sup>{572}</sup>. Описание С. М. Соловьева, основанное на прекрасном знании подлинных деталей и этикета встречи, лучше всего дает представление о том, какое значение в Москве придавали первому за все время с начала русско-польской войны визиту гетмана Войска Запорожского. Интересно, что само посольство насчитывало более пятисот человек с представителями казацкой старшины и рядовых казаков, мещанства городов, в том числе Киева, Чернигова, Стародуба, Нежина. По мнению автора неопубликованного обширного труда по истории Украины Виктора Александровича Романовского, написанного еще в 1960-е годы, «самый приезд гетмана был облечен в форму народного представительства во главе с гетманом». Кстати, в гетманской свите приехали в Москву и уже полюбившиеся царю Алексею Михайловичу малороссийские «спеваки»<sup>{573}</sup>.

Царь Алексей Михайлович, посоветовавшись с Думой, присвоил гетману Брюховецкому боярский чин, и тот стал писаться в документах «боярин и гетман». «Нобилитация» на русский лад (как ранее гетмана Ивана Выговского и казачьей старшины в Речи Посполитой) произошла и со спутниками Ивана Брюховецкого — старшиной и чиновниками Войска. Они получили дворянские чины и были щедро одарены владениями в украинских землях. Несколько дней спустя после пожалования в боярский чин боярин и гетман Иван Мартынович Брюховецкий подал челобитную главе Малороссийского приказа боярину Петру Михайловичу Салтыкову о



разрешении ему сыграть свадьбу в Москве. Немедленно была подыскана подходящая невеста — дочь окольного князя Дмитрия Алексеевича Долгорукого, княжна Дарья. Правда, как заметил тот же С. М. Соловьев, «не всё такими нежными делами занимался в Москве боярин и гетман»<sup>[574]</sup>. Приезд гетмана Брюховецкого остался памятен утверждением царем Алексеем Михайловичем новых пунктов о привилегиях запорожских казаков. Речь шла не только о подтверждении Переяславских статей — старых 1654 года и новых 1659 года, но и о развитии прежних договоренностей с гетманом Иваном Брюховецким в Батурине в 1663 году.

«Руина» и разделение Украины на Правобережную и Левобережную, продолжавшаяся война и противоречия между мещанами и казаками по поводу сборов налогов на содержание войска, конфликты с царскими воеводами в украинских городах, недоверие воевод к постоянно воевавшим друг с другом «черкасам», отсутствие киевского митрополита, «интернированного» королевскими властями в Мариенбурге, — всё это заставляло искать новые решения. Иван Брюховецкий еще во время выборов нового гетмана давал обещание на передачу сбора доходов в царскую казну. Обещание, ставшее для него роковым и приведшее к более широкому, чем ранее, распространению власти царских воевод в украинских городах и составлению переписи Левобережной Украины в 1666 году<sup>[575]</sup>. Дальше, как бы ни желал гетман повернуть назад, ничего уже поделать было нельзя. На переговорах в Москве ему так и не удалось отстоять свое предложение о сборе налогов гетманской администрацией; не прошел и компромиссный вариант о сборе стаций — натурального налога на содержание войска. Идея о налогах с городов Левобережья наталкивалась также на противодействие участвовавших в посольстве представителей городских администраций и мещанства, оберегавших в противостоянии с гетманом свои привилегии.

Московские статьи 1665 года, выданные в развитие «батуринских статей» — договоренностей, заключенных с тем же гетманом Иваном Брюховецким в 1663 году, в итоге подвели черту всей предшествующей политике по отношению к Войску. На основании предложений гетмана Брюховецкого, поданных 11 октября 1665 года, было принято решение подтвердить казацкие вольности, охранять казацкое имущество, но делать это должны были в Запорожском Войске царские воеводы, посылавшиеся в малороссийские города. Не отказывался царь Алексей Михайлович платить казакам за их службу, но только с того времени, когда «рописное число станет». В статьях, поданных Брюховецким, при новых выборах гетманов

предлагалось посылать гетманские регалии — булаву и знамя «большое», булаву и знамя «меньшее», бунчук и пушки — воеводе в Киев «для шатости малороссийских жителей». Царь Алексей Михайлович и его советники скорректировали этот пункт. По царскому указу в дальнейшем «большие» булаву и знамя предлагалось посылать в Москву, их впредь и должен получать новый гетман вместе с царской жалованной грамотой Запорожскому Войску.

В вопросе о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату гетман Иван Брюховецкий шел даже дальше, чем могли позволить себе в Москве, прося прислать «Русского святителя», подчиненного московскому патриарху. Уважая исторические права Константинопольского патриархата, эту статью отложили «до будущего времени» (как говорилось, вопросы об этом обсуждались с константинопольским патриархом Дионисием). «Похваляли» отказ гетмана Брюховецкого от посылки «без государе кие воли» посланцев «до чюжих окрестных земель», включая отдельно упомянутого крымского хана. В других пунктах улаживались вопросы обеспечения гетмана и старшины, размещения и подчинения царских ратных людей, суда и торговли. Гетман отобрал «привилеи» городов, выданные по магдебургскому праву, и отослал их в Малороссийский приказ. В Москве обещали снова подтвердить их царскими жалованными грамотами. Особо оговаривался запрет «русским людям» бесчестить казаков в ссорах «изменою».

Дата, выбранная для подписания московских статей, — 22 октября 1665 года — совпадала с праздником иконы Казанской Божьей Матери. В Ответной палате, где члены посольства подписывали статьи, присутствовали «ближние люди»: боярин и наместник Астраханский князь Никита Иванович Одоевский, боярин и наместник Вологодский Петр Михайлович Салтыков (глава Малороссийского приказа), окольничий и наместник Новоторжский князь Иван Дмитриевич Пожарский. В жалованной грамоте боярину и гетману Ивану Мартыновичу Брюховецкому и Войску Запорожскому, выданной 1 декабря 1665 года, излагалась развернутая история обращений гетманов Войска за поддержкой к царю Алексею Михайловичу. Но она была увязана с описанием сложных дипломатических взаимоотношений с Речью Посполитой со времен царя Михаила Федоровича и в первые годы правления царя Алексея Михайловича. Вспоминалась история государевых походов 1654–1656 годов, перечислялись выборы новых гетманов после смерти Богдана Хмельницкого и «измены» Ивана Выговского и Юрия Хмельницкого, вспоминались обстоятельства выбора на гетманство Ивана

Брюховецкого. Документ подтверждал «права и вольности» казаков, в соответствии с прежними переславскими, батуринскими и нынешними московскими договоренностями, царь обещал жалованье «реестровым» казакам «из сборных денег малороссийских же городов, в то время как оне написаны будут в реестр». Гетман Брюховецкий, старшина и все Войско должны были «по своему верному подданству и по обещанию служите верно и всему Московскому государству всякого добра хотети, и наше государское повеление исполняти, и быти в нашей государской воле и в послушании навеки, и за Божиею помощью, против наших, царского величества, неприятелей стояти мужественно и неподвижно»<sup>{576}</sup>.

Таким образом, в московских статьях была заложена основа для будущей инкорпорации Левобережной Украины в состав Московского государства. Как считал В. А. Романовский, «московские постановления не были простой уступкой доходов в казну русского царя, они были не только концом финансовой автономии, но и окончательной ликвидацией государственной самостоятельности Украины — концом, юридически оформленным»<sup>{577}</sup>. Но у этих решений был еще и другой подтекст: они стали вехой и в исторических взаимоотношениях Московского государства и Речи Посполитой.

30 октября 1665 года на переговорах в Москве с подсудком оршанским Херонимом Комаром было достигнуто окончательное соглашение о возобновлении переговоров двух стран с 1 января 1666 года. Главой посольства с русской стороны назначили носившего к этому времени уже думный чин окольничего Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина<sup>{578}</sup>. У него была репутация последовательного сторонника мира с Речью Посполитой, польско-литовская сторона хорошо его знала, он являлся, можно сказать, экспертом во взаимоотношениях с Польшей и Литвой. Тем более что и его сын Воин продолжал служить при дворе короля Яна Казимира (никто, конечно, не знал, что к этому времени он поставлял в Москву ценную информацию о происходящем в королевском окружении). В состав посольства вошли также Борис Иванович Нащокин (родственник Ордина-Нащокина, вместе с которым он участвовал в успешных переговорах со шведами в 1658–1659 годах) и дьяк Григорий Богданов, также имевший с А. Л. Ординым-Нащокиным опыт совместной посольской службы, когда они вели сложнейшие переговоры с королем Яном Казимиром во Львове в 1663 году. «И тогда склонность учела быть к миру», — говорил позднее Ордин-Нащокин. Дьяк Григорий Богданов хорошо представлял, что происходит в Польше, так как ездил в Варшаву совсем

недавно, весной 1665 года. Вместе с ним по указу царя Алексея Михайловича в одностороннем порядке было возвращено домой 57 пленников, и именно дьяк Григорий Богданов привез королевскую грамоту 9 июня 1665 года с согласием на заключение перемирия.

Назначение на переговорах человека, известного своим стремлением к заключению мира, могли оценить в Польше, но не приняли в Москве. Царю Алексею Михайловичу пришлось пойти наперекор «неудержательным речам в людях» и мнению самой Думы. Даже близкий царский советник окольничий Федор Михайлович Ртищев тоже «от злых разговоров много пострадал» и опасался переписываться с Ординым-Нащокиным по делам будущего посольства. Знал о сложном положении Афанасия Лаврентьевича при царском дворе и перебежчик Григорий Котошихин, оказавшийся в начале 1665 года в польско-литовских землях и предлагавший свои услуги королю Яну Казимиру. Котошихин выписал в свое обращение королю статью «о Офонасье Нащокине» и о том, как тот «правил» свое прошлогоднее посольство под Смоленском: «Бояре о том не ведали, а наказ ему дан из Посольского приказа, и он по нем не чинил ничего»<sup>[579]</sup>.

Обвинения Нащокина в противодействии заключению мира, конечно, не имели под собой оснований, но детали обсуждения наказа, упомянутые Котошихиным, прекрасно объясняют возникшую боярскую ревность. Правда, в то время, как стали готовить инструкцию для будущих переговоров с Речью Посполитой, в Думе произошло важное изменение. В октябре 1665 года тяжело заболел царский тесть Илья Данилович Милославский, остававшийся во главе многих ключевых приказов. У него, как ранее у боярина Морозова, тоже случился инсульт (по словам Патрика Гордона, «тесть императора, Илья Данилович Милославский, от великого возбуждения получил апоплексический удар и, захворав, утратил память и как будто всякий рассудок»). Одним могущественным противником у Ордина-Нащокина стало меньше.

Рассказ Патрика Гордона дает представление о стиле управления ключевых фигур в царском окружении. В один из дней в январе 1665 года Гордону пришлось обратиться с просьбой по делам отпущенных из России генералов Далеилла и Драммонда сразу к нескольким членам Боярской думы — Илье Даниловичу Милославскому, князю Юрию Алексеевичу Долгорукому и Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину: «Первый выглядел не очень довольным, второй не сказал ничего, зато последний обещал сделать все возможное»<sup>[580]</sup>. Кстати, сам отпуск генералов в Англию говорил о том, что в их услугах перестали нуждаться, в отличие от

прежнего времени, когда с большим напряжением казны стремились нанять офицеров и генералов из Западной Европы<sup>[581]</sup>. Воевать дальше действительно уже не хотели, но и до мирного договора было еще далеко.

Финальным этапом подготовки будущих переговоров стали обсуждение в Думе записок А. Л. Ордина-Нащокина и выработка инструкции послам в конце декабря 1665-го — январе 1666 года. Согласие на заключение договора о перемирии на условиях, предлагавшихся царским окольничим, получить было трудно. Опять возникли ссоры. Шведский резидент Лилиенталь сообщал о столкновении Ордина-Нащокина и дьяка Алмаза Иванова: один из них обвинял другого в «измене», а тот в ответ называл его «мужиком». Поэтому все дело продвигалось указами и распоряжениями царя Алексея Михайловича, сделавшего свой мирный выбор. Главные разногласия в Думе были между сторонниками и противниками сближения с Польшей, здесь Ордин-Нащокин действовал вопреки мнению большинства.

Судя по первоначальной редакции наказа послам, которую стали составлять еще во время отсутствия Ордина-Нащокина в Москве, среди царских приближенных и руководителей Посольского приказа по-прежнему оставались сторонники разговора с позиции силы. Они требовали контроля над землями Войска Запорожского в Правобережной Украине до Южного Буга и возвращения к разговору об отмене Брестской унии. Ордин-Нащокин, подключившийся к работе по редактированию наказа, более реалистично смотрел на дела, видя в договоренностях с польским королем еще и способ решения других важнейших вопросов, включая взаимоотношения с Крымским ханством.

Выработка требований на переговорах продолжалась вплоть до 6 апреля 1666 года, когда царь Алексей Михайлович сформулировал краткие указания на переговорах окольничему Ордину-Нащокину:

«1. Киева здешнюю з заднепрскою стороною не уступать. 2. Смоленска со всеми 14 городами не уступать. 3. Полоцка и Витебска и Диноборка не уступать».

Из всего этого списка готовы были пожертвовать, в случае крайней необходимости и угрозы разъезда послов, только Полоцком и Витебском. При этом Динабург царь требовал «конечно не уступать»<sup>[582]</sup>.

30 апреля (10 мая) 1666 года, в понедельник, в первом часу пополудни, долгожданные переговоры в Андрусове представителей Московского государства, Польши и Литвы начались. То был великий дипломатический контрданс, потребовалось больше тридцати съездов дипломатов и почти

восемь месяцев, чтобы заключить искомое соглашение. Как ни хотел Ордин-Нащокин договориться сразу о вечном мире, стороны готовы были обсуждать только перемирие. Становилось понятно, что на уступки придется пойти всем. К Московскому государству отходили Смоленская и Северская земли — польские трофеи времен Смуты. В ответ пришлось поступиться Полоцком и Витебском. Вокруг «Малых Лифлянт» и судьбы Динабурга разгорелся спор, аргументом в котором царская сторона поначалу видела уплату компенсации в 10 тысяч рублей. Дело погубила алчность сборщиков пошлин в Динабурге, немедленно набросившихся на приехавших торговцев, посчитавших начало переговоров хорошим знаком для возобновления торговли по Западной Двине. Даже самый последовательный сторонник сохранения за Россией Динабурга — посол Ордин-Нащокин — вынужден был отступить, понимая, какую репутацию получили в Литве царские администраторы.

Основные разногласия касались судьбы Украины и особенно Киева с округой. Оставить его под контролем царских воевод означало создать плацдарм на Правобережной Украине. И, что казалось еще важнее, Киев оставался историческим «сердцем» Древней Руси с великими православными святынями. Там находился престол главы Киевской митрополии, а ранее Киев был административным центром воеводства в составе Речи Посполитой. И даже когда начали задумываться о его уступке, она все равно могла состояться лишь при условии отстройки рядом нового города и владения им московским царем. В итоге последним царским словом на переговорах стал прямой указ «великому послу» Ордину-Нащокину: «Одноконечно Киеву и здешней стороне в уступку не быть»<sup>[583]</sup>.

Плохим фоном переговоров стала и опись Левобережья в 1666 году, ее пришлось приостановить ввиду начавшихся выступлений казаков, недовольных любым контролем над ними. Они готовы были объединиться с казаками гетмана Правобережья Петра Дорошенко, действовавшего при поддержке крымского хана и турецкого султана. Опасность такого поворота событий грозила потерями как Московскому царству, так и Речи Посполитой, потому что казаки гетмана Дорошенко в конце осени — начале зимы 1666 года приступили к методичному уничтожению польских гарнизонов в Правобережной Украине.

Дела в Андрусове сдвинулись только в самом конце декабря 1666 года, когда король Ян Казимир прислал своим послам на переговорах инструкцию договариваться не только о разделе территорий, но и о будущем союзе против Крыма и Турции. Уступка была вынужденной:

король продолжал бороться то с утихавшим, то снова возобновлявшимся «рокошом» Любомирского. После еще одного конфликта на сейме обозначились перемены в позиции польско-литовской стороны.

20 (30) января 1667 года послы Московского царства и Речи Посполитой поставили в Андрусове свои подписи под соглашением о перемирии на 13 лет. В преамбуле говорилось о стремлении послов устранить все «недружбы и разности», дошедшие «напоследок» до «кровопролития и войны». Хотя стороны пока не могли договориться о «вечном покое» между странами, стремление к заключению такого мира и «дружбы» было письменно зафиксировано. В первых статьях Андрусовского договора устанавливали срок перемирия от июня 1667 года по июнь 1680 года, подтверждали уважение к царскому и королевскому титулам. Интересная деталь: с этого времени договорились, что переписка порубежных администраторов Речи Посполитой будет вестись «не русским письмом», а «польским языком», как это стали делать «во время нынешней войны». Но главным, конечно, для обеих сторон был раздел территорий. За царем Алексеем Михайловичем оставался «Смоленск со всею Северскою землею, с городами и с уездами». Эти приобретения включали Дорогобуж, Белую, Невель, Себеж, Красное и Велиж (на время перемирных лет, несмотря на прежнюю принадлежность его Витебскому воеводству). В договоре также утверждали новую границу «с другого края, где есть Северские городы». На царской стороне оставались «около Чернигова все городы и земли», а также весь «край» «от Днепра, что под Киевом... до Путивльского рубежа», где во время перемирия не должно было оставаться королевских владений.

С другой стороны, восстанавливались прежние воеводства в Литве — Полоцкое, Витебское (кроме Велижа) и Мстиславльское, а также «Лифляндский рубеж»: «так, как в себе те рубежи и в давном своем очертании до войны имели... с обеих сторон Днепра и Двины рек». Уже 1 марта 1667 года царские воеводы отчитались о возвращении в силу Андрусовского договора Полоцка «с уездом», «старого полоцкого наряда» (артиллерии) и «з жилецкими полоцкими старыми людьми». Тогда же были возвращены «городовые ключи» от Витебска с тремя «пустыми городищи» — Усвятом, Сурожем и Озерищами, отданы пушки и другое вооружение и запасы. Над казаками, жившими в низовьях Днепра, «что имянуются Запороги», устанавливался общий протекторат: «имеют быть в послушании, под обороною и под высокою рукою обоих великих государей наших». Здесь же был упомянут и чувствительный вопрос свободы вероисповедания, но она касалась только католической веры в землях,



уступленных царю, и православия на территории Речи Посполитой. Об унии документ умалчивал, что было победой российской стороны, стремившейся к устранению униатской церкви.

И, наконец, Киев. Известно, что он остался за Московским государством только на два года, после чего его следовало вернуть по Андрусовскому договору Речи Посполитой. Но сделано этого не было, что вызывает вопрос: насколько последовательно исполнялись условия перемирия? Отдача «самого города Киева» с «монастырями Печерскими», посадом и другими территориями «с той стороны Днепра, на которой Киев есть», протяженностью до одной польской мили — пяти километров, обговаривалась определенными условиями. Согласно статье 7-й договора, город должен быть «отдан и очищен до первой о вечном покое комиссии, в тех перемирных летах припадающей», то есть до начала новых переговоров о вечном мире. Срок созыва такой комиссии был определен в те самые два года, «от нынешняго договора считаячи». Выражалась надежда, что это будет 15 апреля 1669 года «по новому календарю». При этом отдача города должна сопровождаться дипломатической перепиской — «через посланников с любительными грамотами обсылкой». При уступке Киева запрещалось требовать какую-либо «награду» или возмещение. Пока город был в руках царских воевод, им ставилась задача «имети крепкую с войска его царского величества оборону, как против бусурман, також и против своевольных казаков».

Следовательно, возвращение Киева, согласно Андрусовскому перемирию, было обременено обязательством начать в ближайшие два года переговоры о вечном мире. Но в действительности движение к нему затянется еще на 20 лет, пока уже Вечный мир с Речью Посполитой 1686 года не решит окончательно судьбу Киева в пользу Российского царства.

Завершая в 1667 году войну, договаривались еще о возврате трофеев — пушек, имущества, документов и архивов, а также захваченных святынь. Первый шаг был сделан на самих переговорах в Андрусове, когда «великому послу» Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину вернули чудотворную икону, бывшую в русском войске во время неудачного боя при Кушликовых горах. Тогда Ордин-Нащокин счел это хорошим предзнаменованием для договоренностей об общей борьбе России и Речи Посполитой против Крымской орды в перемирные годы.

В одной из первых статей Андрусовского договора тоже говорилось о возвращении в течение года образов, мощей и других святынь, утвари «и украс костельных и церковных», особенно части древа Креста Господня, «в Люблине взятая». Оговаривались условия обмена пленными и

восстановления границ, а также подтверждалась необходимость начала новых переговоров о «вечном мире». Даже если они сорвутся в будущем 1669 году, договорились не отступать и собираться на польские съезды снова и снова «в пять лет», до 1674 года. Если на двух съездах не получится договориться, тогда предлагалось обратиться к посредничеству других «христианских государей» и устроить третий съезд в 1678 году, а далее договариваться до окончания перемирия в 1680 году. В настойчивом обсуждении условий движения к «вечному миру» между двумя странами можно видеть работу главного сторонника этой идеи — Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Своею волей он разворачивал неповоротливую московскую дипломатическую машину в другом направлении, готовя общий союз против Крыма и Порты. Пока стороны договорились всего лишь «известить» своих южных соседей о заключенном союзе, но всем было понятно, что складывается союз христианских стран, готовый, как прямо записано в Андрусове, к «войне» с «салтаном турским», если он вступится за «орду» и к «отпору бусурманом» (статьи 18-я и 19-я). Окончательная выработка договора об общей помощи против Крыма и Порты была отложена до новых съездов послов и увязывалась с вопросом об «удержании обоей Украйны и Запорожья», для чего и нужны были совместные военные действия, «как против хана Крымского и орды, також и против цесаря Турскаго, когда бы украинских Козаков общими войсками своими до своего послушания и подданства принуждати имели» (статья 30-я).

Искусство дипломата А. Л. Ордина-Нащокина проявилось еще и в стремлении использовать перемирие для установления нового порядка торговли между Россией и Речью Посполитой, а также соседними странами. Интересы русской торговли всегда были в центре его внимания. Такое «стратегическое» осмысление вопросов войны и мира выделяло его среди советников царя Алексея Михайловича. Согласно договоренностям в Андрусове, когда перемирие будет окончательно утверждено, следовало послать с извещением об «утвержденном покое» в соседние страны, «чтобы не без ведомости было, и потом чтобы впредь меж купецкими людьми с окрестными государствами торговые промыслы множились». Любыми товарами, «опричь тех товаров, которые в обоих государствах заказаны будут», разрешалось торговать «без затруднения», и такой порядок должен был существовать вплоть до начала последней стадии переговоров о «вечном мире». В это переходное время Ордину-Нащокину удалось даже смягчить потерю Динабурга и связанных с этим городом торговых преимуществ. В договоре записали возможность свободной

торговли по Двине от Смоленска до Риги и, наоборот, приезда купцов из Польши и Литвы с товарами в Смоленск. Важным основанием для продолжения торговли стала договоренность об уплате долгов, как оставшихся еще с довоенного времени, так и накопившихся позже, что позволяло возобновить торговый кредит (статьи 15–17).

Несколько статей касалось вопросов сохранения мирных отношений, посылки и отправки новых посольств, взаимоотношения порубежных администраторов, рассмотрения спорных дел. Делалось всё для того, чтобы предотвратить повторение прежней ситуации, приведшей к объявлению войны русской стороной, вступившейся за честь оскорбленных царей. Рефреном повторялась фраза о сохранении мира: «а сего перемирного договору никаким тайным обычаем не разрушать» (статья 24-я), «а на отмщение за то больших войск не побуждати и войны не вчинати и ни за какими причинами миру сего не розрывать» (статья 25-я), «а перемирья ни для каких причин не нарушить» (статья 26-я), «ни которой государь друг на другом тайныя и явныя недружбы замышляти не будет» (статья 27-я), «чтоб недружба не уростала и до войны причины не было» (статья 28-я). Завершали договор статьи, предусматривавшие порядок его подтверждения через отдельных «великих и полномочных послов» в течение следующих пяти месяцев (статья 29-я), а также подтверждавшие обязательство царя Алексея Михайловича рассмотреть на первом же посольстве вопрос «о дани казны какой достойной до удовольствования шляхты» и компенсации «выгнанцам», потерявшим свое имущество в «уступленной» части Украины (статья 31-я)<sup>[584]</sup>.

Реакция на заключенное перемирие была противоречивой. Польше приходилось утешаться тем, что она могла потерять еще больше, если бы не переговоры, происходившие во времена глубочайшего раскола между королем и оппозицией, вскоре приведшего к оставлению трона Яном Казимиром. Казаки Войска Запорожского были недовольны разделом страны, оба гетмана — Иван Брюховецкий в Левобережье и Петр Дорошенко на Правобережье в 1668 году начнут восстание ради «единой» Украины, но не преуспеют в этом, так как не смогут действовать самостоятельно без помощи крымцев и турецкого султана. Союз между царем Алексеем Михайловичем и королем Яном Казимиром имел немало противников как среди думных людей в России, так и у магнатов Речи Посполитой. Но никто не мог отменить главного — после тринадцати лет войны России стали отводить заметное место в текущей европейской политике. И это было еще до времени Петра Великого, продолжившего и укрепившего политику своего отца, царя Алексея Михайловича. Не

случайно Сергей Михайлович Соловьев назвал 1667 год «одной из граней между древнею и новою Россиею»<sup>[585]</sup>.

## Триумф новой России

Переломный характер 1667 года понимали уже современники. Немецкий ученый Штефан Трёбст написал специальную работу на эту тему, где обратил внимание на запись находившегося в это время в Москве пастора Иоганна Готфрида Грегори, звучащую примерно так: «В варварской стране ничего варварского почти нет»<sup>[586]</sup>. Шутливая запись, сделанная протестантским пастором в «книге отзывов» друга-гастронома 26 октября 1667 года, конечно, не может быть расценена как нечто важное для характеристики Московского государства. Впрочем, профессор Трёбст перечислил и другие события 1667 года, свидетельствовавшие о наступлении «нового времени» в России. Наряду с Андрусовским перемирием, изменениями в церкви под воздействием собора 1666/67 года, это была передача власти «первому современному человеку России», «русскому Ришелье» Ордину-Нащокину. С именем Ордина-Нащокина связываются торговый меркантилизм, выраженный в Новоторговом уставе, и попытки строительства флота. Высоко оценивается также назначение Симеона Полоцкого воспитателем царских детей, «просвещенных по западным образцам». Остроумные наблюдения, точно перечисляющие признаки складывавшегося «судьбоносного» времени, к сожалению, не вполне учитывают внутреннюю специфику развития самого Московского царства. Одного критерия «европеизации» — «варварская» или «не варварская» страна — для характеристики перемен явно недостаточно.

С заключением перемирия с Речью Посполитой в Андрусове при дворе действительно наступило «время» Афанасия Лаврентьевича. Со смертью долголетнего «теневого» правителя и первого царского советника боярина Бориса Ивановича Морозова царю Алексею Михайловичу не на кого было опереться. Стоявший во главе ключевых правительственных приказов боярин Илья Данилович Милославский таким влиянием, да и личными качествами уже не обладал. Но формально именно ему принадлежало первенство в делах. В альбоме имперского посла барона Августина Мейерберга сохранился рисунок, изображающий царский выезд в открытом возке в день именин царя 17 марта 1662 года. Сзади, за спиной царя, в этот момент находились князь Яков Куденетович Черкасский и боярин Илья Данилович Милославский<sup>[587]</sup>. После событий «Медного

бунта» 25 июля 1662 года в окружении царя оказались еще несколько ближайших сотрудинок, спасших жизнь царской семьи. Началось возвышение князя Юрия Алексеевича Долгорукого, а вместе с тем — и его соперничество с князем Яковом Куденетовичем Черкасским. В ближнем окружении царя находились представители самых главных аристократических родов — князья Одоевские и Воротынские, Черкасские и Прозоровские, Куракины и Голицыны, Репнины и Хилковы. А также члены старомосковских боярских родов — Салтыковы и Шереметевы, родственники царской семьи Стрешневы и Милославские. Всем, не исключая царя Алексея Михайловича, приходилось считаться с принципами родства и местничества, раскладом сил в Думе и главных приказах. Но достижение мира в Андрусове сделало именно Ордина-Нащокина ближайшим царским советником.

Взлет политической «кометы» Афанасия Лаврентьевича был стремительным и противоречил аристократическим счетам бояр, подогревая их ревность к положению первого царского советника в Думе. Тем не менее царь Алексей Михайлович проявил свою волю. 1 февраля 1667 года, по возвращении Афанасия Лаврентьевича из Андрусова, ему было пожаловано боярство. В тот же день состоялось всенародное объявление Андрусовского договора и были пожалованы награды «воинскому чину» и всем участникам завершившейся Русско-польской войны 1654–1667 годов: «За службу, что они ему великому государю служили против польских и литовских людей мужественно и храбро стояли, и промысл всякой чинили и княжество Литовское в перемирие, уступку годну и прибыльную, Великой России учинили». Все члены Боярской думы и Государева двора, городовые дворяне и дети боярские жаловались переводом части своих поместий в вотчины. Подобное решение ранее принималось только дважды — чтобы отблагодарить служилых людей «за осадное сиденье» при царе Василии Шуйском и «в приход» королевича Владислава в 1618 году. С того времени, закрепившего приобретения служилых людей в Смуту, складывались многие крупные вотчины и родовые владения дворян, где они строили «дворы вотчинниковы» и устраивались семьями на многие поколения. пожалование 1667 года было таким же значимым, тем более что оно превосходило по масштабам все прежние раздачи земли в вотчины. Бояре сразу получали право на «перевод из поместей их в вотчину» 510 четвертей земли, окольные — 300 четей, думные дворяне — 250 четей, думные дьяки — 200 четей. Чины Государева двора, жильцы и городовое дворянство могло перевести в вотчину «с окладов со 100 чети по 20

четвертей».

Не были забыты и те, кто погиб в годы войны, особо оговаривалось, «чтоб из городов и побитых отцов дети для челобитья вотчинных грамот к Москве приезжали». Таких людей, долго ждавших своей награды, оказалось столько, что вскоре пришлось уточнять принятое решение и запретить многолюдные приезды в Поместный приказ, где, надо думать, немедленно выстроились очереди. По уездам были разосланы распоряжения, чтобы «к Москве для челобитья вотчинных грамот из Поместного приказа имать, людными приезды не приезжали, а присылали бы от города по человеку и по два с воеводскими отписками». В то же время иностранные офицеры массово отпускались из Москвы на родину по завершении войны, высвобождая немалые суммы денег, шедших ранее им на жалованье<sup>{588}</sup>.

Ордин-Нащокин был поставлен во главе Посольского и Малороссийского приказов, в Посольский же приказ были переданы и дела по управлению Смоленском, Рославлем, Дорогобужем и другими литовскими городами, полученными по Андрусовскому перемирию (ранее, с 1 марта 1656 года, они ведались боярином Семеном Лукьяновичем Стрешневым в Устюжской четверти, а затем, с 10 декабря 1666 года, были переданы в Разрядный приказ. Прежний малоприметный городской сын боярский из Пскова стал теперь называться в дипломатических договорах «царской большой печати и государственных великих посольских дел оберегатель»<sup>{589}</sup>. Одновременно это означало и поражение тех, кто много лет сопротивлялся возвышению Ордина-Нащокина, его возраставшему влиянию на царя и всему политическому курсу на мир с Речью Посполитой. Думный дьяк Алмаз Иванов, а вместе с ним и его пасынок Артамон Сергеевич Матвеев пусть на время, но проиграли. Оставление Посольского приказа, видимо, не прошло бесследно для думного дьяка. Он вскоре умер, хотя долгие годы подготовки им «преемника» еще оправдаются. Его пасынок Артамон Матвеев сменит Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина через два-три года на всех его постах: сначала во главе Малороссийского, а потом и Посольского приказа. Ордин-Нащокин был нужен царю Алексею Михайловичу, чтобы завершить успешно начатое движение к миру с Речью Посполитой, и его дальнейшая карьера во главе московской дипломатии, как оказалось, полностью зависела от успехов или неудач на этом направлении московской политики<sup>{590}</sup>.

С именем Ордина-Нащокина связано принятие Новоторгового устава

22 апреля 1667 года. В его видении задач дипломатии цели торговли всегда находились на одном из первых мест. Он обладал редким для окружения царя пониманием взаимосвязи военных, дипломатических и экономических задач, подчиненных у него высшей цели — созданию Великой России. Даже во время русско-польской войны Афанасий Ордин-Нащокин продолжал думать о другом, мирном времени, о будущих союзах, торговых путях, движении товаров, богатстве купцов и торговых людей и наполнении ими государственной казны. Оказавшись весной 1665 года в Пскове, он уже задумывался над изменением правил торговли. Со времени начала войны в 162-м (1654) году практика земских соборов прекратилась, и члены Думы вместе с царем сами решали главные вопросы торговли и сборов. Иначе стал действовать Ордин-Нащокин, понимавший значение участия людей в определении понятного им порядка сбора основных налогов, за которые они сами отвечали своим имуществом. Стоит учесть и особую историю Пскова, где многие еще помнили события городского восстания 1650 года. Но дальше наступила война, приведшая к «недобору во всех годех» псковских денежных сборов. Причины были понятны Ордину-Нащокину, и он сам определил их в записи, посланной к земским старостам Пскова 3 апреля 1665 года. Запись эта важна еще и тем, что здесь очень рано для русских источников встречается производное от слова «граждане» новое политическое понятие — «гражданское постановление» (порядок), нарушенный войной, из-за чего произошло всеобщее оскудение: «...и то чинитца, опричь воинского оскорбления и ратных полковых подъемов, знатно от несогласия междо посадцкими людми, в крепости *гражданского постановления* не держат, и от лутчих людей над маломощными в сотнях во всяком нестроении в торговых делах, за неросправою, убытки чинятца».

Понимая общие причины кризиса, воевода не снимал вины с жителей посада, а, напротив, определял расстройство городской жизни как одну из важных причин оскудения людей на посаде. «Недобор государевы казны» объяснялся «враждою друг с другом и обидами», «тяжбами перед воеводы мимо гражданских законов» и другими нарушениями. С целью узнать мнение жителей Пскова о путях исправления сбора денежных доходов, устранения разорения Пскова Афанасий Лаврентьевич обращался с предложением «земским старостам сойтися с лутчими людми в земской избе для общего всенародного совету, и о градцком устроении со всяким усердием говорить»<sup>[591]</sup>. Иными словами, в родном Пскове он попытался сделать то, в чем безуспешно убеждал царя Алексея Михайловича, прислушавшегося к советам других советников. Напомним еще раз, что



Ордин-Нащокин оказывается в Пскове спустя некоторое время после внезапного приезда в Москву патриарха Никона в декабре 1664 года, «позванного» в Москву в том числе якобы по его слову в видах обсуждения какого-то Земского собора!

Новоторговый устав 22 апреля 1667 года обычно трактуется как свидетельство зарождавшегося «меркантилизма» — экономического учения, связанного с защитой собственного рынка и интересов торговли. Однако в этих определениях есть некоторая модернизация, «подверстывание» их под западноевропейские образцы. Московская торговая политика имела свою историю; перемены в ней чаще всего были следствием не общих, отвлеченных идей, а практического опыта. Хорошо заметно это стало после обнаружения историком Александром Игнатьевичем Андреевым рукописи Новоторгового устава, так как в его публикациях XIX века в «Собрании государственных грамот и договоров» и «Полном собрании законов Российской империи» всё, что относилось к обстоятельствам принятия документа 22 апреля 1667 года — обсуждение, подписи, объявление о введении, — было сокращено. Из этих «пропущенных» деталей определенно выясняется прямая причастность к его составлению Ордина-Нащокина.

Документ создавался с учетом давней коллективной челобитной посадских людей 1646 года, а также опыта псковской «реформы» городского устройства, проведенной в то время, когда Афанасий Лаврентьевич был там на воеводстве (например, он последовательно хотел освободить торговых людей от воеводского суда). Не случайным было и свидетельство документа в Посольском приказе 7 мая 1667 года подписями представителей купеческой верхушки — гостями, старостами московских сотен. Сделано это было по «именному» царскому указу со ссылкой на «заручную челобитную» «всех московских гостей и черных слобод и розных городов лутчих и середних торговых людей». В царском указе кратко объяснено и содержание принятого нового «Торгового устава», объявленного русским купцам: «...о торговом с ыноземцы устроении с ними говорили, и как великого государя казне пошлинной со всяких товаров без обид к большому збору, и от насильных и обманных иноземских товаров московским и в порубежных городех и во всей Великой России к обороне быти». Одновременно упоминалось и о другой, сохранявшейся «честной» торговле: «А с чесными иноземцы с пограничными соседи и с заморскими к совету и к пожиточным к лутчим торгом против всенародного челобитья промыслом быти»<sup>[592]</sup>.

94 статьи, а также еще специально отобранные для объявления

иноземным купцам («выписанные на перечень») 7 статей и составили «Устав торговле в царствующем граде Москве и во всей Великой России в порубежных городех». В них раскрывались особенности торговли «заморскими» и «русскими» товарами, приходившими на кораблях в Архангельский город купцами, торговавшими в Москве и других городах. Главная забота была в исправлении таможенных дел, из-за чего, по словам устава, «русским людям в торгах» были «помешки и изнищение и убытки». Наполнению казны должно было способствовать взимание пошлин только «золотыми и ефимками» — угорский золотой ценился в рубль, а «любский» ефимок — в 50 копеек. Собственная розничная торговля иностранцев «на Москве и в городех» запрещалась, они должны были привлекать к торговле посредников из числа русских купцов.

Не всё строилось исключительно на запретах. Русское государство, заинтересованное в пополнении казны золотом и серебром, разрешало закупать «безпошлинно» свои товары в случае привоза для этих целей иностранными купцами золотых и ефимков. Государственная воля выстроить новые отношения с иностранными купцами была выражена в уставе 1667 года очень ясно; с этой целью обещали впредь наказывать «по правам градским» и лишать «животов» (имущества) нечестных торговцев (при этом перечислялись известные способы утайки товаров от уплаты таможенных платежей, упоминался привоз поддельного золота, серебра и других товаров). Протекционистские меры, во всяком случае в ближайшие месяцы со времени принятия Новоторгового устава, существенно сократили торговлю, о чем свидетельствовал в своей корреспонденции из России в Англию недавно побывавший там Патрик Гордон. 9 июля 1667 года не без веселой иронии он писал основателю «Лондонской газеты» Джозефу Уильямсону (в будущем государственному секретарю Англии): «Дабы поощрить торговлю, его императорское величество уменьшил пошлину для своих подданных на пять [копеек] с сотни. Однако 60 рейхсталеров наложены на каждую бочку испанского и 20 — французского вина, а 5 — за якорную стоянку (в Архангельском порту. — В. К.), так что мы должны пробавляться медом, пивом и водкой». Несколько месяцев спустя тон корреспонденций поменялся и стал более серьезным: «Торговля наша в великом упадке по причине налогов и морских войн»; «торговля очень слаба по причине наших новых замыслов и налогов»<sup>[593]</sup>.

Новые правила торговли с западноевропейскими купцами не мешали устанавливать противоположный порядок в торговле с Персией. Начало особым торговым отношениям с подданными персидского шаха положил в 1660 году ценный дар армянского купца Захария Савельева (Закара

Саградова-Шариманяна, или Шараманова, как писали его фамилию в русских источниках). Он привез царю Алексею Михайловичу царское «место», или «персидское кресло». После осмотра трона московские торговые люди определили его стоимость: «Кресла оправлены золотом с камнями с алмазы и с яхонты з жемчюги по оценке 22 589 рублей 20 алтын». Царское кресло использовалось в дипломатических приемах и до сих пор сохраняется в Оружейной палате Московского Кремля. Именно переговоры с джувейхийским купцом (и не в последнюю очередь привезенный им алмазный трон) обеспечили на будущее преимущество Армянской торговой компании в Москве в торговле с Персией. Купцам Армянской торговой компании впервые были разрешены монопольная торговля на русском рынке шелком-сырцом и его провоз в Западную Европу новым торговым путем через Кавказ, Астрахань и Волгу<sup>[594]</sup>. И здесь глава Посольского приказа боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин стремился поставить торговлю на службу интересам Московского царства. Для Москвы транзитная торговля шелком-сырцом означала удар по интересам турецкого султана и попытку экономически заинтересовать другие державы в военном и дипломатическом союзе<sup>[595]</sup>.

Развитие транзитной торговли через Каспийское море повлияло на начало строительства флота. Это также было поручено главе Посольского приказа. В указе царя Алексея Михайловича 19 июня 1667 года говорилось о целях строительства первого русского корабля «Орел» в селе Дединове на Оке: «для посылок из Астрахани в Хвалынское (Каспийское. — В. К.) море». В тот же день в Приказе Новгородской четверти (он также подчинялся Ордину-Нащокину как главе Посольского приказа) был нанят голландский корабельный мастер Ламберт Гелт с товарищами, построивший знаменитый корабль<sup>[596]</sup>. О связи каспийского направления торговли со строительством кораблей свидетельствовал в своей корреспонденции в Англию Патрик Гордон: «Мы рассчитываем направить через эту страну персидскую и армянскую торговлю; призываются шкиперы и корабельные плотники, а иные уже прибыли, чтобы строить и снаряжать суда для плавания в Каспийском море»<sup>[597]</sup>.

С приходом Ордина-Нащокина к руководству менялся масштаб деятельности Посольского приказа, что больше соответствовало пониманию места и значения новой — Великой, Малой и Белой России. В мае — июне 1667 года состоялось важное внешнеполитическое действо — одновременная рассылка посольств в соседние государства, чтобы добиться признания титула и завоеваний царя Алексея Михайловича. В

Швецию поехал Иона Леонтьев, в Данию — Семен Алмазов, в Пруссию и Курляндию — Василий Бауш (Боуш). Но главным было не прошлое, а будущее, поэтому первым по значению из всех отправленных посольств стала поездка Ивана Афанасьевича Желябужского к австрийскому императору — именно с ним в первую очередь следовало обсудить не только итоги завершившейся войны, но и контуры нового союза, а также выбранного Московским государством поворота к противодействию османской экспансии. Здесь интересы Москвы и Вены полностью совпадали, поэтому можно было надеяться на успех миссии<sup>[598]</sup>. Путь Михаила Головина лежал в Голландию и Англию. Соперничество двух стран за влияние на российском рынке было хорошо известно, и Головин мог использовать эти противоречия на переговорах. Посольство Петра Ивановича Потемкина было отправлено в католические страны Европы — Испанию и Францию, до этого времени редко попадавшие в поле зрения московской дипломатии. Собирались послать еще Климента Иевлева в Иран, но, несмотря на сделанные назначения, поездку пришлось отложить, так как надо было еще убедиться в том, что выбранное направление новой внешней политики Русского государства находится в согласии с интересами других европейских стран, и оценить их готовность к будущему антиосманскому союзу с Россией<sup>[599]</sup>.

Наступало время утвердить не только военные завоевания России, но и новый титул царя Алексея Михайловича, включавший слова «всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя и обладателя»<sup>[600]</sup>. После заключения договора об Андрусовском перемирии поправили содержание «печати Царственной большой». В материалах посольств рядом с указанием на новый титул давалось «Описание печати Российской государства»: «Орел двоеглавный есть герб державный, великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, его царскаго величества Российская царствия». Три короны вверху на гербе символизировали покоренные царства — Казанское, Астраханское, Сибирское. С правой и левой стороны от орла располагались по три символических изображения городов. Правые «три града» соотносились с титулом «Великия и Малыя и Белья России», а на левой стороне они отсылали к упоминанию в титуле «Восточных, Западных и Северных» стран. Под орлом располагались еще знаки «отчича» и «дедича», «на персех» (груди) — изображение в щите наследника. Иногда его называют

изображением самого царя Алексея Михайловича, но, как видим, с 1667 года оно трактовалось именно как знак преемственности династии. В когтях орла («на пазноктях») изображались традиционные «скипетр» и державное «яблоко»; именно они, по словам описания нового герба, «и являют милостивейшего государя его царского величества самодержца и обладателя»<sup>{601}</sup>.

## Обновление царства

Главным событием после окончания войны стала церемония объявления наследника, царевича Алексея Алексеевича, приуроченная к новолетию 1 сентября 1667 года. Царь Алексей Михайлович следовал традиции: ровно за 25 лет до этого, 1 сентября 1642 года, в тринадцатилетнем возрасте он сам появился рядом с отцом, царем Михаилом Федоровичем, и впервые участвовал в подобной церемонии — «у действия многодетного здравья» — в качестве наследника новой династии. Став царем, Алексей Михайлович повторил всё для своего сына, которому тоже исполнилось 13 лет<sup>{602}</sup>. Новую веху в истории династии царь Алексей Михайлович символично отметил закладкой знаменитого деревянного дворца в Коломенском: 2 мая 1667 года царь ходил «в село Коломенское для складыванья своих государских хором»<sup>{603}</sup>.

Дворец в Коломенском, по оценке историков искусства, воплотил в себе «все важные особенности древнерусского зодчества». Дата его закладки была выбрана тоже не случайно, она приходилась на день Бориса и Глеба, небесных покровителей династии Рюриковичей<sup>{604}</sup>. Первые святые Древней Руси, князь Владимир и его сыновья Борис и Глеб, были изображены на знаменах государева похода 1654 года. На гравюре в книге черниговского епископа Лазаря Барановича «Меч Духовный», изданной в типографии Киево-Печерской лавры в 1666 году, изображения древнерусских святых также были помещены рядом с царской семьей — царем Алексеем Михайловичем, царицей Марией Ильиничной и их детьми царевичами Алексеем, Федором и Симеоном. Поэтому закладка дворца под небесным патронажем князей Бориса и Глеба имела глубокий дополнительный смысл.

В 1667 году церемония объявления наследника стала знаком надежды на новые времена, сохранения преемственности движения к новой, вселенской роли России как православной державы. В действе участвовали два вселенских патриарха, грузинский царевич Николай Давыдович,

касимовский царевич Василий Арасланович с сыном Федором, сибирские царевичи Петр и Алексей Алексеевичи, не говоря уже обо всем дворе. Даже страницы официального описания отразили пафос события: «Кто бо тогда от православных зряй благочестивую оную государскую ветвь, исполнену благоразумия плода пред лицом отца своего государева, сице превысочайшаго повелителя и монарха благочинно предстоящу и благоразумныя словеса, яко росу небесну каплющу, на славословие ко всех Зиждителю сердцем не обратился». Сам царевич Алексей Алексеевич говорил речь, обращенную к отцу, а «царь целовал его царевичеву главу». Ничего не могло полнее выразить общую радость, чем пасхальные песнопения. И они прозвучали тогда, в первый день нового, 176-го года во время шествия из церкви в государевы хоромы: по завершении всех официальных торжеств «пели их государские певчие дьяки канони Воскресению Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что поется в самый светлосиятельный день живо-носных Пасхи, зело благочинно и сладкопесненно»<sup>{605}</sup>.

Вернувшийся из посольства в Англию Патрик Гордон сообщал в своей корреспонденции в «Лондонскую газету» подробности этого события: царевич, которому «около 15 лет», «предстал на общее обозрение народа, что намного возвеличило обычную торжественность этого дня». Гордон описывал, как перед дворцом в Кремле было расчищено особое место «200 или 300 шагов в окружности», и вся земля устлана коврами, и поставлено возвышение («помост»), тоже украшенное «червлёным бархатом, а поверх богатыми персидскими шелковыми коврами». Около 9 часов царь Алексей Михайлович и царевич Алексей Алексеевич вышли из дворца, на короткое время зашли в Успенский собор, а дальше состоялось открытое для всеобщего обозрения богослужение на дворцовой площади, напротив устроенного помоста, где расположились с левой стороны вселенские патриархи, а с правой — царь и царевич: «император, и принц были одеты в красное, принц несколько посветлее»<sup>{606}</sup>.

К первому дню новолетия были приурочены новые награды служилым людям. Царь Алексей Михайлович по случаю «объявления сына» даровал участникам недавней войны денежные и поместные придачи к окладам. Например, бояре получали 100 рублей, окольничие — 70, думные дьяки — 50. Выделившиеся в особую группу внутри Государева двора «комнатные» стольники из числа наиболее привилегированных аристократических родов, родственников Романовых и просто приближенных царем лиц получили дополнительно 130 четвертей поместного оклада и 15 рублей



денег, остальным членам Государева двора и жильцам — 100 четвертей и 12 рублей. Оформление вотчинных грамот за заслуги участникам государевых походов в Печатном приказе тоже становилось наградой. Казна даже могла заработать на этом, так как написание каждой из грамот думным чинам «с заставичами и буквами киноварными» стоило целых пять рублей. Но на такие траты шли, чтобы оставить вечные свидетельства своих заслуг. Не были забыты городовые дворяне и дети боярские, «начальные люди» рейтарских, солдатских и стрелецких полков. С сентября 1667 года стали собирать «сказки» служилых людей московских чинов, жильцов и городских дворян об окладах и участии в прошедшей войне. Служилых иноземцев, присутствовавших на церемонии объявления наследника, царь Алексей Михайлович тоже пожаловал, прислал «осведомиться о здравии», «пожелал им доброго Нового года» и распорядился выдать дополнительно «месячное жалованье». Во время всеобщей радости юный царевич участвовал во «взрослом» обряде — жаловал «в передней» праздничными чарками — «водкою и романею бояр и окольничих и думных и ближних людей»<sup>{607}</sup>.

Поворот в политике, связанный со стремлением царя Алексея Михайловича скорее увидеть в качестве соправителя своего сына, готовился загодя, до наступления его настоящего совершеннолетия. Требовалось время, чтобы научить царевича государственным делам. Сохранились описи имущества царевича Алексея Алексеевича, из них можно узнать о его интересах. Детали делопроизводственного документа подтверждают, что наследник был настоящей надеждой царя. У царевича тоже имелось увлечение, связанное с охотой. Когда ему было 12 лет, в один из походов в Преображенское к старшему сыну царя было отпущено более десятка разнообразно украшенных луков со стрелами, например «орликами двоеглавыми». Затейливые луки, писанные золотом «по белой кибити», из буйловой кости, с шелковой тетивой отпускались и в другие походы царевича вместе с отцом (например, в апреле — июне 1667 года). В другой описи встречаются «две пушечки медные золочены в станках серебряные потешные»<sup>{608}</sup>. Царевич умел играть в шахматы, среди его имущества находились сами фигуры — «шахматы в пяти мешках» и «трои доски шахматные». Если отец ежегодно «лехчился» кровопусканием, когда «сокол жилу бил» на глазах царских придворных<sup>{609}</sup>, то и сын стремился за отцом. У него в «сумке» хранились «ножницы, которыми лехчился». У отца с юных лет была «черниленка кизылбашская», и у сына иранская чернильница «писаная» (и еще две другие, «кизылбашские»).



Больше всего об интересах царевича могла рассказать его библиотека: там нашлось место как для «душеполезного» чтения, так и для занятий языками, историей и географией. Рядом с богослужебными книгами — Библией, Новым Заветом, Апостолами, Псалтырями — у царевича имелись книги «четьи»: жития Саввы Сторожевского, Александра Ошевенского, «Патерик Печерской». Особый интерес представляют исторические книги — «Летописец вкратце царем и великим князем», а также «Собрание патриарха Никона», в котором видят тома грандиозного Никоновского летописного свода, созданного еще в XVI веке и ранее принадлежавшие опальному патриарху. Среди других книг — «Алексикон печатной», «Грамотика словенская», «Лексикон писменной словенской с греческим», «Книга ратного строения». У царевича было «11 книг описание земель». Учитель наследника Симеон Полоцкий тоже подарил в библиотеку царевича свою книгу — «Жезл правления», о недавнем церковном соборе 1666/67 года.

Наверное, именно Симеон Полоцкий способствовал интересу царевича к изучению «книг на разных языках». Таких «больших и малых книг» у Алексея Алексеевича было больше восьмидесяти. Представляют интерес и «наглядные пособия» — иноземные гравюры и, возможно, карты: «Пятьдесят рамцов с листами фряскими. Четырнадцать листов описание розных земель». В тереме царевича рядом с его кроватью стояли глобусы — «Два яблока описание земли». Хранил царевич Алексей и просто любопытные редкости, вроде двух «струфокомилowych» (страусиных) яиц и «ореха индийского», что вполне объяснимо для юного сына царя. Как отмечал опубликовавший эти описи прекрасный знаток царского быта Иван Егорович Забелин, «охота к редкостям и драгоценностям, к разным узорочным, хитрым изделиям и курьезным вещицам была распространена не только во дворце, но и вообще между знатными и богатыми людьми того века»<sup>[610]</sup>.

Перемены в курсе Московского царства первыми ощутили на себе дьяки и подьячие московских приказов, «бюрократы» того времени. Столбцовое делопроизводство стало дополняться более современной тетрадной формой ведения архивных дел. Например, одними из первых в 1667 году вместо столбцов в книги были записаны боярские и жилецкие списки. В новых списках членов Государева двора официально появились перечни «комнатных» стольников. Придворная знать получала особый статус, утверждалось первенство по заслугам и пожалованию царя, а не исключительно по местническим основаниям. 24 октября 1667 года царь Алексей Михайлович устроил личный смотр чину стряпчих Государева

двора в Грановитой палате «со 2-го до 7-го часу дни» и «пожаловал» многих служить в дворяне «по московскому списку», а через два дня провел отдельный смотр жильцов. Впервые после долгого перерыва была составлена полная Опись архива Разрядного приказа<sup>[611]</sup>. Все это внешне может выглядеть рутинными делами, но такая «архивная» история является лучшим маркером настоящих перемен.

Царю Алексею Михайловичу настолько хотелось обновить всё кругом себя, что в день Преображения 6 августа 1667 года был издан указ о подготовке к написанию «вновь» стенного письма Грановитой палаты (оставшегося со времен царя Федора Ивановича). Иконописцу Симону Ушакову поручили сделать всё быстро, «в то же лето», желая, видимо, успеть к церемонии объявления царевича Алексея Алексеевича 1 сентября или по крайней мере к встрече польских послов в октябре. Из ответа Симона Ушакова с товарищами можно узнать, какое задание им при этом ставилось: «Грановитые полаты вновь писать самым добрым стенным письмом, прежнего лутче, или против прежнего». Мастера-изографы убедили царя отложить работу: «в толикое малое время некогда; к октябрю месяцу никоими мерами не поспеть, для того: приходит время студеное и стенное письмо будет не крепко и не вечно». Царь согласился с их доводами. По новому указу 15 ноября 1667 года «возобновление стенописи» Грановитой палаты было перенесено на весну 1668 года<sup>[612]</sup>.

Стремлению к новизне отвечает и появление в самом ближнем круге царя Алексея Михайловича боярина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Учитывая его назначения и пышные титулы, существует соблазн назвать андрусовского триумфатора «русским канцлером»<sup>[613]</sup>. Однако Алексею Михайловичу пришлось учитывать ропот обиженных возвышением Ордина-Нащокина думцев. Поэтому назначения ограничились передачей новому боярину только двух приказов — Посольского и Малороссийского. Правда, в Посольском приказе были ведомы еще и «четверти» — финансовые ведомства по сбору доходов, но такую исторически сложившуюся дополнительную нагрузку на дипломатическое ведомство Ордин-Нащокин считал излишней.

Настоящим «теневым» главой правительства царя Алексея Михайловича становится в это время другой боярин — князь Никита Иванович Одоевский. Наконец-то пришло «время» этого ближнего человека царя Алексея Михайловича, хотя он давно уже доказал свои государственные способности составлением Соборного уложения 1649 года, а затем заключением Виленского договора 1656 года. Не случайно и

патриарх Никон чувствовал в нем сильного противника, выступая против ненавистной ему «Уложенной книги», вводившей светский суд для людей церковного чина, и называя князя Никиту Ивановича «прегордым». Пострадал от этой аристократической «гордости» и Ордин-Нащокин, когда царь Алексей Михайлович однажды отправил его к посольству «ближнего» боярина князя Одоевского, а тот отказался обсуждать с ним какие-либо дела.

Долголетним препятствием к выдвижению князя Одоевского было первенство среди советников царя Алексея Михайловича сначала боярина Бориса Ивановича Морозова, а потом царского тестя Ильи Даниловича Милославского. Даже ведая «грехи» тестя в административных делах, Алексей Михайлович не шел на его устранение от руководства главными приказами, считаясь с родственниками царицы Марии Ильиничны. Хотя сам отец не должен был выказывать своих чувств к дочери, находясь при дворе. Самуэль Коллинс писал, что «царский тесть, Илья Данилович, не смеет назвать царицу своей дочерью, никто из ее родственников не смеет признать ее своей родственницей». Предел первенствующему положению Милославского при дворе был положен серьезной болезнью, когда он не мог, как раньше, участвовать в делах. По сведениям того же Коллинса, здоровье боярина было очень плохо: «Теперь Илья, разбитый параличом, лишился и телесных, и умственных способностей и не узнает никого, кого ему ни назовут».

О том, что первенство в делах перешло к боярину Никите Ивановиче Одоевскому, свидетельствовало «шествоие на осляти» 8 апреля 1666 года, когда Одоевский держал «повод», а в обряде снова участвовал новгородский митрополит Питирим. Князь Никита Иванович выступил одним из главных обвинителей на суде над патриархом Никоном на церковном соборе 1666/67 года. Как уже говорилось, существовал определенный набор приказов, ведать которыми мог только номинальный глава правительства. Официально такой перечень никогда не устанавливался, но современникам было все ясно без дополнительных разъяснений. В сентябре 1666 года к Одоевскому от Милославского перешло руководство финансами, обороной и охраной царя; он стал во главе Приказа Большой казны, а также Стрелецкого и Рейтарского. Это было еще не всё, что требовалось для полноты влияния на государственные дела. Важную роль играла Оружейная палата, но там незыблемыми оставались позиции боярина и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово, а также Аптекарский приказ, ведавший иностранными докторами, лечившими самого царя и его семью. Контроль над «Аптекой» тоже не

сразу окажется в руках князя Никиты Ивановича.

В новое время, наступавшее после Андрусовского перемирия, Никита Иванович Одоевский оказался рядом с царем, «уравновешивая» тем самым в глазах знати возвышение Ордина-Нащокина. Характер расстановки «партий» в правительстве можно было увидеть уже во время представления наследника царевича Алексея Алексеевича двору. В отличие от других бояр, присутствовавших на церемонии «без мест», князь Никита Иванович упомянут отдельно: именно ему была предоставлена честь говорить поздравительную «речь им великим государем» от лица всех собравшихся. И в других церемониях, например «шествии на осляти» в Вербное воскресенье 15 марта 1668 года, князь Одоевский снова был одним из самых заметных участников. Кстати, тогда первый раз рядом с царем шел и держал «посередь повода» у «осляти» царевич Алексей Алексеевич, а за ним следовал и также касался повода боярин князь Никита Иванович Одоевский<sup>[614]</sup>.

Как иногда бывает в жизни, следом за большим торжеством новолетия 1 сентября 1667 года в царскую семью пришло горе — умерла боярыня Анна Ильинична, вдова боярина Бориса Ивановича Морозова и сестра царицы Марии Ильиничны. Болезнь и скорая смерть царицыной сестры оказались предвестием бед, пока еще не ощущавшихся, но очень скоро все изменивших во дворце. Царь Алексей Михайлович даже отложил традиционный сентябрьский поход в Троице-Сергиев монастырь на празднование памяти Сергия Радонежского. 25 сентября он был на подворье Троице-Сергиева монастыря, а в «7 часу ночи» того же дня умерла боярыня Анна Ильинична. 26-го числа состоялось отпевание вдовы боярина Морозова в Чудовом монастыре, где она и была похоронена рядом с мужем. Патрик Гордон написал об этом примечательном событии при дворе своим корреспондентам в Англию, добавив, что «она завещала большое состояние Его величеству»<sup>[615]</sup>.

Царь Алексей Михайлович все-таки побывал в Троице-Сергиевом монастыре, но позже, 3–4 октября. Следом из монастыря были привезены в Москву иконы Троицы и Сергия Радонежского, царь встречал их сам в Ильинских воротах 9 октября, а потом они были поставлены в церкви Евдокии, «что у государя на сених». В Москве готовились к встрече польских послов, которые должны были подтвердить андрусовские договоренности о перемирии, и этим, скорее всего, и объяснялось временное присутствие в столице почитаемых троицких икон<sup>[616]</sup>.

16 октября, за день до прибытия послов, царь Алексей Михайлович

встречал в Страстном монастыре за Тверскими воротами икону Богоматери Одигитрии, бывшую в полках вместе с воеводой боярином князем Иваном Андреевичем Хованским и захваченную в бою у Кушликовых гор за Полоцком «в 170-м году» (25 октября 1661 года). Как уже говорилось, андрусовские договоренности предусматривали возвращение святынь, захваченных в городах или полках (Ордин-Нащокин уже привез с переговоров в Андрусове одну из икон, потерянных князем Хованским). Польско-литовские послы тоже ожидали, что им отдадут разные «церковные украсы», колокола и архивы, взятые из костелов. Пришлось спешно отправлять по всему Московскому государству соответствующие грамоты о поиске и возвращении разных трофеев русско-польской войны. Послам Речи Посполитой, в качестве ответного жеста, вернули часть «Древа Креста Христова» из Люблина (святыня оказалась разделена, и ее возвращение растянулось на годы), с Дона привезли и икону Богоматери Одигитрии, захваченную донскими казаками в Вильно. Но прежде Виленскую икону принесли к вселенским патриархам, а дальше в Золотую палату «для поновления писма и оклада»<sup>[617]</sup>. Для царя Алексея Михайловича возвращение святынь домой «из плена» могло быть еще одним знаком, подтверждавшим верность выбранного им движения к миру.

17 октября состоялся торжественный въезд в Москву самих «великих послов» во главе с воеводой и генералом земель черниговских Станиславом Казимиром Веневским. Выбор его титулярного воеводства показателен, так как царь Алексей Михайлович тоже включал в свой титул слово «Черниговский»: польская сторона подчеркивала, что переговоры об уступленных землях еще будут продолжаться. Поэтому в разрядных книгах упоминалось только, что Станислав Веневский имел чин «воеводы». Кроме Веневского, в состав посольства входили референдарь и писарь Великого княжества Литовского Киприан Павел Бжостовский, «подконюшей корунной и секлетарь посолственной» Владислав Шмелинг. По официальному известию разрядных книг, целью их приезда было «подкрепление мирного постановления». Ратификация Андрусовского договора состоялась на сейме Речи Посполитой еще весной 1667 года, после чего послам были выданы соответствующие инструкции о присутствии на утверждении договора о перемирии в Москве. Им предстояло искать в Москве пути умирения казаков во главе с гетманом Петром Дорошенко, волновавшихся на Правобережье и вступивших в войну с «ляхами» при поддержке турецкого султана. Пришло время и для не решенных в Андрусове спорных вопросов. Речь шла о компенсации шляхте за потерянные владения и о свободном возвращении мещан из

городов, отошедших Русскому государству. Интересно, что царю Алексею Михайловичу захотелось самому увидеть въезд послов в Москву, и для этого он «пошел смотреть послов на Неглиненские ворота»<sup>[618]</sup>.

Первый торжественный прием «великих послов» в Москве, на котором рядом с царем Алексеем Михайловичем присутствовал и царевич Алексей Алексеевич, состоялся в Грановитой палате в Кремле 20 октября 1667 года. Послам царевич показался на вид достаточно взрослым шестнадцатилетним юношей; они отметили, что он первый раз участвовал в дипломатических делах и сидел рядом с тронном отца. Состоялся положенный посольский ритуал с объявлением титулов (ранее вызывавший столько споров), вопросами о «здоровье», подходом к руке (не только царя, но и царевича) и вручением «королевских поминков» и посольских подарков. 21 октября польские послы снова были на аудиенции в Кремле, где состоялось назначение «быти в ответе» послам, причем для переговоров была выбрана Золотая, а не Ответная палата.

Вести переговоры с польскими послами должны были боярин и глава Посольского приказа Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и «посольские думные дьяки» Герасим Дохтуров, Лукьян Голосов и дьяк Посольского приказа Ефим Юрьев. Переговоры проходили на фоне досадных для Ордина-Нащокина местнических споров. Получивший назначение ехать за послами и привезти их с Посольского двора в Кремль первый пристав стольник Матвей Степанович Пушкин отказался от службы из-за Ордина-Нащокина и подал об этом местническую челобитную. Несмотря на выговор царя Алексея Михайловича, что тот «бьет челом и всчиняет тут места не делом, а преж сего мест тут не бывала и ныне нет», Пушкин не подчинился и даже оговорил царское назначение Ордина-Нащокина: «Преж сего с послами бывали в ответе честные люди, а не в его Офонасьеву версту, и потому в то время и челобитья не бывало»<sup>[619]</sup>. Но Ордину-Нащокину всё же удалось исполнить свое дело. Царь доверял главе Посольского приказа; впрочем, право на участие в принятии решений оставалось и у остальных членов Думы, обсуждавших вместе с царем «записки» и предложения Ордина-Нащокина по ходу переговоров. Это помогло достичь согласия других ближних бояр и царских советников. Русское правительство соглашалось выплатить компенсации шляхте и оказать помощь Речи Посполитой посылкой ратных людей — пяти тысяч конницы и двадцати тысяч пехоты для борьбы с мятежными казаками Правобережья и поддерживавшими их татарами и турками.

Считается, что в ходе переговоров в Москве могла обсуждаться



кандидатура царевича Алексея Алексеевича на польский трон. Судя по «статейному списку» Ивана Афанасьевича Желябужского, ехавшего через Речь Посполитую в Вену, на сейме в 1667 году снова шла речь о преемнике Яна Казимира, и при этом имя царевича вспоминалось. Но только как альтернатива планам возведения на трон французского принца Конде или бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма и по преимуществу в частных разговорах послов. Как сообщал посол, после смерти жены короля Марии Людовики в начале 1667 года угасли надежды на передачу королевского трона в Польше представителю французского королевского дома, а сам король Ян Казимир, ссылаясь на «несчастье» своего правления, заговорил о добровольном уходе в монастырь (что вскоре и произошло). Во время московских переговоров в «галанских печатных курантах» появились известия о приеме посла Ивана Афанасьевича Желябужского и будто бы сказанных им в речи цесарю Леопольду V словах о выдаче замуж одной из царских дочерей за польского короля и даже возможном браке сестры австрийского императора с царевичем Алексеем Алексеевичем. «Московской посланник цесарскому величеству речь свою говорил стройно, притом объявлял, — переводили в Посольском приказе сообщение голландской газеты, — что московского государя царевна за полского короля выдана будет, на том хотя и чад от них не будет, однако ж на престол королевства Полского возведен будет московской царевич, за которого потом выдана будет цесарского величества сестра, но о збытии сего дела многим сумнительно»<sup>[620]</sup>. Конечно, изложенные здесь брачные планы далеки от действительности, но показательны уже само их обсуждение при дворах Вены и Москвы, ставшее свидетельством поворота к меняющейся дипломатической повестке.

После Андрусовского перемирия, закрепившего Смоленск и Северскую землю за Московским государством, лишь одно обстоятельство могло омрачать победный настрой царя Алексея Михайловича — оставшееся на польской стороне Правобережье Украины и нерешенность судьбы Киева. Отдавать его в подданство московскому царю в Речи Посполитой по-прежнему не хотели; польские послы даже не имели полномочий обсуждать судьбу Киева. Но Ордин-Нащокин придумал план, как можно было бы сохранить Киев на царской стороне<sup>[621]</sup>. Глава Посольского приказа хотел использовать просьбу польских послов о военной помощи для борьбы с гетманом Правобережья Дорошенко и крымскими татарами. Афанасий Лаврентьевич стремился вставить в новый московский договор особый пункт о выборе подданства жителями



разделенного на Левобережье и Правобережье Войска Запорожского. Дальнейшее уже зависело от московских дипломатов, надеявшихся, что они смогут «оторвать» Дорошенко от «бусурманов» и привлечь на свою сторону. Если бы такой план удался, то Правобережье с Киевом оказалось бы в соответствии с новыми договоренностями под властью православного царя.

Когда дипломаты в целом уже договорились о положениях нового московского договора, 12 ноября 1667 года состоялось торжественное действо подтверждения Андрусовского перемирия. Царь Алексей Михайлович «для подкрепленья мирного постановления» собрал в Грановитой палате Боярскую думу, рядом с царским местом был поставлен аналой, а на него положено Евангелие. Опять, как и во время первого приема послов, по правую сторону от царя стоял боярин князь Никита Иванович Одоевский, а по левую — настоящий «виновник» торжества, боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Царскую клятву свидетельствовал духовник протопоп Благовещенского собора Андрей, облаченный в ризы. Польские послы говорили речь и передали царю «королевскую подтвержденную грамоту». Она была принята от царского имени боярином князем Никитой Ивановичем, и он «держал ее у места великого государя», положив под Евангелие.

После ответной речи посольского думного дьяка Герасима Дохтурова с заявлением о признании статей мирного постановления в Андрусове 20 января 1667 года протопоп Андрей вместе с Ординым-Нащокиным поднесли к царю аналой: «на налое положена королевская подтверженная грамота, которую принесли послы, а на грамоте положено Евангелие». Царь Алексей Михайлович, «встав из своего государева места», произнес «свою государскую речь» о подтверждении Андрусовского договора, называя короля Яна Казимира своим братом и произнося полный королевский титул. Алексей Михайлович во время своей клятвы на Евангелии должен был снять царский венец — «государеву шапку» и передать на время своему окружению царские регалии.

Участие в церемонии боярина Ордина-Нащокина сделало невозможным участие в этом других бояр. Поэтому «шапку снимал и держал» царский кравчий князь Петр Семенович Урусов, скипетр принял ближний стольник князь Петр Иванович Прозоровский, а «блюдо держал» тоже ближний стольник Борис Васильевич Шереметев. «А бояр в чинех не было», — специально уточнял составитель разрядной книги<sup>[622]</sup>. Ответная речь посла Станислава Веневского, уподобившего Андрусовский договор «апокалипсической книге с семью печатями», которая «не подвергается

никакой адской силе и никаким бусурманским козням», была с особым вниманием воспринята царем Алексеем Михайловичем. По словам участников польского посольства, оставивших сведения о их приеме в Москве, «великий князь с заметным вниманием слушал посольскую речь, по-видимому, нравившуюся ему: на лице его выражалось душевное волнение, глаза налились слезами, но состояние это постепенно перешло в спокойную радость». Вслед за царем и другие вельможи выражали одобрение послу, произносившему речь, и даже просили сделать «копию с нее для самого великого князя». В известии о посольстве, специально переработанном для путешествовавшего по Европе в 1668 году члена правящей флорентийской династии Козимо Медичи, дословно, но с легкими лексическими искажениями приведены слова царя Алексея Михайловича, по завершении всего дела пригласившего послов к праздничному столу: *«Пелномости поели прошу вас на свой обияд»*<sup>[623]</sup>.

Официальный отпуск послов состоялся 25 ноября 1667 года. Снова в Грановитой палате, как и при первом приеме польских послов, вместе с царем Алексеем Михайловичем присутствовал царевич Алексей Алексеевич. Ордин-Нащокин на этот раз стоял рядом с князем Никитой Ивановичем Одоевским с правой стороны от царя, за ними расположились и другие «ближние люди». На другом, менее почетном месте, с левой стороны, стояли «дядки» царевича боярин князь Иван Петрович Пронский, окольный Федор Михайлович Ртищев и «царевичевы столники». После передачи послам царской грамоты королю Яну Казимиру «государь царевич приказывал с послы к королевскому величеству поклон». Снова был государев стол в Золотой палате, куда было отпущено огромное количество разных «еств» и «питья» с Кормового, Хлебного и Сытного дворов<sup>[624]</sup>.

Последняя встреча царя Алексея Михайловича с великими послами состоялась 4 декабря 1667 года. Этот прием был скромнее, он состоялся «у великого государя в Верху в передней». Послы пришли во дворец в «4-м часу ночи» и «ждали ево государева указу в Золотой палате». Потом их пригласили к царю Алексею Михайловичу «в переднюю», куда они пришли «в 5-м часу ночи в 2-й чети». Для посольского шествия специально украсили персидскими коврами и драгоценными материями внутренние дворцовые переходы. Посол Станислав Веневский и другие члены посольства шли «Красным крыльцом на Постельное» до «Деревянной лестницы, что ходят в верх» и «Передних сеней», где их встретил думный дьяк Дементий вместе с почетным эскортом из царских спальников,

стрелецких голов и полковников «в служивом платье», а также жильцов «с протазанами». Послы пробыли на приеме у царя Алексея Михайловича чуть более часа и пошли «от великого государя ис хором» «в 7-м часу ночи в исходе» и были еще затем «у вселенских патриархов».

Для чего же понадобилась такая встреча и почему ее описание не вошло в официальный текст разрядных книг? Цели приглашения послов объяснены в «Чиновном списке» Приказа Большого дворца: по царскому указу, им было велено «быть в Золотой палате для dokonчания перемирного договору и у себя великого государя в передней». Сначала в Золотой палате боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и польские послы подписали новый договор, согласованный во время пребывания послов в Москве: «о перемирье договорный лист закрепили своими руками». Затем послы «по своей вере присягу учинили и крест целовали», а участники переговоров с московской стороны — боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, думные дьяки Герасим Дохтуров и Лукьян Голосов, дьяк Ефим Юрьев тоже «по посольскому договору обещание учинили и целовали святое Евангелие». После этого глава Посольского приказа отправился в царские покои известить царя Алексея Михайловича о состоявшемся утверждении договора. Царь принял послов, сидя в «перситцких креслах, которые с олмазы, и с яхонты, и с иными дорогими каменьями», и в последний раз пил в присутствии послов чашу за короля Яна Казимира. Послов и бояр жаловали кубками «пить про королевское ж здорovье»<sup>[625]</sup>.

Фактически получилось так, что главное достижение Ордина-Нащокина, состоявшее в успешном развитии Андрусовского перемирия и новом договоре, заключенном в Москве, было скрыто от большинства. В официальных церемониях отпуска послов первенствовали другие бояре. Но, как оказалось, не всё объяснялось счетами придворных царя Алексея Михайловича. Во дворце в это время был траур, так как 28 ноября 1667 года состоялись похороны прожившей всего 13 дней царевны Феодоры Алексеевны<sup>[626]</sup>. Поэтому церемонии утверждения московского договора 4 декабря и был придан «частный характер». Впрочем, это не помешало Ордину-Нащокину, как сообщал в Ватикан папский нунций в Польше, обсудить «за кубком вина» совместную борьбу России и Польши с турками. Польские послы также встретились с бывшими в это время в Москве вселенскими патриархами и говорили с ними о единении христианских церквей перед лицом общей борьбы с «бусурманами»<sup>[627]</sup>.

Московский договор, заключенный с польскими послами 4 декабря

1667 года, окончательно закрывал историю недавней войны России и Польши, создавал условия для движения от перемирия к «вечному миру», и в этом была замечательная прозорливость Ордина-Нащокина. Договор состоял всего из восьми статей, но они стали необходимым дополнением и развитием Андрусовского перемирия и создали основу для укрепления союзных отношений между государствами. Уже в первой статье говорилось о совместных действиях против Турции и Крыма на Украине: «А перво о союзе сил общих против салтана Турского и против хана Крымского и о взаимной обороне против бусурманского нахождения на Украйну». Заметим, что термин «Украйна» в тексте Андрусовского договора 20 января 1667 года был обозначен не слишком внятно, там чаще упоминались «украинские казаки» или «украинские тамошние люди». В статье 18-й прежнего Андрусовского перемирия, где также шла речь о совместном противодействии крымскому хану в случае начала им войны, Украина, Киев, Запороги и «иные Украйные города, по обеим сторонам реки Днепра», оказались противопоставлены друг другу, в зависимости от того, где чье войско находилось — коронное, литовское или царское. В первой статье нового московского договора 4 декабря 1667 года «Украйна» обозначена уже более четко, с учетом состоявшегося разделения на территорию, находящуюся, с одной стороны, «под владением» короля и Речи Посполитой, а с другой — «в державе его царского величества чрез нынешние договоры осталу»<sup>[628]</sup>.

В тексте первой статьи, занимавшей больше всего места в договоре, много внимания уделено «идеологии» общего противостояния христианских стран «бусурманом» и выражена надежда, что с этого времени оба государства начнут заботиться «о случении сил во всяком промысле, против общих неприятелей бусурман о обороне». Обе стороны на переговорах записали: «...и к вечной, даст Бог, крепости подаем». Послы царя Алексея Михайловича, отосланные еще после заключения первого Андрусовского договора к разным европейским дворам, уже обсуждали предложения о совместной борьбе с «бусурманами». Примечателен иносказательный ответ бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма, поддержавшего общие действия Московского государства и Речи Посполитой против турецкого султана. Он понимал, что «салтану Турскому» при «нынешнем безстройстве Речи Посполитой» нельзя дать укрепиться ни в одном «украинском городе». А иначе «та несчастная крови жадная птица, укрепяся в том гнезде своем, не станет ли острыми и далеко сегающими пазногти своими околних ему к противности безсилных птиц шарпать и гнезда их разорять». «И то он на Украйне

укрепится, — говорил курфюрст, — всему христьянству к великому упадку быти может, и остатние стены христьянской обороне розвалятца». Поэтому так нужен был «скорой и крепкой мир меж обоими великими государи и государствами их, Московским и Полским»<sup>{629}</sup>.

«На очищение от татар Украины» и приведения к повиновению казаков царь Алексей Михайлович пообещал отправить 25 тысяч ратных людей. Наконец-то решился вопрос с компенсациями. Сошлись на сумме в один миллион злотых, что по русскому счету означало 200 тысяч рублей. Договорились о судьбе перемещенных из-за войны лиц, но здесь согласие оказалось найти труднее всего. Многие жители Речи Посполитой — шляхта, мещане и крестьяне — не по своей воле попадали в Московское государство, оказываясь в плену или холопстве. Судя по сообщению «цесарских курантов», очень точно изложивших содержание приведенных статей, «полоненую шляхту» было решено «освободить на волю», то есть разрешить всем, кто захочет, вернуться обратно, «а простого чину людей, тех не отпускать на свою сторону, за страхом, чтоб чернь не взбунтовалася»<sup>{630}</sup>. Переговоры о судьбе попавших в плен мещанах должны были продолжаться, но проблема заключалась еще и в том, что многие прежние жители Польши и Литвы, среди которых было немало востребованных мастеров и ремесленников, готовы были остаться в Московском государстве и воспользоваться правами нового статуса. Так в Москве со временем из польско-литовских выходцев появляется особая Мещанская слобода, подчиненная Посольскому приказу. Причем в жители слободы принимали не только мещан, но и мелкую шляхту, что привело к появлению своеобразной, отличной от других, категории населения столицы Московского государства<sup>{631}</sup>.

Две статьи — 5-я и 6-я — практически положили начало российской почтовой службе. Дипломаты обещали от имени царя Алексея Михайловича, что для лучшей и быстрой обсылки грамотами будет назначен «начальник над почтой». И действительно, очень скоро, в мае 1668 года, Ордин-Нащокин, которому было поручено это дело, распорядился по царскому указу «построить и составить пост с Москвы», поручив его из московских иноземцев Леонтию Петрову сыну Марселису. Правда, для этого пришлось изъять уже основанное в 1665 году почтовое дело от другого иноземца и комиссионера по московским делам в Голландии Иоганна ван Сведена, имевшего контракт с Тайным приказом и возившего почту из Риги. Именно через ван Сведена, например, в Амстердаме был нанят первый капитан строящегося русского корабля

«Орел» Давыд Иванов сын Будлер для плавания в Каспийском море.

Иоганн ван Сведен, наверное, мог подумать, что царя Алексея Михайловича интересовало более дешевое предложение Леонтия Марселиса. Тот брался организовать дело за свой счет («на своих наймех»), но задействовать для организации перевозки почты Ямской приказ. Поэтому ван Сведен даже предлагал устроить некий торг с Леонтием Марселисом. Свободная конкуренция здесь была ни при чем, дело решалось по-московски. Ордин-Нащокин, которому царь поручил организовать почту, «как в других государствах ведется», выбрал для этого более доверенную семью Марселисов. Отец первого почтмейстера, Петр Марселис, исполнял тайные царские поручения, ездил в посольствах в другие страны и управлял стратегически важными тульскими железоделательными заводами. Поэтому плану устройства почты Леонтия Марселиса и отдали предпочтение.

Новый почтмейстер сразу же был отправлен в Курляндию, чтобы наладить отправку почты не только, как ранее, из Риги через Псков и Великий Новгород, но и по новому маршруту из Вильно через Смоленск. Планировалось создать еще один путь доставки почты из Варшавы. Как оказалось, способ организации почты, предложенный Марселисом, только казался дешевым, а на самом деле в нем были заложены значительные издержки для казны. Автор подробного исследования о создании почты в Московском государстве во второй половине XVII века Иван Павлович Козловский справедливо подчеркивал разницу между ямской гоньбой и регулярной почтой и прекрасно показал, как ямщики, на которых, по сути, была наложена дополнительная повинность, стали задерживать перевозку почты. С тех пор ямщики постоянно требовали возмещения за свой дополнительный труд, но платить им должно было государство. Марселисы, для которых, напротив, организация почты на долгие годы стала выгодным «семейным подрядом», жаловались в мае 1669 года, что почту из Москвы до Печоры можно привезти на седьмой день, а ямщики везли ее на десятый или одиннадцатый; в Новгород почту можно было привозить на четвертый день, а ее везли семь, восемь, а то и все девять дней.

Каковы бы ни были сложности по организации почтового дела, новый порядок перевозки почтовых отправок заработал, казна стала экономить на посылке специальных гонцов в другие государства, были налажены оперативная доставка иностранных «курантов» и их перевод в Посольском приказе. Ордин-Нащокин, одним из первых когда-то ставший возить иностранные «вести-куранты» из своих дипломатических поездок,



прекрасно понимал преимущества нового почтового дела и докладывал царю Алексею Михайловичу о дополнительных распоряжениях по сохранению почтовой монополии: «А беречь, государь, чтоб торговые люди тайно с грамотками никого не наймовали и не посылали, что в прежних годах, прокрадывая твою, великого государя, пошлину с такими посылками драгие вещи, камене и жемчуг и золотые в сумах и связках... провозили»<sup>{632}</sup>. Исследователи разошлись в оценках, что же считать начальной датой почтовой службы — 1665 или 1668 год, хотя не будет преувеличением сказать, что правильная постановка почтового дела стала следствием московского договора с послами Речи Посполитой 4 декабря 1667 года, а следовательно, ее можно признать еще одним достижением боярина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина.

Завершающая, 8-я статья московского договора выглядит неожиданной, если не помнить, что вся внешняя политика в это время испытывала сильное влияние идей нового главы Посольского приказа. Речь шла о предстоящем созыве съезда в Курляндии представителей нескольких государств — России, Речи Посполитой и Швеции — для обсуждения торговых вопросов. Однако царский указ 18 апреля 1668 года об отправке боярина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, Ивана Афанасьевича Желябужского и дьяка Ивана Горохова «на посольской съезд с полскими послы в Курлянской земле» на деле стал началом конца блестящей карьеры царского приближенного и советника. Когда 15 мая 1668 года состоялась официальная отправка миссии в Курляндию «на съезд с полскими и литовскими послы» и послы были «у руки... в передней палате», это был самый пик доверительных отношений Ордина-Нащокина с царем. Накануне, 14 мая, царь и Дума одобрили записку «посольских дел оберегателя» с обоснованием новой повестки переговоров, предусматривавшей заключение «вечного мира» с Речью Посполитой. Царь Алексей Михайлович на время отсутствия Ордина-Нащокина оставил за ним руководство Посольским приказом, и даже имя боярина и главы дипломатического ведомства должны были «писать по прежнему, как и при нем было»<sup>{633}</sup>.

Отъезд послов задержался еще на десять дней. Ввиду больших надежд на съезд царь решил сам торжественно проводить посольство. Но 19 мая 1668 года умер боярин Илья Данилович Милославский — как мы помним, один из последовательных противников Ордина-Нащокина. Событие это осталось незамеченным в «Дневальных записках» Тайного приказа; там записали только: «День был холоден и шол снежок небольшой»<sup>{634}</sup>.



Похороны царского тестя 20 мая совпали с большим церковным праздником — памятью московского митрополита Алексея, поэтому царь Алексей Михайлович сначала был на службе в Чудовом монастыре, а потом вместе с вселенскими патриархами прошел дворцовыми «переходами» на более домашнюю церемонию отпевания боярина Милославского на Троицком подворье в Кремле<sup>{635}</sup>. 25 мая состоялись еще официальный отпуск и награждение подарками антиохийского патриарха Макария, уезжавшего из России. И только 26-го числа царь сам вышел «проводить Всемилоственного Спаса образ, а быть тому образу на посольстве боярина Афанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина в Курляндии». Согласно «статейному списку», царь напутствовал посольство словами, что «такова великого дела издавна в Великой Росии не бывало»<sup>{636}</sup>.

Оставшиеся в Посольском приказе заместители «сберегателя посольских дел» — думные дьяки Герасим Дохтуров, Лукьян Голосов и дьяк Ефим Юрьев, — конечно, формально выполнили царский приказ о первенстве Ордина-Нащокина в приказе. Только при этом сделали всё для того, чтобы затруднить его миссию в Курляндии; даже его отписки не всегда попадали царю «в доклад». Ирония проскальзывает и в переводах «с цесарских печатных и писменных курантов», поданных в Посольском приказе новым «почтмейстером» Леонтием Марселисом: «Посол московской господин Нащокин, что в Курляндии стоит, хочет дело свое совершить, толко не знает, как начать, потому что перво подарков дать не хочет, нежели дело сведает за что дать»<sup>{637}</sup>. В своем стремлении создать понятные правила торговли в Ливонии, заключить «вечный мир» в видах борьбы с «бусурманами» Ордин-Нащокин явно не рассчитал, что одного интереса в этих делах Московского государства недостаточно. Задуманная международная «конференция» (отдадим должное широте замысла) предполагала еще получение одобрения со стороны Речи Посполитой и Швеции.

Глава Посольского приказа преувеличил возможности нового союза с Речью Посполитой, где действия короля контролировались сеймом. Сенаторы и шляхта в Короне и Литве по-прежнему не были готовы к заключению «вечного мира», многие еще надеялись на возможную ревизию результатов завершившейся войны, возвращение территорий, уступленных Московскому государству, и своих «маетностей». Ордину-Нащокину приходилось терять время и многие месяцы ждать приезда других послов. В Швеции были оскорблены тем, что пункт о приглашении их на переговоры был вписан в московский договор без предварительного

обсуждения со шведским королем Карлом XI (дела при малолетнем короле вела шведская королева). Поэтому ответили отрицательно, ссылаясь на уже существующие у Швеции договоры как с Россией, так и с Речью Посполитой. Шведские дипломаты могли догадываться, что речь на переговорах пойдет о судьбе резидентов, «выдавливавшихся» из Москвы главой Посольского приказа из-за подозрений в шпионаже. Намеревался боярин Ордин-Нащокин говорить и о новых правилах торговли на Балтике, а в Швеции не желали пересмотра договоров с конкурентами<sup>[638]</sup>.

Миссия Ордина-Нащокина оказалась неудачной еще из-за знаменательных перемен в Речи Посполитой. Король Ян Казимир, успевший через посла Богдана Ивановича Нащокина подтвердить московский договор<sup>[639]</sup>, уже 12 июня 1668 года объявил о предстоящем оставлении трона. В Москве об этом узнали, когда Афанасий Лаврентьевич уже уехал в Курляндию. Показательно, что в записке, направленной царю перед отъездом, Ордин-Нащокин ничего не писал о возможном избрании царевича на польский трон. И это несмотря на то, что разговоры о таком повороте событий пошли сразу после объявления царем Алексеем Михайловичем своего наследника. Но сведения о благосклонной реакции разных лиц в Речи Посполитой на династическую унию создавали обманчивое впечатление. Помимо непреодолимого вопроса смены веры, препятствием для московской кандидатуры оставались разные интересы польской и литовской шляхты. В Литве надеялись компенсировать потери территорий и имений избранием претендента из московской династии, а в Польше совсем по-другому видели первоочередные задачи Короны.

Царь Алексей Михайлович, оставшись без главы Посольского приказа, должен был советоваться прежде всего со своим окружением. Противники Ордина-Нащокина и его линии на союз с Польшей смогли взять небольшой реванш, поддержав царя Алексея Михайловича в его решении заявить о претензиях на польскую корону на ближайшем сейме, где должно было состояться отречение от королевской власти Яна Казимира. Конечно, легче было польстить царю, чем просчитать все последствия неосторожных шагов с заявлением о кандидатуре царя Алексея Михайловича или царевича Алексея Алексеевича на сейме Речи Посполитой. Ордину-Нащокину приказали ехать из Курляндии на открывавшийся в конце августа 1668 года сейм самому или отправить туда других членов посольства. Но боярин не изменил себе и не подчинился, напротив, писал царю из Курляндии, призывая его более здраво отнестись к текущим переменам в Речи Посполитой и лучше просчитать возможные

последствия: «А вдатца, государь, в то обирание страшно и мыслить, сколько из Великие Росии королевству Польскому будет дать, и вспоминуть, государь, не мочно до свершения вечного миру тому обиранию быть». Свою готовность обсуждать кандидатуру царевича Алексея Алексеевича на польский трон изъявлял литовский гетман Михаил Пац, но и ему Ордин-Нащокин вежливо отказал.<sup>15–16</sup> 15–16 сентября 1668 года король Ян Казимир окончательно отрекся от престола, и на ноябрь был назначен конвокационный сейм, где кандидатура царевича Алексея Алексеевича уже не рассматривалась. Проиграть было нельзя, поэтому прав был именно Ордин-Нащокин, убедивший царя не посылать туда своих послов: «И ныне, государь, по ведомоу из Варшавы, к позору бы тот поезд был»<sup>{640}</sup>.

Сейм, принявший отречение Яна Казимира, все-таки отправил своих полномочных послов на съезд в Курляндию. Только было очевидно, что в условиях польского бескорольевья ни о каком «вечном мире», на что ранее надеялся Ордин-Нащокин, договориться не удастся, миссия «посольских дел оберегателя» в Курляндию оказалась провальной. Отсутствие немедленного результата в делах выбора царского наследника в короли Речи Посполитой тоже могло дать повод для отказа царя Алексея Михайловича от прежней поддержки Ордина-Нащокина. 26 мая 1668 года из Москвы на съезд в Курляндию уезжал полный могущества, облеченный царским доверием боярин, а 8 января 1669 года<sup>{641}</sup> после долгого отсутствия возвращался лишь номинальный глава Посольского приказа. Немедленно после приезда в Москву началась тяжба Ордина-Нащокина с ведавшим в его отсутствие Посольский приказ думным дьяком Герасимом Дохтуровым, обвиненным во взяточничестве. Но враги Ордина-Нащокина очень скоро дадут ему понять, что управление посольскими делами и «право совета» царю Алексею Михайловичу перешло к другим царским приближенным. На «полатном разеуждении» Боярской думы 22 мая 1669 года вся политика боярина Ордина-Нащокина по отношению к шведам и «черкасам» подверглась осуждению и пересмотру, заговорили о его удалении на воеводство в Смоленск или об отправке с новым посольством в Польшу.

Не зря в России родилась пословица: «жалует царь, да не жалует псарь». Боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин должен был хорошо понимать, что у него одна защита — расположение царя. «Посольских дел сберегатель» часто писал из Курляндии царю Алексею Михайловичу о своем нараставшем конфликте с другими судьями Посольского приказа. Из донесений Афанасия Лаврентьевича видно, что

столкнулись не просто разные люди, а два подхода к государственным делам. Один, при котором идея службы царю возведена в абсолютизм и достижение целей сопровождалось полной отдачей и самопожертвованием. И другой, когда дела делались из собственной «прибыли» и интереса, учета мнения «сильных» людей во власти, а потому никто даже не думал, правильно ли действует царь, а все лишь слепо исполняли его поручения. Для Ордина-Нащокина главнее были «Божий страх» и «Божье попечение». В такой системе координат царский советник мог смело высказывать царю свое мнение, если даже заведомо знал, что оно может не понравиться ему.

Не случайно в переписке с царем Алексеем Михайловичем, жалуясь на своих недоброжелателей, Ордин-Нащокин сформулировал принцип посольской службы: «Око всей великой России». Но важен весь контекст фразы Ордина-Нащокина, обращенной к царю Алексею Михайловичу, поэтому приведем полностью этот обширный фрагмент из его переписки с царем:

«А на Москве, государь, ей! слабо и в государственных делах нерадетельно поступают. Посольский приказ есть око всей великой России, как для вашей государственной превысокой чести, вкуче и здоровья, так промысл имея со всех сторон и неотступное с боязнию Божию попечение, рассуждая и всечасно вашему государскому указу предлагая о народах, в крепости содержать нелестно, а не выжидая только прибылей себе. Надобно, государь, мысленные очеса на государственные дела устремляти безпорочным и избранным людям к расширению государства ото всех краев, и то, государь, дело одного Посольского приказа. Тем и честь и низость во всех землях. И иных приказов к Посольскому не применяют, и думные дьяки великих государственных дел с кружечными (кабацкими. — В. К.) делами не мешали бы и непригожих речей на Москве с иностранцами не плодили бы»<sup>{642}</sup>.

«Время» боярина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина завершилось, царь Алексей Михайлович не смог дальше поддерживать своего советника. Виною этому стали тяжелые неудачи, следовавшие в землях «черкас», недовольных принятым без их участия Андрусовским договором. Кроме того, Ордин-Нащокин остался чужаком, попавшим в перекрестье ненависти придворной элиты, и, видимо, просто устал сражаться один за интересы Московского царства, как он их понимал.

**Часть третья**

**«ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ  
И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ  
САМОДЕРЖЕЦ»**



# ИСПЫТАНИЯ

## Измена «черкас»

Отрицательным фоном для дипломатических маневров послеандрусовского периода стал очередной провал на Украине. Едва получив возмещение за свои заслуги в боях прошлой войны, войско должно было снова собираться в поход. И ответственность за новый кризис легла на главу Малороссийского приказа боярина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. В Войске Запорожском среди старшины и казаков пошли разговоры о словах, якобы сказанных Ординым-Нащокиным: «На Дорошенко плевать» и «Малороссия не надобна». За долгие годы «витиеватых» взаимоотношений с Гетманством в Посольском, а затем Малороссийском приказах выработалась определенная линия поведения в общении с постоянно изменявшими присяге царю гетманами Войска Запорожского и их посланцами в Москве. Гетманам и казачьей старшине, начиная с Богдана Хмельницкого, нужна была безграничная свобода действий, а московскому правительству — союзники в начатой войне «за царскую честь» с Речью Посполитой. В Москве просто покупали лояльность гетманов и старшины за деньги и соболей («котов», как упрекали еще Хмеля), но при этом становились заложниками «качества» таких союзников, легко отказывавшихся от клятвы на верность и перекупавшихся другими покровителями. От первых «мартовских статей», утвержденных в 1654 году, ко вторым переяславским статьям 1659 года и московским 1665 года представления о «вечном подданстве» Войска Запорожского царю Алексею Михайловичу корректировались и изменялись, и не в сторону безусловного подтверждения казачьей вольницы. «Вина» в этом лежала и на гетманах-изменниках Иване Выговском и Юрии Хмельницком, выбиравших союз с врагами Московского царства — крымским ханом и королем Польши.

Последняя ставка московского правительства была сделана на пожалованного в 1665 году боярским чином гетмана Левобережья Ивана Брюховецкого. Он, конечно, много (и не бескорыстно) сделал для того, чтобы открыть дорогу к укреплению позиций царских воевод, сбору налогов на содержание Войска, но рассорился с высшим украинским духовенством, прямо призывая передать Киевскую митрополию из подчинения Константинопольскому патриархату Москве. Были у такого

конфликта и земные причины — разорение монастырских владений; например, архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель даже запретил упоминать имя гетмана Брюховецкого на монастырских службах. Города и мещане также должны были лавировать между гетманом и главой царской администрации на Украине киевским воеводой боярином Петром Васильевичем Шереметевым. Царские воеводы в Киеве и других городах, согласно договоренностям, не имели права вмешиваться в споры между казаками и местным населением; представителей царя Алексея Михайловича немедленно начинали обвинять в нарушении казачьих традиций и права суда казаков в войсковом кругу. Разобраться же в том, где были казаки, а где «показаченные» мещане и крестьяне, было невозможно, обещанный новый реестр Войска так и не был составлен. Кроме налаживания воеводского управления, надо было еще содержать гарнизоны царского войска в малороссийских городах<sup>{643}</sup>.

В отношениях с подчиненной царю Алексею Михайловичу Левобережной Украиной боярин Ордин-Нащокин следовал своему общему видению и приоритетам выстраивания союза с Речью Посполитой. Украина, как было уже понятно из отсутствия каких-либо представителей Брюховецкого на андрусовских переговорах, не рассматривалась как самостоятельный участник дипломатического процесса. Цели приведения в подданство и защиты Православия по обеим сторонам Днепра не менялись, но судьбу Украины, с точки зрения московской дипломатии, должны были решить в Варшаве и Москве. Гетмана Ивана Брюховецкого известили особым посольством стольника Ивана Телепнева о заключении Андрусовского перемирия<sup>{644}</sup>, хотя это было совсем не то, на что рассчитывали «черкасы», желавшие быть одной из сторон этого договора. На фоне неразберихи со сборами податей на содержание царского войска в украинских городах и успешной борьбы с «ляхами» другого гетмана, Петра Дорошенко на Правобережье, жители Гетманства снова вышли из повиновения. Казакам старым и новым, чтобы избежать зачисления в податное население, выгоднее было уходить в Сечь, но их семьи, по описям населения Левобережной Украины, числились в «мужичьих», и с них требовали подати. Казаки переставали платить налоги и отказывались от подданства московскому царю.

Казачья война была объявлена по-своему. Хорошо рассчитанным ударом стала расправа казаков «кошевого» Запорожского Войска с крымским посольством, возвращавшимся из Москвы в апреле 1667 года. Когда в Москве узнали об этом, был послан от имени царя Алексея



Михайловича известный «поверенный» человек в малороссийских делах стольник Василий Кикин, потребовавший от Ивана Брюховецкого найти и казнить виновных. Однако вслед за крымскими послами запорожские казаки убили еще и стольника Ефима Ладыженского, ехавшего в Крым «для поздравления нового в Крыму царя Адилгирея», а другому участнику посольства, подьячему Сидору Скворцову, едва удалось спастись. Сохранились подробности отвратительной расправы над выехавшим из Сечи с оставшимися членами посольства в Крым стольником Ефимом Ладыженским. По рассказу Сидора Скворцова, московского посла перехватили по дороге, ввели в казачий круг, а затем, раздев донага, заставили бежать к Днепру и плыть: стольника «на воде застрелили, и он де в Днепре утонул»; «угоняя их в судах на Днепре», с лодок добились переводчика поручика Алексея Снетина, посольскую охрану и других членов несчастного крымского посольства. Только сам Сидор Скворцов, побитый веслами и покинутый на берегу «замертва», и еще несколько человек, «которые выплали из Днепра на берег, пришли назад в Сечю к казаком наги». Отобранные у убитого московского посланника документы демонстрировались потом как доказательство того, что царь Алексей Михайлович «с королем полским и с царем турским и с ханом крымским помирился, и то де чаят для того, чтоб Запорожье снести»<sup>{645}</sup>, чем и оправдывалась расправа над посольством.

Гетман Брюховецкий уже не пользовался прежней поддержкой в городах Малой России, но и царю Алексею Михайловичу он перестал быть угоден. Даже в устном ответе, привезенном стольником Кикиным для передачи царю, гетман просил заступничества за тех, кто устроил расправу над крымским посольством. Не случайно, что в то же время в Москве стали думать о привлечении на свою сторону гетмана Петра Дорошенко, тем более что брат гетмана, Григорий Дорошенко, находился в русском плену. Григорию предложили обратиться с посланием к брату, чтобы убедить того вернуться к покровительству царя Алексея Михайловича: «...чтоб высокая его царского пресветлого величества рука над всеми иноверными монархами возвышена была». Брюховецкий понял, что начинает терять власть, в то время как Дорошенко удалось достигнуть успехов в начатой им войне с Польшей, и выбор кандидатуры этого гетмана для казаков стал казаться предпочтительнее, чем контроль над Левобережьем царских воевод. В книгах сбора доходов с отошедших по Андрусовскому договору городов Малой России всё чаще стали появляться записи о деньгах, не взятых «за казацкими бунтами изменою»<sup>{646}</sup>.

Противоречия с гетманом Левобережья еще более обострились после заключения нового московского договора с Речью Посполитой 4 декабря 1667 года. В первой же его статье говорилось о посылке царского войска и «о взаимной обороне против бусурманского нахождения на Украйну». В силу договора царский воевода или генерал должен был действовать совместно с коронными гетманами, но без всякого участия казачьих гетманов или атаманов Запорожской Сечи. Приведение «непослушных казаков к послушанию», борьба со своевольниками и казаками-«лесунами», собиравшимися «с которой ни есть стороны Днепра» и внезапно нападавшими «наездом» для грабежей, тоже объявлялись общим делом царя и короля. Между тем местное население Гетманщины должно было бы содержать это немалое, посылавшееся «между Днестром и Днепром» войско в пять тысяч конницы и 20 тысяч пехоты.

В московский договор боярином Ординым-Нащокиным была заложена норма, позволявшая царю Алексею Михайловичу или королю Яну Казимиру выступать в поход на земли Украины «по охоте своей сам особою своею при войсках своих». В этом случае требовалось только «брату брата о своем походе государском чрез любительные грамоты объявить». Царь или король становились главнокомандующими для всех войск: «И в то время обои войска обоих великих государей тому государю, который при войсках будет, послушны быти должны и под правлением его пребывати будут»<sup>[647]</sup>. Как известно, ни царь Алексей Михайлович, ни король Ян Казимир или его преемники так и не воспользовались такой возможностью, но это не значит, что статья договора была совсем «пустая». Напротив, в Москве на нее могли возлагать большие надежды, считая возможным средством для закрепления Киева под властью царя.

Одновременно с заключением московского договора началась подготовка государева похода на Украйну. Были разосланы грамоты с объявлением, что царь Алексей Михайлович идет «в свою стародавнюю отчину в Киево-Печерский монастырь помолиться». Это стало основанием для обращения к гетману Правобережья Петру Дорошенко, которому обещали «милость и оборону обоих великих государей», то есть царя и короля. При этом обращались еще к местоблюстителю Киевской митрополии Иосифу Тукальскому, уговаривая его повлиять на гетмана, чтобы тот, «помня православную христианскую веру, от погибельной душам агарянской прелести, от татар отстал и обратился ко христианству». Ставленники Москвы гетман Иван Брюховецкий и Мстиславский и оршанский епископ Мефодий (тоже местоблюститель Киевской митрополии, только по неканоническому назначению от иерархов

Московского патриархата) увидели угрозу своему монопольному влиянию на малороссийские дела в Москве. Они заматались и стали распускать слухи о движении на Украину царского войска и стремлении царя отдать Киев Речи Посполитой. Тогда-то и обратили внимание на то, что вопреки прежним обычаям Ордин-Нащокин стал неласково встречать в Москве гетманских посланцев, да и самому епископу Мефодию отказал в его непомерных запросах о выдаче соболей для раздачи «нужным людям». Такому «неформальному» ведению дел, наносившему ущерб московской казне, Ордин-Нащокин был чужд и, может быть, действительно произнес в сердцах приписанную ему фразу (которую посланец гетмана Брюховецкого в Москве понял так, что она относится ко всем «малороссийским жителям»): «Пора уже вас к Богу отпущать»<sup>{648}</sup>.

Строгость Ордина-Нащокина в малороссийских делах не была для него чем-то исключительным. Как и царь Алексей Михайлович, он был сторонником порядка и следовал своим принципам с одинаковой требовательностью к себе и другим. Он хотел выстроить дела с Малороссией на новой основе, убрав из нее «мутных» посредников, вроде епископа Мефодия, наживавшихся на своем исключительном влиянии надела. Но политика Ордина-Нащокина потерпела крах. Малороссия в очередной раз взорвалась «изменою». Еще 6 февраля из Посольского приказа обращались с увещеваниями к гетману Ивану Брюховецкому, требуя от него бороться со своевольниками, не подчинявшимися царским воеводам, и с теми, кто распространяет слухи об отдаче Киева. Ссылались на время прошедшей войны: «И не явно ли то, когда в войну многие убытки приняв, Украйны мы не отступились». Но все эти слова уже не имели никакого значения. Неповиновение царским воеводам сменилось открытой войной с ними, а ранее непримиримые гетманы обеих сторон Днепра — Иван Брюховецкий и Петр Дорошенко, напротив, вступили в общий союз.

Вооруженные расправы над царскими ратными людьми начал гетман Иван Брюховецкий, когда 8 февраля 1668 года в отданном ему во владение городе Гадяче напал со своими казаками на гарнизон царских войск из стрельцов и рейтар. Большая их часть оказалась перебита. По словам случайно спасшегося в Гадячской резне служилого иноземца прапорщика Индрика Еганова, было убито около семидесяти стрельцов, еще тридцати удалось уйти, но многие из них перемерзли и померли на дороге. Воевода Евсей Огарев был ранен, его отдали протопопу, «а лечит его цирюлик». Жену воеводы тоже оставили в живых, но надругались над нею: «водили ее по месту простоволосу, и, поругаясь, титку у нее отрезали; а ныне де она в

богаделне». После этого другие царские воеводы уже знали, что сдаваться живыми им в плен нельзя. Историк С. М. Соловьев приводит слова новгород-северского воеводы Исая Максимовича Квашнина, говорившего: «Умру, а города не отдам». Перед смертью воевода даже пытался убить жену ударом сабли, но рука дрогнула... «Судьба жены воеводской в Гадяче, — писал историк, — объясняет поступок Квашнина». Следом прошла волна подобных казачьих выступлений в других городах, что привело к началу войны с «изменником Ивашкой Брюховецким» в Малой России<sup>[649]</sup>.

Первые назначения по «черкасским вестям» были сделаны немедленно, уже 16 февраля главные военачальники армии времен русско-польской войны снова получили назначения в поход в Малую Россию. Во главе войска поставили боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, окольных князя Петра Алексеевича Долгорукого и Осипа Ивановича Сукина. Местом сбора войска назначили Белев, куда буквально через три дня, 19 февраля, отправились передовые воеводы, чтобы встречать приезжавших на службу ратных людей. Срок сбора был назначен очень близкий к дате указа — 8 марта, поэтому в поход, наряду с московскими и городскими чинами, назначили рейтар и девять стрелецких полков, всегда готовых к службе в Москве. Стрельцы должны были отомстить за своих перебитых в Гадяче товарищей, составлявших ранее гетманскую охрану. На службу были отправлены и два «государевых выборных полка» во главе с Агеем Шепелевым и Матвеем Кровковым. Московское войско должно было идти «в Севск и где будут изменники черкасы», «промышлять» над ними.

17 февраля состоялся указ о назначении в Белгородский полк боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского, чье имя очень хорошо было известно в малороссийских городах. Уже на следующий день, 18 февраля, Ромодановский и его товарищ стольник Петр Дмитриевич Скуратов были на отпуске у царской «руки». Остававшиеся зимовать белгородские воеводы, не дожидаясь прихода боярина князя Ромодановского, были отправлены под Полтаву. 18 февраля у государя «у руки» были и другие воеводы — стольники князь Константин Осипович Щербатов и Иван Петрович Лихарев; они должны были собрать войска в Смоленске, а потом, двигаясь через Стародуб, идти «к Киеву, на выручку от изменников черкас». Правда, по замечанию составителя разрядной книги, до Киева воеводам дойти не удалось: они остановились в Почепе, но их марш по направлению к главному центру присутствия царских войск в апреле был важен ввиду всей кампании по восстановлению власти царя на Левобережной Украине.

Спешка с назначениями в поход против «черкас» сказалась очень

быстро; указы пришлось менять на ходу, так как в назначенный срок в Белев могли добраться только дворяне, имевшие поместья и вотчины в «Заоцких городах». Поход главного воеводы князя Юрия Алексеевича Долгорукого задерживался «до весны», а в первоначально назначенный день сбора, 8 марта, «у руки» был еще один назначенный в поход из Белева в Севск воевода — стольник князь Борис Ефимович Мышецкий. Служилые люди из дальних уездов должны были приезжать в Москву и дожидаться там высылки на службу. В итоге последним днем сбора войск в Белеве стало 22 марта — день Светлого Воскресенья, после этого ничьи имена в книги «приездов» больше не писали, и служилый человек считался «нетчиком», бежавшим со службы.

Поменяли и главнокомандующего. Алексей Михайлович оставил при себе боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, назначив вместо него 19 апреля в поход на мятежных «черкас» другого приближенного боярина, князя Григория Семеновича Куракина. 2 мая в товарищи к боярину князю Куракину назначили князя Петра Ивановича Хованского. Но здесь возникла непредвиденная сложность, так как в подчинении у главнокомандующего оказались все другие воеводы, включая главу Белгородского полка боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского.

Мирное время, наступившее после Андрусова, немедленно оживило местнические счеты воевод, всегда учитывавших, кто из них первый, второй или третий и в каком полку — главном или подчиненном. Князь-Гедиминович Хованский заспорил с князем-Рюриковичем из ветви Стародубских князей, главой Белгородского полка князем Григорием Григорьевичем Ромодановским. Хованскому показалось зазорным для чести рода оказаться вторым воеводой при князе Куракине, когда вместе с ним станет действовать князь Ромодановский. Ответ царя Алексея Михайловича записан в разрядной книге: князю Петру Хованскому сказано, «что ему до боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского дела и мест тут нет».

Но дело все равно тянулось долго. Князь Петр Иванович Хованский заболел, а поскольку это был известный «трюк» для уклонения от невыгодной в местническом отношении службы, царь распорядился привезти и осмотреть его. Исполнявший это поручение глава Разрядного приказа думный дьяк Дементий Башмаков подтвердил, что князь Хованский действительно болен. Глава военного ведомства, конечно, не стал бы вводить царя в заблуждение, но когда лечение затянулось, Алексей Михайлович приказал всё равно везти Хованского на службу прямо на телеге. Попутно досталось и вступившемуся за честь рода отцу —

старшему князю боярину Ивану Андреевичу Хованскому. Царь наказал и его, что означало кратковременную опалу и удаление из дворца. Место князя Хованского, часто остававшегося «в Верху» во время походов царя Алексея Михайловича из Кремля в свои дворцовые села или поездок на богомолье по монастырям, немедленно заняли другие; именно тогда становится заметным возвышение еще одного представителя родовой аристократии в окружении царя — князя Ивана Алексеевича Воротынского.

Несмотря на местнические счеты воевод, московские войска уже в марте — апреле 1668 года смогли начать свои «промыслы», пытаясь вернуть города Левобережья, изменившие царю. Наступали они медленно, соблюдая осторожность. Главные действия сводились к осаде городов, тем более что весной из-за распутицы было трудно передвигаться. Официальная отправка основной рати во главе с боярином князем Григорием Семеновичем Куракиным состоялась из Москвы только 17 мая, когда он был на отпуске «у руки» царя Алексея Михайловича. По наказу воевода должен был выступить в Севск, а потом идти к Глухову, где уже находился воевода окольный князь Петр Алексеевич Долгорукий. Выступление в поход Куракина и отъезд Ордина-Нащокина для договора о «вечном мире» произошли практически одновременно. Отправив «посольских дел оберегателя» в Курляндию, царь Алексей Михайлович сам ходил «проводить образ Всемиловитоваго Спаса на Лубянки», предназначенный «быть на службе з боярином со князем Григорьем Семеновичем Куракиным» 27 мая 1668 года<sup>[650]</sup>.

Пока армия князя Куракина находилась на марше, с гетманом Иваном Брюховецким было кончено. Он погиб в возобновившемся смертельном противостоянии с гетманом Петром Дорошенко. Обстоятельства этой запутанной истории раскрыты по документам исследователем русско-крымских отношений в XVII веке Алексеем Андреевичем Новосельским. Он описал, как 8 июня в Будищах была устроена рада, на которой восставшие казаки выбирали гетмана (в это время недалеко от Полтавы войско боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского осаждало город Котельву). Оба гетмана, объединившись на время, ради, как провозглашалось, сохранения единой Украины, не хотели отдавать первенства в ее делах. Петр Дорошенко был настоящий преемник Богдана Хмельницкого, и ни у кого не было сомнений в его принадлежности к «казацкому роду»; в глазах казацкой старшины гетманство Дорошенко и заслуги перед Украиной были выше. Напротив, гетману Ивану Брюховецкому так и не простили его «неказацкого» происхождения и



опоры на кошевых казаков Запорожской Сечи. Первая же встреча двух гетманов окончилась ссорой, и они обратились за поддержкой к присутствовавшим здесь же крымским мурзам.

Повторялась история прежних гетманов — Ивана Выговского и Юрия Хмельницкого. Как только они изменяли московскому царю, их союзниками немедленно становились крымские татары. Но крымская знать действовала исключительно в целях собственной выгоды, ослабляя противников и интересуясь только «ясырем» и другими трофеями войны. Поэтому крымцы наблюдали, какой из гетманов выиграет. Казаки выбрали Дорошенко, и его люди немедленно расправились с Брюховецким. Бывшего гетмана растерзали, не оставив на нем живого места: «ослопьем и дулами и чеканами и рогатины как собаку бешеную до смерти прибив, нагого покинули». Тело Брюховецкого отвезли для похорон в «созданной» им Гадячской церкви. Так разделенная по обеим сторонам Днепра Украина на короткое время снова была объединена под общей властью гетмана Правобережья<sup>[651]</sup>.

Сила Петра Дорошенко была очевидна всем. Ему даже удалось заставить отступить войско князя Ромодановского, несколько месяцев осаждавшее Котельву, где объединенные силы «черкас» и татар хотели устроить «другую Конотопщину». Ромодановский не допустил этого и организованно совершил «отвод» своего полка в Ахтырку. Полк выдержал большой бой у села Хухры, а боярин князь Григорий Григорьевич подтвердил свою репутацию на Украине, что «ему здешняя страна и воинские дела заобычай». И все же, как писал С. М. Соловьев, «Москва вследствие измены Брюховецкого потеряла 48 городов и местечек, занятых Дорошенко, 144 000 рублей денег, 141 000 четвертей хлебных запасов, 183 пушки, 254 пищали, 32 000 ядер, пожитков воеводских и ратных людей на 74 000»<sup>[652]</sup>.

За несколько месяцев в начале 1668 года все расклады малороссийской политики царя Алексея Михайловича снова переменились, и стратегически самой основательной и прочной оказалась линия на союз с остававшейся враждебной казакам Польшей. Москве было достаточно уроков Конотопа и Чуднова, чтобы больше не рисковать ратными людьми, безоглядно вмешиваясь в войну на Украине. Как говорил Ордин-Нащокин в записке, поданной перед своим официальным отправлением в Курляндию в мае 1668 года: «Дошло время не чюжих краев, но себя оборонять». Глава Посольского приказа видел выгоду для союза с Польшей даже в том сложном положении, в котором оказались царские войска на Левобережье.



Он писал о необходимости «неотступно великими ратьми наступать на Украину» и показать, что Великая Россия выступила на защиту «Коруны Польской». Не оставил Ордин-Нащокин и идеи о царском походе в Киев для поклонения святыням Киево-Печерской лавры. Однако возможное присутствие царя Алексея Михайловича в Киеве увязывалось им с необходимостью начала переговоров о «вечном мире». Так Ордин-Нащокин представлял венец русско-польских взаимоотношений. Он сумел убедить царя Алексея Михайловича в реальности нового государева похода: «в Киев въехать и там совершить конечную крепость между Великои Росии и Польши»<sup>[653]</sup>.

Решающий перелом в делах Малой России произошел летом 1668 года не столько из-за давления царского войска, сколько вследствие внутренних неурядиц в самом расколовшемся Войске. Сначала верные новому гетману казаки, соединившись с крымцами, пошли воевать «государевы украины». Численность этого войска насчитывала 17 тысяч человек, они стали наступать на Комарицкую волость, Севск и другие города, грабить и уводить в плен жителей. Но сказались сделанные заранее в Москве приготовления. Для защиты подвергшихся нападению уездов Московского государства от Глухова в Севск были специально отведены Первый выборный полк Агея Шепелева и Второй выборный полк Матвея Кровкова. 30 июня основная армия боярина князя Григория Семеновича Куракина тоже пришла в Севск. Далее в течение первой половины июля 1668 года царские войска одержали ряд побед, позволивших переломить ход войны. Воеводы Куракин и Ромодановский слали в Москву к царю Алексею Михайловичу сеунщиков, чтобы доложить об успехах своих войск в борьбе с казаками Дорошенко и татарами, бежавшими от Севска после боев 3–5 июля, а также об отбитых обратно городах Левобережья<sup>[654]</sup>.

Царь Алексей Михайлович воодушевился. Особенно символичным стал разгром татарского войска под Севском в день памяти Сергия Радонежского. В воскресный день 26 июля 1668 года царь пришел из похода в Преображенское «для молебства о благодарении Божии о победах». В известии об этом молебне в разрядной книге были отмечены заслуги воевод боярина князя Григория Семеновича Куракина с товарищами: «с его великаго государя ратными людми крымских людей и изменников черкас побили во многих местех и многих поймали». После молебна, проведенного все еще остававшимся в Москве александрийским патриархом Паисием и московским патриархом Иосифом, царь говорил речь, еще раз вспомнив, что «победа и одоление» над «крымскими

людьми» и «изменниками черкасы» совпали с праздником Сергия Радонежского<sup>[655]</sup>.

В это время гетман Петр Дорошенко, прихватив в Гадяче «скарбы» и жену Брюховецкого (ею уже была не дочь московского боярина, а представительница казачьего рода), а также собрав по пути богатую добычу, вернулся в Чигирин — историческую ставку гетманов Запорожского Войска. Управлять на Левобережье он оставил брата Андрея и наказного гетмана северской части Левобережья черниговского полковника Демьяна Игнатовича Многогрешного, поменяв других казачьих полковников на своих сторонников. Сначала предполагалось, что гетман быстро вернется, но его настигло «эхо» расправы с Брюховецким. Возмутились казаки в Запорожской Сечи, вольготно себя чувствовавшие во времена прежнего гетмана; сказалось и недовольство разбитых царскими войсками крымских татар.

В Москве стремились развить военные успехи. 19 июля были отосланы грамоты обоим воеводам с указом идти на Нежин. От Куракина и Ромодановского продолжали приходить победные вести; один из сеунщиков разыскал царя даже во время его традиционной поездки в Новодевичий монастырь 28 июля, чтобы доложить о наказании города Воронежец (там 15 конных сотен царского войска «высекли» саблями 700 казаков). Отчитывались о приведении в покорность «черкасских» городов Харькова и Калентаева. 30 июля, после целого месяца пребывания в Севске, войско Куракина двинулось на выручку московским войскам, осажденным в Нежине. Однако успело дойти только до Глухова и после недолгой осады снова отошло к Путивлю (Второй выборный полк Матвея Кровкова, принимавший участие в боях под Глуховом, оказался в Путивле 15 августа)<sup>[656]</sup>.

Связано это перестроение войск с желанием создать одну, объединенную армию для наступления на Нежин. Прямой поход Белгородского полка князя Ромодановского из Ахтырки в Нежин был опасен, поэтому воеводе тоже указали идти в Путивль, куда он вышел 2 августа. Когда обе части войска объединились в Путивле, произошла смена заболевшего и давно просившегося в отставку старого главнокомандующего боярина князя Григория Семеновича Куракина («...А я, холоп твой, за своею дряхлостью и болезнью в походы ходить не смогу, насилу и в съезжую избу волочусь», — писал он царю Алексею Михайловичу). 6 августа, в день Преображения, наказ и списки служилых людей из Разрядного приказа были посланы в Путивль еще к боярину

воеводе князю Куракину (и велено было его «о здоровье спросить»), однако все руководство армией и те же списки были переданы боярину князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому. Он и должен был выполнить присланный указ идти «на выручку государевым людям» к Нежину и Чернигову. Боярина же князя Куракина оставили в Путивле, чтобы не давать повода для любителей спорить о местах. В начале октября он присылал вести к войску князя Ромодановского под Черниговом о «мирной» дороге к Путивлю.

Князь Ромодановский быстро выполнил поставленные задачи. Около 28 августа он выступил в поход из Путивля «на малороссийские городы» (вознаграждение за службу получили только те, кто успел приехать в полки до 27–28 августа 1668 года). 8 сентября, в день Рождества Богородицы, его армия заняла сдавшийся без боя Нежин, а 25 сентября был освобожден от блокады русский гарнизон в Чернигове. Уже на следующий день Чигиринский полковник и «гетман Войска Запорожского северский» Демьян Многогрешный вместе со стародубским полковником Петром Рославченко обратился к посредничеству черниговского архиепископа Лазаря Барановича: они просили написать царю Алексею Михайловичу и боярам о своей готовности «с полками сее стороны Днепра поклониться». Условия, выдвигавшиеся казаками, касались возвращения к «прежним вольностям покойного, славная памяти Богдана Хмельницкого», к его «постановленным статьям» в Переяславле и подтвержденным «привильями». Наказной гетман Многогрешный и стародубский полковник Рославченко требовали также вывода царских ратных людей из Переяславля, Нежина и Чернигова, перекладывая всю ответственность за произошедшее на покойного гетмана Брюховецкого. Именно по его «подущению», как они писали, и случилось «насилие воевод и водностей Войска Запорожского унятие».

Как видим, когда верные гетману Дорошенко наказные гетманы, полковники и другая казачья старшина остались один на один с пришедшими на Украину царскими войсками, они сразу переориентировались на возвращение в подданство к московскому царю. Поддержка, оказанная им Петром Дорошенко, была недостаточной; кроме того, и сам Дорошенко оказался под ударом. Его присяга турецкому султану, заставившему гетмана надеть присланный ему султанский «халат», не устраивала крымскую знать. В Крыму конкурировали с османами за идеальные для построенной на работорговле экономики украинские места. Возможная присылка янычар в Чигирин в поддержку гетмана Дорошенко могла означать передачу им контроля над

территориями по обе стороны Днепра.

Следствием одного из самых причудливых военно-политических союзов на Украине стало избрание в казачьи гетманы от имени крымского хана молодого 23-летнего войскового писаря Запорожской Сечи Петра Суховеенко. Он немедленно начал борьбу с Петром Дорошенко за гетманскую булаву. Известна описанная еще С. М. Соловьевым история с присылкой от гетмана Петра Суховеенко именем «ханова величества» к гетману Петру Дорошенко грамоты с новой символикой гетманской власти, где вместо традиционного для Запорожского Войска изображения казака с мушкетом использовалась печать крымского хана — лук и стрелы. Дорошенко в бешенстве обещал «своею саблею обернуть Крым вверх ногами, как дед мой Дорошенко четырьмя тысячами Крым ни во что обернул».

Желающих «поломать ханские стрелы мушкетами своими» оставалось немало и в Запорожской Сечи. Они звали Дорошенко на общую раду, обещая ему поддержку, но исход таких прямых выборов был мало предсказуем. Наказной гетман Многогрешный — представитель гетмана Дорошенко на Левобережье — тоже должен был выбирать, кому служить. При поддержке крымской орды он встал на Липовой долине недалеко от Путивля. Расклад сил на Левобережье поменялся; теперь северная его часть контролировалась армией князя Ромодановского, а южная подчинялась гетману Суховеенко, стремившемуся вытеснить ставленников Дорошенко, в первую очередь наказного северского гетмана Демьяна Многогрешного. Никакой единой и свободной Украины опять не получилось.

Ответ от царя Алексея Михайловича на обращение Многогрешного и Рославченко был передан архиепископом Лазарем Барановичем быстро. Царь подтвердил предварительное соглашение Ромодановского и Многогрешного, основанное «на водностях» статей Богдана Хмельницкого, и «вины» казаков «в забвение пустил». Уже 9 октября 1668 года в ответном письме гетман Многогрешный писал о царе Алексее Михайловиче как о «великом государе нашем, его царском пресветлом величестве», обещая, что теперь «не токмо сия сторона Днепра, но и другая сторона к тем выше помянутым статьям приступит жити в подданстве у царского пресветлого величества»<sup>[657]</sup>.

10 октября 1668 года из полков боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского в Москву к царю Алексею Михайловичу отправились сеунщики во главе с сыном князя Андреем Григорьевичем Ромодановским, а вместе с ними послы наказного северского гетмана Демьяна Многогрешного — его брат Василий и бывший нежинский полковник

Матвей Гвинтовка (смененный Брюховецким и посаженный им в тюрьму в Гадяче) — под охраной двух рейтарских полков. Однако в пути на них напал большой татарский отряд. Князь Андрей Ромодановский был схвачен и уведен в Крым (там он, как и боярин Василий Борисович Шереметев, стал еще одним заметным родовитым пленником). Послы гетмана Демьяна Многогрешного едва спаслись, загнанные татарским отрядом в болото; вместе с оставшимися рейтарами они снова собрались под знамена и с боями прорвались обратно к обозам князя Григория Григорьевича Ромодановского.

Рассказывая об этом в Москве, один из участников посольства, нежинский протопоп Симеон, приводил красочные детали их чудесного спасения, когда под натиском татар пришлось спешиться и спастись в болоте. Протопоп Симеон убеждал рейтар стоять «за веру православную и за благочестивого царя». Вместе с полковыми знаменами рейтарами был сохранен и полковой «образ Спасителя». Как говорил протопоп Симеон, явно рассчитывая, что его речи дойдут до царя Алексея Михайловича, к образу «все с верою прикладывались, и праведными молитвами благочестивого царя вооружився, стали на болоте и бой учинили». Ночью послы в сопровождении нескольких сотен рейтар решили прорываться из окружения «оборонною рукою»: «а татары с обеих сторон идучи кричат: галла! галла! А наши себе кричать: церковь! церковь!» Выбравшись из промерзшего за ночь болота, рейтары вырубили «жерди вместо пик» и, сохраняя строй, на рассвете прошли «отводом» к обозам боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского<sup>[658]</sup>.

Армии Ромодановского, двинувшейся к Путивлю, пришлось продолжить бои с крымской ордой «калги-салтана» и «изменниками-черкасами» во главе с Григорием Дорошенко. 26 октября в Москву пришло донесение воеводы боярина князя Григория Семеновича Куракина об успехах его «товарища» князя Григория Григорьевича Ромодановского, посланного воевать «для промыслу над изменники черкасы». Боярин сообщал о победах под Нежином и, особенно, Черниговом, где «два города больших взяли жестоким приступом и выжгли и высекли», о боях под другим городом Седневом, где, кстати, располагалась ставка наказного северского гетмана Демьяна Многогрешного: «Изменников черкас и волох и татар побили многих... и сами к Путивлю отошли в деле же»<sup>[659]</sup>. Военные действия в Малой России завершились. Оставалось договариваться об условиях примирения с изменившими казаками Левобережья. Точнее, с теми, кто готов был пойти за черниговским

архиепископом Лазарем Барановичем и гетманом Демьяном Многогрешным.

Находясь зимой 1668/69 года в Москве, послы наказного северского гетмана договорились о созыве новой рады, прошедшей в Глухове. Налаживать дела туда были отправлены по царскому указу 12 февраля сам воевода и белгородский наместник боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский, полковник и «серпуховский наместник» Артамон Сергеевич Матвеев, получивший к этому времени чин стольника, и дьяк Григорий Богданов. Для царского друга Матвеева эта служба стала прологом к передаче ему от вернувшегося в Москву после своего курляндского провала боярина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина сначала руководства Малороссийским, а потом и Посольским приказом.

Обстоятельства проведения Глуховской рады 3–6 марта 1669 года всесторонне исследованы поколениями исследователей, статьи утвержденного там договора опубликованы впервые еще в «Собрании государственных грамот и договоров» и «Полном собрании законов Российской империи». Как и желали казаки, вольности Богдана Хмельницкого были подтверждены, их вины им отданы, вопрос о царских воеводах тоже решился. Правда, не совсем так, как требовали казаки, желавшие вывести всех царских воевод из малороссийских городов. Московские воеводы были оставлены в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Остре, но местное население им больше не подчинялось; их суд распространялся только на ратных людей московского царя. Число реестровых казаков устанавливалось в 30 тысяч человек, был выбран новый гетман «сее стороны Днепра» Демьян Многогрешный и определено его новое местопребывание в Батурине. Казаки Левобережья должны были убеждать казаков Правобережья, в последней, 27-й статье постановлений Глуховской рады говорилось: «Писать на ту сторону Днепра, Коруны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, к гетману Войска Запорожскаго к Петру Дорошенку, и ко всей старшине, и к козакам». Согласно этой статье, казаков Правобережья следовало убеждать «оставить всякие сорные и непотребные слова», «познав истинную милость и благодеяния» царя Алексея Михайловича, «добить челом на вечное подданство неподвижно». На Глуховской раде постановили, «чтобы межды себя ся сторона, с тою стороною Днепра войны не имети и пребывати в любви и совете». Отдельные статьи договора касались мещан Нежина и Киева.

Покрытую «малиновым атласом» книгу на 56 листах с собственноручным подтверждением по листам архиепископа Лазаря

Барановича, игумена Максаковского монастыря Иеремии Шириневича, гетмана Демьяна Игнатовича Многогрешного, старшины и чиновников Войска Запорожского боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский подал царю Алексею Михайловичу 21 марта 1669 года. «И третья смута малороссийская, и третья измена гетманская, — завершал рассказ о Глуховской раде С. М. Соловьев, — не отняли Восточной Малороссии у Москвы». И все же итог был компромиссным: Украине возвращалась широкая автономия, а Москва получала контроль над землями на Левобережье, необходимый для продолжения борьбы за оставление Киева в составе Московского царства<sup>{660}</sup>.

## Семейный крах

Зимой 1669 года, с разницей всего в три дня, голос большого Успенского колокола прозвучал над Москвой дважды. Первый раз в колокол стали бить 28 февраля — один раз: умерла новорожденная царевна Евдокия, и ее сразу же похоронили. Во второй раз трижды ударили в большой колокол в Кремле 3 марта: в «последнем часе того дня» умерла царица Мария Ильинична. 4 марта, «на память преподобного отца нашего Герасима иже на Иордани», состоялись похороны<sup>{661}</sup>.

Жизнь во дворце на время остановилась, все погрузилось в траур после смерти царицы от неудачных родов. То, что раньше казалось важным, перестало быть таковым, какие-либо усилия потеряли смысл, построенный для семьи дворец в Коломенском тоже стал не нужен. Устройство «благочиния» любимого сокольничего пути, чему в 1668 году царь Алексей Михайлович посвятил столько сил и внимания, выезды на охоты, любые забавы могли только ранить воспоминаниями. Царь Алексей Михайлович весь сорокадневный траур (часть его пришлась на Великий пост, а другая — на первые недели после Пасхи) раздавал большую милостыню всем, кто участвовал в погребении царицы, посылал деньги для поминовения по монастырям и церквям, кормил нищих и даже выпустил тюремных сидельцев из Тюремного и Земского дворов, приказав заплатить их долги из денег Приказа Тайных дел. С 20 апреля Алексей Михайлович указал «править другую четырехдесятницу», и поминовение царицы Марии Ильиничны продолжилось, были наняты священники для пения панихид «в год по вся дни»<sup>{662}</sup>.

В 177-м (1668/69) году снова замолчал составитель «Дневальных записок» Приказа Тайных дел. Последние записи датированы 22 августа



1668 года и сообщают о больших пожарах в Москве. Сначала «в шестом часу ночи за Москвою рекою был пожар велик, выгорела Якиманская улица по Болота, а горело до света». А потом уже «в 5-м часу в ысходе дни загорелось в Китае у Москворецких ворот... и от того выгорел Китай и ряды все и в Белом городе от Варварских ворот Кулишки, и Покровка и Мясницкая от Китая до Белого города, и на городе на башнях и на стене кровли погорели, а горело до ночи». Видя кругом следы недавнего пожара, Алексей Михайлович еще тяжелее должен был переживать утрату. Любое бедствие воспринималось людьми той эпохи как «наказание за грехи», а ответственность за все, что делалось в царстве, лежала на царе. Следующие записи в «Дневальных записках» начнутся только несколько лет спустя — 1 сентября 1672 года, а остальные известия буквально представлены в книге белыми листами!

Первая и единственная запись дворцовых разрядов несчастливой для царя 1669 года датирована 19 июня. Но и она сделана в связи с другой трагедией во дворце — смертью четырехлетнего царевича Симеона Алексеевича и новым сорокадневным трауром, в который опять погрузился весь царский двор. Царевич умер «в пятом часу нощи», его тело погребли в день смерти в Архангельском соборе. Гроб, покрытый «объярью золотой» из «царских хором», несли комнатные стольники, «переменяясь»; сам царь шел за гробом «в печальном в смирном платье», рядом были грузинский и сибирский царевичи, «думные и ближние люди», члены Государева двора, дьяки и жильцы «в однорядках и в охабнях в черных со свещами». Гроб царевича встретили в Архангельском соборе вселенский патриарх Паисий и московский Иоасаф, на погребении присутствовали члены Освященного собора. Как сказано в разрядной записи, это были те же митрополиты, и архиепископы, и епископы, «и иные власти и священники», что были «на выносе и на отпевании» царицы Марии Ильиничны 4 марта. Они даже не успели разъехаться из Москвы...

Многое в это трудное время зависело от царского окружения, именно ближние бояре должны были сделать так, чтобы жизнь в Московском царстве не останавливалась и дела шли своим чередом. О их роли можно судить по тому, как в дворцовых разрядах расписано их участие в траурных церемониях, продолжавшихся 40 дней. С 19 июня все члены Думы в сопровождении стольников «дневали и ночевали» у гроба царевича в Архангельском соборе. Записи о назначениях в «печальную комиссию» в первые дни траура отсутствуют (несколько листов разрядной книги по каким-то причинам утрачено). Они начинаются лишь с 23 июня, когда были назначены боярин Петр Васильевич Шереметев и окольничий Андрей

Васильевич Бутурлин. Но чуть ниже говорится, что с 19 июня, в первые дни после смерти царевича Симеона, когда в Архангельском соборе должен был молиться царь Алексей Михайлович, «у гроба» царевича был боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий; повторно он был назначен туда 3 и 17 июля. Причем указ о назначении его в собор на смену 3 июля был передан от самого боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, что позволяет думать о нем как о распорядителе всей траурной церемонии.

Среди боярских назначений отсутствовало имя Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. И это вряд ли было случайно. Еще весной, после смерти царицы Марии Ильиничны, он заговорил с царем Алексеем Михайловичем об оставлении всех чинов и уходе в монастырь.

Последний раз царь Алексей Михайлович был на панихиде по царевиче Симеоне 27 июля. Он приехал для этого в Москву из Преображенского. На следующий день, «на праздник Пресвятые Богородицы Смоленские», царь, по своему обыкновению, был в Новодевичьем монастыре. Из Успенского собора в Кремле принесли крестным ходом иконы, царь сначала встречал их «поблизку монастыря на поле», а потом там же провожал, после чего «изволил итти в село Преображенское». Бояре и все, кто с ними «дневал» у гроба покойного царевича, были «сведены», как говорилось в разрядной книге, «потому что по преставлении благоверного государя царевича в том числе четырехдесятница совершилась»<sup>[663]</sup>.

Сохранилось совсем немного документов этого времени, из которых можно видеть, что царь, как и прежде, занимается делами. Из-за отсутствия разрядных книг и «Дневальных записок» единственным источником, содержащим подробную дворцовую летопись, остаются «Книги выходов», где фиксировались все «выходы» и выезды царей из своих хором. Записи велись, чтобы фиксировать выдачу царского наряда и инсигний власти — царских «шапок», диадемы, посохов и т. д. Самым скрупулезным образом фиксировались все элементы царской одежды — шубы, опашни, зипуны, подробно описывалось качество «вини-циейского» или «кизылбашского» бархата, шелка, камки и других драгоценных тканей, их цвета. Указывались и цели царских выходов, по преимуществу на богомолья и в связи с выездом в Преображенское, Коломенское, Воробьево и в более дальние походы в Троице-Сергиев, Саввино-Сторожевский или другие монастыри. Попутно встречаются и детали, имевшие отношение к дворцовой жизни и повседневным занятиям царя. «Книги выходов» являются вполне определенным свидетельством глубокого траура, наступившего при дворе: если царь где-то и появлялся, то только в траурном и «смирном» платье.

Празднества были отменены, а именины всех царевен — сестер царя Алексея Михайловича и его дочерей — проходили без традиционной раздачи именинных пирогов. Не было и никаких выходов к приему послов или царских столов.

После смерти царевича Симеона Алексей Михайлович еще более усиленно стал поминать царицу Марию Ильиничну. Свидетельства этому остались в приходе-расходных документах Тайного приказа, где записывались многочисленные милостыни, розданные царем, и упомянуты панихиды по царице Марии Ильиничне. 18 июня 1669 года в Коломенском деньги «для поминовения» царицы Марии Ильиничны получили стрельцы под командованием головы Афанасия Левшина, вернувшиеся со службы в Киеве. 21 июня, «за четверть часа до дни», царь пошел в Вознесенский монастырь и «слушал панихиды» по царице. 22 июня он был в Успенском соборе и пожаловал причту 100 рублей. 23 июня «в отдачу часов ношных» царь Алексей Михайлович совершил «выход» в московские монастыри — Знаменский, Златоустовский, Ивановский, Петровский и «в Петровскую богадельню». Всюду он «жаловал из своих государевых рук» деньги монастырским властям и рядовым старцам, священникам и причту. «Да в тех же монастырях и в дороге, — сказано в расходном столбце Приказа Тайных дел, — жаловал великий государь нищих безщотно». Всего было потрачено 429 рублей, из которых царь наградил каждого из шестидесяти нищих в Петровской богадельне. Повезло и оказавшейся у Петровского монастыря вдове Варваре — жене князя Ивана Ивановича Путятина, получившей сразу 30 рублей «на прокорм». 29 июня «в 1 часу ночи» 12 нищих кормили «в деревянных хоромех», раздав каждому по полтине. 1 июля, «за два часа до вечера», царь «изволил кормить» в «передней» 34 священника московских церквей, служивших годовые поминальные службы по царице Марии Ильиничне, каждый из них получил от царя по три рубля и добрую ткань на платье: «им же дан по киндяку ис Персицких».

Царь Алексей Михайлович указал и сыну царевичу Алексею Алексеевичу раздать милостыню нищим: «кормить для поминовения» матери «в Золотой государыни царицы». Он также выдал из своих рук по полтине 72 нищим. 10 июля царь снова раздавал милостыню «для поминовения» царицы Марии Ильиничны протопопам и священникам кремлевских церквей. 13 июля царевич Алексей Алексеевич кормил нищих. 18 июля в память о царице деньги были розданы стрелецким вдовам и сиротам, потерявшим своих мужей и отцов на службе в Киеве. 22 июля были отосланы деньги «на сорокоусты» священникам сел Павловское и

Дмитровское. 7 августа были выданы деньги «патриархова чину поддьяконом и певчим дьяком и поддьяком», всем, кто участвовал в погребении царицы Марии Ильиничны и царевича Симеона Алексеевича и поминальных службах по ним. Продолжились и обычные для царя раздачи денег в богадельнях и тюрьмах, 28 августа 1669 года, «в ночи», по царскому указу были розданы деньги 1130 человекам. Царь и сам 31 августа — «в вечеру» последнего дня трагичного 177-го года — отдал из своих рук милостыню безному нищему, встреченному им по дороге в Вознесенский монастырь. Тот сидел «у двора боярина Бориса Ивановича Морозова», некогда сосватавшего царю Марию Ильиничну...<sup>[664]</sup> Царь по-прежнему тяжело переживал потерю жены, и ее «поминовения» и «устройство души» продолжались еще долгое время.

Между тем порядок ведения дел требовал постоянного участия царя Алексея Михайловича в заседаниях Думы, приеме докладов из приказов, обсуждении разных вопросов. Но следов такого участия царя в повседневном управлении почти не видно, и это не случайно, учитывая переживаемые им трагические обстоятельства. Например, в апреле 1669 года состоялся отдельный приговор окольничих и дьяков, самостоятельно решивших несложный вопрос о «закладах», взимаемых тюремными сидельцами. Даже челобитные нельзя было, как раньше, подать во время царских выездов из дворца. В июне 1669 года стряпчий Иверского монастыря доносил монастырским властям из Москвы: «Государю свету нашему отнюдь бить челом нельзя, и на выходе никто не смеет подавать челобитен, потому что время кручинное».

В действиях царя Алексея Михайловича в тот момент можно видеть сосредоточенность на молитве, и любое оскорбление такого настроения строго каралось. 7 июня стольник князь Григорий Венедиктович Оболенский был послан в тюрьму по именному указу царя «за то, что у него июня в 6 числе, в воскресенье недели Всех святых, на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же князь Григорий говорил скверныя слова». Алексей Михайлович лично вмешался вдела с умножившимся ростовщичеством, куда были вовлечены подьячие московских приказов, использовавшие для этого казенные деньги. Были введены ежемесячные отчеты за расходование денег, усилен надзор над ними дьяков, запрет на прием таких закладных в уплату налогов.

Одобрение царя удавалось получить только для самых очередных дел и там, где не требовалось никаких подробных обсуждений. В этом случае царь утверждал решение, подготовленное его ближайшим окружением. 8 мая 1669 года, одними из последних, были пожалованы дворяне и дети

боярские, ведомые в Приказе Казанского дворца, участвовавшие «во всех Литовских походах», а также бывшие на службе с воеводой боярином князем Федором Никитичем в Саратове и участвовавшие в 1664–1665 годах в подавлении башкирского восстания в полках боярина и воеводы князя Федора Федоровича Волконского. Они получили такое же право на перевод поместий в вотчину, как и служилые люди из центральных уездов, правда, некоторым дворянам, если они воевали «близко домов своих», или «в тех городех по приказом были», никаких придач не полагалось.

Ряд распоряжений касался «черкасского вопроса». Здесь тоже заметно стремление подвести определенную черту под событиями последних лет. Харьковского полковника Белгородского полка Григория Донца «и его полку старшину и все посольство» пожаловали 3 мая 1669 года за их службы и «за разорение, что им учинилось от изменников черкас и от крымских и от нагайских татар, после измены Ивашка Брюховецкого и за осадное сидение». Способ вознаграждения оказался весьма своеобразным: вместо полагавшегося годового жалованья им отдали недополученные оброки с винных и пивных промыслов, а также «шинков». С 1665 года, когда сам прежний гетман договорился о таком обложении, недоимок набралось более двух тысяч рублей; правда, в остальных городах не было и такого «белгородского оклада» и жители держали промыслы «безоброчно». Иными словами, слободским казакам отдавали то, что не могли взять, не думая, как в будущем они воспользуются своей привилегией (скоро пошли жалобы на спаивание ими людей из других уездов Московского государства, где иначе взымали кабацкую пошлину).

22 мая 1669 года состоялось назначение главным военачальником в Севске победителя «черкас» боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского. Князь должен был «ведать» и «разбирать» ратных людей «Севского и Белгородского полку», распределив каждого «в полковую службу и в копейной, и в рейтарской, и в драгунской, и в солдатской строй»; главное, что интересовало Разрядный приказ, чтобы все служили и «в избылых никто не был». Правда, из-за смерти царевича Симеона отпуск боярина на службу затянулся, «у руки» царя Алексея Михайловича ему было велено быть только 22 июля 1669 года, после чего он вскоре выступил на службу. Дворяне украинских городов, служившие в Белгородском и Севском разрядах, должны были съезжаться к нему для «разбора» (проверки окладов, вооружения, служебной годности), «где им по наряду быти велено, без мотчанья», и дожидаться царского указа.

Воспользовавшись редким во время траура по царевичу Симеону царским присутствием, 22 июля вручили давно заслуженные награды

боярам князю Григорию Семеновичу Куракину и тому же князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому за их службы в походах «176 и нынешнего 177 года», то есть в 1668/69 году. Бояре получили придачи денежного жалованья, «бархат золотной» на шубы и соболей. Среди награжденных был и «товарищ» воеводы князя Ромодановского стольник и полковник Артамон Матвеев, ездивший на Глуховскую раду. За свою службу Матвеев получил 50 рублей денежной придачи (10 рублей из этой суммы составляла компенсация за пожалованную поместную «придачу», превышавшую установленный для членов Государева двора максимум в 1000 четвертей). Рядовые участники боев в малороссийских городах тоже были пожалованы придами к окладам<sup>{665}</sup>.

Впервые после смерти царицы Марии Ильиничны царь вышел из дворца в светлых одеждах 15 августа 1669 года, накануне праздника Успения. Царевич Алексей Алексеевич в этот день был в Преображенском. Примерно тогда же царь Алексей Михайлович читал и правил «Сказание об Успении Богородицы»<sup>{666}</sup>. Иногда по этой причине его даже называют автором новой редакции этого сочинения, но работа над «Сказанием...» не выходила за рамки составления нового текста из уже готовых фрагментов. Скорее, стоит обратить внимание на то, что сюжет произведения был связан с личной потерей царя — смертью царицы Марии Ильиничны.

Наступавший с 1 сентября 178-й год принес мало изменений в застывшую дворцовую жизнь, подчинявшуюся медленному ритму продолжающегося траура. 1 сентября царь был «у действия многолетнего здоровья», но рядом опять не было царевича Алексея Алексеевича. Белый цвет в одеждах царя упомянут и на праздник Рождества Богородицы 8 сентября, но и в этот большой праздник царевич Алексей был не с отцом, а опять в Преображенском, где «ходил на освящение новыя деревянные церкви и слушал обедни»<sup>{667}</sup>. Как оказалось, это было последнее упоминание о царевиче в «Книге выходов» при его жизни. После этого царевич заболел, и болезнь его продолжалась несколько месяцев. Косвенным образом о приближении новой беды может свидетельствовать отсутствие в этом году традиционного царского троцкого похода.

Именно в это тяжелое время царь Алексей Михайлович дал разрешение начать подбор невесты для нового царского брака. Брак царя влиял на судьбу всего царства, а дела в царской семье шли всё хуже и хуже. Историк Павел Владимирович Седов обратил внимание на то, что время начала смутин совпало с первыми известиями о начале болезни царевича Алексея Алексеевича, а потому «выбор царем новой супруги становился

делом государственной необходимости»<sup>{668}</sup>.

Первые распоряжения о подготовке к новой свадьбе датированы 28 ноября 1669 года: «178 года, ноября в 28 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указу, девицы, которые были в приезде в выборе и в котором месяце и числе, и им роспись»<sup>{669}</sup>. Царский указ об организации традиционного смотра невест лишь фиксировал начало самого процесса, растянувшегося во времени до 17 апреля 1670 года. А сама свадьба с Натальей Кирилловной Нарышкиной была сыграна 22 января 1671 года и состоялась в присутствии самых близких придворных. И это не случайно! О приготовлениях к свадьбе знали немногие, а само поручение было возложено на ближайших придворных — боярина и дворецкого Богдана Матвеевича Хитрово и Артамона Матвеева.

Почти в то же самое время, когда начались «приезды» невест, 29 ноября 1669 года, последовал указ о новой организации заседаний Боярской думы, регламентировавший по дням доклады думных дьяков из главных приказов. Рассматривать ли это как стремление к административному порядку, идущему от царя, или за этим кроется еще и стремление ближних бояр позаботиться, чтобы даже в отсутствие царя текущие дела не останавливались? «К бояром в Золотую палату» предлагалось «дела вносить к слушанью и к вершенью из приказов» в следующие дни: в понедельник — Разрядный и Посольский приказы, во вторник — приказы финансового ведомства — Большой казны и Большого прихода, в среду — Казанский дворец и Поместный, в четверг — Приказ Большого дворца и Сибирский приказ, в пятницу — «судный день»: рассматривались дела из Московского и Владимирского судных приказов. Именным указом 3 декабря определялось время заседания Думы в Золотой палате «по вечерам», с первого часа ночи, то есть с началом темноты. 15 декабря такой же указ о заседаниях с первого до восьмого часа ночи «во все дни» получили судьи и дьяки в приказах. Судя по тому, что уже в следующем году, 14 марта 1670 года, царь Алексей Михайлович вовсе распорядится убрать приказы из Кремля в Китай-город (помещения приказов все сразу как-то «обветшали» и стали представлять угрозу для сидевших там дьяков и подьячих)<sup>{670}</sup>, причина, возможно, в другом: для Алексея Михайловича, занятого болезнью сына, сама суэта в приказах на кремлевских площадях должна была быть невыносимой.

Приближенные царя, напротив, использовали подготовку царской свадьбы для того, чтобы повлиять на царский выбор и обеспечить себе в



будущем преимущество при дворе. Сохранившийся в архиве Тайного приказа список невест подтверждает ведущую роль Артамона Матвеева, давно выступавшего распорядителем в самых разнообразных делах и царских поручениях. Например, трудно чем-то другим, кроме родственных отношений Матвеева с его отчимом думным дьяком Алмазом Ивановым, объяснить появление в «Росписи невест» уже 30 ноября имен обеих внучек «печатника Алмаза Ивановича» — Анны и Анастасии (дочерей сводного брата Артамона Матвеева, то есть его племянниц). Первые привезенные к смотру невесты, дочери служилых людей Капитолина Викентьева, Анна Кобылина, Марфа Апрелева, жили в домах голов московских стрельцов — Ивана Жидовинова, Ивана Мещеринова и Юрия Лутохина. Но среди ближайших приближенных и заинтересованных лиц, с самого начала знавших о планах женитьбы царя Алексея Михайловича, были и другие люди. В первый же день была записана к смотру Евдокия, дочь Льва Ляпунова: учитывая родство Волынских и Ляпуновых, здесь можно видеть особенный интерес давнего царского приближенного окольничего Василия Семеновича Волынского. Клан князей Долгоруких имел свою претендентку — Анну, дочь князя Григория Долгорукого. Мало известно имя Авдотьи Беляевой, в самый последний момент появившейся на смотре невест «в Верху»: на нее царь тоже обращал свое внимание, как и на Нарышкину. Отец Авдотьи служил в Вологде, а дела в Москве вел ее родной дядя Иван Шихарев, обращавшийся к посредничеству чудовского архимандрита и принятый в домах членов Думы. Позднее Иван Шихарев (Жихарев), несмотря на несчастливые обстоятельства появления его племянницы при дворе (об этом речь впереди), даже поступил на службу во двор князя Якова Никитича Одоевского.

Впрочем, ориентироваться только на фамилии претенденток, изучая «предвыборную борьбу» почти семидесяти невест и их родственников, — дело неблагоприятное, какой-либо «системы» отбора не заметно. Придворные пытались собрать самых лучших из тех, кто мог понравиться царю Алексею Михайловичу, обращая внимание даже на самых неродовитых претенденток, не имевших заметных покровителей при дворе. Только этим можно объяснить появление в списке Федоры — дочери истопничего (младшего дворцового служителя) Ивана Протопопова. Даже осведомленные современники до последнего терялись в догадках относительно «фавориток» царского выбора: например, голландский посланник Николас Гейнс писал на родину 11 января 1670 года: «Так как продолжительная болезнь старшего сына царского, царевича Алексея Алексеевича, со дня на день увеличивается, может быть, в

непродолжительном времени она будет иметь прискорбное окончание. Его царское величество сильно горюет, и намерение его вступить в брак, вероятно, по сей причине все откладывается. До сих пор наверное нельзя узнать, на кого особенно может пасть выбор царя»<sup>{671}</sup>.

В это время все дела с выбором царской невесты были остановлены. В понедельник 17 января 1670 года случилось непоправимое — старший сын и наследник царя Алексея Михайловича умер «в шестом часу того дни». Хотя за время долгой болезни царевича отец мог подготовиться к мысли о его уходе, примириться с потерей и полным крахом неосуществившихся надежд на обновление царства было трудно, если вообще возможно. Траурный ритуал при дворе был уже привычен, его подробности сохранились в «Церемониале» погребения, повторяющем то, что известно из описания похорон царевича Симеона Алексеевича. Царь Алексей Михайлович снова был одет в «смирное» платье, а внешнее отличие было одно: тело и гроб царевича Алексея Алексеевича были покрыты «объярью серебряной», а не «золотой», как у царевича Симеона. Царь отдал для погребения умершего сына и наследника «свое» место с левой стороны от могилы отца — царя Михаила Федоровича. Около гроба царевича также дневали и ночевали бояре и окольничие до окончания «четыредесятницы» 26 февраля, после чего царь, отслужив панихиду по царевичу, приказал их «свести»<sup>{672}</sup>. Воспитатель царевича и еще один верный слуга окольничий Федор Михайлович Ртищев попросил разрешения царя уйти в монастырь, видимо, виня себя в том, что «не уберег» царевича<sup>{673}</sup>.

После смерти царевича Алексея Алексеевича стало очевидно, что начатые заранее приготовления к выбору новой царской невесты были совсем не лишними. Оставшиеся сыновья, царевичи Федор и Иван, были малы и болезненны: одному было восемь лет, другому три года, нельзя было и подумать, чтобы оставить на них Московское царство. Помощницами отца и воспитательницами братьев становились тетушки — сестры царя и старшие царевны, в том числе двенадцатилетняя Софья Алексеевна. Десять с половиной месяцев от 4 марта 1669 года до 17 января 1670 года стали самым тяжелым временем в жизни царя Алексея Михайловича. За столь короткое время он потерял жену, новорожденную дочь и двух сыновей — царевичей Симеона и Алексея. Но вечно жизнь во дворце за наглухо закрытыми «завесями»<sup>{674}</sup> продолжаться не могла. Царь Алексей Михайлович, только переступивший порог сорокалетия, должен был снова думать о продолжении своей династии.

Смотр царских невест решили не откладывать дальше. Их «приезды»

возобновились еще до истечения сорокадневного траура по царевичу Алексею Алексеевичу. Со времен написанного Иваном Егоровичем Забелиным в XIX веке подробного исследования о бытовой истории царского двора считается, что царь каждый раз, когда привозили очередную невесту, лично участвовал в смотрах. Но совпадение этих приездов со временем траура скорее свидетельствует об обратном: вся подготовка к смотру невест велась без царя. Составленный по царскому указу список девушек являлся всего лишь фиксацией имен допущенных к смотру претенденток. Не случайно в «рописи» дополнительно указывали, в каких домах проживали невесты, чтобы в случае необходимости быстро собрать их к общему смотру. Сложно представить царя, только что потерявшего сына, время от времени повторяющим одну и ту же процедуру выбора невесты из привезенных во дворец красавиц. Такая история явно не про Алексея Михайловича.

«Приезды» невест возобновились 1 февраля 1670 года. Тогда «в Верху» и появилась «Кириллова дочь Нарышкина Наталья». Заметим, что в списке невест нет сведений о ее жизни в доме Артамона Матвеева. Ее выбор совсем не был предопределен. В день первого появления во дворце Натальи Нарышкиной были «осмотрены» еще и другие невесты — дочери думного дворянина Замятии Федоровича Леонтьева, Ивана Федоровича Нащокина и Андрея Незнанова (Незнамова). Только потом станет ясно, что в «рописи» приездов невест уже упомянуто имя будущей избранницы царя Алексея Михайловича: кто-то поставит рядом едва заметную сейчас отметку, поэтично названную биографом царя «потускневшим крестиком»<sup>[675]</sup>.

Смотрины невест продолжились и дальше. В Москву стали привозить дочерей уездных дворян из Великого Новгорода, Владимира, Суздаля, Костромы, Рязани. Однако стоит обратить внимание на даты таких приездов: они попадают на время Великого поста — 27 февраля, 11, 12 и 17 марта. Исследователей не смутило даже то, что приезд одной из претенденток в старых публикациях датировался 1 апреля — днем именин царицы Марии Ильиничны и Великой пятницей, когда царь ходил в Благовещенский собор «за мощми» (на самом деле в рукописи стояло 10 апреля, ошибочно переданное в публикации как «1», но в данном случае это не имеет значения)<sup>[676]</sup>, а 3 апреля праздновал Светлое воскресенье. Получается, что царь Алексей Михайлович сам лично участвовал в смотрах невест во время поста и даже Страстной недели?! Одной из последних к смотру была представлена 17 апреля «из Вознесенского

девица монастыря Иванова дочь Беляева Овдотья. Привез дядя ее родной Иван Шехирев, да бабка ее Ивановская посестрия Еганова старица Ираида». И последнее из имен, упомянутых в списке: «Ортемьева дочь Линева Овдотья»<sup>[677]</sup>.

Записи «приездов» невест остановились, когда прошла «четыредесятница» по сыне царевиче Алексее Алексеевиче и наступило время Пасхи, а затем и Красной горки, когда на Руси традиционно игрались свадьбы. Но и здесь легко ошибиться, думая, что раз прошло больше года после смерти царицы Марии Ильиничны, то жизнь взяла свое и царский траур заканчивался. В самый день Пасхи 3 апреля царь «после заутрени» ходил в Архангельский и Вознесенский соборы, к могилам родителей, жены и детей. 11 и 12 апреля, в понедельник и вторник второй недели после Пасхи, царь был в Вознесенском монастыре на панихидах по царице Марии Ильиничне<sup>[678]</sup>. И ровно через неделю, в понедельник 18 апреля 1670 года, состоялся первый и единственный общий смотр невест с участием царя Алексея Михайловича.

Выходец из Курляндии и родственник одного из придворных врачей Яков Рейтенфельс, побывавший в России и написавший большое «Сказание о Московии», опубликованное в 1680 году, описал, как происходили царские смотрины в главе «О бракосочетании царя»: «В 1671 году, во время нашего пребывания в Московии, Алексей, оплакав достойным образом покойную жену свою, вознамерился жениться во второй раз и приказал всем прославившимся своею красотой знатым девицам собраться у Артамона Сергеевича (изворотливого, как говорится в пословице, Артамона), управляющего двором. Когда те все собрались, то царь потаенным ходом пришел к Артамону в дом и, спрятавшись в тайнике (откуда, однако, ему была видна комната, назначенная для женщин), тщательно рассматривал не только по отношению к одной внешности, но и по отношению к духовным качествам и поведению все это красивое, хотя и не воинственное женское войско, а когда они поодиночке проходили мимо того окошка, из которого он смотрел, то он заботливо вглядывался, сколько в каждой из них искусственной и природной красоты». По словам Рейтенфельса, царь Алексей Михайлович, «будучи проницательного ума», избрал «с первого раза» Наталью Кирилловну и «также скоро приобрел ее любовь чрез подарки, достойные столь великого государя».

Историки по-разному относятся к этому свидетельству Рейтенфельса, считая, что он передавал только слухи о смотринах, состоявшихся в доме Артамона Матвеева, а не «в Верху». Хотя ряд сообщенных им деталей о

второй царской свадьбе, например, о подарках участницам смотра, находит подтверждение в источниках<sup>[679]</sup>. Более внимательно отнестись к его свидетельству заставляет точность автора в описании умонастроения и характера царя Алексея Михайловича (достойно оплакал жену, предпочел тайный смотр, богато одарил всех участниц). Кроме того, надо учитывать и родственную близость Рейтенфельса к одному из придворных врачей-иностранцев. После того как невест привозили во дворец, их смотрели еще иностранные доктора.

Все эти подробности выяснились, когда в дело с выбором царской невесты, по недоброй традиции первых Романовых, снова вмешались чьи-то интриги. Сразу же после смотра невест, 22 апреля, были обнаружены подметные письма, одновременно появившиеся в разных местах во дворце: одно «в сенях» у Грановитой палаты, а другое «у сенных дверей» Шатерной палаты, «что ходят на Постельное крыльцо». Как было сказано в деле, «такова воровства, и при прежних государях не бывало, чтобы такие воровские письма подметывать в их государских хоромаш». Точное содержание «непристойных» писем осталось неизвестным, но одним из главных подозреваемых в их распространении стал Иван Шихарев — дядя привезенной к смотру в последний момент Авдотьи Беляевой. Он действительно очень радел за племянницу — настолько, что, как доносил царю Богдан Матвеевич Хитрово, пытался убедить при случайной встрече одного из докторов-иностранцев, Стефана, поддержать ее.

Иван Шихарев, по словам доктора Стефана, «говорил ему, что взята де в Верх племянница его для выбору и возили де ее на двор к боярину Б. М. Хитрово и боярин де смотрел у ней рук и сказал, что руки худы. А смотришь де ты их, дохтур Стефан; а племянница де его человек беззаступной, и как де станешь смотреть рук и ты де выступи. И он Стефан ему отказывал, что его к такому делу не призывают, да и племянницы его он не знает». Тогда Иван Шихарев предложил остроумный способ узнать его племянницу: «как станешь смотреть рук, и она де перстом за руку придавит, потому ее и узнаешь».

Случайный этот разговор можно было списать на невинное желание поспособствовать Авдотье Беляевой, не имевшей, как другие претендентки, заступничества из числа «сильных людей». Но болтливый дядя, внезапно ставший вхожим в дома придворных, оказал плохую услугу своей племяннице и немедленно поплатился за «длинный язык», всюду в преувеличенном виде рассказывая об «успехе» Авдотьи на смотринах. По словам боярина Хитрово, докладывавшего царю Алексею Михайловичу об обнаруженных письмах, «и сего де числа у благовещенского протопопа

Андрея Савиновича о том говорил же, что племянница его в Верх взята, а Нарышкина свезена...». Собственно в этом и был смысл интриги с подметными письмами: как только стало известно, что внимание царя обратила на себя Нарышкина, нашлись и те, кто захотел помешать этому выбору. А еще точнее — стоявшему за ее спиной покровителю Артамону Матвееву.

23 апреля Ивана Шихарева взяли к розыску, но он и под пытками не признался в «составлении» писем. Следствие продолжилось, коснувшись большого круга лиц и одновременно усиливая слухи о предстоящей царской женитьбе. 24 апреля были взяты образцы почерка всех дьяков и подьячих, чтобы провести, выражаясь современным языком, графологическую экспертизу. Для этого всем приказным надо было написать фрагменты текста подметных писем: «достойно поднести царю или ближнему человеку, не смотря», «рад бы я сам объявил и у нево писма вынел и к иным великим делам». Смотрели также, кто и как напишет имя «Артемошка», видимо, отсылавшее к имени Артамона Матвеева. Сам он позднее тоже с обидой вспоминал об обвинениях в этих подметных письмах, будто бы он хотел учинить «препону» браку царя, «а написали в письме коренья». Причастность к колдовским действиям была тогда очень серьезным обвинением. 26 апреля найденные «воровские письма» показывали членам Государева двора, собиравшимся на Постельном крыльце с указом найти тех, кто их «подметывал»<sup>[680]</sup>.

О настроении царя Алексея Михайловича свидетельствует сказанный в этот день указ стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам с запретом приезжать верхом в Кремль, нарушителям грозили «опалой» и «жестоким наказанием». В результате один из служилых людей Петр Кокорев высказался: «Лучше б они девиц своих в воду пересажали, нежели их в Верх к смотру привозили!» Петра Кокорева тоже пытали, чтобы выяснить, кто его надоумил произносить такие слова. Позже на Постельном крыльце (месте преступления) был объявлен царский указ: «А непристойных слов таких, как Петр Кокорев говорил, не говорить»<sup>[681]</sup>. После объявления подобных указов, наверное, мало осталось при дворе людей, не знавших о несчастливых выборах царской невесты.

Следствие по делу о подметных письмах, обнаруженных перед Грановитой и Шатерной палатами, растянулось на несколько месяцев; подозрения в их распространении пали даже на старшую сестру царя царевну Ирину Михайловну и коснулись женской половины дворца. Голландский посланник Николас Гейнс сообщал 28 июля 1670 года в своем



донесении: «Сестра Его царского величества, которая имеет большую власть над умом вышеназванного величества, наконец довела дело до того, что брак, в который государь вознамерился вступить с некой дамой (она находится в свойстве с одним или двумя главными фаворитами двора), будет отложен далеко на будущее. Причина в том, что между этой дамой и одним польским дворянином, как предполагают, были заключены некие серьезные договоренности в то время, когда ее отец занимал пост генерала на границе. Я подозреваю, что именно из-за этой дамы многие лица были взяты на пытку, из которых изрядное число подвергшихся мучениям умерло»<sup>{682}</sup>. Подготовка к «царской радости», как называли свадьбу, была остановлена, царская сестра царица Ирина Михайловна (или кто-то другой из не желавших жениться царя Алексея Михайловича на Наталье Нарышкиной) на время достигла своей цели.

Очевидный пробел в источниках о действиях царя Алексея Михайловича в период самых тяжелых семейных испытаний иногда заполняется изложением «романтической» родословной легенды Мусиных-Пушкиных о происхождении родоначальника графской ветви рода, Ивана Алексеевича, боярина петровского времени. Основываясь на отчестве, сына царского ближнего стольника, погибшего в начале русско-польской войны, считают незаконнорожденным сыном царя, приводя в качестве доказательства его быструю карьеру при дворе и то, что Петр I называл его братом<sup>{683}</sup>.

Гораздо интереснее было бы найти ответ на другой вопрос: имела ли под собой основание настойчивая убежденность позднейших мемуаристов и историков, что Наталья Кирилловна Нарышкина была воспитанницей Матвеева? Американский профессор Пол Бушкович, например, вообще считает эту историю «романтической чепухой», связанной с переносом обычаев XVIII века, когда появились подобные известия, в век XVII. Очевидно, что царь склонялся к выбору Нарышкиной сразу после смотра 18 апреля, но когда появились «воровские письма», дело остановилось. И где же должна была находиться в этот момент почти «нареченная» невеста, чтобы быть уверенным, что с нею ничего не случится до свадьбы? Держать ее «в Верху» было невозможно и не ясно, на каких правах, тем более если женская половина дворца оказалась заранее против таких перемен. Здесь, видимо, и потребовался всегда готовый выполнить любое царское поручение Артамон Матвеев. Как пишет П. Бушкович, если Нарышкина «вообще жила в доме Матвеева, то только после смотрин»<sup>{684}</sup>.

Во время следствия по делу о подметных письмах открылось еще одно



дело, в котором оказался замешан холоп Артамона Матвеева, свидетельствовавший: «...у Артемона девица, которую возят в Верх, Кириллова дочь Нарышкина». «Сохранить» будущую царскую невесту у себя дома ему было тем проще, что Матвеевы и Нарышкины десятилетиями жили в одном приходе «церкви Николы чудотворца, что у Столпа», а священник этой церкви был духовником Натальи Нарышкиной<sup>[685]</sup>. Отец Натальи Кирилловны, Кирилл Полуектович Нарышкин, был в это время на службе в Смоленске, а с дядей, стрелецким головой Федором Полуектовичем Нарышкиным, женатым на племяннице жены Матвеева и давно служившим в его полку, договор об объявлении Натальи Нарышкиной к смотру невест «в Верху» мог существовать с самого начала<sup>[686]</sup>.

Приготовления к свадьбе шли долго, они отражены в нескольких редакциях Чина второй свадьбы царя с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Сама свадебная церемония была достаточно традиционной и ориентировалась на прежние образцы, хотя и новшеств в ней хватало. По традиции невесту уже накануне церемонии привозили во дворец, где ее нарекали царевной и готовили к свадьбе. При других обстоятельствах царское венчание не должно было обходиться без патриарха Иоасафа, но тот был болен и стар. Царь Алексей Михайлович сам ходил накануне свадьбы к патриарху и просил его благословения. Но венчание в соборной церкви было доверено царскому духовнику Андрею Савиновичу, служившему в сопровождении только двух певчих. Никто, кроме самих участников торжества, в этот день не мог появиться в Кремле.

Согласно Чину свадебного венчания, полковники и головы со стрельцами должны были прийти на караул в Кремль с предосторожностями «за час до вечернего благовесту, хто в которые ворота ходит на караул». В Кремле следовало сначала «итить на дворец, и великому государю челом ударя, на дворе строем итить на указные места, так как приходят на стенной караул». И до этого им следовало делать всё так, как они привыкли за время траура по прежней царице: «А в барабаны не бить, и в сипоши не играть, для того, что по преставлении благоверных государыни царицы и великия княгини Марии Ильиничны никогда того не бывало и на караул ходили в смирном платье». Придя на «указные места», полковники и головы должны были «город Кремль запереть и никого не пускать». Приказ этот соблюдался очень строго, даже часовщика Спасской башни держали «за караулом», заставив на время разлучиться с семьей, переведенной из Кремля в город.

Царь Алексей Михайлович стремился избежать какой-либо «помешки» к браку со стороны придворных из-за местнических счетов: «А чиновным людям, никому в город Кремль быть не изволил, чтоб ему великому государю к тому делу, прося у Бога милости, приступить немятежно». Поэтому все приготовления проводились в тайне, а само торжество состоялось в окружении самых доверенных лиц, между которыми и были распределены свадебные «чины», — это князья Никита Иванович Одоевский, Юрий Алексеевич Долгорукий, Иван Алексеевич Воротынский, Богдан Матвеевич Хитрово, все с женами, и еще несколько ближних людей, «спалников» и комнатных стольников. Здесь опять был незаменим Артамон Матвеев, командовавший стрелецкой охраной, ему тоже досталось почетное место «у сенника». Кроме того, царь явно не хотел, чтобы происходила резкая перемена от траура к веселью при дворе, сами приготовления ко второму браку требовали от Алексея Михайловича, как сказано в свадебном «наряде», больших «душевных и телесных» трудов: «понеж он великий государь к тому святому супружеству готовился в душевных подвизех и в телесных трудах, и непрестанно во святей церкви пребывал во бдении и в пощении, о его же трудах невозможно описати».

Само настроение свадьбы было пронизано отголосками траура. 6 января, в день Крещения, после службы в Успенском соборе и походе «на иордань» царь Алексей Михайлович еще раз ходил в Архангельский собор и был в Вознесенском монастыре для поминовения родителей и царицы Марии Ильиничны. 16–17 января завершался годичный траур по царевичу Алексею Алексеевичу, и царь снова был в Архангельском соборе. Поэтому, когда царь Алексей Михайлович, по словам свадебного Чина, «явил свое лицо» боярскому «синклиту» — «боярам, и окольничим, и думным ближним людям» — на «радость и веселие», свадьба началась... с продолжавшейся долгое время общей «тишины». Подчеркивая торжественность момента, составитель белого варианта «Чиновника» свадьбы, писал об этой встрече с боярами так, как будто она состоялась после долгого отсутствия царя: «Он же благочестивый великий и милосердый государь по своей государской щедрой милости, взыскав их своею государскою милостию, коегождо по достоянию, овому слову свое государское милостивое подаде, иному милость свою обеща, потом на всех призре милостивым своим государским оком, того ради дабы ни един, видевший пресветлое его царское лице, без утешения не был. Но кийжды по своей службе и работе получил его государе кую милость». После этого наступило особенное время: «И по сем на мног час бысть в его государской полате тишина велия. Никому же ничто же рекуще».

И все же продолжавшаяся несколько дней свадьба стала переходом «из печали в радость», от постоянного царского «укручения» — к общему веселью. Особенно когда царь Алексей Михайлович, по словам свадебного Чина, сам приказал гостям, «дабы не един пребывал в печали» и «изрек»: «Не подобает видевшему лице его государское и слышащему таковую его государскую радость пребывать печалну и лицом сетованным». 6 февраля 1670 года царь лично ездил к патриарху Иоасафу и получил от него «бисер многоцветный» и другие подарки духовных лиц<sup>{687}</sup>. Снова глядя на радующегося жизни и веселящегося царя, придворные тоже проводжали уходившие в прошлое тяжелые времена и готовились к переменам. Отсчет новой жизни двора после тяжелых семейных испытаний царя Алексея Михайловича начался...

## Разинская война

Сложное время усиленной молитвы и траура царя Алексея Михайловича, наступившее после смерти царицы Марии Ильиничны, обычно не принимается в расчет, когда говорится о событии, имеющем очень долгое эхо в русской истории, — войне под предводительством Степана Разина. Раньше бы сказали, что это была «крестьянская война», но еще точнее ее исконное обозначение как «бунта» или «Разинщины»<sup>{688}</sup>. Важная документальная информация по истории разинской войны, почти исчерпывающим образом собранная в четырехтомном документальном издании «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» (1954–1976)<sup>{689}</sup>, показывает, что эти события имели прямое отношение и к биографии царя Алексея Михайловича. Надо внимательно смотреть, где были личные указы и распоряжения царя, а где делопроизводственная работа приказов и полковых канцелярий, разбираться с обычно набранными в академических публикациях петитом пометами на документах: «великий государь сей отписки слушал», «чтена», «великий государь... слушав сей докладной выписи», «указал великий государь послать свою великого государя грамоту». Именно такие источниковедческие подробности дают представление о непосредственном участии царя в подавлении разинского движения, указывают на его действия и постепенное возвращение к делам.

Донской казак Зимовейской станицы Степан Разин давно уже был известен своими «самовольными» действиями. Весной 1667 года он набрал отряд и двинулся с Дона сначала к Азову, желая, несмотря на запреты

московского правительства, повоевать с крымскими и турецкими людьми. Но потом резко изменил свои намерения и из казачьей столицы, Черкасского городка, ушел вверх по Дону, чтобы выбраться на Волгу, а дальше к Яику и на Хвалынское (Каспийское) море. Посольскому приказу, где ведались дела Донского Войска, оставалось упрекать атамана Корнилия Яковлева, не воспрепятствовавшего действиям Разина. Но тот был атаманским крестником и ранее даже ходил с войсковым посольством в Москву. А теперь сам стал атаманом для своих сторонников и при их поддержке быстро превращался в хозяина низовой Волги и Яика<sup>1690</sup>.

Степан Разин и примкнувшие к нему казаки — участники недавней, завершившейся Андрусовским перемирием русско-польской войны. И. Л. Андреев обратил внимание на едва ли не главный побудительный мотив действий Разина, мстившего за своего брата Ивана Тимофеевича, казненного по приказу боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого за попытку самовольного оставления службы в 1665 году<sup>1691</sup>. «Мечь» была серьезной, Степан Тимофеевич предполагал даже совместные действия с недовольными разделом Украины кошевыми казаками Запорожской Сечи, «хохлачами», как их называли на Дону. Станица из десяти человек из разинского войска добралась до гетмана Петра Дорошенко; к совместным действиям призывал атамана и другой, изменивший царю Алексею Михайловичу гетман — Иван Брюховецкий.

Но сначала, как известно, Разин отправился в «поход за зипунами» на Каспий. Пройдя от Дона к Волге, он миновал Царицын и далее поплыл на судах вниз по Волге. Подойдя к Астрахани, обогнул хорошо укрепленный город одним из волжских притоков и добрался до Яика. Крепость была захвачена разинскими казаками, а охранявшие ее стрельцы перебиты. Яик на время стал ставкой самопровозглашенного атамана. Отправленные из Астрахани к Яику отряды правительственных войск действовали неудачно, многие служилые люди из низших приборных чинов сочувствовали казачьей вольнице и даже пополняли ее ряды. После сбора сил на Яике Разин вдруг исчез из виду. Запомним, что уже тогда ходили разговоры о некой «красивой и знатной татарской деве», принесенной Разиным на удачу будущего похода «водяному богу Ивану Гориновичу, которому подвластна река Яик»<sup>1692</sup>.

Действия в начале войны Степана Разина многократно описаны и хорошо известны. Оказавшись на Волге, разоряя встречавшиеся струги и торговые караваны между Царицыном и Астраханью, Разин как будто демонстрировал свою силу кровному врагу — главе Приказа Казанского

дворца боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукому. Так же неожиданно, как он ушел на Яик, Разин возвратился из каспийского похода в середине августа 1669 года. Объяснить какой-то логикой многие действия его воинства трудно. Важным предлогом, поднимавшим казаков в поход, была скудость жалованья и запасов в Донском Войске, но еще более сильным мотивом для казаков была «справедливость», как ее понимал Разин. И он начал свою войну, чтобы у него появились свое воинство и своя слава.

Посольский приказ и после ухода отряда Степана Разина в Персию не упускал его из виду. Распоряжением от 3 сентября 1668 года специально послали на Дон — провести «тайным обычаем» проезд из Черкасского городка к Москве царского посла в Турцию Афанасия Нестерова «и про воровских казаков, про Стеньку Разина с товарищи, есть ли про них ведомость, где они ныне»<sup>[693]</sup>. Приказу пришлось противодействовать разинским казакам, грозившим испортить отношения с «Кизылбашами» (Персией). Все это было неприятно для московского правительства, но пока действия Степана Разина относились к далекой окраине и не угрожали непосредственно спокойствию центральных уездов, они еще не стали поводом к общей мобилизации<sup>[694]</sup>.

Начало разинской войны совпало с трауром при дворе царя Алексея Михайловича, когда все дела были остановлены. Возможно, в Москве считали, что уже сделано достаточно после назначения новых астраханских воевод в июле 1667 года: боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского, его брата стольника князя Михаила Семеновича Прозоровского и стольника князя Семена Ивановича Львова. Как будто предчувствуя свою будущую несчастную судьбу, воеводы долго собирались на службу, зимовали в Самаре и оказались в Астрахани только летом следующего, 1668 года. Для лучшего устройства обороны низовий Волги в конце мая — начале июня 1669 года сюда был направлен построенный в Дединове на Оке корабль «Орел». Вместо купеческих товаров он повез пушки, мушкеты, иноземных корабельных мастеров, офицеров и других ратных людей. И, как оказалось, вовремя: едва новый корабль успел прийти в Астрахань, казаки Разина вернулись из похода. Корабль «Орел» и казачья флотилия, состоявшая из целой полусотни «длинных гребных судов», даже успели отсалютовать друг другу по случаю прощения царем Алексеем Михайловичем донских казаков.

На самом деле «милостивая» грамота царя Алексея Михайловича была составлена еще до персидского похода казаков «за зипунами». При первых

известиях о возвращении Разина ее разыскали и выдали отправлявшемуся в поход против донских казаков воеводе князю Львову. У того была возможность использовать войско из нескольких тысяч человек для решительного удара по ватаге Разина, но он предпочел обычную тактику замирения с казачьими атаманами в случае их добровольного возвращения на Дон. Охранявшие свою добычу казаки не были готовы воевать с царскими войсками, поэтому Степан Тимофеевич картинно принес повинную царю, когда воевода князь Семен Иванович Львов передал ему предложение о царской милости. Рассказ об этом сохранился в записках голландского офицера на русской службе Людвига Фабрициуса, захваченного впоследствии в плен разницами и многое знавшего со слов участников тех событий. Он описал, как Степан Разин «взял царскую грамоту, поцеловал ее и положил за пазуху». Донской атаман лично явился с повинной и внешне покорился царскому воеводе в Астрахани боярину князю Ивану Семеновичу Прозоровскому, сложив перед ним «бунчук» — знак своей атаманской власти, обычно стоявший в центре войскового круга, где казаки решали все важные дела.

Поверил, на свою беду, в это раскаяние и первый астраханский воевода боярин князь Прозоровский, «убежденный», как говорили, щедрыми подарками Разина и его «товарищей», явившихся на прием к воеводе в «драгоценных одеждах» и шапках, украшенных жемчугом. Один из иноземных очевидцев из команды корабля «Орел» видел этот прием у воеводы своими глазами и написал о Разине: «Ему лет сорок; своими разбоями и бесчинством он довольно известен и внушает страх. Что еще должно произойти, покажет нам время». Упорно ходили слухи о какой-то немыслимо дорогой шубе, подаренной Разиным главному астраханскому воеводе и боярину. Даже когда Разин будет пленен и доставлен в Москву, первый вопрос царя Алексея Михайловича, переданный боярам в собственноручно написанных им статьях для допроса, будет о князе Иване Прозоровском и об этой «шубе»<sup>[695]</sup>.

В сентябре 1669 года Степана Разина и его казаков отпустили из Астрахани на Дон в сопровождении астраханских стрельцов. Но уже по дороге к Царицыну грозный атаман взбунтовался. Он отобрал у сопровождавшего его стрелецкого сотника отправленные в Москву грамоты, разорвал и пометал их в воду. От показной покорности не осталось и следа. Разин снова повел себя как хозяин и вершитель судеб всех, кто попадался ему на пути. Казаки грабили по дороге купцов, «лаяли матерны» встреченных в дороге московских стрельцов. Оказавшись в Царицыне, Степан Тимофеевич еще раз перед уходом на зиму на Дон



напомнил о себе: «воеводу Андрея Унковского бранил и за бороду драл, и в приказной избе хотел дверь высечь, и ево, Андрея, зарезать». Помогло, наверное, то, что ранее воевода, побоявшись вступить в бой с казаками, пропустил разинский отряд мимо Царицына (как известно, именно там Волга и Дон ближе всего подходят друг к другу, и это был традиционный путь донских казаков, желавших попасть на «Низ»). По приказу Разина в Царицыне сбили замки у тюрем и выпустили тюремных сидельцев, всех их подговаривали уходить на Дон. Во всем этом видны уже черты будущего разинского выступления против изменников-бояр, к чему Разин тайно призывал еще в Астрахани. Хотя посланцы Разина, станичный атаман Лазарь Тимофеев и есаул Михаил Ярославов, отправленные «с повинной» из Астрахани, добрались до Москвы и даже получили прощение своих вин, «что они будучи на Волге и на море воровали».

В конце 1669-го — начале 1670 года атаман был уже на Дону, куда пришел из персидского похода в сопровождении полутора тысяч казаков, привезших с собой богатые трофеи и полон. Он зимовал в Кагальнике, куда «подсылкою», то есть тайно, «увез из войска жену свою»<sup>[696]</sup>. Разин был овеян ореолом славы, преувеличенные рассказы о его подвигах возвращали казаков к другим временам их полной вольности. Если под управлением войсковых атаманов Корнилия Яковлева и Михаила Самарянина Войско Донское страдало от недостатка царского жалованья, то Степан Тимофеевич показал Дону совсем другой путь, достойный храбрецов, добивавшихся всего своей саблей. В донских куренях пересказывали истории о разбитом персидском флоте во главе с Мамед-ханом; может быть, уже тогда стала известна и судьба захваченной персидской княжны (той самой, из песни «Из-за острова на стрежень...»).

Кроме записок Людвиг Фабрициуса, сюжет об искупительной жертве атамана реке (на этот раз Волге) содержится в записках корабельщика («парусного мастера») Яна Стрейса. Он входил в команду корабля «Орел» и оставил живописный рассказ о «персидской княжне», брошенной за борт атаманского струга в Астрахани, уверяя, что сам был свидетелем происшествия: «Придя в неистовство и запьянев, он (Разин. — В. К.) совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тьфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну, хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и



другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришлась ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя»<sup>[697]</sup>.

Дон снова вспыхнул огромным «палом», как сухая степная трава после зимы, когда в Войске Донском были получены известия о смерти царевича Алексея Алексеевича. Разин увидел удобный повод обвинить в этом царских бояр и начать свою войну. В Посольском приказе ошиблись, предполагая, что возвратившийся на Дон атаман собирается «идти в Запороги» или станет воевать за власть с атаманами Войска Донского. Пройдя по Волге и Яику, Степан Разин почувствовал свою силу, увидел, как в разных местах с сочувствием встречались его призывы к бунту. С самого начала он сделал ставку на «голутвенное» казачество, а не на «сторожилых домовных казаков». Правда, о «мысли» Степана Разина мало кто ведал, и, как сообщал царицынский воевода Андрей Унковский в московский приказ 20 ноября 1669 года, «никоторыми де мерами у них, воровских казаков, доведатца не мочно». Но и без того было понятно, что должно было произойти что-то очень серьезное: казаки говорили повсюду, «что на весну однолично Стенька Разин пойдет на воровство».

И вот в самое трудное время царя Алексея Михайловича, после смерти царевича Алексея Алексеевича, надо было решать, что делать с новой угрозой. По царскому указу главе Казанского приказа боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукому не позднее 23 января 1670 года было велено «с астраханских и с терских и с царицынских отписок списки и изыных отписок выписки, учинить о воровстве Стеньки Разина...». Часть текста документа оказалась утрачена, но смысл распоряжения понятен и вполне раскрывается дальше. Требовалось собрать сведения в одном приказе — Казанского дворца и переслать их «для ведома» в другой — Посольский. А уже оттуда «писать о воровстве Стеньки Разина с товарыщи на Дон к донским казакам». Дьяк Приказа Казанского дворца Петр Самойлов хорошо выполнил свое дело и собрал самый подробный из существующих до сих пор свод сведений о начале действий Степана Разина на Волге и Каспийском море. По получении «выписи» за «дьячею приписью» в Посольском приказе ее рассмотрели и подписали на присланной в сопровождении приказной памяти: «Принять и выписать тотчас про Стеньку Разина и, что пристойно, писать на Дон к казакам». То есть перед нами типично «бюрократический» ответ, когда два ведомства с помощью пересылки бумаг пытаются противостоять угрозе «воровских»

действий. Последствия такого административного ступора не замедлили сказаться.

Выступление на Дону весной 1670 года началось с убийства жильца Герасима Евдокимова, привезшего из Посольского приказа грамоту Войску Донскому. В войсковом кругу Разин сначала допытывался у жильца, «от кого он поехал, от великого государя или бояр», потом назвал «лазутчиком», стал его «бранить и бить» и, «бив до полусмерти, посадил в воду, в Дон реку» (в миссию жильца Григория Овдокимова действительно входил сбор сведений о действиях Разина). Атаману Корнилию Яковлеву, пытавшемуся вступить за гонца, привозившего «милостивую грамоту» на Дон, новый атаман Степан Разин грозил «таким же смертным убийством», говоря: «Ты де владей своим войском, а я владею своим войском». Послушная воле московского правительства старшина все видела, но ничего не могла поделать; казаки Разина вышли из повиновения общего войскового круга и все дела стали решать в своем «кругу».

О чем говорили между собой казаки Степана Разина, вскоре стало известно со слов тамбовского воеводы Якова Тимофеевича Хитрово, приславшего свою отписку в Разрядный приказ 24 мая 1670 года. Он очень удачно отправил «для проводывания вестей» тамбовского площадного подьячего Данилу Михайлова «на усть реки Хопра в Букановский городок». Поездка эта не могла вызвать подозрения, так как отец Данилы был священником в Букановском городке, он и рассказал сыну со слов одного из своих духовных детей, хоперского казака Костьки Косого, о том, что делалось у казаков. Оказывается, к этому времени четыре тысячи разинских казаков пришли к Паншину городку (оттуда было уже совсем недалеко до Царицына), «а сверху де Доном безпрестани к нему идут казаки и иные беглые люди». Но самое важное свидетельство в этом рассказе — о планах казаков, которые обсуждались в «круге», состоявшемся «у Стеньки Разина» в Черкасском: «...и ясоулы де докладывали в кругу, что под Озов ли итить, и козаки де в кругу про то все умолчали. А в другой де докладывали — на Русь ли им на бояр иттить, и они де «любо» молвили небольшие люди. А в третьей де докладывали, что итить на Волгу, и они де про Волгу завопили...»

Тогда же, в мае 1670 года, «под Паншиным городком на берегу с нагайской стороны» состоялся еще один казачий «круг», где атаман и казаки выбирали, каким путем идти «на Русь», то есть на Москву. В Разрядном приказе допросили одного из свидетелей, плененного атаманом Василием Усом, «товарищем» Степана Разина, курского священника Никифора Иванова. Он ездил на Дон для сбора милостыни и был задержан

и отвезен в Паншин городок «после Николина дни Вешняго» (9 мая), где его держали «за караулом у знамяни». Вскоре состоялся «круг» сторонников Разина, выбиравший, куда им идти дальше: «Любо ль де им всем итти з Дону на Волгу, а с Волги ийти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывести изменников бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей?»

В расспросных речах курского попа (редкий случай!) передана и прямая речь Степана Разина. О чем же он говорил и что так поражало присутствовавших в «кругу» казаков? Оказывается, о череде смертей в семье царя Алексея Михайловича, обвиняя в этом ненавистных бояр: «Когда де то бывало, что на Москве царицы Марии Ильиничны, царевичей Алексея Алексеевича и Симеона Алексеевича не стало вскоре? И им бы де всем постоять и изменников из Московского государства вывести и чорным людям дать свободу». И дальше «Стенька и казаки все в кругу говорили» о московских боярах, кто «не добр» к донским казакам или, напротив, «добр». Первым названо было имя кровного врага Разина боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, а также других ближних царских советников — князя Никиты Ивановича Одоевского, думного дьяка Дементия Башмакова и стрелецкого головы Артамона Матвеева. Удивительно, но даже казаки на Дону знали, кто в Московском царстве «силен» и представляет собой настоящую власть. «Добрыми» к казакам оказались бояре князь Иван Алексеевич Воротынский и князь Григорий Сунчалеевич Черкасский: «Как де они бывают на Москве в станицах, и их де они кормят и поят».

Не зря среди казаков пошли разговоры о подозрительных смертях царицы и царевичей, в чем Разин обвинял царских бояр. Именно бояре (хотя и не все) стали главными врагами атамана и его «голутвенного» войска, мечтавшего о казачьей воле и «свободе» для податных чинов, «чорных людей», противопоставленных царским приказным. «Итить де мне Волгою з бояры повидатца», — грозил Разин<sup>[698]</sup>. Так начался небывалый ранее поход донских казаков «на бояр», чего больше всего желал сам Степан Разин.

В ответ 28 мая 1670 года по разным городам, территориально подчинявшимся Разрядному приказу, Приказу Казанского дворца, Приказу Большого дворца и Новгородскому приказу, были разосланы грамоты, обличавшие действия «воровских казаков». По сути это означало объявление войны с внутренними мятежниками. Для Разина не жалели бранных слов, обвиняя его в вероотступничестве, «многих пакостях», учиненных на Волге торговым людям, в ссоре с иранским шахом.

Вспоминали, что в Астрахани казаки признали свои вины и были отпущены на Дон. Многие объясняет ссылка на приезд к царю Алексею Михайловичу «ото всех прямых казаков» войскового атамана Михаила Самарянина. Его рассказ о действиях разинских казаков показал серьезность возникшего мятежа и заставил царских бояр действовать более решительно. По словам войскового атамана, «вор Стенька Разин, забыв страх Божий, отступил от святыне соборные и апостольские церкви и про Спасителя нашего Иисуса Христа говорит всякие хульные слова. И нам, великому государю, и всему Московскому государству изменил. И церковей Божиих на Дону ставить и никакова пения петь не велит и священников з Дону збивает и велит венчатца около вербы. И пошел на Волгу и на море для своего воровства, и старых донских казаков, самых добрых людей, переграбил, и многих до смерти побил и в воду посажал»<sup>[699]</sup>.

Трудно отделить здесь правду от вымысла. В Москве должны были понять, что через одних лояльных атаманов и казаков Войска Донского с разинским движением не справиться. Надо было принимать более решительные меры, поэтому сразу запретили торговлю с Доном и снабжение мятежных казаков через Воронеж и другие ближайшие города (Усмань, Козлов, Чугуев, Коротояк), «покаместа от ево Стенькина воровства Дон очиститца». Конечно, в условиях скудости и разорения на Дону (что и было одной из причин мятежа) такую меру дальновидной назвать трудно. Но в Москве думали о защите уездов, граничивших с территорией Донского Войска, и о том, как помешать возможному объединению донских казаков и «черкас». Показательна отсылка в первую очередь грамоты в Белгород к полковому воеводе боярину князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому. Он тоже должен был собрать всех людей и прочесть им «вслух» грамоту о Стеньке Разине. Уже 1–2 июня «по вестям з Дону» из Москвы на Воронеж, Коротояк и Тамбов были посланы начальные люди солдатских выборных полков — Первого и Второго и московские стрельцы.

Но, поставив заслон казакам по рекам Дон и Хопер, совершенно не учли возможность другого развития событий. Степан Разин со своими казаками, вопреки прежним обещаниям, вернулся на Волгу, где и развернулись основные события начавшейся войны. Посылку солдат в Тамбов пришлось отменить и срочно перенаправить ратных людей Первого и Второго выборных полков в войско кравчего и воеводы князя Петра Семеновича Урусова, посланного для службы «на Низу» против мятежных казаков указом 22 июня 1670 года. Царь Алексей Михайлович в это время уже прямо участвовал в делах: кроме назначения своего кравчего в главные

полковые воеводы, он сам определил Саранск как одно из мест сбора московских чинов и городских служилых людей, назначенных в полк князя Урусова<sup>{700}</sup>. В дальнейшем местом пребывания полка стала Казань.

Но в Москве все время опаздывали и не имели возможности сразу же организовать необходимый отпор бунту. Показательно, что 22 июня, в тот самый день, когда назначали главнокомандующего князя Урусова, на Волге уже завершилось главное сражение разинских войск, захвативших Астрахань. Чуть больше месяца понадобилось Степану Разину, чтобы в середине мая 1670 года выйти на Волгу и взять сначала Царицын, где был убит воевода Тимофей Тургенев, а потом Черный Яр. Встреченные под этим городом войска, присланные из Астрахани, перешли на сторону разинцев. Тогда состоялась новая встреча Степана Разина с возглавлявшим астраханский отряд воеводой князем Семеном Львовым. У донского атамана были свои представления о справедливости: памятуя о прежнем времени, когда князь Львов принимал повинную разинцев, он оставил в живых царского воеводу, в отличие от офицеров, полностью перебитых их бывшими подчиненными.

Астрахань, несмотря на приготовления остававшихся в городе воевод, продержалась только два дня. Штурм города разницами был поддержан изнутри астраханскими стрельцами, столица волжского «Низа» оказалась в руках восставших. Город был отдан на разграбление, и первыми бросились рвать и сжигать документы Астраханской приказной палаты, где хранились все крепости и кабалы. Представление об этом дают восхищенные слова астраханского стрельца Фирса Андреева о своем атамане Степане Разине: «Батько, де... не только в Астрахани в приказной полате дела велел драть, и вверху де у государя дела все передерет»<sup>{701}</sup>. Разин выполнил свое мрачное обещание «бояр выводить»: главного астраханского воеводу — боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского бросили «с роскату», убили и его брата, второго воеводу стольника князя Михаила Семеновича Прозоровского. Астрахань надолго, до конца 1671 года, останется в руках казачьих атаманов, а сам город на какое-то время станет осуществлением казачьего идеала жизни по своей «воле».

Сам «Батько» только месяц пробыл в Астрахани и двинулся оттуда в свой главный поход вверх по Волге 20 июля 1670 года. Казаки, стрельцы, «охочие люди» и другая «голутва» погрузились на корабли — бусы, будары и струги и пошли «на изменников-бояр» в Москву. Возможно, именно тогда разинские казаки придумали песню, слышанную еще одним из первых исследователей разинского бунта Николаем Ивановичем Костомаровым:

«Мы не воры, не разбойнички, / Стеньки Разина мы работнички...» В казачьей флотилии шли две особо нарядные бусы. В одной из них, как говорили, находился царевич Алексей Алексеевич (вот и знакомое самозванство!). Хотя, в отличие от участников многих других выступлений и смут, казаки Разина напрямую не использовали самозванства для прикрытия своих целей. Но отсутствие до поры самозванцев могло заменяться рассказами о присутствии в войске царевича Алексея. Его роль, как предполагают, выпало исполнить захваченному в плен кабардинскому князю Андрею, сыну князя Камбулата Пшимаховича Черкасского. В другой везли... «патриарха Никона». И не беда, что донские казаки, добравшиеся до Ферапонтова и Белоозера, так и не сумели заручиться поддержкой опального патриарха. Царь Алексей Михайлович воспринимал очень серьезно возможные связи разинцев с князьями Черкасскими и Никоном. В собственноручно составленных царем десяти «пунктах» к допросу Разина ровно половина касалась выяснения причин особых связей разинцев с терскими князьями, а возможно, и с князем Григорием Сунчалеевичем Черкасским в Москве. Царь хотел, чтобы бояре выяснили у Разина, для чего он Черкасского «вичил» (то есть называл по отчеству), «по какой от него к себе милости». О Никоне и низложивших его вселенских патриархах царь тоже хотел многое выяснить, тем более что какую-то грамоту «за Никонову печатью» царю присылали «из-за рубежа», где хотели подчеркнуть связь «дела Никона» с выступлением разинцев. Царь спрашивал: «За что Никона хвалил, а нынешнева бесчестил», «за что вселенских хотел побить, что они по правде извергли Никона, и што он к ним приказывал...»<sup>{702}</sup>

Но все это будет потом, а пока летом 1670 года Степан Разин находился в зените своей разбойничьей славы на Волге. Только одно его имя открывало затворенные крепости волжских городов. Обезопасив свой тыл в Астрахани, обеспечив войско людьми и припасами, разинцы вернулись к Царицыну и снова на своих «кругах» решали, как действовать дальше. Атаман спрашивал их: «Куда де им в Русь итить лутше, Волгою или рекою Доном?» Казаки могли возвратиться на Дон и далее пойти к Воронежу, но для них «Дон река коренная», и они опасались «запустошить украинные городы, которые к Дону блиско». Можно было пройти Доном и Хопром к Тамбову и Козлову, но здесь, в «многолюдных городах», их встретило бы умевшее хорошо воевать дворянское ополчение, привыкшее защищать засечную черту от набегов крымцев. И действительно, там уже был поставлен оборонительный заслон из правительственных войск. Отказались казаки и от совсем отчаянного варианта идти степью. Поэтому



на войсковом «кругу» решили, что основные силы продолжат начатый поход вверх по Волге, где еще находилось немало городов с немногочисленной царской администрацией и гарнизонами, сочувствовавшими разинцам.

Казачье счастье разинских «работничков» сломалось под Симбирском. Симбирский воевода окольный Иван Богданович Милославский, видимо, уже знавший о несчастной судьбе воевод Астрахани и Царицына, твердо решил защищать город: «И подле городовых стен укрепил крепости; уклад де мешками з землею и с солью и с мукою и, укрепя, сказал: хотя де помереть, а вору не здатца». Кроме того, за спиной окольного стояло сильное войско, собиравшееся в Казани во главе с князем Петром Семеновичем Урусовым. Подмога оттуда пришла как раз накануне подхода разинцев к городу. Отряд окольного князя Юрия Никитича Барятинского оказался в Симбирске 31 августа, а с 4 сентября начались продолжавшиеся больше месяца бои с войском Степана Разина<sup>{703}</sup>.

В это время в Москве уже получили известие о захвате Астрахани и стали действовать целенаправленно и настойчиво, мобилизуя все возможные ресурсы и понимая, какими последствиями грозил переход низовьев Волги под контроль бунтовщиков. Из-за походов Разина рушились связи с Персией и Кавказом, не говоря уже об общем расстройстве дел. 1 августа 1670 года на Постельном крыльце был объявлен указ царя Алексея Михайловича. Обращаясь к членам Государева двора («Стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, и всяких чинов люди!»), рассказывали о начале «воровства» донского казака Стеньки Разина с «прошлого 177 года». В «сказке» двору стремились показать, что Разин — вышедший из повиновения изменник и вероотступник, бывший и грабивший «прямых старых донских казаков», а также «приказных и торговых людей» на Волге. Особое негодование вызывал рассказ о гибели царского посланца на Дон и о начале действий Разина. Тут слышна речь не Тишайшего, а Грозного царя, адресованная самому атаману:

«И нам, великому государю, и всему Московскому государству изменил, и принял к себе в помощь сатану, и, прибрав к себе таких же воров, пришол воровски на Дон в Черкасской город, и жильца Гарасима Овдокимова убил и в воду вкинул, и старых донских казаков, которые нам великому государю служили, многих побил же и в воду пометал. И пошел на Волгу для своего воровства по-прежнему мимо Царицына».

Служилые люди Государева двора узнали и страшное известие о падении Астрахани. В речи на Постельном крыльце подчеркивалась измена астраханских стрельцов, впустивших в город Разина, по чьему «веленью» и



был убит боярин и воевода князь Иван Семенович Прозоровский, брошенный «с роскату»...

### **«И да погибнет память их...»**

Правительство царя Алексея Михайловича поднимало служилых людей двора в крестовый поход против Степана Разина. Царь по-особому относился к своему долгу, самые серьезные решения должны были подтверждаться свыше. 1 августа — отнюдь не случайная дата, на нее приходился большой церковный праздник — Происхождение Честных древ Животворящего Креста Господня с пением молитвы: «Спаси, Господи, люди Твоя», содержащей слова о даровании «победы на супостаты». И в объявлении о походе против Разина царь велел сказать, что «Московское государство во жребии и во обороне Пресвятые Владычицы наша Богородицы и всегда над всякими неприятели победу приемлет по Господе Бозе молитвами Ея. А ныне мы, великий государь, и все Московское государство в той надежде, и по Господе Бозе надежду имеем на руководительницу и помощницу Пресвятую Богородицу». Обычно в контексте изучения социального протеста, связанного с именем Степана Разина, богословская часть не принимается во внимание. Между тем обоснование войны не состояло из одних ритуальных слов, а отвечало самым глубоким чувствам царя Алексея Михайловича, искренне видевшего в войне с Разиным еще и битву за веру и призывавшего двор послужить «за свои прародительские чести». Служилых людей звали ехать в Москву «тотчас, безсрочно, не мешкав в домех своих, без всякие лености», чтобы «нам, великому государю, за наше великого государя здоровье, и за все Московское государство, и за свои дома служили со всяким усердием».

1 августа в поход против Стеньки Разина были назначены его главный враг — боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий, в товарищах, вторым воеводой, — стольник и воевода князь Константин Осипович Щербатов и «для полковых дел» — дьяк Иван Михайлов. Дела в Казанском приказе, куда продолжали приходить донесения о боях с разницами в низовьях Волги, остался ведать другой боярин, князь Яков Никитич Одоевский. Особенно тревожно стало в Москве в двадцатых числах августа, когда в столицу добрался астраханский сын боярский Гаврила Епишев, сообщивший новые подробности взятия и разорения Астрахани. Немедленно были посланы памяти из Приказа Казанского дворца в Земский приказ известить обо всем жителей Москвы. По царскому указу

следовало «в Земском приказе объявить Стеньки Разина с товарищи измену и воровство черных сотен сотцким и старостам и посацким и иным всяким людям, которые ведомы в Земском приказе». Подчеркивая действия Разина как «торговых промыслов разорителя и грабителя», призывали посадских людей Москвы учинить «вспоможенье на жалованья ратным людям ис своих пожитков».

Отсчет времени до выступления главного войска пошел буквально на часы. 25 августа, «в восьмом часу дни» (редкий случай, когда указано точное время дня), был сказан «указ великого государя ратным людям» на Постельном крыльце. В нем содержалась ссылка на рассказ астраханца Гаврилы Епишева и опять объявлялось о немедленной отправке членов Государева двора на службу в полк боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого на Алатырь «со всею службою и з запасы... без мотчанья». Царь Алексей Михайлович распоряжался сам и велел «доложить себя, великого государя», о всех передвижениях войска. 26 августа грамоты о высылке служилых людей московских и других чинов, отсутствовавших в Москве, были отправлены в города из Разрядного приказа. 28 августа боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий был «у руки», где получил назначение быть «на службе с полком на Алатыре против вора и богоотступника и изменника донского казака Стеньки Разина».

В отосланном 18 сентября наказе из Разрядного приказа говорилось, что царь Алексей Михайлович «то свое государево и земское дело положил на нем, боярине и воеводе на князе Юрье Алексеевиче». Формула наказа о «государевом и земском деле», совпадавшая с вопросами, выносившимися на обсуждение земских соборов, показывала, какое значение придавалось войне с Разиным. Наказ о сборе в поход напоминал еще о прежних временах, когда основой армии была поместная дворянская конница: именно ей отдали преимущество, надеясь на дворянскую честь и службу. В отличие от регулярной армии, такому войску не надо было ничего платить, оно обязано было являться на службу по первому требованию с тем вооружением и теми людьми, какие были записаны в разборные десятины.

Сбор служилых людей в полк боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого (сменившего прежнего командующего кравчего князя Петра Семеновича Урусова) сопровождался такими трудностями, что потребовалось вмешательство царя Алексея Михайловича. По царскому указу в города и уезды были отосланы специальные «выбойщики» с царскими грамотами с прикрепленными «отворчатými печатями». Грамоты выдавались «для страху», чтобы произвести должное впечатление на медлящих с выходом на службу дворян. 23 сентября царь приказал главе

Казанского дворца боярину князю Якову Никитичу Одоевскому еще немного «посрочить царедворцом к смотру» и провести его в Москве 25 сентября, при этом объявить о царском смотре московских чинов: «сказать им, что нынешняго ж месяца 30-е число изволит их смотреть великий государь». Именно участие царя в смотре должно было скорее мобилизовать для похода служилых людей.

22—23 сентября 1670 года в Москве начались первые публичные казни захваченных в плен разинцев, которых присылали воеводы для расспроса о «вестях». Царь стремился получить полные сведения о том, что происходит на театре военных действий, но пока ему это не удавалось. Поэтому главному воеводе князю Долгорукому (а еще князю Ромодановскому в Белгороде) было передано царское распоряжение, «чтоб присылал с прямыми вестями, смотря по человеку, которые бы бес прибавки сказывали, а не всяких вестовщиков». Царские интонации слышны в разъяснении этого указа боярину: «От прилагательных вестей многой плевел бывает». Первой жертвой ответного правительственного террора по отношению к восставшим стал совсем не донской казак, а крестьянин Сергей Иванов из тульской вотчины князя Ивана Андреевича Голицына. Случайно оказавшись в Паншине городке именно в то время, когда туда в мае 1670 года пришел Степан Разин, крестьянский сын был взят донцами с собой в поход на Царицын; всего их насчитывалось в то время две тысячи «донских прямых человек и гулятьев». Показаченный крестьянин ходил с разницами к Астрахани и снова вернулся к Царицыну, откуда его послали с одним из атаманов Федькой Шадром в поход на Острогожск, снабдив «прелестными письмами» и приказом, «чтоб пришед на Украину и к Москве, людей взбунтовать». Расспросные речи Сергея Иванова помогли немного узнать о планах Разина (если призыв расправляться с боярами можно назвать «планом»): «А вор де Стенька с воровскими казаками остался на Волге и Волгою хотел итти до Москвы, а пришед де к Москве, побить всех бояр». Про дальнейшие действия Разина примкнувший к казакам «гулятьям» ничего не знал, говоря, что был вместе с разницами «поневоле». Тем более что и своим товарищам, «прямым донским казакам», «вор де Стенька мысли своей... ведать не дает».

Слова тульского крестьянина подтверждались и «прелестным письмом», присланным в Москву из Белгорода воеводой боярином князем Григорием Григорьевичем Ромодановским 18 сентября 1670 года вместе с известием об освобождении Острогожска. На грамоте о доставке известия сохранилась помета: «Великий государь сей отписки слушал и бояром чтена». Скорее всего, читали при этом и «прелестное письмо»,

представляющее программу восставших: «Грамота от Степана Тимофеевича от Разина. Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни. Кто хочет Богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичи), и я выслал казаков, и вам бы заодно изменников вывадить и мирских кравапивцев вывадить. И мои казаки како промысл станут чинить и вам бы итить к ним в совет, и кабальный и апальный шли бы в полк к моим казакам».

Царь и бояре ответили на этот призыв жестокими казнями, разослав указы вешать и «вершить» участников разинского движения. Тот же «казак» Сергей Иванов был казнен в присутствии многих людей «на Болоте» 23 сентября: ему отсекали руки и ноги и повесили тело. В своих статьях от 23 сентября царь требовал от думного дьяка Семена Титова, ведавшего Разрядным приказом, послать грамоту белгородскому воеводе, «чтоб острогожских самых пущих воров и заводчиков, а в начале Дзиньковского с товарищи, велел вершить тотчас таким же обрасцом, как и вчерашняго числа вершен на Москве казак воровской» (князь Ромодановский казнил полковника Ивана Дзиньковского, не дожидаясь царской грамоты). Каждая из таких расправ должна была стать устрашением для восставших: «А для знаку в Острогожском и, с которой реки пришли, на берегу и около города человек 8 или 10 велел вершить, и в Ольшанском 3-х или 4-х, а достальных по городом, где шатались».

24 сентября была составлена грамота патриарха Иоасафа в те города, где развернулась разинская война. Патриарх обращался в первую очередь к «духовному чину» «и всяким служилым и жилецким людем всякого чина и возраста, всем православным Христианом», чтобы они сохраняли верность царю. Действия Стеньки Разина объявлялись «дьявольскими»: «И иже изниче ис пещеры аспидския вор и изменник, крестопреступник казак донской Стенька Разин с подобными ему таковыми ж проклятыми с товарищи своими». Патриарх Иоасаф просил, чтобы всюду «ратных и жилецких людем всякого чина и возраста» укрепляли в верности царю и «поучали от божественного писания прилежно почесту». В этот момент как у царя, так и у патриарха была одна задача: удержать людей от «шатости» и «прелести вора изменника Стеньки Разина с товарищи». Уже в этом послании патриарха Иоасафа слышно будущее анафемствование Степану Разину, как «врагу креста Христова»: «И да погибнет память их от земли»<sup>{704}</sup>.

Исход войны решился там же, где она начиналась, — на Волге. Глава «понизового» полка князь Урусов не спешил покидать ставку в Казани и упускать победу над Разиным из своих рук. Он продолжал распоряжаться

собранными там войсками, пока главный полк боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого был на пути к Арзамасу. Утверждался новый порядок управления царскими войсками. 15 сентября 1670 года из Казани, «с устья» реки Казанки (левый приток Волги), во второй раз отправился «для выручки Симбирска» отряд «конных и пеших» ратных людей во главе с окольным князем Юрием Никитичем Барятинским. Он должен был спасти симбирского воеводу окольного Ивана Богдановича Милославского, окруженного разницами «в Малом городке», или Рубленом городе. Казаки воевали умело, используя привычную для них тактику взятия крепостей, подсмотренную когда-то у врага во времена знаменитого «Азовского сидения» донских казаков. Степан Разин приказал насыпать к крепости внешний вал из дров, чтобы можно было с высоты штурмовать укрепления и попытаться зажечь их.

1 октября войско князя Барятинского оказалось на реке Свияге, недалеко от Симбирска. Ему противостояло другое «войско», где рядом с донскими казаками были крестьяне, посадские, стрельцы и затынщики — вся поверившая Разину и ушедшая за ним в поход гольтьба из Астрахани, Царицына, Саратова, Самары и Симбирска. Среди атаковавших полк князя Барятинского упоминаются и жители Симбирской засечной черты: «И вор де Стенька Разин, собрався с ворами з донскими казаками, и с астраханскими, и с царицынскими, и с саратовскими, и с самарскими ворами, и с-ызменники с симбирскими, и по черте изо всех городов с ворами из розных городов, с татары и с чувашею и с черемисы и с мордвою, с великими силами почел на него наступать». Царский воевода, построив ратных людей, принял бой: «разобрався и устроясь, против вора Стеньки Разина пошел и с ним сшелся сажень в 20-ти и учинился бой и на том бою ево, вора Стеньку, сорвали и прогнали». За строками воеводской отписки — картина важнейшего события русской истории. Прямая историческая сшибка возникшего из ниоткуда воинства, ведомого чувством протеста против несправедливости, взысканием ничем не ограниченной свободы — «воли», идущего войной против любой власти, государственного устройства и его защитников. В тот день разбойная удаль одних разбилась о чувство долга других.

Хотя воевода князь Барятинский торжествующе сообщал, что «воров побили безчисленно много», удача еще хранила атамана. В какой-то момент боя у реки Свияги Степан Разин был ранен и едва не попал в плен: «А ево, вора и крестопреступника Стеньку, самово было жива взяли, и рублен саблею, и застрелен ис пищали в ногу, и одва ушел». К нему сумел близко подобраться алатырец Семен Силин сын Степанов, но «тот де Семен над

ним, вором Стенькою, убит». Весь бой продолжался «с утра до сумерек», после чего одних пленных «языков» было взято 120 человек. Воевода оставил для расспроса «немногих людей низовых городов», а остальных велел «посечь». В трофеях от бежавшего Стенькина войска достались «4 пушки, 14 знамен, литавры». Разницы отошли и сели в Симбирском остроге, а царский воевода стал наводить мосты через реку Свиягу, чтобы пройти в «город Кремль», где уже целый месяц держал оборону с ратными людьми окольных и воевода Иван Богданович Милославский.

3 октября князь Барятинский подошел с ратными людьми к городу: «стал блиско Кремля и Синбирск выручил и от осады освободил». Пока оба воеводы, князь Барятинский и Милославский, договаривались друг с другом о совместных действиях, Разин «стоял по ту сторону города у Казанских ворот, а в остроге все воровские люди в собрание». В разинском войске насчитывалось около 20 тысяч человек, но первое же серьезное поражение от царских войск разбило их уверенность в своих силах. Ночью с 3 на 4 октября тяжело раненный накануне Разин бросил свое воинство без надежды на какую-либо поддержку. Барятинский писал торжествующе: «И на нево де вора Стеньку, пришло такое страхованье, что он в память не пришел и за 5 часов до свету побегал в суды с одними донскими казаками». Оставшееся без вождя, обманутое разинское воинство не могло оказать сопротивления царским войскам. Пехота, пущенная «на обоз Стеньки Разина и в острог», добилась долгожданной победы: «воров и изменников, которые под городом были и в остроге, побили наголову да языков взяли болыпи 500 человек». Пытавшихся спастись с поля боя и пробиться к судам, как сказано в воеводском донесении, «и тех в Волге всех потопили». Воевода князь Барятинский имел все основания написать: «А как бы де он того числа к Синбирску не поспешил, и Синбирск бы был взят»<sup>[705]</sup>.

Для Алексея Михайловича такая победа означала многое. Главный враг — вор Стенька Разин — был повержен. 12 октября 1670 года были разосланы победные грамоты о взятии Симбирска. Тогда впервые отчетливо прорвалось скрытое объяснение царского гнева, связанное с использованием казаками имени умершего царевича Алексея Алексеевича. Следом за сообщением об отступлении разинцев от Симбирска говорилось о распространении волнений на Алатырь и Арзамасский уезд, где поверили «прелестным письмам»: «Да он же, вор и богоотступник Стенька Разин, в прелесных своих письмах в города и по селам пишет к незнающим и простым людям, будта он, вор и богоотступник, идет снизу рекою Волгою с сыном нашим государевым с благоверным царевичем и великим князем

Алексеем Алексеевичем. И то он, вор и богоотступник, лжет и затевает на соблазн незнающим людям». От имени царя Алексея Михайловича в грамоте еще раз напоминали о погребении царевича в Архангельском соборе Московского Кремля «с протчими нашими государскими родителями» 18 января 1670 года. Потом эта вина, оскорблявшая отцовский траур по умершему наследнику, повторится и в главном обвинении — в приговоре, зачитанном Степану Разину перед казнью.

Начатое Разиным движение трудно было остановить, его продолжили другие «воровские» атаманы. Они разошлись с Волги в разные места, поднимая повсюду людей для осуществления, адресованной «миру» разинской программы: «бояр выводить». Все территории, так или иначе соприкасавшиеся с Войском Донским, в первую очередь стали местом боевых действий с царскими войсками. «Языки» разинской войны доходили до Макарьева Унженского монастыря в Костромской земле и Макарьева Желтоводского монастыря на Волге. Собиравшиеся в селах и волостях Нижегородского уезда «воры» хотели идти на Нижний Новгород, говоря «что де конечно Нижней им сдастся». На юго-востоке разинцы воевали близко к рязанской «украине», подходя к Шацку, где был организован еще один пункт сбора войск и куда были направлены рейтарские полки и московские и городовые дворяне. В это время в округе Шацка орудовал некий атаман Нечай, приказавший отпущенному им крестьянину «молить Бога за Нечая, царевича Алексея Алексеевича, да за патриарха Никона, да за Стеньку Разина» (перед этим казаки убили сына его помещицы). История волжского похода разинских сил тоже еще не завершилась, Астрахань оставалась в руках восставших, да и к Симбирску разинцы еще вернутся<sup>[706]</sup>.

Главный воевода боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий исполнял свое «государево и земское» дело в худших традициях гражданских войн, с помощью террора. 10 октября, когда воевода еще находился в Арзамасе, к нему были привезены «статьи» из Приказа Казанского дворца, предписывавшие «посылать посылки для промыслу на воров» в Нижегородском, Курмышском уезде, к селам Лысково и Мурашкино (бывшие нижегородские вотчины боярина Бориса Ивановича Морозова) и в Темников. В царских статьях сформулированы и цели похода: «чтоб за милостию Божиею воров от воровства унять и искоренить воровство».

Ничего не знали в Приказе Казанского дворца и о судьбе Симбирска, предлагая князю Долгорукому пока что действовать совместно со своим «товарищем» воеводой князем Юрием Никитичем Барятинским. При этом



существовало лишь самое общее представление, что тот должен был «из Казани... путь очистить». Вскоре ему это удалось: справившись с главной задачей — освобождением Симбирска от осады разинских повстанцев, Барятинский пошел дальше на соединение с войском главного воеводы князя Долгорукого. Совместными действиями с отправленным им навстречу воеводой стольником Василием Паниным князь Барятинский в декабре 1670 года освободил Алатырь, Саранск и Атемар. Уже 18 января 1671 года на смотре в Саранске царский окольный наградил служилых людей своего полка золотыми и золочеными копейками за Симбирск и последующие бои.

Можно было бы и дальше подробно рассказывать о разинском движении в Поволжье, например, вспомнить знаменитую Алену Арзамасскую. Она покинула монашеский сан и вровень с другим разинским атаманом Федором Сидоровым управляла Темниковом, воюя с царскими войсками во главе своего отряда. Существует целая летопись осады Макарьевского Желтоводского монастыря на Волге, взятого и разграбленного разницами после ряда приступов. Но все эти и другие известные сюжеты «крестьянской войны» приводили к неизбежной расправе с восставшими, розыскам и массовым казням. Около Темникова повесили даже одного священника, «молившего Бога» в соборной церкви «за бывшего Никона патриарха и за воровских казаков».

Начатый террор трудно было остановить даже после принесения повинной, приказные избы и остававшиеся на местах ратные воеводы продолжали творить свой суд. Особенно страшную картину представляли целые поля «божедомок» — небольших часовенок ниже человеческого роста в поле на Ивановских буграх в Арзамасе, где в месте пребывания ставки главнокомандующего князя Долгорукого казнили участников разинской войны. Они еще и несколько веков спустя оставались символическим напоминанием о плахах и о том, как власть расправляется со своими врагами<sup>[1707](#)</sup>.

Ратные силы под командованием главного воеводы Белгородского полка боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского также успешно воевали с разницами на юге и в Слободской Украине, вытеснив восставших обратно на Дон. Сначала разинцы сумели захватить один из форпостов в степи — Царев-Борисов, другие города на Северском Донце. Существовала большая опасность подключения к движению казаков Войска Запорожского и других «черкас», поэтому гетмана Демьяна Многогрешного просили помочь справиться с мятежным казачеством. Против разинцев, собравшихся во главе со своим атаманом Леской

Черкашенином (Алешкой Хромым), отправили воеводу полковника Григория Ивановича Касогова, и тот жесточайшим образом расправился с неповиновением царю. Среди казненных им оказались даже женщины — «названной матери» Степана Разина Матрене Говорухе отрубили голову в Цареве-Борисове, а ее родной сын и зять были повешены; расправлялись с женами и детьми восставших, приказывая их «побивать и в воду сажать». Царю пришлось даже ввести прямой запрет на казни казачьих семей<sup>{708}</sup>.

Царь Алексей Михайлович снова вынужден был брать все бразды правления в свои руки. Во время затянувшегося траура он мог откладывать многие дела, но стерпеть посягательство «воров» на царскую честь и на устои царства было нельзя. 29 января 1671 года в Передней палате состоялись встреча и прием «у руки» возвратившихся с победой воевод боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого и его «товарища» окольного князя Юрия Никитича Бярятинского. 7 февраля 1670 года князя Бярятинского пожаловали в бояре, это было первое после долгого перерыва в связи с царским трауром пополнение Думы. Прошло всего пять месяцев с того времени, как главный воевода боярин князь Долгорукий, также «у руки», прощался с царем и отправлялся в поход. Теперь и он, и остальные царские воеводы вернулись в другую страну. Не случайно прием воевод происходил сразу после свадебных торжеств и появления во дворце новой царицы Натальи Кирилловны.

Оставалось поймать ускользнувшего от царских войск в Симбирске Степана Разина. Еще 20 сентября 1670 года на Дону была получена грамота с требованием «чинить промысл над Стенькою Разиным». Но что могли сделать старые «прямые казаки»? Они разрывались между следованием главному принципу казачества — «с Дону выдачи нет» и долгом царских слуг. 4 января 1671 года от Войска Донского были отправлены в Москву посланцы атамана Корнилия Яковлева: атаман Родион Осипов и войсковой дьяк Марк Львов. «Согрешили, государь, мы холопи твои, пред Богом и пред тобою», царя «на гнев привели» — только и могли сказать они. Донских казаков в Москве встретили не так, как в прошлые времена. Царь распорядился расспросить посланников с Дона не в Посольском приказе, которому до сих пор были подчинены «донские дела», а в Приказе Казанского дворца. Именно здесь была собрана вся главная информация о разинской войне, именно оттуда отсылались распоряжения и статьи воеводам.

После расспроса Родиона Колуженина (Осипова) и Марка Львова 27 января 1671 года им была объявлена «сказка». Если кто-то и надеялся, что оставшиеся на Дону казаки не будут ни в чем обвинены, то это оказалось

не так. От царя Алексея Михайловича были переданы многие упреки — прежде всего, в опоздании с присылкой грамот и станиц, что помешало послать царских людей на Царицын и предотвратить распространение воровства: «А нынешнее кровопролитие учинилось все вашим нерадением». По таким «винам» казаки объявлялись «чюжи его государской милости и жалованья». Единственное, чем могли вернуть казаки царское расположение, — доставить в Москву братьев Степана и Фрола Разиных. То было еще одно следствие разинской войны — история вольного Дона завершалась, начиналась история казаков — государевых слуг.

12 марта 1671 года в первую неделю Великого поста — «еже нарицаетца Православная» — состоялось символичное действо «соборного» объявления анафемы Разину и его атаманам. Оно происходило «на площади у Соборных церкви за алтарями». Церковный суд шел впереди светского, ставя Разина в один ряд с Лжедмитрием, Тимошкой Анкудиновым, нераскаившимися сторонниками «старой веры» и другими врагами церкви. Если доверять официальным сведениям «Выписи» Разрядного приказа, «совет» об анафемствовании Разина предложил царю Алексею Михайловичу патриарх Иоасаф, хотя, как уже было показано, с момента объявления разинской войны это была еще и война с «врагом креста Христова». Царь Алексей Михайлович, «советуясь» с патриархом и Освященным собором, говорил, «что по многому долготерпению Божию вор Стенька от злобы своей не престал и на святую церковь воюует тайно и явно и православных христиан тщитца погубляти пуще прежнего». Свидетельствовало об этом и приехавшее донское посольство, поэтому царь «тому вору болыпи того терпеть не изволяет». Патриарх Иоасаф и члены Освященного собора, «яко едиными усты соборне того Стеньку и единомышленников ево проклята и от церкви отгнаша, чего они сами восхотели». В тексте анафемы, включенном в монастырские и церковные синодики, содержалось еще упоминание об «обругании» Разиным имени царевича Алексея Алексеевича. Теперь каждый год церковь должна была проклинать зачинателя братоубийственной войны: «на все государство Московское зломысленник, враг и крестопреступник, разбойник, душегубец, человекоубивец, кровопиец, новый вор и изменник донский козак Стенька Разин»<sup>{709}</sup>.

14 апреля 1671 года разбойничье счастье окончательно оставило атамана. В этот день, после недолгих боев, он был вынужден сдаться в Кагальнике другим донским казакам, сохранявшим присягу царю Алексею Михайловичу. В правительственной версии событий подчеркивалось, что

Разина поймали его бывшие единомышленники. Но это было только общее обвинение всем донским казакам, потерявшим царское расположение: «... на Дону изыман и связан узами железными от донских казаков, которые обратились от злб своих и по своему челобитью и прошению получили от Господа Бога милость и от великого государя отпущение вин своих». Казаки привезли Разина в Черкасский городок в пятницу предпоследней недели Великого поста, а уже после Пасхи, во вторник на Светлой неделе — 25 апреля, тронулись в путь в Москву, чтобы самим передать закованного в железные кандалы предводителя бунтовщиков царю Алексею Михайловичу.

Для этого снарядили целое посольство — 76 человек, поехавших в Москву вместе с прежним донским атаманом Корнилой Яковлевым и охранявших важных пленников. С собою они везли отписку нового атамана Войска Донского Логина Семенова «и всего Войска», поданную в Приказ Казанского дворца. В ней царя Алексея Михайловича извещали, как по царскому указу и грамоте «ходили мы, холопи твои, всем войском вверх по Дону до Кагальника городка для вора и изменника Стеньки Разина с товарищи». Казакам пришлось сжечь Кагальник «со всеми курениями», разинскую старшину судили войсковым судом и «под страхом смертной казни» велели ей покинуть эти места и «селитца в ыном месте». Своих товарищей казаков, бывших с Разиным в Кагальнике «в осаде», явно пытались оправдать, говоря о их действиях «поневоле». Сначала Фролу Разину удалось вырваться и уйти вверх по Дону, но за ним была послана погоня на десяти стругах, и вскоре, как написано в отписке атамана Логина Семенова, «брата вора и изменника Стеньки Разина Фролка верховые атаманы и казаки, поймав, прислали, к нам к войску». И младшего Разина, сковав, как и брата, отослали в Москву. Атаман также отчитывался о продолжении действий по розыску и наказанию участников разинской войны: «Да для утверждения послали вверх по Дону покамест наш казачей присуд из своих низовых станиц». Впредь казаки обещались «служить» и «во всем твое государское повеление исполнять, сколько нам, холопом твоим, милосердый Бог помощи подаст».

Отсылка с известием в Москву войскового атамана Корнилы Яковлева позволяет связать с его именем решительные действия на Дону, приведшие к разорению Кагальника и поимке Степана Разина. Как только это произошло, началась обычная в московской приказной практике гонка сеунщиков: кто первым известит о важных переменах в войне с Разиным в Москву. Первые вести послали, не дожидаясь поимки Фрола Разина, но любой человек с Дона теперь не мог пройти мимо застав воеводы боярина

князя Григория Григорьевича Ромодановского. Он и был первым, кто 4 мая сообщил царю Алексею Михайловичу о поимке Степана Разина на Дону и о том, что атамана везут скованным в Москву, заслужив «милостивое» царское слово и отсылку в Курск специально назначенного царского стольника «спросить о здоровье». В день получения сеунча праздновались именины старшей сестры царя Алексея Михайловича царевны Ирины Михайловны. В царскую семью понемногу возвращались мир и веселье. 5 мая царь снова, как в прежние времена, жаловал «именинными пирогами» членов Думы и своих ближних людей — «спалников». Раздача «именинных пирогов» повторилась и в день именин царевны Феодосии Алексеевны 29 мая. Конечно, пока в торжествах участвовал не весь двор, но уже и такая перемена в настроении царя была характерной.

Весь май 1671 года в городах узнавали из царских грамот о поимке Степана Разина. Царь ждал теперь, когда в Москву привезут главных предводителей бунта. 25 мая Алексей Михайлович получил в подмосковном походе в селе Остров от оставшегося ведать Москву боярина князя Григория Сунчалеевича Черкасского с товарищами известие о доставке Разина с братом в Курск. Глава Белгородского полка боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский отпустил братьев Разиных из Курска на «государских подводах» и в сопровождении «дворянина». Царь распорядился довести их до Серпухова, где они должны были ждать новых распоряжений. Степана и Фрола Разиных требовали привезти в Москву целыми и невредимыми: «Однолично б у тех воров сторожа была самая крепкая, чтоб те воры в дороге и на станех сами они над собою какова дурна не учинили и до Москвы б довести их вцеле, и никого к ним припускать не велел»<sup>{710}</sup>.

Казнь Степана Разина хотели сделать публичной, чтобы не дать повода говорить о возможном спасении Разина, чье имя и так уже подняло на бунт многие тысячи людей. Позаботились и о том, чтобы жившие в Москве иностранцы как можно лучше рассмотрели расправу с предводителем бунтовщиков. Из многочисленных иностранных свидетельств можно выделить письмо англичанина Томаса Гебдона (брата тайного царского комиссионера Джона Гебдона), написанное в день казни Разина, где с репортерской точностью записаны детали «явления» Стеньки в Москве. Томас Гебдон писал о последующих пытках и казни: «Впереди шел конвой из 300 пеших солдат с развевающимися знаменами, зажженными факелами, но опущенными книзу дулами мушкетов. Позади Разина тем же порядком шло почти то же число солдат, но знамен было всего шесть. Окружал Разина отряд захвативших его казаков, перед ним верхом ехал со своим

знаменем казачий предводитель (по имени Корнила Яковлев), остальные казаки, числом 50, а то и 60, были тоже на лошадях».

В письме Томаса Гебдона, как и в других свидетельствах иностранцев, приведено описание поразившего современников «помоста», на котором везли Разина: «А сам Разин на помосте под виселицей стоял с цепью вокруг шеи, и конец цепи был переброшен через верхнюю перекладину виселицы, у самой петли. От его пояса шла другая цепь, прикованная к обоим столбам виселицы, к тем же столбам были прикованы и руки его. Ноги (в одних только чулках) тоже были закованы. От помоста тянулась еще одна цепь, которая охватывала шею его брата, шедшего в оковах пешком. Помост везли три лошади. Разин был привезен между 9 и 10 часами утра и тотчас же предан пытке...» Смысл шествия был понятен. Яков Рейтенфельс сравнил провоз Разина с «триумфальной колесницей — так, чтобы все его видели»<sup>[711]</sup>.

А где же в это время был царь Алексей Михайлович? Он еще накануне, 1 июня, вернулся из Преображенского в Москву. Ему захотелось в этот день побывать в Вознесенском монастыре, где была похоронена царица Мария Ильинична. Но во все следующие дни царь не покидал дворец, хотя и направлял боярский сыск, составив упомянутые десять статей для допроса Разина. Как уже говорилось, первый вопрос был о шубе боярина князя Прозоровского. Царя Алексея Михайловича интересовали любые возможные связи бояр и церковных иерархов с Разиным, поэтому далее следовало спросить еще про астраханского митрополита Иосифа: «По какому случаю к митрополиту ясырь присылал?» Следующие вопросы касались «умыслов» Разина, его контактов с князьями Черкасскими, бывшим патриархом Никоном и, самый последний, семьи Разина: «На Синбир жену видел ли?» (то есть, идя походом в Симбирск, виделся ли с семьей?). Записей ответов Разина не существует, возможно, их и не было. Судя по всему, и бояре пытались выместить свой страх в пытках поверженных предводителей бунта. По «сказке» Фрола Разина, «как де ево пытали во всяких ево воровствах, и в то де время он в оторопях и от многой пытки в память не пришел».

Бояре, по одному из свидетельств, все дни посвящали допросам и пыткам Степана и Фрола: «безпрестанно за тем сидят», приезжая, как только рассветало, и разъезжаясь «часу в тринадцатом дни». У следователей не было цели доказывать вину проклятого церковью бунтовщика; по царским вопросам можно было лишь уточнить детали будущего смертного приговора, составленного в Земском приказе: «Сказка, какова сказана у казни вору и богоотступнику и изменнику Стеньке



Разину». Наибольшее негодование из всех разинских вин, исключая разорение Астрахани и осаду Симбирска, вызывало объявление «живым» царевича Алексея Алексеевича: «А ты, вор и изменник, забыв страх Божий, такое великое дело умыслил, хотя народ возмутить и крови пролить, чего и помыслить страшно». По указу царя «бояре приговорили»: братьев Разиных «казнить злою смертью — четвертовать».

Местом казни Степана Разина заседавшие несколько дней с утра до ночи бояре выбрали Красную площадь. Там заранее были «изготовлены ямы и колы вострены». По свидетельству Рейтенфельса, «площадь, на которой преступник понес свое наказание, была по приказанию царя окружена тройным рядом преданнейших солдат, и только иностранцы допускались в средину огороженного места, а на перекрестках по всему городу стояли отряды войск». 6 июня 1671 года наступил момент самой казни. Братьям Разиным был прочитан приговор, но неожиданно Фрол Разин сказал в это время «слово и дело государево». Хотя и для него уже были изготовлены колья, его увели на дополнительный допрос в Приказ Тайных дел, где он рассказал о зарытых письмах Степана Разина «на острове реки Дону, на урочище, на прорве, под вербою» и об оставшейся «рухляди» — имуществе брата<sup>[6]</sup>. Разин принял смерть молча. Рассказывали, что он, перекрестившись, сам лег на плаху. Последним, что он произнес, был окрик брату: «Он был так непреклонен духом, что не слабел в своем упорстве и не страшился худшего и, уже без рук и без ног, сохранил свой обычный голос и выражение лица, когда, поглядев на остававшегося в живых брата, которого вели в цепях, окрикнул его: «Молчи, собака!»...» Из Москвы теперь могли торжествующе рассылать грамоты с известием о казни «богоотступника Стеньки Разина», который «за свое воровство на Москве четвертован и разбит на колье».

В разрядной «выписи», подводившей итог разинской войне, в рассказе о казни братьев Разиных «на Москве на Красной площади», говорилось и о судьбе останков, перенесенных на Болотную площадь: «отсечены им руки и ноги, а остаток и головы, на показание всем те их воровские головы и руки и ноги збиты на высокие деревья и поставлены за Москвою рекою на площади до исчезнута». Водруженные на колья, они простояли до конца царствования Алексея Михайловича, служа напоминанием и предостережением тем, кто хотел бы повторить дело Разина, и только после этого были захоронены, но не рядом с православным, а рядом со Старым Татарским кладбищем, располагавшимся по Калужской дороге в Москве<sup>{712}</sup>.



Пока Астрахань оставалась в руках разинских атаманов, война не была окончена. Скоро в Москве узнали об убийстве митрополита Иосифа, замученного и брошенного «с раскату». 27 ноября 1671 года боярин и воевода Иван Богданович Милославский, отстоявший ранее Симбирск, вынудил после ряда боев «воров астраханских сидельцев» «целовать крест» царю Алексею Михайловичу. Боярин вошел в Астрахань с царской иконой Богоматери, врученной ему перед походом; «устроясь ратным ополчением», он совершил со своим воинством «молебное пение» в соборной церкви, пришел в приказную палату, получил городовые ключи и запечатал остававшуюся пороховую и свинцовую «казну», расставил караулы по стенам и башням Астраханского кремля. Так закончилось «воровское разоренье» в Астрахани...

15 января 1672 года у Посольского приказа в присутствии членов Государева двора, полковников и офицеров войск иноземного строя, стрелецких начальников, городских дворян и иноземцев, рядовых стрельцов, жителей московских слобод и черных сотен было объявлено «о здаче Астараханской, как да били челом великому государю о винах своих». Снова и снова возвращаясь к действиям «вора и богоотступника» донского казака Стеньки Разина и его товарищей, напоминали об анафеме Разину и об успешных действиях воеводы Милославского, приславшего с сеунчом о своей победе 1 января 1672 года. Царь Алексей Михайлович «слушал соборного моления» о небесном заступничестве «Российскому царствию» и о победе над «врагами церкви» и «государскими изменниками», благодаря чему «толикое не-начаемое дело совершилось». Искоренение «воровства и злых замыслов», как говорилось в «сказке» служилым и посадским людям, было достигнуто молитвами патриарха Иоасафа и всего Освященного собора, «а его государские полаты бояр и окольничих и думных людей единодушным совокуплением и твердым советом». Отмечались «служба, радение и промысел» всех служилых людей, участвовавших в боях с «ворами», «вспоможенье в денежных податях» на жалованье ратным людям. Призывая всех к общей молитве, говорили о милосердии царя Алексея Михайловича, *«хотя во время того воровства и в печалех пребывали* (выделено мной. — В. К.)». Теперь вся разинская война наконец-то завершалась: «И тем своим государским долготерпением врагов Божиих и изменников своих государских одолел и под нозе свои покорил»<sup>[713]</sup>.

Невероятно, как должен был переломиться ход истории, чтобы разинская война превратилась в главное событие XVII века, сделав Стеньку Разина более известным историческим героем, чем царь! К несчастью, на время царствования Алексея Михайловича пришлась великая сшибка

мстителей за нищету, бедность и судебный произвол со своими обидчиками — «боярами», а точнее, с любой властью. «Воля», обещанная «кабальным и опальным», оказалась привлекательнее обновления царства, задуманного царем в год Андрусовского триумфа. Занятые государевыми походами, важными дипломатическими делами, удержанием Малой и Белой России, власти предержащие забыли о народе. Народ жил, как мог, но только до поры, когда несколько лет пребывания в Стенькиных «рабочничках» казались лучше, чем вся оставшаяся жизнь. Главный урок разинской войны состоял в том, что справиться с начавшимся бунтом сложнее, чем предотвратить его. Потом начинается взаимная жестокость, ведущая к еще одному Расколу — между Государством и Землей.

## ОСЕНЬ ВЛАСТИ

### «Время» Артамона Матвеева

Последние годы царя Алексея Михайловича — так обычно говорят о времени, наступившем после второй свадьбы царя, с Натальей Нарышкиной. Но кто может знать о своем сроке? Царь только недавно перешагнул за сорокалетний рубеж, вокруг него в Думе было много людей старше его на 20–25 лет, и ничто не говорило о возможности его раннего ухода из жизни... Скорее наоборот. 30 мая 1672 года родился еще один наследник — царевич Петр Алексеевич, будущий Петр Великий. После этого у царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны родились еще две дочери — Наталья и Феодосия. Профессор Филип Лонгворс называл это время в жизни царя словом, не требующим перевода, — «ренессанс» и говорил о роли молодой царицы, «возродившей к жизни царя Алексея Михайловича»<sup>[714]</sup>. Впереди, как еще увидим, вырисовывались новые горизонты Московского царства, начиналась большая война с Турцией и Крымом. Поэтому «последние годы» можно назвать иначе: для царя Алексея Михайловича наступила «осень власти»...

Отличие 1670-х годов в истории царствования Алексея Михайловича легко определяется по роли первого настоящего русского канцлера — Артамона Сергеевича Матвеева. Особенностью Московского царства было появление рядом с великими князьями и царями таких «временных» людей, или фаворитов, вынесенных наверх волей случая. В этом предложении все слова надо читать с особенным смыслом, понимая, что «верх» — это царский Верх, как назывались царские хоромы, а «случай» — это именно Случай, с большой буквы, — история особого возвышения немногих, самых близких царю лиц. Ужасная разинская война разлила общее ожесточение, вокруг царя стали востребованными ни о чем не размышляющие слуги, способные, если понадобится, быть и следователями, и палачами. Так и пришло «время» другого человека — Артамона Сергеевича Матвеева. В отличие от остальных близких советников царя Алексея Михайловича, возглавлявших основные приказы и заседавших в Думе, Матвеев, как и прежде Ордин-Нащокин, мог рассчитывать только на свои заслуги. Дружеское расположение царя он должен был ценить не по праву родственника или потомственного боярина, а как один из подданных, приближенный и выделенный самим царем.

Поэтому стрелецкий голова и полковник стремился сделать все, чтобы оправдать царское доверие, но делал это не для одной корысти, в чем его потом обвиняли, а по искреннему и глубокому убеждению и стремлению к службе царю — источнику чести рода служилого человека.

Немало свидетельств этому в челобитных, написанных Артамоном Матвеевым из «заточения», точнее, из ссылки, куда он попал во времена следующего царствования, когда оттесненные от царя родственники его первой жены, Милославские, взяли реванш при дворе царя Федора Алексеевича. Против Матвеева были сфабрикованы многие обвинения, начиная с «беспроигрышных» для осуждения в системе взглядов московских людей чернокнижничества и следования иноземным обычаям. Хотя он и парировал: «Не до ученья было в ваших государских делах». И действительно, все знали, что у царя не было другого человека, способного лучше выполнить любой приказ, занятого сразу многими поручениями. Кроме исполнения тайных указов царя, были еще и стрелецкая и приказная служба, постройка церквей и устройство царских усадеб. Ходили рассказы о том, что в этих заботах Матвееву некогда было даже заняться строительством собственного двора в Москве. А когда уже сам царь Алексей Михайлович обратил на это внимание, то Матвеев стал отговариваться тем, что не мог найти камень для фундамента. После чего жители Москвы, «народ и стрельцы», принесли ему камни-надгробия с могил своих предков, так велики были уважение к царскому советнику и почитание его заслуг. Обвинители Артамона Матвеева хорошо знали, что он имел полное право сказать о своих службах: «многия лета» он был «без всякаго претыкания», «работал вам государям чистым сердцем, а не лукавым, и лукаваго не помышлял, и впредь помышлять не буду, дондеже дышу».

Известно, что окончательно положение Артамона Сергеевича Матвеева при царе Алексее Михайловиче укрепилось после организации им второй свадьбы царя, с Натальей Кирилловной Нарышкиной. С этой точки зрения ничего не менялось в московских порядках: как и у многих временщиков до Матвеева, его счастье и «случай» оказались в «кике». Но было бы неверным думать, что только новый брак царя проложил Артамону Сергеевичу путь в Думу. Возвышение Матвеева при царе шло постепенно, около двадцати лет, он участник самых важных событий царствования Алексея Михайловича. Показательно само перечисление таких событий в челобитной опального «временщика»: принятие в подданство «черкас» Богдана Хмельницкого, взятие Смоленска и другие события русско-польской войны, например, отход от Конотопа, где

Артамон Матвеев «окоп и обоз и образец и путь строил». Участвовал стрелецкий начальник в «унятии случаев злых», например, в Коломенском в 1662 году. При организации собора по осуждению патриарха Никона Артамон Матвеев не только сопровождал вселенских патриархов, но и навлек на себя «ярость» митрополитов Павла и Илариона, когда не дал им подписывать уже подготовленные соборные постановления о «церковном исправлении», усмотрев, что в начале документа написаны «две статьи, вашего царского чина и ваших государских достоинств не сведая». Речь о хорошо известном споре о том, что выше — «священство» или «царство»; в итоге митрополиты Павел и Иларион не приняли соборного церковного постановления в январе 1667 года о «симфонии» и были даже обвинены собором в том, что «никонствуют и папствуют». Артамон Матвеев был одним из тех, кто советовал царю сразу расправиться с Разиным, до того как тот «учинил разорение государству». Царский приближенный по справедливости упоминал о своих заслугах в проведении «черной» Глуховской рады, на десятилетия установившей общепринятый порядок взаимоотношения с Малой Россией. Не случайно уже в 1669 году Артамон Матвеев сменил Ордина-Нащокина на посту главы Малороссийского приказа, а 22 февраля 1671 года — в Посольском приказе. Между этими двумя назначениями было пожалование Артамона Сергеевича в думные дворяне 27 ноября 1670 года, открывшее ему официально путь в Ближнюю думу, куда он был пожалован во время свадебных торжеств царя 23 января 1671 года.

Укрепление позиций Матвеева было связано с передачей ему под «личное управление» финансовых приказов, особенно это стало заметно после подчинения Новгородской четверти Посольскому приказу 10 марта 1671 года. Вслед за этим, конечно, пошли разговоры об обогащении Артамона Матвеева. «Оглашенный» многими деньгами и накопленной «рухлядишкой», Матвеев писал после конфискации его имущества в связи с опалой: «Не таковы объявились, как об них донесено». Деньги, собиравшиеся в Посольском приказе и четвертях, напротив, стали одним из инструментов проводимой политики. Матвеев среди своих главных заслуг выделял замену подвоза хлебных запасов в Киев выдачей денег на закупку хлеба из руководимого им Новгородского приказа. В его челобитных, опубликованных в «Истории о невинном заточении...», особенно подробно говорилось о финансовых мероприятиях, направлявшихся канцлером: «Я ж, холоп твой, будучи в приказе, вам великим государям служа, учинил прибыли великия: а вновь учинил Аптеку, кружечный двор, и из тех сборов сделал дворы каменные, Посольский, Греческий, лавки; а в расходы иманы

что год, в Приказы тайных дел, в Стрелецкий, в Иноземский, в Хлебный, тысяч по штидесять и больше, кроме покупок в Мастерския палаты и во дворец. А в Киев, и в Чернигов, и в Переяславль, и в Нежин, и в Остр, ратным людям жалованья и на хлебную покупку все посылявано из доходов из Новгородскаго приказа и с четвертей, а из иных приказов не посылавали». Понятно, что многое из сделанного исполнялось по распоряжениям царя Алексея Михайловича, но доложить об этом царю, а потом исполнить его указ — в этом была служба «ближнего» человека и канцлера.

Служба Артамона Матвеева быстро сделала его незаменимым человеком в окружении царя, тем более что он повсюду расставлял нужных ему людей, постепенно собирая нити управления в своих руках. К числу его достижений в придворной борьбе относится занятие должности судьи Аптекарского приказа. Окольничий Иван Михайлович Милославский последний раз упомянут во главе Аптекарского приказа 20 октября 1669 года и вскоре был отставлен от этой службы, что стало началом заката влияния клана Милославских при дворе царя Алексея Михайловича. Позже Ивана Михайловича отправят на отдаленное воеводство в освобожденную от разинцев Астрахань. Какое-то время во главе Аптеки — важнейшего приказа, входившего в негласный «обязательный перечень» основных ведомств под контролем московского правительства, стояли только дьяки. А с 14 марта 1672 года у Аптекарского приказа появился новый судья — думный дворянин Артамон Сергеевич Матвеев. В обязанности главы Аптеки входило лечение царя и всей царской семьи. В подтверждение своей преданности такой человек должен был налить в ладонь лекарства, подававшиеся царю или наследнику, и выпить их вслед за ними. Именно с этого момента можно считать по-настоящему наступившим «время» нового канцлера. Свидетельством перемен в царском окружении стала традиционная церемония «шествия на ослята» в «Цветоносную неделю» Великого поста. Как написано в дворцовых разрядах, тогда «действовал Новгородской митрополит Питирим» (прежний патриарх Иоасаф умер 17 февраля, а нового еще не успели избрать: участие митрополита Питирима в церемонии можно считать своеобразным «предызбранием»). В этот день, приходившийся на 31 марта 1672 года, «осля вели за государем: боярин князь Юрьи Алексеевич Долгоруково, думный дворянин Артемон Сергеевич Матвеев»<sup>{715}</sup>. Постепенно вырисовывалась новая конструкция власти: традиционную роль титулованного боярства олицетворял собой победитель разинцев боярин князь Долгорукий, но следом за ним шел канцлер Матвеев. И с ним теперь приходилось считаться всем, кто хотел

сохранить царскую милость.

Фоном этих событий было ожидаемое пополнение в новой семье царя. Совершенно не случайно новая степень думского возвышения Артамона Матвеева — пожалование в окольничие — пришлась на рождение царевича Петра Алексеевича 30 мая 1672 года. Именно тогда при дворе вперед пошли и новые родственники царя — Нарышкины, полностью обязанные Матвееву. Отец царицы, Кирилл Полуектович Нарышкин, был пожалован в окольничие, а ее дядя, Федор Полуектович, — в думные дворяне. Думный чин получил и дворецкий царицы Натальи Кирилловны Авраам Никитич Лопухин, предусмотрительно поставленный ведать Мастерской Царицыной палаты еще 17 апреля 1670 года (в день, когда завершились приготовления к смотру царских невест и новой царицы еще не было во дворце). Чином думного дворянина пожаловали и другого родственника царя, его двоюродного брата по матери, занятого руководством любимой царской соколей охотой, — ловчего Афанасия Ивановича Матюшкина. В то же время Милославские и многие их родственники и клевреты уезжали из столицы на внешне почетные воеводства — и это удаление от двора, конечно, ставило предел их влиянию и могуществу в окружении царя Алексея Михайловича<sup>[716]</sup>. Из-за этой политики «вытеснения» Милославских, а также князей Хованских, Голицыных и Трубецких (вскоре тоже отправившихся на воеводства) верный царский слуга Артамон Сергеевич Матвеев наживал себе могущественных врагов. Вмешательство царского приближенного в ход собора по осуждению Никона, вероятно, тоже не было забыто. Избранный летом новый патриарх Питирим оказался последовательным противником новшеств, приносимых Матвеевым в придворную жизнь. Но и новый царский окольничий платил ему тем же и, в отличие от других членов Думы, не участвовал в традиционном обмене дарами с патриархом на разные церковные праздники<sup>[717]</sup>.

Каким глубоким оказался раскол в отношениях царя Алексея Михайловича с прежними советниками и даже родственниками после утверждения на первых местах в его ближнем круге Артамона Матвеева, показывает знаменитая история боярыни Морозовой. До недавнего времени главный житийный источник — «Повесть о боярыне Морозовой» — рассматривали исключительно в контексте истории старообрядчества и как памятник древнерусской литературы. Между тем историк Павел Владимирович Седов убедительно показал, что «Повесть...» напрямую связана с придворной историей. Преследование боярыни Морозовой, невестки воспитателя царя и жены его младшего брата Глеба Ивановича



Морозова, началось с того времени, когда она осмелилась отказаться, под предлогом болезни, от участия в свадебных торжествах царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной. «Ноги ми зело прискорбны, и не могу ни ходити, ни стояти!» — говорила боярыня. «Вем, яко загордилася!» — отвечал царь. Раньше при дворе защитницей Морозовой и других приверженцев старой веры была царица Мария Ильинична, теперь все изменилось. Когда Морозова перестала, как это было раньше, демонстрировать свое подчинение, царь Алексей Михайлович произнес роковые слова: «Тяжко ей братися (от брань, война. — В. К.) со мною! Един кто от нас одолеет всяко!»

Даже после своеобразного объявления войны царь Алексей Михайлович долго надеялся «смирить» упорствующую в неприятии церковных перемен и отказывающуюся от благословения церковных иерархов боярыню или хотя бы заставить ее «для вида» перекреститься троеперстием. В этой обрядовой последовательности и проходит граница, отделявшая жизнь придворной от жизни церковной подвижницы. Несмотря на утвердившийся под воздействием известной картины Василия Ивановича Сурикова образ, боярыня Морозова отнюдь не была религиозной фанатичкой. Ей, как наследнице одного из богатейших российских состояний, было что терять; заботилась она и о судьбе своего сына, о сестре — княгине Евдокии Прокопьевне Урусовой, в итоге разделившей ее участь, о других членах семьи — братьях Федоре и Алексее Соковниных, отосланных из Москвы «якобы на воеводство, паче же в заточение». В ее переписке с духовным отцом, протопопом Аввакумом, можно найти и горделивые слова: «Есть чем, батюшко, жить; телесного много дал Бог», и размышления о женитьбе сына — Ивана Глебовича, выборе ему невесты из «доброй» семьи, или обычной «породы». Сам протопоп Аввакум в сердцах однажды попрекнул ее любовью к богатым «треухам». Об этом несоответствии привычному образу писал исследователь русской культуры рубежа XVII–XVIII веков Александр Михайлович Панченко: «Боярыня Морозова — это характер сильный, но не фанатичный, без тени угрюмства». Но все эти детали перестали иметь значение после того, как церковные власти и Боярская дума вмешались в противостояние царя и верховой боярыни прежней царицы. Да и сама она уже приняла тайный постриг с монашеским именем Феодора. По словам «Повести о боярыне Морозовой», «и бысть в Верху не едино сидение об ней, думающее, како ю сокрушат». Муж сестры, царский спальник князь Петр Урусов, тоже предупреждал жену, «что у них в Верху творится»: «Скорби великие грядут на сестру твою, понеже царь

неукротимым гневом содержим и изволяет на том, что вскоре ее из дому изгнати!»

Исполнителем царской воли стал чудовский архимандрит Иоаким (будущий патриарх), неожиданно начавший церковное следствие прямо в доме боярыни Феодосии Прокопьевны Морозовой 16 ноября 1671 года. Известны слова Иоакима, вполне объясняющие его роль в этом деле: «...Не знаю старые веры, ни новые, но что велят начальницы, то и готов творити и слушать их во всем». Вместе с чудовским архимандритом в обыске в боярском доме участвовал глава Стрелецкого приказа думный дьяк Ларион Иванов. Именно по их приказу боярыню вынесли из дома на кресле, когда она, поддерживая версию о своей «болезни», отказалась идти куда бы то ни было (этот момент изображен на картине другого исторического живописца, Александра Дмитриевича Литовченко, также «дословно» проиллюстрировавшего текст «Повести»). И в дальнейшем, когда 18 ноября боярыню заставили предстать перед судом в Чудовом монастыре — «и принесоша Феодору и вшедши во едину от полат вселенских», — она еще могла надеяться, что царь согласится с ее версией и не будет преследовать дальше непокорных сестер.

Обличать боярыню Морозову взялись хорошо известный по событиям церковного собора 1666/67 года митрополит Крутицкий Павел и все тот же чудовский архимандрит Иоаким. Судя по рассказу «Повести...», «прения с ними» продолжались «от 2-го часа ночи до десятого», отказ боярыни от причастия по тем же Служебникам, по каким причащались царь и его семья, стал главным основанием для обвинений ее в еретических действиях. Непокорившуюся сторонницу старой веры сначала также отнесли «на сукне в дом» и посадили там в подклете вместе с сестрой, предварительно заковав в железо, под охраной стрельцов. На следующий день, еще более мучая узницу, ей вместо ножных кандалов положили железные «чепи на выя» и навсегда увезли из дома к месту ее первого заточения на подворье Псково-Печерского монастыря на Арбате, купленному незадолго до этого Приказом Тайных дел. Тогда-то боярыня Феодосия Прокопьевна и показала всем силу своей веры. Согласно «Повести...», когда ее везли через Кремль, мимо Чудова монастыря, «под царские переходы», она демонстративно подняла вверх руку с двоеперстием — «руку же простерша десную свою... и ясно изобразивши сложение перст»: часто осеняя себя крестом и «чепию такожде часто звяцаше», она надеялась, что царь Алексей Михайлович увидит «победы ея».

Окончательно судьба боярыни Морозовой решится много позже, когда

незадолго до своей смерти в 1673 году патриарх Питирим возьмется увещевать опальную староверку. Это приведет к пыткам при участии членов Думы, стоявших «над муками» опальных сестер. Царь Алексей Михайлович и Дума так и не могли придумать, что с ними делать, хотя готовы были даже казнить их: «А на Болоте струб поставили». Патриарх Питирим склонял Думу предать боярыню Морозову «сожжению», но «бояре не потянули»; князь Юрий Алексеевич Долгорукий смог убедить их «малыми словами, да многое у них пресек». Вся эта история была еще и болезненным разрывом с прошлым для царя Алексея Михайловича: ведь он расправлялся не только с семьей дворецких прежней царицы Марии Ильиничны, но и с наследницей состояния своего воспитателя — боярина Бориса Ивановича Морозова. Сестра царя Ирина Михайловна открыто высказала брату, сколь неблагодарным к памяти Морозовых он выглядит: «Достойно было попомнить службу Борисову и брата его Глеба». Показателен и «великий гнев» царя, так ответившего сестре: «Добро, сестрица, добро! Коли ты дятчишь (заботишься. — В. К.) об ней, тотчас готово у мене ей место». Это была уже последняя ссылка боярыни Морозовой и ее сестры в боровскую земляную тюрьму, где несчастных женщин намеренно уморили голодом и холодом уже при следующем патриархе Иоакиме<sup>{718}</sup>. Но все так называемые «последние годы» царю Алексею Михайловичу приходилось жить с тем, что он отказался от наследия Морозовых, Милославских, Соковниных, Ртищевых и других ранее близких ему родов.

Артамену Матвееву, конечно, была выгодна такая «расчистка» придворного пространства, но не ему одному. Его соперник за влияние на царя при дворе, боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово, получил, например, один из самых лакомых кусков из вотчин Морозовых — село Городище на правом берегу в Заволжье, напротив Костромы. Участвовали в разделе морозовских вотчин и имущества царский тесть Кирилл Полуектович Нарышкин и другие лица. Например, только за счет наследства Ивана Глебовича Морозова, умершего вскоре после ареста матери в конце 1671-го — начале 1672 года, в разных уездах были помещены 160 жильцов и начальных людей. Одной из вотчин боярыни Морозовой наградили впоследствии вдову астраханского воеводы князя Семена Львова (вместо львовской вотчины, отданной самому Артамену Матвееву). Укрепилась и ведущая роль при дворе аристократов, участвовавших в преследовании и пытках боярыни Морозовой, — князя Юрия Долгорукого, князя Ивана Воротынского, князя Якова Одоевского и Василия Волынского. Но большей частью освободившееся пространство

прежних, очень прочных родственных и придворных связей заполняли новые люди, приведенные Матвеевым, старавшимся все время находиться рядом с царем. Однажды, в мае 1673 года, он случайно пострадал из-за взбрыкнувшей под ним лошади, сильно ударился головой и проболел почти все лето. Когда же недомогание прошло и он вернулся к делам, у него сразу произошла ссора с боярином Богданом Матвеевичем Хитрово, и царь Алексей Михайлович должен был вмешаться в их спор<sup>{719}</sup>.

Внешние изменения при дворе особенно заметны в связи с новыми «царскими потехами». Вместо охоты при дворе увлеклись театром, а кроме церковного пения царя стала интересовать игра на «аргане». И это тоже произошло не без влияния Матвеева. Именно на него пала организационная работа по подбору автора и постановщика первой пьесы — пастора Иоганна Готфрида Грегори, а также актеров из «немцев» и дворовых людей самого боярина, организации театральной «храмины» с местами для царя и его семьи. Долгое время считалось, что начало придворного театра связано с представлением первой русской пьесы «Артаксерксово действо», иллюстрировавшей одну из библейских историй из «Книги Есфирь». Впервые «Артаксерксово действо» смотрели в «комедийной хороmine» в Преображенском 17 октября 1672 года. Содержание пьесы, в которой рядом с древним персидским царем действовали «хороший» и «плохой» советники, а Эсфирь получала корону вопреки козням врагов, публика в придворном театре легко могла «примерить» к современным обстоятельствам царской свадьбы с царицей Натальей Кирилловной. Перед самым представлением «оратор царев» по имени Мамурза прямо обращался к царю Алексею Михайловичу, прославляя его: «О великий царю, пред ним же христианство припадает... Ты, самодержец, государь и облаадаватель всех россов, еликих солнце весть, великих, малых и белых, повелитель и государь АЛЕКСИЙ МИХАИЛОВИЧЕ, монарха един достойный корене престолу и власти от отца, деда и древних предков восприятии и оным наследьствовати, его де великое имя ни в кои времена не помрачится». Конечно, содержание «Артаксерксова действия» воспринималось без далеко идущих аллюзий. Не так еще искушена была придворная публика, только познакомившаяся с театром, чтобы следить за подтекстом реплик доморощенных актеров. Хотя театральные представления всё равно понравились своей красочностью, специально сшитыми богатыми костюмами и другими внешними эффектами. «Артаксерксово действо» еще не раз ставили в дворцовом театре, отдельные представления шли целых десять часов подряд! Репертуар пьес

со временем расширился, были сочинены и другие «комедии»<sup>[720]</sup>.

Однако вопреки устоявшимся представлениям начальная история придворного театра оказалась связана не с «Артаксерксовым действием»! Как недавно установили Клаудия Дженсен и Ингрид Майер, начальной датой русского театра следует считать 16 февраля 1672 года. Исследовательницы проанализировали сообщения современных европейских газет и донесения разных лиц из России, включая хорошо информированного торгового представителя Швеции. Оказалось, что впервые царь Алексей Михайлович увидел не пьесу «Артаксерксово действие», а балет об Орфее, да еще в сопровождении целого представления. В спектакле одновременно участвовали музыканты, а также известный по народному театру в Германии и Голландии комический персонаж по имени Пикельгеринг (дословно: *Pickelhering* — маринованная сельдь). Естественно, что «немцы», привлеченные Артамоном Матвеевым к театральным делам, брали за образец знакомые им представления. Такой герой — шут, или немецкий «дурак», — вполне пришелся к русскому двору.

Следующее представление состоялось уже после окончания Великого поста и праздника Вознесения, 18 мая 1672 года, меньше чем за две недели до рождения Питра I. Царица Наталья Кирилловна присутствовала и на февральском, и на майском представлениях. Трудно сказать, могли ли ее видеть присутствующие, так как она сидела в каком-то «отдельном месте», устроенном на чердаке в бывшем доме боярина Ильи Даниловича Милославского (известном впоследствии как «Потешный дворец»). Царское окружение, конечно, знало, как царь Алексей Михайлович стремился развлечь свою молодую супругу. Уже первый спектакль так понравился, что 15 мая был издан указ о посылке в Европу царского комиссионера полковника Стадена для набора иностранных специалистов (ранее никогда не приезжавших к русскому двору): сразу двух постановщиков представлений и профессиональной актерской труппы. Стаден даже вел переговоры с известной примой Анной Паульсен, которую не отпускали от двора датского короля. 4 июня состоялось распоряжение пастору Грегори готовить «Артаксерксово действие» и одновременно устроить театр в Преображенском, где осенью 1672 года возобновились представления придворного театра<sup>[721]</sup>.

С именем Артамона Матвеева связано появление нескольких примечательных книг, представляющих прекрасные образцы парадно-дворцовой культуры. В первую очередь это хранящиеся в Государственном

древлехранилище в Российском государственном архиве древних актов «Титулярник» 1672 года и «Книга об избрании на царство Михаила Федоровича» 1673 года. Насколько велико было значение составления этих книг для Артамона Матвеева, можно судить по тому, что они были включены им в перечень своих заслуг в челобитных, поданных во времена опалы: «А служа вам, великим государям, и желая ваша государская к себе милости, сделал книги с товарищи своими, и с приказными людьми, и с переводчики, в Посольском приказе, какия не бывали и ныне на свидетельство мое, холопа твоего, и их работы в Посольском приказе. Первая книга: всех великих князей Московских и всея России самодержцев персоны и титула и печати, как великие государи сами себя описывали, а также и всех государей христианских и бусурманских, кои имеют ссылки с вами, великим государем, персоны их и титула и печати. Другая книга в лицах же с речением: Избрание и посылка на Кострому, и о прощении, и о приходе к Москве, и о венчании на царство Московское деда твоего государева, блаженные памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Федоровича, всея России самодержца»<sup>{722}</sup>.

Матвеев упоминает еще и другие сделанные при его участии и представленные царю Алексею Михайловичу «лицевые», то есть иллюстрированные рукописи по русской истории. Их перечень можно дополнить книгами, в составлении которых принимал участие переводчик «еллино-греческаго языку» Николай Спафарий, написавший трактат под названием «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах». Спафарий пользовался особым доверием Артамона Матвеева, разрешившего ему жить и охранять имущество, оставшееся на дворе, где раньше жил Паисий Лигарид. Учеба «латинскому языку» у Спафария была поставлена в вину московскому боярину, а самого Спафария спасла от преследований только отправка в посольстве в Китай в 1675 году (в этом направлении действий русской внешней политики Матвеев тоже оказался новатором)<sup>{723}</sup>. В 1673–1674 годах был составлен подносной экземпляр перевода труда имперского геральдиста Леонтия Хурелича о генеалогии русских князей и царей, где доказывалось родство московской династии со всеми главными европейскими монархиями<sup>{724}</sup>.

Матвеев — прекрасный исполнитель, хорошо изучивший мысли царя, знающий о его желаниях. Видимо, и здесь он по собственной воле исполнил то, что не могло не понравиться Алексею Михайловичу. И сделал это не с прямолинейной лестью, а с размахом и определенным вкусом к постановке новых задач. К работе в Посольском приказе были привлечены

лучшие мастера, а чтобы успеть изготовить рукописи к сроку, иногда мастеров буквально закрывали в приказе на ключ. В своих челобитных золотопиसेц Григорий Благушин с товарищами так говорили о создании «Всех окрестных государств Государственной книги»: «А у той работишки были отлучась домишков своих, денно и нощно». В «Титулярнике» представлены портреты всех правителей России от Рюрика до царя Алексея Михайловича, а также портреты монархов других государств, с которыми были установлены дипломатические отношения и велась переписка в Посольском приказе. Подобной работой Артамон Матвеев, по сути, заложил традицию создания прижизненных портретов царей. Новое направление было придано и внешнеполитической деятельности: царь Алексей Михайлович получал представление о внешнем облике тех монархов, с которыми обменивался посольствами<sup>{725}</sup>.

«Книга об избрании на царство Михаила Федоровича» освещала главнейшие события в истории начинавшегося Дома Романовых — избирательный Земский собор 1613 года и возвращение в 1619 году из польского плена царского отца — будущего патриарха Филарета. Каждый этап избрания на царство Михаила Романова был проиллюстрирован с выдающимся искусством, надолго определив наше восприятие тех событий, особенно учитывая многожды растиражированные миниатюры этой книги. История ее создания, недавно заново изученная Сергеем Павловичем Орленко, показывает, что работа над «Книгой...» продолжалась несколько месяцев. Начало ее создания датируется 6 июля 1672 года, а окончание совпало с Пасхой 30 марта 1673 года, и, вероятно, сама «Книга...» стала пасхальным подарком Матвеева царю<sup>{726}</sup>. Главная идея составления всех этих рукописей — «Титулярника», «Книги об избрании» и других, если взять их в совокупности, — вполне очевидна: укрепление идеи династии Романовых, обоснование срединного положения Московского царства в христианском мире.

Заметный вклад в дела Московского государства Артамон Сергеевич Матвеев сделал, управляя Посольским приказом. Показательно, как при нем снова изменилось отношение к чувствительной для самолюбия царя Алексея Михайловича идее династической унии. В конце 1673 года в Польше умер, совсем еще не старым человеком, недолго правивший после Яна Казимира король Михаил Вишневецкий. На этот раз, в отличие от прошлого элекционного сейма, московские дипломаты были активны и попытались предложить на польский престол кандидатуру самого царя Алексея Михайловича, обещая поддержать Речь Посполитую в войне с



османами, а на деле пытаюсь обеспечить контроль над Правобережной Украиной. На переговорах в Москве 14 февраля 1674 года с представителем литовского канцлера, заговорившим о возможной поддержке царевича Федора Алексеевича, было заявлено, что царь Алексей Михайлович сам хотел бы участвовать в выборах короля, но при условии сохранения православной веры: «...быти государем на Коруне Польской и Великом княжестве Литовском изволяет в своей благочестивой истинной православной христианской вере греческаго закона сам своею особою, а сына своего благоверного царевича и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России, как словесное прошение твое было, отпустить на Коруну Польскую и Великое княжество Литовское государем не соизволяет»<sup>{727}</sup>. В итоге в мае 1674 года на польский престол вступил знаменитый Ян Собеский — будущий победитель турок под Веной.

Имя царевича Федора не случайно возникло в дипломатических контактах с литовскими магнатами. Приближалось его совершеннолетие. 1 сентября 1674 года в Кремле произошла официальная церемония «объявления» царевича Федора, которому шел четырнадцатый год (так же было с его отцом и старшим братом царевичем Алексеем). Сценарий объявления наследника остался прежний: совместный выход царя и царевича на богослужение в Успенский собор, переход к Архангельскому собору, праздничный стол и пожалования по случаю этого события придами к денежным и поместным окладам. Царя Алексея Михайловича вели под руки спальники — стольник и ближний человек князь Иван Борисович Троекуров (зять Богдана Матвеевича Хитрово) и другой молодой приближенный, шурин царя Иван Кириллович Нарышкин. «Канцлер» Артамон Матвеев, конечно, тоже присутствовал, но не на первых ролях. «По правую руку» были князья Иван Алексеевич Воротынский и Юрий Алексеевич Долгорукий (он говорил речь, обращенную к царю), а «по левую руку» — бояре Кирилл Полуектович Нарышкин, Богдан Матвеевич Хитрово и названный после них окольничий Артамон Матвеев.

В самый день торжества Алексей Михайлович пожаловал новыми придами жалованья своих бояр, особенно выделив и отметив заслуги «дядек» царевича Федора. Боярин князь Федор Федорович Куракин получил наибольшую придачу в 150 рублей, а второго «дядьку» Ивана Богдановича Хитрово царь, «по упрощению сына своего», пожаловал из думных дворян в окольничие. Сохранилась речь самого царя Алексея Михайловича к подданным и другим участникам церемонии. Хотя слова царя носили этикетный характер, они придавали всему действию

эмоциональную окраску: «Се прииде время, и приспе день и час, нынешняго летоначального дня, индикта, нам великому государю второго сына своего государева благоверного государя царевича и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии отдати Господу Богу в послужение», привести в соборную церковь «и объявить его благоверного государя царевича» патриарху Иоакиму<sup>{728}</sup>.

Артамон Матвеев, как и все, должен был понимать, что права наследника престола переходят к царевичу Федору Алексеевичу. Вместе с этим оживали и надежды Милославских на возрождение их влияния при царском дворе. Поэтому «канцлер» продолжал бороться с постоянной оппозицией боярской аристократии своему влиянию на царя. Для этого он использовал любую возможность. Особенно заметно это в связи с редактированием разрядных книг (наиболее показательны книги за последние годы царствования Алексея Михайловича). Казалось, не осталось ни одной грамоты, полученной от бояр Голицыных или Шереметевых в Посольском приказе, сведения о которой не были вписаны в текст разрядов. Делалось это с дальним умыслом: везде подчеркивалось, что во главе приказа находился Матвеев. Появилось правило: записывать в книги сведения о судебных делах об убийствах или других тяжких преступлениях, если в них были замешаны люди, служившие во дворах знати. Конечно, серьезно никто бы никогда не стал считаться с такими своеобразными местническими аргументами. Но, как показывает казус с ярославским князем-Рюриковичем и боярином из рода Великих-Гагиных, вынужденным вернуться со службы в Киеве по болезни, на всякий случай он не стал лично показываться в приказе у Матвеева, отправив вместо себя сына. Такие попытки создать практически на пустом месте прецеденты для споров о боярской чести усиливали вражду Матвеева с представителями аристократических родов, устраненных из Москвы под благовидными предлогами подальше от царских глаз.

В дворцовых разрядах видны также следы целенаправленной работы Артамона Матвеева по созданию «молодого двора» царицы Натальи Кирилловны. Какое бы важное событие, связанное с праздниками, царскими выходами, столами, ни происходило при дворе царя Алексея Михайловича, следом в разрядных книгах повторялись сведения об участии в придворных церемониях царицы, а рядом с ней упоминались, как правило, три человека: царский тесть боярин Кирилл Полуектович Нарышкин, Артамон Сергеевич Матвеев и дворецкий царицы Авраам Лопухин. Но больше всего утверждению такого нового двора способствовало появление царских детей. В новой царской семье их уже

было двое — царевич Петр и его младшая сестра Наталья, родившаяся в августе 1673 года. В дни объявления наследника — царевича Федора также ожидалась роды царицы Натальи Кирилловны. Действительно, «за час до вечера» 4 сентября 1674 года родилась еще одна царевна, Феодосия Алексеевна, но торжества по поводу ее рождения были отложены на некоторое время<sup>{729}</sup>.

В сентябре 1674 года с помощью Матвеева решилось еще одно важнейшее для царя Алексея Михайловича дело. В Москву был привезен самозванец Лжесимеон, нашедший пристанище в Запорожской Сечи. В Москве долго добивались выдачи молодого человека, присвоившего себе имя царского сына (настоящему Симеону в момент объявления самозванца могло быть только семь-восемь лет). Казаки кошевого атамана Ивана Серко («Серика»), принявшие Лжесимеона, поверили в его рассказ о какой-то ссоре с боярином Ильей Даниловичем Милославским, последующей вражде и подмене «царевича». В исповедуемой самозванцем идее расправы с боярами-изменниками можно слышать отголоски событий разинской войны. Сам Лжесимеон прямо говорил, что жил у Степана Разина, а его объявление на Дону связано с поддержкой одного из разинских атаманов. После царской расправы над разницами «вино» в этих «мехах» перестало быть сладким для донских казаков, и только одни запорожцы снова согласились его отведают. И быстро распробовали вкус «уксуса», когда из Москвы подключили к делу нового гетмана Ивана Самойловича, а Запорожскую Сечь пригрозили лишить жалованья и поддержки, поставив условием выдачу самозванца. Лжесимеон был обречен, и запорожцы сами привезли его в Москву на суд и расправу по приказу кошевого атамана.

Въезд в Москву 17 сентября «из-за Тверских ворот» трехсот казаков Запорожского Войска, сопровождавших «высокую телегу», где стоял самозванец, намеренно был устроен по образцу въезда Степана Разина и его брата Фрола. Рядом с телегой также вели еще одного «пособника» самозванца (он будет оправдан); стрельцы шли с развернутыми знаменами и алебардами молчаливым строем, «а в сипоши не играли и в бурабуны не били». Царь Алексей Михайлович приказал всем боярам собраться «на земской двор, в 5-м часу дни»; указано было «их воров расспрашивать накрепко и пытать всякими жестокими пытками». Прежде всего царя Алексея Михайловича интересовало, не было ли заговора и переписки с другими людьми.

В деле о Лжесимеоне видна распорядительность окольничего Артамона Матвеева. Он привозил к царю расспросные и пыточные речи, а бояре в это время должны были ожидать царского указа. Судя по записи в

разрядной книге, Алексей Михайлович принял решение о немедленной казни Лжесимеона именно по совету Матвеева. Происходившего из Польши семнадцатилетнего мещанина Ивана Андреева, по прозвищу Воробьева, назвавшегося именем царского сына, велено было «вершить» по образцу казни Степана Разина: «на Красной площади четвертовать и по кольем растыкать». Казнь, как и въезд самозванца в Москву на позорной телеге, должно было увидеть как можно больше людей. Напрямую обратились к жившим в столице иноземцам, чтобы они описали увиденное в своих письмах и отослали в другие государства. Послали грамоты в войско и к приказным людям в городах, «чтобы всем служилым людям и всяким чином было ведомо, и на их бы воровские прелести вперед не прелщались и не верили». С останками самозванца распорядились так же, как и с телом Разина: «как три дни минет», их надо было «перенести на Болото и поставить его на кольях возле вора ж и изменника Степана Разина». «Туловище его» земские ярыжки (последние пьяницы, пробавлявшиеся подаянием) должны были схоронить, «отвезши от городу версты с три, во рву и кол воткнуть для знаку»<sup>{730}</sup>. Так потом и стояли «на Болоте» колья с головами главных поверженных врагов царя Алексея Михайловича — Разина и Лжесимеона.

Между тем день казни самозванца 17 сентября 1674 года совпал с именинами царевны Софьи, о чем Матвеев должен был помнить, но чего предпочел не заметить. Царя Алексея Михайловича в этот день даже не было на выходе в соборную церковь, он отстоял службу в дворцовой церкви Евдокии. Традиционная раздача «именинных пирогов» все-таки состоялась; в ней, кроме царя Алексея Михайловича, принял участие и брат Софьи, царевич Федор, но праздник царевны был, конечно, омрачен таким «подарком» ко дню именин. Вольно или невольно, Матвеев уводил «внимание» от поздравлений царевне. Из таких мелочей могла рождаться и настоящая вражда. Ибо ни для кого не были секретом действия Артамона Матвеева в пользу детей царицы Натальи Кирилловны.

8 октября 1674 года наконец-то Матвеев выслужил свой заветный боярский чин, достигнув высшей из возможных степеней царской службы. Произошло это в связи с торжествами по случаю крещения новорожденной царевны Феодоры. В отличие от именин старшей дочери Софьи, царь Алексей Михайлович в воскресенье 4 октября присутствовал в соборной церкви, а накануне подарил тестю боярину Кириллу Полуектовичу Нарышкину «с детьми» двор своего родственника по матери Василия Ивановича Стрешнева, символично распорядившись наследством. Торжества растянулись на несколько дней. 5 октября царь «поил воткою»

своих бояр, окольничих, думных дворян и ближних людей, 6–7 октября успел побывать в Коломенском, где Матвеев когда-то спас царскую семью, а 8 октября состоялось давно ожидавшееся пожалование царского друга боярским чином. Правда, во всей Думе не нашлось боярина, который бы мог «сказать» боярство, и это было поручено думному дьяку Стрелецкого приказа Лариону Иванову. В действе также участвовал («у сказки стоял») думный дворянин Афанасий Иванович Нестеров. Но это не могло смутить Артамона Матвеева, ставшего одним из самых близких царю бояр и получившего право присутствовать в этот день на «крестинном» столе у царя Алексея Михайловича.

Именно отсюда можно отсчитывать еще один этап в истории взаимоотношений царя Алексея Михайловича и нового русского «канцлера». Трудно даже представить, чем могла завершиться траектория возвышения Матвеева, если бы земной век царя Алексея Михайловича продлился дольше. Современники видели возрастающее значение молодого двора Натальи Кирилловны. Контраст между прежним царем, ревностно и истово участвовавшим во всех церковных праздниках, и новым самодержцем, мало кого допускавшим до себя, часто проводившим время в дворцовых селах Коломенском, Измайлове, Воробьеве и Преображенском, был велик. Видимо, настолько, что заставил перейти в наступление «консерваторов» во главе с патриархом Иоакимом. Матвеева им было не достать, и они решили «проучить» царского духовника Андрея Савиновича, худо, по их мнению, заботившегося о душе царя Алексея Михайловича.

Воспользовавшись тем, что одно из представлений нового придворного театра состоялось накануне церковного праздника Казанской иконы Богоматери 21 октября 1674 года, когда царь «тешился всякими игры» и, вопреки своему обыкновению, допьяна напоил бояр, патриарх Иоаким строго наказал царского духовника Андрея Савиновича, посадив его в тюрьму. Сам духовник тоже присутствовал на том царском пире, сопровождавшемся своеобразным концертом, где «его великого государя тешили, и в органы играли, а играл в органы немчин, и в сурну и в трубы трубили и в суренки играли и по накрам и по литаврам били ж во все». Царь жаловал «протопопа своего» и остальных гостей, «которые были у кушанья вечернего, вотками, ренским, и романею, и всякими разными питии». После чего, как сказано в дворцовых разрядах, «пожаловал их своею государевою милостью: напоил их всех пьяных». Хотя царь Алексей Михайлович с молодости был не чужд веселья и шумных развлечений, но к пьянству, как известно, он относился нетерпимо. И вдруг такой совсем нехарактерный поворот, заставляющий вспомнить о будущих пьяных

Всешутейших соборах его сына Петра! Высшие духовные власти быстро вмешались в дело, после чего царю, находившемуся в тот момент в одном из своих подмосковных походов, пришлось спасать благовещенского протопопа. Уговорить патриарха Иоакима сменить гнев на милость царю удалось лишь через два месяца к Рождеству<sup>[731]</sup>.

Царь Алексей Михайлович не только не отказался от полюбоившихся спектаклей, но благодаря заботам Матвеева все глубже и глубже погружался в атмосферу новых праздников, с которыми стало ассоциироваться столь любимое потом его сыном Петром Преображенское. Новые «потехи» и театральные представления продолжались там вплоть до начала Рождественского поста. Краткое описание «комедий», представленных иноземцами и людьми Артамона Матвеева, тоже сохранилось в дворцовых разрядах: «как Алаферна царица царю голову отсекла», «как Артаксеркс велел повесить Амана, по царицыну челобитью и по Мардахеину наученью». Снова «немцы» играли «в органы», а еще «на фиолях, и в страменты, и танцевали». Историки театра выяснили, что речь шла о пьесах на известные библейские сюжеты о Юдифи и Олоферне, а также о том же «Артаксерксове действе». Представления в Преображенском происходили в специально устроенной «храмине» в присутствии ближайшего боярского окружения. Они явно меняли правила этикета при дворе, и нетрудно было понять, кого следовало благодарить за небывалый поворот в дворцовой жизни.

25 января 1675 года царь Алексей Михайлович приказал жившему в Немецкой слободе учителю Юрию Гивнеру (впоследствии переводчику Посольского приказа) поставить «Темир-Аксакову комедию», в которой описывалась война Тамерлана, повергнувшего турецкого султана Баязида I, и недвусмысленно прославлялся возможный поход на Константинополь; «Что вы чаете: можем ли все турецкое царство приодолети?» — прямо обращались к царю Алексею Михайловичу актеры в самом конце пьесы. На Масленицу, между 7 и 14 февраля, спектакль был сыгран в Москве в палатах над «Аптекой». Понемногу складывались даже «сезоны» существования придворного театра — перед Великим и Рождественским постами. К осени 1675 года, как установил автор фундаментальной публикации документов о театре времен царя Алексея Михайловича историк Сергей Константинович Богоявленский, готовились целых шесть пьес, включая как уже представлявшиеся во дворе, так и новые: «Есфирь, Темир Аксакову, Иосифову, Егорьеву, Адамову и, может быть, Юдифь, или вместо шестой — балет». Театр в Преображенском был расширен пристройкой трехсаженной горницы с сенями, «чтоб в камидейное действо



утеснению не было». Не был забыт в этих приготовлениях и полюбившийся «дурак» — скорее всего, тот самый шут, или чумазый Пикельгеринг, для которого сшили «особый костюм из пестрой крашенины»<sup>{732}</sup>.

Описывая «время» Матвеева при дворе царя Алексея Михайловича, приходится обращаться к тому, что он сам вспоминал в своих челобитных, написанных для освобождения из «невинного заточения». Одно из таких воспоминаний, относящихся уже к последним месяцам жизни царя Алексея Михайловича, связано с началом троицкого похода в Москве 19 сентября 1675 года. Традиционное шествие московских царей в Троице-Сергиев монастырь для поклонения мощам преподобного Сергия Радонежского в день его памяти 25 сентября ближний царский боярин тоже превратил в грандиозный «спектакль», адресованный присутствовавшим в Москве иностранным дипломатам. И они, как, например, секретарь имперского посольства Адольф Лизек, действительно многое запомнили в тот день. Особенно их поразила возможность разглядеть царицу Наталью Кирилловну. На первой аудиенции, устроенной для послов специально не в Кремле, а в Коломенском, они смогли случайно увидеть царицу и, возможно, стали свидетелями первого появления будущего царя Петра на «международной арене»... Правда, царевичу было всего три года, и он вряд ли понимал, что делает, когда случайно распахнул двери дворца. «Царица, находясь в смежной комнате, видела всю аудиенцию с постели, чрез отверстие притворенной двери, не быв сама видимой, — писал секретарь посольства Лизек, — но ее открыл маленький князь, младший сын, отворив дверь, прежде нежели мы вышли из аудиенц-залы»<sup>{733}</sup>.

Во время отъезда из Москвы в троицкий поход царица находилась в отдельной, богато украшенной карете с открытыми окнами. Обратили послы внимание и на специально приготовленные для шествия детские кареты царевичей Ивана и Петра. Замысловатую «карету черную неметцкую на дуге, стекла хрустальными, а верх раскрывается на двое», украшенную дорогой иностранной упряжью, а еще две похожие маленькие кареты — царевичам Федору и Петру подарил («ударил челом») Артамон Матвеев. Своему любимцу, царевичу Петру, которому едва исполнилось три года, он распорядился нарисовать на хрустальных стеклах кареты «цари и короли всех земель». И здесь в самый ответственный момент чуть все не сорвалось, так как лошади не могли тронуться «от рундука» (крыльца). Тогда Артамон Матвеев по-мужицки бросился на помощь оплошавшим «возникам»: «И я, холоп ваш, в боярех будучи, угождая



вашему государскому повелению, и чтоб не зазорно вашему государскому стоянию чрез чин пред вами великими государи, и перед всеми чинами, и иноземцы, карету впрягал и не отговаривался, что сию в Посольском приказе и конюшня не мне приказана»<sup>{734}</sup>. Таков и был Матвеев, умевший принять на себя любую ответственность, не отговариваясь неумением или «невместностью» назначения, как делали большинство бояр. Не было никакой работы, какую бы «канцлер» не принял на себя по царскому указу. Пока это казалось диким, но уже следующее поколение увидит сына царя Алексея Михайловича Петра, не гнушающегося никакой «работой» на троне.

### «Поход на Турского салтана»

Так называемые «последние годы» жизни царя Алексея Михайловича ознаменовались новой большой войной — прямым столкновением России, Речи Посполитой, Крыма и Османской империи в борьбе за Правобережную Украину. Дореволюционные военные историки со свойственной им армейской определенностью видели в *Первой русско-турецкой войне* движение «к утверждению русской силы на берегах Босфора». Хотя начало войны датируется по-разному, ученые сходятся во мнении о ее поворотном значении для остановки османской агрессии в Европе в 1670—1680-х годах<sup>{735}</sup>. Когда Турция объявила войну Речи Посполитой в январе 1672 года, Московское государство вынуждено было поддержать союзника, исполняя обязательства по Андрусовскому договору. Но это еще не было прямым вступлением в войну. Московская сторона преследовала собственные интересы, а главный узел противоречий во взаимоотношениях с Речью Посполитой завязался в то время вокруг нерешенной судьбы Киева с Правобережьем и всей разделенной Украины. Причем удержать Киев за Москвой просили также глава Киевской митрополии Иосиф Тукальский и киево-печерский архимандрит Иннокентий Гизель, предлагавшие царю Алексею Михайловичу предпринять шаги по переводу Киева из подчинения Константинопольскому патриархату в юрисдикцию московских патриархов<sup>{736}</sup>. Православным людям на Украине снова и снова приходилось думать о том, как сохраниться между Речью Посполитой и Турцией, соглашаться ли на условия покровительства и подчинения, предлагаемые в Московском государстве. Русско-польско-турецкое столкновение за Правобережную Украину оказалось долгим. Окончания его

царь Алексей Михайлович не застал, но именно война с Османской империей стала в ближайшее время побудительным мотивом всей политики.

Уже в Андрусовском договоре 1667 года существовали некоторые «зацепки», ставившие возвращение Киева в зависимость от продолжения переговоров между Московским государством и Речью Посполитой, объединявшимися против Крымского ханства и Османской империи. Для строительства нового дипломатического союза требовалось время; обмен посольствами и переговоры позволяли оттягивать передачу Киева, обвиняя противоположную сторону в невыполнении каких-либо обязательств. И здесь снова оказалась востребованной «находчивость» Артамона Матвеева, участвовавшего в сложнейших малороссийских делах, начиная еще с уговоров Богдана Хмельницкого о принятии присяги Войска Запорожского под «высокую руку» московского царя. Когда Матвеев сменил на посту главы Малороссийского приказа Ордина-Нащокина, ему пришлось выправлять главный «андрусовский» перекося в отношениях Речи Посполитой и Москвы, случившийся из-за нерешенной проблемы принадлежности Киева. Нерешенной, конечно, так, как того требовал царь Алексей Михайлович, а не так, как складывались обстоятельства на переговорах, когда Ордину-Нащокину пришлось записать в текст договора обещание вернуть столицу Правобережья.

Артамон Матвеев вспоминал, как ему удалось ловким маневром — хитростью с «пашквилем» на царя Алексея Михайловича — остановить исполнение двух самых спорных статей «Андрусовских договоров и Московского поставления», согласно которым царь брал на себя обязательства оказывать помощь Речи Посполитой 25-тысячным корпусом московских войск в случае военного нападения на нее кого-либо из неприятелей, а также отдать Киев после проведения мирных переговоров. В «Истории о невинном заточении» приводится челобитная Матвеева, где он рассказывал, что стал думать об этом еще тогда, когда все пребывали в эйфории от заключения мира и получали щедрые царские награды по случаю завершения войны. Находясь во главе Малороссийского приказа, он начал работу по сбору «компромата»: «посылал в Черкасские города для листов королевских и сенаторских и книг укоризненных, ведая их неопасные нравы». Так он и нашел «книгу Пашквиль, речением Славенским: подсмеяние, или укоризна», печатную, которая печатана в Польше: «В той книге положен совет лукавствия их: время доходит поступать с Москвою таким образом, и время ковать цепь и Троян-скаго коня, а прочая явственнее в той книге». «Троянским конем» в Польше стали

считать экспедиционный корпус, возглавить который мог при необходимости сам царь Алексей Михайлович. Появление московских войск в пределах Речи Посполитой, пусть даже под благовидным предлогом помощи подвергнувшемуся нападению союзнику, могло иметь далекоидущие последствия.

Первые сведения о готовящемся нападении Турции на соседние страны пришли в Москву в отосланной через «Виленскую» почту грамоте короля Михаила Вишневецкого еще 21 декабря 1670 года. В грамоте ничего пока не говорилось о том, на кого готовится напасть турецкий султан и где будут открыты военные действия, а только упоминалось о необходимости выполнения прежних договоренностей о союзе. Следствием стали решения царя и Думы об обмене «великими посольствами». Но тут было все не так просто, так как в Москве получили сведения о контактах гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко с главой коронной армии гетманом Яном Собеским, возглавлявшим оппозицию королю. Возможное объединение их сил несло угрозу царской вспомогательной армии: на территории Польши она могла оказаться в тисках турецкой армии, с одной стороны, и казаков Дорошенко и войска Собеского — с другой. (Позднее слухи о их союзе не подтвердились, но сами разговоры питали взаимное недоверие.) Поэтому Артамоном Матвеевым — конечно, с ведома царя Алексея Михайловича — и была проведена дипломатическая операция, чтобы остановить действие прежних договорных статей об отсылке вспомогательного корпуса московских войск в 25 тысяч человек, а также об отдаче Киева.

Сначала московский посол Иван Иванович Чаадаев, отправленный в Речь Посполитую 31 марта 1671 года, должен был получить гарантии общего союза Речи Посполитой, Московского государства и других стран. В Москву Чаадаев возвратился в конце сентября 1671 года. Скрытой целью его посольства стала отсрочка приезда в Москву «великих послов» Речи Посполитой. Короля Михаила Вишневецкого специально просили, чтобы он принял Чаадаева до отправки своих послов и дал согласие на обсуждение дополнительных статей, противоречивших прежним договоренностям. Как писал Артамон Матвеев в своей челобитной, «чтоб польских послов упередить, и заставить их от королевского величества неотпущенных к Москве, к вам великим государям; а велено ему, будучи в ответе, сенаторам говорить, чтоб королевское величество велел дать своим великим и полномочным послам полную мочь на договаривание некаких новых статей, который явились противны договорам к стороне вашего, великих государей, царского величества».

В этом и содержался настоящий дипломатический подвох. Когда «великих послов» Речи Посполитой воеводу хелминского Яна Гнинского, Киприана Бжостовского и Александра Котовича принимали в Грановитой палате 8 декабря 1671 года, их уже ждали заготовленные «аргументы» и обвинения в нарушении Андрусовского договора и в «укоризнах» царю Алексею Михайловичу. Артамон Матвеев, по сути, повторил стратегию своего отчима и прежнего главы посольской службы думного дьяка Алмаза Иванова, сделавшего когда-то ставку на такие доказательства — публикацию «пашквильных книг» и «прописки» (искажения) титулов — в качестве предлога для разрыва Поляновского мирного договора и объявления войны Речи Посполитой в 1653 году. Кроме того, на переговорах с воеводой Яном Гнинским потребовали убрать из Посольской палаты королевского дворца в Варшаве «выображение» о победе под Клушином в 1610 году и представлении взятого в плен царя Василия Шуйского и его братьев королю Сигизмунду III. О том, насколько серьезно в Москве могли к этому относиться, в Речи Посполитой уже знали, и «великое» посольство Яна Гнинского, приехавшее подтвердить присягой и крестным целованием обещание царя Алексея Михайловича о военной помощи в войне против турок и возвращении Киева, вернулось, не исполнив своих задач. «И естли б, великий государь, — писал в своей челобитной Артамон Матвеев, — не те прописные листы и книга укоризненная, нечего б было против записи и статей говорить с послами».

В ходе переговоров, проведенных с Яном Гнинским, обсуждали возможности поиска союзников для общей борьбы с турецким султаном, но польская сторона была не готова к созданию какой-либо коалиции. Обращаясь к царю Алексею Михайловичу, посол прославлял его как победителя «диких наследников Батыя и Темир-Аксака» и «защитника Европы», но речи эти целей не достигли. Вопреки словам дипломата, не было видно, чтобы из русского и польского народов сложилась «стена христианства». Сами переговоры были посвящены тактике действий в случае нападения османов. 30 марта 1672 года стороны все-таки заключили соглашение, подтвердившее прежний союз, но с указанием на существование между Москвой и Варшавой спорных вопросов. От идеи отправки русских войск на Украину отказались. Свои союзнические обязательства Московское государство должно было выполнить по-другому, организовав походы на османов силами казаков, калмыков и ногаев «сухим путем» и донских и запорожских казаков «на море», что было много выгоднее, чем дальний поход вглубь Речи Посполитой царских полков. Передачу Киева тоже отложили до 1674 года. В утешение королю

Михаилу Вишневецкому был отправлен живой белый медведь в сопровождении специально обученных управляться с ним конюхов и псарей...[{737}](#)

Переговоры в Москве стали причиной перемен в настроении гетмана Демьяна Ивановича Многогрешного. Представители гетмана должны были быть допущены к этим переговорам, для чего гетман и отправил в Москву киевского полковника Константина Дмитриевича Солонину. Однако польская сторона категорически воспротивилась участию в переговорах казачьих «дипломатов». И это только подогрело подозрения гетмана в том, что московская сторона пытается его обмануть. Казаки боялись, что за их спиной решили договориться о сдаче Киева, чего гетман Левобережья и его сторонники ни в коем случае не хотели допустить.

Возникшее недоверие к царю Алексею Михайловичу и его посланникам в Батурине толкнуло гетмана на неверные шаги, истолкованные как измена. Демьян Многогрешный начал переписку с Петром Дорошенко, пошли разговоры о поиске другого, более сильного правителя, который мог бы защитить казаков Левобережья. Гетман Многогрешный зачем-то отгородил «шанцами» от московской стрелецкой охраны часть укреплений Чернигова и стал пугать старшину, что царь Алексей Михайлович хочет всю ее арестовать и переселить в Сибирь. Однако казачья старшина не стала дожидаться, пока Многогрешный повторит путь Брюховецкого.

В ночь на 13 марта 1672 года в результате заговора Демьян Многогрешный был арестован и под охраной отправлен в Москву. 14 апреля его уже допрашивали в Посольском приказе бояре и все тот же Артамон Матвеев. Допросы и пытки гетмана и его братьев продолжались до конца мая, пока 28-го числа бояре не приговорили казнить их на Болоте. Причем просили этого сами казаки, боявшиеся, что царь Алексей Михайлович отошлет гетмана обратно на раду. В этом случае последствия по обеим сторонам Днепра были бы непредсказуемыми. Обвиненного в измене гетмана Многогрешного и его брата Василия приводили к плахе, но царь Алексей Михайлович в последний момент отменил смертную казнь, ссылаясь на «упрощение» своих сыновей, царевичей Федора и Ивана. Важный момент преемственности подданства всегда принимался в расчет. Бывшему гетману и членам его семьи пожаловали милостыню и приказали отправить их в ссылку в Сибирь.

Может быть, сказалось то, что гетман Многогрешный не успел предпринять никаких действий, а в царской семье со дня на день ожидали первых родов царицы Натальи Кирилловны и не хотели омрачать это

ожидание громкой казнью. Сказывались и уже начинавшиеся сполохи предстоящей большой войны с Турцией. 30 апреля началась подготовка к будущей раде, куда были назначены князь Ромодановский и незаменимый Матвеев. В Москве сформулировали статьи, которые должна была принять старшина. Первым пунктом стояло подтверждение подданства царю Алексею Михайловичу и его детям, а вторым — указание на то, что с послом Яном Гнинским договорились отложить решение вопроса о Киеве до 182-го (1674) года. Снимая главные подозрения Многогрешного, казакам прямо говорили о воле царя Алексея Михайловича: «А город Киев, за нарушением королевского величества стороны, великий государь, его царское величество уступить никогда не велит».

17 июня 1672 года преемником Многогрешного был выбран тридцатилетний генеральный судья Иван Самойлович — человек образованный и долгие годы, как и предполагал «выбравший» его еще ранее Артамон Матвеев, хранивший верность московским царям. На раде, состоявшейся в Казацкой Дубраве, между Путивлем и Конотопом, Иван Самойлович получил из рук князя Григория Григорьевича Ромодановского символы гетманской власти — знамя, булаву, грамоты. В связи с его избранием было принято десять дополнительных, так называемых Конотопских статей, корректировавших решения прежней Глуховской рады. Пункт об участии представителей казаков на переговорах с Речью Посполитой, Крымом и другими государствами был исключен. Казаки также лишались права на самостоятельное ведение любых «иностранных» дел. При этом значительно увеличивались права самой старшины, увидевшей, что даже московские воеводы в чем-то были лучше, чем ставленники Многогрешного, поэтому взявшие назначение на уряды в свои руки<sup>[738]</sup>. Очередная малороссийская «замяття» завершилась сравнительно мирно, а казаки успели восславить на раде рождение царевича Петра, конечно, не зная о той роли, которая была уготована будущему первому русскому императору в уничтожении самостоятельности Гетманщины.

Вернемся к решениям, принятым после отъезда из Москвы посольства воеводы Яна Гнинского в конце марта 1672 года. Царским уполномоченным на переговорах с польскими комиссарами был дан новый наказ, где основными причинами, по которым Киев не был отдан Речи Посполитой, выставлялись общие действия гетмана Дорошенко и Яна Собеского, а также умаление титулов и печатание «многих книг на латинском языке царского величества к лицу на великое безчестие и укоризну, чего и простому человеку терпеть и слышать не годитца, не толко что великому государю нашему, его царскому величеству, помазаннику Божию и монарху

христианскому». За этой дипломатической завесой из надуманных обвинений остались скрытыми другие, более важные шаги, немедленно последовавшие за отпуском «великого посольства». Согласно новым договоренностям, в Москве предприняли действия по давлению на Крым, чтобы не дать татарам крымского царя прийти на помощь турецкому султану. Однако когда традиционно весной начались татарские набеги (в мае 1672 года от них пострадали Волуйки), выяснилась картина полной неподготовленности к серьезным столкновениям с крымцами.

Еще одним итогом переговоров с Речью Посполитой стала отправка гонцов в Крым и в Турцию. Особенно важной оказалась миссия толмача Василия Александровича Даудова, повезшего грамоту царя самому турецкому султану Мехмеду IV. «Государь писал, — передает содержание этой грамоты С. М. Соловьев, — чтобы Магомет удержался от войны с Польшею и хану запретил ходить на короля; в противном случае, он, как государь христианский, обо-славшись со всеми государями христианскими, станет против турок промысл чинить, пошлет к донским казакам указ, чтоб шли на Черное море, сухим путем пошлет калмыков, нагаев и едисанских (кочевавших под Астраханью. — В. К.) татар». Нетрудно заметить, что в грамоте дословно перечислялись меры, принятые на себя московским правительством по итогам переговоров с Яном Гнинским. Почему же дипломаты царя Алексея Михайловича заранее раскрыли всю тактику своих действий? Сделано это было намеренно, так как султан к моменту получения грамоты должен был узнать об открытии военных действий вокруг Азова. Донских казаков стали поднимать на борьбу с Крымом грамотами на Дон, отправленными к атаману Корниле Яковлеву и всему Войску Донскому еще в конце марта 1672 года. Казакам слали жалованье и говорили о готовившемся походе крымского хана на польские украинные городы. Их просили, «как лед вскроется», «на море по прежнему стругами выходить, и в которых местех мощно, разоренье чинить, чтоб такими вас, Донскаго Войска, промыслы хан конечно войска свои от войны отставил».

Новую грамоту из Посольского приказа с указом наступать на каланчи — башни-укрепления, выстроенные для защиты Азова от прохода на стругах донских казаков, привез ехавший в Константинополь толмач Василий Даудов. В челобитной, описывавшей его царские службы, он писал: «Велено им казаком проведать отпуск мой, холопа вашего, из Азова в Царьград, итить со всем войском и с пушками и бить Каланчинские обе башни». Миссия Даудова чуть не сорвалась, когда казаки не дождались его отъезда из Азова и напали на каланчи, разрушив одну из башен. Не без оснований приписав русскому гонцу роль лазутчика, Даудова собирались



уже повесить за ногу на другой башне, но тут случилось «чудо»: ветром с «Гнилого» моря (одного из азовских лиманов) потопило казачьи укрепления (шанцы), и казаки вынуждены были отступить и снять осаду «Каланчинских башен», после чего Даудову все-таки разрешили уехать из Азова в Константинополь. Но и там его ждал соответствующий прием. Султан готов был казнить его, но пощадил, склоняясь на уговоры советников — муфтия и визиря, обращавших внимание на дипломатический статус «посланного человека» московского царя.

В «памяти» Василия Даудова сохранились даты его опасного путешествия, позволяющие уточнить хронологию первых столкновений Московского государства с Крымом: «А з Дону из Черкасакого горотка отъпущен в Азов июня в 29-м числе, а донския казаки приходили под Колонъчиския башни августа в двотцатом числе и били башни августа 1 числа, а оташли прочь ани, казаки, сеньтября 1 день». Эти события под Азовом не были единичными, чуть позже донские казаки повторили свой приход под Азов, а тем временем запорожские казаки напали в сентябре на Перекоп. Этим и исчерпывался пока «актив союзнической политики России в 1672 году», но само давление на Азов и Крым стало преддверием начинавшейся русско-турецкой войны<sup>[739]</sup>.

Готовившаяся несколько месяцев война началась с похода турецкого и крымского войска во главе с султаном Мехмедом IV, перешедшим через Днестр 3–6 июля (23–26 июня по старому стилю) 1672 года. Сопротивление вторжению могли оказать только немногочисленные гарнизоны польских войск на Правобережье и отряды уманского полковника и гетмана Михаила Ханенко, признававшего власть Короны. Другой гетман Правобережной Украины, Петр Дорошенко, давно присягнул султану и воевал на его стороне. Османское войско достигало, по разным подсчетам, 100–150 тысяч. Целью его был ключевой пункт в Подолье — Каменец-Подольский, взятый в сентябре в результате двухнедельного штурма. Об этих событиях и в Польше, и у нас лучше всего знают по знаменитому фильму режиссера Ежи Гофмана «Пан Володыевский» (1969), поставленному по одноименному роману классика польской исторической литературы Генрика Сенкевича, впервые опубликованному в конце XIX века. Дальше армия султана продолжила наступление на Львов, и чтобы не потерять еще и этот город, представители короля 16 октября 1672 года заключили с султаном Бучачский мир. Согласно ему, султан приобретал права на земли прежнего Подольского воеводства, где создавалась новая турецкая провинция — Каменец-Подольский эйялет. Вассал султана гетман Петр Дорошенко

становился правителем в других прежних землях казаков на Правобережье. В договоре было записано: «Украина против давних рубежей имеет бытьи при казаках», хотя фактически дело шло к поглощению этой территории Османской империей, потому что все крепости должны быть оставлены и даже в Чигирине должен был поселиться наместник султана<sup>[740]</sup>. Договор был вынужденным для Польской Короны и содержал условия сепаратного раздела территории Правобережья, что противоречило Андрусовскому договору. Договоренности с султаном не были в дальнейшем ратифицированы сеймом, но ссылки на Бучачский договор стали главным аргументом дипломатов царя Алексея Михайловича, с этого времени переставших искать другие предлоги для удержания Киева.

Известие о взятии Каменец-Подольского послужило официальным поводом для вступления Московского государства в войну. 6 октября 1672 года на Постельном крыльце был оглашен указ служилым людям о готовности к службе, грамоты об этом были разосланы по городам. В них говорилось о полученных от польского короля Михаила Вишневецкого сведениях о походе турецкого султана и крымского хана «на пагубу государств христианских». Рассказывая о взятии Каменец-Подольского, всячески подчеркивали действия султана, связанные с насильственным распространением «бусурманской веры» и унижением христиан вопреки данному им обещанию: «...с церковей кресты и из церковей всякую утварь и колокола обрал, и в мечети церкви все обратил, и христиан всех посек на искоренение, чтоб имени христианского к тому не помянулось». Хотя главные христианские храмы Каменец-Подольского действительно были превращены в мечети, подробности преследования христиан намеренно подавались в преувеличенном виде. Придя на Подолье, султан, напротив, вначале пытался демонстрировать веротерпимость и обещал защиту будущим подданным-христианам. Но царь Алексей Михайлович видел то, что хотел видеть. Дальше в указе говорилось о стремлении турецкого султана напасть на Московское государство: «...и тщится теми своими многочисленными войски государство его королевского величества обовладеть и далее войною в окрестные христианские государства вступить, паче ж на наше великого государя государство тщится войною». Таким образом, 6 октября слово о войне против турецкого султана было уже сказано...

Еще более показателен другой указ — о походе русской армии в Путивль, объявленный на Постельном крыльце 27 ноября 1672 года. К этому времени были получены новые подробности каменец-подольской осады и последующего «освоения» города османами. Киевский воевода

окольничий князь Григорий Афанасьевич Козловский писал, «что после взятия Каменца Подольского святыя иконы из церквей православных турки выносили и клали в проезжих воротех и велели Каменца Подольского жителем, Христианом и розных вер людем, по тем святым иконам идтить и всякое поругателство чинить»<sup>{741}</sup>. Но и это еще было не всё: тех людей, кто благочестиво отказывался, «помня православную христианскую веру», «турки побили до смерти». После такого рассказа не требовалось объяснять, зачем царь Алексей Михайлович объявлял войну «на оборону святыя церкви и православных христиан на избавление». Царь собирался сам возглавить армию: «идтить своею государскою особою против неприятеля своего, Турского салтана». Для этого в ближайшее время в Путивле должен быть построен «государской двор», а по зимнему пути все служилые люди должны отправлять запасы для службы, где их будут записывать специально назначенные для этого дворяне. «Готовность» к службе снова подтверждалась, но и без этого можно было понять, что Московское государство вступило в долгую полосу противостояния с Османской империей.

Старые идеи об общем союзе против «бусурман» оказались снова востребованными в дипломатической повестке Посольского приказа. С октября 1672 года можно видеть нарастающую активность с отправкой посольств шотландского полковника Павла Менезия, переводчика Андрея Виниуса, подьячего Посольского приказа Емельяна Украинцева. Всюду, от Вены и даже до папского Рима, в воюющих между собой Франции и Голландии и других европейских странах, должны были узнать о предложении царя Алексея Михайловича о новом крестовом походе на Константинополь. Однако царь и его дипломаты тщетно стремились повлиять на сложившуюся в Европе дипломатическую повестку и вмешаться в противостояние двух главных центров силы — Франции и Австрийской империи. Начавшаяся в 1672 году франко-голландская война оказалась почти такой же долгой, как и столкновение восточноевропейских государств с османами. Союзников, готовых жертвовать текущими интересами ради общей идеи борьбы за христианскую веру, не нашлось. Московское государство и Речь Посполитая остались один на один с агрессией Османской империи<sup>{742}</sup>.

В миссию подьячего Емельяна Украинцева, отправленного в Швецию и Данию, входила также передача приглашения королю Карлу XI о присылке великих и полномочных послов. Приглашение попало в Швецию в разгар споров между разными партиями, одна из которых давно искала

повода начать новую войну с Московским государством. В 1672 году королевский историограф Юхан Видекинд выпустил «Историю шведско-московитской войны», рассказывающую о временах Смуты и последующих военных столкновениях Швеции с Речью Посполитой и Россией. Другая партия больше стремилась к мирному решению накопившихся спорных вопросов, особенно в области торговли. Самым большим желанием шведских политиков было перенесение «стапелей» из Архангельска в Нарву, с Белого на Балтийское море. С этими идеями и поехало в Московское государство большое посольство Густава Оксеншерны, прибывшее в столицу в самом конце декабря 1673 года. Особенно памятным оно стало потому, что в его составе находился шведский офицер, инженер-капитан Эрик Пальмквист, обладавший замечательным талантом рисовальщика, а еще... разведчика. Он составил альбом путешествия шведского посольства, где тщательно зафиксировал путь от границы, состояние и планы крепостей, нашел сведения о дорогах Московского царства, привел имена иноземных офицеров русского войска и зарисовал знамена стрелецких полков. Во время возможной войны такая информация была бы, очевидно, востребована, но главной целью посольства Оксеншерны было все-таки обсуждение условий взаимовыгодной торговли, решение вопросов с перебежчиками и остающимися спорными участками границы двух государств.

Статьи, поданные посольством Густава Оксеншерны во время переговоров 20 марта 1674 года, показывали заинтересованность шведов в своеобразном «пакте о ненападении» в случае начала войны Швеции или России с третьими странами: «покаместа война будет, опасения междо себя никакова не имети». Интерес царя Алексея Михайловича был совсем в другом, он стремился заручиться поддержкой государств в начинавшейся войне с Турцией. Как об этом было написано еще в грамоте, посланной с подьячим Емельяном Украинцевым в Швецию: «чтоб с нашим царским величеством соединение учинить против сильного неприятеля Турского салтана, который намерен все христианство овладеть». Миссия «великого и полномочного» посольства Густава Оксеншерны осталась невыполненной; подтвердив прежние мирные договоры, послов отпустили из Москвы 19 июня 1674 года, обещая послать свое «великое и полномочное» посольство только в том случае, если шведский король примет предложение царя<sup>[743]</sup>.

Подготовка к войне с Турцией внутри царства ознаменовалась привычными мерами. Вводились новые налоги, обеспечение войны финансами перекладывалось на плечи посадских людей и тех служилых людей, кто не мог сам идти в поход по причине старости, ран и увечий, или

«не поспевших» в службу недорослей. В указе от 18 декабря 1672 года прямо говорилось о сборе денег для войны с султаном, который, по полученным «вестям», «совершенно уклонился к военной готовности, и нынешнюю весною хочет идти под Киев войною, и Малороссийские города и Северскую Украину разорить, и святые церкви обругать, и веру православную и все христианство искоренять совершенно намерил». Готовясь к походу, царь и бояре приговорили вернуться к уже однажды вводившемуся сбору полтинных денег, взыскать с патриарших, архиерейских и монастырских вотчин, бояр, думных, ближних и других чинов «против сбора 169-го (1661) года по полтине с двора». Члены Государева двора, назначенные на службу в полки, от такого сбора освобождались, «потому, что они на той нашей государеве службе будут с тех же своих поместей и вотчин сами». Все посадские, торговые, промышленные и ремесленные люди, начиная с «именитых людей Строгановых», гостей, крупных купцов Гостиной и Суконной сотен, обязаны были уплатить десятую деньгу. Правда, рядом с «кнутом» был и «пряник»: состоялось давно ожидавшееся решение о раздаче земель в «Украинных» городах и особенно в Диком поле<sup>[744]</sup>. Богатые хлебом земли южных уездов служили источником обеспечения армии, а служилые люди с особым рвением должны были защищать в грядущей войне с османами и крымскими татарами границу, где им разрешили «приискивать» поместья.

### **«...Короне Польской уступлены не будете»**

Начало русско-турецкой войны оказалось странным. Сказано было много слов о неприятеле, сформулирована идеология «войны за христианство», велись дипломатические поиски союзников, происходила мобилизация сил и ресурсов, организовывалось давление на Азов и Крым, чтобы не дать в полной мере использовать их ресурсы. Но прямое военное столкновение всех участников войны происходило на одном, самом важном на тот момент театре военных действий — Правобережной Украине, которую делили между собой Речь Посполитая и Турция (вопреки недовольству Крыма). Но судьбу Правобережья, как оказалось, сложно было решить без учета статуса и интересов Левобережной Украины, вошедшей в состав Московского государства. В итоге польско-турецкого противостояния население Правобережной Украины в прямом смысле проголосовало «ногами»: одних увели в плен или уничтожили, а другие вынужденно искали спасения — кто в землях Речи Посполитой, а кто у

своей братии казаков в Левобережье под той же «высокой рукой» царя Алексея Михайловича.

Общие походы русского войска во главе с царем так и не случились, а царский дворец в Путивле не был построен, нужды в нем не оказалось. Важнейшими событиями первых лет русско-турецкой войны стали наступательные действия Белгородского полка боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского и нового гетмана Левобережья Ивана Самойловича, обозначавшие интересы московского правительства по удержанию за собой Киева. После завоевания Каменец-Подольского турецкий султан столкнулся с противостоянием войск Речи Посполитой, отказавшейся ратифицировать статьи Бучачского мира и выплачивать султану оговоренное вознаграждение, фактически дань — «харадж». Все это обусловило повторение летом 1673 года турецкого похода в Подолье, на этот раз завершившегося знаменитым разгромом Яном Собеским турок у Хотина 10–11 ноября 1673 года. В разгар этих событий умер король Михаил Вишневецкий, и в Польше снова наступило бескорольевье, обострившее противоречия между Литвой и Короной. Царь Алексей Михайлович, как сказано выше, не был совсем уж сторонним наблюдателем событий, но и особенного влияния на выборы московская сторона не могла оказать. Выбор королем Яна Собеского — фаворита французского королевского двора — означал для Москвы появление нового сильного неприятеля. Хотя Речь Посполитая и Московское государство были связаны общей борьбой с османами на Правобережной Украине, интересы нового короля находились в Европе, где он стремился начать свою войну за Балтику, на этот раз вместе со шведами и против традиционных союзников России — бранденбургского курфюрста и Дании.

Первые успехи русского войска на Правобережье относятся к зиме 1674 года и связаны с поражением гетмана Петра Дорошенко, стремительно терявшего поддержку разоренного населения Правобережной Украины. Князь Ромодановский и гетман Левобережья Иван Самойлович совершили рейд «устрашения» к Чигирину, но не стали брать ставку гетмана Правобережья в осаду, а лишь разорили подступы к гетманской столице. На обратном пути, пройдя от Черкас по льду Днепра, они сумели договориться о мирной сдаче Канева. Действительно, в этот момент из-за тяжелой войны и под влиянием перемен в Речи Посполитой снова встал вопрос о подданстве многих казачьих полков, до этого времени не признававших власть царя Алексея Михайловича. Гетман Дорошенко, как и раньше, мог опираться только на поставившего его султана Мехмеда IV. Но это уже не устраивало казачью старшину и население Украины.

В результате на раде в Переяславе 17 марта 1674 года обозный Иван Гулак и старшина десяти правобережных полков договорились об избрании Ивана Самойловича общим гетманом Левобережья и Правобережья на особых статьях, устанавливавших порядок «подданства» Войска Запорожского царю Алексею Михайловичу. Царь принимал на себя обязательство защищать казаков от военных походов «врагов креста Христова» — турецкого султана, крымского хана и «иных неприятелей». Здесь, конечно, имелась в виду прямо не названная Польша. Напротив, казакам запрещалось самостоятельно оказывать помощь Речи Посполитой в борьбе с султаном, если только не будет об этом особого царского указа. Устранялась и норма об участии представителей Войска на дипломатических переговорах, обычно неисполнявшаяся и только затруднявшая посольские дела. На большинство других статей по челобитной заднепровской старшины царь Алексей Михайлович дал согласие: были регламентированы вопросы сбора налогов и выплаты жалованья старшине и реестровым казакам, смены гетмана, освобождения казаков от постоянной повинности, перехода жителей из Московского государства в малороссийские города, торговли и многое другое. 20 лет спустя после памятной рады 1654 года в Переяславе снова появился гетман, объединивший Украину и присягнувший в подданство царю Алексею Михайловичу. В присутствии генеральной старшины и полковников правобережных полков гетман Иван Самойлович получил специально приготовленные в Оружейной палате и присланные на раду знаки гетманской власти: знамя, «середина тафта белая, опушка тафта алая, в середине орел двоголавый; к тому же знамени крест серебряной белой», бунчук и булаву: «серебряная золочена с чернью, с камени и с бирюзы».

В Москве успели привлечь на свою сторону полки Правобережной Украины, воспользовавшись трудным временем бескоролья, когда возможности повлиять из Варшавы на позицию казаков Запорожского Войска естественно сократились. Сейм, на котором избрали короля Яна Собеского, продолжался с 20 апреля по 9 мая (нового стиля) 1674 года. И практически в это же время были посланы грамоты всем полковникам, бывшим на Переяславской раде и волновавшимся, будет ли оказана им защита от притязаний Речи Посполитой. Пожалуй, образнее других о новом положении правобережного казачества высказался брацлавский полковник Павел Лисица: «Татар ежечас ис поля осматривают, а сверху ляхи наступают!» Речь шла о действиях гетмана Петра Дорошенко, продолжавшего воевать с непокорными казаками при поддержке вспомогательных татарских войск. С помощью военной силы пытался



отменить присягу правобережных полков московскому царю комендант Речи Посполитой на Правобережье Андрей Мадриевский, чья ставка располагалась в Белой Церкви. В отличие от «статей», принятых на раде, где нельзя было допустить никаких выпадов в сторону союзников в войне с Турцией, в царских грамотах полковникам правобережных полков прямо объяснили защиту своей позиции тем, что правобережное казачество было принято в «вечное подданство» из подданства «турского салтана, а не от Коруны Польской». Поэтому в грамоте царя Алексея Михайловича белоцерковскому полковнику Степану Бутенко (одному из участников Переяславской рады), отправленной из Москвы 9 апреля 1674 года, содержалось определенное обещание: «Ныне и никогда вы Короне Польской уступлены не будете»<sup>[745]</sup>.

Ближайшие месяцы показали, что царь Алексей Михайлович намерен был сдержать свое обещание. Но сделать это было нелегко. Бои русского войска под Чигирином привели к угрозе прямого столкновения с войском султана, оказавшего помощь Петру Дорошенко в ответ на его отчаянные призывы. «Паки барабаши и москали великим своими войсками на сию страну украинскую наступили», — жаловался гетман турецкому визирю, презрительно называя бросивших его казаков лизоблюдами — «барабашами». По признанию Дорошенко, против него воевали 14 полков, то есть большинство левобережных и правобережных казаков. Подступившая к Чигирину рать боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского насчитывала еще две тысячи человек. Приданное Дорошенко пятитысячное крымское войско не оправдало возложенных на него надежд и разбежалось. Поэтому гетман и просил прислать к нему какого-нибудь турецкого военачальника — пашу с войском: «аще 10 000 или 20 000 татар ко мне присланы будут, без турского войска ничего доброго не учинитца».

Письма гетмана Петра Дорошенко были посланы в Стамбул с его доверенным человеком Иваном Мазепой в середине июня 1674 года. Но, к счастью для русского правительства, казаки кошевого атамана Запорожской Сечи Ивана Серко поймали посланца гетмана. Показательно, что Мазепа вез с собой 15 левобережных казаков-невольников, которых гетман посылал султану в качестве подарка! Отданные Мазепой кошевому атаману письма, наверное, спасли ему жизнь, потому что Серко переслал их Самойловичу, а тот — в Москву. За пять недель, что Иван Мазепа провел в Сечи, ожидая гибели, вокруг него бушевали нешуточные страсти. 8 июля 1674 года из Москвы была направлена царская грамота, в которой от Ивана Серко требовали присылки Мазепы, а еще повторяли требование о выдаче

самозванца Лжесимеона (о судьбе которого рассказано выше). Кошевой атаман вынужден был согласиться на это (особенно после того, как князь Ромодановский приказал арестовать его жену в Харькове) и исполнить царскую просьбу, но притом просил об отпуске Мазепы, чтобы его не обвинили в нарушении законов Сечи.

Здесь и произошла важная встреча, имевшая долгие последствия для двух малороссийских гетманов — Ивана Самойловича и сменившего его со временем, не без предательства, Ивана Мазепы. В 1674 году Мазепа рассказал Самойловичу все, что знал, находясь в приближении у гетмана Дорошенко, о контактах гетмана Правобережья с Турцией и о стремлении новоизбранного польского короля Яна III заключить союз с Портой. Сведения эти имели чрезвычайное значение для Гетманщины, подтверждая давно сложившееся там негативное отношение к действиям Речи Посполитой в отношении Украины. Русский резидент в Варшаве Василий Михайлович Тяпкин подтвердил в сообщении в Москву в августе 1674 года показания Мазепы: король действительно задумал «с турецким и с крымским ссылатца», для того, чтобы «Украину им всю отдать, а себе Каменец и иные завоеванные край привратить». В дальнейшем, по мнению резидента, король Ян Собеский планирует «обще с татары и турки идти на государство Московское».

Иван Мазепа, как замечает его биограф Татьяна Геннадьевна Таирова-Яковлева, всегда умел произвести должное впечатление на окружающих. Не стал исключением и гетман Иван Самойлович («Мой ласкавый господине Мазепо!» — обращался он к бывшему стороннику Дорошенко перед отправкой того в Москву 15 июля 1674 года). Мазепе пообещали даже, что он сможет беспрепятственно возвратиться домой. Взамен гетман просил одного: чтобы Мазепа рассказал при допросе в Малороссийском приказе всё, что знает: «о замыслах Дорошенковых, о договорах Сабезжского с Турком, о хане, о Серке и иных».

Иван Мазепа, пока просто «дорошенковский казак», как его называли в документах, попав впервые в Москву, был достаточно красноречив на допросе 5 августа 1674 года. Он умело подчеркнул свою роль во время последней Переяславской рады, куда он тоже ездил посланцем от гетмана Дорошенко, и говорил, что правобережный гетман якобы даже склонялся к присяге московскому царю и советовался об этом с жителями Чигирина. А помешал этому... не кто иной, как Серко, вмешавшийся в контакты Дорошенко с князем Ромодановским! Запорожцы, напротив, предлагали сделать так, «как было при бывшем гетмане Хмельницком», объединившись еще «и с ханом крымским».

Когда пришли сведения о выборе в короли Речи Посполитой Яна Собеского, разговоры о возможном воссоединении Дорошенко со своими полковниками, участвовавшими в Переяславской раде, прекратились. Иван Мазепа подтвердил давнюю «боевую» дружбу Собеского и Дорошенко со времен Подгаецкого мирного договора, заключенного в октябре 1667 года. Тогда превосходящие силы украинского гетмана в союзе с крымскими татарами потерпели поражение от войска будущего короля и вынуждены были пойти на соглашение о признании Правобережья частью Речи Посполитой. Подгаецкий договор двух последовательных противников царя Алексея Михайловича оказался очень прочным: «Да он же Мазепа сказывал: крепкая де и подлинная приязнь Сабезского с Дорошенко от Подгаецкой, учиненной меж себя згоды». Доказательством стали изложенные Мазепой статьи, предлагавшие Дорошенко покинуть «турецкую протекцию» и возвратиться в подданство Речи Посполитой. Сообщал Мазепа и о планах совместного похода крымских татар и турецкого султана на Московское государство, передавая речи, услышанные «в везирском шатре» недавно вернувшимся из Стамбула «толмачом Дорошенковым». Там уже в открытую издевались над противником: «какие де разумные люди ляхи! Что есми имели у них в Кракове обедати, то ныне будем под Киевом вечеряти». Артамон Матвеев, конечно, пересказал царю Алексею Михайловичу все, что услышал от слишком хорошо информированного для обычного казака Ивана Мазепы. Царь даже захотел его принять вместе с остальными посланцами гетмана Самойловича и распорядился выдать ему жалованье и пару соболей «в три рубли». В грамоте Петру Дорошенко 15 августа 1674 года писали: «А Иван Мазепа, у нашего царского величества будучи на Москве, наши царского величества пресветлые очи видел и милость нашу государскую получил».

Возникшая угроза Киеву была воспринята серьезно, тем более что в Москву в то же время, когда допрашивали Ивана Мазепу, стали приходить отписки боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского и гетмана Ивана Самойловича, с 23 июля начавших осаду Чигирина и получивших сведения о планах совместного похода турецких и крымских войск на Киев. Дошли эти слухи и до самого Киева. Жители начали готовиться к тому, чтобы покинуть город при приближении неприятеля. Грамоты об этом были направлены в Малороссийский приказ. Архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель просил разрешения вывезти лаврские святыни на время в Путивль, но получил отказ, так как это грозило «тревогой» во внутренних областях Московского государства. Непонятно, что было делать с мощами святых в лаврских пещерах, их бы тоже

пришлось прятать («где Бог место во обители святой покажет, тамо скроем»). Но вопреки опасениям, армия турецкого султана не дошла до Киева. В 1674 году Иннокентий Гизель издал в лаврской типографии знаменитый «Синописис», обосновав в этом своеобразном историческом произведении возвращение «царственного» значения Киева при царе Алексее Михайловиче. Ученый монах называл царя «рогом Христа»: «... царственный той град Киев в его скиптроносный царски руке, яко природное царское его присвоение, возврати», и подчеркивал идею общности «российских народов»<sup>[746]</sup>. Общности, можно добавить, едва не рухнувшей из-за угрозы «агарянского ига» и превращения киевских церквей в мечети, как это произошло в Каменец-Подольском.

Новый поход летом 1674 года турецкой армии, форсировавшей 29 июля Днестр, действительно происходил с учетом событий на Правобережье. С одной стороны, султан хотел отомстить за поражения в предшествующий год войны, поэтому османы обрушилась на восставшие гарнизоны городов и крепости Правобережья, поголовно вырезая и уводя в плен всех, кто сопротивлялся утверждению власти османов. С другой стороны, отвечая на усиление позиций Московского государства, турецкий султан оказал помощь своему ставленнику гетману Петру Дорошенко.

10 августа 1674 года под натиском турецко-крымской армии князь Ромодановский и гетман Самойлович сняли осаду Чигирина. Воодушевленный полученной поддержкой крымского хана, гетман Дорошенко попытался преследовать отступавшие московские войска и дал им бой в Черкасах. Войска Ромодановского оказались вытесненными в Левобережье, поэтому если сначала думали привлечь гетмана Петра Дорошенко в подданство царю Алексею Михайловичу, то после боев под Чигирином и Черкасами сложилась другая ситуация, требовавшая немедленной мобилизации русских сил. Отвечало это и союзническим обязательствам в делах с Речью Посполитой. Гетман польный коронный Дмитрий Вишневецкий призывал из Львова киевского воеводу князя Юрия Петровича Трубецкого к «случению сил», о том же должны были договариваться на давно ожидавшейся Андрусовской комиссии представители короля Яна Собеского и царя Алексея Михайловича.

В ход пошел опять главный аргумент: о желании царя Алексея Михайловича во главе своей армии идти в поход «своею государскою особою», о чем был извещен посланец гетмана Ивана Самойловича. Царь собирался в поход «против неприятелей креста Христова и всех православных христиан гонителя, турского салтана и крымского хана, которые намерение свое имеют и хвалятца в гордости своей на его царского

величества государства войною». Главная цель похода, следовательно, по-прежнему была защита христианства, как и при объявлении войны 6 октября 1672 года. Но царь Алексей Михайлович шел в поход еще и «на избаву... малороссийского народу обывателем». 26 августа 1674 года была послана грамота белоцерковскому полковнику Степану Бутенко (одному из присягнувших в подданство в Переяславе) с подробным рассказом о плане войны. Вероятно, в Москве хотели также, чтобы в Белой Церкви — главном оплоте Речи Посполитой на Правобережье — в первую очередь узнали о масштабных действиях своего союзника в противостоянии с Турцией и Крымом. Во главе своей армии царь ставил боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, «предуготовляючи» его «со многими нашего царского величества ратными конными и пешими людьми, и с большим пушечным нарядом и со многими воинскими всякими припасы». Показательно, что ближний боярин сразу же получал еще и дипломатический ранг наместника — видимо, для того, чтобы дальше, в зависимости от успехов войска, вести переговоры на Правобережье.

Первым в поход «в малороссийские города» был назначен его «товарищ» окольный князь Константин Осипович Щербатов (потом его сменил воевода князь Владимир Дмитриевич Долгорукий, хотя назначение князя Щербатова на службу также оставалось в силе). Велено было выслать в полки, «не замотчав» (без промедления), даже новых подданных царя — «смоленскую шляхту». Смоленск, славный в памяти во времена прежних «государевых походов» царя Алексея Михайловича, вообще стал одним из основных мест сбора; боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому было велено идти туда с полками из Новгорода и Пскова. В случае если турецкий султан, крымский хан и «сын по-гибелный Дорошенко» осуществили бы свое намерение, новгородский и псковский полки следовало задействовать в малороссийском походе. Хотя полностью оставлять без защиты «немецкую Украину» и шведскую границу было очень рискованно.

На помощь главным силам в Левобережье — полкам боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского и гетмана Ивана Самойловича — был также отправлен из Рыльска полк князя Федора Григорьевича Ромодановского. Но воеводу отозвали в Москву и на его место поставили князя Григория Афанасьевича Козловского. Одновременно подданные царя кабардинский князь Казбулат Муцалович Черкасский и калмыцкий «Солом Серен тайша со всеми улусными людьми» отправлялись через Дон в поход на Крым «для промыслу и отвращения турской войны от наших царского величества малороссийских городов». Стольник князь Петр Иванович Хованский должен был координировать свои действия с князем Черкасским

и калмыцкими тайшами, возглавить поход донских казаков и, главное, «идти с Дону на Миус и делать город». Попытка строительства русской крепости в устье реки Миуса у Азовского моря была связана с идеей морской блокады Азова, необходимость которой осознавалась уже тогда. Правда, сил у царских войск и донских казаков, для того чтобы противостоять турецким кораблям и «каторгам», пока не было.

Подготовка к царскому походу в малороссийские города продолжалась и во время наступления новолетия и «объявления царевича Федора Алексеевича 1 сентября 1674 года. Одним из первых публичных действий царевича, и уж точно первым приемом «у руки» отправлявшихся в поход воевод, стала церемония во дворце 4 сентября, когда, по сообщению разрядных книг, царевич Федор Алексеевич принял окольных князя Григория Афанасьевича Козловского, князя Константина Осиповича Щербатова и князя Владимира Дмитриевича Долгорукого, а также дьяков, рейтарских полковников, голов и начальных людей московских стрелецких полков, «которым быть на его великого государя службе». Одновременно 4 сентября в Москву пришли известия от князя Григория Григорьевича Ромодановского и гетмана Ивана Самойловича о их благополучном отходе с войском, вставшим «по сю сторону Днепра». Привоз в Москву самозванца Лжесимеона тоже должен был подтвердить союз с казаками Запорожской Сечи в борьбе против татар и крымцев на Украине. Только все это мало помогало поставленной задаче быстро собрать войско в наступавшие осенние месяцы, когда армию, напротив, обычно распускали по зимним квартирам.

Невидимым для большинства дипломатическим фоном приготовлений малороссийского похода стало давно ожидавшееся открытие Андрусовской комиссии в Миговичах, куда на съезд с представителями нового польского короля Яна Собеского еще 11 июня 1674 года были назначены «великие и полномочные послы» во главе с ближним боярином князем Никитой Ивановичем Одоевским. Вместе с ним в состав московской делегации входил его внук — ближний стольник князь Юрий Михайлович Одоевский, а также прекрасно разбиравшийся в малороссийских делах бывший воевода в Переяславе и Киеве думный дворянин Иван Иванович Чаадаев. Им пришлось долго ждать приезда представителей Речи Посполитой во главе со старыми знакомыми московских дипломатов — воеводой хелминским Яном Гнинским и референдарем Великого княжества Литовского Киприаном Бжостовским. Встретившись впервые 16 сентября и обменявшись верительными грамотами, стороны продолжили старые споры, остановленные на прежнем посольстве в Москву в 1672 году.

Согласно посольской инструкции, боярин князь Никита Иванович Одоевский предложил обсудить условия «вечного мира», но дипломаты Речи Посполитой, «проигравшие» Киев в Москве, оказались полны решимости вернуться к переговорам о его возвращении. Высказывались и другие претензии, связанные с уклонением от обязательств о «случении сил» по Андрусовскому договору. Неожиданностей не произошло: московские дипломаты повторили прежнюю тактику, указывая на «умаление» царских титулов, а также пресловутый «пашквиль». Но было и новое, потому что королевские представители попытались обвинить Москву в том, что они потеряли Правобережную Украину именно из-за бездействия московской стороны, что и толкнуло гетмана Петра Дорошенко в подданство турецкому султану. Эти аргументы боярин князь Никита Иванович Одоевский легко парировал указанием на настоящие причины — нестроения в самой Речи Посполитой: «от несогласия и от домашних раздоров и конфедерации». А про судьбу Киева был сразу дан четкий ответ, от которого московская сторона уже не отступала: город Речи Посполитой «никогда отдать невозможно». Объясняя свою позицию, снова ссылались на Бучачский договор и последующие изменения, связанные с присягой полков Правобережья в подданство московскому царю: «Вы отдали султану Украину, в которой и Киев: так можно ли после того вам отдать Киев?»

Переговоры в Миговичах зашли в тупик и развели позиции сторон еще дальше. Обсуждалась даже целесообразность продления в таких условиях переговоров о «вечном мире». Их условием становилось требуемое польско-литовской стороной «случение сил», на что по-разному смотрели в Москве и Варшаве. Очевидно, что если бы в тех условиях царский поход в малороссийские города все-таки состоялся, то он был бы тоже воспринят не как подтверждение союзнических обязательств, а как их нарушение московской стороной, преследовавшей свои цели.

В разгар переговоров, 18 октября 1674 года, в Москве было получено письмо гетмана Самойловича, адресованное только-только получившему боярский чин Артамону Сергеевичу Матвееву. В нем содержалось долгожданное известие об отходе татарских сил от границы Левобережья: «По устроению Божию и молитвами Пресвятыя Богородицы и счастьем царского пресветлого величества, так учинилось, что тот неприятель в замыслах своих обманувся, подлинно пошел в Крым, мало нечто на той стороны орды оставя, а Дорошенко в Чигирин». Гетман Самойлович и воевода Ромодановский, устроив сторожевую службу по разным сторонам Днепра, распустили войско для отдыха из-за наступившего «осеннего времени». Понятно, что это известие отменило все приготовления царского



похода, а еще стало поводом для большого праздника во дворце накануне памяти иконы Казанской Богоматери. Кстати, именно тогда, после представления одной из «комедий», на радостях царь Алексей Михайлович и напоил допьяна своих бояр и ближних людей...<sup>{747}</sup>

Другим важным дипломатическим маневром московского правительства стала подготовка с 10 июня 1674 года нового посольства в Империю во главе со стольником Петром Ивановичем Потемкиным. Отметим молниеносную реакцию Посольского приказа, так как письмо об избрании королем Яна Собеского от резидента Василия Тяпкина пришло 9 июня, после чего сразу и состоялось решение об Андрусовской комиссии и о посольстве в Империю. Петру Потемкину предстояло выяснить, как цесарь Леопольд I относится к слухам о стремлении избранного короля Польши к союзу с турецким султаном. Согласно наказу Потемкин должен был говорить во время приема у цесаря, что Собеский является общим «великим неприятелем» Московского государства и Империи, «и с Турским салтаном может помириться вскоре», после чего собирается напасть на земли цесаря «для отвращения войны Французской», а сам «с Крымом идти войною ж на государство государя нашего его царского величества».

23 октября послы оказались в Вене, где их, еще до официального приема, пригласили от имени императора на «комедию» (обещая, что «такой де комедии не бывало со сто лет в Вене и ни в которых государствах такой комедии не бывало»). Между европейскими и русским дворами началось, как видим, своеобразное театральное соревнование: представление в Вене шло девять часов, а в Москве доходило и до десяти! Однако московских дипломатов больше интересовало соблюдение этикета и исполнение целей своего посольства. А здесь их ждало разочарование. Император Леопольд I подтвердил на словах худшие опасения московского правительства: король Ян Собеский действительно «не подкрепил любви своей и дружбы» после вступления на престол ни с Империей, ни с Московским государством, поэтому все, о чем говорили послы, выглядело убедительным: «и тому де цесарское величество также верит и оказывается де то делом, а не словами»<sup>{748}</sup>.

Московские послы пробыли в Вене до начала января 1675 года. Их очень хорошо принимали, показали им казну, где они увидели кубок царя Михаила Федоровича, подаренный когда-то королю Владиславу IV и «передаренный» им императору Фердинанду III. Показали еще «зверинец» со львами, устроенный по мысли вдовствующей императрицы Элеоноры Младшей, известной покровительницы искусств и театра, на том месте, где

турки приходили под Вену. Обо всем этом послы, конечно, рассказали по возвращении, но еще они ввязались в спор о титулах, найдя, что в документах не написано «величества», и требуя отдачи грамоты об окончании посольства из рук самого императора. В Москву посольство Петра Потемкина вернулось 15 марта 1675 года. Оно снова показало, что опоры на союз с Империей в войнах Московского государства быть не может.

Союз с Турцией короля Яна Собеского, напротив, все-таки состоялся, хотя и позже. В первые месяцы после избрания ему не дали резко развернуть курс внешней политики на Балтику, в поддержку интересов Франции. Вместо этого новый король вынужден был продолжить войну с султаном на Правобережной Украине, для которой 1674 год стал страшным временем опустошения. В случае успеха Собеский мог бы завершить свою кампанию какими-либо договоренностями с османами, но ему не удалось ничего сделать, потому что его покинула литовская армия; разрушенным оказалось и прежнее подданство казаков Правобережья. Король решил заново собрать под своим протекторатом Киевский, Черниговский и Брацлавский полки, о чем сообщил в Москву 29 ноября 1674 года. В ответ он получил целую отповедь, ведь царь Алексей Михайлович уже считал эти территории своими. Закончилось все назначением в апреле 1675 года наказного гетмана Правобережья Евстафия Гоголя, принявшего подданство Речи Посполитой. Но в Посольском приказе уже знали от гетмана Ивана Самойловича, что «с тое стороны Днепра мало не весь люд из городов на сю сторону вышли»<sup>[749]</sup>.

Весной 1675 года вокруг стремительно пустевшего Правобережья сложилась замысловатая ситуация, сравнимая с запутанной позицией на шахматной доске. Оставались действующими прежние условия: существовали Андрусовский мир и обязательства по оказанию помощи союзнику в случае нападения турецких и крымских сил. Последняя комиссия в Андрусове, завершившая свою работу 31 декабря 1674 года, приняла решение отложить переговоры о «вечном мире» до 1678 года, а все «трудности» во взаимоотношениях между Московским государством и Речью Посполитой решать через посольства. Алексей Михайлович одобрил это и лично встретил 13 января «Спасов образ», находившийся вместе с посольством. Царь оказал милостивый прием боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому: спрашивал «о здоровье» и «похвалял» службу, «что он учинил во всем по его великого государя указу»<sup>[750]</sup>.

Наблюдая за главными фигурами — «королями» этой партии, надо

было еще помнить об угрозах со стороны других, «тяжелых» и «легких» фигур, которые могли переменить ход игры. Таковыми стали два гетмана — Петр Дорошенко и Иван Самойлович. Именно их схватка за Правобережье, продолженная в 1675 году, и стала определяющей для исхода текущего этапа русско-турецкой войны. Гетман Левобережья Иван Самойлович, объединив под своим началом большинство правобережных полков, не стал, вопреки обращениям к нему, безоговорочно поддерживать «случение» московских и польских сил. Понятно, что это означало бы возвращение Правобережной Украины в подданство королю Яну Собескому. Поэтому Самойлович довел до конца начатое прежде дело и добился устранения своих противников, мешавших ему стать гетманом объединенной Украины.

В начале 1675 года в Москве еще готовились к общему походу царских войск в Киев во главе с царем. Именно с этим можно связать перемену киевских воевод и назначение туда боярина князя Алексея Андреевича Голицына, бывшего «у руки в передней» 24 февраля 1675 года. Отправка войска в Киев должна была превратиться в действие, подобное отправке воевод в смоленский поход в 1654 году. Князю Голицыну тоже был сказан указ идти с войском «под переходы», чтобы царь и патриарх могли благословить свою армию. Конечно, про начало такого похода немедленно бы сообщили своим дворам все дипломатические агенты в Москве, и это могло произвести благоприятное впечатление на сановников Речи Посполитой. Но дальше, как мы знаем, вернулись послы от императора Леопольда I, сообщившие о его отказе от союза. Приготовления к походу, новые назначения воевод и указы служилым людям о высылке на службу в Москву и Севск по-прежнему продолжались. Однако заметны стали и другие распоряжения, подготавливавшие возобновление военных действий на Дону и в Крыму, в связи с чем в Москве ожидали приезда кабардинского князя Касбулата Муцаловича Черкасского.

Именной указ царя Алексея Михайловича об общем походе войска был сказан служилым людям московских чинов на Постельном крыльце 9 мая 1675 года. Связывалось это уже не с идеей помощи польскому королю, а с полученными вестями о готовившемся походе турецких войск под Киев и нападении крымских татар на Левобережную Украину: царь «изволил против турецкого салтана и крымскаго хана идти своею государскою особою», а с ним в полку будут касимовские и сибирские царевичи, бояре, окольные, думные и ближние люди. По образцу прежних государевых походов были сделаны и назначения особых, «дворовых воевод». Ими стали бояре князь Юрий Алексеевич Долгорукий и царский тесть Кирилл Полуектович Нарышкин (в разрядных книгах так и было сказано, что один

назначается на место боярина Бориса Ивановича Морозова, а другой — Ильи Даниловича Милославского). Снова был дан указ о «безместии» на службе, чтобы устранить местнические споры. Служилые люди должны были выйти на службу «бессрочно» в Государев полк, а в «боярский полк» князя Юрия Алексеевича Долгорукого должен был собираться в Путивле на срок 15 июня (для служилых людей из ближних уездов) и 29 июня («дальних и замосковных городов»). Одновременно объявлялся указ о назначении на службу с боярином Петром Васильевичем Шереметевым в Путивле служилых людей московских и городовых чинов, московских стрелецких, выборных и рейтарских полков (тем, кто в прошлом году тоже должен был собираться в Се веке). Однако служилым людям этого полка первым, уже 5 июня, и сообщили о роспуске по домам и деревням: «милостию Божиею, а его великого государя счастием, службы нынешней год не будет», добавив, что собираются послать «к ним во все города писцы вскоре».

Общего, «валового» описания земельных владений, оформлявшего права на вотчины и поместья, а также на живших в них крестьян и холопов, не было уже почти 30 лет, поэтому обещание посылки писцов являлось важнейшим мероприятием для всех служилых людей. Однако писцов, отправленных в Украинные города, скоро возвратили по указу из Поместного приказа, велев им быть «тотчас, не мешкав, к Москве». 10 июня были посланы грамоты воеводам в уезды о невысылке дворян на службу, отменявшие прежние указы 1 мая; вскоре было дано распоряжение снова разрешить дворянам и детям боярским заниматься судебными и поместными делами, так как, согласно обычной практике, служилый человек, выходявший на службу, избавлялся от имущественных и прочих судебных исков (если речь не шла о серьезных умышленных преступлениях, например, грабежах и убийстве)<sup>[751]</sup>.

Царь Алексей Михайлович «странно» вел себя для военачальника, объявившего о войне с Турцией. Еще 24 мая 1675 года он «со всем своим государским домом», вместе с царевичем Федором Алексеевичем и «малым» двором царицы Натальи Кирилловны торжественно поехал в подмосковное Воробьево и оставался там долгое время. Даже прием давно ожидавшегося и щедро награжденного за свои прежние службы против разинцев и во время походов на Крым кабардинского князя Касбулата Муцаловича Черкасского тоже состоялся в Воробьеве «в золотой персицкой палатке» 4 июня 1675 года<sup>[752]</sup>. Вероятно, именно тогда окончательно определился разворот в сторону подготовки другого похода, в котором

поддержка кабардинского князя была неоценимой, — на Крым.

25 июня 1675 года боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский получил указ царя Алексея Михайловича выдвинуться со своим войском и «обрать место около Днепра», откуда вступить в переговоры с гетманами Речи Посполитой, чтобы никто не упрекал царя «неохотою» к «случению сил» и «непоспешению к Днепру». Специально посланный дьяк Семен Ерофеевич Алмазов должен был передать «словесно» указ о подготовке совместного похода князя Ромодановского и гетмана Самойловича в Крым, а также разрешение выпускать особую облегченную серебряную монету для малороссийских городов — «чехи» (остался только «проектный рисунок» этой монеты, а ее выпуск тогда не состоялся). Воевода князь Ромодановский и гетман Самойлович исполнили царский приказ и написали свои «статьи» — соображения о подготовке похода в Крым. Но боярин и гетман просили царского разрешения сначала завершить войну с гетманом Дорошенко, а крымский поход начать в следующем году. Как писал гетман Самойлович царю Алексею Михайловичу 1 июля 1675 года, «а не успокоить zde зачатой войны, не токмо трудно, но совершенно нельзя будет, оставив ее, идти опять в Крым».

Одновременно князь Ромодановский сообщал в Москву о просьбе гетмана Самойловича и всего Запорожского Войска «с корунными и литовскими гетманами не случатись». Вражда была так сильна, что, как писал боярин, «и имени их слышать не хотят». С доводами гетмана Самойловича согласились, поэтому очень скоро его противнику — гетману Дорошенко — не оставалось ничего другого, как принести присягу царю Алексею Михайловичу на раде в Чигирине 10 октября 1675 года. Но считать окончательной победу над Дорошенко (равно как и решенным вопрос объединения Украины) гетман Самойлович по-прежнему не мог, так как прежний гетман Правобережья присягнул перед одними запорожскими и донскими казаками кошевого атамана Ивана Серко и атамана Фрола Минаева. В то время как настоящей присягой могла быть клятва перед представителями царя Алексея Михайловича — боярином князем Ромодановским и самим Самойловичем в Батурине. Но и этого оказалось достаточно, чтобы казаки Запорожского Войска сделали свой выбор, а тесть Дорошенко — Павел Яненко привез в Москву и положил перед царем Алексеем Михайловичем «санджаки» (знаки власти) — бунчук и два знамени, полученные от турецкого султана.

Глава Посольского и Малороссийского приказов Артамон Матвеев не упустил возможности использовать эти поверженные регалии для демонстрации силы Московского государства. 17 января 1676 года, во

время шествия посланцев гетмана Петра Дорошенко и кошевого атамана Ивана Серко, казаки ехали верхом «с Малороссийского двора в город» и везли бунчук и знамена «на левую руку положи и распустя». В тот же день был назначен прием «галанского посла», и санджаки «положены были перед Посольским приказом на каменных перилах, для знаку». Когда знамена «внесли в Верх», их также «на левые руки положи и розвив, по земли тафты волокни Малороссийского приказу приставы перед столовую [палату]». Царь Алексей Михайлович смотрел на них из Столовой палаты, где принимали казачьих посланцев. Потом знамена, «свив», отнесли из дворца «в приказ Малыя Росии» и отдали на хранение сторожам<sup>{1753}</sup>.

### **«Войну готовить на Крым...»**

После отмены похода главной царской армии в июне 1675 года ближайшей задачей стала подготовка завоевания Крыма. Такой поворот во внешней политике может быть понят только в контексте продолжавшейся русско-турецкой войны. Давление на Крым стало частью стратегии царя Алексея Михайловича и Боярской думы, понимавших, что именно оттуда исходит самая большая опасность внутренним уездам Московского государства и территории слободских полков. Начиная с 1672 года и особенно в 1673 году крымцы угрожали населению Белгородской черты, их отряды проникали через реку Оскol и разоряли близлежащие уезды. Уже на переговорах с Яном Гнинским в Москве была выработана стратегия ведения военных действий на Дону и в Крыму в качестве замены посылки войска в помощь Речи Посполитой. Московское правительство вернуло из ссылки в Тобольск кошевого атамана Ивана Серко, неудачно оспаривавшего гетманскую булаву при выборах в гетманы Левобережья Ивана Самойловича, и снова отправило его воевать с Крымом. Запорожские казаки Серко стали настоящим «бичом» для крымских улусов. Они помогали сдерживать агрессию орды на Правобережной Украине. Причем атаман следовал прямому указу царя Алексея Михайловича, известившего запорожцев о совместном походе царских воевод, донских казаков и калмыков «для промысла над городом Азовом» 8 июля 1674 года: «И вам бы против прежняго нашего великого государя указа над крымскими юрты потому ж всякой промысл чинить, сколько милосердый Бог помощи подаст».

Соглашались на поход царских войск на Крым и в Речи Посполитой, имея в виду облегчение задач королевского войска, воевавшего с османами

и татарами на Правобережье. О посылке части русских войск в Крым, чтоб не дать крымской орде присоединиться к очередному походу турецкого султана на Польшу, договорился, например, посланник короля Яна Собеского Александр Кладницкий, находившийся в Москве с 13 по 30 апреля 1675 года и торжественно принятый царем Алексеем Михайловичем. Во исполнение этого договора князь Касбулат Муцалович Черкасский, соединившись с калмыками, донскими и запорожскими казаками, успешно воевал в Крыму в сентябре 1675 года. Их участие в крымском походе заслужило похвалу царя Алексея: «Ходили в нашу великого государя службу для промысла в Крым через Гнилое море за Перекоп и были у Каменного мосту, и заставы, которых поставили, проведая о приходе их, крымские салтаны, сбили, и крымских людей побили многих, и бунчук и шатры взяли и крымские улусы повоевали». Донским казакам, ранее не сумевшим выполнить указ о постройке города в устье реки Миус, после крымской службы простили прежние вины<sup>{754}</sup>.

В военной терминологии Московского государства слова «промысл», «служба» и «поход» имели различные оттенки смысла. Бои на крымском театре военных действий до 1675 года хотя и были важными, но они относились к локальным задачам предупреждения татарских нашествий на юг Московского государства или демонстрации союзнических действий с Речью Посполитой. Совсем по-новому должен был восприниматься крымский разворот, когда с июня 1675 года, по словам Артамона Сергеевича Матвеева, стали «войну готовить на Крым...». В уже упоминавшихся десяти «статьях» боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского и гетмана Ивана Самойловича подробно говорилось не только о времени и сроках похода, но и о возможном маршруте, необходимой подготовке и финансировании. Если суммировать ответы боярина и гетмана, то поход «великим войском обозным ополчением» мог занять больше трех недель и начинать его надо было ранней весной, в «самое Светлое воскресенье». Одновременное же наступление за Днепр и в Крым было признано ими опасным или даже невозможным.

Получив такой ответ, царь Алексей Михайлович и его советники в Москве решили лучше подготовиться к грядущей войне и «устроить» войско. С одной стороны, оно нуждалось в жалованье, с другой — следовало поддерживать дисциплину и готовность служилых людей к выходу на службу, тем более после отмены двух уже обещанных государевых походов в 1674/75 году. Не был ли неким предвестием намеренно строгий запрет служилым людям носить немецкое платье, изданный в августе 1675 года? Одного из членов Государева двора,



стряпчего князя Андрея Михайловича Кольцова-Мосальского, даже разжаловали в низший чин, написав «по жилецкому списку», — за то, «что он на голове волосы у себя подстриг» (видимо, на иноземный манер). 6 августа 1675 года всем членам двора и жильцам был сказан царский указ: «чтоб они иноземских немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили и людем своим потому ж носить не велели». Ослушникам обещали опалу и перевод в низшие чины. На ситуацию с царским стряпчим князем Кольцовым-Мосальским можно посмотреть и с другой стороны: подражание иноземной моде распространилось настолько широко, что уже было не отличить, где русский дворянин, а где иноземный офицер. В мирное время на это можно было не обращать внимания, а при начале военных действий такой разницей в одежде мог привести к путанице в порядке войск<sup>[755]</sup>.

Осень 1675 года традиционно посвящалась подготовке к троицкому походу, совпавшему с приездом нескольких иностранных посольств в Москву. В преддверии задуманной большой войны с Крымом все эти события приобретали дополнительное значение. Если раньше Москва искала себе союзников в Европе для борьбы с Турцией, то теперь в ней самой были заинтересованы, чтобы привлечь к союзу против вступившей в войну Швеции. Дважды в 1675 году приезжали посольства из Бранденбурга, подвергшегося нападению Швеции (весной Христофора Георги, а осенью Иохима Скультета). Сторонники продолжения линии Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина на решение «балтийского вопроса» оставались в Боярской думе, и даже русский резидент в Варшаве Василий Тяпкин советовал царским войскам вступить в союз с немецкими государствами и заставить шведов «заиграть около Риги». Но позиция главы дипломатической службы Артамона Матвеева оставалась неизменной. Благодаря его настойчивости состоялся поворот Московского государства на восток: были отсланы посольства в Китай и даже в далекую Индию. Когда все с тем же намерением привлечь Московское государство к союзу в войне против Швеции в Москву от императора Леопольда I прибыло посольство во главе с Аннибалом Боттонием, оно не достигло своих целей.

Благодаря секретарю имперского посольства Адольфу Лизеку, оставившему подробное описание поездки, хорошо известны детали приема имперского посольства. Началось оно с «повестки», возникшей в ходе последнего русского посольства в Вену. В Москве была составлена «запись» о том, чтобы впредь обмен верительными и отпусковыми

грамотами происходил в присутствии цесаря, а в титуле царя Алексея Михайловича было слово «величество», а не «пресветлейшество». В октябре 1675 года, по сведениям хорошо осведомленного датского резидента Магнуса Ге, в Москве происходили какие-то постоянные съезды ближних советников царя Алексея Михайловича. Несмотря на просьбы представителей Империи, Бранденбурга и Дании, в Москве не желали открывать второй, «шведский» фронт. Как писал Магнус Ге в донесении датскому королю, «в Сенате (то есть среди тех, кого царь допускает к себе, а их совсем немного) это дело выносилось на обсуждение несколько раз, но безрезультатно — так многочисленны разные мнения»<sup>[756]</sup>. Более того, попытка датского резидента наладить связи с имперским посольством привела в ярость Матвеева и стала причиной острого конфликта (имевшего отдаленные последствия и для судьбы самого Матвеева).

К имперскому послу Боттонию Матвеев, напротив, благоволил и даже принял его у себя в доме. Имперские дворяне увидели здесь много занимательного, включая «изображения святых, немецкой живописи», часы, по-разному отсчитывавшие начало дня, как это принято в других странах, на западе и востоке. Как выразился Адольф Лизек, «едва ли можно найти что-нибудь подобное в домах других бояр. Артамон больше всех жалуется иностранцев (о прочих высоких его достоинствах говорить не стану), так, что немцы, живущие в Москве, называют его своим отцом; превышает всех своих соотечичей умом и опередил их просвещением». Подтверждают наблюдения дипломата и русские источники, свидетельствующие о подарках Артамона Матвеева царевичам. Наследнику престола царевичу Федору Матвеев подарил «Библию неметцкую в лицах, да клевикурты, да две охтавки», а также сделал особый подарок — «снегиря Неметцкаго»<sup>[757]</sup>.

В итоге никакие приемы послов и дополнительные обсуждения не поменяли общего настроения на продолжение войны с Турцией. В конце октября 1675 года сначала бранденбургское, а затем и имперское посольства отбыли домой, не договорившись о прямой помощи войсками. Какие-то дипломатические демарши и движения войск на своей территории поближе к границам со Швецией московское правительство допускало, но не более того. А на подходе было уже новое посольство — Голландских Генеральных штатов, во главе с Кунраадом фан Кленком. Как только бранденбургское и имперское посольства покинули Москву, были даны распоряжения о встрече «галанского» посла.

Освободившись от дипломатических приемов, царь и его советники

переключили свое внимание на подготовку Крымской войны. 19 ноября было объявлено об организации общего смотра Государева полка и других полков во главе с боярами, для чего разосланы грамоты воеводам и приказным людям по уездам, предлагавшие немедленно высылать на службу всех стольников, дворян, стряпчих и жильцов: «быть к Москве тотчас, бессрочно». Дворянам и детям боярским Замосковского края и других уездов был объявлен указ о «разборе» — смотре служилых людей городских чинов, проводившемся обычно боярами, окольными и стольниками на местах, с участием представителей местной дворянской корпорации. Такие смотры становились частью подготовки к большим войнам, но последний «разбор» был очень давно, еще в 1649 году. С тех пор выросло целое поколение служилых людей, не знавших, что это такое, хотя раньше для многих дворян запись в разборной десятне становилась точкой отсчета службы и надежным основанием передачи прав на поместье в своем роду.

Новый «разбор» должен был навести порядок в учете служилых людей. В наказе разборщикам, выданном в декабре 1675 года, говорилось, «чтоб они были в домех своих, и к службе строились, и запасы свои готовили, и лошади кормили, и совсем были наготове»<sup>[758]</sup>. Словом, все должны были понять, что грядет война и надо ждать «государева указа».

Получив 14 декабря 1675 года новые «статьи» боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского и гетмана Ивана Самойловича, царь Алексей Михайлович и его советники сделали основные распоряжения по организации крымского похода. Частично принятые решения пересекались с предложениями июльских статей, но с тех пор многое уже определилось, успешно завершилась кампания против гетмана Петра Дорошенко, поэтому в декабрьских статьях дело дошло до рассмотрения деталей, а по пометам о решениях царя Алексея Михайловича можно понять, какой ему виделась будущая война за Крым.

Первая статья, очень интересовавшая боярина князя Ромодановского — о разрешении его сыну князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому по-прежнему возглавлять Севский полк, — была сразу подтверждена: «быть». Далее уточнялись назначения в Севский полк: его усилили и «в прибавку к прежнему указу» назначили солдат выборного полка Матвея Кровкова. По царскому указу предлагалось: «в Крымском походе быть 8 приказам стрелецким, да выборному полку; и будет выборный Агеев полк Шепелева и пехоты с тот промысл будет». В Москве следили за тем, чтобы не «оголить» тылы и оставить достаточное количество сил в Белгородском разряде. Для этого стремились мобилизовать как можно больше людей,

снова вызывали в поход смоленскую шляхту и рейтар, привлекали к походу башкир, князя Касбулата Черкасского и калмыцких тайш. С Ногайской ордой было сложнее, так как она разделилась и ее улусы «разошлись» (откочевали): одни «за Кубу реку к Черкессам, а иные к Калмыкам». Князь Черкасский и калмыцкие тайши со своим войском на этот раз должны были воевать в составе большой московской рати во главе с князем Григорием Григорьевичем Ромодановским и гетманом Иваном Самойловичем. Им велено было «послать об указном сроке», чтобы они «сходились заранее к Светлому Христову воскресению к новопостроенному Соляному городу, к Северскому Донцу, где ныне строят на Турских озерах». Предполагалось, что боярин князь Григорий Ромодановский должен был сначала собираться с войском в Белгороде, а гетман Самойлович в это время — в Батурине. Для общего сбора сил боярина и гетмана тоже предлагался срок «с праздника Светлаго Христова воскресения» и свое особое место: «...а собрався, сходитья и случаться под Колонтаевым у реки Мерла, и сшедчись, идти на Крым, смотря по времени, в которых числах трава поспеет». Предложения были приняты царем Алексеем Михайловичем, по его указу велено «сбираться на указанных местех; а идти с указных мест, как поспеет конской корм». Определялась и точная дата начала похода: «идти апреля в 8 число».

Важный пункт содержался в 13-й статье. Боярин и гетман предлагали: «чтоб великий государь своей великаго государя грамоты к королевскому величеству о вспоможеньи посылать не указал». Однако в помете сказано о царской резолюции: «писать», что означало несогласие с этим предложением, выгодным прежде всего гетману Самойловичу, именно в это время приблизившемуся к своей цели — объединению Левобережной и Правобережной Украины. Представитель короля Яна Собеского на Правобережной Украине Евстафий Гоголь тоже вступил в переговоры с Самойловичем. Но, в отличие от казаков Войска Запорожского, стремившихся к полному отделению от «ляхов», царь Алексей Михайлович был связан договорами с Речью Посполитой. Скрыть готовившийся поход было невозможно, о нем заранее известили польского резидента Павла Свицерского, рассказавшего об этой новости даже приехавшему в Москву голландскому послу Кунрааду фан Кленку. В ответ на намерение Турции напасть на Польшу весной «с 300 000 войска» царь, по словам Свицерского, «обещал полякам устроить большую диверсию в Крым для отвлечения опасности от Польши»<sup>[759]</sup>. Действительно, в это время уже искали «лекаря с лекарствами» для похода, а значит, дело подготовки войны в Крыму вступало в последнюю стадию.

Но наступил январь 1676 года, оказавшийся последним месяцем жизни царя Алексея Михайловича. Первые дни все шло как обычно, царь присутствовал на водосвятии в день Крещения Господня 6 января. Как всегда, была выказана особая милость находившимся в Москве представителям иноземных дворов. Дипломатов, прибывших в составе голландского посольства, «спрашивали о здоровье» посланник Емельян Украинцев и переводчик Андрей Виниус. Одновременно царь пожаловал и постоянных представителей («резидентов») польского и датского королей, персидских «купчин», татар и калмыков. Церемония сопровождалась демонстрацией «пехотного строя, пушек и всяких нарядов». Офицеры, приехавшие в свите «Галанских Статов посла Кондрата Клинкина», высоко оценили московскую пехоту и строй царских стрельцов, давая им преимущество даже перед гвардейцами французского короля Людовика XIV: «и такой-де надворной пехоты богатой и строю изученного и у Французскаго короля нет».

В следующие дни состоялся прием посланцев гетмана Петра Дорошенко, положивших перед царем Алексеем Михайловичем турецкие «санджаки», но главным образом все было посвящено торжественному приему голландского посольства. Представителей Генеральных штатов принимали по «королевскому» чину, так же, как послов шведского или английского королей, что было отмечено членами посольства. Цель голландского посольства была такой же, как и у имперских послов, недавно уехавших из Москвы — вовлечь Московское государство в противостояние со Швецией, чтобы ослабить главного союзника французского короля, ведшего войну с Голландией. Однако и в этом случае московские дипломаты стояли на охране своих интересов, переговоры не должны были привести к войне со Швецией (не случайно в это время распространились слухи о победах шведов над союзниками и даже о каком-то «брачном сближении Швеции с Москвой»). В политике самого царя Алексея Михайловича все было полностью подчинено задачам продолжения войны с Турцией.

В среду 19 (29) января 1676 года состоялась вторая аудиенция голландских послов. Как записал нидерландский дворянин Бальтазар Койет, «мы видели государя; он был свеж и здоров, и мы не могли ожидать ничего дурного». Даже на следующий день по просьбе царя Алексея Михайловича во дворец прислали мальчика-пажа из посольской свиты, «который искусно играл на разных инструментах». Он принял участие в постановке очередной «комедии», «играл здесь в присутствии цариц и вельмож», доставив «заметное удовольствие» своей игрой царю Алексею

Михайловичу; его угостили конфетами и даже «вкусным вином» и отвезли в санях домой<sup>1760</sup>. Достоянная внимания картина: маленький паж, играющий перед царем Алексеем Михайловичем «на палочках, а также и на скрипке, и на органе» перед завершением земного пути великого московского царя, снова возвысившего свою державу в Европе...

### Уход «Тишайшего»

Сказать, что известие о болезни и кончине царя Алексея Михайловича поразило подданных, — наверное, не сказать ничего. В одночасье рухнул ставший привычным мир, пошла прахом привычная жизнь последних тридцати лет. Тем более что беда была внезапной и никто не мог быть готовым к переменам на московском троне. За исключением самого ближнего царского окружения, наблюдавшего развитие царской болезни. Члены голландского посольства рассказали о диагнозе царя — «цинге» и «водянке», осложнившихся простудой и лихорадкой. Царь был болен уже тогда, когда их принимали во дворце. В таких дальних местах, как Киев и Новгород, узнали о царской болезни еще в середине января и совершали молебны «о государском многолетнем здравии» (а ведь только для того, чтобы доставить известие об этом, требовалось порядка пяти-шести дней!). Автор «Новгородского хронографа» так писал о болезни царя Алексея Михайловича: «Генваря в 16 день разболелся великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, и бысть болезнь сия ему к смерти, и боляше сего ж месяца до 30-го числа».

Сначала во дворце, видимо, рассчитывали, что с болезнью удастся справиться обычными средствами. Царь продолжал участвовать в приеме посольств и дворцовых развлечениях, а от лечения отказывался. Нидерландский дворянин Бальтазар Койет рассказал о нараставшем отчаянии докторов: «Никаким образом не удавалось убедить его величество, человека очень тучного, принять какие-нибудь лекарства». Вместо них Алексей Михайлович лечил жар холодным квасом и «велел класть на живот толченый лед, а также и в руки брал лед». 21 января можно датировать серьезное ухудшение, начинавшее угрожать жизни царя.

Находившегося в Москве голландского посла сразу же предупредили, что в течение двух ближайших недель никаких «конференций», то есть приемов посольства специально назначенными «в ответ» боярами, не будет. Несмотря на то что дело с царской болезнью держалось в тайне от



иностранных дипломатов, вскоре стали появляться признаки чего-то чрезвычайного, происходившего во дворце. Речь шла уже о последних земных делах умиравшего царя, по евангельским словам, прощавшего своих должников ради того, чтобы были прощены и его долги в этом мире. Сверх обычного, во дворце несколько дней раздавали милостыню, причем первые такие раздачи произошли еще 16 января. Начиная с субботы 22 января, на Аптекарском дворе закупили тысячу хлебов для «розвозки по улицам». 24-го числа самые близкие «комнатные» люди царя Алексея Михайловича продолжили раздачу милостыни, уже прямо связывая ее с болезнью царя. 26-го состоялось последнее примирение с патриархом Никоном, к которому послали в Ферапонтов монастырь просить письменного прощения для умирающего царя. Скоро дело дошло до соборования и причастия. В торговых рядах разом исчезли все черные ткани, началась подготовка к трауру<sup>[761]</sup>.

Смерть царя наступила 29 января 1676 года, «на память святого священномученика Игнатия Богоносца с субботы на воскресенье в четвертом часу ночи в первой четверти» (как указано в надписи на надгробии царя Алексея Михайловича в Архангельском соборе Московского Кремля).

Всю эту ночь во дворце — «в Передней» и Столовой палатах, а также в Успенском соборе происходила присяга наследнику престола, следующему царю, Федору Алексеевичу. Об этом вечером в день смерти царя Алексея Михайловича сообщал в своем донесении датский резидент Магнус Ге: «Тотчас после смерти государя, в тот же вечер, бояре посадили нового царя на отцовский престол». Царя Федора Алексеевича благословил патриарх Иоаким, а дальше ему присягали Дума, двор и служилые люди, находившиеся в Москве. Печальная участь принять присягу выпала боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому, его сыну Якову Никитичу, архимандриту кремлевского Чудова монастыря Павлу, думному дьяку Лукьяну Голосову и дьяку Приказа Тайных дел Даниле Полянскому. Кроме них присягу принимали еще несколько лиц, в частности окольничий князь Григорий Афанасьевич Козловский и боярин Петр Васильевич Шереметев. Присяга была на верность не только новому царю Федору Алексеевичу, но и всей царской семье, включая мачеху царя Наталью Кирилловну и других наследников — царевичей Ивана и Петра. Особо оговаривалось, что решение о передаче престола принято самим царем Алексеем Михайловичем: «отходя сего света», «скифетродержавство свое, Московское, и Киевское, и Владимирское государство, и всеа Великия и Малыя и Белья Росии державу пожаловал, приказал и на свой государского



величества престол благословил сына своего государева, благоверного государя царевича и великаго князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии, быти великим государем царем и великим князем, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем»<sup>{762}</sup>. Это и была официальная формула передачи «скипетродержавства» следующему царю, вошедшая в грамоты о присяге, разосланные по городам.

30 января, в воскресенье, состоялись вынос тела и погребение в Кремлевском Архангельском соборе. Царя Алексея Михайловича похоронили рядом с сыном царевичем Алексеем Алексеевичем и отцом Михаилом Федоровичем. Присяга в Успенском соборе и в приказах шла до раннего утра, толпы людей заполнили Соборную площадь, и в это время, «около десяти утра», как сообщил присутствовавший на погребении участник голландского посольства Бальтазар Койет, из патриарших палат двинулся в сопровождении церковного собора патриарх Иоаким. Траурная процессия вышла из дворца с гробом, укрытым золотой парчой. «Почти невероятно, какой плач и какие рыдания раздались в толпе народа при виде государя в гробу. Крики и вопли присутствовавших, казалось, могли бы даже облака разорвать; можно было подумать, что со смертью этого государя подданные лишились единственного своего утешения и надежды».

Современникам тяжело было наблюдать за похоронной процессией. На носилках, или на специальном «стуле», несли юного царя Федора, так же «скорбевшего ножками», как и его дед. Молодую царицу Наталью Кирилловну везли в черном закрытом возке, но датский резидент Магнус Ге узнал, что «убитая горем царица... лежала, протянувшись во весь рост и положив голову на колени сидевшей возле нее придворной дамы». Следом в ее свите ехало «множество царевен, боярынь и боярышень». Все они вошли в Архангельский собор, где началось прощание, и дальше «недель около шести», или сорок дней, по обыкновению царских погребений, у гроба «дневали и ночевали» члены Думы и двора.

Внезапность ухода «Тишайшего» поразила всех. Следующему царю, Федору Алексеевичу, не исполнилось еще и пятнадцати лет. Пошли разговоры об участии в управлении царицы Натальи Кирилловны, но «время» канцлера Матвеева и Нарышкиных завершалось. Артамон Матвеев, принимая во вторник 1 февраля пришедших выразить ему сочувствие членов голландского посольства, еще говорил о том, «что ввиду малолетства его царского величества четверо знатнейших будут управлять наряду с ним». Но все эти расчеты были уже не столь важны, они лишь подчеркивали растерянность и неготовность к передаче власти.

Поразительнее выглядит другое свидетельство — о неподдельном горе в доме Матвеева, когда прямо во время приема «вельможа и все находившиеся в комнате разразились рыданиями»<sup>{763}</sup>. Этот плач стоял по всей стране, когда в ней узнавали о смерти царя Алексея Михайловича.

# «ТИШАЙШИЙ» В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ (Вместо заключения)

Летопись тридцати с лишним лет власти царя Алексея Михайловича завершена. В книге представлено не «житие», или «жизнеописание», а попытка профессионального взгляда историка на события, предопределившие развитие Московского царства в XVII веке. Детали биографического характера, относящиеся к разным периодам правления царя Алексея Михайловича, тоже сохранены — насколько позволяли источники.

Очевидно, что историки остаются в долгу перед эпохой, связанной с именем «Тишайшего». В исторической памяти она превратилась в московскую «старину», противопоставленную временам Петровских реформ и имперского обновления. Отсюда несколько снисходительный и не всегда серьезный подход к упоминаниям о «царе и боярах» как древнем способе управления. Нечувствительность к исторической традиции и вызревавшим внутри нее переменам, одобрение крутой ломки привычного порядка жизни надолго стали невыученным уроком русской истории. Конечно, «река времен» уносит всех царей и их дела, но ведь есть и какой-то общий замысел? Ведь именно правление царя Алексея Михайловича по-настоящему открыло преемственную от Рюриковичей историю *династии Романовых*.

Современники царя Алексея Михайловича еще долго вспоминали его царствование, и ему не зря было дано прозвище «Тишайший». Понятию «тишина» соответствовала хорошо известная набожность царя: не случайно XVII век — классический век расцвета идущих из Древней Руси традиций церковной архитектуры и иконописи. Но и эта точка отсчета — от зримых образцов культуры — будет не точна, если приглядеться к исконному значению «тишины» в представлениях о власти. Обратившись к «Степенной книге», составленной при Иване Грозном, можно встретить и других заметных правителей, кому приписан идеал воплощения «тишины». «Кроток, благоприступен, *тих зело*. милостив и человеколюбив ко всем» — так звучит эпитафия святому князю Владимиру в «первой степени», открывавшей «Книгу степеней царского родословия»; про основателя династии московского правящего дома Ивана Калиту сказано: «В дъни же

его бысть *тишина велия* християном по всей Русьтей земли на многа лета»<sup>[764]</sup>. Не случайно при царе Алексее Михайловиче существовал проект создания новой «Степенной книги» в Записном приказе.

Имя «Тишайший» даровалось как награда, ради особых заслуг правителя, время которого потомки могли только хвалить и вспоминать как лучший век. Оно означало не спокойствие, а признание «правильности» власти в Московском царстве. Всего этого царю Алексею Михайловичу удалось добиться в конце царствования, когда приезжие дипломаты говорили о нем: «Нынешний царь одарен необыкновенными талантами, имеет прекрасные качества и украшен редкими добродетелями. Он покориł себе сердца всех своих подданных, которые столько же любят его, сколько и благоговеют пред ним»<sup>[765]</sup>.

Преодолевая привычные каноны историографии, сосредоточенной на «бунташных временах», пришлось обратиться к хорошо забытому, «летописному» — «год за годом» — подходу к описанию власти царя Алексея Михайловича и посмотреть не только на чрезвычайные события, происходившие в Московском царстве, но еще и на обычные дела царствования. Так становится заметнее известный ритм развития государства, когда каждые пять-семь лет в нем происходили серьезные перемены. Влияние царя Алексея Михайловича на главные события в царстве было, конечно, определяющим, но надо еще помнить, что и они меняли царя и его власть.

Центральными событиями всего правления Алексея Михайловича стали так называемое «воссоединение» с Украиной и сегодня почти забытая Русско-польская война 1654–1667 годов. Возглас переяславского майдана «волим царя православного» в 1654 году или «гром русского оружия» при взятии Минска и Вильно, осаде Риги и готовившемся походе на Варшаву уже не слышны в прошедших веках. Не вспоминают и об обещании царю Алексею Михайловичу польского престола. Остается недооцененным дипломатический прорыв, осуществленный Посольским приказом, вернувшим страну из небытия в «оркестр» европейской политики, забыта подготовка завоевания Крыма. Между тем тринадцатилетняя русско-польская война перевернула самые основания Московского государства. После 1667 года состоялся переход уже к настоящей Новой России.

Новая Россия рождалась даже не в одной, а в нескольких войнах: сначала с Речью Посполитой, потом со Швецией, а еще с Крымским ханством и Османской империей. Историческая полоса, растянувшаяся, с

перерывами, на двадцать с лишним лет, несмотря на все пережитые в это время трудности и «моровое поветрие», явно относится не ко времени поражений, а ко времени общей победы Московского государства. Именно при царе Алексее Михайловиче определилось будущее положение России, отраженное в новом царском титуле — «Великой, и Малой и Белой России самодержца». «Малороссийский вопрос», как говорил об этом историк Василий Осипович Ключевский, был поставлен и решен совсем не так, как думалось гетману Богдану Хмельницкому, обратившемуся с просьбой к царю Алексею Михайловичу принять Войско Запорожское под свою «высокую руку». Одна последующая смена гетманов свидетельствовала о сложном и запутанном характере событий. Логика начатой войны с Речью Посполитой, а потом Андрусовского мира в итоге привела к трагичному и сказывающемуся в веках разделению на Левобережную и Правобережную Украину. Речь даже не о формировании новой границы по Днепру, а о более глубоком противопоставлении двух частей Европы — Запада и Востока.

Рассматривая историю через призму военных успехов, можно не заметить, что усиление армии не является безусловным плюсом, так как расплата за подчинение внутренней политики целям войны тоже была высокой. После 1654 года стало не до земских соборов, царь Алексей Михайлович полностью устранил «мир» от решения главных вопросов жизни Русского государства. Переменились отношения власти и подданных, потеряло свое значение дворянское представительство на соборах, разрушилось самоуправление. Академик Михаил Михайлович Богословский справедливо назвал вторую половину XVII века временем перехода от «самодержавно-земского» к «самодержавно-бюрократическому» государству и объяснил механизм подмены самоуправления бюрократизацией: «В XVII в. казенное тягло приняло громадные размеры и задало местным обществам непомерную работу. Всецело поглотив всё внимание этих обществ, оно не только отодвигало на второй план все местные интересы, но совершенно их душило и потому убивало в обществе всю необходимую для самоуправления энергию»<sup>[766]</sup>.

Устранение людей от участия в управлении очень быстро обернулось торжеством неконтролируемого воровства приказных дельцов, в судах стала процветать знаменитая «московская волокита», а «сильные люди» из окружения царя оказались недостижимы для решения каких-либо земельных и судебных споров. «Корысть» стала царствовать в приказах, особенно когда случился неудачный эксперимент с введением медных денег, закончившийся масштабным воровством и фальшивомонетничеством. Показательно, что самые тяжелые социальные

противоречия в Московском государстве обнажились именно во время русско-польской войны, когда и случился знаменитый «Медный бунт» 1662 года.

В царствование Алексея Михайловича состоялись исключительные по своему значению события в истории русской церкви: перенесение в Москву христианских святынь с Востока и приезды вселенских патриархов. План строительства Нового Иерусалима отвечал церковной программе царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Совсем не случайно, заказывая новые царские регалии, их сделали «против образца диадимы благочестиваго греческаго царя Константина»<sup>[767]</sup>. Алексей Михайлович стремился обосновать новое место Московского царства во вселенском Православии, что и стало постоянным побудительным мотивом его действий и его мечты о завоевании Константинополя. Патриарх Никон до определенного времени был главным советником царя, поэтому их конфликт имел такие тяжелые последствия. Трагичен и свершившийся на церковном соборе 1666/67 года Раскол русской церкви.

Биографическое повествование было бы неполным без рассказа о характере «Тишайшего». «Прожив» год за годом вместе с царем, познакомившись с жизнью во дворце, заседаниями Боярской думы, приемами послов, описаниями походов на войну и богомолье, прочитав письма, написанные царем Алексеем Михайловичем сестрам и жене, своим друзьям и советникам, можно, кажется, лучше узнать о его внутреннем душевном состоянии. Главное, появляется возможность увидеть «Тишайшего» разным, понять, что давал менявшийся опыт власти, какие жизненные ценности и нравственные правила заставляли его действовать так или иначе и принимать свои решения. Всегда важно помнить и про исторические обстоятельства, формировавшие и менявшие характер Алексея Михайловича. В начале царствования мы видим порывистого в поступках юного царя, позднее — уверенного в себе самодержца и военачальника, вернувшего Смоленск в состав Московского государства. Потрясения «Медного бунта» привели к отдалению Алексея Михайловича от прежнего окружения, ударом для него стало и дело патриарха Никона. После Андрусовского триумфа 1667 года случился семейный крах, совпавший с «Разинщиной». «Осень власти» царя Алексея Михайловича всё более напоминала времена Грозного царя... Но с важным исключением при сопоставлении двух правителей: самодержавие «Тишайшего» царя никогда не превращалось в мучительное для подданных самовластие Ивана Грозного!

Очевидная любовь Алексея Михайловича к порядку, к «чину»,

благолепию, христианским добродетелям уживалась в нем и с обычным весельем, увлечением соколиной охотой, а в последние годы еще и с интересом к придворным «потехам». Лучшее всего образ мыслей царя, размышлявшего о соотношении «чести» и «чина», выражен в «Уряднике сокольничьего пути»: «Честь укрепляет и возвышает ум, чин управляет и утверждает крепость... Без чести же малитца и не славитца ум, без чину же всякая вещь не утвердитца и не укрепитца». И там же сказано о главном правиле царя: «делу время и потехе час», или «время наряду и час красоте»<sup>[768]</sup>.

История о царе Алексее Михайловиче неизбежно связана еще и со сравнением его царствования с Петровской эпохой. Как правило, выбор делается в пользу прогресса, время детей отменяет время отцов. Однако в описании исторических перемен, связанных с именем Петра Великого, существует известный перекося. Сравнение возникшей в начале XVIII века Российской империи с предшествующими временами строится на противопоставлении, а не на поисках преемственности. Новая страна, кажется, возникает из небытия и сразу становится исполином.

Но так ли это было на самом деле? Вспомним еще раз прозвучавшие когда-то откровением слова великого историка Сергея Михайловича Соловьева о XVII веке: «Народ собрался в дорогу и ждал вождя»<sup>[769]</sup>. Время этих сборов, конечно, совпало с эпохой царствования «Тишайшего» царя. Тогда родился реформаторский дух, потребовавший переустройства армии по новым образцам; тогда были поставлены задачи завоевания выхода к Черному и Балтийскому морям, решавшиеся позднее Петром I. На первый, поверхностный взгляд, «вздыбив» страну, переодев преображенцев в иноземные костюмы и насадив новые учреждения — Сенат, коллегии, губернии, изменив взаимоотношения между людьми, император Петр триумфально открыл «петербургский период» нашей истории. Но современники царя Алексея Михайловича еще не скоро могли забыть времена Московского царства, если такое вообще возможно в нашей истории!

«Тишайший» царь «бунташного» времени, Алексей Михайлович не отказывался от традиций, и именно он был первым, кто начал построение «Великой России».



# **ПРИЛОЖЕНИЕ**

## **ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ: ВЕХИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Алексей Михайлович — один из немногих русских царей, чью биографию можно изучать, основываясь на личных документах, написанных его собственной рукой. В архивах остались подлинные автографы царя Алексея Михайловича, его «грамотки» (письма) своим приближенным и даже черновые записи, отражавшие выработку особенно важных решений, церемониальные чины. Царские автографы сохранялись в Тайном приказе — первой царской «собственной» канцелярии, просуществовавшей примерно с 1654 года и до конца правления царя Алексея Тишайшего. Впоследствии документы расформированного Тайного приказа оказались в Государственном архиве в Петербурге, и доступ к ним был весьма ограничен. Катастрофическое петербургское наводнение 1824 года заставило задуматься о судьбе важнейших исторических бумаг, частично попавших в неводную воду в подвалах здания Двенадцати коллегий на набережной Васильевского острова (ныне — главное здание Санкт-Петербургского университета). В середине XIX века документы Тайного приказа проделали обратное путешествие из Петербурга в Москву и еще долго оставались неразобранными и неописанными.

Сохранилось много другой приказной документации Разрядного, Поместного, Посольского и прочих приказов, свидетельствовавшей об участии царя Алексея Михайловича в текущих делах по управлению страной и дворцовым хозяйством. Речь, конечно, не о грамотах, выдававшихся из приказов «от имени царя и великого князя всея Руси». Такие документы относились к рутине правительственной деятельности, их писали дьяки и подьячие, цари же к составлению очередных жалованных грамот или к внутренней переписке приказов имели мало отношения. Хотя иногда участие царя Алексея Михайловича в принятии того или иного решения можно восстановить, учитывая источниковедческие особенности документов. Например, если на документе встречается помета: «в доклад», содержится изложение дела или его решения «по царскому указу...», то это практически всегда означает знакомство царя Алексея Михайловича с таким документом. До деятельности Разборного комитета 1835 года

основная приказная документация Московского государства почти не была известна. Она сильно пострадала в 1812 году, когда документы были выброшены французами, захватившими Москву, в кремлевский ров. Потребовалось значительное время для систематизации и описания сохранившихся документов XVII века.

Вначале, не зная о самом существовании большинства архивных материалов, историки могли опираться прежде всего на отзывы современников — русских и иностранных, поэтому в первых трудах, посвященных царю Алексею Михайловичу, его характер скорее угадывался, хотя и достаточно точно. «История Российская» Василия Никитича Татищева, написанная в первой половине XVIII века, открывалась «Предъизвещением», куда был включен примечательный разговор, состоявшийся между Петром I и одним из его приближенных князем Яковом Федоровичем Долгоруким в 1717 году. Придворные, чтобы угодить царю, стали превозносить его время и хулить старину, говоря, «что у отца его Морозов и другие были великие министры, которые более, нежели он, делали». Петра «хула дел отца» и «лицемерные похвалы» сильно разозлили, поэтому он обратился к известному своей прямоотой боярину и сенатору князю Долгорукому, желая от него услышать «нелицемерную» правду «о делах отца моего и моих». Приведем ответ петровского вельможи (в передаче Татищева) целиком:

«Государь, сей вопрос нельзя кратко изъяснить из-за того, что дела разные, в ином отец твой, в ином ты больше хвалы и благодарения от нас достойны.

Главные дела государей три:

Первое, внутренняя росправа и главное дело ваше есть правосудие. В сем отец твой более времени свободного имел, а тебе еше и думать времени о том не достало, и тако отец твой более, нежели ты, зделал; но когда и ты о сем прилежать будешь, то, может, превзойдешь, и пора тебе о том думать.

Другое, военные дела. Отец твой много чрез оные хвалы удостоился и пользу велику государству принес, тебе устроением регулярных войск путь показал, да после него несмысленные все его учреждения разорили, что ты, почитай, все вновь делал и в лучшее состояние привел. Однако ж я, много думая о том, еше не знаю, кого более похвалить, но конец войны твоей прямо нам покажет.

3-е, в устроении флота, в союзах и поступках с иностранными ты далеко большую пользу государству, а себе честь приобрел, нежели отец твой, и сие все сам, надеюся, за право примешь»<sup>[7]</sup>.

В историографии начала XIX века отношение к царю Алексею Михайловичу как историческому «ирою» predetermined риторический тон Петра Юрьевича Львова — автора «Похвального слова великому государю царю Алексею Михайловичу» (1806):

«Но творческий дух дивного Петра почерпнул мысль ко многим приснопамятным делам из великих намерений мудрого Алексея».

Текст Львова — не история даже, а особый литературный жанр, определяемый им самим как «славословие», учительное назидание о памяти одного из лучших «великих государей». Автор «Похвального слова...», пытаясь «вчувствоваться» в эпоху, провозглашал: «Любовь к порядку, можно так сказать, была страсть высокой души царя Алексея Михайловича. Его любовью к порядку оживотворено было каждое заведение, каждая часть Государственного хозяйства, каждое отправление должности людей, чиновных и подчиненных...» В речи Львова отразилось стремление найти собственные, а не заимствованные из классической истории образцы политической мудрости, он использовал примеры из прошлого для прославления *отечественного*. «Ужели, Сюлли, Ришелье, Колберт превосходнее Матвеева?» — вопрошал Львов, вспоминая одного из главных сотрудников царя Алексея Михайловича Артамона Сергеевича Матвеева, которому также посвятил отдельную речь<sup>[8]</sup>.

На недостаток материалов ссылался и автор первой «Истории царствования Алексея Михайловича» (1831) Василий Николаевич Верх. Он даже подозревал, что документы этого царствования целенаправленно уничтожались: «Особенного замечания заслуживает вопрос: почему истреблены все Акты, относящиеся к Царю Алексею Михайловичу? Об Царях Михаиле Федоровиче и Феодоре Алексеевиче имеем мы полные известия и можем дать подробный отчет о всех действиях их. Но о Царе Алексее Михайловиче мы совершенно ничего не знаем, кроме кратких отрывков, находимых в Грамотах, Указах, иностранных газетах и современных ему иноземных писателях»<sup>[9]</sup>. Несмотря на это, Верху удалось составить первую летопись царствования Алексея Михайловича (характерно, что даже оглавление книги выстроено в хронологическом порядке), поместив туда обзор основных событий, включая мятежи и войны, посольства и торговые дела. Историк широко использовал записки Олеария и Мейерберга, а также редкое европейское издание «Theatrum Europaeum», содержащее обзор событий при европейских дворах, например войны и приемы послов. Про другой источник, «дворцовые записки» (разрядные книги), В. Н. Верх образно написал, что они были ему

«столь же полезны, как бродящему в подземелье лампада»<sup>[10]</sup>. Получившаяся под пером Василия Верха картина давала убедительную апологию царя Алексея Михайловича с перечислением многих его заслуг: нововведений в законодательстве, торговле, заведении промышленности и присоединении новых земель.

Интересный исторический труд о царствовании Алексея Михайловича, вошедший в третий том «Повествования о России» (1843), принадлежит Николаю Сергеевичу Арцыбашеву. Начиналась эта работа из критики произведений Николая Михайловича Карамзина, как известно, не успевшего довести свой труд до середины XVII века. Арцыбашев, в отличие от Карамзина, настаивал на возможности «очищенного» знания о прошлом, основанного на достоверных источниках, и не принимал произвольных, не вытекающих из источников, нравственных характеристик. Опубликованный посмертно один из томов его «Повествования» содержал подробную летопись событий царствования Алексея Михайловича, составленную по появившимся к этому времени в печати документам, исчерпывающе им собранным. В книге рассказано о первых годах правления царя, мятежах, создании Уложения, русско-польской войне, малороссийских делах, самозванцах и Разине, дипломатических взаимоотношениях и «мерах» против Крыма и Турции. Особенностью труда Арцыбашева стали постраничные ссылки, по объему сопоставимые с самим авторским текстом, где приводились выписки из актов, летописей, документов посольств, записок иностранцев (на языках оригиналов). Завершали его работу общие очерки «Вера», «Правительство», «Просвещение», «Торговля», «Обычай»<sup>[11]</sup>.

К сожалению, труд Арцыбашева, изданный посмертно, не был оценен по достоинству, хотя и повлиял на становление научной традиции исторических трудов в России. Именно с этого времени существует известное противопоставление «сухих», но фактически выверенных и намеренно отстраненных от обычного читателя трудов и литературно обработанных исследований, где есть место и общему осмыслению исторических процессов, и изложению авторского понимания эпохи.

Представление об отсутствии достаточного количества документов для создания «полной» истории царя Алексея Михайловича надолго стало общим местом, хотя уже в 1830-е годы стали появляться публикации новых источников, помогавшие лучше раскрыть основные события его царствования. Например, первый том «Полного собрания законов Российской империи» (1830), письма царя Алексея Михайловича ближнему

стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину, ведавшему «ловчий уряд», которые вошли в публикацию документов по русской истории, известную под названием «Сборник Муханова» (по имени собирателя письменных актов Павла Александровича Муханова) (1836), новейшие издания актов, осуществленные Археографической комиссией Академии наук (хорошо известные специалистам «Акты, собранные Археографической экспедицией», «Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим»), записки иностранцев о России. В 1840 году было издано отыскавшееся в Швеции сочинение беглого подьячего Григория Котошихина о России времен царя Алексея Михайловича (имя автора, правда, сначала было прочитано неверно, как «Кошихин»).

Интерес к фигуре царя Алексея Михайловича возрос в 1840-е — середине 1850-х годов благодаря историку и издателю журнала «Москвитянин» Михаилу Петровичу Погодину. Он начал целенаправленную публикацию писем и грамот царя Алексея Михайловича, в том числе таких примечательных, как переписка царя с боярином князем Никитой Ивановичем Одоевским, поместил подробный обзор сочинения Григория Котошихина. Там же, в «Москвитянине», в 1854 году вышла в свет статья профессора Харьковского университета Александра Петровича Зернина «Царь Алексей Михайлович. Историческая характеристика из внутренней истории России XVII столетия». Его задачей стало изучение особенностей личности царя Алексея Михайловича, влияния на него тех или иных лиц, прежде всего боярина Бориса Ивановича Морозова и патриарха Никона. Интересно обоснование обращения к фигуре царя Алексея Михайловича и значения его царствования для истории России: «Все, к чему только стремилась Москва с начала XIV ст., при нем выработалось окончательно... При нем определительно выразилась мысль, что царство Московское кончилось и что настало царство Всероссийское»<sup>[12]</sup>. Во второй половине 1850-х годов интерес к временам царствования Алексея Михайловича был поддержан славянофильским журналом «Русская беседа»; например, там было опубликовано сочинение Юрия Крижанича, вышла новая статья Александра Петровича Зернина, посвященная «смутам» в Москве, Новгороде и Пскове. Зернин считал, что царь Алексей Михайлович пошел наперекор устоявшимся представлениям о «родовой чести», заставлявшим родовитых людей ставить «на первый план» свой «личный», а не «государственный» интерес, из-за чего и случались описанные им бунты<sup>[13]</sup>.

Фигура отца Петра, естественно, угодила в перекрестье полемики между славянофилами и западниками, спорившими о наследии допетровской Руси. Журналистские споры стимулировали постижение времени царя Алексея Михайловича. В 1854 году появилась докторская диссертация профессора Дерптского университета Петра Ефимовича Медовикова «Историческое значение царствования Алексея Михайловича». Автор этой примечательной работы попытался восполнить научный «пробел бытописания Русской земли», образовавшийся из-за устойчивого стереотипа о пресекавшемся древнем летописании. И ему удалось наиболее полно на тот момент осветить главные темы истории правления царя Алексея Михайловича, тем более что наряду с недавно опубликованными актами Медовиков уже мог использовать и полностью посвященный временам царя Алексея Михайловича третий том «Дворцовых разрядов» (1852) — своеобразную летопись приемов, назначений на службу, церемоний при дворе. Автор последовательно раскрыл традиционно сложную тему истории первых лет царствования, взаимоотношений царя и его советников, московского бунта 1648 года и составления Соборного уложения. В дальнейших разделах своей диссертации Медовиков останавливался на характеристике законодательства, «воссоединения Малой России с Великой», рассматривал положение церкви в связи с патриаршеством Никона и исправлением церковных книг. Отдельные главы книги посвящены торговле и финансам, войнам и дипломатическим отношениям с Западом и Востоком. Завершалась работа рассказом о пышной жизни царского двора и отзывами современников о личности царя Алексея Михайловича. Общей идеей труда Петра Ефимовича Медовикова стало утверждение особого значения для русской истории правления отца Петра I: «В царствование Алексея Михайловича Россия окрепла, стала Державою сильною»; «Надлежало приготовить древнюю Русь с ее закоренелыми обычаями к крутому перелому», и царь стремился «к утверждению строгого порядка во всех отраслях государственной жизни». В заключение Медовиков снова вспоминал Петра: «Сам Великий Преобразователь решал вопросы, возникшие, большей частью, в предшествовавшие периоды жизни нашего отечества». И еще ярче звучала эта мысль в последнем, выносимом на защиту тезисе диссертации дерптского профессора: «Пред эпохою преобразования древняя Русская жизнь исчерпала себя вполне»<sup>[14]</sup>.

Книга Медовикова отражала повышенный интерес к изучению допетровской Руси, когда всего за несколько лет на рубеже 1850—1860-х годов произошел настоящий прорыв в освещении истории царствования



Алексея Михайловича. Сначала Петром Ивановичем Бартеневым были собраны по разным публикациям и изданы в отдельном томе «Письма царя Алексея Михайловича» (1856). Кроме царской переписки, туда вошел также приписываемый авторству царя Алексея Михайловича «Урядник сокольничья пути». Известен этот памятник был еще со времен первой публикации в «Древней российской вивлиофике» Николая Ивановича Новикова в конце XVIII века. В новом издании содержались подробные комментарии публикатора о языке памятника, а также замечания известного знатока русской охоты писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. Историки сразу же оценили значение этих материалов и сформулировали новые подходы к изучению царствования Алексея Михайловича, окончательно «вышедшего из тени» своего сына: «Петр был только довершителем начинаний своих предшественников»<sup>[15]</sup>.

К комментированию «Урядника» подключился и настоящий знаток «домашнего быта» царя Иван Егорович Забелин, написавший развернутую рецензию на бартеневскую публикацию «Писем царя Алексея Михайловича» в журнале «Отечественные записки» (1857)<sup>[16]</sup>. «Память предков у нас быстро унесена была потоком Петровских преобразований, — писал Забелин. — Скинув старинные кафтаны, мы в их карманах оставили, забывши, и все бумаги дедов, все памятники их прежней деятельности, их прежнего значения, их домашних и общественных отношений. Не прошло и полстолетия, как собственная же наша старина так удалась от нас во мрак времен, что мы потеряли всякий интерес к ее делам и почитали ее более за старину ассирийской или вавилонской монархии, чем за родное время, от которого в сущности мы вовсе не были так далеки. Но так крут был поворот». Рецензия Забелина примечательна резким разрывом с «любительским» подходом к старине и временам царя Алексея Михайловича; им сформулирована очевидная мысль: любовь к родной истории не подменяет требований профессионализма, а новое время требовало еще и «сличил» (Забелин использует слово из «Урядника») подлинников документов с публикуемыми текстами царских писем. «Эпоха праздных слов и разглагольствований прошла», — говорил Забелин, а «впереди всего», по его мнению, должны быть «дело, факты, всем открытые, всем доступные». В завершении его работы приводится не слишком изящное, но хорошо понятное противопоставление: «верблюд — извините — в деле цивилизации полезнее райской птицы»<sup>[17]</sup>.

«Риторический» период историографии царствования Алексея Михайловича окончательно завершился с публикацией томов «Истории



России с древнейших времен» Сергея Михайловича Соловьева, посвященных началу династии Романовых<sup>[18]</sup>. Десятый том истории Соловьева, впервые опубликованный в 1860 году, был и остается одной из самых глубоких и подробных работ, посвященных событиям 1645–1657 годов. Он основан на изучении архивных материалов Тайного, Посольского, Малороссийского приказов, фонда «Приказных дел старых лет», многих изданий актов и книг, в том числе на польском, латинском и немецком языках. Изложение истории царствования Алексея Михайловича открывалось главой о состоянии «Западной России», и дальше шло описание главных событий первых лет правления «молодого царя». Рядом с царем такими же героями повествования у Соловьева становились царский воспитатель боярин Борис Иванович Морозов и гетман Богдан Хмельницкий.

Сергей Михайлович Соловьев задал тон повествования общим отзывом о характере царя Алексея Михайловича: «...добротою, мягкостью, способностью сильно привязываться к близким людям был похож на отца своего, но отличался большею живостью ума и характера и получил воспитание более сообразное своему положению»<sup>[19]</sup>. Но полностью время царя Алексея Михайловича было раскрыто историком по мере освещения периода истории 1650—1670-х годов в последующих, одиннадцатом и двенадцатом томах, изданных в 1861 и 1862 годах. Уже завершая изложение многочисленных событий царствования Алексея Михайловича, большинство из которых впервые получило подробное освещение на основе архивных документов на страницах «Истории», Соловьев снова обращается к теме «характера» царя. Заметно, что со временем отношение к фигуре царя у Сергея Михайловича стало сложнее, чем первоначальный отзыв о его несамостоятельности. Историк видел «прекрасную природу царя Алексея» и уверенно называл его тридцатилетнее царствование «знаменитым»: «Издание Уложения, присоединение Малороссии, подвиги русских людей в Северной Азии, расширение дипломатических сношений от Западного океана до Восточного, от Мадрида до Пекина, Никоново дело, раскол, Разинское и Соловецкое возмущения — вот крупные явления, которые должны оправдать употребленное нами выражение *знаменитое* (курсив С. М. Соловьева. — В. К.) царствование»<sup>[20]</sup>.

Публикация извлеченных из Государственного архива документов Тайного приказа в «Записках» Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества (1861), осуществленная молодым магистром (а впоследствии академиком) Владимиром Ивановичем

Ламанским, также стала важнейшей вехой в постижении эпохи царя Алексея Михайловича. Впервые в этом издании были напечатаны подробные описи, дававшие представление о деятельности личной царской канцелярии, материалы дела патриарха Никона и, конечно, личные письма самого царя. Кроме уже известных, ранее появлявшихся в печати, здесь публиковались грамоты царя боярам и придворным князю Алексею Никитичу Трубецкому, князю Якову Куденетовичу Черкасскому, Василию Борисовичу Шереметеву, князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину и Артамону Сергеевичу Матвееву. Предваряя их публикацию, Ламанский говорил: «О великой важности большей части помещенных здесь писем и грамот царя Алексея Михайловича нет нужды распространяться. Припомним только, что его царствование было одною из замечательнейших эпох Русской истории, а в этих письмах (по крайности некоторых) раскрываются задушевнейшие убеждения царя, его основные воззрения на свои права и обязанности, его отношения к приближенным, его сокровенные мнения о некоторых из них». Совпадал публикатор документов Тайного приказа с «Историей России» Сергея Михайловича Соловьева и в отзыве о «светлом образе приветливого, доброго, даровитого царя», считая Алексея Михайловича «одним из благороднейших представителей нашей народности, одним из лучших людей-монархов в Европейской истории вообще»<sup>[21]</sup>.

Постепенно формировалось новое отношение к истории царствования Алексея Михайловича. Если раньше в этой эпохе видели в основном «археологический» интерес, связанный с внешним описанием, то появление большого количества неизвестных ранее документов и первых подробных исследований позволило иначе выявить значение XVII века в русской истории. Образно изменившееся понимание допетровской Руси С. М. Соловьев выразил в «Публичных чтениях о Петре Великом» — лекциях и речах к 200-летию Петра I, отмечавшемуся в 1872 году: «Необходимость движения на новый путь была признана, обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»<sup>[22]</sup>. С точки зрения Соловьева, царствование Алексея Михайловича полностью подготовило переход к Петровским реформам. Влияние взглядов историка было очень велико, многие положения из трудов С. М. Соловьева стали общим местом исторической науки и еще долго не подвергались никакому пересмотру, а весь дальнейший период историографии царствования Алексея Михайловича, вплоть до начала XX века, можно назвать «соловьевским». Наличие общего

труда по истории царствования Алексея Михайловича позволило перейти к более глубокому исследованию других тем: присоединения Малороссии, дела патриарха Никона, истории Раскола и Разинского бунта.

Несколько особняком в историографии стоят труды Николая Ивановича Костомарова, почти одновременно с Соловьевым приступившего к изучению особенно волновавших его тем: истории Украины — гетманства Хмельницкого и народных движений — «бунта Стеньки Разина». И в последующих трудах Костомарова «малороссийская» тема преобладала; он написал еще общие труды о других гетманах — Иване Выговском и Юрии Хмельницком, украинской «Руине» — гражданской войне на территории Гетманата в 1660—1680-х годах. Книги историка были основаны на новых источниках, изданных Археографической комиссией под редакцией самого Н. И. Костомарова в серии томов под общим названием «Акты, относящиеся к Южной и Западной России». В популярной работе о героях истории — «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (1874) Костомаров посвятил царю Алексею Михайловичу отдельный очерк. Особенно добрых слов для этого русского царя Костомаров не нашел, считая его «лишенным тех качеств, какие были необходимы для царя того времени», и говоря даже о его «неспособности к управлению». Слабость царя Алексея Михайловича историк видел в том, что он во всем полагался «на существующий механизм приказного управления», а «безукоризненно честных людей около него было мало, а просвещенных и дальновидных еще менее». Поэтому и общий приговор Костомарова царю Алексею Михайловичу излишне суров: «Под властью вполне хорошей личности строй государственных дел шел во всех отношениях как нельзя хуже»<sup>[23]</sup>.

Несмотря на отзывы Н. И. Костомарова, образ царя Алексея Михайловича уже достаточно прочно утвердился среди главных фигур допетровской Руси и продолжал привлекать интерес в популярной, журнальной литературе. Показательна публикация большого «нравоописательного очерка» историка-любителя Михаила Дмитриевича Хмырова в журнале «Древняя и Новая Россия» (1875), сопровождавшаяся изданием гравюр, сделанных с портретов царя Алексея Михайловича, патриарха Никона, царицы Марии Ильиничны и царицы Натальи Кирилловны. По словам Хмырова, при этом царе совершился «поворот от старых начал к новым»; «царь Алексей заготовил все те материалы, из которых гениальный сын его, Петр, мог соорудить громадное здание своей реформы». Хотя, в отличие от апологетов царя, автор очерка не поставил здесь точку и продолжил: «Со всем тем, на Руси Алексея Михайловича в

течение его 30-летнего царствования жилось хорошо разве только людям высокопоставленным, — да и то не всегда», а «хуже других приходилось крестьянству»<sup>[24]</sup>.

Осознание существования за спиной «глыбы» соловьевского исследования эпохи царствования Алексея Михайловича привело к тому, что редко кто из учеников историка и его младших современников рисковал выйти за пределы общих исторических курсов, биографических очерков или статей в энциклопедиях. Поэтому оценки историков конца XIX века фрагментарны, хотя и по-своему важны, потому что содержат новые оттенки восприятия допетровского времени. Как обойтись, например, без взгляда Василия Осиповича Ключевского, предложившего запоминающийся образ: «Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении... Царь Алексей и его сверстники... были уверены, что можно щеголять в немецком кафтане, даже смотреть на иноземную потеху, «комедийное действо», и при этом сохранить в неприкосновенности те чувства и понятия, какие необходимы, чтобы с набожным страхом помышлять о возможности нарушить пост в крещенский сочельник до звезды»<sup>[25]</sup>. Началом «нового периода» русской истории Василий Осипович считал все-таки 1613 год, а не более позднее время, и не высоко оценивал преобразовательные устремления царя Алексея Михайловича, упрекая его в нерешительности.

Примерно в то время, когда Ключевский читал свой знаменитый «Курс русской истории» студентам Московского университета, в журнале «Исторический вестник» появился большой очерк молодого историка (и еще одного будущего академика) Сергея Федоровича Платонова «Царь Алексей Михайлович (Опыт характеристики)» (1886)<sup>[26]</sup>. Новое обращение к этой теме после Хмырова, Соловьева, Забелина (в таком порядке у С. Ф. Платонова) историк оправдывал тем, что «изображение личности допускает большие вариации, чем изображение факта». Платонов уже прочно воспринял идеи С. М. Соловьева о преемственности допетровской Руси и реформ Петра I: «Нельзя никак сказать, что перед эпохой Петра Московское государство было в состоянии спокойной, самодовольной косности. Целое поколение людей, предшествовавшее Петру, выросло и прожило среди борьбы старых понятий с новыми веяниями, которые были еще слабы, но с каждой минутой крепили». Речь шла и об «образовании» и

«заимствованиях с Запада». Пытаясь оценить, насколько личность царя Алексея Михайловича соответствовала задачам своего времени, Платонов высказывает очень сходные мысли с теми, что развивались в курсе Ключевского: «И новаторы, и старых воззрений люди могли считать его своим, но в сущности царь Алексей Михайлович не принадлежал всецело ни к тем, ни к другим: он стоял в середине всех движений в московском обществе, но сам не двигался ни в какую сторону». Царь «добродушный, искренний и ласковый», но у него нет той «энергии» и «инициативы», которая была у Петра<sup>[27]</sup>.

Подробная биографическая работа учителя Платонова — профессора Петербургского университета, академика Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, опубликованная в «Русском биографическом словаре», подвела итог всей историографии XIX века. В статье Бестужева-Рюмина были охарактеризованы заметные события царствования Алексея Михайловича, войны, события в Малороссии, охарактеризованы дипломатические отношения, подчеркнута роль главных лиц в окружении царя — Морозова, патриарха Никона, Ордина-Нащокина и Матвеева, упомянуты события времен Разина, движение на Восток Дежнева и Хабарова, изменения в законодательстве. Нашлось место и для характеристики царя и кратких сведений о его семье. Справедлив и общий вывод биографа: «Алексей Михайлович был полным представителем идеала московского царя, как его рисовали себе наши предки»<sup>[28]</sup>.

Новый, XX век в освещении истории царствования Алексея Михайловича открылся еще одним общим трудом по истории России Дмитрия Ивановича Иловайского. С поправками на «безапелляционность» мнений, присущую Иловайскому как автору гимназических учебников, он, конечно, был одним из лучших знатоков предмета в свое время. Хотя во введении к пятому тому «Истории России», завершавшему «московско-царский период» и названному «Алексей Михайлович и его ближайшие преемники» (1905), историк признавался, что не рассчитывает «на благосклонный прием его главного труда со стороны любезных соотечественников». В соответствии со своими ультраконсервативными взглядами, Иловайский выделил две главные темы царствования Алексея Михайловича. «На первом плане» выступает у него «Малороссийский вопрос». Предваряя выводы своего труда, Иловайский писал (сохранен его курсив): «Внимательный читатель убедится, что присоединение Украины, в начале добровольное, возбудило долгую кровопролитную войну, так что сведено было на завоевание и в конце концов стоило Московскому

государству очень дорого, благодаря в особенности изменам гетманов и притягательной силе Польской культуры по сравнению с Московскою». Другой вопрос, выделенный автором «Истории России», — «великой важности внутреннее церковное движение, известное под именем Раскола и начавшееся распреею патриарха с царем».

Действительно, освещение двух этих больших тем занимало две трети всего объема тома с дополнением еще трех глав о Стеньке Разине, торговле, ратном деле, дипломатии, царском дворе, обстоятельствах второго брака и «сотрудниках Алексея I» (в томе «Истории» Иловайского есть еще разделы о правлении царя Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны). Общее представление о «тишайшем царе Алексее I» у Д. И. Иловайского вполне традиционное. Царь Алексей Михайлович, по словам Иловайского, «своею правительственною деятельностью продвинул Московское государство на степень великой европейской державы и подготовил эпоху великих реформ». Но от каких-либо «отвлеченных характеристик» царя историк намеренно уклонился, считая, «что дела и поступки, очерченные возможно ближе к действительности, могут лучше осветить личность исторического деятеля»<sup>[29]</sup>.

Последний всплеск интереса к фигуре царя Алексея Михайловича был обусловлен 300-летним юбилеем Дома Романовых в 1913 году. Историографию этого времени можно назвать «юбилейной». Из многочисленных трудов выделяются общие издания: «Три века. Россия от Смуты до нашего времени» (1912) и «Государи из Дома Романовых. 1613–1913» (1913). Широкий хронологический охват позволил Сергею Федоровичу Платонову, его ученику Александру Евгеньевичу Преснякову и другим историкам, участвовавшим в этих изданиях, «вписать» историю XVII века в контекст нескольких веков русской истории и лучше понять значение времени царя Алексея Михайловича. «Личная характеристика» царя везде звучала по-платоновски, повторяя давнюю статью из «Исторического вестника»<sup>[30]</sup>. В юбилейных изданиях текст был лишь слегка отредактирован Платоновым, но характер этих изменений весьма примечателен. Ранее историк уверенно писал, что «правительство Алексея Михайловича стояло на *должной* высоте», а в 1912-м он выражается менее определенно: «на *известной* высоте»; «добродушная и *важная* личность царя Алексея» превращается в «добродушную и *живую* личность». За этими трудноуловимыми для непрофессионального взгляда переменами в тексте стояла не обычная стилистическая правка, а поиск новых оттенков восприятия царя Алексея Михайловича, обусловленный появлением новой



исследовательской литературы о XVII веке.

Внутренняя политика Московского царства была уже лучше изучена, стали виднее изъяны приказной системы, остававшейся неизменной во времена царя Алексея Михайловича. «До сих пор царь Алексей Михайлович был обращен к нам своими светлыми сторонами, и мы ими любовались, — пишет С. Ф. Платонов в очерке, написанном для издания «Три века». — Но были же и тени... Злых и мерзких дел за царем Алексеем современники не знали, однако они иногда бывали им недовольны». Историк обращал теперь внимание на то, что «при всей своей живости, при всем своем уме царь Алексей Михайлович был безвольный и временами малодушный человек». И эта «слабость характера была одним из теневых свойств царя». Если подобные характеристики, как со знаком «плюс», так и «минус», оставались все-таки приблизительными, то «другое отрицательное свойство» имело, по мнению Платонова, влияние на судьбы страны: «Царь Алексей не умел и не думал работать»; вся его «энергия» «уходила в отправление того «чина», который он видел в вековом церковном и дворцовом обиходе». Именно поэтому «добродушный и маловольный, подвижной, но не энергичный и не рабочий, царь Алексей не мог быть бойцом и реформатором»<sup>[31]</sup>.

Текст Сергея Федоровича Платонова в издании «Три века» дополняли работы его московских и петербургских коллег, в первую очередь Александра Евгеньевича Преснякова. Характеризуя предмет книги, Пресняков связал эпохи царствования первых Романовых в XVII веке и «освободительных реформ Александра II». Именно в эти времена сложились «основные черты русского государственного и социального строя», объединившие «весь указанный исторический период в одно целое, которое можно назвать Россией «старого порядка»<sup>[32]</sup>. Взгляды Преснякова на историю царствования Алексея Михайловича изложены еще в одном труде, в котором вместе участвовали учитель и ученик — «Государи из Дома Романовых». В этой книге А. Е. Пресняков написал ряд очерков о «власти и населении», «делах церковных», «культурном переломе», «внешней политике». Но над общей характеристикой царя Алексея Михайловича у Преснякова все равно довлеет платоновская идея склонного к компромиссам правителя, отражавшего свое время, но не направлявшего его: «Весь духовный склад царя, более созерцательный и впечатлительный, чем боевой и творческий, сделал его типичным представителем тех поколений «переходного» времени, которые плывут по течению, не руководя им»<sup>[33]</sup>.



Вершина историографии специального изучения эпохи царя Алексея Михайловича совпала с сакраментальной датой 1917 года. Тогда, 30 апреля 1917 года, состоялась защита диссертации Александра Ивановича Заозерского в Петроградском университете на тему «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве». Основой исследования стали материалы Приказа Тайных дел, позволившие создать полную историю этого учреждения, показать его значение для внутренней политики и хозяйственной истории царского дворца. Исследование Заозерского о Тайном приказе показало царя Алексея Михайловича как правителя, сосредоточившего в своих руках «разные отделы управления», для чего и понадобилась «надстройка» в виде Тайного приказа. Но функции этого ведомства не оставались неизменными, примерно с 1664 года приказ стал в основном заведовать разросшимся дворцовым хозяйством, большую роль в котором играла личная гвардия царя — стрельцы<sup>[34]</sup>.

У изданного в то же время в виде отдельной книги текста диссертации Заозерского оказалась особая судьба. На фоне переживаемых революционных событий ему даже казалось, что теряется «связь с нашим прошлым, и оно, это прошлое, станет для нас чужим и ненужным». Начало его примечательного выступления на докторском диспуте стоит процитировать целиком, как моментальный снимок восприятия фигуры царя Алексея Михайловича в 1917 году:

«Два с половиной века отделяют нас от Алексея Михайловича, и раньше, когда историческая нить тянулась в нашем сознании непрерывно, это расстояние не казалось слишком большим, во всяком случае, не мешало нам чувствовать жизнь в оставленных тем временем образах. А теперь, когда мы сделали такой огромный скачок, эти образы прошлого вдруг отодвинулись от нас в неясную даль, и я не уверен, не звучит ли при настоящих условиях имя Алексея Михайловича так же глухо, как, напр., имя какого-нибудь из египетских царей»<sup>[35]</sup>.

А дальше последовали фактический обрыв преемственности в изучении «царской» России и вытеснение сохранявшихся еще в 1920-е годы направлений прежних исследований. Большевистский академик Михаил Николаевич Покровский и его последователи начали крестовый поход на «старую» школу историографии. Первый том «Русской истории с древнейших времен» Покровского, впервые опубликованный в 1913 году, многократно переиздавался в Советской России и вместе с «Русской историей в самом сжатом очерке» на время превратился в большевистскую «священную книгу» для изучения всех периодов истории России, в том

числе «Дворянской России», как определялся академиком XVII век. Темы «аграрный кризис», «политическая реставрация», «борьба за Украину» искусственно «изымали» из истории фигуру царя Алексея Михайловича<sup>[36]</sup>. Да и не его одного. Достаточно сказать, что самого Покровского впоследствии подвергли бичеванию за то, что он не уделил достаточного внимания фигуре Степана Разина. Впрочем, «Академическое дело» 1929/30 года, где главными фигурантами стали академик Сергей Федорович Платонов и целый ряд специалистов по эпохе царя Алексея Михайловича (Сергей Владимирович Бахрушин, Алексей Иванович Яковлев и др.), случилось уже после смерти Покровского. В середине 1930-х годов и вовсе произошло восстановление преподавания истории России в университетах, а одним из символов возвращения к «нормальной» традиции науки стала публикация вторым изданием книги Александра Ивановича Заозерского — правда, с характерным изменением ее заглавия: «Царская вотчина XVII века» (1937)<sup>[37]</sup>.

Представление о классических подходах советской историографии ко времени царствования Алексея Михайловича дает подготовленный Институтом истории Академии наук СССР том «Очерки истории СССР. XVII век» (1955). В них на ближайшие 30 лет была сформулирована общая концепция истории России XVII века. Впрочем, во главе редакционной коллегии тома стоял замечательный знаток эпохи и автор фундаментального исследования «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (1948) Алексей Андреевич Новосельский (вместе со специалистом по социально-экономической истории Николаем Владимировичем Устюговым). Первая часть «Очерков» была неизбежно посвящена главным «методологическим» проблемам изучения истории XVII века: «началу складывания всероссийского рынка», «переходу к абсолютизму», а во второй освещались «история народов СССР в XVII веке» и «воссоединение Украины с Россией». И хотя повсюду в центре внимания авторов тома «Очерков» было «обострение классовой борьбы», ряд глав — «Государственный строй», «Внешняя политика», «Русская культура» — давали полезный обзор сведений о политическом строе, думе, ратном деле и войнах Московского государства в эпоху царя Алексея Михайловича (в «Очерках», после долгого перерыва, был даже помещен небольшой царский портрет)<sup>[38]</sup>.

Отсчет новейшей историографии эпохи Алексея Михайловича приходится на начало 1990-х годов<sup>[39]</sup>. Искусственно сдерживавшийся ранее интерес к личностям исторических деятелей, наоборот, стал

побудительным мотивом многих публикаций. Сначала это было обращение к «хорошо забытому старому», когда очерк о царе Алексее Михайловиче заново опубликовали в сборнике работ Александра Евгеньевича Преснякова «Российские самодержцы» (1990). По словам издателей, «старую литературу интересно читать, ибо создатели ее могли не только исследовать прошлое, но и образно воссоздавать его»<sup>[40]</sup>. Один из «главных» исторических журналов «Вопросы истории» опубликовал в 1992 году подробную статью историка Юрия Алексеевича Сорокина о царе Алексее Михайловиче, возвращавшую прерванную после 1913 года традицию биографических очерков о монархах из династии Романовых. В статье подводился неутешительный итог: «Советская историография, накопившая колоссальное количество публикаций о личности Петра, фактически обошла вниманием личность Алексея Михайловича, не дав ни одной специальной работы, повторяя уже сложившиеся оценки, в лучшем случае критикуя излишнюю идеализацию второго Романова». В очерке Ю. А. Сорокина содержались выдержанные оценки его правления, присутствовали забытые в историографии истории XVII века психологические характеристики. По мнению историка, царь Алексей Михайлович был «склонен к компромиссу», что и стало «основой» его «политической системы». Подчеркнул Ю. А. Сорокин и поиск царем Алексеем Михайловичем и его правительством «новых путей дальнейшего развития страны на национальной основе, без насильственной ломки существующих государственных и общественных структур»<sup>[41]</sup>.

Отражением повышенного интереса к «российским самодержцам» в отечественном книгоиздании стал коллективный сборник «Первые Романовы» (1996), куда вошла работа о царе Алексее Михайловиче, написанная историком Александром Александровичем Преображенским. Очерк выдержан в канонах научно-популярного повествования (без сносок) и содержит разделы «Начало», «Война», ««Государство правит по своей воли...», «Царь и патриарх», «Последние годы — не последние заботы». А. А. Преображенский пытался раскрыть объективную картину царствования Алексея Михайловича, дать характеристику основным событиям эпохи, но родовые черты советской историографии по-прежнему заметны в используемой им терминологии — «церковники», «крепостники». В то же время историк отказывался от другого «классового» термина — «крестьянская война» и говорил о «социальной направленности» «восстания» Разина. А. А. Преображенский по-своему воспринимал царствование Алексея Михайловича и решался спорить с известной

характеристикой Ключевского, считая, что образ «упиравшегося одной ногой» в «родную православную старину» и так не сделавшего шаг «за ее черту» царя не совсем точен. Приверженность царя православию очевидна, но, как писал Преображенский, «царь сделал свой выбор»; в статье перечислялись новые явления в армии, дипломатии, управлении страной, ставшие «предвестием эпохи Петра Великого»<sup>[42]</sup>.

В том же контексте попыток отхода от советской историографии стоит воспринимать и кандидатскую диссертацию Галины Валерьевны Талиной, опубликованную в виде книги «Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель» (1996). К сожалению, эта работа не оправдывает своего заголовка; сама дидактическая манера автора не предполагает какого-либо анализа исторических событий, основанного на глубоком погружении в архивные документы и опубликованные источники. Некоторые тезисы выглядят явно преувеличенными и не соответствуют действительности; например, Г. В. Талина увидела в появлении во дворце Симеона Полоцкого «кардинальный поворот, положивший начало изменениям в российском образовании в целом», придворный театр царя Алексея Михайловича трактуется как «революция в русской культуре». Другие наблюдения являются констатацией очевидных вещей: «Главное действующее лицо в преобразованиях — царь», или отражают распространенные представления об «ослаблении роли церкви и утверждении светских элементов в разных областях культуры»<sup>[43]</sup>.

Новейшая историография изучения эпохи царя Алексея Михайловича начинается с другого биографического труда, написанного историком Игорем Львовичем Андреевым для серии «Жизнь замечательных людей» в 2003 году<sup>[44]</sup>. Его книга «Алексей Михайлович» остается лучшим на сегодняшний день осмыслением деятельности «Тишайшего», а интереснейшие характеристики царя представляют «золотой фонд» в изучении его биографии. Тем более что в работе И. Л. Андреева были впервые раскрыты историографические достижения последних лет, использованы документы из архива Тайного приказа и других фондов<sup>[45]</sup>. Многие его оценки и выводы учтены в тексте настоящей книги, что позволяет не приводить здесь подробного разбора<sup>[46]</sup>. В своих размышлениях о «времени Алексея Михайловича» историк сумел увидеть новые моменты. «Но вот что удивительно, — пишет автор. — Оказавшись в тени могучей фигуры Петра, царь Алексей Михайлович раз за разом противопоставляется своему сыну-реформатору. Противопоставляется в одном из самых насущных вопросов в истории и практике развития: какие

реформы лучше — радикальные или умеренные? Какая модернизация более успешная — в немецком платье, в один прыжок или в долгополом платье, мелкими шажками, вдогонку за уходящей Европой?..» Автор готов согласиться, что по сравнению с Петром царь Алексей Михайлович проигрывает: «Отец и сын несопоставимы ни по масштабам своей личности, ни по силе воли и глубине ума. Алексей Михайлович — человек средних дарований». Но есть и нечто, в чем «Тишайшему» удалось превзойти «своего великого сына»: в нем «больше сострадания к людям, больше душевности и больше души». Так тепло Москвы противопоставляется «холоду и чопорности» Петербурга<sup>[47]</sup>.

Последней на сегодняшний день изданной биографией царя Алексея Михайловича является книга Александра Николаевича Боханова «Царь Алексей Михайлович» (2012). Публикация в серии «Великие исторические персоны» издательства «Вече» наложила свой отпечаток на этот труд, написанный в редком жанре апологии монархии. Достаточно об этом говорит цитата из авторской аннотации Боханова: «Дань памяти замечательному русскому человеку и правителю, оставившему неизгладимый след на скрижалях Истории России». В такой же высокопарной стилистике с неизбежным написанием прописными буквами слов «Царь», «Царство», «Церковь» выдержан и весь текст биографии царя: «Невзирая на сложности и противоречия, время Царя Алексея Михайловича — период русского творческого подъема и в делах государствоустроительных, и во всех прочих областях национально-духовного созидания»<sup>[48]</sup>. Изложение истории событий царствования Алексея Михайловича для автора — всего лишь повод обосновать дорогие ему мысли, нашедшие отражение даже в названии ряда глав его труда: «Царь — устройство Божие», «Благословенна Держава Российская», «Уповаю на милость Всевышнего» и т. д.

Отвечая на возрастающий интерес к событиям царствования Алексея Михайловича, историки предложили немало новых исследований. Однако их публикация в специализированных исторических изданиях пока мало влияет на исторические знания за пределами академической среды<sup>[49]</sup>. Отчасти такой пробел восполняет антология из источников и трудов исследователей о царе Алексее Михайловиче, выпущенная в свет в 2015 году. Она открывается интересным историографическим обзором историка Варвары Гельевны Вовиной-Лебедевой, хорошо определившей основные черты современных подходов к этой исторической фигуре: «Сегодня, как представляется, царь Алексей Михайлович исследователями

рассматривается как более активная, чем это виделось ранее, фигура, игравшая важную роль в процессах трансформации русской средневековой культуры в ее переходный период»; Алексей Михайлович выступает и «как один из первых людей русского «раннего нового времени»<sup>[50]</sup>.

В исторической науке, как ни в какой другой, важно опираться на предшествующие труды. Поколения историков смогли обосновать интерес к личности «Тишайшего», а эпоха царя Алексея Михайловича всегда оставалась интересной для постижения истории России.

# ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

*1629, 10 марта* — рождение царевича Алексея Михайловича.

*22 марта* — крещение царевича Алексея в Чудовом монастыре в Кремле в память Алексия человека Божия.

*1634–1635* — назначение в дядьки царевича Алексея Бориса Ивановича Морозова и Василия Ивановича Стрешнева. Строительство для царевича «каменных хором», создание «малого двора» из царевичевых стольников.

*1635–1636* — обучение грамоте дьяком Василием Прокофьевым.

*1639, начало года* — смерть младших братьев царевича Ивана (9 января) и новорожденного царевича Василия (25 марта). Угроза жизни царевича Алексея.

*1642, 1 сентября* — церемония объявления наследника царства.

*После 1644, 21 января* — участие в деле о приезде в Москву датского королевича Вальдемара для заключения брака с сестрой царевича, царевной Ириной Михайловной.

*1645, 13 июля* — смерть отца, царя Михаила Федоровича, присяга Боярской думы и войска на верность царю Алексею Михайловичу.

*18 августа* — смерть матери, царицы Евдокии Лукьяновны.

*28 сентября* — венчание на царство в Успенском соборе.

*1646, 7 февраля* — указ о введении пошлины с продажи соли.

*Февраль* — принятие решения о составлении переписных книг.

*Лето* — организация похода в Крым.

*1647, 14 февраля* — несостоявшийся брак царя Алексея Михайловича с «касимовской невестой» Евфимией Всеволожской. Строительство города Царева-Алексеева (Новый Оскол) для укрепления Белгородской засечной черты.

*1648, 16 января* — свадьба царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской.

*2 июня* — начало восстания в Москве.

*10 июня* — челобитная «мира» царю Алексею Михайловичу.

*12 июня* — отправление боярина Бориса Ивановича Морозова из Москвы в Кириллово-Белозерский монастырь.



16 июля — объявление о созыве Земского собора и создании «Уложенной книги».

1 сентября — начало работы Земского собора.

22 октября — рождение царевича Дмитрия Алексеевича (ум. 6 октября 1649).

1649, 29 января — принятие Соборного уложения.

1650 — восстания в Новгороде и Пскове.

1651, 28 февраля — Земский собор о «литовском деле».

1652, весна — поездка новгородского архиепископа (будущего патриарха) Никона в Соловецкий монастырь за мощами митрополита Филиппа.

15 апреля — смерть патриарха Иосифа.

9 июля — встреча мощей святителя Филиппа в Москве.

25 июля — избрание на патриаршество Никона.

1653, 14 марта — принятие царем Алексеем Михайловичем решения о войне с Речью Посполитой.

1 октября — Земский собор о принятии «черкас» Войска Запорожского во главе с гетманом Богданом Хмельницким под «высокую царскую руку» и начале войны с Речью Посполитой «за царскую честь».

30 декабря — казнь в Москве самозванца Тимофея Анкудинова.

1654, 8 января — Переяславская рада о подданстве казаков Войска Запорожского царю Алексею Михайловичу.

5 февраля — рождение царевича Алексея Алексеевича.

18 мая — отправление в поход из Москвы к Смоленску Государева полка во главе с царем Алексеем Михайловичем.

16 августа — штурм Смоленска.

Август — начало эпидемии чумы в Москве.

23 сентября — участие царя Алексея Михайловича в церемонии капитуляции Смоленска.

5 октября — поход Государева полка от Смоленска к Москве, остановка в Вязьме из-за «морового поветрия» в Москве.

1655, 23 января — рождение в Вязьме царевны Анны Алексеевны (ум. 8 мая 1659).

10 февраля — въезд царя Алексея Михайловича в Москву.

11 марта — отправление царя из Москвы в новый Государев поход на Вильно.

29 июля — штурм и взятие Вильно.

11 сентября — отправление царя Алексея Михайловича в обратный поход от Вильно к Москве.

10 декабря — торжественный въезд царя Алексея Михайловича в Москву.

1656, 15 мая — царь Алексей Михайлович выступает из Москвы в поход на Ригу, война с Швецией.

31 июля — взятие Динабурга (Борисоглебова) войском во главе с царем Алексеем Михайловичем.

14 августа — штурм и взятие Кукейноса (Царевичева-Дмитриева).

23 августа — 5 октября — осада Риги.

24 октября — Виленский договор о перемирии в войне с Речью Посполитой, союзе против Швеции и правах царя Алексея Михайловича на польскую корону.

1657, 14 января — возвращение царя Алексея Михайловича из похода в Москву.

17 сентября — рождение царевны Софьи.

3 ноября — создание Записного приказа.

1658, 7 февраля — новая Переяславская рада, выборы в гетманы Ивана Выговского.

10 июля — отказ патриарха Никона от патриаршего служения в Москве.

10 (20) декабря — заключение Валиесарского перемирия с Швецией.

1659, 28 июня — поражение войска во главе с боярином князем Алексеем Никитичем Трубецким в бою под Конотопом.

17 октября — присяга гетмана Юрия Хмельницкого царю Алексею Михайловичу, новый Переяславский договор.

1660, 18 июня — поражение войска во главе с боярином князем Иваном Андреевичем Хованским в битве на реке Полонке.

22 октября (4 ноября) — сдача под Чудновом и пленение киевского воеводы боярина Василия Борисовича Шереметева.

1661, 30 мая — рождение царевича Федора Алексеевича.

21 июня (1 июля) — Кардисский мирный договор с Швецией.

25 октября — поражение войска во главе с боярином князем Иваном Андреевичем Хованским в битве у Кушликовых гор.

22 ноября (2 декабря) — сдача русского гарнизона Вильно войску короля Яна Казимира.

1662, 25 июля — «Медный бунт» в Москве.

1663, 15 июня — отмена медных денег.

Первое издание Библии на Московском печатном дворе.

1663, август — 1664, март — поход короля Яна Казимира в Московское государство, бои на Левобережной Украине.

1664, 18 декабря — самовольный приезд патриарха Никона в Москву.

1665, 3 апреля — рождение царевича Симеона Алексеевича.

22 октября — «Московские статьи», выданные гетману Ивану Брюховецкому. Подчинение Левобережной Украины власти московских воевод.

1666, 12 февраля — открытие церковного собора.

27 августа — рождение царевича Ивана Алексеевича.

12 декабря — осуждение на церковном соборе патриарха Никона.

1667, 20 января — заключение Андрусовского перемирия.

22 апреля — принятие Новоторгового устава.

13 мая — провозглашение церковным собором анафемы сторонникам старой веры.

19 июня — указ о строительстве корабля «Орел».

Август — суд над протопопом Аввакумом, попом Лазарем и иноком Епифанием, сосланными в Пустозерск.

1 сентября — объявление наследником царевича Алексея Алексеевича.

4 декабря — заключение Московского договора с послами Речи Посполитой.

1667, весна — 1669, сентябрь — поход Степана Разина на Яик и в Персию, возвращение на Дон.

1668 — восстание на Левобережной Украине.

1669, 3 марта — смерть царицы Марии Ильиничны.

3–6 марта — Глуховская рада, избрание гетмана Демьяна Многогрешного.

19 июня — смерть царевича Симеона Алексеевича.

1670, 17 января — смерть царевича Алексея Алексеевича.

Весна — начало выступления Степана Разина на Дону, поход на Астрахань.

1 августа — царский указ о походе против Степана Разина.

1–3 октября — поражение восставших под Симбирском, уход Степана Разина на Дон.

1671, 22 января — второй брак царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной.

14 апреля — пленение Степана Разина на Дону.

6 июня — казнь Степана Разина.

1672, 16 февраля, 18 мая — первые театральные представления при дворе царя Алексея Михайловича.

30 мая — рождение царевича Петра Алексеевича.

17 июня — выборы гетмана Ивана Самойловича.  
6 октября — царский указ о начале войны с Турцией.  
1673, 22 августа — рождение царевны Натальи Алексеевны.  
1674, 1 сентября — объявление наследником царевича Федора Алексеевича.  
4 сентября — рождение царевны Феодосии Алексеевны.  
17 сентября — казнь в Москве самозванца — «царевича» Лжесимеона.  
1675, 9 мая — царский указ о походе против турецкого султана.  
Июнь — начало подготовки похода на Крым.  
19 сентября — выезд из Москвы на богомолье в Троице-Сергиев монастырь.  
19 ноября — указ об общем смотре царских полков и «разборе» городских чинов.  
1676, 29 января — смерть царя Алексея Михайловича.

# ИЛЮСТРАЦИИ



ALEXIO MIHAILOVICH GRAN DVCA DI MOSCOW  
RE DI CASAN DI ASTRACHAN, DI SIBIRIEN, &c.

*Алексей Михайлович, великий князь Московский.*

*Гравюра К. Мейссена. 1670 г.*



*Царь Михаил Федорович*



*Царица Евдокия Лукьяновна*





*Палаты бояр Романовых. Фото 1880-х гг.*



*Мерная икона Алексея человека Божия. 1629 г.*

*Эта икона сопровождала будущего царя с первых дней жизни.*

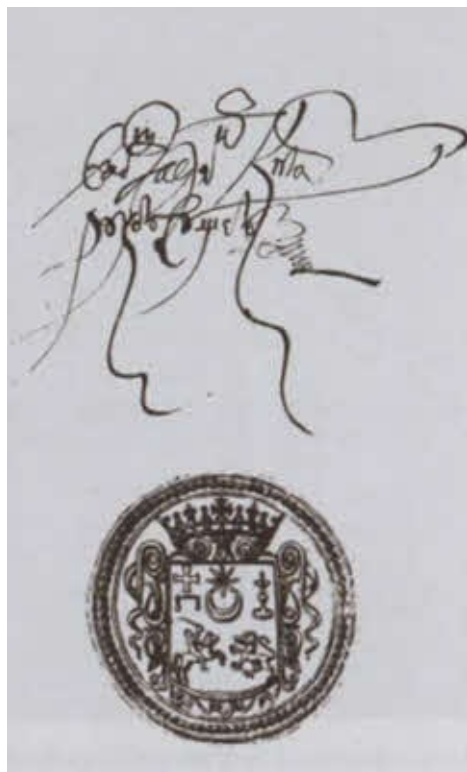


*Царь Михаил Федорович и царь Алексей Михайлович пред образом Спаса Нерукотворного. 1678*

г.



*Датский королевич Вальдемар*



*Печать самозванца Тимошки Анкудинова и его роспись*



*Соборное уложение 1649 года в ковчеге.*

*Российский государственный архив древних актов*



*Алексей человек Божий и Мария Египетская. 1648 г. Икона написана к свадьбе царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской.*

*Музеи Московского Кремля*



*Кубок. Подарок боярина Бориса Ивановича Морозова царице Марии Ильиничне к свадьбе*





*Кувшин царя Алексея Михайловича. 1645–1654 гг.*





*Опочивальня царя Алексея Михайловича в Теремном дворце Московского Кремля*



Царь Алексей Михайлович.

Из книги С. Коллинса «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне». 1671 г.



**Выезд царя в санях.**

**Из книги А. Мейерберга**



*Царевич Алексей Алексеевич*



**Выход царицы с царевичем.**

**Из книги А. Мейерберга**





*Царь Алексей Михайлович.*

*Фрагмент иконы Симона Ушакова «Древо государства Московского, или Похвала Богоматери Владимирской». 1663 г.*

*Государственная Третьяковская галерея*



*Московский Новоспасский монастырь.*

*Литография 1851 г.*



*Царица Мария Ильинична.*

*Фрагмент иконы Симона Ушакова «Древо государства Московского»*



**Вид Москвы.**

**Из книги А. Мейерберга**

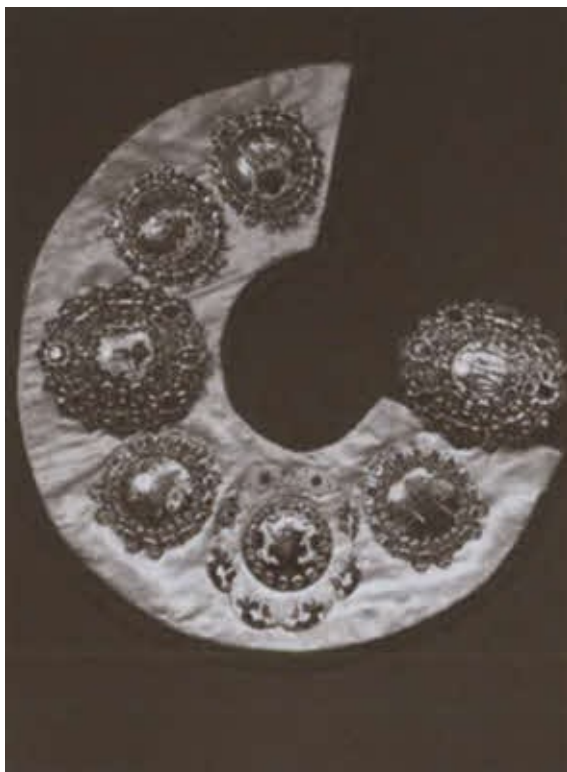


*Царь Алексей Михайлович.*

*Портрет из «Титулярника» 1672 г. Российский государственный архив древних актов*



*Держава царя Алексея Михайловича*



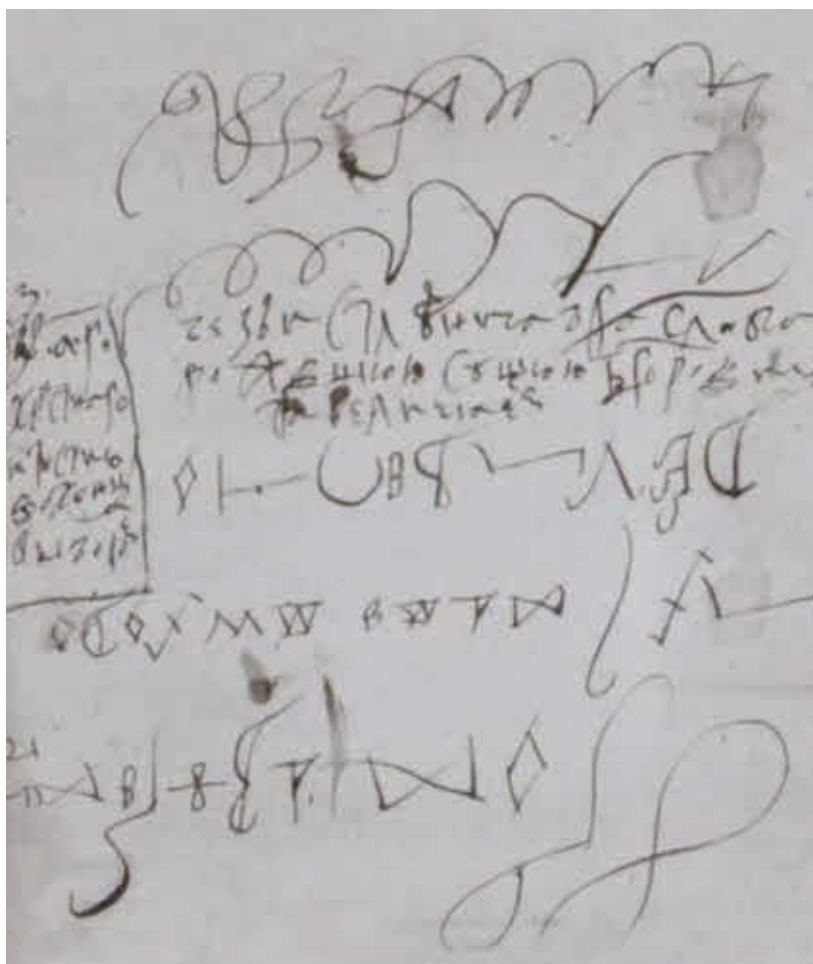
*Бармы царя Алексея Михайловича*





*Медальоны барм. Святые Константин и Елена.*

*Святой Меркурий, поражающий копьем царя Юлиана Отступника*

A photograph of a handwritten signature in dark ink on aged, slightly textured paper. The signature is highly stylized and cursive, characteristic of 17th-century Russian autographs. It features large, sweeping loops and flourishes. In the center, there is a more legible section of text, possibly a name or title, written in a slightly different hand. To the left of this central text, there is a small, rectangular stamp or seal, which appears to contain some text or a coat of arms, though it is difficult to discern. The overall impression is one of a formal, official document.

Автограф царя Алексея Михайловича.

Из архива Тайного приказа



*Гравюры из книги «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».*

*Московский Печатный двор, 1647 г.*



*Курильница для благовоний. Дар английского короля Карла II царю Алексею Михайловичу. 1663 г.*



*Часы-пороховница*



*Сабля и ножны с поясом царя Алексея Михайловича*



*Поклонение Кресту. Икона. 1677–1678 гг.*

*По сторонам от креста — святые Константин и Елена, царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична и не названный по имени коленопреклоненный архиерей*





ОБРАЗЪ ВЕЛИКАГО  
ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО  
КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИ  
ЧЕ ВЕЛИКІА ІМАЛЕА  
І БѢЛАЯ РОСІИ САРДІА

*Царь Алексей Михайлович. 1670— 1680-е гг.*





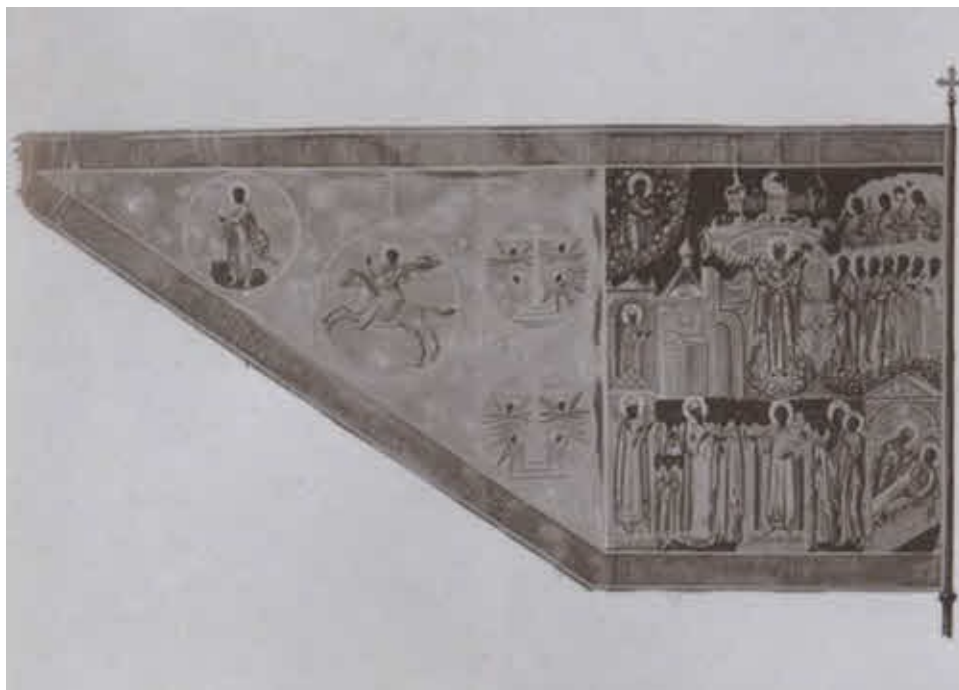
*Князь Яков Куденетович Черкасский*



*Боярин Василий Борисович Шереметев*



*Русская знать. Из книги А. Олеария «Описание путешествия гоштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно». 1630-е гг.*



*Знамя Большого полка. 1654 г.*



*Русские бояре.*

*Из книги А. Оллария*



*Гетман Богдан Хмельницкий*



*Гетман Иван Выговский*



*Печать Малороссийского приказа.*

*Из «Титулярника» 1672 г.*

*Наградной червонец царя Алексея Михайловича.*

*Государственный Эрмитаж*





*Гетман Демьян Многогрешный*



*Гетман Петр Дорошенко*



*Патриарх Макарий Антиохийский.*

*Портрет из «Титулярника» 1672 г.*



*Патриарх Паисий Александрийский.*

*Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

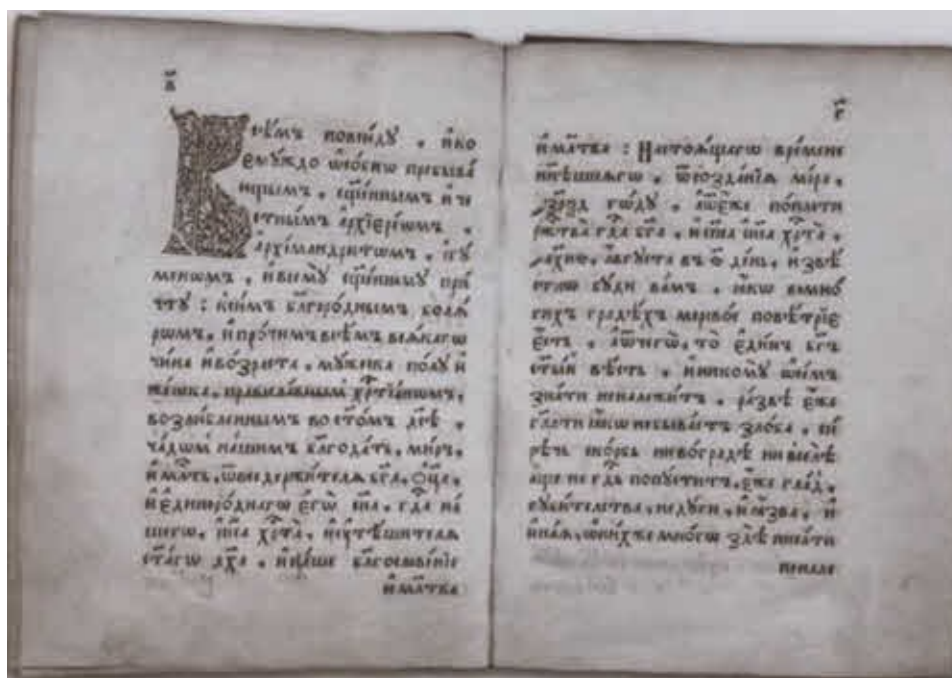
Боготому царю цю і великому ину охоту  
Дмихано анто аста велика і мари  
і вѣла роси Синодѣ Бѣлому аще  
Дав Сирені Нинѣ Патриархѣ Бѣ  
молю дати дѣти Іа вѣо мирѣ і здравіе  
і да утѣсрди Іа пресвѣтѣ Бѣго і здравіе  
во мѣтѣхъ лѣта. Вослашу хабтаніе  
і вѣо православіе хрѣстіанѣ брѣдѣ  
і здравіе побѣдоу і мѣтѣхъ.  
Врошѣ Іа вѣо Бѣго і здравіе  
аще мѣтѣхъ Іа вѣо і здравіе і вѣо  
сохора і здравіе Бѣта Бѣго і здравіе

Письмо патриарха Никона царю Алексею Михайловичу



*Патриарх Никон в обыденной одежде.*

*Из книги А. Мейерберга*



«Никоновская Кормчая».

Московский Печатный двор, 1653 г.





*Колокол царя Алексея Михайловича*



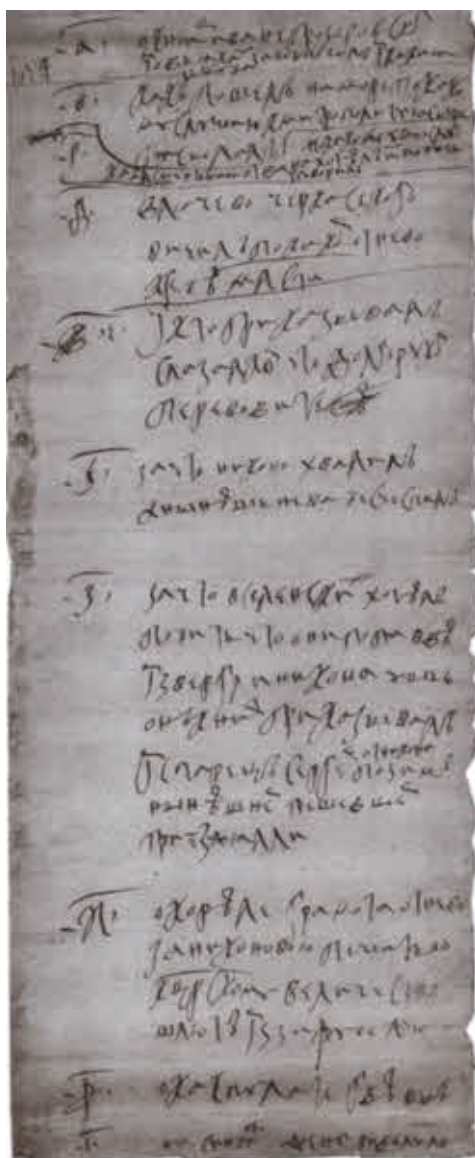
*Подъем большого колокола.*

*Из альбома Э. Пальмквиста. 1674 г.*



*Конный портрет царя Алексея Михайловича.*

*1670-е гг. Музеи Московского Кремля*



Собственноручные статьи царя Алексея Михайловича для допроса Степана Разина.

1671 г. Российский государственный архив древних актов



**Степан Разин.**

**Гравюра П. Фюрста. 1671 г.**



*Степан Разин.*

*Немецкая гравюра. 1671 г.*



*«Ужасная резня в Астраханской крепости».*

*Из книги Я. Стрейса «Путешествие по России». Амстердам, 1681 г.*





*Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин*



**Боярин Артамон Сергеевич Матвеев**



*Посольский двор.*

*Из книги А. Мейерберга*



*Цесарь Леопольд I*



*Король Ян Собеский*



*Прием послов. Из альбома Э. Пальмквиста*



*Царь Алексей Михайлович.*

*Неизвестный художник. XVIII в.*



*Вид дворца в Коломенском с восточной стороны.*

*Гравюра Ф. Гильфердинга. Копия 1763 г.*





*Царица Наталья Кирилловна.*

*Неизвестный художник. Русский музей*



*Вид дворца в Коломенском с западной стороны.*

*Неизвестный художник. 1830-е гг.*



*Памятник царю Алексею Михайловичу в Новом Осколе.*

*Скульптор С. Медведев. 2010 г.*



*Надгробия царя Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича и царя Михаила Федоровича в Архангельском соборе Московского Кремля*

Козляков В. Н.

К 59 Царь Алексей Тишайший: Летопись власти / Вячеслав Козляков. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 650[6] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1685).

ISBN 978-5-235-04049-6

УДК94(47)(092)"16"

ББК 63.3(2)45

знак информационной продукции 16+

Козляков Вячеслав Николаевич  
ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ ТИШАЙШИЙ:  
ЛЕТОПИСЬ ВЛАСТИ

Редактор *А. Ю. Карпов*  
Художественный редактор *К. В. Забусик*  
Технический редактор *М. П. Качурина*  
Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 29.08.2017. Подписано в печать 08.11.2017.  
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.  
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 34,44+1,68 вкл. Тираж 4000 экз.  
Заказ № 1719990.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:  
127055, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://gyardiya.ru>. E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)

**arvato BERTELSMANN**

Отпечатано в полном соответствии с качеством  
предоставленного электронного оригинал-макета в «Ярославский

полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

# НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

## МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Ветлугина «ЛОЙОЛА»  
В. Кондрашов «РИХАРД ЗОРГЕ»  
М. Петров «ЭЛЬ ГРЕКО»  
Г Субботина «МАРСЕЛЬ ПРУСТ»  
Ж. Шмидт «ГЁТЕ»  
А. Махов «ДЖОРДЖОНЕ»  
М. Бондаренко «МЕЦЕНАТ»  
В. Десятерик «ИВАН СЫТИН»  
Н. Карташов «КРАМСКОЙ»  
Д. Быков «ГОРЬКИЙ»



# СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Данилкин «ЛЕНИН»  
В. Бондаренко «ЛЕГЕНДЫ БЕЛОГО ДЕЛА»  
А. Вдовин «ДОБРОЛЮБОВ»  
А. Коровашко «МИХАИЛ БАХТИН»  
И. Фаликов «ЕВТУШЕНКО»  
М. Макеев «НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ»  
А. Сенкевич «БУДДА»  
В. Антонов «ЭЙТИНГОН»  
П. Ренуччи «КЛАВДИЙ»  
А. Кулагин «ШПАЛИКОВ»  
А. Куланов «ОЩЕПКОВ»  
Н. Старосельская «КАВЕРИН»

---

---

notes

## Примечания

См. подробнее Приложение в конце книги.

Щогла — мачта.

В составленной при царе Федоре Алексеевиче не позднее февраля 1682 года «Книге дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым» встречается упоминание еще об одном дядьке царевича Алексея — боярине Федоре Борисовиче Долматове-Карпове, но оно вряд ли соответствует действительности: во времена воспитания царевича Ф. Б. Долматов-Карпов носил только чин стольника.

«Ефимочные» деньги, от «ефимки» — серебряные талеры, привозившиеся из Европы.

Сохранилось их описание в дневниковых записях одного из членов шведского посольства: «Два высоких красивых серебряных глобуса, с искусно исполненной резьбой и с таким устройством, что по одному краю [видно] небесное движение, а по другому — весь круг земной, со всеми государствами, землями и городами».



Разинский «архив» и «сокровища» (?), зарытые на донском острове, так и не были найдены. Считается, что Фрола Разина после этой «сказки» держали в тюрьме еще несколько лет и казнили уже после смерти царя Алексея Михайловича в 1676 году, когда его, ведомого на казнь, случайно увидел один из иностранцев в Москве. Однако по смыслу разрядной «выписи» Фрола Разина казнили почти одновременно с братом.

В ответе князя Долгорукого сказано и об отношении царей к своим министрам — именно это размышление было важным для В. Н. Татищева в его «Предъизвещении»: «Что же рассуждают, якобы государи каковых министров умных или глупых имеют, таковы их и дела, но я противно разумею, что мудрый государь умеет мудрых советников избрать и верность их наблюдать, итак, у мудраго не могут быть глупые министры, понеже он о достоинстве каждого разсудить и правые советы от неправых и вредных различить может». См.: *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1962. Ч. 1. С. 87–88. Эти слова были взяты в качестве эпиграфа в одном из первых очерков истории царствования Алексея Михайловича П. Е. Медовикова (1854). См.: *Медовиков П. Е.* Историческое значение царствования Алексея Михайловича... С. 9.

Цит. по: *Львов П. Ю.* Достопамятное повествование о великих государях и знаменитых боярах XVII века, взятое из Российской истории. М., 1821. С. 41–42, 80–81, 189.

*Берх В. Н.* Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 1.С. 47.

Там же. С. 100.

*Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М., 1843. Т. 3. Кн. 6. Отд. 1. С. 86—175. Дополнения. С. 413—464.

*Зернин А. П.* Царь Алексей Михайлович. Историческая характеристика из внутренней истории России XVII столетия // Москвитянин. 1854. Т. 4. № 14. Отд. 2. С. 41.



Он же. О смутах, бывших в начале царствования Алексея Михайловича// Русская беседа. 1860. № 12. С. 1—34 (отд. пагинация).

*Медовиков П. Е.* Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854. С. 99, 168–169, 242, 356.

Об историческом значении царствования Алексея Михайловича. Речь, произнесенная в торжественном собрании первой и второй казанских гимназий старшим учителем истории С. Горским в 1857 году. Казань, 1857. С. 6.

В «Отечественных записках» публиковались и статьи, впервые знакомившие читателей журнала с материалами Оружейной палаты и дворцовых архивов, ставшими основой для известного труда И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» (1862).

*Забелин И. Е.* Царь Алексей Михайлович. (Его письма и урядник охоты) // *Забелин И. Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 205, 277–278. См. также впервые опубликованную в «Журнале охоты» в 1858 году статью И. Е. Забелина «Охотничий дневник царя Алексея Михайловича 1657 года», где заново опубликованы несколько писем царя Алексея Михайловича стольнику Афанасию Матюшкину с впервые установленной датой по материалам «Дневальных записок» Тайного приказа (к сожалению, Забелин не дал точной атрибуции этого памятника и даже произвольно сократил его текст в публикации): *Забелин И. Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 281–300.

*Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9—10: История России с древнейших времен. М., 1990; Кн. VI. Т. 11—12. М., 1991.*

*Соловьев С. М. История России... Т. 10. С. 441.*



Там же. Т. 12. С. 581, 591.

Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского  
Русского Археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. X.

*Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 72.*

*Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел: Господство Дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Вып. 4. XVII столетие. СПб., 1874. С. 103, 155.

*Хмыров М. Д.* Царь Алексей Михайлович и его время. 1629–1676 (Нравоописательный очерк) //Древняя и Новая Россия. 1875. № 12. С. 311, 313. Очерк М. Д. Хмырова, умершего в 1872 году, был опубликован посмертно, см: Древняя и Новая Россия. 1875. № 9. С. 25–40; № 10. С. 100–116; № 11. С. 196–211; № 12. С. 300–315.

*Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 301.

*Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович (Опыт характеристики) // Исторический вестник. 1886. Т. XXIV (Апрель, май, июнь). С. 265–275. Статья С. Ф. Платонова «была написана для прочтения в виде речи на акте С.-Петербургских Высших Женских Курсов 22 октября 1885 года», а ее автор, наряду с «печатными характеристиками» царя Алексея Михайловича, «имел в виду цельный очерк личности «гораздо тихого» царя, находящийся в литографических изданиях курса В. О. Ключевского». См.: Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883–1902). СПб., 1903. С. 307. См. там же текст платоновской статьи «Царь Алексей Михайлович (Опыт характеристики)» (С. 32–49).*



*Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович (Опыт характеристики)...*  
С. 34–35, 48.

Русский биографический словарь. Т. 2: Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 34.

Заслуживают упоминания подробные примечания к главам этого труда, содержащие полезный обзор работ историков и источников, опубликованных к этому времени. См.: *Иловайский Д. И.* История России. Т. 5: Алексей Михайлович и его ближайшие преемники. М., 1905. С. VII–VIII, 644. Традиционные воззрения на царя Алексея Михайловича тиражировались и в серии «общедоступных» книг по истории, содержавших более или менее подробные очерки, написанные без всяких ссылок на источники. Несколько ббльшим вкусом отличалась работа историка Александра Александровича Кизеветтера, попытавшегося дать литературный портрет «одного дня царя Алексея Михайловича», хотя в нем больше сказано о жизни средневековой Москвы, чем о самом царе. См.: *Катаев И. М.* Царь Алексей Михайлович и его время. М., 1901; *Кизеветтер А. А.* День царя Алексея Михайловича (Сцены из жизни Москвы 17 в.). М., 1904.

Эти же оценки повторялись в курсе лекций С. Ф. Платонова, впервые изданном в 1899 году. Дополнения в характеристику царя Алексея Михайловича были внесены в 8-е «исправленное и дополненное» издание, вышедшее в свет в Сенатской типографии в 1913 году, а последнее 10-е издание, под названием «Полный курс лекций по русской истории», увидело свет в 1917 году. См.: *Платонов С. Ф. Лекции по русской истории, читанные в 1898/99 учебном году на Высших Женских Курсах, в Императорском С.-Петербургском университете и в Военно-Юридической Академии.* СПб., 1899. Вып. 2. С. 177–184.

Ср.: Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович (Опыт характеристики)... С. 275; он же. Царь Алексей Михайлович (Опыт характеристики) // Три века. Россия от смуты до нашего времени. Исторический сборник Под ред. В. В. Калаша. М., 1912. Т. 1: XVII век. Первая половина. С. 126–132. См. также: Государь из Дома Романовых. 1613–1913. Жизнеописания царствовавших государей и очерки их царствований Под ред. доктора русской истории Н. Д. Чечулина. М., 1913. Т. 1. С. 62–92.

Три века... Т. 1. С. 8–9. Пресняков написал о первых годах власти царя Алексея, а среди других очерков, открывавших издание «Три века», — работа Сергея Васильевича Рождественского «Соборное Уложение 1649 года», исследователя церковной истории Николая Федоровича Каптерева «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» (незадолго до этого времени им была выпущена в свет большая монография на эту тему) и несколько интересных статей молодого историка, школьного учителя Василия Яковлевича Уланова «Финансовые реформы царя Алексея Михайловича» и ««Гиль» 1662 г.», «Ра-зиновщина», «Власть московских государей в XVII в.». Во втором томе книги «Три века» также помещен ряд статей, раскрывавших основные проблемы истории царствования Алексея Михайловича, включая «реформу Никона», «западное» и «малорусское» влияния, а также работа Владимира Ивановича Пичеты «Внешняя политика России при царе Алексее Михайловиче».

Государи из Дома Романовых... Т. 1. С. 92. Продолжалась и традиция панегирической литературы о царе, представленная изданием Московского Археологического института: *Бельковский А. П.* Второй царь из Дома Романовых Алексей Михайлович («Тишайший»). М., 1913.



*Заозерский А. И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. Еще одна заметная работа этого года принадлежит Сергею Владимировичу Бахрушину, написавшему подробную статью о событиях в Москве в 1648 году. Первые годы правления царя Алексея Михайловича затрагивала и докторская диссертация Алексея Ивановича Яковлева о деятельности Приказа сбора ратных людей, защищенная в Московском университете. К сожалению, эти труды остались забытой вехой совершившегося поворота в постижении отечественного прошлого, полностью изменившего подходы историков. См.: *Бахрушин С. В.* Московский Мятеж 1648 года // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 709–774; *Яковлев А. И.* Приказ сбора ратных людей. 146–161 (1637–1653) гг. М., 1917.

*Заозерский А. И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве // Русская мысль. 1917. № 5–6. С. 147.

См.: *Покровский М. Н.* Избранные произведения. В 4 кн. Кн. 1. Русская история с древнейших времен (Т. I, II). М., 1966.

*Заозерский А. И.* Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М., 1937.

Статью о царской власти и Боярской думе писали признанные исследователи истории Московского государства XVII века Константин Васильевич Базилевич и Сергей Константинович Богоявленский — автор известного справочника о руководстве московских приказов «Приказные судьи XVII века» (1947). Даже очерку о земских соборах Александра Ивановича Заозерского, умершего в 1941 году, тоже нашлось место. См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 346, 378–379.

Не учитывая зарубежную историографию, где были весьма успешные опыты обращения к биографии царя Алексея Михайловича, раскрывавшие его характер и основные события царствования. См.: *Longworth Philip. Alexis, Tsar of All rhe Russias. London, 1984.*

Это был очерк 1913 года из книги «Государи из Дома Романовых»; часть текста, написанная С. Ф. Платоновым, тоже включена в это издание без каких-либо оговорок. *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы / Сост. А. Ф. Смирнов. М., 1990. С. 5, 59—141.



*Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 73–89.*

Книга переиздавалась также в 2000 и 2011 годах. См.: *Преображенский А. А., Морозова Л. Е., Демидова Н. Ф.* Первые Романовы на российском престоле. М., 2011. С. 307–309, 333. Ученик А. А. Преображенского Алексей Владимирович Гусев написал кандидатскую диссертацию об изучении в историографии «личности и мировоззрения» царя Алексея Михайловича. См.: *Гусев А. В.* Личность и мировоззрение царя Алексея Михайловича в отечественной историографии XIX–XX вв. Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2005.

Талина Г. В. Царь Алексей Михайлович — государственный деятель России XVII в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1995; *она же*. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996. Труды исследовательницы не выходят за рамки традиционного анализа «самодержавия» и «абсолютизма», а очеркам о царе Алексее Михайловиче стилистически вредит явный педагогический посыл сентенций Г. В. Талиной. См.: *она же*. Всея Великия и Малыя и Бelyя России самодержавие: Очерки абсолютизирующей монархии III четверти XVII века. М., 2005. С. 349.

*Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2003 (серия «ЖЗЛ». Вып. 1034 (834)); 2-е изд., испр.: М., 2006 (серия «ЖЗЛ». Вып. 1171 (971)).*

Ранее собранные им источники были опубликованы и прокомментированы в публикации важнейших записок иностранцев при дворе царя Алексея Михайловича. См.: *Андреев И. Л.* Московия при Тишайшем по впечатлениям иноземцев и подданных; Сочинения царя Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000.

См. также: *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович: штрихи к портрету // Исторический вестник. Романовы: Династия и эпоха. 2013. Т. 3(150). С. 48–68.

*Андреев И. Л. Алексей Михайлович... С. 615–616.*



*Боханов А. Н. Царь Алексей Михайлович. М., 2012. С. 6, 16.*

См., напр.: *Седов П. В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; *Бушкович Пол.* Петр Великий. Борьба за власть. 1671–1725. СПб., 2009; *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010; *он же.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.

См.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Царь Алексей Михайлович в восприятии современников и потомков (XVII–XXI вв.) // Алексей Михайлович Романов: pro et contra. Антология / Сост., коммент., вступ. ст. В. Г. Вовиной-Лебедевой. СПб., 2015. С. 7—20.

---

**comments**

## Комментарии

*Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 113.*

Подробное исследование «духовных исканий XVII века» Сергей Александрович Зеньковский открывал интересным наблюдением, относящимся к концу 1960-х гг.: «В прошлом году в связи с пятидесятилетием Февральской и Октябрьской революций совсем незаметно прошла другая, но тоже очень значительная годовщина в русской истории — трехсотлетие раскола в русской церкви. Мало кто вспомнил, что три века тому назад, 13 мая 1667 года, собор русских и восточных епископов наложил клятвы на тех православных русских людей, которые продолжали и хотели продолжать пользоваться старорусскими, дониконовскими богослужебными книгами, креститься древневизантийским и древнерусским двуперстным крестным знамением и остаться верными старорусской церковной традиции». См.: Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. В 2 т. М., 2009. С. 48. Прошло еще 50 лет, и эта дата также осталась в тени столетнего юбилея событий 1917 г.

*Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 72.*



*Заозерский А. И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве *И*  
Русская мысль. 1917. № 5–6. С. 147.

*Андреев И. Л. Алексей Михайлович (серия «ЖЗЛ»). 2-е изд. М., 2006.*

На надгробном камне царя Михаила Федоровича в Архангельском соборе Московского Кремля сделана запись: «Лета 7153 июля во 12 день на память преподобнаго отца нашего Михаила Малеина в субботу на воскресенье в третьем часу ночи преставись благоверный и христолюбивый великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси». Царь умер около полуночи, время смерти могло приходиться еще на царский день ангела — 12 июля, но с датой смерти царя Михаила Федоровича не все так однозначно, как было написано на надгробии. Счет ночных часов велся после захода солнца, 12 (22) июля на широте Москвы солнце обычно заходит около 21 часа. Существуют еще так называемые «гражданские сумерки», когда некоторое время день продолжает быть относительно светлым (в июле дополнительно еще около 50–60 минут). В официальных дворцовых разрядах было записано, что царь Михаил Федорович умер «июля против 13 числа, в 4 часу ночи». В окружных грамотах о вступлении на престол царя Алексея Михайловича о времени смерти его отца говорилось менее определенно: «июля против 13 дня в ночи». См.: Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГид). М., 1822. Т. 3. № 122. С. 417; Дворцовые разряды (далее — ДР). Т. 3. 1645–1676. СПб., 1852. Ст. 1; *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля. М., 2002. С. 40.

Надпись на надгробии царицы Евдокии Лукьяновны: «Лета 7153 года августа в 18 день в понедельник на память святых мученик Флора и Лавра в пятом часу того дня преставися раба Божия благоверного великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца благоверная государыня царица и великая княжна Евдокия Лукиановна и погребена августа в 19 день на память святого мученика Андрея Стратилата». На крышке саркофага время смерти указано иначе — «в шестом часу». *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля. С. 40.

*Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 2. М.; Л., 1948. С. 5.

В Тулу — дворянина князя Алексея Никитича Трубецкого, в Мценск — стольника князя Ивана Федоровича Лыкова, в Венев — стольника князя Василия Меньшого Григорьевича Ромодановского, в Переславль-Рязанский — стольника князя Ивана Меньшого Андреевича Хилкова, в Крапивну — стольника князя Юрия Алексеевича Долгорукого. Упоминается также еще посылка в Одоев стольника князя Федора Федоровича Долгорукого. См.: ДР. Т. 3. Ст. 3–5.

ДР. Т. 2. 1628–1645. СПб., 1851. Ст. 753; Т. 3. Ст. 5, 13; Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее — АМГ): Т. 2: Разрядный Приказ: Московский стол: 1635–1659 / Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1894. № 246–248. С. 154–156.



ДР. Т. 3. Ст. 5–7. О деле Лубы см.: *Соловьев С. М.* История России... Кн. 5. Т. 10. С. 441–444; *Краусгар А.* Самозванец Ян-Фаустин Луба / Пер. Г. Воробьева // Русская старина. 1894. № 8. С. 377–409.

Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА).  
Ф. 27. Д. 99. Лл. 1–2; *Голубцов А. П.* Прения о вере, вызванные делом  
королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891; *Андреев*  
*И. Л.* Алексей Михайлович... С. 65.

Судя по надписи жемчугом, работа над покровом из драгоценного шитья продолжалась больше года. Он был «положен» на гроб царицы Евдокии Лукьяновны 26 сентября 1646 г. *Максимович Л. М.* Путеводитель к древностям и достопамятностям московским... М., 1792. Ч. 1. С. 231–232.

РГАДА. Ф. 135. Д. 309. Л. 15 об., 22 об., 36 об. Эта и другие рукописи Чина венчания на царство Алексея Михайловича цитируются по цифровым копиям, доступным в Интернете на портале РГАДА в Интернете (rgada.info).

РГАДА. Ф. 135. Д. 392. Рукопись опубликована: СГГид. Т. 3. № 1. С. 1–4; № 16. С. 70–87.

В «Древней российской вивлиофике» опубликован беловой вариант рукописи царского венчания — РГАДА. Ф. 135. Д. 397: Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся, изданная Николаем Новиковым (далее — ДРВ). 2-е изд. М., 1788. Ч. 7. С. 234–303. В печатной описи ошибочно указано, что опубликована другая рукопись Чина венчания — Д. 309. См.: Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135 / Под ред. Л. В. Черепнина; сост. В. Н. Шумилов. М., 1971. С. 134. См. также: Морозова Л. Е. Две редакции чина венчания на царство Алексея Михайловича // Культура славян и Русь. К 90-летию Б. А. Рыбакова. М., 1998. С. 457–471.

*Андреев И. Л. Алексей Михайлович... С. 68.*



РГАДА. Ф. 135. Д. 308. Л. 6; Барсуков А. Род Шереметевых. СПб., 1883. С. 319–336, 493–524; Яковлев А. И. Приказ сбора ратных людей 146–161 / 1637–1653 гг. М., 1917. С. 129–134; Бушкович Пол. Шведские источники о России 1624–1626 гг. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 377. О родственных связях Ф. И. Шереметева — младшего брата последней жены царевича Ивана Ивановича с Романовыми см.: Пчелов Е. В. Генеалогические связи Романовых до начала XVII в. и их значение в истории рода // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 192–201.

СГГид. Т. 3. № 16. С. 71; ДР. Т. 3. Ст. 15; *Лаврентьев А. В.* Романовы и «старый государев двор» на Варварке // *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 34–35.

Имя князя Д. М. Черкасского открывало Боярский список 1643/44 г. См.: *Жаринов Г. В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/1644) года// *Архив русской истории.* М., 2007. Вып. 8. С. 388.

В начале 1640-х гг. умерли бояре Иван Никитич Романов (18.07.1640), князь Иван Борисович Черкасский (4.04.1642), князь Юрий Яншевич Сулешев (8.03.1643), князь Дмитрий Михайлович Пожарский (20.04.1642) и князь Алексей Юрьевич Сицкий (4.07.1644), что существенно изменило расклад сил в Боярской думе к началу правления царя Алексея Михайловича.

ДРВ. Ч. 7. С. 254. В чин постельничего Иван Михайлович Аничков был пожалован 8 сентября 1645 г., «сказывал» ему «постельничество» стряпчий с ключем Михаил Алексеевич Ртищев (ранее этот придворный чин носил сам И. М. Аничков, происходивший из новгородских дворян). См.: ДР. Т. 3. Ст. 13; Боярская книга 1639 года / Подг. текста В. А. Кадик, М. П. Лукичев, Н. М. Рогожин. М., 1999. С. 27–28.

РГАДА. Ф. 135. Д. 397. Л. 40 об.; ДРВ. Ч. 7. С. 291–292.

Ср. текст Чина царского миропомазания 1613 г. и вставку в черновой столбец с описанием церемонии венчания: РГАДА. Ф. 135. Д. 308. Л. 270; Д. 392. Л. 45 об.; СГГид. Т. 3. № 16. С. 85; ДР. Т. 3. Ст. 16; Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1883. Кн. 1. С. 63, 96; Архим. Леонид (Кавелин). Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича. СПб., 1882 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. 7). С. 33.

Л. Е. Морозова, отметившая перемены, внесенные в один из списков Чина венчания, считает, что его рукопись после этого носила «полуофициальный» характер, и отдает предпочтение тексту «Дворцовых разрядов». См.: Морозова Л. Е. Две редакции чина венчания на царство Алексея Михайловича... С. 463–468. Между тем беловая рукопись составлялась под руководством распорядителя церемонии, бывшего учителя царя Алексея Михайловича, думного дьяка и главы Посольского приказа Григория Васильевича Львова, оставившего все подготовительные материалы и окончательный вариант Чина венчания на хранении в царском архиве. Ср. упоминание о думном дьяке Львове в Чине царского венчания: «А против государя стоял и царскому поставленью и венчанию чин строил ево ж государев посольский думный дьяк Григорий Васильев сын Львов»: РГАДА. Ф. 135. Д. 397. Л. 16. Ср.: ДРВ. Ч. 7. С. 254. Боярин Борис Иванович Морозов был одним из душеприказчиков думного дьяка Григория Львова. См.: Лукичев М. П. [Григорий Васильевич Львов — учитель царя Алексея Михайловича] // Лукичев М. П. Боярские книги XVII века: Труды по источниковедению. М., 2004. С. 312–317; Павлов А. П. Думные дьяки и их иерархические взаимоотношения в последний период царствования Михаила Федоровича (1633–1645 гг.) // PALEOBUREACRATICA: Сб. статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М., 2012. С. 284–285.



Первенцем стала царица Ирина Михайловна, появившаяся на свет 22 апреля 1627 г. и крещенная на память «святой мученицы Ирины» 5 мая в Чудовом монастыре. Следующая царица, Пелагея, родилась почти через год — 17 апреля 1628 г., однако умерла в младенчестве в начале 1629 г., когда ожидали появления на свет нового ребенка (см. надпись на надгробии о ее смерти 25 января 1629 г.: «Лета 7137 году генваря в 25 день на память иже во святых отца нашего Григория Богослова преставися дщерь государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси благоверная царица и великая княжна Пелагея Михайловна всея Руси»: *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля. С. 37). По сообщению «Нового летописца», восприемником первых царских детей был патриарх Филарет Никитич. Царь и патриарх действительно присутствовали в церкви во время обряда, но крещение проводил царский духовник благовещенский протопоп Максим, а восприемниками были троицкий келарь Александр Булатников и мать царицы Анна Константиновна Стрешнева, жена Лукьяна Степановича Стрешнева. См.: ДР. Т. 1. СПб., 1850. Ст. 913, 921–922, 1004, 1009; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 14. СПб., 1910. С. 153; ДР. Т. 1. Ст. 921–922.

Забелин И. Е. Материалы к тому I, части II «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» // Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 3: Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII ст.: Материалы. М., 2003. С. 511. Указание на день недели — вторник, приходившийся на 10 марта, и праздновавшуюся в этот день память «святого мученика Кондрата и дружины его» не позволяет согласиться с датой 9(19) марта, приведенной в Большой российской энциклопедии. См.: Андреев И. Л, Алексей Михайлович // Большая российская энциклопедия. М., 2005. Т. 1. С. 465. См. также электронную версию: [http://bigenc.ru/domestic\\_history/text/1811746](http://bigenc.ru/domestic_history/text/1811746). Датой рождения будущего царя Алексея Михайловича иногда ошибочно считается 17 марта 1629 г. Например, в «Новом летописце», написанном на рубеже 1620—1630-х гг., говорится: «В лето 7137 году, марта в 17 день, родися у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси сын, благочестивый царевич князь Алексей Михайлович всеа Руси, и крещен бысть в Чюдове монастыре, а крести ево государя сам святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси, а отец кресной — Троицкой келарь Александр» (ПСРЛ. Т. 14. С. 154). На 17 марта приходилась память Алексея человека Божьего, и царские именины впоследствии праздновались именно в этот день. Для средневекового сознания понятие «день рождения» уступало место выбору имени небесного покровителя, и отсчет жизни человека начинался с церковного крещения. Хотя в разрядных книгах отдельно говорилось о «наречении» и «крещении» царевича: «А имя ему нарекли, от рожения во 8 день, марта 17 число, преподобнаго отца нашего Алексея человека Божия».

Дополнения к Дворцовым разрядам... собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. Ч. 1 // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. Ст. 560–561.

В грамотах патриарха Филарета говорилось о рождении царевича 10 марта 1629 г. и его именинах 17 марта. См.: СГГид. Т. 3. № 79. С. 304–306.

ДР. Т. 2. Ст. 40–41, 51.

Дополнения к Дворцовым разрядам... Ст. 572; *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1.4. 2: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 2000. С. 3–4.

В «Новом летописце» единственным восприемником царевича Алексея Михайловича назван келарь Троице-Сергиева монастыря Александр Булатников, а обряд крещения якобы проводил сам патриарх Филарет, но это не соответствует действительности. Более точно об обряде крещения сообщают записи дворцовых разрядов. Возможно, выбором в восприемники келаря Александра отдавалась еще и дань Троице-Сергиеву монастырю, где крестили Ивана Грозного. См.: ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 273–274; *Панченко О. В.* Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: троицкий келарь Александр Булатников // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — ТОДРЛ). СПб., 2004. Т. 55. С. 496–497.

Дополнения к Дворцовым разрядам... С. 562–572, 576–577; Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года / Подг. к публ. М. Ю. Горькова, С. П. Орленко. М., 2014. С. 135, 138.



См.: *Забелин И. Е.* Материалы к тому I, части II «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях»... С. 542–543, 551; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 31–32.

14 июля 1630 г. — царица Анна, 19 августа 1631 г. — царица Марфа, 1 июня 1633 г. — царевич Иван, 15 сентября 1634 г. — царица Софья, 5 января 1636 г. — царица Татьяна. *Забелин И. Е.* Материалы к тому I, части II «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях»... С. 512–513.

*Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1.4.2.  
С. 48.

*Строев П. М.* Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 г.). М., 1844. С. 36.

Временник Московского общества истории и древностей российских (далее — МОИДР). М., 1851. Кн. 9. Смесь. С. 46, 49; ДР. Т. 2. Ст. 354; *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 2. С. 46–47; Боярская книга 1639 года. С. 20, 24, 25, 51; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты (далее — ЗАРГ). Л., 1986. № 222. С. 165; *Козляков В. Н.* Источники о новичном верстании в первой половине XVII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1991. С. 104.

*Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1.4.2.  
С. 54–66.

Хотя начальное обучение царевича Алексея было поручено человеку, лично известному Морозову, служба Василия Прокофьева в посольстве боярина Федора Ивановича Шереметева, заключившего Поляновский мирный договор в 1634 г., и его более поздняя служба в Приказе сбора ратных людей с боярином Иваном Петровичем Шереметевым дают основания видеть в нем человека, близкого к боярскому клану Шереметевых. Имело значение и его родство с известным деятелем Смуты дьяком Николаем Новокщеновым, которому он приходился племянником. А. И. Яковлев, составивший биографическую справку о дьяке Василии Прокофьеве, относил его назначение «преподавателем русской грамоты» к царевичу Алексею к 147-му (1639) г. Однако в это время служба дьяка Василия Прокофьева в качестве царского учителя не начиналась, а продолжалась уже несколько лет. См.: *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века // *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 201–202; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; С. 431–432; *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1.4. 2. С. 73, 146, 155; *Яковлев А.* Приказ сбора ратных людей. 146–161 / 1637–1653 гг. М., 1917. С. 135–136.

*Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа вXVI и XVII ст. Т. 1.4.2.  
С. 101–109, 154.



Ранее умерли и другие дети царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны: царевна Софья Михайловна (23 июня 1636), царевна Евдокия Михайловна (10 февраля 1637), но смерть младшего брата царевича Ивана Михайловича, с которым воспитывался царевич Алексей, конечно, стала для него особенно заметным событием жизни. См.: ДР. Т. 2. Ст. 931, 963; *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля... С. 39.

*Бартенев П. И.* Собрание писем царя Алексея Михайловича... М., 1856. С. 11; *Забелин И. Е.* Материалы к тому I, части II «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях»... С. 592–593; *Хмыров М. Д.* Царь Алексей Михайлович и его время. 1629–1675 (Нравоописательный очерк) // Алексей Михайлович Романов: pro et contra, антология / Сост., коммент., вступ. ст. В. Г. Вовиной-Лебедевой. СПб., 2015. С. 83; *Николов А.* Средневековый славянский перевод «Учительных глав» императора Василия I: Проблемы изучения рукописной традиции и ранних печатных изданий // XIX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. I. М., 2009. С. 44–45.

ДР. Т. 2. Ст. 693; *Строев П. М.* Выходы... С. 106, 109, 117.

Права возможных наследников королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны защищались отдачей им в наследственное владение Суздаля и Ярославля со всеми доходами, а также выделением в приданое огромной суммы в 300 тысяч рублей. См.: *Голубцов А.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. Приложения. № 2. С. 378–380; *Голубцов А.* Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1892; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 51–58.

ДР. Т. 2. Ст. 711, 721, 723; Два сватовства иноземных принцев к русским великим княжнам в XVII столетии. Из VII и X частей «Magazin's von Büsching» Пер. с нем. А. Н. Шемякина. Известие о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве, графа шлезвиг-голштинского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью царя Михайла Федоровича, Ириною / ЧОИДР. 1867. Кн. 4. С. 9, 12, 17.

Два сватовства иноземных принцев к русским великим княжнам в XVII столетии... С. 23–27, 29–30, 37, 61, 125.

ДР. Т. 2. Ст. 751–756; Два сватовства иноземных принцев к русским великим княжнам в XVII столетии... С. 53–54; *Строев П. М.* Выходы... С. 119, 125–127.

См.: Седов П. В. Боярские «хлебояжцы» и свойственники // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 133–142.



ДР. Т. 3. Ст. 17–20.

Согласно «подлинному» боярскому списку 152-го (1643/ 1644) г., в Боярской думе насчитывалось 15 бояр и 8 окольничих. См.: *Жаринов Г. В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/1644) года... С. 388–389.

АМГ. Т. 2. № 259. С. 164.

Распоряжение об этом было сделано почти сразу по вступлении на престол царя Алексея Михайловича, 26 июля 1645 г. См.: ДР. Т. 3. Ст. 5.

ДР. Т. 3. Ст. 20–21; *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / Отв. ред. и авт. предисл. С. О. Шмидт; сост., вступ. ст., коммент., подгот. А. В. Топычканов. М., 2006. С. 168–169, 177–178; *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба... С. 18.

3АПГ. № 305–306. С. 210; № 308. С. 212.

См.: *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. 4-е изд. М., 1909;  
*Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство  
XVI–XVII веков... С. 321–332.

Акты писцового дела (1644–1661 гг.) / Сост. С. Б. Веселовский, подг. к печати А. Л. Станиславский, Э. Г. Чумаченко. М., 1977. С. 139, 151.



Боярская книга 1639 года... С. 88.

Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества (далее — Записки ОРСА). СПб., 1861. Т. 2. С. 711–713; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 81–82. Вероятнее всего, «челобитная» царя Алексея Михайловича относится к февралю 1646 г. В документе перечислены по преимуществу имена недавно пожалованных в чин бояр и окольничих. См. также: ДР. Т. 3. Ст. 18–20.

СГГид. Т. 3. № 124. С. 423; ЗАРГ. № 310. С. 213–214.

См.: ЗАРГ. № 311. С. 214–215; *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. М., 1916. Т. 2. С. 226–231.

См. подробнее: *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба... Т. 1. М.; Л., 1947. С. 195–328. О военном значении переписи 1646 г. см.: *Мацук М. А.* К вопросу о причинах перехода от описаний к переписям в России XVII в. // Историческая демография. 2012. № 1 (9). С. 4—11.

*Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 347–348.*

Приведенная здесь история выдержана вполне в духе монастырских путеводителей XIX в., иногда она еще связывается со временем организации прославления мощей Саввы Сторожевского в январе 1652 г. См.: Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. М., 1893. С. 27.

ДР. Т. 3. Ст. 22; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства...  
С. 349.



25 ноября 1646 г. воевода Ждан Кондырев получил по царскому указу к прежнему жалованью 80 рублей, и его оклад увеличился больше чем в два раза, до 150 рублей. Причем царь Алексей Михайлович распорядился «выдати» ему немедленно эту заслуженную «придачу». Следовательно, рассказ воеводы в Разрядном приказе вполне достоверен. См.: АМГ. Т. 2. № 277. С. 174–175. См. также: Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 304–307; Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998. С. 393–394; Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба... Т. 2. С. 134–148.

*Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 363–386.*

О смотрах невест и деле Евфимии Всеволожской см. подробнее: *Верх В. Н.* Царствование царя Алексея Михайловича. Ч. 1. СПб., 1831. С. 45–47; *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. II. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 2001. С. 244–250; *Russell E. Martin.* Bride for the Tsar. Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. Northern Illinois University Press, 2012. P. 190–196.

Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича. 1667 г.// Утверждение династии. М., 1997. С. 219.

РГАДА. Ф. 135. Д. 311. Л. 48, 59, 72–74.

Позднее рассматривалось дело о враждебном отношении Богдана Хитрово к боярину Морозову в дни московских событий 1648 г. Но обвинявшего Хитрово челобитчика — стряпчего Елизара Бартенева (тоже упомянутого в чиновнике свадьбы с Евфимией Всеволожской) — самого примерно наказали. Поэтому прав все-таки С. В. Бахрушин, относивший Б. М. Хитрово к «партии» сторонников боярина Б. И. Морозова, «кем и в люди вышел». См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... С. 373–382; *Бахрушин С. В.* Московский мятеж 1648 года // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 728–729; *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 97.

См.: *Панова Т. Д.* Некрополи Московского кремля. С. 41–42.

*Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц... С. 248–249.



*Лисейцев Д. В.* Думный дьяк Иван Грамотин: семья, хозяйство, внутренний мир // Средневековая личность в письменных и археологических источниках. Московская Русь, Российская Империя и их соседи: Материалы науч. конф. М., 2016. С. 131–136.

ДР. Т. 3. Ст. 93.

См.: Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 417–418. Впервые последовательность событий московского восстания 1648 г. уточнил Сергей Федорович Платонов, разыскавший и опубликовавший важные летописные записи «Толстовского сборника» в статье «К истории московских волнений» в «Журнале Министерства народного просвещения» в июне 1888 г. См.: Платонов С. Ф. Московские волнения 1648 года // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883–1902). СПб., 1903. С. 77–93; Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба. Т. 2. С. 162–174.

Описание московского восстания 1648 г. в Архивном сборнике Публ. В. И. Буганова / Исторический архив. № 4. 1957. С. 229. Запись можно датировать 1656–1663 гг., так как дьяк Дементий Башмаков назван дьяком Тайного приказа, но упомянут еще без чина думного дьяка, полученного им 17 апреля 1664 г. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 45. Боярская книга 1658 года / Подг. текста В. А. Кадик. М., 2004. С. 22.

Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века... С. 418; Расширенный вариант Лейденской брошюры // Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 343. Полный перечень дворов, разгромленных и разграбленных восставшими, сохранился в записи из Архивного сборника: «двор боярина Бориса Ивановича Морозова, двор боярина князь Никиты Ивановича Адоевского, двор боярина Глеба Ивановича Морозова, двор боярина князь Михаила Михайловича Темкина-Ростовского, двор боярина и дворетцкаго князь Алексея Михайловича Лвова, двор боярина и оружничева Григорья Гавриловича Пушкина, двор боярина Федора Борисовича Долматова-Карпова, двор окольного Петра Тихановича Траханиотова, двор окольного Бориса Ивановича Пушкина, двор думного дьяка посольскаго Назарья Иванова сына Чистого и самово ево, Назарья, на том своем дворе убили до смерти и животы вовсе рознесли и разорили без остатку, двор стол ника и ближнева человека Басил ья Яковлева сына Голохвастова. Дворянские дворы: двор яселничего Обойма Федорова сына Болтина, двор Левонтья Степанова сына Плещеева, двор Василья Иванова сына Толстова, двор Романа Федорова сына Боборыкина, двор Григорья Иванова сына Неронова, двор дьяка Мини Кирилова сына Грязева, двор дьяка Василья Нефедьева, двор гостя Василья Григорьева сына Шорина и иныя многия дворы всяких чинов людей». См.: Описание московского восстания 1648 г...С. 229–230.

Расширенная редакция Лейденской брошюры... С. 344.

*Платонов С. Ф.* Московские волнения 1648 года... С. 88.

Расширенная редакция Лейденской брошюры... С. 344. См. также: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч., и указ. А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 270; Описание московского восстания 1648 г.... С. 230–231.



Описание московского восстания 1648 г.... С. 230.

Окольничий Петр Тихонович Траханиотов спешно уехал из Москвы под предлогом назначения на воеводство, но был задержан недалеко от Троице-Сергиева монастыря и возвращен в Москву. Его казнили 5 июня «перед миром», отрубив голову «на Пожаре» (Красной площади). Год спустя, в июле 1649 г., царь Алексей Михайлович приказал писать по-прежнему имя окольничего Петра Тихоновича Траханиотова с упоминанием его чина и «вичем», подтверждая, что на нем не было «кручины и опалы». См.: *Платонов С. Ф.* Московские волнения 1648 года... С. 89–90; Книга о чудесах пр. Сергия. Творение Симона Азарьина / Сообщ. С. Ф. Платонов// Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1888. Вып. 70. С. 124–126; АМГ. Т. 2. № 400. С. 251–252.

*Платонов С. Ф.* Московские волнения 1648 года... С. 91. О переговорах царя с «миром» см. также: *Бахрушин С. В.* Московский мятеж 1648 года... С. 717–726.

*Шахматов М. В.* Челобитная «мира» московского царю Алексею Михайловичу 10 июня 1648 г. // *Věstník Královské české společnosti nauk. Třída filosoficko-historická. Ročník, 1933. V Praze, 1934. IV. S. 1—23.* См. также: Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 3: Народные движения XVII в. М., 1989. С. 146–150; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 281–283.

*Смирнов П. П.* О начале Соборного Уложения и Земского собора 1648–1649 гг. // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1913. Т. 9. С. 45.

*Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века... С. 420.

*Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 109–111.

*Смирнов П. П.* Несколько документов к истории Соборного Уложения и Земского собора 1648–1649 гг. // ЧОИДР. 1913. Кн. 4. С. 1–2, 6. В дворцовых разрядах решение о создании редакционной комиссии датируется 17 июля и не связывается с деятельностью Земского собора, оно представлено лишь как следствие совместного решения церковных и светских властей — царя, патриарха, Освященного собора и Боярской думы. Царь Алексей Михайлович «указал выписать из правил святых отцов и из градских законов, а пристойны те статьи к государственным и к земским делам». См.: ДР. Т. 3. Ст. 95.



ДР. Т. 3. Ст. 99.

Цит. по: Государственное древлехранилище хартий и рукописей... № 317. С. 136. Публикация грамоты: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Импер. Академии наук (далее — ААЭ). СПб., 1836. Т. 4. № 29. С. 42.

*Зерцалов А. Н.* Новые данные о земском соборе 1648–1649 гг. М., 1887.  
С. 50.

Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века... С. 428–429; Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. С. 18.

ДР. Т. 3. С. 106–108; ААЭ. Т. 4. № 31. С. 43–44.

*Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века... С. 430.

ДР. Т. З. С. 108–110; *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба... С. 251–253; *Козляков В. Н.* Служилый «город»... С. 111–115.

ААЭ. Т. 4. № 30. С. 43; *Харузин Н.* К вопросу о борьбе Московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVII века // *Этнографическое обозрение*. М., 1897. № 1. С. 148. Существуют и другие публикации этого документа, см.: *Белкин А. А.* Русские скоморохи. М., 1975. С. 82–83, 175–178.



*Алексеев В.* Новый документ к истории Земского собора 1648—49 г. // Древности. М., 1900. Т. 2. Вып. 1. С. 83–86; *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 7. С. 99— 100; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века... С. 427; *Белкин А. А.* Русские скоморохи... С. 83–88, 173–175, 178–180.

Соборное Уложение 1649 года... С. 17, 136; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 286. Подлинник Соборного уложения, по измерениям архивистов, составляет 309 метров, см.: Государственное древлехранилище хартий и рукописей... № 387. С. 159–161.

Кстати, есть там и подпись архимандрита Новоспасского монастыря Никона, в будущем патриарха, говорившего о неприятии им Соборного уложения: «...и то всем ведомо, что збор был не по воли, боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинныя правды ради». См.: Записки ОРСА. Т. 2. С. 426; *Ундольский В. М.* Отзыв патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича. Новые материалы для истории законодательства в России с замечаниями Вукола Ундольского // Богословские труды. 1982. Т. 23. С. 202–263.

В дате начала работы над созданием Соборного уложения допущена опечатка — 16 июня, вместо 16 июля 1649 г. См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. 1. С. V, 1.

*Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. История России с древнейших времен. М., 1990. Кн. 5. Т. 10.*

См.: *Андреев И.* «Хотим царя восточного, православного!..» // Родина. 1999. № 8. С. 64–67.

*Базилевич К. В.* Городские восстания в Московском государстве XVII в. М., 1936. С. 88. Сергей Михайлович Соловьев первым рассказал об этом деле в своем труде, но не стал приводить совсем уж резкие отзывы о «глупости» царя Алексея Михайловича: *Соловьев С. М.* История России... Кн. 5. Т. 10. С. 471.

См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее — РИБ). СПб., 1886. Т. 10. С. 427. Ср.: ДР. Т. 3.



РИБ. Т. 10. С. 447–448.

См. грамоту патриарха Паисия царю Алексею Михайловичу о посте, написанную в ответ на заданные ему вопросы 15 февраля 1649 г. См.: Белокуров С. А. Арсений Суханов М., 1891. Ч. 1. Прил. к третьей главе. С. XXVI–XXXIX.

См.: Румянцева В. С. Кружок Стефана Внифатьева// Общество и государство феодальной России. Сб. статей, поев. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 178–188.

См.: *Плохій С. М.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2006. С. 388–396.

*Заборовский Л. В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х — 80-х гг. XVII в. Документы и исследования. Ч. 1: Источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого. М., 1998. С. 32.

Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654  
гг. Киев, 1965. С. 202.

Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. (далее — ВУР). М., 1953. Т. 2. С. 127–131, 133–134, 146, 162–163; Документы об освободительной войне украинского народа... С. 208–209.

СГГид. Т. 3. № 135. С. 147. *Лавров А. С.* Новые данные о «ревнителях благочестия». Документы РГАДА. 1649–1650 гг. // Исторический архив. № 1. 2008. С. 196–209.



Белокуров С. А. Арсений Суханов. Ч. 1. Прил. к третьей главе. XL–XLII, XLVII–XLVIII; он же. Арсений Суханов. Ч. 2. Сочинения Арсения Суханова. М., 1894. Вып. 1. С. 218. О представлениях о русском царе как Новом Константине см.: Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия. Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. По документам Российского государственного архива древних актов. М., 2011. С. 169–180.

Цит. по: *Богданов А. П.* Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // *Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. М., 1989. С. 191.*

*Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницкий // Собр. соч. Н. И. Костомарова. СПб., 1903. Кн. 4. Т. 9–11. С. 354.

*Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В. О. Собр. соч. В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 109–112.*

*Грушевський М.* Історія України — Руси. Том 9. Кн. 1. Ч. 2. Нью-Йорк, 1957 (переизд. 1931 г.). С. 1508.

Для обоснования политики Войска Запорожского сформулирован некий «концепт» «поливассалитета», однако при этом исключаются из рассмотрения намерения московского царя или турецкого султана, отнюдь не стремившихся действовать исключительно в интересах вассального «суверенитета» казаков. См.: *Лазарев Я. А.* «Ласковый телок двух маток сосет»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII — первой трети XVIII в. (в порядке дискуссии с Т. Чухлибом) // Исторический вестник. 2013. Т. 4(151). С. 206–219.

В них говорилось следующее: «Решение Переяславской рады явилось завершением общенародной борьбы за воссоединение Украины с Россией, выражением вековых стремлений и надежд украинского народа и знаменовало поворотный этап в его жизни». Цит. по: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 686. См. также: *Королук В. Д.* Исторические предпосылки Переяславской рады 1654 г. // Институт славяноведения АН СССР. Краткие сообщения. Вып. 13: Из истории освободительной войны украинского народа. М., 1954. С. 3–4. Историки, конечно, давно уже не воспринимают всерьез юбилейные «Тезисы о воссоединении Украины с Россией (1654–1954 гг.)», одобренные ЦК КПСС и опубликованные в газете «Правда» 9 декабря 1953 г. По свидетельству Л. В. Заборовского, даже во времена СССР пресловутые «Тезисы» влияли только на историков, живших на Украине. См.: *Заборовский Л. В.* Переяславская Рада и Московские соглашения 1654 года: проблемы исследования // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 39–50.

См., напр.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 319–337; Россия — Украина: История взаимоотношений. М., 1997; История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках: К 350-летию Переяславской рады // Научный совет РАН «История международных отношений и внешней политики России». Бюллетень. Вып. 2. М., 2006; *Рогожин Н. М., Санин Г. А.* Россия и Украина в XVI–XVIII вв. // История и историки. Историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 336–337; *Санин Г. А.* Положение Украины в составе России во 2-й половине XVII в. и внешняя политика России. Смоленск и Белоруссия в годы русско-польской войны (1654–1657) // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 160–206; *Викторов Ю. Г.* Украинская историография о взаимоотношениях Московского государства и Запорожского Войска в 1648–1654 годах и ее источниковая база: Автореф. дис., канд. ист. наук. М., 2009; *Безъев Д. А.* Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в. М., 2012.



См., напр.: Федорук Я. Переяслав 1654: передумови, історико-правовий зміст і наслідки в епоху Хмельниччини // Історіографічні дослідження в Україні. Збірник наукових праць. Вип. 25. Київ, 2014. С. 290.

*Брехуненко В. А.* Московська експансія і Переяславська Рада 1654 року. Київ, 2004; *Гвоздик-Пріцак Л. Д.* Економічна і політична візія Богдана Хмельницького та її реалізація в державі Військо Запорозьке. Київ, 1999; она же. Основні міжнародні договори Богдана Хмельницького 1648–1657 рр. Харків, 2003; *Горобець В.* «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007; *Доба Богдана Хмельницького: До 400-річчя від дня народження великого гетьмана: Збірник наукових праць.* Київ, 1995; *Смолій В. А., Степанков В. С.* Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997; они же. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр). Київ, 1999.

ВУР. Т. 2. С. 31, 33, 44, 132–133; *Заборовский Л. В.* Католики, православные, униаты... С. 30.

ВУР. Т. 2. С. 116, 167; *Заборовский Л. В.* Католики, православные, униаты... С. 26–27, 32. Коронационный сейм проходил в Варшаве с 19 января до 14 февраля 1649 г. (здесь и далее даты проведения сеймов даны по новому стилю, принятому в Речи Посполитой). См.: *Konopczyński W.* Chronologia sejmów polskich, 1493–1793. Kraków, 1948. S. 152.

См. документы об отправлении Григория Унковского к гетману Богдану Хмельницкому 13 марта 1649 г.: ВУР. Т. 2. С. 137–145 (называть отчет Унковского статейным списком, как это сделали публикаторы документа в фундаментальном издании «Воссоединение Украины с Россией», оснований нет). Ранее Г. Я. Унковский получал придачи жалованья «за литовскую службу, что посылай с послы в 143 году», последняя придача «за литовскую службу» была сделана 18 февраля 1649 г., за месяц перед отправкой к гетману Богдану Хмельницкому; вероятно, она являлась скрытым авансом за исполнение поручений в Войске Запорожском. См.: Боярская книга 1639 г., С. 154.

BYP. T. 2. C. 143.

Там же. С. 171–172.

*Белокуров С. А. Арсений Суханов. Ч. 1. Прил. к третьей главе. С. LIV–LV.*



Текст Зборовского договора, отосланный при королевском универсале литовскому гетману Янушу Радзивиллу 20 августа 1649 г., см.: СГГид. Т. 3. № 137. С. 450–454. Список, полученный путивльским воеводой князем С. В. Прозоровским, см: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АЮЗР). СПб., 1861. Т. 3. 1638–1657. № 303. С. 415–416; *Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницкий... С. 278–330; *Голобуцкий В. А.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. К., 1962; *Мыцык Ю. А.* Анализ источников по истории освободительной войны украинского народа 1648–1654 годов. Днепропетровск, 1983. С. 36–38.

Документы об освободительной войне... С. 285.

BYP. T. 2. C. 241–243.

АЮЗР. Т. 3. № 278. С. 350; ВУР. Т. 2. № 114. С. 251. См. также:  
*Соловьев С. М.* История России... Кн. 5. Т. 10. С. 531.

См.: Бодянский О. М. Реестра всего войска Запорожского после Зборовского договора с королем польским Яном Казимиром, составленные 1649 года, октября 16 дня. М., 1875; Реестр Війська Запорозького 1649 року Київ, 1995 (Джерела з історії українського козацтва).

АЮЗР. Т. 3. С. 253. См. также: *Соловьев С. М.* История России... Кн. 5.Т. 10. С. 531.

*Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века... С. 453.

*Лисейцев Д. В.* Тимофей Анкудинов: «одиссея» русского авантюриста середины XVII столетия // Дело Т. Анкудинова. Европейский авантюрист из Московии / Под ред. Дюлы Свака. Будапешт, 2011. С. 38.



Там же. С. 70–71.

Там же. С. 72. См. также: *Виршевая поэзия (первая половина XVII века)* / Сост. В. К. Былинин, А. А. Илюшин. М., 1989. С. 258.

*Белокуров С. А.* Арсений Суханов. Ч. 1. С. 195–197. Прил. к третьей главе. С. LXX.; Ч. 2. Вып. 1. С. 5—22; Прил. IV. С. 216–219.

Сейм проходил с 22 ноября 1649 г. до 13 января 1650 г. См.:  
*Konopczyński W. Chronologia sejmów polskich...* S. 152.

В донесении нового шведского резидента Иоганна де Родеса 23 марта 1652 г. опала вернувшегося с воеводства в Путивле князя С. В. Прозоровского связывалась с тем, что его зятем был боярин князь Яков Куденетович Черкасский. См.: Арсеньевские бумаги. III. 1650, 1651, 1652 гг. *Пер. с нем. А. В. Полторацкого*/ Сборник Новгородского общества любителей древности (далее — Сборник НОЛД). 1914. Вып.7. С. 71.

Дело Т. Анкудинова... С. 90–91.

*Соловьев С. М.* История России... Кн. 5. Т. 10. С. 542–548; *Лисейцев Д. В.* Тимофей Анкудинов: «одиссея» русского авантюриста... С. 38; Дело Т. Анкудинова... С. 90–94.

Дело Т. Анкудинова... С. 115.



См.: Фонкич Б. Л. Две греческие грамоты к Богдану Хмельницкому // FLORILEGIUM. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 428–440.

*Белокуров С. А. Арсений Суханов... Ч. 2. Вып. 1. С. 15–22; ВУР. Т. 2. С. 464.*

Дело Т. Анкудинова... С. 95–96, 105; *Лисейцев Д. В.* Тимофей Анкудинов: «одиссея» русского авантюриста... С. 39.

См.: *Ляпин Д. А.* Волнения в русских городах в середине XVII в. // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 15–18.

*Аракчеев В. А.* Псковский край в XV–XVII веках. Общество и государство. СПб., 2003. С. 248.

«Мятежное время». Следственное дело о Новгородском восстании 1650 года / Сост. Г. М. Коваленко, Т. А. Лаптева, Т. Б. Соловьева. СПб.; Кишинев, 2001. С. 4.

См.: ПСЗ. Т. 1. № 19. С. 174; Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сб. док. М.; Л., 1960. № 103. С. 144–161; *Селин А. А.* С. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб., 2016. С. 266–268.

*Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 г. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII в. // *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 51.



*Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века... С. 343.

*Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 г... С. 59. Нащокины, «всем родом», приняли непосредственное участие в подавлении восстания в Пскове, многие из них лишились жизни, их имена были внесены в «Синодик по убиенных во брани». Публикацию см.: *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 189.

Документы о Новгородском восстании 1650 г. // *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. С. 337; «Мятежное время»... № 15. С. 44–46.

Новые материалы о новгородском восстании 1650 г. Публ. В. М. Панеяха/ Вопросы истории. 1981. № 2. С. 83–90.

Документы о Новгородском восстании 1650 г... С. 341–343, 347–348;  
«Мятежное время»... № 24. С. 62–67; № 30. С. 72–76; № 57. С. 138–149.

Князя Хованского якобы привели к присяге «сильно», хотя есть достоверные сведения, что он сам организовывал присягу людей в Можайске и Вязьме. См.: *Кошелева О. Е.* Приговор князю Ивану Никитичу Хованскому // *Архив русской истории.* 1994. Вып. 5. С. 139–144.

*Тихомиров М. Н.* Новгородское восстание 1650 г. // *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. С. 165; «Мятежное время»... № 67. С. 176–177.

*Тихомиров М. Н.* Новгородское восстание 1650 г... С. 168; «Мятежное время»... № 110. С. 257–260; № 114. С. 267–268; № 119. С. 276–278. О возросшей «благосклонности» царя Алексея Михайловича к митрополиту Никону после событий 1650 г. в Новгороде см.: *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 90–92.



См.: «Мятежное время»... № 111. С. 261–265. См. также: *Соловьева Т. Б.* Следственное дело о Новгородском восстании 1650 г. (источниковедческий обзор) // Новгородский исторический сборник. № 4 (14). Новгород, 1993. С. 132–139.

*Тихомиров М. Н.* Новгородское восстание 1650 г.... С. 162.

Текст челобитной опубликован в XIX в., рукоприкладства представителей псковских чинов исследованы М. Н. Тихомировым. См.: *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века... С. 341–366; *Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 г.... С. 70.

*Тихомиров М. Н. Документы псковского восстания и земского собора 1650 г. // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. С. 243–256.*

*Аракчеев В. А. Псковский край в XV–XVII веках... С. 240.*

*Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века... С. 474.

*Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 г... С. 75. См. челобитную Константина Чирикова о взимании с него даточных людей по случаю назначения на службу в полки князя А. Н. Трубецкого и князя М. П. Пронского. Пометы на челобитной датированы 5 июня и 9 июля 1650 г., когда такой поход еще планировался. См.: АМГ. Т. 2. № 430. С. 267.

АМГ. Т. 2. № 432. С. 268.



*Тихомиров М. Н.* Документы псковского восстания и земского собора 1650 г.... С. 257, 262, 270; *он же.* Псковское восстание 1650 г.... С. 102–106; *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 310–313.

*Соловьев С. М. История России... Кн. 5. Т. 10. С. 492–493.*

«Мятежное время»... № 153–158. С. 372–385, 409 (коммент. к документу № 155); *Тихомиров М. Н.* Документы псковского восстания и земского собора 1650 г... С. 291–297, 301–304, 315–316, 324–326.

См.: *Севастьянова С. К.* Грамоты новгородского митрополита Никона в Соловецкий монастырь // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 294–297.

Крестный монастырь, основанный патриархом Никоном (В Онежском уезде Архангельской губернии). Исторический очерк. СПб., 1894. С. 5.

См.: *Николаевский П. Ф.* Путешествие митрополита Никона в Соловецкий монастырь за мощами святителя Филиппа // *Христианское чтение*. 1885. № 3–4. С. 284–335; *Лобачев С. В.* Патриарх Никон... С. 103–106; *Полезнее Д. Ф.* Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // *Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей*. М., 1990. С. 283–292; *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: Исследование и тексты. М., 2007. Прил. 2. С. 353–368.

Сочинения царя Алексея Михайловича. Послание на Соловки *Подг. текста С. А. Семячко* / Библиотека литературы Древней Руси. XVII век. СПб., 2013. Т. 17. С. 297–298. Такое же письмо-обращение к патриарху Иову было написано по повелению царя Алексея Михайловича патриархом Иосифом. См.: Послание московского Патриарха Иосифа к мощам Патриарха Иова при перенесении их из Старицы в Москву // Христианское чтение. 1885. 4.2. С. 503–504.

Сочинения царя Алексея Михайловича. Повесть о преставлении патриарха Иосифа *Подг. текста С. А. Семячко* / Библиотека литературы Древней Руси. XVII век. Т. 17. С. 299–313; *Кротов М. Г.* Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа (Этюд из исторической психологии) // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 2. XVI — начало XVIII веков. М., 1989. Сб. 2. С. 149–178. См. также статьи Е. В. Душечкиной, поставившей вопрос о царе Алексее Михайловиче как писателе в работах 1970-х гг.: *Душечкина Е. В.* Статейный список царя Алексея Михайловича о болезни и смерти патриарха Иосифа // *Алексей Михайлович Романов: pro et contra, антология...* С. 659–674; *она же.* Царь Алексей Михайлович как писатель (Постановка проблемы) // Там же. С. 675–680. Статья Е. В. Душечкиной «Статейный список 1652 года как литературный памятник» впервые была опубликована в «Ученых записках Тартуского государственного университета» в 1975 г. и переиздана в 2015 г. с авторской стилистической правкой и, вероятно, восстановленным названием. Статья о царе Алексее Михайловиче как писателе впервые опубликована в сборнике «Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции» (М., 1976. С. 184–188).



*Бартенев П. И.* Собрание писем царя Алексея Михайловича... С. 224.  
Документ ошибочно датирован публикатором 1653 г.

См.: Лобачев С. В. Избрание и поставление на патриаршество Никона // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 246; он же. Патриарх Никон... С. 100–102, 111–112. Начальные листы Чина избрания Никона опубликованы в составе «Виртуальной выставки к 1150-летию зарождения российской государственности» на портале «Архивы России» Федерального архивного агентства. См.: Чин избрания патриарха Никона, 1652 // РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 75. Л. 1—68. <http://rusarchives.ru/statehood/05-29-chin-nikon.shtml>. См. также публикацию списка «Чина избрания, наречения, посвящения и шествия на ослати патриарха Никона» и ставленной грамоты патриарху Никону: Три письма Аркадия (Федорова), архиепископа Олонецкого, к священнику Михаилу Николаевскому // Христианское чтение. 1882. № 7–8. С. 287–320.

Подробности избрания Никона приведены в грамоте, написанной патриархом Никоном константинопольскому патриарху Дионисию много позже описываемых событий, в декабре 1665 г. См.: *Лобачев С. В.* Избрание и поставление на патриаршество Никона... С. 247; *он же.* Патриарх Никон... С. 111–112; *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона... Прил. 5. С. 610–638.

*Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 106. См. также: Письмо патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 514; *Севастьянова С. К.* Указ. соч. С. 462.

Патриарх Никон: стяжание Святой Руси — созидание государства Российского. В 3 ч. / Сост. и общ. ред. В. В. Шмидта, В. А. Юрчёнкова. М.; Саранск, 2009–2011; Патриарх Никон, рожденный на земле Нижегородской. Н. Новгород, 2007.

ВУР. Т. 2. № 203. С. 475–476. Отправка «посольства» Лариона Лопухина состоялась не ранее 18 января 1651 г.: ВУР. Т. 2. № 211. С. 487–490.

Самые ранние грамоты о созыве выборных на собор датированы 27 января 1651 г. См.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 320.

Как заметил В. Н. Латкин, многие исследователи истории Богдана Хмельницкого не замечали этого собора и «пропускали» его освещение в своих трудах. См.: *Латкин В. Н.* Материалы для истории земских соборов XVII столетия (1619—20, 1648—49 и 1651 годов). СПб., 1884. С. 77–78 (Приложение к исследованию «Земские соборы Древней Руси»).



ВУР. Т. 3. 1651–1654 годы. М., 1953. № 1.С.7.

Там же. № 1.С. 10.

Об интересах московской дипломатии дает представление грамота подьячему Василию Степанову, отправленному 1 марта 1651 г. в Чигирин с определенным наказом проводывать вести о контактах короля Яна Казимира с Крымским ханством (одному или вместе с отправленным ранее дьяком Ларионом Лопухиным). См.: ВУР. Т. 3. № 6. С. 15–16; № 11. С. 21.

См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М., 2010; *он же.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.

См.: Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 283–287.

Этим планам мог помешать местнический спор, возникший между прежним главой «великого посольства» боярином Григорием Гавриловичем Пушкиным и князем Юрием Алексеевичем Долгоруким в конце 1651-го — начале 1652 г. См.: Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. № 1525. С. 191. Интересное описание и, одновременно, справочник о местнических спорах времени царствования Алексея Михайловича содержится в новой книге Ю. М. Эскина «Описание подлинных местнических дел» (М., 2017). Искренне благодарен Юрию Моисеевичу Эскину за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью этой книги, а также за неоценимую помощь в работе с документами в РГАДА.

ВУР. Т. 3. № 68. С. 145–150. В текст наказа В. В. Унковскому сначала вставили, а потом вычеркнули упоминание о грамоте панам-рады Речи Посполитой, «чтоб они, паны рада, тое ссору сослався с вами, усмирились и жили б с вами в соединенье и в покое по прежнему».

Там же. № 82. С. 164–182; № 87. С. 189–195.



Там же. № 132. С. 238.

Там же. № 133. С. 239–240; № 138. 244–247. Детали этикета приема посланников гетмана Хмельницкого обычно пропускались исследователями, описывавшими ход переговоров в Москве. Между тем показательно, что переговоры происходили не в Посольском, а в Казенном приказе, где первым судьей с 1652/53 г. был боярин И. Д. Милославский. Ср., напр.: *Голобуцкий В. А.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг... С. 321; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века // *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 84. Кстати, именно Самуил Богданович получил в марте 1654 г. знаменитые «Мартовские статьи», где, как известно, впервые были зафиксированы условия принятия казаков Войска Запорожского в подданство царю Алексею Михайловичу.

Сборник НОЛД. Новгород, 1919. Вып. 8. С. 4.

*Соловьев С. М. История России... Кн. 5. Т. 10. С. 564–565.*

Там же. С. 665. Исключением была работа А. И. Заозерского, подробно процитировавшего мысли царя «о ратном деле» из этой тетрадки: *Заозерский А. И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. С. 270–271. Недавно документ был опубликован К. А. Писаренко в приложении к научно-популярной работе о патриархе Никоне с заголовком «Записка царя Алексея Михайловича о решении воевать с Польшей» (*Писаренко К. А.* Тайны раскола. Взлет и падение патриарха Никона. М., 2012. С. 311–312).

РГАДА. Ф. 27. Он. 1. Д. 85. Л. 3–3 об.

ДР. Т. 3. Ст. 342–343.

В. А. Голобуцкий, ссылаясь на известие С. М. Соловьева, писал, что решение «о принятии Украины» было принято «царской думой» до приезда послов от гетмана. П. Бушкович высказывал предположение, что царя Алексея Михайловича удалось «убедить» оказать военную поддержку гетману Богдану Хмельницкому после этих писем, но, как видим, последовательность событий была другой. См.: ВУР. Т. 3. № 148. С. 258; № 149. С. 259; № 150. С. 259–260; № 155. С. 267; Бушкович П. Россия и Украинское гетманство в 1653–1725 годах // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 71; Голобуцкий В. А. Дипломатическая история освободительной войны... С. 324–325.



У казаков была своя «дипломатическая» служба, но она держалась на казачьих обычаях, и всеми делами ведал гетман и Войсковая канцелярия во главе с писарем. См.: Шевченко Ф. П. Дипломатична служба на Україні під час визвольної війни 1648–1654 рр. // Історичні джерела та їх використання. Київ., 1964. Вип. 1. С. 86–90.

Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 14.

*Заборовский Л. В.* Последний шанс умиротворения: переговоры Б. А. Репнина во Львове 1653 г. // Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века. М., 2000. С. 24–30.

«...Чтоб есми вовеки вси единого были» Публ. А. В. Маштафарова / Советские архивы. 1979. № 3. С. 20–22.

*Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 327–332.

БҮҮ. Т. 3. № 166. С. 308–313.

Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 49; *Козляков В. Н.* Генеалогические основания службы и карьеры Артамона Матвеева // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 281–285. См. также: Писаренко К. А. Тайны Раскола... С. 156.*

*Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 334.



ВУР. Т. 3. № 169. С. 322–323. Там же приведено фототипическое воспроизведение этой грамоты, отправленной к гетману Богдану Хмельницкому с Федором Абросимовичем Лодыженским (Ладыженским). См. также: *Крипякевич И.* Турецкая политика Богдана Хмельницкого // *Український археографічний щорічник*. Вип. 10/11. Київ, 2006. С. 161–179; *Пріцак Л. Д.* Основні міжнародні договори Богдана Хмельницького 1648–1657 рр. Харків, 2003. С. 127–141.

БҮҮ. Т. 3. № 185. С. 366.

См. их содержание: ВУР. Т. 3. № 179. С. 333–349; *Грушевський М.* Історія України — Руси. Т. IX. Кн. 2. Нью-Йорк, 1957. С. 1527–1536.

Цит. по: *Заборовский Л. В.* Последний шанс умиротворения... С. 27.

БҮҮ. Т. 3. № 179. С. 347.

*Грушевський М. Історія України — Руси. Т. ІХ. Кн. 2. С. 1533.*

БҮҮ. Т. 3. № 179. С. 336.

По наказу стольнику Родиону Матвеевичу Стрешневу и дьяку Мартемьяну Бредихину, выданному 12 сентября 1653 г., они должны были еще говорить гетману Богдану Хмельницкому, что царь Алексей Михайлович ожидает «ведомости» от послов князя Бориса Александровича Репнина. С тем оно и уехало, но было задержано в Чигирине. 25 сентября «великое посольство» князя Б. А. Репнина было у царя Алексея Михайловича в Троице-Сергиевом монастыре. До созыва нового заседания Земского собора оставалось несколько дней. См.: ВУР. Т. 3. № 194. С. 377; ДР. Т. 3. Ст. 368.



РГАДА. Ф. 27. Он. 1. Д. 86. Л. 262–262 об.

*Копреева Т. Н.* Неизвестная записка А. Л. Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII века // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 217.

Акты, относящиеся к истории земских соборов / Под ред. Ю. В. Готье.  
М., 1909. С. 74.

ДР. Т. 3. Ст. 372.

*Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 117–118.*

ДР. т. 3. Стб. 377–378.

Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 24–33.

Первое распоряжение боярина Б. И. Морозова о подготовке знамени с образом Спаса Нерукотворного датируется в документах Оружейной палаты 2 мая 1653 г., а решение «шить знамя большое» было принято не позднее 28 августа 1653 г. См. подробнее: *Голованова М. П.* Знамя царя Алексея Михайловича: задачи изучения // «Московский кремль». Материалы и исследования. Вып. 20. М., 2010. С. 98–111.



РГАДА. Ф. 27. Он. 1. Д. 86. Л. 35–36.

Одновременно извещали и другие государства о начале войны, см., напр., обратный перевод грамоты об этом французскому королю Людовику, отосланной после долгого перерыва во взаимоотношениях двух стран с гонцом Константином Мачехиным в конце 1653 г.: Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 24–33. В публикации фамилия гонца ошибочно переведена как Матрехин.

Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 46. В определенной мере его «дело» несколько лет сдерживало маневры московской дипломатии и заставляло искать подходы к гетману Хмельницкому, у которого самозванец на время нашел укрытие. См.: *Брехуненко В. А.* Московська експансія... С. 279–280; *Горобець В.* «Волимо царя східного..... С. 30.

По мнению М. С. Грушевского, опубликовавшего материалы посольства А. Млоцкого, именно эти слова о нарушении «вечного докончання» означали объявление войны Польше с одновременным «формальным переходом Украины» под «верховенство» царя. См.: *Грушевський М. Історія України — Руси*. Т. IX. Кн. 1. С. 726; Кн. 2. С. 1538.

225 История Переяславской рады 1654 г. давно привлекает внимание исследователей, пытающихся понять суть этого события и его влияние на взаимоотношения Московского царства и Войска Запорожского. См. подробнее исследования украинских историков: *Горобець В. М.* Від союзу до інкорпорації: українсько-російські відносини другої половини XVII — першої чверті XVIII ст. Київ, 1995. С. 5–6; *Переяславська Рада: очима істориків, мовою документів.* Київ, 2003; *Прицак Л. Д.* Так званий Переяславський договір 1654 р. і його проблеми // *Східний світ.* 2005. № 1. С. 75–84; *Сергійчук В. І.* Переяславська рада — трагедія України і програш Європи. Київ, 2003. Подробнее об изменившихся украинских подходах к истории Переяславской рады см.: *Plokhy S.* The Ghosts of Pereyaslav: Russo-Ukrainian Historical Debates in the Post-Soviet Era // *Europe-Asia Studies.* Vol. 53. №. 3 (May, 2001). P. 489–505. Проблемные статьи российских историков см.: *Заборовский Л. В.* Переяславская Рада и Московские соглашения 1654 года: проблемы исследования // *Россия — Украина: история взаимоотношений.* М., 1997. С. 39–49; *История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках: К 350-летию Переяславской рады / Научный совет РАН «История международных отношений и внешней политики России».* Бюллетень. Вып. 2. М., 2006; *Флоря Б. Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // *Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник.* 2004. С. 5–39.

*Флоря Б. Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины... С. 6, 35–36.

*Бушкович П.* Россия и Украинское гетманство в 1653–1725 годах // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2004. С. 70.

См.: СГГид. Т. 3. № 160. С. 494–495; ПСЗ. Т. 1. № 115. С. 318–319.



См.: Бантыш-Каменский Д. Н. Источники малороссийской истории. М., 1858. Ч. 1. С.40–41; АЮЗР. Т. 10 (Доп. кт. 3): [Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великою Россиею. 1653–1654]. СПб., 1878. № 4. Ст. 217–219.

На эту источниковедческую особенность бытования двух вариантов описания Переяславской рады — в отписке, отосланной с Артамоном Матвеевым, и в «статейном списке» Василия Бутурлина — обращал внимание Л. В. Заборовский, считая, что в последнем случае были убраны некоторые «украинизмы». См.: *Заборовский Л. В.* Переяславская Рада и Московские соглашения 1654 года... С. 39–49.

АЮЗР. Т. 10. № 4. Ст. 216–217. См. также: *Флоря Б. Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья — раннего нового времени // *Россия — Украина. История взаимоотношений.* М., 1997. С. 19–20.

232 См. статью М. Грушевского «К истории Переяславской Рады 1654 года», опубликованную в «Докладах Академии наук СССР» в 1929 г. Ее новейшее издание с переводом на украинский язык осуществлено Л. Прицак: *Михайло Грушевський. До історії Переяславської Ради 1654 року*// Український історик. Михайло Грушевський. Життя, діяльність, творчість. Ювілейне видання. Нью-Йорк; Київ; Львів; Торонто; Париж. XXXIX. Ч. 1–4 (152–155). 2002. С. 29; См. также: *Прицак Л.* Невідома стаття Михайла Грушевського «До історії Переяславської Ради 1654 року» // Там же. С. 35–37.

В «статейном списке» посольства боярина В. В. Бутурлина по сравнению с отпиской 8 января 1654 г. был добавлен полный титул царя Алексея Михайловича и сняты слова о целях обращения казаков к «царю восточному»: быть у них «*за царя и пана*».

СГГид. Т. 3. С. 494–495. Текст опубликован с цензурным изъятием слова «жид» в речи Богдана Хмельницкого: «...Чтоб есми вовеки вси едино были» Публ. А. В. *Маштафарова* / Советские архивы. 1979. № 3. С. 23–24.

См.: АЮЗР. Т. 10. № 4. Ст. 191–192, 227–230.

См.: Михайло Грушевський. До історії Переяславської Ради 1654 року... С. 34.



Далее в процитированной записи дворцовых разрядов приводились сведения о присяге 167 городов (по счету послов Василия Бутурлина их окажется даже больше — 177 городов). См.: ДР. Т. 3. Ст. 397.

ДР. Т. 3. Ст. 400; Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 49, 51–52.

АЮЗР. Т. 10. № 8. Ст. 427–428, 437–452, 477–484; Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 53, 55–56; ВУР. Т. 3. № 245. С. 560–565. Прием посланников Войска Запорожского у царя, по сведениям де Роде, состоялся 12 марта, а на следующий день у них была аудиенция у патриарха Никона. Версия о том, что существовал какой-то заранее заготовленный, подписанный и запечатанный самим Богданом Хмельницким более полный вариант «мартовских статей», якобы скрытый или фальсифицированный в Посольском приказе, противоречит достаточно ясной картине обсуждения всех интересовавших казаков вопросов в Москве. Поиск подобного «подлинного» документа, проведенный впервые еще по распоряжению Петра I, не дал (да и не мог дать) никаких результатов. Не случайно один из исследователей XIX в. называл такие выборные статьи гетманов своеобразным «рядом Конституций Малороссии». См.: Карпов Г. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8-е января 1654 — 30 мая 1672 года. М., 1870. С. 16, 20–25, 180.

ПІС. Т. 1. С. 322–327; БУР. Т. 3. № 246. С. 565–566; № 247. С. 566–567;  
№ 248. С. 567–570; № 249. С. 570–571.

Жалованная грамота была выдана В. В. Бутурлину 8 мая 1654 г. См.: СГГид. Т. 3. № 174. С. 521–522; ПСЗ. Т. 1. №. 125. С. 338–340; ДР. Т. 3. Ст. 405–406.

В апреле 1654 г. с таким титулом выдавались уже и документы, касавшиеся внутреннего управления, например, знаменитая Уставная таможенная грамота. См.: ПСЗ. Т. 1. № 119. С. 322–327; № 122. 329–332.

Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 57–58.

См. материалы русско-шведских переговоров в 1658 году: ПСЗ.Т. 1.№ 229. С. 454.



Памятники дипломатических сношений с Римской империей. Т. 3. С 1632 по 1660 год. СПб., 1854. Ст. 90–98 (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными).

Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 5. Письма царя Алексея Михайловича (далее — Письма русских государей). М., 1896. С. 18, 20–29.

*Кобзарева Е. И.* Вестфальская мирная система и Россия // Отечественная история. 1999. № 4. С. 146–151.

См.: *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

О значении «Потопа» в польской истории см.: *Граля Х. Возрождение из небытия: Смута и Потоп на перепутьях национальных мифологий // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российско-польской научной конференции. Москва, 24–26 октября 2012 г. М., 2016. С. 10–48.*

РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 86. Л. 1—10; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1904. Т. XIV. С. 43; Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 29. По подсчетам Сметы 1651 г., Государев двор вместе с дьяками и жильцами составлял около 4000 человек, уездных дворян — свыше 30 000, станичников, черкас и камарицких драгун, живших на южном порубежье в «польских городах» (от Поля), — 6000, служилых людей в «новых городах», устроенных по Белгородской засечной черте, — 15 000, иноземцев, служивших конную службу и ведавшихся в Иноземном приказе, — свыше 2000, стрельцов — 27 500 (из них в Москве — 5500), казаков, подчинявшихся Стрелецкому и Казачьему приказам, — 8500, пушкарей, стрельцов, казаков и служилых татар, территориально распределенных по городам, подведомственным Новгородской четверти (Великий Новгород, Двина и другие — 3000, Вятка — 3000), Приказу Казанского дворца — свыше 40 000 (дополнительно к этому насчитывалась 31 тысяча дворов чувашей, черемисы и остяков), Сибирскому приказу — 6000: Смета военных сил 1651 года // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII — первой половины XVIII веков. М., 1989. С. 8—33. Шведский резидент де Родес преувеличивал мобилизационную готовность царского войска, насчитывая в нем свыше 200 тысяч человек. Встречающиеся в литературе сведения о том, что армия царя Алексея Михайловича насчитывала 500 тысяч человек, можно признать фантастическими. См.: Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 67; *Bobiatyński, Konrad*. *Od Smolenska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwą. 1654–1655*. Zabrze, 2004. S. 35–37.

См.: *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 25;  
*Новосельский А. А.* Очерк военных действий боярина Василия Петровича  
Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте... С. 118.

ДР. Т. 3. Ст. 401.



РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д.86.Л. 265 об.-266, 270–271. С. М. Соловьев связал эти церемонии с отправлением войска 26 апреля. См.: *Соловьев С. М. История России...* Кн. 5. Т. 10. С. 597–600; *Курдюмов М. Г. Записки о церемониях, происходивших при дворе царя Алексея Михайловича по случаю объявления похода против польского короля Яна-Казимира // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели.* СПб., 1911. С. 329–330.

ДР. Т. 3. Ст. 408, 410–412, 419–421.

Де Родес датирует царский выезд 17 мая, но более точная дата указана в дворцовых разрядах — 18 мая. Его письмо было использовано для составления бытовавшей в Речи Посполитой реляции посланника Яна Млоцкого, в ряде мест дословно и композиционно совпадающей с донесением шведского резидента. См.: ДР. Т. 3. Ст. 412; Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4. Отд. 2. С. 347–352; Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 66–70.

История русско-польской войны 1654–1667 гг. относится к числу недостаточно изученных тем в российской историографии. До сих пор самым подробным исследованием остается опубликованная посмертно в 1974 г. книга Александра Николаевича Мальцева (он также был автором соответствующих разделов в академических «Очерках истории СССР. XVII век» (М., 1955)). См.: *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. В середине 1990-х гг. случился историографический казус, связанный с изданием политизированной истории этой войны, написанной белорусским исследователем Г. Сагановичем: *Сагановіч Г.* Невядомая вайна: 1654–1667. Мінск, 1995. См.: *Курбатов О. А.* Рец на кн.: *Сагановіч Г.* Невядомая вайна 1654–1667. Мінск: Навука і тэхніка, 1995 // Архив русской истории. М., 2002. Т. 7. С. 339–344; *Лобин А. Н.* Неизвестная война 1654–1667 // Скепсис. Научно-просветительский журнал. 16 февраля 2007 г. ([http://scepsis.net/library/id\\_1104.html](http://scepsis.net/library/id_1104.html)). Политизированное восприятие событий преобладает и в украинской историографии, уделяющей преувеличенное внимание так называемой «русско-украинской войне» и трагической битве под Конотопом в 1659 г., победа в которой стала отмечаться в Украине как государственный праздник. Ср.: *Бульвінський А. Г.* Українсько-російські взаємини 1657–1659 рр. В умовах цивілізаційного розмежування на сході Європи. Київ, 2008. В последние годы появился целый ряд исследований И. Б. Бабулина, О. А. Курбатова и А. В. Малова, посвященных различным военным аспектам Русско-польской войны 1654–1667 гг. Ими также опубликованы специальные работы о наиболее заметных сражениях и битвах, в которых участвовала армия царя Алексея Михайловича; учитываются и достижения новейшей польской историографии. Таким образом, буквально на наших глазах создается новая, современная основа для написания фундаментальной истории Русско-польской войны 1654–1667 гг.: *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М., 2006; он же. Русско-польская война 1654–1667 годов. М., 2006; *Бабулин И. Б.* Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. М., 2009; он же. От Лондона до Смоленска. Боевой путь генерал-майора фон Друшке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. 4. С. 1—38; он же. Борьба за Украину. Военные события зимы 1658–1659 гг. // Единорог. Материалы военной истории Восточной Европы эпохи Средних

веков и Раннего Нового времени. М., 2014. Вып. 3. С. 137–180; он же. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015; Курбатов О. А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Единорог. Материалы военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2014. Вып. 3. С. 90–136; он же. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017; он же. Русско-шведская война 1656–1658 гг. М., 2017 (две последние книги были опубликованы после сдачи рукописи настоящей книги в издательство). См. также: *Bobiatyński, K.* Od Smoleńska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwą. 1654–1655. Zabrze, 2004; *Nagielski M.* Rywalizacja polsko-rosyjska w dobie Potopu w kontekście wojny obu państw ze Szwecją w latach 1656–1661 // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 98–117; *Studia z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z państwem moskiewskim w XVI–XVII wieku*. Zabrze, 2013.

Записки ОРСА. Т. 2. С. 715–716; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 36–37.

Цит. по: *Соловьев С. М.* История России... Кн. 5. Т. 10. С. 601–602. См. царские грамоты 11 августа: АЮЗР. Т. 14. Дополнение к 3 тому. СПб., 1889. Ст. 199–204.

Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667 гг.) / Отв. ред. Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков. Минск, 1963. Т. 1. № 283. С. 305.



ДР. Т. 3. Ст. 421–428. См. также: *Орловский И. И.* Смоленский поход Царя Алексея Михайловича в 1654 году. Смоленск, 1905 (переиздано в Смоленске в 2002 г.: библиотека журнала «Годы», № 29; см.: <http://annals.xlegio.ru/rus/small/smlpohod.htm>).

Письма русских государей. Т. 5. С. 1–4.

ДР. Т. 3. Ст. 425–426.

Донесения шведского резидента Иоганна де Родеса о состоянии дел в Московском государстве // *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. Прил. 4. С. 363.

Книга сеунчей 162 [1654] году... // Временник МОИДР. М., 1854. Кн. 18. С. 1.

Письма русских государей. Т. 5. С. 7.

Книга сеунчей 162 году... С. 2. В дворцовых разрядах запись об этом событии уже не содержала таких ярких деталей: «жители города Полоцка, видя над собою промысл их боярина и воевод и его государевых ратных людей, ему государю доби́ли челом и город Полоцк сдали». См.: ДР. Т. 3. Ст. 432.

Белоруссия в эпоху феодализма. Минск. 1960. Т. 2. № 34. С. 63.



Русско-белорусские связи. Т. 1. № 275. С. 294.

В письме царя Алексея Михайловича сестрам 26 июня, написанном на стану на реке Хмости, говорилось: «Да у бояр наших и воевод у передового полку был бой с поляки, и милостию Божиею поляков побили и языки поймали». Письма русских государей. Т. 5.С. 6.

Полковое знамя, потерянное в боях у реки Кол одни, хранится сегодня среди шведских трофеев времен Потопа в Стокгольмском музее — <http://nismilhist.blogspot.ru/2011/08/russian-color-lost-in-action-on.html#more>. См. также: *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия... С. 42.

О том, что Девичья гора находится «в трех верстах» от Смоленска, упомянул царь в одном из писем своим сестрам; в разрядной книге сказано, что этот стан был даже ближе к осажденному городу — «в двух верстах»: ДР. Т. 3. Ст. 434.

ДР. Т. 3. Ст. 434. Книга сеунчей 162 году... С. 2 (напечатано с ошибочной датой — 2 июня); Письма русских государей. Т. 5. С. 8.

ДР. Т. 3. Ст. 434–435; Письма русских государей. Т. 5. С. 9.

*Довгялло А.* Предисловие // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси... Т. XIV. С. XIII, 40–42.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 2. № 42. С. 72–73.



Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — ДАИ). СПб., 1848. Т. 3. № 119. С. 443.

ДР. Т. 3. Ст. 435–437, 440; Письма русских государей. Т. 5. С. 10.

Археографический сборник документов, относящихся к истории  
Северо-Западной Руси... С. 45.

*Бабулин И. Б*, От Лондона до Смоленска... С. 28. См. там же составленную исследователем «Схему штурма Смоленска русскими войсками 16 августа 1654 года» (С. 33).

Письма русских государей. Т. 5. С. 11–12.

Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII в. Публ. С. В. Лобачева, пер. Н. А. Бондарко, Г. В. Селезнева / Русское прошлое. Кн. 9. СПб., 2001. С. 25.

Археографический сборник документов, относящихся к истории  
Северо-Западной Руси... С. 45–46.

Там же. С. 46; Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII в. // Русское прошлое. Кн. 9. С. 24–25.



Письма русских государей. Т. 5. С. 12.

Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII в. // Русское прошлое. Кн. 9. С. 25.

Археографический сборник документов, относящихся к истории  
Северо-Западной Руси... С. 46.

ДР. Т. 3. Ст. 444; См.: *Соловьев С. М.* История России... Кн. 5.Т. 10. С. 603.

Книга сеунчей 162 году... С. 7–8.

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси... С. 46–47, 54. (Каким образом письмо было найдено в брошенном ларце при бегстве гетмана «под Шепелевым» (Шепелевичами), открылось на сейме 1658 г.)

См.: *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 275.

АЮЗР. Т. 14. Дополнение к 3 тому. Ст. 251–258.



ДР. Т. 3. Ст. 448. Обращает на себя внимание, что в составе этой депутации, договаривавшейся от имени царя Алексея Михайловича о сдаче Смоленска, были те же воеводы, на которых царь надеялся при штурме 16 августа, что они откроют ему дорогу в город через Королевские ворота.

Не случайно копия записи сохранилась еще и в минских городских книгах, куда была подана 2 ноября 1654 г. См.: Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Вильна, 1909. Т. XXXIV. Акты, относящиеся ко времени войны за Малороссию (1654–1667). № 19. С. 18–19.

*Мурзакевич Д. Н.* История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года. Смоленск, 1804. Приложения. X. С. 47–49.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Дополнительного отдела. Д. 78. Л. 178–179.

ДР. Т. 3. Ст. 448–449.

Со слов уехавших из-под Смоленска иноземных офицеров, встреченных им на дороге из Архангельска в Москву, об этом сообщал английский посланник Уильям Придо (Придакс) в письме государственному секретарю Джону Турло из Вологды 16 декабря 1654 г.: A Collection of the State Papers of John Thurloe, Volume 3, December 1654 — August 1655, ed. Thomas Birch (London, 1742). P. 25–28 (<http://www.british-history.ac.uk/thurloe-papers/vol3/index>).

ДР. Т. 3. Ст. 449; *Соловьев С. М.* История России... Кн. 5. Т. 10. С. 604–605.

ДР. Т. 3. Ст. 450–452.



ДАИ. Т. 3. № 119. С. 458.

См.: Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 92–93.

*Соловьев С. М.* История России. Кн. 5. Т. 10. С. 605–606; *Румянцева В. С.* «Чумной бунт» 1654 г. в Москве // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 182–186.

ДАИ. Т. 3. № 119. С. 488–489.

Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII в. // Русское прошлое. Кн. 9. С. 26–27.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1897. Ч. 2. С. 169.

ДАИ. Т. 3. № 119. С. 446, 493–495, 500–506.

Там же. С. 490. См.: Авдеев А. Г. Новые эпиграфические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной церкви. 2012. Вып. № 1 (44). С. 121–131. На въезде в Ярославль со стороны Москвы для защиты от «морового поветрия» в 1654 г. был поставлен поклонный крест, сохраняющийся в настоящее время в Ризоположенской церкви бывшего села Крестобогородского (этот район города до сих пор носит неформальное название «Кресты»). На «кресте митрополита Ионы» сохранилась запись с молитвой об утешении «смертоносной язвы» и защите Ярославля: «Да не найдут к тому сюда на люди его паки тлетворных ветров беды...» См.: Рутман А. М., Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 479–480.



Письма русских государей. Т. 5. С. 14–15.

Книга сеунчей 162 году... С. 12–13.

ДАИ. Т. 3. № 119. С. 507–508.

Там же. С. 508. Ропись дьяка Кузьмы Мошнина, отосланная патриарху Никону, была обнаружена С. А. Белокуровым в столбцах Оружейной палаты: *Белокуров С. А. Итоги морового поветрия в Москве в 1654 г. // ЧОИДР. 1892. Кн. 4. Отд. 5. С. 25–26.*

ДАИ. Т. 3. № 119. С. 511. Патриарху Никону окольничий Богдан Хитрово ситуацию с хлебом в Москве описал чуть иначе: «...а ржи и пшеницы в привозе мало». См.: Белокуров С. А. Итоги морового поветрия... С. 26.

Записки ОРСА. Т. 2. С. 718.

ДАИ. Т. 3. № 119. С. 517–521; *Соловьев С. М.* История России... Кн. 5. Т. 10. С. 607–608.

Беляевский летописец *Публ. А. П. Богданова* / Россия при царевне Софье и Петре 1: Записки русских людей. М., 1990. С. 31.



Записки ОРСА. Т. 2. С. 719, 729–730.

См.: Там же. С. 717–719.

См.: АЮЗР. Т. 14. Дополнение к 3 тому. Ст. 235–236; Русско-белорусские связи... Т. 1. № 279. С. 299.

АЮЗР. Т. 14. Дополнение к 3 тому. Ст. 289–290. См. также: Русско-белорусские связи... Т. 1. № 289. С. 314–315. Эти статьи вместе с царской грамотой «за красной печатью» привез в Витебск Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин 1 сентября. Сначала «витебские сидельцы» отказались их принимать, но впоследствии именно на их основе и происходила сдача шляхты и мещан 17 ноября 1654 г. См.: Русско-белорусские связи... Т. 1. № 280. С. 300–301; № 298. С. 323–324.

Записки ОРСА. Т. 2. С. 725–729.

ДР. Т. 3. Ст. 456.

Путешествие антиохийского патриарха Макария... Вып. 3. М., 1898. С. 4–5.

Донесения шведского резидента Иоганна де Родеса о состоянии дел в Московском государстве // *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. Прил. 4. С. 366.



Путешествие антиохийского патриарха Макария... Вып. 3. С. 11–19, 21, 136–137.

Фонкич Б. Л. Чудотворные иконы и священные реликвии Христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5. С. 83–89.

И еще одним — сербским патриархом Гавриилом (на его спорный статус непризнанного иерарха в Москве закрыли глаза). По записи о походе царя Алексея Михайловича, во Фроловских воротах должны были кропить войско святой водой ростовский митрополит Иона и настоятель Владимирского Рождественского монастыря (в котором хранились мощи Александра Невского), а в Водяных воротах — рязанский архиепископ Мисаил и архимандрит кремлевского Чудова монастыря. См.: АМ Г. Т. 2. № 642. С. 400; Путешествие антиохийского патриарха Макария... Вып. 3. С. 145–146.

ДР. Т. 3. Ст. 461.

Записки ОРСА. Т. 2. С. 721–722.

См.: АМГ. Т. 2. № 638. С. 398.

*Бобятыньский К.* Письма Януша Радзивилла королю Яну II Казимиру о боях с русскими войсками в Литве в феврале — апреле 1655 г. // Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 261, 270, 279.

АМГ. Т. 2. № 662. С. 408–409.



*Бобятыньский К.*, Письма Януша Радзивилла королю Яну II Казимиру... С. 274.

См.: Курбатов О. А. Сражение при деревне Доманы 12 февраля 1655 г.: К проблеме реконструкции военно-исторического события // Единорог. Вып. 2. С. 62–79; он же. Документы Разрядного приказа о бое в деревне Доманы Могилевского уезда 12 февраля 1655 г. // Единорог. Вып. 2. С. 291–302; АМГ. Т. 2. № 663. С. 409.

Письма русских государей. Т. 5. С. 16.

АМГ. Т. 2. № 640. С. 399; № 684. С. 419–420.

Записки ОРСА. Т. 2. С. 733.

Письма русских государей. Т. 5. С. 17, 22.

ДР. Т. 3. С. 469; АМГ. Т. 2. № 641. С. 400.

АМГ. Т. 2. № 644. С. 402; № 647. С. 403. *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 79–81.



ДР. Т. 3. Ст. 481; Записки ОРСА. Т. 2. С. 731; АМГ. Т. 2. № 648–649. С. 403.

Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII в. // Русское прошлое. Кн. 9. С. 46.

Выписки из писем патр. Никона к ц. Алексею Михайловичу в его государевы походы в Смоленск и в Вильну и под Ригу со 163 году по 165 год // Записки ОРСА. Т. 2. С. 591; АМГ. Т. 2. № 689. С. 421–422.

Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII в. // Русское прошлое. Кн. 9. С. 47.

Поучение о моровой язве. М., 1656. С. 47.

ДР. Т. 3. Ст. 471; Записки ОРСА. Т. 2. С. 731, 732; АМГ. Т. 2. № 642. С. 400–401, № 657. С. 406–407; Письма русских государей. Т. 5. С. 26; Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 86.

*Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 3. С. 305.*

Записки ОРСА. Т. 2. С. 731–733.



Письма русских государей. Т. 5. С. 27–30.

ДР. Т. 3. Ст. 472; АМГ. Т. 2. № 670. С. 412–413, № 685 С. 420; *Мальцев*  
*А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 87–88.

ДР. Т. 3. Ст. 479; АМГ. Т. 2. № 664. С. 410, № 710. С. 433; Письма русских государей. Т. 5. С. 30; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 88.

Письма русских государей. Т. 5. С. 31; Животворящий крест похищен из Успенского собора в Кремле наполеоновскими войсками в 1812 г., а глава святого Иоанна Златоуста передана в 1988 г. из Музеев Московского Кремля в Московскую патриархию. См.: *Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия... С. 129–130; *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии Христианского Востока в Москве в середине XVII в.... С. 93–97.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 262. Л. 258; ДР. Т. 3. Ст. 483; АМГ. Т. 2. № 682. С. 418–419; № 686. С. 420; Письма русских государей. Т. 5. С. 34–35. *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 99.

Письма русских государей. Т. 5. С. 38–39.

АМГ. Т. 2. № 692. С. 423–424.

ДР. Т. 3. Ст. 483; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 91–92; Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.): Документы, исследования / Подг. Л. В. Заборовский. М., 1994. С. 9—22.



ДР. Т. 3. Ст. 486–487; АЮЗР. Т. 14. Дополнение к 3 тому. Ст. 770, 772, 774–776; Письма русских государей. Т. 5. С. 42; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 92–96.

ДР. Т. 3. Ст. 488; Книга сеунчей 162 году... С. 36. АЮЗР. Т. 14. Дополнение к 3 тому. Ст. 787–792. АМГ. Т. 2. № 716. С. 436; № 717. С. 737–739; Письма русских государей. Т. 5. С. 43–46; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 97.

*Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 3. С. 113.*

Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 4 (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. / Ред. серии И. Граля; сост. Е. Е. Лыкова, М. Кулецкий. М.; Варшава, 1999; Курбатов О. А. Неизвестная армия царя Алексея Михайловича: Шляхта Великого княжества Литовского на царской службе во время войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой... С. 293–308; Закжевский А. Б. Компромисс или измена: Шляхта Великого княжества Литовского в условиях шведской и московской оккупаций 1655–1658 гг. // Там же. С. 309–324; Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Huddinge, 2006.

Дополнения к Тому III-му Дворцовых Разрядов (далее — ДР. Т. 3. Доп.). СПб., 1854. Ст. 11; Записки ОРСА. Т. 2. С. 659–681; *Заборовский Л. В.* Великое княжество Литовское и Россия во время Потопа... С. 61 (комм. 124), 75–76.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 19; Путешествие антиохийского патриарха Макария... Вып. 4. М., 1898. С. 140.

Путешествие антиохийского патриарха Макария... Вып. 4. С. 140–141; Реляция или обстоятельное описание ужасного и печального разрушения и сожжения, варварски произведенного московитами и казаками при взятии прекрасного города Люблина. 1656 г. / Сообщил И. С. Рябинин Ц ЧОИДР. 1910. Кн 2. Ч. 3. Материалы иностранные. С. 1—26; Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 101–102.

Слова «и Белыя России» тоже использовались в титуле раньше их официального введения. Например, в списке чинов Государева полка при отправлении войска в новый поход от Смоленска в 1655 г. (но там слова «Белыя» то зачеркивались, то снова вставлялись в текст). См.: РГАДА. Д. 262. Л. 282–283; ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. № 138. С. 443–446; АМГ. Т. 2. № 707. С. 432; См.: *Заборовский Л. В.* Великое княжество Литовское и Россия во время Потопа... С. 24.



ДР. Т. 3. Доп. Ст. 9—12. Здесь и далее воспроизводится хронология походов царя 1655—1656 гг., приведенная в Дополнениях к «Дворцовым разрядам».

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 13–16; АМГ. Т. 2. № 754. С. 460; Дневник Андерса  
Траны. 1655–1656 / Сост. Г. М. Коваленко, пер. со швед. А. М. Галиновой.  
Великий Новгород, 2007. С. 45–46, 110–112, 118, 121.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 33–36; Письма русских государей. Т. 5. С. 55–56.

Цит. по: Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. / Сост. П. И. Прудовский. М., 2013. С. 472.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 34–35, 44–50.

Переписка «рижского похода» скупер на детали. Царь не сообщает маршрут своего дальнейшего похода из Смоленска, а ранее, еще 23 мая, из Вязьмы распорядился в письме к сестрам, чтобы грамоты ему писали только оставленные «у вас» люди, а не дьяки и подьячие. См.: Письма русских государей. Т. 5. С. 56, 58.

Книга сеунчей 162 году... С. 37; АМГ. Т. 2. № 834. С. 507.

Курбатов О. А. Рижский поход царя Алексея Михайловича 1656 г.: Проблемы и перспективы исследования // Проблемы социальной и политической истории России: Сборник научных статей / Ред. Р. Г. Пихоя. М., 2009. С. 83–88.



ДРВ. Т. 3. С. 309–313; ДР. Т. 3. Доп. С. 61. См.: *Соловьев С. М.* История России... Т. 5. Кн. 10. С. 625–629, 633–639.

*Заборовский Л. В., Захарьина Н. С.* Из истории русско-польских дипломатических контактов: посольство Н. И. Одоевского с «товарищи» 1656 г. (посольский архив) // *Славяне и их соседи*. Вып. 1. М., 1989. С. 154–181; *они же*. Религиозный вопрос в польско-российских переговорах у дер. Немежа в 1656 г. (предыстория) // *Славяне и их соседи*. Вып. 3. М., 1991. С. 167; *Иванов Д. И.* Речь Посполитая в планах московских политиков накануне виленских переговоров 1656 г.: Из истории международного кризиса в Восточной Европе середины XVII века // *Славяноведение*. 2002. № 2. С. 52–68; *Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.* М., 2007. С. 142–146; *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи... С. 96–97.

*Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича... С. 227–232; Письма русских государей. Т. 5. С. 60; 1656 г. Письмо царя Алексея Михайловича князю Н. И. Одоевскому по поводу смерти его сына князя Федора Никитича Публ. С. А. Белокурова/ЧОИДР. 1902. Кн. 2. Смесь. С. 33–34.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 62–63, 70–71; АМГ. Т. 2. № 855. С. 519; № 885. С. 533; № 889. С. 534–535; № 894. С. 536; Письма русских государей. Т. 5. С. 61–62; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века... С. 111.

ДР. Т. З. Доп. Ст. 72–73, 77–78; Письма русских государей... С. 63–64; Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.... С. 155–159; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 305; *Курбатов О. А.* Рижский поход царя Алексея Михайловича 1656 г.... С. 83–88.

ДРВ. Т. 3. С. 316–318, 320; СГГид. М., 1828. Т. 4. № 1–4. С. 1 — 19;  
ДР. Т. 3. Доп. Ст. 79–80, 82–84; Письма русских государей. Т. 5. С. 64–66;  
Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи... С. 86—166;  
Федорук Я. О. Віденський договір 1656 року: Східноєвропейська криза і  
Україна у середині XVII століття. К., 2011.

С. М. Соловьев так писал о протесте епископов, обнародованном по приказу короля Яна Казимира в Речи Посполитой: «Находили двадцать одну причину, почему ни царь московский, ни сын его не могли быть избраны в короли польские, и все эти причины сводились преимущественно к одному, что дом австрийский никак не выпустит из рук своих польской короны». *Соловьев С. М. История России... Кн. 6. Т. 11. М., 1991. С. 36.*

*Лобачев С. В.* Патриарх Никон... С. 201.



*Белокуров С. А.* Дневальные записки Приказа Тайных дел. 7165–7183  
гг. М., 1908. С. 6–7.

*Белокуров С. А. О Записном приказе («записывати степени и грани царственные»). 1657–1659 гг. // Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 55–84.*

10 апреля 1657 г. царь Алексей Михайлович принимал в Золотой палате в Кремле князя Юрия Петровича Трубецкого и полковника князя Станислава Мосальского: *Белокуров С. А. Дневальные записки...* С. 10–11.

См. подробнее: *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба России и Швеции за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998; *Рабинович Я. Н.* Неизвестные страницы истории Псково-Печерского монастыря и Изборска в Смутное время // Вестник Псковского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2013. № 2. С. 59–60; *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи... С. 264.

Переписка с А. И. Матюшкиным опубликована в 3-м томе «Дополнений к Актам историческим» в 1848 г. Цит. по новейшей публикации комплекса документов о битве под Валком, подготовленной О. А. Курбатовым: *Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656–1658 гг.: Проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие...* С. 159.

Родословная рода Кикиных. Грамоты и наказы воеводе И. Ф. и стольнику В. П. Кикиным // Синбирский сборник. Часть историческая. Т. 1. М., 1844. № 18, 19. С. 46–56.

Записки ОРСА. Т. 2. С. 736–738.

Позднее награды царя Алексея Михайловича «за службу в Литовском походе 162 года» получили воеводы полка князя Якова Куденетовича Черкасского — боярин князь Семен Васильевич Прозоровский (он тоже, как известно, долгое время находился в царской опале) и окольничий князь Андрей Федорович Литвинов-Мосальский. Пожалование этих воевод было приурочено к празднику Знамения 27 ноября 1657 г. См.: ДР. Т. 3. Доп. Ст. 112–113.



ПСЗ. Т. 1. № 209. С. 436; № 214. С. 442.

Об этом писал оказавшийся тогда в Москве австрийский посол Августин Мейерберг: по его словам, царь «имел также виды, внушенные ему Польской республикой, дать когда-нибудь короля из своего дома этой соседней стране» (*Мейерберг Августин. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997. С. 119.*

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 107–108, 111; Авдеев А. Г. Кто и когда назвал Воскресенский монастырь Новым Иерусалимом // Никоновский сборник. Сборник, посвященный 400-летию со дня рождения и 325-летию со дня преставления Никона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. М., 2006. С. 89–98.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 109–110; Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656–1658 гг.: Проблемы критики военно-исторических источников... С. 161–163.

АЮЗР. Т. 4. № 48. С. 78–79; № 58. С. 94; Літопис Самовидця I Видання підг. Я. І. Дзира. Київ, 1971. С. 75–77; Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Выговский // Единорог. Вып. 1. С. 239–253; Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи... С. 321–323.

30 января 1658 г. австрийский, датский, бранденбургский посланники присутствовали на встрече в Москве «за Стретенски-ми воротами» кизылбашского посла хана Далук Салтана (в дворцовых разрядах ошибочно «Ханедалук салтана» или «Ханедакул»: ДР. Т. 3. Доп. Ст. 18). См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1: Памятники дипломатических сношений с Римскою империей (далее — ПДС). Т. 3 (с 1632 по 1660 год). Ст. 811–812; *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского архива // РИБ. Т. 16. СПб., 1897. № 157–158. Ст. 811–822; *Накашидзе Н. Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968; *Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг./Сост. П. И. Прудовский.* М., 2013. С. 192–193, 508–509. См. также: *Шаклеин О. С.* Миссия Иоахима фон Боррентина в Россию в 1657–1658 гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011. С. 333–394; *он же.* Миссия бранденбургского посла Иоахима фон Боррентина в Россию в 1657–1658 гг. // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 1 [9]. С. 199–214.

ПДС. Т. 3. СПб., 1854. Ст. 850, 854–855.

*Мейерберг Августин. Путешествие в Московию... С. 51.*



Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). СПб., 1842. Т. 4. № 118. С. 262–263.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 128, 130–132.

Служебник. М., 1656. С. 2–3.

Кормчая. М., 1653. С. 13–25.

Записки ОРСА. Т. 2. С. 513; Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. М., 2005. С. 66. Кат. 61; *Лобачев С. В.* Патриарх Никон... С. 194.

*Субботин Н. И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова». М., 1875. Т. 1: Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 1: О лицах, судившихся на соборе 1666–1667 года. С. 38. То, что это был не случайный мотив и не обычный риторический оборот, говорит повторение этой мысли в челобитной царю Алексею Михайловичу в 1660 г. См.: Там же. С. 167–169.

См., напр.: *Бусева-Давыдова И. Л.* Культура и искусство в эпоху перемен: Россия семнадцатого столетия. М., 2008. Гл. 1: Старое и новое как основополагающая оппозиция русской культуры XVII века. С. 17–64; *Черная Л. А.* Антропологический код древнерусской культуры. М., 2008. С. 361–387.

Служебник. М., 1656. С. 8–9.



ДР. Т. З. Доп. Ст. 110; 127–128.

Об этом исчезновении имени патриарха Никона из разрядных книг после Пасхи написал С. В. Лобачев; правда, Пасха в 1658 г. приходилась не на 1-е, а на 11 апреля. См.: *Лобачев С. В. Патриарх Никон...* С. 201.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 141–142.

*Николаевский П. Ф.* Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола//Христианское чтение. 1883. № 1–2. С. 155–181.

Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Т. 1. С. 223; Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел... С. 34; Голубцов А. П. Чиновники Московского Успенского собора // ЧОИДР. 1907. Кн. 4. С. 194, 269–271; Николаевский П. Ф. Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола... С. 160; Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's «Refutation» *Edited, with Introduction and Notes by V. A. Tumins and G. Vernadsky. Berlin; London; Amsterdam, 1982*; Патриарх Никон. Труды Сост. В. В. Шмидт. М., 2004; Воробьева Н. В. «Возражение или разорение...» патриарха Никона: проблемы исследования и интерпретации // Россия и мир: Панорама исторического развития: Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 236–241.

Преданием омофор связывался даже не с шестым, а с первым церковным собором 325 г., хотя, как установили позднее исследователи, эта часть патриаршего облачения относилась к более позднему времени — второй половине XIV — началу XV в. См.: *Петров А. С. Омофор // Византийские древности. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля. М., 2013. С. 466–469.*

Записки ОРСА. Т. 2. С. 515; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Т. 2. № VII. С. 486. Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. № 9. С. 20–37; № 17. С. 52.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 142–143; Записки ОРСА. Т. 2. С. 516; Дело о патриархе Никоне... № 1. С. 1–2; № 6. С. 16; № 18. С. 54; *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи... С. 384.



Дело о патриархе Никоне... № 7. С. 16; № 19. С. 71; Переписная книга домово́й казны патриарха Никона *Публ. И. Д. Беляева*/ Временник МОИДР. 1852. Вып. 15. С. 1—136.

См.: Успенский Б. А. Эпизод из дела патриарха Никона. Страничка из истории греческо-русских церковных связей // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 371–392.

См.: АЮЗР. Т. 4. СПб., 1863. С. 141–144, 198; Т. 7. СПб., 1872. С. 252–253; Т. 15. СПб., 1892. Ст. 259; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 493–498; *Бабулин И.* Поход Белгородского полка на Украину осенью 1658 г. // Единорог. Вып. 1. С. 261–267; *Грушевський М.* Історія України — Руси... Т. 10. С. 270; Галицька унія 1658 року. Київ, 2008.

58 ДМ Г. Т. 2. № 1044. С. 620; *Kubala Ludwik*. Wojny duńskie pokój Oliwski 1657–1660. Lwów. 1922. Dodatki. № XXXVII. S. 579.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 130–131; АЮЗР. Т. 4. С. 135–136, 188–193; АМГ. Т. 2. № 1050, 1053. С. 623–624; См.: *Бабулин И.* Поход Белгородского полка на Украину осенью 1658 г. // Единорог. Вып. 1. С. 267–271.

*Бульвінський А. Г.* Українсько-російські взаємини 1657–1659 рр. в умовах цивілізаційного розмежування на сході Європи. Київ, 2008; *Бабулин И. Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015.

*Соловьев С. М. История России... Кн. 6. Т. 11. С. 36.*

См. оставшееся неоконченным продолжение известного труда А. А. Новосельского, посвященного «борьбе Московского государства с татарами в XVII веке»: *Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма...* С. 62–63.



СГГид. Т. 4. № 12. С. 33–40; АЮЗР. Т. 4. С. 184.

Сеунщики приехали в Москву с этим известием 18 ноября 1655 г.: ДР.  
Т. 3. Доп. Ст. 154–155, 163–164.

ПСЗ. Т. 1. № 240; *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба России и Швеции за выход к Балтийскому морю... С. 204–231.

АМГ. Т. 3. С. 47. См. также: *Курбатов О. А.* «Литовский поход 7168 года» князя И. А. Хованского и битва при Полонке // *Славяноведение*. 2003. № 4. С. 26.

См.: Прудовский П. И. Не только пером: Отписка царского дипломата об обороне Ковна от польско-литовских войск в конце 1658 — начале 1659 г. // Единорог. Вып. 2. С. 347.

АЮЗР. Т. 4. С. 205–206, 220, 222–223; Т. 7. С. 261–263, 276; ДР. Т. 3.  
Доп. Ст. 165–166.

См. подробнее: *Бабулин И. Б.* Состав и численность русского войска в Конотопском походе 1659 г. // *Единорог*. Вып. 2. С. 86–89; он же. Борьба за Украину и битва под Конотопом...С. 221–270; *Смирнов Н. В.* «Как под Конотопом упадок учинился...» (мифы и реальность) // *Труды по русской истории*. Сб. статей в память о 60-летиИ И. В. Дубова. М., 2007. С. 334–353.

АЮЗР. Т. 15. Ст. 393–396; ДР. Т. 3. Доп. Ст. 190; *Бабулин И. Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом... С. 207.



*Соловьев С. М. История России... Кн. 6. Т. 11. С. 50.*

Справедливости ради надо сказать, что исследователь не исключает существования такого указа: «Имеющиеся материалы не позволяют установить, как и когда было принято окончательное решение о войне. Правда, в нашем распоряжении нет полного текста наказа А. Н. Трубецкому, поэтому нельзя исключить, что он получил соответствующие полномочия, но гораздо более вероятным представляется, что решение о войне было все же принято в Москве». *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи... С. 466.

АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 238–239; Т. 15. Ст. 395–398; АМГ. Т. 2. № 1140. С. 668–670; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя... С. 445–446.

Дата Конотопской битвы 28 июня 1659 г. является также общепринятой в украинской историографии, а с 2009 г. в память об этом событии на Украине установлен государственный праздник. Правда, новейшие представления о победе гетмана Выговского и его союзников из Восточной Европы над московскими «оккупационными войсками» не имеют достаточных исторических оснований. См. подробнее: *Бабулин И. Б.* Битва под Конотопом. 28 июня 1659 года. М., 2009; *он же.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015. См. также полемику по поводу рецензии Т. Г. Таировой-Яковлевой на книгу И. Б. Бабулина «Князь Семен Пожарский и Конотопская битва» (СПб., 2009): *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 2(12). С. 258–263; *Бабулин И. Б.* Ответ рецензенту (*Таирова-Яковлева Т. Г.* Рецензия на книгу: *Бабулин И. Б.* Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. 4. С. 483–498 <[http:// www.milhist.info/2014/03/13/babylin\\_3](http://www.milhist.info/2014/03/13/babylin_3)> (13.03.2014)

АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 238–239; ДР. Т. 3. Доп. Ст. 192–193; АМГ. Т. 2. № 1147. С. 673–674; *Гордон П.* Дневник. 1677–1678 / Пер. с англ., ст. и прим. Д. Г. Федосова. М., 2005. С. 34.

АЮЗР. Т. 15. Ст. 399; *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма... С. 68.

Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 304–305; Бабулин И. Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009; он же. К вопросу о почитании нового страстотерпца, благоверного князя Симеона Пожарского // он же. Борьба за Украину и битва под Конотопом... Прил. IV. С. 394–399.

ПСЗ. Т. 1. № 260. С. 490–491; № 263. С. 502–503; № 264. С. 503;  
АЮЗР. Т. 7. № 97. С. 292–295; *Соловьев С. М.* История России... Т. 6. Кн.  
11. С. 52–53.



СГГид. Т. 4. № 14. С. 49–50; № 15. С. 65; ДР. Т. 3. Доп. Ст. 201–202.

ПСЗ. Т. 1. № 265. С. 503–505; № 277. С. 513; ДР. Т. 3. Доп. Ст. 204; АМГ. Т. 3. СПб., 1901. № 52. С. 57; *Курбатов О. А.* «Литовский поход 1668 года»... С. 28–29; *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи... С. 519–521.

**443**

РГАДА. Ф. 27. Д. 166. Л. 93.

Цит. по: *Курбатов О. А.* «Литовский поход 7168 года»... С. 31.

Черновик с этим распоряжением был в руках царя Алексея Михайловича, далее внизу документа его почерком написано: «про приступ особую статью написать противу прежнево»: РГАДА. Ф. 27. Д. 166. Л. 1–5.

См.: АМГ. Т. 3. № 58. С. 64–66; Курбатов О. А. «Литовский поход 7168 года»... С. 33.

Стольник Василий Петрович Кикин не раз уже выполнял самые сложные поручения. Еще недавно он пытался помирить «черкас» Полтавского полка Мартына Пушкаря с гетманом Иваном Выговским. В его архиве сохранились две подорожные от Москвы в полк боярина князя Ивана Андреевича Хованского, выданные 23 июня из Москвы и 1 августа из Смоленска. Везде его должны были пропускать, «не издержав ни часу», а для проезда к войску в Литве выдавать целых шесть подвод. Подчеркивая важность своей службы, сыновья стольника Василия Петровича Кикина упомянут об этой поездке в полки к князю Хованскому в 7168 (1660) г. «по именному указу» царя Алексея Михайловича даже в своей родословной росписи, поданной в конце 1680-х гг. Правда, они думали, что отец ездил «без наказа», а «Тайный наказ» стольнику В. П. Кикину все-таки существовал. См.: Родословная рода Кикиных. Грамоты и наказы воеводе И. Ф. и стольнику В. П. Кикиным // Синбирский сборник... С. 15, 65; Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 181, 185; Курбатов О. А. «Литовский поход 7168 года»... С. 34.

ДР. Т. З. Доп. Ст. 244; Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 96; Малов А. В. Московские выборные полки... С. 455, 461; Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи... С. 573–579.



АМГ. Т. 3. № 245. С. 250. См. подробнее: *Соловьев С. М.* История России... Кн. 6. Т. 11. С. 84; *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России., СПб., 1891. Вып. 1. 1683–1762. С. 26–37; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 505–508. Интересным источником о событиях этой чудновской кампании является рассказ участника событий с польской стороны Патрика Гордона, будущего генерала русской службы. См.: *Гордон П.* Дневник. 1659–1667 / Пер. и коммент. Д. Г. Федосова. М., 2003. С. 56–77. См. также: *Romański Romuald.* Cudnów, 1660. Warszawa, 2008; *Ярмошик Иван.* Чуднівська військова кампанія 1660 р. в історії України // Воєнна історія Середньої Наддніпрянщини / Збірник наукових праць. К., 2012. С. 128–132.

См. подробное исследование о назначении боярина В. Б. Шереметева на воеводство в Киев в 1658 г., его службе и боях под Киевом с войском мятежного гетмана Ивана Выговского, о походах и боях, приведших к чудновской катастрофе, обстоятельствах пребывания воеводы в плену: Барсуков А. Род Шереметевых. СПб., 1888. Т. 5; 1892. Т. 6.

См.: ПСЗ. Т. 1. № 288–289, 291. С. 524–526; *Соловьев С. М.* История России... Кн. 6. Т. 11. С. 88.

*Мейерберг Августин. Путешествие в Московию... С. 51.*

*Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи... С. 631–634, 641.

ПСЗ. Т. 1. № 301. С. 532–551. См. также: *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба России и Швеции за выход к Балтийскому морю... С. 277–286.

См.: Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 134–136.

Значительная часть карел переселялась на территории Бежецкого, Новоторжского, Угличского и Ярославского уездов, в вотчины крупных северных монастырей. См.: *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. М., 1906; *Гадзяцкий С. С.* Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества// Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 14–57; *Жербин А. С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956; *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.



ПСЗ. Т. 1. № 298. С. 300–301.

В Москве первые достоверные сведения о сражении под Кушликовыми горами получили 12 ноября 1661 г. из расспросных речей в Разрядном приказе от пленного полоцкого шляхтича Григория Лапинского, воевавшего в одной из рот полка князя И. А. Хованского. См.: АМГ. Т. 3. № 532. С. 455. № 535. С. 457–458; *Косажецкий К.* Битва под Кушликами 4 ноября 1661 года // *Единорог*. Вып. 3. С. 186; *Курбатов О. А.* Бой на Кушликовых горах в документах РГАДА // Там же. С. 210–212; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя... С. 474–476, 480.

В братском монастыре Святого Духа в Вильно в 1619 г. был похоронен также боярин князь Василий Васильевич Голицын, но позднее его тело доставили на родину. Могила князя Д. Е. Мышецкого со временем была утеряна. См.: Батюшков П. Памятник русской старины в западных губерниях. СПб., 1890. Вып. 6. С. 74–75; Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. XXXIV. № 193. С. 216–217; Герасимова И. В. Вильна под властью русского царя (1655–1661): судьба города и горожан: Автореф. дис.... канд. ист. наук. СПб., 2012.

СГГид. Т. 4. № 18. С. 69. См. также: *Лавров А. С.* Кабацкая реформа Никона // Народная борьба за трезвость в русской истории. Л., 1989. С. 16–19. *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства... С. 337–339.

*Зверев С. В.* История денег в России. К 350-летию русской рублевой монеты. М., 2012. С. 18–19. См. также подробное исследование С. В. Зверева, посвященное технологии монетного дела: *он же*. К истории монетного производства в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 2005. Т. 17. С. 219–250.

*Мейерберг Августин.* Путешествие в Московию... С. 153, 160;  
*Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 9, 14; *Курлаев Е. А., Манькова И. Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: У истоков российской промышленной политики. М., 2005. С. 242–252.

*Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича... С. 14, 18–21; *Спасский И. Г.* Русские ефимки. Исследование и каталог. Новосибирск, 1988. С. 18.

*Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича/* Подг. публ. Г. А. Леонтьевой. М., 2000. С. 122–123; *Спасский И. Г. Русские ефимки...* С. 22.



*Спасский И. Г.* Русские ефимки... С. 16–17, 19–20; *он же.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд., доп. Л., 1970. С. 132–133

ААЭ. Т. 4. № 90. С. 130; *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича... С. 123; *Докукин А. В.* Денежная реформа царя Алексея Михайловича: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2002; *Зайцев В. В., Мельникова А. С.* «Дела» Нового Английского денежного двора 1659–1663 гг. // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5. С. 98—187; *Лаврентьев А. В.* Двор бояр Романовых на Никитской и монетное производство в Москве времени денежной реформы 1654–1663 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2000. Т. 27. С. 48–50; *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 г.). М., 1989. С. 196–225.

ПСЗ. Т. 1. № 339. С. 578–579; Суворов Н. И. О финансовом кризисе в России в 1659–1663 годах//Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860–1861 / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1863. Кн. 5. С. 58; Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича... С. 33; Скачок цен на медь «в инфляционном 1662 году» зафиксировал и автор фундаментального исследования о ценах Московского государства профессор Ричард Хелли. См.: *Hellie R. The Economy and Material Culture of Russia. 1600–1725. Chicago, 1999. P. 144–145.*

*Котошихин Г. КО России в царствование Алексея Михайловича... С. 123–124; Мейерберг Августин. Путешествие в Московию... С. 160–161.*

*Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича... С. 37.*

Записка о развитии металлургической промышленности в России (1660-е годы) / Публ. И. Л. Маньковой //Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 347, 349–350.

СГГид. Т. 4. № 19. С. 72–73. Со временем в делопроизводстве Тайного приказа сложилось целое дело о поиске «золотой и серебряной и иных всяких руд», а также «алавастрового (алебастрового. — В. К.) и иного узорочного камня на Волге», относившееся к 1661–1666 гг.; именно в нем сохранилась процитированная выше «Записка» царю Алексею Михайловичу: Записка о развитии металлургической промышленности в России (1660-е годы)... С. 345; Юркин И. Н. «...Лутчи тово серебра, что делаетца в ыных государствах» (Сереброплавильный завод XVII в. на р. Тулице: неизвестная страница истории поиска и освоения рудных богатств России) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 3. С. 59–80.

*Зерцалов А. Н.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890. С. 237–239, 248–269; *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича... С. 55–58; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства... С. 340.



*Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля... С. 41.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 314, 335–337, 342–343; Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 146; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века... С. 170.

См.: Записки ОРСА. Т. 2. С. 682–683; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века... С. 67; *Кошелева О.* «И разделилась Москва натрое...» Соляной бунт, осмысленный и беспощадный // *Родина*. 2006. № 11. С. 67–68.

Выделим хотя и давние, но не утратившие своего значения работы Виктора Ивановича Буганова, который в начале 1960-х гг. предпринял подробное изучение московских восстаний XVII в., включая события 1662 г., и опубликовал сборник документов, основанный на следствии по делу о «Медном бунте»: *Буганов В. И. Московское восстание 1662 г. М., 1964; Восстание 1662 г. в Москве / Публ. В. И. Буганова. М., 1964.*

См.: Восстание 1662 г. в Москве... № 2. С. 40–41.

Не случайно и имя сотского Павла Григорьева тоже можно найти на обороте этих сказок. См.: *Зерцалов А. Н.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг.... С. 253.

Восстание 1662 г. в Москве... № 85. С. 182; № 86. С. 182–184; № 88. С. 184–185.

Там же. № 35. С. 66; № 66. С. 83–84.



*Гордон П. Дневник. 1659–1667. С. 119–120; Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 125–127.*

*Мейерберг Августин. Путешествие в Московию... С. 172.*

*Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича... С. 127–128.

Восстание 1662 г. в Москве... № 81. С. 179.

СГГид. Ч. 4. № 23. С. 76–77.

Их имена установлены В. И. Бугановым и В. А. Кучкиным: «Имена розных чинов людей, которые за воровство вершены июля в 26 день нынешнего 170-го году: Рейтар кадомской татарин Мамат мурза Уракчеев сын князь Келдышев. Отставленной конюх Ивашка Елизарьев. Драгун Бенедиктова полку Змеева ряшенин Полиехтка Ряполов. Подъячей Ондрюшка Пестриков. Трубник Кирюшка Оборин. Верховой, сторож Кирюшка Титов. Казенного приказу пристав Исачка Жаровской. Пушкарь Федька Стоянов. Боярские люди: Касимовского царевича Василья Араслановича Любимка Чекала, окольничего Василья Александровича Чоглокова Гаврилка Сафронов. Посадцкой человек Казенной слободы Мишка Деев. Гулящей человек Горасимко Григорьев. Смоленской розсылщик Микейко Иванов. Приезжие: из Ярославля Спаской слободы Васка Седово. С Костромы Ипацкого монастыря, каменщик Филко Олфимов. Земской метельщик Трифонко Тарасьев. Поляк ис Переяславля Сенька Терентьев. Татарин ярославской Кудашка Сафролеев» (Восстание 1662 г. в Москве... № 80. С. 178).

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 346; Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 147–148; Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 129; Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 386–389.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 352; *Белокуров С. А.* Дневальные записки... С. 152; *Гордон П.* Дневник. 1659–1667... С. 121; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя... С. 521–522.



ДР. Т. 3. Доп. Ст. 349–350, 355–356.

РГАДА. Ф. 27. Д. 128. Л. 2-26, 155–156; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 14, 18–22.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 362–363; *Белокуров С. А.* Дневальные записки... С. 154, 157–158, 162; *Лобачев С. В.* Патриарх Никон... С. 213–214.

*Востоков А. Козелецкая рада 1662 года // Киевская старина. 1887. № 2. С. 283.*

*Бабулин И. Б. Каневская битва 16 июля 1662 г. М., 2015. С. 4.*

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 345–346; *Петровський М.* Нариси історії України XVII — початку XVIII ст. (Досліди над Літописом Самовидця). Харків, 1930. С. 392–394.

АН. Т. 4. № 167. С. 321–327; ДР. Т. 3. Доп. Ст. 369–370; *Гордон* 77.  
Дневник. 1659–1667... С. 130–132.

См. подробнее: *Яковлева Т. Г.* Социально-политическая борьба на Украине в 60-е годы XVII века. Внутренние и внешние факторы Руины: Автореф. дис. докт. ист. наук. СПб., 2004; История Украины. СПб., 2015. Ч. 2: *Таирова-Яковлева Г. Г.* Украинские земли в новое время (середина XVI–XIX в.). С. 253–254.



*Зерцалов А. Н.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском... С. 267–268.

Собранные товарные запасы, проданные в Архангельске иноземным купцам на серебро и золото осенью 1662 г., всё равно дали хорошую прибыль и, по мнению Константина Васильевича Базилевича, даже позволили провести впоследствии отмену медных денег. См.: *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича... С. 62–67, 74.

*Зерцалов А. Н.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском... С. 268, 276, 278.

Несколько лучше положение было у посадов, черносошных и особенно дворцовых земель, для которых десять лет спустя нормы и характер сбора стрелецкого хлеба были существенно облегчены. См.: *Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 186–189.*

*Гордон П. Дневник. 1659–1667... С. 122.*

На одном из документов сохранилась помета 7 февраля 1663 г. о документе, вынесенном «от великого государя ис хором». См.: *Веселовский С. Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // *ЧОИДР.* 1911. Кн. 3. С. 4—54; *Петрухинцев Н. Н.* «Финансы войны» и офицерский корпус полков «нового строя» в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // *Quaestio Rossica.* 2014. № 2. С. 265.

ПСЗ. Т. 1. № 338. С. 578, № 340–341. С. 579, № 343. С. 580; *Гордон П.* Дневник. 1659–1667... С. 128–129; *Веселовский С. Б.* Две заметки о Боярской думе // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 309.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 362–363. Определение о начале дела Никона датируется весной 1663 г. См.: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 220, 242–243.



*Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 247–258, 262–263, 265–267. Первоначально первый публикатор «Дела Никона» Николай Александрович Гиббенет считал, что царское письмо патриарху Никону написано в конце декабря 1662 г., но впоследствии датировал его августом 1663 г. Все дело для монаха Аарона завершилось ссылкой в Соловецкий монастырь: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 87; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 346.

Записки ОРСА. Т. 2. С. 553–554.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 388; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 602–609; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 339–340; *Лобачев С. В.* Патриарх Никон... С. 217.

*Андреев И. Л. Алексей Михайлович... С. 346.*

*Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2.  
С. 736–742.

См.: *Гордон П. Дневник. 1659–1667...* С. 154.

*Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2.  
С. 746–748, 759–784.

*Витсен Николаас*. Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник / Пер. со ст. — голл. В. Г. Трисман. СПб., 1996. С. 177–183, 187.



*Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2.  
С. 176–178, 879–895.

ДР. Т. 3. Ст. 606–614.

См.: Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893. Большой вклад в изучение истории старообрядчества внесли труды историка Елены Михайловны Юхименко, а также американских коллег Роберта Крамми, Дж. Михельса. Примечательно и появление в недавнее время в серии «ЖЗЛ» двух книг Кирилла Яковлевича Кожурина, посвященных «иконам» старообрядчества — протопопу Аввакуму и боярыне Морозовой. См.: Кожурин К. Протопоп Аввакум. Жизнь за веру. М., 2013 (серия «ЖЗЛ»); Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М., 2016; Michels, George B. At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, 1999. См. также подготовленное Е. М. Юхименко русское издание книги французского слависта Пьера Паскаля, впервые вышедшей в Париже в 1938 г.: Паскаль Пьер. Протопоп Аввакум и начало раскола. М., 2011. Об истории многодетного восстания сторонников «старой веры» в Соловецком монастыре: Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 годов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

Первая челобитная протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу // РИБ. Т. 39. Ст. 724. Протопоп Аввакум пять раз обращался к царю Алексею Михайловичу с личными посланиями, точнее, челобитными. Все они в науке известны и называются по времени их создания, «первая», «вторая» и т. д. См.: Сочинения протопопа Аввакума. Послания и челобитные царям Алексею Михайловичу, Федору Алексеевичу и царевне Ирине Михайловне *Подг. текста и коммент. Н. С. Демковой* / Библиотека литературы Древней Руси. XVII век. Т. 17. С. 160–165.

В ответе на «Возвешение от сына духовного ко отцу духовному» с описанием смерти царя Алексея Михайловича и его обличением протопоп Аввакум писал из своей земляной тюрьмы в Пустозерске: «Вот меня цар-ет и в духовники Алексей звал...» Цит. по: Бубнов Н. Ю., Демкова Н. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвешение от сына духовного ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676) // Демкова Н. С. Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 306.

Новый интересный взгляд на историю идей первых учителей старообрядчества высказал недавно Сергей Борисович Филиппов. Участники «борьбы вокруг церковных реформ Никона» стремились, по словам ученого, «укрепить и продолжить традиции, а не создать нечто новое». Но важно еще и другое: «Независимо от желаний и устремлений людей XVII в., борьба за реконструкцию старины постепенно вылилась в подспудное разрушение этой старины». См.: *Филиппов С. Б.* Религиозная борьба и кризис традиционализма в России XVII века. Будапешт, 2007. С. 12–13.

РИБ. Т. 39. Ст. 52–53.

*Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2.  
С. 930.



ДР. Т. 3 Ст. 641; СГГид. Т. 4. № 51. С. 181; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 932–939.

Там же. 952–953.

*[Шушерин И.]* Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным (с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя древнейшими списками). М., 1871. С. 66.

Хронология событий, записанная Иваном Шушериным, несколько отличается от протокольных записей соборных заседаний и «дневальных записок» Приказа Тайных дел. Иван Шушерин в начале суда над Никоном оставался под арестом и писал по расспросам других лиц, поэтому его хронология бывает сбивчивой. См.: *Шушерин И.* Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона... С. 56–57.

*Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 1002–1006. По подсчетам автора «Истории русской церкви» архиепископа, а затем митрополита Макария (Булгакова), осветившего суд над Никоном в начале тринадцатого, недописанного им тома, всего на соборе в разное время присутствовали сначала два, а потом и три вселенских патриарха, включая преемника Никона московского патриарха Иоасафа, 12 митрополитов (пять русских и семь иноземных), девять архиепископов (семь русских и два иноземных) и пять епископов (четыре русских и один иноземный): всего 29 иерархов (*Макарий, митр. (Булгаков)*). История Русской церкви. 1883. Т. 12. С. 683–684).

*Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2.  
С. 1000–1001, 1007.

Там же. С. 1001, 1013, 1022; *Макарий, митр. (Булгаков)*. История Русской церкви. Т. 12. С. 701, 704–721; ЧОИДР. 1905. Вып. 3. Смес. № 8. С. 28–29.

*Шушерин И.* Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона... С. 65–66.



Памятники литературы Древней Руси / Вступ. ст. Д. С. Лихачева, сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1988. Т. 11: XVII век. Кн. 1. С. 516.

*Белокуров С. А.* Дневальные записки Приказа Тайных дел... С. 232–233; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 1002–1022.

*Шушерин И.* Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона... С. 63–64.

Сохранилась также черновая запись соборного заседания 5 декабря, более точно передающая ряд деталей (например, Никон говорил о «баснях», а не о «враках», называл «еретическими» книги потому, что они напечатаны в Риме). Иначе в ней был передан порядок обвинений, но их суть осталась неизменной, Никона отправили ожидать приговора и плакать «о гресех своих». См.: Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа Тайных дел... С. 233; Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 1068–1075, 1079–1080, 1086–1092.

См. также несколько отличающийся по содержанию текст соборного определения церковных иерархов во главе с подписавшимся по-арабски папой и александрийским патриархом Паисием и антиохийским патриархом Макарием: СГГид. Т. 4. № 52–53. С. 182, 184–186; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 1093–1097.

*Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. 4.2.  
С. 1098–1099.

См. публикацию двух писем 1667 г. Никона царю Алексею Михайловичу: *Севастьянова С. К.* Письма патриарха Никона царю Алексею Михайловичу из Ферапонтова монастыря. 1667 г. // Патриарх Никон и его время. Сб. науч. трудов / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М., 2004. С. 266–277; *она же.* Эпистолярное наследие патриарха Никона... С. 57–72. Прил. 5. С. 436–458.

Библиотека литературы Древней Руси. XVII век. Т. 17. С. 173.



ДАИ. Т. 5. № 102. С. 487; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2: Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 2: Акты, относящиеся к собору 1666–1667 года. С. 7–8, 21–23, 26–28, 81–82; РИБ. Т. 39. Ст. 709.

См.: ДР. Т. 3. Ст. 656; ПСЗ. Т. 1. № 399. С. 669–670.

Библия. М., 1663. Л. I. На листе 3 книги указана другая дата — 15 октября 1663 г.; *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. С. 13–14.

*Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.  
С. 221, 271.

Орел многоликий / Изд. подг. Л. И. Сазонова. М., 2015. Факсимильное воспроизведение рукописи. Л. 17. Обычно временем начала службы Симеона Полоцкого в Москве считается 1664 год, но более убедительными являются аргументы о его переезде из Полоцка уже в июле 1663 г. См.: *Татарский И. А.* Симеон Полоцкий (Его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в. М., 1886. С. 64–65; *Хипписли А.* *Carmen echiicum* у Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 364.

*Саенкова Е. М., Свердлова С. В.* Симон Ушаков. Древо государства Московского (Похвала иконе «Богоматерь Владимирская»). М., 2015; Царский изограф Симон Ушаков. М., 2015.

См.: *Кошелева О. Е.* Побег Воина// Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 55–86 (здесь впервые полностью опубликовано «утешительное» письмо царя Алексея Михайловича Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину 14 марта 1660 г.); *Флоря Б. Н.* Путешествия Воина Нащокина// Средние века. 2010. Т. 71 (1–2). С. 313–320.

Запись датирована 1 июля 1663 г., но относится она не к дате приезда А. Л. Ордина-Нащокина, а к тому времени, когда стало известно о привезенных им вестях: *Гордон П. Дневник. 1659–1667... С. 133.*



По возвращении посол А. Л. Ордин-Нащокин привез с собой целую связку таких «вестей-курантов», переводившихся в Посольском приказе для царя Алексея Михайловича. А в одной из немецких газет, уже в известиях за 4—19 августа 1662 г. можно было прочитать об отправке посольства самого Ордина-Нащокина в Польшу: «От Росийского государства сказывают правду, что хотят мир чинить с королем полским и мочно то знать потому, что великий государь царь Нащокина как начального посла со всякою полною мочю отпустил, и в здешних краях мирной договор строити и совершити» (перевод сделан с «тетратей немецкого печатного писма с курантов», поступивших 30 сентября 1662 г.). См.: Вести-куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1 *Изд. подг. В. Г. Демьянов, при участии И. А. Корнилаевой; завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин* Под ред. А. М. Молдована и Ингрид Майер. М., 2009. С. 13, 101.

*Галактионов И. В.* К истории Андрусовского перемирия 1667 г. // Исторический архив. 1959. № 6. С. 88–89; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 42–54.

АМГ. Т. 3. № 641. С. 537.

ДР. Т. 3. Доп. Ст. 384–387.

*Гордон П. Дневник. 1659–1667... С. 135.*

Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов... Киев, 1859. Т. 4. С. 374–375, 379–380.

АМГ. Т. 3. № 646. С. 541.

См.: *Флоря Б. Н.* Митрополит Иосиф (Тукальский) и судьбы православия в Восточной Европе в XVII веке // *Вестник церковной истории*. 2009. № 1/2 (13/14). С. 127–128.



АМГ. Т. 3. № 684. С. 565.

*Гордон П. Дневник. 1659–1667... С. 136, 138.*

*Мыцьк Ю. А.* «Штописец» Дворецких — памятник украинского летописания XVII в. //Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 231.

*Грамон Антуан. К истории московского похода Яна Казимира (1663–1664) / Пер. Н. Г. Муравьевой, предисл. И. И. Лаппо. Юрьев, 1929. С. 12, 16–21; Літопис Самовидця... С. 95.*

АМГ. Т. 3. № 684. С. 566; *Maron J.* Kampania zadnieprzańska Jana Kazimierza 1663–1664 // *Od armii komputowej do narodowej (XVI–XX w.)*. Toruń, 1998. S. 86–87.

См.: Таирова-Яковлева Г. Г. Иван Выговский... С. 253.

См.: Мыцык Ю. А. «Лггописец» Дворецких... С. 231.

*Соловьев С. М.* История России... Кн. 6. Т. 11. С. 158; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 54–55.



*Miege Guy. A Relation of Three Embassies from Charles II to the Great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark, Performed in the Years 1663 and 1664 by the Earle of Carlisle Etc.* London, 1669. P. 115–338 (между страницами 148 и 149 помещена гравюра с изображением царя Алексея Михайловича).

*Форстен Г В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. Май. С. 101–102; *Гордон П.* Дневник. 1659–1667... С. 146.

Посланный «за море» царский «комиссариус» и «резидент» Иван Гебдон пытался вовлечь амстердамских бурмистров в 1660/61 г. в дела посреднической торговли с Россией и имел полномочия договариваться о торговле смольчугом, поташем и пенькой. Впрочем, амстердамские «бурмистры» отказались дать «ефимки» займы. Причина была уважительной и состояла в строительстве ратуши — «Городового Статского двора», сами бурмистры не закрывали возможность продолжения переговоров о займе из городской казны после завершения строительства. См.: *Гурлянд И. Я.* Иван Гебдон. Комиссариус и резидент (Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века). Ярославль, 1903. С. 63–67.

*Витсен Николаас.* Путешествие в Московию... С. 97–99.

Вероятно, писарь литовский Андрей Котович, участвовавший затем в переговорах с московскими представителями. Визит был стремительный, 28 февраля польский посланник был уже «на отпуске» у царя. См.: ДР. Т. 3. Ст. 585, 588. *Wójcik Z.* Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 199; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина...С. 84-103.

*Витсен Николаас*. Путешествие в Московию... С. 131–132, 157–158.

*Форстен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. Июнь. С. 321–326; Русско-шведские экономические отношения... № 184–185. С. 292–304; *Селин А. А.* Русско-шведская граница... С. 336–338.

Цит. по: *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 56–57.



*Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 10–12. Считается, что Котошихин бежал в Польшу «в конце лета» 1664 г.; шведский резидент Эбере узнал о побеге некого писца в Польшу с «секретными документами» и сообщил об этом в своем донесении уже 12 августа: Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. Май. С. 100. См. также: Соловьев С. М. История России. Кн. 6. Т. 11. С. 160–162.*

Витебская старина. Вып. 4. Приложения. С. 230; *Гордон П.* Дневник. 1659–1667... С. 147; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1901. Кн. 12. С. 40; *Ляпин Д. А.* Русская армия в последние годы войны с Речью Посполитой 1654–1667 гг. *Ц Ляпин Д. А.* Ритуалы власти: Очерки социально-политической истории раннего нового времени. М., 2014. Приложения. С. 278–286; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 79.

*Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нашокина... С. 116–118, 122–123, 125–126, 132–138; *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 202–203, 205–210.

*Соловьев С. М. История России... Кн. 6. Т. 11. С. 139.*

См.: Романовский В. А. Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967. С. 38–41. Книга представляет собой публикацию одной из глав более подробного исследования основателя ставропольской исторической школы профессора Виктора Александровича Романовского «Очерки по истории государственного хозяйства Украины XVII века», написанного в 1960-е гг. В настоящее время рукопись хранится в Фонде редких книг Научной библиотеки Северо-Кавказского федерального университета в Ставрополе. Приношу благодарность директору библиотеки С. Г. Кыдревой за указание на этот труд.

*Соловьев С. М. История России... Кн. 6. Т. 11. С. 143.*

Переписні книги 1666 р. К., 1933; *Романовский В. А.* Перепись населения Левобережной Украины 1666 года... С. 3–6.

*Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники Малороссийской истории. Ч. 1. 1649–1687. М., 1858. С. 139–154, 166–178. Документы, относящиеся к приезду гетмана И. М. Брюховецкого в Москву и пожалования его боярским чином, опубликованы также в СГГид и ПСЗ.



*Романовский В. А.* Перепись населения Левобережной Украины 1666 года... С. 41.

В Архиве древних актов в Варшаве сохранилась грамота об этом царя Алексея Михайловича королю Яну Казимиру от 26 октября 1665 г.: *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 209–210.*

*Маркевич А. И.* Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве. Одесса, 1895. С. 24; *Конреева Т. Н.* Неизвестная записка А. Л. Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII века... С. 217–218; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 118, 128–129; *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 197–199.

*Гордон П. Дневник. 1659–1667... С. 156–157.*

Например, в 1658/59 г. пытались договориться с английским генералом Шарлусом Ергартом (Чарлзом Джерардом) и поручить нанять ему целых три полка — два рейтарских и один солдатский, не считая инженеров и других военных специалистов. См.: Гурлянд И. Я. Иван Гебдон. Комиссариус и резидент... С. 37–46. Малов А. В. Русско-шведская война 1656–1658 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 134–138, 140–147; Ноздрин О. Я. Кавалеры и генералы. Дело о царском полководце и шести тысячах золотых // Родина. 2006. № 11. С. 94–96.

См.: *Форстен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1898. Июнь. С. 331; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 122–123, 129, 139.

См.: подробнее: *Галактионов И. В.* Из истории русско-польского сближения в 50—60-х гг. XVII в. Саратов, 1960; *он же.* Россия и Речь Посполитая на заключительном этапе русско-польской войны третьей четверти XVII века // *Славянский сборник.* Вып. 5. Саратов, 1993. С. 31–61; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа... С. 142–195; *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 232–256.

ПСЗ. Т. 1. № 398. С. 656–669; Витебская старина. Т. 4. № 77–78. С. 260–261; *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.



*Соловьев С. М. История России... Кн. 6. Т. 11. С. 181.*

*Трёбст Штефан.* Судьбоносный 1667 год? К дебатам о «прорыве в Новое время» Московского централизованного государства // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 54–72.

Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Объяснительные примечания к рисункам составлены Ф. Аделунгом, вновь просмотрены и дополнены А. М. Ловягиным. СПб., 1903. С. 113–114.

ПСЗ. Т. 1. № 400. С. 670; № 404. С. 674. Патрик Гордон писал, что уже к началу июля 1667 г. «уволили свыше 200 иноземных офицеров»: *Гордон П.* Дневник. 1659–1667. Приложения. С. 211.

ПСЗ. Т. 1. № 420. С. 728; ДАИ. Т. 5. № 44–45. С. 210–211; Витебская старина. Ч. 4. С. 262–263.

См.: *Эйнгорн В. О.* Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу//ЖМНП. 1897. Ноябрь. С. 92–176.

ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. № 1. С. 1–2.

ПСЗ. Т. 1. № 408. С. 677–691; Новоторговый устав // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 133; *Андреев А. И.* Новоторговый устав // Исторические записки. М., 1942. Т. 13. С. 303–307; *Чистякова Е. В.* Новоторговый устав // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 102–126.



*Гордон П. Дневник. 1659–1667. Приложения... С. 211, 214, 216.*

См.: ПСЗ. Т. 1. № 409–410. С. 692–697; Армяно-русские отношения в XVII веке. Сб. документов / Подг. В. А. Парсамян, В. К. Восканян, С. А. Тер-Авакимова. Ереван, 1953. Т. 1. № 5. С. 24–32; № 6. С. 34–41; № 10. С. 44–64.

См.: *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 278–279.

ДАИ. Т. 5. № 46. С. 211. См. также: Артамонов В. А. Деди-ново и Каспийская доктрина России // Дединовский сборник. Вып. 1. 2007. С. 45–55. Со временем вокруг строительства «Дединовской флотилии» и ее дальнейшей судьбы появились разнообразные мифы. См. подробнее: Гузевич Д. Ю. Корабль «Орел»: голландские мастера, судьба, мифы, или «Карабль да полукорабелье» в Кутумовой реке (1667/69—1679) // Россия — Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V международного Петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года. СПб., 2014. С. 221–243.

*Гордон П. Дневник. 1659–1667. Приложения. С. 211.*

См. «статейный список» посольства И. А. Желябужского: ПДС. Т. 4. С 1661 по 1674 г. СПб., 1856. Ст. 561–674.

См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 196–217.

Ср. «статейный список» посольства Петра Потемкина в Францию в 1667 г.; от французской стороны требовалось написать царский титул «сполна», так как было написано в грамотах, отправленных с послами: Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М., 2008 (Репринт изд. 1954 г.). С. 253, 256–257, 263, 268–269.



В публикации ПСЗ ошибочно написано «пазвоктях» вместо «пазноктях»: ПСЗ. Т. 1. № 421. С. 737–738. См. также объяснение значения герба, включенное в «статейный список» посольства Василия Боуша «в запас», на случай, если его стали бы спрашивать: «для чего ныне его царского величества в печати над орлом три коруны с прочими изображениями». Документ был впервые опубликован в 1828 г. в «Собрании государственных грамот и договоров»; новейший публикатор посольской книги П. И. Прудовский прочел: «на перьех его изображения наследника», вместо «на персех»: См.: СГГид. Т. 4. № 57. С. 209; Посольская книга по связям России с Бранденбурге ко-Прусским государством... С. 239–240.

По этому поводу царевич был даже одет, как отец, в кафтан, однорядку и зипун «с камнями», снятыми с царского наряда; у царя Михаила Федоровича был «посох индейской с камнем меньшей», а у царевича — «индейской» резной посох «с камнем», с Казенного двора были взяты стулья — «с золотым атласом» для царя и «костяной» для царевича. См.: *Строев П. М. Выходы...* С. 106.

*Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 235.*

*Ильина М. Н.* Дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском. М., 2010. С. 4; *Топычканов А. В.* Иван Грозный и Алексей Тишайший. Диалог сквозь время. М., 2015. С. 44.

ПСЗ. Т. 1. № 415. С. 719, 722–724.

*Гордон П. Дневник. 1659–1667. Приложения. С. 213–214.*

СГГид. Ч. 4. № 61. С. 216–217; ПСЗ. Т. 1. № 415. С. 723; ДР. Т. 3. Ст. 660; *Гордон П.* Дневник. 1659–1667. Приложения. С. 214.

*Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. Т. 3: Материалы. М., 2003. С. 586–590.



*Строев П. М.* Выходы... С. 355, 370, 420.

См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1.4. 1. С. 255; Т. 3. Материалы. С. 592–593, 596–599. См. также: *Опись царской казны...* С. 135–148.

*Белокуров С. А.* Дневальные записки... С. 262–263; Описи архива разрядного приказа XVII в. / Подг. текста, вступ. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001; *Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2006. С. 4; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 65.

*Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... Т. 1. Ч. 1. С. 178–179.

Традиция идет от первой биографии А. Л. Ордина-Нащокина, опубликованной А. Ф. Малиновским вместе с другой работой об исторических основаниях русско-польского сближения. Появление этих работ сразу после Польского восстания 1831 г. является своеобразным откликом историка и архивиста на текущие политические события. В представлении А. Ф. Малиновского Ордин-Нащокин был первым канцлером в связи с поручением ему дополнительно к руководству Посольским приказом должности хранителя государственной печати. См.: Малиновский А. Ф. Биографические сведения о первом в России канцлере боярине Афанасии Лаврентьевиче Ордине-Нащокине // Труды и летописи Московского общества истории и древностей. М., 1833. Т. 6. С. 172. С тех пор упоминание А. Л. Ордина-Нащокина с «званием» канцлера стало общим местом в исторической литературе. См. напр.: Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 409, 435.

ДР. Т. 3. Ст. 727; *Коллинс Самуэль*. Нынешнее состояние России... С. 220; *Белокуров С. А.* Дневальные записки... С. 213; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века... С. 270; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 60.

*Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 256: Гордон П. Дневник. 1659–1667. Приложения. С. 214.*

Ради этого 20 сентября отправили навстречу воеводе Станиславу Казимиру Веневскому со товарищи к Смоленску стольника Семена Федоровича Толочанова «в приставех», демонстрируя новый характер дружественных отношений с Речью Посполитой. 23 сентября 1667 г. по памяти из Посольского приказа вместе со стряпчим Сытного дворца Алексеем Шепиловым были отпущены в Смоленск, Можайск и Вязьму для посольских столов белуги, осетры, стерляди, черная «паюсная» икра, а также несколько ведер романей и «французского» вина. См.: ДР. Т. 3. Ст. 665–666, 668–670; ДР. Т. 3. Доп. Ст. 399–400; Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 258.



ПСЗ. Т. 1. № 418. С. 725–726; Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 267. См. также: Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 278.

ПСЗ. Т. 1. № 421. С. 737; ДР. Т. 3. Ст. 671–672, 674–675.

ДР. Т. 3.678–680. Витебская старина. Ч. 4. С. 380, 382–384.

ПДС. Т. 4. Ст. 662–666; Вести-куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.... С. 245.

*Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 272–273.

Сначала даже пытались как-то неуклюже оправдать их службы, говоря об отсутствии именного царского указа: якобы «кто поспел, те и принели и держали шапку, и скипетр и блюдо». Но нелепость подобной версии была очевидна (есть и другие известия о церемониях в храме, когда кравчий князь П. С. Урусов принимал царскую «шапку»), поэтому об этом просто решили «не писать» и зачеркнули уже вставленный текст о небывалом «соревновании» кравчего и ближних стольников. Подробное описание церемонии подтверждения Андрусовского перемирия содержится и в дополнениях к «Дворцовым разрядам», в ней, например, сказано, что боярин князь Никита Иванович Одоевский, приняв королевскую грамоту, положил ее под Евангелие, и указано другое имя державшего «мису» стольника Петра Савельевича Хитрово. Правда, основной акцент в тексте о приеме польских послов, опубликованном в виде дополнения к «Дворцовым разрядам», сделан на описании украшений Грановитой палаты и других помещений дворца, а также подробностях посольского пира. См.: ДР. Т. 3. Ст. 686–691; ДР. Т. 3. Доп. Ст. 407–426. Составитель «Дневальных записок» Тайного приказа, напротив, так и оставил незаполненным описание участия царя в подтверждении Андрусовского перемирия во вторник 12 ноября 1667 г., хотя для этого были специально оставлены пустые листы. См.: Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 265.

Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. Итальянские и латинские подлинники с русским переводом гр. М. Д. Бутурлина. В 2 ч. М., 1871. Ч. 2. С. 413–414.

ДР. Т. 3. Ст. 697–698; «Чиновный список» посольских столов и разных выдач польским послам «от приезда их до отпуска» в 1667 г. составлен по указу в Приказ Большого дворца 21 ноября 1671 г. См.: ДР. Т. 3. Доп. Ст. 397–398.



ДР. Т. 3. Доп. Ст. 437–441; Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 266–267. Патрик Гордон знал, что польские послы после «отпуска» получили еще «частную аудиенцию наверху у Его величества», но неверно датировал ее 3 декабря. См.: Гордон П. Дневник. 1659–1667. Приложения. С. 216.

На надгробии из некрополя Вознесенского монастыря написано, что она умерла «лета 7176 года ноября в 28 день в среду в пятом часу ночи... и погребена в 29 день». См.: *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля... С. 42.

См.: Шмурло Е. Ф. Русская кандидатура на польский престол в 1667–1669 годах// Сборник статей, поев. П. Н. Милюкову. 1859–1929. Прага, 1929. С. 268–269; Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 380–382.

ПСЗ. Т. 1. № 398. С. 665. Изучение истории принятия московского договора позволяет исправить неточность, существующую со времен его публикации в «Полном собрании законов», где он ошибочно датируется 14 декабря, вместо 4 декабря.

Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг.... С. 299.

Вести-куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.... С. 246.

Как показал Юрий Николаевич Беспятых, где-то в это время среди жителей Мещанской слободы, возможно, появляются пленные литовские шляхтичи Менжики, а их род потом продолжит «светлейший князь» Александр Данилович Меншиков. *Беспятых Ю. Н. Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность.* СПб., 2008. С. 170–177. Об истории создания, функционирования и управления Мещанской слободой см.: *Богоявленский С. К. Управление Мещанской слободой и слободское самоуправление // Богоявленский С. К. Московский приказный аппараты делопроизводство XVI–XVII веков.* М., 2006. С. 438–483.

ПСЗ. Т. 1. № 420. С. 727–734; ДАИ. Т. 5. № 46. С. 211; *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. Варшава, 1913. Т. 1 (Текст исследования). С. 150–152. Т. 2 (Приложения к исследованию). С. 8.



ДР. Т. 3. Ст. 738, 746–747.

*Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 277–278.*

ДР. Т. 3. Ст. 754–755. Сведения о месте погребения боярина Ильи Даниловича Милославского разнятся: с одной стороны, называется церковь Николы на Столпах, в приходе которой давно располагался двор Милославских и где позднее хоронили других бояр — представителей этого рода, с другой — Троицкий Рождества Богородицы Оптин монастырь неподалеку от Волхова, где также были родовые вотчины Милославских. Обращает на себя внимание, что и новый храм Николы на Столпах, и Троицкий собор в Волховском монастыре построены в 1669 г., видимо, после смерти боярина И. Д. Милославского. В любом случае показательно, что владелец дворца в Кремле и отец царицы не удостоился почетного погребения в одном из кремлевских монастырей, как его зять Борис Иванович Морозов и еще его одна дочь Анна Ильинична Морозова.

*Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 279; Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 421.*

Вести-куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.... С. 280.

Сюжет с несостоявшимся съездом в Курляндии в 1668 г. подробно рассмотрен в последней главе книги Б. Н. Флори, посвященной анализу участия А. Л. Ордина-Нащокина в реализации внешней политики царя Алексея Михайловича в 1660-х гг.: *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 418–429.

Московские послы думный дворянин и кадомский наместник Богдан Иванович Нащокин и дьяк Григорий Богданов, присутствовавшие при таком же подтверждении на Евангелии королем Яном Казимиром договора с Речью Посполитой, были по возвращении на приеме «у руки» царя Алексея Михайловича 20 февраля 1668 г. См.: ДР. Т. 3. Ст. 722

До этого состоялись обсуждения «пунктов» магнатов во главе с литовским канцлером Христофором Пацем, на которых бы они согласились на избрание царевича, и там речь шла о переходе царевича в католичество, возвращении земель, полученных по Андрусовскому перемирию, немедленной посылке войска, огромных выплатах из московской казны. См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 395–396, 406–417; *он же.* О русской кандидатуре на элекции 1668–1669 гг. // *Studia Polonica.* К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002. С. 24–30.



ДР. Т. 3. Ст. 746–747.

*Малиновский А. Ф.* Биографические сведения о первом в России канцлере боярине Афанасии Лаврентьевиче Ордине-Нащокине... С. 183–184. См. также: *Галактионов И. В., Чистякова Е. В.* А. Л. Ордин-Нащокин. Русский дипломат XVII в. М., 1961; «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989; *Постников А. Б.* Добрый человек старой Руси А. Л. Ордин-Нащокин: его иноческое житие и благотворительная деятельность в Пскове в 1670-е годы. Псков, 2010. (См. также новую биографию А. Л. Ордина-Нащокина в серии «ЖЗЛ»: *Лопатников В. А.* Ордин-Нащокин. М., 2017.)

+++++О сложностях становления московского воеводского управления в городах Войска Запорожского см.: *Алмазов А. С.* Российские воеводы в Гетманщине во второй половине XVII в.: Степень изученности темы и нерешенные проблемы // Исторический вестник. Россия и Украина XVII–XX вв. Т. 16 (163). Октябрь 2016. С. 24–47.

АЮЗР. Т.6.СП6., 1869. № 60. С. 173–176.

Там же. № 62. С. 178–207. См. также наказ стольнику Василию Петровичу Кикину 5 мая 1667 г.: Синбирский сборник... № 27. С. 74–76; *Лаврентьев А. В.* Жалованный ковш дьяку Сидору Скворцову. 1668 г. // *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 129–136.

Письмо Григория Дорошенко брату планировалось передать с доверенными людьми от вселенских патриархов в июле 1667 г. См.: АЮЗР. Т. 6 № 65. С. 213–214; № 66. С. 216.

ПСЗ. Т. 1.С. 728–730.

АЮЗР. Т. 7. № 3–4. С. 4–6; *Соловьев С. М.* История России. Кн. 6. Т. 12. С. 372; *Эйнгорн В. О.* Очерки из истории Малороссии в XVII в. I. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899. С. 429.



См. грамоту 18 февраля 1668 г. об этом: ПСЗ. Т. 1. № 426. С. 740; АЮЗР. Т. 7. № 12. С. 33; № 18. С. 47; № 34. С. 88; *Соловьев С. М.* История России. Кн. 6. Т. 12. С. 355–357; *Флоря Б. И.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 306–309.

ДР. Т. 3. Ст. 716–726, 742, 747–753; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя... С. 507–514.

АЮЗР. Т. 7. № 34. С. 93; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века... С. 101.

*Соловьев С. М.* История России... Кн. 6. Т. 12. С. 358–360;  
*Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами во второй  
половине XVII века... С. 101–102; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая  
программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 310–320.

Цит. по: *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина... С. 394–395.

См.: ДР. Т. 3. Ст. 817; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века... С. 102; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя... С. 511–513.

ДР. Т. 3. Ст. 818.

Там же. Ст. 821–827; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя... С. 507.



ПСЗ. Т. 1. № 456. С. 827; ДР. Т. 3. Ст. 826–828; АЮЗР. Т. 7. № 30. С. 64–66; № 34. С. 94; *Соловьев С. М.* История России. Кн. 6. Т. 12. С. 364. См. также: *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа... С. 328–329, 335–336, 338–339, 344–345.

АЮЗР. Т. 7. № 34. С. 95.

ПСЗ. Т. 1. № 439. С. 761–762. Ратные люди выборных солдатских полков отходили из Чернигова к Путивлю еще около 11 декабря 1668 г. См.: АЮЗР. Т. 7. № 34. С. 94–95; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя... С. 513.

Глуховский договор «стабилизировал внутреннюю ситуацию в Гетманщине» и подтверждался в 1672, 1674 и 1687 гг. См.: СГГид. Т. 4. № 67. С. 227–248; ПСЗ. Т. 1. № 447. С. 804–822; *Соловьев С. М.* История России. Кн. 6. Т. 12. С. 376; *Баранова О. В.* Договоры Войска Запорожского с Россией и практика взаимоотношений сторон во второй половине 50-х — 70-е годы XVII века // Белоруссия и Украина... С. 59–62.

ПСЗ. Т. 1. № 444, 446. С. 803–804; *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля... С. 42–43.

Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. СПб., 1904. Т. 23. Ст. 982-1094.

ДР. Т. 3. Ст. 849–868; *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля...  
С. 43.

Дела Тайного приказа. Кн. 3. Ст. 7—12, 16—18, 34—36, 38—40, 44—45, 54—58, 82—83.



ПСЗ. Т. 1. № 448–450. С. 822–824; № 452–456. С. 825–827; *Седов П. В.*  
Закат Московского царства... С. 113.

Сказание об Успении пресвятым Богородицы, правленое царем Алексеем Михайловичем // Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 1—28.

*Строев П. М.* Выходы... С. 516, 518.

*Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 114.

П. П. Пекарский допустил распространенную ошибку при переводе дат юлианского календаря и не учел сентябрьское начало года; фактически смотр начался 28 ноября 1669-го, а не 1670 г., как сказано в заголовке публикации: *Пекарский П. П.* Список девиц, из которых в 1670 и 1671 годах выбирал себе супругу царь Алексей Михайлович // Известия Императорского Археологического общества. Т. 5. С. 1. Документ (с верной датой) был опубликован в XIX в. также И. Е. Забелиным: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2001. Т. 2. С. 252–253. Последняя научная публикация документа, сверенная с подлинником из архива Тайного приказа, осуществлена в приложении к исследованию американского профессора Рассела Мартина: *Martin Russel E.* A Bride for the Tsar... P. 250–253.

ПСЗ. Т. 1. № 460–462. С. 828; № 466. С. 833.

Цит. по: *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 114.

Записи разрядных книг за это время отсутствуют, «Церемониал» погребения царевича Алексея Алексеевича опубликован в «Полном собрании законов Российской империи». В нем дата смерти царевича чуть отличается: «в седьмом часу дня, во второй четверти того часа» 17 января. См.: ПСЗ. Т. 1. № 464. С. 829–830; *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля... С. 43.



П. В. Седов приводит сведения о серии рецептов, выданных окольничему Ф. М. Ртищеву в октябре — ноябре 1669 г. Не было ли это связано с лечением царевича? См.: Седов П. В. Закат Московского царства... С. 125.

И. Е. Забелин привел известие из документов Оружейной палаты о том, что в декабре 1669 г. в деревянные малые хоромы царя Алексея сшит был к окнам «завес в киндяке темно-зеленом, стеган на бумаге на оба лица». Возможно, речь шла не только о желании «лучше защититься от внешнего холодного воздуха»: *Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1.4. 1. М., 2000. С. 152.*

Учитывая, что отметка сделана карандашом или черными чернилами, скорее всего, она позднего происхождения. См.: *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 592–593; *Martin Russel E.* A Bride for the Tsar... P. 253.

См.: *Martin Russel E.* A Bride for the Tsar... P. 253.

В публикациях П. П. Пекарского и И. Е. Забелина ошибочно «Егакова» вместо «Еганова». См.: *Martin Russel E. A Bride for the Tsar...* Р. 253.

*Строев П. М.* Выходы... С. 525–526.

*Рейтенфельс Яков.* Сказания о Московии... С. 294–295; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 590–591; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 114–115, 118.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц... С. 253–257. В третьей челобитной царю Федору Алексеевичу в 179-м (1680/81) г. Артамон Матвеев писал: «А йя, холоп твой, от ненавидящих и завидящих при отце же твоём государеве великом государе не много не пострадал: такожде воры, составя письмо воровское подметное, кинули в грановитых сенях и в проходных, и хотели учинить Божией воле и отца твоего государева великого государя намерению, и к супружеству второму браку препону, а написали в письме *коренья*». См.: История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева... изданная Николаем Новиковым. 2-е изд. М., 1785. С. 162–163.



Перед самым смотром невест, 17 апреля 1670 г., от членов Государева двора также требовали «береженья» от огня и одновременно грозили дворянам опалой и разореньем, если их люди будут торговать вином. См.: ПСЗ. Т. 1. № 467–468. С. 833–834; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц... С. 257.

Цит. по: *Бушкович Пол.* Петр Великий... С. 67. См. также: *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 117; *Martin Russel E.* A Bride for the Tsar... P. 196–202.

Сложившаяся еще в начале XVIII в. легенда, известная мемуаристу князю Борису Ивановичу Куракину, была озвучена в XIX в. другим автором — князем Петром Долгоруким. Она принята даже в серьезной исторической литературе; например, П. В. Седов считает вполне допустимым получение Мусиным-Пушкиным чина окольничего в одиннадцатилетнем возрасте в 1682 г.: *Седов П. В. Закат Московского царства...* С. 113.

*Бушкович Пол.* Петр Великий... С. 63–64, 66.

Двор на Покровке в приходе церкви Николы Чудотворца «у Столпа» был куплен отцом — дьяком Сергеем Матвеевым. Впоследствии, уже по имени Артамона Матвеева, переулок, где располагался двор его отца, получил название Артемонова (ныне — Армянский). См.: Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881. Ст. 139; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 115, 118; *Шокарев С. Ю.* Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012. С. 77.

Недавно Николай Николаевич Петрухинцев обратил внимание на еще один малоизвестный факт давних «клиентельских» связей Артамона Матвеева с братьями Нарышкиными. В 1664 г. существовали планы создания особого рейтарского полка под командованием А. Матвеева, и среди тех, кто туда предварительно получил назначение, был «рейтарский ротмистр Кирил Полуехтов сын Нарышкин». См.: *Петрухинцев Н. Н.* Стрелецкий полковник Артамон Матвеев // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции.* 13–15 мая 2015 года. СПб., 2013. Ч. 3. С. 393–394, 402.

РГАДА. Ф. 135. Д. 327. Л. 5–6, 31; Д. 399. Л. 2; *Строев П. М.*  
Выходы... С. 540–541.

О Разине существует большое количество литературы, правда, «иссякнувшей» на рубеже 1980—1990-х гг. из-за отсутствия новых подходов к изучению так называемой «крестьянской войны», хотя потребность в осмыслении «разинской темы» с современных позиций остается. См., напр: *Чистякова Е. В., Соловьев В. М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988; *Соловьев Вл.* Анатомия бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994; *Никитин Н. И.* Разинское движение: взгляд из XXI в. М., 2017. Интерес для историографии изучения разинской войны представляют также книги, изданные в серии «ЖЗЛ», посвященные Степану Разину. Труд А. Н. Сахарова традиционен для 1970-х гг. и содержит общий очерк событий с элементами подражания художественному повествованию (описанием характеров, вымышленными диалогами, передачей внутренней речи героя). Переиздание биографии в 2010 г. не изменило концепции «великой Крестьянской войны», которой продолжает придерживаться А. Н. Сахаров (разве что слово «крестьянский» теперь написано со строчной буквы). Новый подход, с попыткой сместить акценты с традиционного описания событий на изучение мифологии, связанной с именем Степана Разина, продемонстрировала автор книги о Разине в серии «ЖЗЛ» М. Кузнецова, пишущая под псевдонимом Максим Чертанов. См.: *Сахаров А. Н.* Степан Разин. 2-е изд. М., 2010; *Чертанов М.* Степан Разин. М., 2016.



Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов / Сост. Е. А. Швецова. Т. 1. 1666 — июнь 1670. М., 1954; Т. 2. Август 1670 — январь 1671. Ч. 1: Массовое народное восстание в Поволжье и смежных областях. М., 1957; Ч. 2: Восстание на Юге и волнения в других областях Русского государства. М., 1959; Т. 3. Подавление восстания, казнь С. Разина и позднейшие отголоски движения (с января 1671 г.). М., 1962; Т. 4. Дополнительный. М., 1976. Многие проблемы освещения «правительственной документации» впервые в новейшей исторической литературе исследовал Виктор Иванович Буганов. См.: Буганов В. И. Разин и разинцы. Источниковедческое исследование. М., 1995. С. 186–287.

О донском казачестве и о взаимоотношениях московского правительства с Доном во времена Степана Разина см.: *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998.

*Андреев И. Л. Алексей Михайлович... С. 536.*

Известия об этом сохранились в записках голландского офицера Людвига Фабрициуса, попавшего в плен к разинцам около Черного Яра в 1670 г. См.: *Фабрициус Л. Записки // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 47.*

Крестьянская война... Т. 1. № 93. С. 124–125.

Как было, например, с самовольным походом атамана Василия Уса — будущего участника разинской войны, приходившего в 1666 г. на тульские и елецкие места. См.: *Чистякова Е. В.* Василий Ус — сподвижник Степана Разина. М., 1963; *Чистякова Е. В., Соловьев В. М.* Степан Разин и его соратники... С. 112–140.

Крестьянская война... Т. 3. № 77. С. 80; *Стрейс Я.* Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам: Копия с письма, писанного на корабле его царского величества под названием «Орел», стоявшем на якоре под городом Астраханью // *Московия и Европа*. М... 2000. С. 469–490; *Фабрициус Л.* Записки... С. 48, 50.

Крестьянская война... Т. 3. №. 103–105. С. 131–133, 146; *Фабрициус Л.* Записки... С. 48.



Исторических известий о знатных пленницах «княжеского» рода, «пропавших» в Персии, в источниках нет; можно только гадать, была ли на самом деле песенная «персидская княжна» или это плод литературного вымысла Стрейса, основанный на рассказах об удали атамана Степана Разина. Истории о княжне отдал дань и А. С. Пушкин в «Песнях о Стеньке Разине», написанных в 1824–1826 гг. См. подробнее: *Березкина С. В.* Историко-фольклорные источники «Песен о Стеньке Разине» А. С. Пушкина // *Русский фольклор*. Т. 30. Материалы и исследования. СПб., 1999. С. 176–185; *Чертанов М.* Степан Разин. С. 155–158. Кроме того, этот сюжет является традиционным для исследователей фольклора. См.: *Лозанова А. Н.* Народные песни о Степане Разине. Историко-литературное исследование и тексты. Саратов, 1928; *Неклюдов С. Ю.* Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М., 2016.

Крестьянская война... Т. 3. № 105. С. 134; № 106. С. 134–156; № ЦО. С. 161–162; № Ц2. С. 164–165; № 175. С. 235–236.

Там же. № 111. С. 162–164. О мотиве венчания «вкруг ракитова куста» или вербы у донских казаков см.: *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья... С. 451.

Крестьянская война... Т. 1. № 122–123. С. 174–175; Т. 3. № 113. С. 165–166; № 118. С. 171. См. также: *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя... С. 528–533.

Слова сохранились в расспросных речах астраханца Лариона по сыску, учиненному после освобождения Астрахани в 1672 г.; важность сказанного им подтверждается отсылкой Лариона с женой в Москву: Крестьянская война... Т. 3. № 232. С. 261.

Там же. № 77. С. 80–81; № 295. С. 372–373, 419 (комментарий к документу); *Костомаров Н. И.* Бунт Стеньки Разина // *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. СПб., 1903. Кн. 1. Т. 2. С. 480–481. См. подробнее: *Андреев И. Л.* Как казаки патриарха Никона бунтовать подбивали // *Исторический вестник. История — свидетельница времен.* Т. 9 [156]. Сентябрь 2014. С. 6—28; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 95–97.

Крестьянская война... Т. 2. Ч. 1. № 22. С. 31; № 34. С. 47–48; № 41. С. 54–55; № 57. С. 69.

Там же. № 2. С. 7–10; № 16. С. 23–24; № 17. С. 24; № 19. С. 26–28; № 26–27. С. 34–42; № 36. С. 49–51; № 46–47. С. 59–60; № 53. С. 65; № 61. С. 72–73; № 67. С. 78–80; Крестьянская война... Т. 2. Ч. 2. № 16. С. 21–22; № 33. С. 42–43. В. И. Буганов, справедливо указывая, что термин «прелестное письмо» отражал правительственный взгляд на события, предлагал называть такие документы «прокламациями», но позднее стал говорить о грамотах, воззваниях и «памятях» восставших. См.: Буганов В. И. Прокламации С. Т. Разина и его сподвижников — памятник идеологической борьбы в годы второй Крестьянской войны в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 291–292; он же. Разин и разинцы... С. 12–28.



О боях под Симбирском известно из воеводской отписки окольного князя Юрия Никитича Барятинского, приславшего отчет главному воеводе — кравчему князю Урусову, а тот переслал эти известия в Приказ Казанского дворца. См.: Крестьянская война... Т. 2. Ч. 1. № 118. С. 137–140. См. также: Малов А. В. Московские выборные полки... С. 536–537.

Крестьянская война... Т. 2. Ч. 1. № 119–121. С. 140–145; № 274. С. 336–337; № 306. С. 383–388.

Там же. № 293. С. 366–368; Т. 4. № 19. С. 18–19; Латухинская Степенная книга. 1676 год / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, А. В. Сиренов. М., 2012. С. 748–752; *Буганов В. И.* Разин и разинцы... С. 296–300; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя... С. 537–541; *Чистякова Е. В., Соловьев В. М.* Разин и разинцы на мордовской земле. Саранск, 1986.

Крестьянская война... Т. 2. Ч. 2. № 67. С. 81–83; № 70. С. 86–88; № 71. С. 89; № 98. С. 132–133. № 104. С. 141–144.

Там же. Т. 2. Ч. 1. № 421. С. 545; Т. 2. Ч. 2. № 74. С. 94–95; № 77. С. 98–102; Т. 3. № 1. С. 5–6; № 291. С. 365; № 318. С. 392–393; *Строев П. М.* Выходы... С. 545.

Крестьянская война... Т. 3. № 52. С. 59; № 54. С. 60–61; № 71–73. С. 76–77; № 291. С. 365; *Строев П. М.* Выходы... С. 551–552.

Сходно описывал въезд Разина живший в Москве стряпчий вологодского архиерея Акинфий Горяйнов: «А в город он везен: зделана ларь на четырех колесах, а по краям поставлены два столба да поперешное бревно, да над головою ево другое поперешное бревно; то он был на ларь поставлен, чтобы всякому видно было, а к бревнам и столбам был прикован. А брат ево был прикован к ларе на чепях, а шол пеш, а ноги скованы». См.: Крестьянская война... Т. 4. № 66. С. 61; Записки иностранцев о восстании Степана Разина... С. 130. *Рейтенфельс Яков*. Сказания о Московии... С. 327.

Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования / Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1975. С. 74, 79; Крестьянская война... Т. 3. № 81. С. 83–87; № 85. С. 94; № 90. С. 97; № 153. С. 170; № 291. С. 366. *Рейтенфельс Яков*. Сказания о Московии... С. 327. Сообщение о захоронении останков Степана Разина сохранилось в Летописном сказании астраханского митрополичьего сына боярского Петра Золотарева, составленном в последней четверти XVII в.: «Труп же его всескверный за Земляным градом близ Татарских кладбищ в землю зарыт». По локализации, проведенной С. М. Каштановым, место прежнего Старого Татарского кладбища, просуществовавшего до второй половины XVIII в., находится на территории ЦПКиО им. А. М. Горького в Москве. См.: *Мильготина Л. З.* Труд П. И. Рычкова о восстании под предводительством Степана Разина // История и историки. Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 396, прим. 90; *Каштанов С. М.* Еще раз о месте захоронения останков Степана Разина // История: научно-образовательный журнал. 2014. Т. 5. Вып. 8 (31) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000927-8-1>



Крестьянская война... Т. 3. № 166. С. 181–185; *Мильготина Л. З.* Труд П. И. Рычкова о восстании под предводительством Степана Разина... С. 391.

*Longworth Philip.* Alexis, Tsar of All the Russias. London, 1984. P. 203.

История о невинном заточении... С. X–XII, 38, 42, 72, 75–76; Дворцовые разряды... Т. 3. Ст. 887; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века... С. 39; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 369–370; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 123–126.

Профессор Пол Бушкович писал об отсутствии «партии» Нарышкиных до воцарения царя Федора Алексеевича, но П. В. Седов убедительно показал начало борьбы между двумя придворными кланами Милославских и Нарышкиных во времена возвышения Артамона Матвеева. См.: *Бушкович П. Петр Великий...* С. 69–80 (параграф «Матвеев у власти»); *Седов П. В. Закат Московского царства...* С. 131–149 (параграф «Временщик А. С. Матвеев и бояре»).

П. В. Седов обратил внимание на четвертый брак Артамона Матвеева, что также могло стать источником недовольства главы церкви. См.: *Седов П. В. Закат Московского царства...* С. 83–84.

Житие боярыни Морозовой... // Библиотека литературы Древней Руси. XVII век. Т. 17. С. 260; *Кожурин К. Я.* Боярыня Морозова. М., 2012. С. 280–281; *Панченко А. М.* Боярыня Морозова — символ и личность // Повесть о боярыне Морозовой. М., 1991. С. 15; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 155–174.

История о невинном заточении... С. 213; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 542; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 135, 167.

Пьеса «Артаксерксово действо» долгое время считалась утраченной, но была разыскана и опубликована в 1950-х гг., когда одновременно нашлись два ее списка — один в Лионе, а другой — в Вологде. См.: Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. / Подг. текста, ст. и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957. С. 41–42, 126. См. также книги из серии «Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в.»: Первые пьесы русского театра. М., 1972; Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972.



Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собранные С. К. Богоявленским. М., 1914. С. IV (Отд. отт. Из ЧОИДР. 1914. Кн. 2); Топычканов А., Шамин С. Перформативная культура российского двора XVII в.: литургические действия, выступления скоморохов и артистов, театр //Российская история. 2016. № 6. С. 97—111; *Claudia Jensen, Ingrid Maier*. Orpheus and Pickleherring in the Kremlin: The «Ballet» for the Tsar of February 1672, *Scando-Slavica*, 59:2 (2013), 145–184; *Claudia Jensen, Ingrid Maier*. Pickleherring Returns to the Kremlin: More New Sources on the Pre-History of the Russian Court Theatre, *Scando-Slavica*, 61:1 (2015), 7—56; Джensen Клаудия, Майер Ингрид. Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М., 2016.

История о невинном заточении... С. 38–39; Книга об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича. М., 1856; Книга об избрании на превысочайший престол Великого Российского царствия великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея Великия России самодержца. Рукопись. Комментарии. Текст. М., 2014; Царский титулярник. М., 2007. Кн. 1: Титулярник 1672 г.; Кн. 2: Тексты, исследования, комментарии / Под общ. ред. Ю. М. Эскина. 2007.

См.: Белоброва О. А. К изучению «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. 30. С. 307–317; Белоброва О. А. Николай Гаврилович Спафарий (Милеску) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И-О. СПб., 1993. С. 392–400.

«Родословие пресветлейших и велможнейших великих московских князей и прочия всеа Росии непобедимых монархов», составленное австрийским герольдмейстером Лаврентием Хуреличем // РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище. Д. 403. Л. 32. См. электронную копию рукописи на сайте: [http:// rgada.info](http://rgada.info)

Основные документальные материалы о книгописной деятельности в Посольском приказе в 1670-х гг. см.: ДАИ. Т. 6. СПб., 1857. № 43. С. 188–200; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179–244; Лукичев М. П. «Титулярник» — Большая Государственная книга 1672 г. // Лукичев М. 77. Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 399–418. Статья М. П. Лукичева опубликована также в новейшем издании «Титулярника» (М., 2007).

Орленко С. 77. «Книга о избрании... Михаила Феодоровича»: ее создание в Посольском приказе 1672–1673 гг. и ее создатели // Наше наследие. 2013. № 106. См.: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10602.php>

СГГид. М., 1828. Т. 4. № 91. С. 297. См. также: *Попов А.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 годах. Несколько лет из истории отношений Древней России к Европейским державам. СПб., 1854. С. 20–49; *Флоря Б. Н.* Россия и элекция в Речи Посполитой 1674 года// Средние века. 2015. Вып. 76(1–2). С. 269–290

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 500. Ст. 6. Л. 85. См. похожие варианты «речи» царя Алексея Михайловича, опубликованные в «Собрании государственных грамот и договоров» и в «Полном собрании законов»: СГГид. Т. 4. № 97. С. 317; ПСЗ. Т. 1. № 586. С. 987. Ср. также: ДР. Т. 3. Ст. 973–980.



ДР. Т. 3. Ст. 985, 991–992. В связи с изменившимся содержанием разрядных книг высказывались предположения об изменении их жанра. См.: *Петров К. В.* Разрядная книга 7183 (1674–1675) г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. СПб., 2000. Т. 27. С. 180–190

ДР. Т. З. Ст. 1019–1023; *Усенко О.* Царевич Симеон из Запорожья // Родина. 2006. № 9. С. 31–38; *Перри М.* Казаки и государство в России и на Украине в XVII в.: народ и власть на южном порубежье // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 19–20

ДР. Т. 3. Ст. 1059–1070, 1080–1081, 1147; *Строев П. М.* Выходы... С. 584; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 139–140.

ДР. Т. 3. Ст. 1131–1132; Московский театр при царях Алексее и Петре... С. III–XII; Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.... С. 91

*Лизек А.* Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю московскому Алексею Михайловичу в 1675 году//ЖМНП. 1837. Ч. 16. № 11. Отд. 2. С. 356. См. также: *Богословский М. М.* Петр Великий. Материалы для биографии. М., 2005. Т. 1. С. 25–26; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 184–189

История о невинном заточении... С. 200; ДР. Т. 3. Ст. 1419–1420; *Седов*  
*П. В.* Закат Московского царства... С. 186–187.

*Косиненко Н. И.* Первая Русско-турецкая семилетняя война: Чигиринские походы, 1677–1678 гг. СПб., 1911. С. 8; *Загоровский В. П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 76–86.; *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 108–147; *Кривоченков Р. С.* Развитие русского военного дела в конце 60-х — начале 80-х гг. XVII в. (на примере русско-турецкой войны 1672–1681 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2010. С. 13–14, 21–22.

Предложения по «одержанию» Киева, присланные митрополитом Иосифом Тукальским и архимандритом Иннокентием Гизелем 28 апреля 1669 года на посольский стан в Мигновичах, поступили в Тайный приказ, а далее были рассмотрены на совместном заседании царя и Боярской думы. См.: АЮЗР. СПб., 1877. Т. 9. № 2. Ст. 7—22. См.: *Эйнгорн В. О.* Отставка А. Л. Ордина-Нащокина... С. 104–117; *Бушкович П.* Россия и Украинское гетманство в 1653–1725 годах... С. 75–76; *Флоря Б. Н.* Борьба киевского духовенства за права православных в Речи Посполитой в первые годы после заключения Андрусовского мирного договора // Вестник церковной истории. 2014. № 1–2. С. 129–148.



История о невинном заточении... С. 62–63; ПСЗ. Т. 1. № 513. С. 878–882; ДР. Т. 3. Ст. 883–884; АЮЗР. Т. 9. № 78. Ст. 312–313; *Соловьев С. М.* История России... Кн. 6. Т. 12. С. 389–394; *Санин Г. А.* Русско-польские отношения 1667–1672 гг. и крымско-турецкая политика в Восточной Европе // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 284–285; *Флоря Б. Н.* Посольство И. И. Чаадаева в Речь Посполитую (1671 г.) и судьба русско-польского союза // Исторический вестник. 2013. № 6. С. 9–12; *Wójcik Z.* Między traktatem Andrusowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie. 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 296–299; *Skarby Kremla.* Dary Rzeczypospolitej Obojoga Narodów. Warszawa, 1998. S. 27,41.

ПСЗ. Т. 1. № 519. С. 588–599; АЮЗР. Т. 9. № 167. С. 872; № 176–177. Ст. 902–916; *Соловьев С. М.* История России... Кн. 6. Т. 12. С. 407–424; *Алмазов А. С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. 2011; *он же.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012; *Баранова О. В.* Договоры Войска Запорожского с Россией и практика взаимоотношений сторон во второй половине 50-х — 70-е годы XVII века... С. 62–64.

АЮЗР. Т. 9. № 90. Ст. 372–374; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Яншиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1. № 50. С. 79–80; *Селифонтов Н. И.* Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII в. В. А. Даудова. Приложения. № 55 // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1867–1870 гг.* СПб., 1871. Вып. 5. С. 88–89; *Соловьев С. М.* История России... Кн. 6. Т. 12. С. 395; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 2. С. 120–123; *Гухман С. Н.* «Выезд из службы из Персии стольника Василья Александровича Даудова» — литературный памятник конца XVII в. // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Л., 1989. Т. 42. С. 383; *Файзов С. Ф.* Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. (обзор боевых действий) // *Славянский сборник.* Саратов. 1993. Вып. 5. С. 99–101; *Чепухин А. Г.* Защита Приосколья во время русско-турецкой войны 1672–1681 гг. [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники.* 2016. Т. VIII. С. 49–51. (25.03.2016).

Текст Бучачского договора, датированный 17 октября 1672 г., был прислан почтой из Киева в Малороссийский приказ 24 марта 1674 г. См.: АЮЗР. СПб., 1879. Т. 11. № 63. Ст. 217–219. Однако по дневнику похода Яна Собеского, заключение договора относилось к 16 октября 1674 г. См.: *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / Zebrał i wydał Franciszek Kluczycki*. Kraków, 1881. Т. 1. Cz. 2. № 425. Ст. 1113–1114; Флоря Б. Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.)... С. 108–110.

Воевода князь Г. А. Козловский передавал расспросные речи своих лазутчиков, посланных для «проведывания вестей» после взятия Каменец-Подольского, поэтому приведенные сведения являются не свидетельством очевидцев, а отражают рассказы о судьбе завоеванного турками города, ходившие на Украине. См.: АЮЗР. Т. 11. № 31. Ст. 74–76.

ДАИ. Т. 6. № 64. С. 251–253; ПДС. Т. 4. Ст. 753–946; *Чарыков Н. В.* Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694). СПб., 1906; *Максимов Н. Н.* Идея антиосманского союза в практике русской дипломатии в начале 70-х годов XVII века (1672–1673) // *Славянский сборник. Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных славянских народов.* Саратов, 1990. Вып. 4. С. 54–81.

См.: ДАИ. Т. 6. № 138. С. 459, 462, 466, 476; *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 560; Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году / Пер. Г. М. Коваленко. М., 2012; *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617–1700 гг.) ... С. 342–343.

ПСЗ. Т. 1. № 547. С. 929–931; № 549. С. 932–933; № 552. С. 934–938. П. В. Седов, подробно охарактеризовавший наступление крупных землевладельцев на «заказные города» в 1670-е гг., рассматривает земельную политику в контексте придворной, а не военной истории, считая ее прежде всего отражением корыстных интересов знати. См.: *Седов П. В. Закат Московского царства...* С. 226–233.



АЮЗР. Т. 11. № 112–114. Ст. 371–381; № 116. Ст. 383–386; № 118. Ст. 387–402; № 126–128. Ст. 421–425; № 139. Ст. 454; ДР. Т. 3. Ст. 921; Dwa diariusze seymów warszawskich w r. 1674 odprawionych. Kraków, 1881.

СГГид. Т. 4. № 96. С. 396–397; Синопис или Краткое собрание от различных летописцов о начале Славенороссийского народа и первоначальных князех богоспасаемого града Киева... 5-е изд. Киев, 1836. С. 203–204 (Гл. ПО); АЮЗР. Т. 11. № 151. Ст. 506–508; № 160. Ст. 535–536; № 164–165. Ст. 541–546; № 169–170. Ст. 552–566; № 172. Ст. 576; № 178. Ст. 597; № 188. Ст. 630; *Таирова-Яковлева Т.* Мазепа... С. 26–31; *Флоря Б. Н.* Россия, Ян Собеский и гетман Михаил Пац в 1674–1675 гг. // *Древняя Русь*. 2015. Вып. 1. С. 6.

ДР. Т. 3. Ст. 984; АЮЗР. Т. 11. № 168. С. 549–551; № 188. Ст. 622–630; № 190. Ст. 636; № 194. С. 642–648; № 196. Ст. 651–652; № 202. Ст. 667–668; Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 313. Загоровский В. 77. Изюмская черта... С. 83–84; Изотова К. А. Русско-польские отношения во 2-й половине XVII века. Переговоры в Андрусово. 1674 г. (По материалам статейных списков русских послов) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. М., 2004. С. 150–164; Флоря Б. Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.)... С. 114, 117.

ПДС. Т. 4. Ст. 1121–1122, 1188, 1192, 1205, 1234.

Флоря Б. Н. Россия, Ян Собеский и гетман Михаил Пац в 1674–1675 гг. // Древняя Русь. 2015. Вып. 1. С. 5–8; *он же*. Наследник А. Л. Ордина-Нащокина (русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин и балтийский вопрос) // Древняя Русь. 2016. Вып. 1. С. 64–66; *он же*. Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // Древняя Русь. 2016. Вып. 3. С. 82–84.

*Попов А.* Русское посольство в Польше... С. 110–111; *Изотова К. А.* Русско-польские отношения во 2-й половине XVII века. Переговоры в Андрусово. 1674 г.... С. 160–161.

ПСЗ. Т. 1. № 602. С. 1004–1005; № 604–605. С. 1006–1007; ДР. Т. 3. Ст. 1244, 1246, 1380–1381, 1439, 1610

*Строев П. М.* Выходы государей... С. 598; *Дзамихов К. Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008. С. 324–325.



АЮЗР. Т. 12. СПб., 1882. № 48. Ст. 141–144, 146–147; № 50. Ст. 155; № 94. Ст. 273–279; № 134. Ст. 449–451; *Флоря Б. Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко... С. 85–87.

СГГид. Т. 4. № 96. С. 316; ПСЗ. Т. 1. № 613. С. 1014–1015; ДР. Т. 3. Ст. 1340–1341, 1361–1362; Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг. / Сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста, 2003; *Попов А.* Русское посольство... С. 121; *Максимов Н. Н.* Планы русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1672–1676) // *Славянский сборник.* Саратов, 1993. Вып. 5. С. 77–90; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века... С. 105–107; *Тепкеев В. Т.* Калмыки на защите южных рубежей Московского государства в XVII в. (Крымский поход К. М. Черкасского в 1675 г.) // *Участие калмыков в укреплении российской государственности. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности и году российской истории* (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста, 2012. С. 25–29; *он же.* Калмыцко-донские отношения в 1672–1675 гг. // *Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки* (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Ростов н/Д., 2014. С. 524–529; *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.)... С. 121.

История о невинном заточении... С. 70; ПСЗ. Т. 1. №. 607. С. 1007–1008; АЮЗР. Т. 12. № 48. Ст. 145.

ПСЗ. Т. 1. № 610. С. 1009–1014; *Бушкович П.* Петр Великий... С. 80; Приезд в Москву бранденбургского посла Христофора Георги: 1675 г. / Публ. *Болотина Н. Ю., Лантева Т. А.* // Исторический архив. 1998. № 1. С. 183–196; *Кобзарева Е. И.* Россия в Вестфальской системе 1648–1686 гг. // От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб., 2015. С. 99–101; *Флоря Б. Н.* Наследник А. Л. Ордина-Нащокина (русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин и балтийский вопрос)... С. 67–68.

ДР. Т. 3. Ст. 1419–1420. Кстати, продолжая разговор о «немецкой моде», сын боярина Матвеева не выполнил царского указа и не оставил своих увлечений иноземной культурой: «Из всех русских бояр и князей, у одного его сына, вопреки народному обычаю, растут на голове волосы, и он учится у иностранцев обхождению, языкам и разным наукам». *Лизек А.* Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда... С. 368

ПСЗ. Т. 1. № 611–612. С. 1014; № 615. С. 1020–1028.

СГГид. Т. 4. № 101–102. С. 328–332; Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 429.

Посольство Кунраада фан-Кленка... С. 383, 422, 430; *Форстен Г. В.* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века// ЖМНП. 1904. Сентябрь. С. 143.



Новгородский хронограф // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание... С. 323; Посольство Кунраада фан-Кленка... С. 431; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 606–610; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 193–196.

В архиве Разрядного приказа осталась записка о смерти царя Алексея Михайловича, где имеется еще один вариант приведенной формулы с упоминанием «жезла правления»: «а во время отшествия своего от мира сего к вечным обителем, скипетродержавство Православной Российский монархии и прочих подлежащих ей великих государств приказал и жезл правления вручил, и на свой царского величества престол благословил, сына своего государева благоверного и благочестиваго государя царевича и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии». См.: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. Д. 500. Ст. 6. Л. 8–9; ПСЗ. Т. 2. № 619. С. 1–3; № 624. С. 6–7; ДР. Т. 3. Ст. 1635–1640; Латухинская степенная книга... С. 758; *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля... С. 44.

Посольство Кунраада фан-Кленка... С. 432–434; *Щербачев Ю. Н.* Из донесений первого датского резидента в Москве. 1672–1676 // ЧОИДР. 1917. Кн. 2. С. 40–41; *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович... С. 612–613; *Седов П. В.* Закат Московского царства... С. 199–200.

ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1908. Ч. 1. С. 131, 318.

*Лизек А.* Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда... С. 381.

*Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. М., 1912. С. 288.

ДАИ. Т. 6. № 48. С. 205.

Урядник сокольничьего пути // Библиотека литературы Древней Руси.  
XVII век. Т. 17. С. 317–318.



*Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом... С. 72.*